Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (56)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2019

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (56). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 328 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (56)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2019

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 4 (56). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2019. – 328 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Pompella M., Costantino L. Fintech and blockchain based innovation: «uberization» of banks, in the context of financial intermediaries theory 9
Захарова С.Г., Салмина Н.А., Салмин П.С. Методика оценки качества управления субъектами малого предпринимательства в регионах на примере Нижегородской области 23
Ильин И.В., Беликов А.П., Гущев М.Е. Опыт повышения экономической безопасности в области оборота криптовалюты в Китае и Соединенных Штатах Америки 32
Мизиковский И.Е. Методологические средства управленческого учета расхода металла в кузнечно-штамповом производстве 37
Трофимов О.В., Захаров В.Я., Фролов В.Г. Экосистемы как способ организации взаимодействия предприятий производственной сферы и сферы услуг в условиях цифровизации 43
Федоткин М.А., Пройдакова Е.В., Эделева А.Н. Математические и инструментальные методы построения модели экономики функционирования больницы 56

Социологические науки

Гурко Т.А., Орлянский С.А., Тарченко В.С. Поведение и установки студентов в частной сфере 67
Захарова Л.Н., Леонова И.С., Махалин А.И. Социально-психологический возраст в трудовой деятельности 79
Иудин А.А., Ситникова И.В., Тюнтяев А.С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов 89
Sodeur W. Imputation of missing data in a network-panel with up to 8 waves 98
Теодорович М.Л., Софронова Ю.Л., Патокина Н.Н. Недобросовестные конкурентные практики в современной России: теоретический анализ социокультурных оснований 109
Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Развитие профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту 116
Шпилёв Д.А., Еремеева А.А. Роль женщин в сетях социальной поддержки осужденных мужчин 123
Григорьева И.А., Валешнев М.В., Кравцова В.Р., Свечинская К.В. Тема адюльтера в поисковых запросах в сети «Интернет» 131
Птицына Н.А., Маркова Е.К. Способы разрешения конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности руководителя социального учреждения: гендерный аспект 139
Мухаметзарипов И.А., Гибадуллина М.Р. Применение визуальных материалов в профилактике агрессии и экстремизма среди молодежи: зарубежный и отечественный опыт 146
Мутаев У.К. Проблемы социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов в российское общество 154
Тарченко В.С. Поведение и установки студентов в сфере сексуальных отношений 159
Косыгина К.Е. Российское добровольчество: тенденции и характеристики 165

Педагогические науки

Арпентьева М.Р., Худякова Т.Л., Токарь О.В., Шпаковская Е.Ю., Степанова О.П., Баженова Н.Г. Инклюзия и эксклюзия в образовании как показатели его культуры 175
Белова О.В., Лебедева О.В. Эффективность обучения физике студентов физического факультета и пути ее повышения 182
Лагунова М.В. Функции довузовской подготовки абитуриентов творческих специальностей как элемента системы выявления и развития молодых талантов 186
Ли А.С. Профессиональная образовательная организация как пространство формирования культуры безопасности 194
Митрофанов В.В. Учительская, краеведческая и архивная деятельность историка В.О. Эйнгорна 201
Шефер И.В., Садретдинова М.В. Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью: результаты регионального исследования 209

Интернационализация высшего образования

Акульшина А.В., Алиева Л.Р., Ушкова Н.Н. Признание периодов обучения: европейская практика и российские реалии 220
Алиева Л.Р., Зенченко С.В., Пенькова И.В. Влияние проекта Jean Monnet в сфере цифровой экономики на развитие образовательной среды СКФУ 229
Ануфриева Е.В., Бойко Г.В., Дулина Н.В. Возможна ли реализация гендерного подхода в социальной практике технического вуза? 235
Безруков А.Н. Разработка модуля «Smart Materials» на английском языке для интернационализации программ магистратуры 244
Борисова Е.В. Обеспечение успеха в образовательной деятельности иностранных студентов, обучающихся на основных факультетах 250
Васильева Е.В., Горбашко Е.А., Останина Е.В. Интернационализация туристского образования в России: опыт проектирования модели подготовки специалистов на основе отраслевой рамки квалификаций 257
Воеводина И.В., Королев К.Ю., Разуваева Т.А. Проблемы межкультурной коммуникации между Россией и Европой в контексте развития академической мобильности 263
Воздвиженская А.В., Ольховик Н.Г. Реформирование методических подходов к реализации иноязычной подготовки аспирантов в контексте интернационализации высшего медицинского образования 270
Газизулина Л.Р. Развитие мягких навыков в ходе иноязычной подготовки аспирантов 275
Добрынина Н.И., Бабушкина Е.В. Интернационализация университетов: опыт Финляндии при разработке стратегии интернационализации российских образовательных организаций высшего образования 280
Зиятдинова Ю.Н., Валеева Э.Э. Изучение культуры Евросоюза для подготовки магистрантов технического вуза к межкультурной профессиональной коммуникации 285
Кабахидзе Е.Л. Интернационализация образования: закат или возрождение? 291
Королев К.Ю., Ольховик Н.Г. Интернационализация российского медицинского образования: проблемы и пути их решения 304
Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Викторова А.О. Основные векторы развития высшего образования: международная перспектива 311
Щипанова Д.Е., Копнов В.А. Актуальные подходы к проектированию программ подготовки кадров высшей квалификации в контексте интернационализации образования 321

CONTENTS

Economic sciences

Pompella M., Costantino L. Fintech and Blockchain based innovation: «uberization» of banks in the context of financial intermediaries theory 9
Zakharova S.G., Salmina N.A., Salmin P.S. Method for assessing the quality of managing small entrepreneurship subjects in the regions (case study of the Nizhny Novgorod region) 23
Ilyin I.V., Belikov A.P., Gushchev M.E. Experience in improving economic security in the field of cryptocurrency turnover in China and the United States of America 32
Mizikovsky I.E. Methodological tools for managerial accounting of metal consumption in die forging 37
Trofimov O.V., Frolov V.G., Zakharov V.Ya. Ecosystems as a method of organizing the interaction of the production and services sectors in the context of digitalization 43
Fedotkin M.A., Proydakova E.V., Edeleva A.N. Mathematical and instrumental methods for constructing an economic model of hospital functioning 56

Sociological sciences

Gurko T.A., Orlyansky S.A., Tarchenko V.S. Students' behavior and attitudes in the private sphere 67
Zakharova L.N., Leonova I.S., Makhalin A.I. Socio-psychological age in labor activities 79
Iudin A.A., Sitnikova I.V., Tyuntyaev A.S. Influence of value orientations on university applicants'choice of future profession 89
Sodeur W. Imputation of missing data in a network-panel with up to 8 waves 98
Teodorovich M.L., Sofronova Yu.L., Patokina N.N. Unfair competitive practices in modern Russia: theoretical analysis of socio-cultural grounds 109
Bychenko Yu.G., Balandina T.M. Development of professional potential of the military personnel performing their contractual military service 116
Shpilev D.A., Eremeeva A.A. The role of women in the network of social support for convicted men 123
Grigoryeva I.A., Valeshnev M.V., Kravtsova V.R., Svechinskaya K.V. The topic of adultery in Internet search queries 131
Ptitsyna N.A., Markova E.K. Ways of solving conflict situations in professional activities of social service department managers: the gender aspect 139
Mukhametzaripov I.A., Gibadullina M.R. Application of visual materials in prevention of aggression and extremism among young people: foreign and domestic experience 146
Mutaev U.K. Problems of social adaptation and integration of migrant children in Russian society 154
Tarchenko V.S. Students' sexual behavior: a sociological analysis 159
Kosygina K.E. Russian volunteering: trends and characteristics 165

Pedagogical sciences

Arpentieva M.R., Khudyakova T.L., Tokar O.V., Shpakovskaya E.Yu., Stepanova O.P., Bazhenova N.G. Inclusion and exclusion in education as indicators of its culture 175
Belova O.V., Lebedeva O.V. Effectiveness of teaching physics to Faculty of Physics students and ways to improve it 182
Lagunova M.V. Functions of pre-university training of applicants for creative specialties as an element of the system for identifying and developing young talents 186
Li A.S. Professional educational organization as a space for the development of safety culture 194
Mitrofanov V.V. Teaching, local history and archival activities of the historian V.O. Eingorn 201
Shefer I.V., Sadretdinova M.V. Teachers' satisfaction with their professional activities: results of a regional study 209

Internationalization of higher education

Akulshina A.V., Alieva L.R., Ushkova N.N. Recognition of study periods: European practice and Russian environment 220

Alieva L.R., Zenchenko S.V., Pen'kova I.V. The impact of the Jean Monnet project in the field of digital economy on the development of the NCFU educational environment 229
Anufrieva E.V., Boyko G.V., Dulina N.V. Is it possible to realize a gender-based approach in the social practice of a technical university? 235
Bezrukov A.N. Development of the «Smart Materials» module in English for internationalization of Master's training programs 244
Borisova E.V. Ensuring successful educational activities of foreign students training at main faculties 250
Vasilyeva E.V., Gorbashko E.A., Ostanina E.V. Internationalization of tourism education in Russia: experience in designing a model for training specialists based on the qualifications framework 257
Voevodina I.V., Korolev K.Yu., Razuvaeva T.A. Problems of cross-cultural communication between Russia and Europe in the context of academic mobility 263
Vozdvizhenskaya A.V., Olkhovik N.G. Reforming pedagogical approaches to foreign language teaching in the context of internationalization of higher medical education 270
Gazizulina L.R. Soft skills development during foreign language training 275
Dobrynina N.I., Babushkina E.V. Internationalization of universities. Developing a strategy for internationalization of Russian higher education institutions using Finland's experience 280
Ziyatdinova Yu.N., Valeeva E.E. Training engineering master's degree students for intercultural professional communication through studying EU countries' culture 285
Kabakhidze E.L. Internationalization of education: decline or revival? 291
Korolev K.Yu., Olkhovik N.G. Internationalization of medical education in Russia: challenges and solutions 304
Muravyeva A.A., Oleynikova O.N., Viktorova A.O. Key vectors of higher education development: international outlook 311
Shchipanova D.E., Kopnov V.A. Modern approaches to the design of doctoral students training programs in the context of international education 321

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336

FINTECH AND BLOCKCHAIN BASED INNOVATION: «UBERIZATION» OF BANKS, IN THE CONTEXT OF FINANCIAL INTERMEDIARIES THEORY

© 2019 г.

M. Pompella, L. Costantino

Pompella Maurizio, PhD political economy; full professor, BSc Economics and Banking, MSc Banking, University of Siena, Siena, Italy
pompella@unisi.it
Costantino Lorenzo, MA International Economics & Relation, Johns Hopkins University (USA); Law Degree, University of Bologna (Italy), Senior Partner, IDP European Consultants, Brussels, Belgium
l.costantino@idpeuropa.com

Статья поступила в редакцию 04.09.2019
Статья принята к публикации 29.10.2019

Both Fintech and Blockchain are very topical subjects nowadays, and they are of a major importance in the context of the development of new technologies for financial services. The spread of the so-called disruptive technologies, with reference to the prior set-up framework, is radically changing the connotations of financial markets, as the new technologies gain success. The concepts to the base of this type of innovation, despite appearances, are few and quite simple. That is not the first time that information technology and the engineering of procedures populate the world of finance. This time, however, the process follows new channels and pursues different objectives. The spread of structured finance that followed the former applications of ICT, has shown all its limits with the lack of information (asymmetric information) derived from a poorly intelligible innovation. The paper explores the differences between the first digital revolution and the present one, within the context of Financial Intermediaries theory. It also focuses on the analogies with other so-called «disruptive technologies» now well established, from mobility and lodging sectors (Uber and Airbnb being best examples), in order to emphasize some huge differences, and trying to guess future scenarios. Regulation, and new frontiers of Fintech being experienced right now, like tokenomics, are also dealt with. We conclude that the term disruption is inappropriate, as the experience from the sharing economy does prove that the new technologies are now complementing and transforming financial industry, more than disrupting it. And that «uberization» of banks is for financial intermediaries more a matter of embedding, and exploiting new technologies, than being crowded out.

Ключевые слова: digital economy, Fintech, Blockchain, cryptocurrencies, distributed ledger technologies, sharing economy, uberization, securitization, financialisation, tokenomics.

Introduction

Both Fintech and Blockchain are very topical subjects nowadays, and they are of a major importance in the context of the development of new technologies for financial services. The spread of the so-called disruptive technologies, with reference to the prior set-up framework, for instance in the banking sector, is radically changing the connotations of financial markets, as the new technologies gain success.

The concepts to the base of this type of innovation, despite appearances, are few and quite simple, as well as the keywords are.

That's not the first time that information technology and the engineering of procedures populate the world of finance. This time, however, the process follows new channels and pursues different objectives. The spread of structured finance that followed the former applications of ICT, has shown all its limits with the lack of information (asymmetric information) derived from a poorly intelligible innovation (and consequently useless, or even harmful, from a social perspective). The benefits brought by the opportunities and the variety of products made possible by ICT reached only a few market actors, at the same time imposing huge costs on the community, as a result of the financial crisis.

From this perspective, the diffusion of the «culture of distributed databases» (better, of the Distributed Ledger Technology – DLT) represents a revolutionary philosophy, because its foundation lies in the immediate, simultaneous and shared dissemination of information related to any «market fact», so making

information asymmetries virtually impossible, or reducing them drastically. Nevertheless, the most known blockchain applications relate for instance to cryptocurrencies that already provide ground for information asymmetries to materialize widely.

According to the new logic, which applies to an endless series of economically relevant cases, the role of networks (networking) becomes predominant. The «ledger», which traces the transactions and retains a memory which may be relied on against third parties (thus validating any transaction), passes from the hands of the individual certifier (bank, insurance, public register, etc.) to a series of nodes (servers), thus making the process irreversible and frauds impossible, as well as misappropriation of funds. Everyone knows everything about each transaction, at the moment when it is finalized.

Given that ICT for Finance and «Fintech» are intimately connected, they do represent two different phenomena. On one hand, ICT means the use of informatics in the financial sector, on the other hand Fintech identifies some sort of business model, some sort of revolutionary way of intermediating funds and influence markets, a new philosophy.

Fintech and the Blockchain technologies developed at different paces in various ecosystems in Western Europe, the United States of America, China and Russia, just to mention a few of the global hubs of these technologies.

Whatever article, or volume had been produced by academics risks becoming «obsolete» in a relatively short time, so that the literature related to this topic is often not qualitatively reliable. Instead, as a consequence of the interest by innovators, investors and financial markets' participants, a considerable literature about crypto-currencies has been developing during the last few years. Cryptocurrencies represent a somehow marginal implementation of Blockchain as a concept and technology. This is why this contribution would be original in comparison with previously published works, as it deals with Fintech (as a business model) and the technology behind cryptocurrencies, and not just with cryptocurrencies themselves.

Many observers, especially from the fintech sector and mass media, have found inspiration in similarly disruptive technologies and applications in other industries, such as mobility and lodging, to describe the disruption potential of DLT and blockchain on banking and finance[1].

Some have even gone further to predict a revolutionizing disruption of the banking and financial systems, mimicking the impact of Uber and Air BnB on traditional sector that were transformed and «disrupted». This line of thought has led to the expression of «Uberization of banks», by which it is expected that traditional banking will be disrupted in the same way Uber transformed – and is transforming – the mobility sector.

In this paper we refer to Uber as the symbolic representative of the cohort of Transportation Network Companies that rely on Internet technologies to connect mobility service providers (often unlicensed) to users. There is a plethora of Transport Network Companies that operate on the concept of «sharing economy» and use technology platforms to connect drivers with users, such as Bolt, Cabify, Careem, DiDi, Gett, Grab, Haxi, Lyft, Pathao, Uber. By the same token, we refer to Air BnB as representative of the short-term rental and accommodation facilitation companies such as FlipKey, HomeAway, HomeToGo, HouseTrip, Tripping.com, VRBO, Wimdu.

The research problem of this paper hinges on the interest in gauging whether the technological developments and innovations that are bringing about new patterns of banking and financial intermediation equate to the developments and disruptions observed in the sectors of mobility and lodging and understanding whether such a comparison is at all meaningful.

The raise in the phenomenon of the «sharing economy» empowered by technology applications and «always on connectivity» is spurring creativity and innovation in several sectors, among which on-demand services, fashion and food delivery seem to land themselves to potential creative disruptions[2].

At first sight, one should recognize that similarities do exist and also provide for interesting examples of user-driven mechanisms such as monitoring and feedback loops. One of the theoretical underpinnings of this paper is the delegated monitoring theory in fact, by which individuals delegate the role of monitoring to a bank / intermediary rather than independently monitoring borrowers[3].

The aim is to assess the real implications and changes that the second wave of technological innovation is brining into the banking and financial systems and put forward a method to evaluate the impact of new technologies, their actual degree of disruption and potential regulatory implications. This paper wishes to stir the debate on the disruptive impact of innovation on the banking and financial sectors and, with a certain provocative attitude to deflate the hype while providing options to gauge the disruptive (or rather, innovative) impact that new technologies and practices can have on financial innovation.

1. Stylised facts

Since the 1950s, the debate about the role and function of financial intermediaries revolved around the key themes of the social role of banks,

their relevance and contribution to socio-economic development. In academic circles, innovative – and at times, provocative – thinking led to questioning the essence of banks, suggesting even the option of not needing banks in the first place, representing a useless layer of intermediation in the circulation of money and facilitation of credit. This innovative and provocative thinking was also gaining momentum on the premise of growing concerns about the issue of asymmetry of information that have always characterized the debate about the role of financial intermediaries and facilitation of financial intermediation, that took place at a later stage since the 1970s and 1980s.

Such provocative thinking is currently being revamped by the second wave of technological developments that is investing the financial and banking sector with innovations such as blockchain, fintech and peer-to-peer intermediation that have an impact on banks as well as Non-Banking Financial Intermediaries, users, etc. Such phenomenon is not relegated only to financial intermediation and banking services, but interests also the non-banking financial intermediaries, above all the insurance sector that is poised to being affected by technology applications such as big-data and Internet of Things.

The first wave of technological development of the 1980s and 1990s (often referred to as «FinTech 1.0») changed the financial and banking sector by providing innovative tools and solutions that made intermediation easier and faster, led to new business models and interaction modalities between banks and clients[4].

In some instances, the technological advancements led to the fast obsolescence of what were considered successful applications: above all the example of phone banking that was, in a relatively short period of time, replaced by the advent of faster and more reliable connectivity coupled with – almost – ubiquitous ICT hardware. Specifically, the advent of smartphones allowed the introduction of «home banking» superseding «phone banking» thanks to increased convenience for customers and cost-cutting opportunities for providers.

The first technology revolution of the industry changed the way banks and clients interacted and accelerated the development of new products. On the one hand, technologies led to the categorization of functions within the banking sector, defining clearer boundaries and interactions between the so-called front-office and back-office. On the other, technologies allowed to by-pass «internal intermediaries» within the financial institutions between the bank and the client (automated transactions through machines and personal computers) as well as developing new products (electronic payment systems that are also challenging the validity and use of plastic money, although credit cards remain the underlying and backing mechanism for such innovative payments).

Another considerable impact of the first wave of technological change came from the advancements in computational capacity that allowed the development of innovative financial products thanks to enhanced means and methods to gather, collate, crunch and process large amounts and flows of data. Technological advancements coupled with innovative modelling techniques led to the proliferation of financially engineered products that, in different forms and for various reasons, paved the way to the financial crisis with the banks and financial intermediaries as the main perpetrators[5]. Nonetheless, the origin and motivation for derivatives was a virtuous (since the 1920s in the Chicago trading floor) mechanism for hedging operational and business risks. The evolution of such instruments lead to financial engineering and structured finance *strictu sensu* that resulted in a mechanism to rise funds irrespective of the credit worthiness of companies beyond the scope of cnvential forms of «on balance sheet securities» (bond, debt and equity[6]), reversing the innate purpose of structured finance.

Thanks to technological advancements, the introduction of innovations in forms of payment such as credit/debit cards and automation in transaction intermediation such as phone and e-Banking were accompanied by innovation in financial products. Such innovative products covered the whole cycle of banking services and financial intermediation, from saving and investment products like ETFs and structured products, lending that was enhanced by automated credit scoring and algorithms to accelerate credit worthiness assessment and risk management techniques that used derivatives and asset securitization.

Securitization and related financial products were soon deemed the main culprit of the financial crisis, notwithstanding that financial innovation was just one prong of a multifaceted system that led to the global financial crisis (i.e. excessive risk taking by financial firms, uncontrolled information asymmetries, increased complexity of structured financial products combined with weak corporate governance systems and laxed regulatory oversight and/or lagging regulation.

The second wave of technology innovations that are now interesting the financial sector and banks are the above mentioned DLTs and blockchain (often referred to as «FinTech 2.0»). Such innovations are poised to redefine the way financial intermediation is structured and carried out, potentially overcoming barriers to access to financial services, facilitating interaction and by-passing intermediaries.

Ledgers have been used since ancient times to keep track and record transactions, ensure certainty

Centralized Ledger

All parties direct and settle their local databases with a centralized electronic ledger that is operated by a trusted central party.

Permission-less Distributed Ledger

Every node of the network retains a full and up-to-date copy of the entire ledger. Any element added to the ledger by a network participant is shared to all the nodes. In turn, nodes collectively validate the change through algorithmic consensus. Once the validation is accepted, the new addition is automatically added to the ledgers for sake of data consistency across the network.

Permissioned Distributed Ledger

In order to participate in the network, each node requires explicit permission from a central party, which defines access criteria.

Pic. 1. Distributed Ledger Technologies

and provide transparency in commerce and finance. In the financial industry, each bank and financial intermediary keeps their own repository of information and data about transactions, assets and actors.

This requires the presence of intermediaries that ensured interoperability, transparency and certainty of transaction, such as clearing houses. The first technological revolution in banking and financial intermediation was the introduction of electronic ledgers that informatized and automated the crucial function within banks to keep track and record transactions.

The «FinTech 2.0» technologies promise to transforming the way information about assets and transactions are collected, collated, stored, processed and shared: the concept of distributed ledgers allows the processing of data across shared ledgers (record of data) across different parties that are linked through the Internet. This generates a network that, coupled with cryptography and algorithms, allows to process and record data in an absolute manner, as none of the participants in the network can revert operations and none of the participants in the network has the sole control of information, data and processes.

This epitomizes the value of DLTs as the «silver bullet» to overcome the steps and actors of traditional intermediation and the need for a third party that centralizes interactions with inevitable layers and associated transaction costs and processing time.

Distributed ledgers are divided into public, in which any «peer» or «node» can participate without access restrictions, and private, in which a central party that launches the ledger sets access criteria. In this instance, the distinguishing element is the presence of an authentication process that empowers the central party to allow only those nodes that meet certain requirements[7].

Another layer of distinction for distributed ledgers is between permission-less and permissioned ledgers:

– Permission-less ledgers allow any node to participate in the ledger and execute any sort of transaction. In this type of ledger, there is no «owner» and any node are free to operate. Each node has access to the same copy of the ledger

– Permissioned ledgers are those that entail an authorization for nodes to carry out specific activities and play specific roles in the network. For instance, within the same ledger some nodes can have the role of initiator, validator, executor. In this type of ledgers, there are a number of owners / operators (or even one) who started the network and manage it (or defined access criteria when launching it). The operator provides access interface to nodes that then hold a copy of a given ledger, depending on their role.

As such, the DTL seems to have the potential of eliminating the need for intermediaries breaking the silos of individual repositories of information, replacing them with a transparent and safe mechanism.

These innovative features of DLT and blockchains are triggering a vivid debate among practitioners and academia on the potentially disruptive impact on traditional banking and finance[8].

The topics for debate all revolve around the key themes of safety, stability, consumer protection, need for regulation and depth of public sector in-

Table 1

Technology Revolutions in Banking and Finance

	Traditional Banking	First ICT Innovations FinTech 1.0	Blockchain & Banks FinTech 2.0
Consumer Experience	– Uniform scenarios – Homogenous service – Poor customer experience	– Rich scenarios – Personalized service – Good customer experience	– Rich scenarios – Personalized service – Good customer experience
Efficiency	– Many intermediate links – Complex clearing process – Low efficiency	– Many intermediate links – Complex clearing process – Low efficiency	– Point-to-point transmission, disintermediation – Distributed ledger, transaction= clearing – High efficiency
Cost	– Large amount of manual inspection – Many intermediate links – High costs	– Small amount of manual inspection – Many intermediate links – High costs	– Completely automated – Disintermediation – Low costs
Safety	– Centralized data storage Can be tampered – Easy to leak users' personal information – Poor safety	– Centralized data storage can be tampered – Easy to leak users' personal information – Poor safety	– Distributed data storage Cannot be tampered – Use of asymmetric encryption, – Users' personal information is more secure – Good safety

tervention, role of governing bodies and regulatory authorities such as Central Banks and so on. Some of them (depth of public sector involvement and role of Central Banks) being always debated upon by practitioners and scholars.

2. From securitization to tokenomics

As mentioned above referring to the role of securitization in the context of the global financial crisis, the «financialization» and financial engineering changed the playing field of traditional fundraising and risk management for both corporate and retail financial intermediation. This phenomenon paved the way to a new paradigm shift from «risk warehousing» to externalization.

The use of DLTs spurred the development of innovative financial services and products, among which the one that goes under the name of «tokenomics», the framework in which digital tokens are used by blockchain projects to raise capital. Tokenomics hence is an innovative form of fundraising that hinges on blockchain technology: a new model of Initial Coin Offering (ICO) is gaining momentum especially in the sphere of innovative start-ups in high-tech sectors.

In «tokenomics» an initiator (i.e. a company) launches the creation of tokens to raise capital through an ICO for a business proposition that is based on the use of the tokens. As opposed to an Initial Public Offering (IPO) by which investors acquire shares of a company, in an ICO the investor purchases tokens that may become tradable at a later stage (this would be a «security token» that entitles to a share of the company once the business becomes operational) and/or entitles the bearer to access products or services provided by the company (in this case it would be a «utility token»). Tokens are denominated in a cryptocurrency that then allows for the trading and exchange of the tokens within and outside the ICO's ecosystem for which they were created.

Notwithstanding the increasing popularity of ICOs, uncertainty persists with regards to the nature of the tokens, often referred to as «crypto assets», which are difficult to classify as a commodity, currency or investment/security. Such uncertainty has relevant ramifications for various elements of investors' protection, liability, and so on. The definition of «crypto-asset» in itself is deceiving and is dangerously close to the neologisms of structured finance, such as «alternative», «hybrid», «grey», «repackaged», «synthetic», «contingent», «collateralized», «parallel», «backed», «linked» and even the most commonly used «over the counter».

The innovative instrument of ICOs has raised interest as an alternative means for SME financing and its potential has been initially investigated in a recent OECD study that highlights a few salient challenges, in particular in the domain of valuation of tokens.

If tokens are considered as currencies, their valuation would hinge on the cash and/or cryptocurrency of reference: this would lead to instability due to the high volatility of the cryptocurrencies (just as a reference, Bitcoin recently traded at 3,920$, down from its peak of almost 20,000$).

If the ICO issues utility tokens, their value would be based on the commercial value of the service/product to be launched by the initiator: this would imply a high degree of uncertainty as a func-

tion of the type of service/product whose value can be of difficult estimation.

If the token is an investment (security or equity stake), the value of the token would rely upon the company's valuation, and also in this case there is a high degree of uncertainty as ICOs' initiating companies are seldom valuated using traditional corporate finance techniques and investment metrics.

ICOs are an innovative instrument, and it is hence too early to draw conclusions on their robustness and validity. Nonetheless, recent studies of ICO examples raise concerns about their viability. While in principle tokens valuation should follow market dynamics to establish a «fair value», initial comparative studies indicate that tokens' valuation hinges upon simplistic indicators, such as such as Twitter followers and social media activity, rather than robust business metrics.

Moreover, the same research provides interesting insights on returns and survival rates of ICOs, with average returns of 179% between ICO price and the value of the token on its first day of trading, while less than 50% of projects surviving after 120 days from ICO.

The purpose here is not to delve into the aspects of ICOs and tokenomics, reference to which is made to lead to a key message of concern: tokenomics and ICOs provide worrisome similarities to the misuse of securitization that contributed to triggering the global financial crisis, in combination with excessive risk taking, dramatic information asymmetries, complexity of financial products, weak governance mechanisms and loose regulatory oversight.

Using the lenses of a skeptical reader, ICOs may provide dangerous entry points for reckless initiatives. With the intent of being provocative, tokenomics appear as «no-asset-backed securities» (or «Nothing-Backed Securities», NBSs) denominated in cryptocurrencies in an unregulated environment.

As such, notwithstanding the great merit of ICOs as innovative financial instruments that are poised to provide new forms of intermediation, it appears that tokenomics is a mechanism still in its infancy that requires a clear definition of actors, products and services for it to materialise their potential.

The above considerations lead to the vexing issue about regulatory frameworks and attitudes for DLTs, blockchain and crypto-currencies.

3. Current regulation

The use of distributed ledgers and the involvement of many actors scattered across various networks in a virtually uncontrollable mechanism, lends blockchain applications – in particular crypto-currencies – for being used in transactions often associated with not very transparent, if not outright illegal, activities. The adoption of crypto-currencies has seen a spike in those countries characterized by high political instability and corruption, a case in point for all is the case of Venezuela. A World Bank paper establishes statistically significant inverse correlations between bitcoin adoption and the four elements of «Rule of Law», «Regulatory Quality», «Political Stability» and «Control of Corruption».

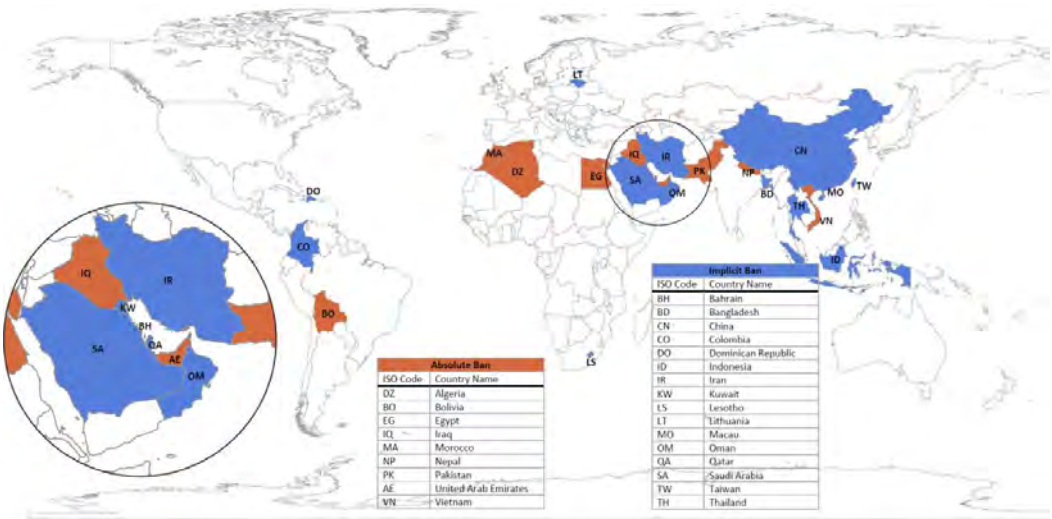
Crypto-currencies and ICO volumes are in aggregate still negligible to be considered a systemic risk for the global financial system. Nonetheless, regulators are on the alert and constantly monitor the evolution of the DLT and cryptocurrencies. In addition to investors' protection and transparency, other priority concerns relate to Know Your Customer, money-laundering, financing of terrorism and other illicit activities. In this sense, Central Banks, regulatory authorities and supervisory bodies are all keen to ring-fence potential negative impact and in most instances maintain the behavior of external observers.

Cryptocurrency and blockchain was high on the agenda of the meeting of the Central Banks' representatives of the G20 countries in Buenos Aires in 2018. Paragraph 25 of the G20 Joint Statement and G20 Leaders' Declaration is all about DLTs, blockchain and cryptocurrencies: «We look forward to continued progress on achieving resilient non-bank financial intermediation. We will step up efforts to ensure that the potential benefits of technology in the financial sector can be realized while risks are mitigated. We will regulate crypto-assets for anti-money laundering and countering the financing of terrorism in line with FATF standards and we will consider other responses as needed».

The G20 statement is representative of a generalized policy shift from previously softer stance to a more proactive attitude towards regulation and «other responses» on a need basis and on either individual (i.e. country/ies specific) or collective (i.e. international efforts under the aegis of international fora and/or organizations) initiatives.

Nonetheless, regulatory approaches towards cryptocurrencies are still developing, with a handful of countries with outright bans of the technology to a few countries devising control systems and mechanisms. The most recent and reliable effort to take stock of regulation of cryptocurrencies at international and global is the USA Library of Congress' survey of cryptocurrency regulation around the world of 2018 that provides a very interesting picture of the regulatory landscape and diverse attitude towards blockchain, cryptocurrencies and ICOs.

A first takeaway is the fragmentation in the definitions and terms used to describe the same phenomena: digital currency (Argentina, Thailand, and



Pic. 2

Source: Regulation of Cryptocurrency Around the World, June 2018; The Law Library of Congress, Global Legal Research Center

Australia), virtual commodity (Canada, China, Taiwan), crypto-token (Germany), payment token (Switzerland), cyber currency (Italy and Lebanon), electronic currency (Colombia and Lebanon), and virtual asset (Honduras and Mexico).

Second, the survey reveals that most of the countries have official notices to warn investors and consumers about the risks associated with innovative financial instruments, products and investments based on DLTs, blockchain, ICO or cryptocurrency. Such warnings establish direct linkages between such innovative products and potential frauds, corruption, illicit activities, money laundering and terrorism financing.

Conversely, in a handful of countries cryptocurrencies are accepted as a means of payment: in selected Swiss local authorities, cryptocurrencies are accepted as a means of payment by government agencies. The Isle of Man and Mexico allow cryptocurrencies as a means of payment along with their national currency. The government of Antigua and Barbuda allows the funding of projects and charities through government-supported ICOs.

Some countries also address ICOs: banning them (mainly China, Macau, Pakistan) or trying to define regulatory boundaries of ICOs, like New Zealand where obligations may apply depending on whether the token offered is categorized as a debt security, equity security, managed investment product, or derivative.

The regulatory landscape is poised to evolve as technology solutions and products will become more mature, widespread and significant (both in terms of number and volumes of intermediation). As highlighted by the G20 Statement, there is growing attention by the part of governments and regulatory agencies/authorities to clear the ground from uncertainties and safeguard investors while reducing the risks of illicit behaviors.

As any evolution, blockchain technologies will have an impact on products, processes and intermediaries, hence we foresee a "transformation" rather than a "disruption", in which once technology solutions are tested and validated, and once business models are mature, trusted intermediaries (i.e. the incumbents at the various layers of financial intermediation) will adopt those solutions, technologies and business models to provide "intermediation" services (with the understanding that the concept of intermediation, number and types of actors may vary as a result of such an evolution).

4. More on uberization

4.1. *Extrapolating from Transport Network Companies in the Mobility Sector*

Reference to the term «Uberization of banking» links the disruption (or changes) that Uber brought about in the mobility industry, facilitating the way people choose solutions and pay for their mobility needs. What appears to be a «democratization» process, in reality is leading towards a consolidation of what was a highly fragmented industry, with a plethora of service providers that now converge towards the use of a single platform – Uber – to seek customers.

The real impact of Uber, hence, seems to be a disaggregation of the supply with a consolidation of the demand and vertical integrations[9]:

Uber has empowered individual drivers to provide mobility services irrespective of licensing requirements, so that an unauthorized driver can offer riding services. On the demand side, Uber has centralized and consolidated the market, channeling requests through a single platform. What is worth noting in the case of urban mobility, is that the

Table 2

Defining the Participants

	Mobility	Lodging	Financial Services
Users	Individual	Tourist	Corporate Retail
Provider	Individual	Individual	Individual
Incumbent	Taxi	Hotels	Banks

providers still need to abide by regulations while providing their services, namely the drivers still need to comply with road-code and traffic regulations.

Translating this model in the financial intermediation system, DLTs provide a platform to «decentralize» supply, enabling multiple participants to provide financing to a single entity, but once the financing is provided there is no «regulatory net» policing the transaction, i.e. there are no «road-codes» and «traffic regulations» still governing the relationship between supplier(s) and recipient of financing. While not being necessarily unregulated, this would result in financial intermediation occurring in a grey area with softened regulatory pressures, which would be coherent with a noninvasive regulatory approach that would risk to limit innovation and curb potentially positive socio-economic spillovers. This resembles in financial intermediation the phenomenon of «shadow banking»[10].

This leads to an evident vacuum that generates inherent risks.

Still using the analogy of Uber, the transaction of urban mobility is typically characterized by elements that would be foreign to a DLT facilitated financial intermediation, such as:

– Clearly identified pick-up location.

– Clear destination.

– Predefined and agreed terms and conditions, such as fares, indicative duration of the service, characteristics of the means of transport, etc.

– Precautionary measures, such as cancelling the order or interrupting the service.

– Recourse mechanisms such as complaints mechanisms with the centralized application.

– Regulatory certainty, or predictability, as most typically Uber transactions do not have a cross-border nature, being both Point A and Point B in the same jurisdiction.

– Feedback loops that allow to rate the provider, serving the purpose of building reputation, transparency and reliability.

This last element of feedback loops appears to be a crucial and pivotal element of applications like Uber in the mobility sector. Feedback help generate trust in a mechanism of «self-regulation» sustained by users (both providers and clients) and facilitated by the platform that behaves as an «honest broker», as an entrusted entity or third party. Such third party's «authority» is supported by the continued use of participants (both providers and clients) in a mechanism that is initiated and self-sustained to establish reputation and legitimacy. The model above establishes clear incentives to behave from all the participants thanks to the immediacy of the transaction, clarity of conditions and ability to provide feedback.

Nonetheless, the feedback mechanism also provides for vulnerability in the mechanisms of online reputation due to possible fake and/or biased reviews[11].

All in all, the typical Uber transaction would resort to transportation services from point A to point B with recourse mechanisms to manage contingencies and the plausible expectation that the provider (and the user) still have an incentive to behave due to enforced regulations that constraint the provider (road-code and traffic regulations). Moreover, the negligible nature of the service (short haul mobility) and amount of the transaction may compensate for any inconvenience.

None of those elements above would considerably apply to financial intermediation that would entail more significant implications: financial intermediation could entail more meaningful transactions both qualitatively (a loan on which a business venture or an education may depend upon, as opposed to a short ride from Point A to Point B) and quantitatively (an intermediation of thousands of EUR as opposed to a transaction of dozens of EUR).

When it comes to comparing Uber or other TNCs to baking and financial intermediation, more considerations come to mind along a series of elements that may not find direct application in the context of financial intermediation facilitated by DLTs:

– The mobility service provider, while not (necessarily) fully licensed to provide mobility services, at the very least holds a drivers' license certifying her/his ability to operate a vehicle, a condition certified by a public authority.

– The car used to deliver the service is (or should be) in appropriate conditions for circulation, a situation of "fit for purpose" that is certified by competent authorities accredited by public agencies

– The provider of the service is bound to rules and regulations that apply to any car in circulation (as mentioned above).

– The user has relevant knowledge about the provider (allowing for feedback, complaint and recourse mechanisms).

– The user has full real-time traffic information to discern routing options and assess quality of service.

– The provider has full knowledge of the user: name, contact info, order history, and most importantly has certainty about the payment.

In the example provided above, the application addresses asymmetries of information and provides for a high degree of transparency that may not necessarily be guaranteed in the case of financial intermediation, unless with the direct inclusion of certification mechanisms that provide for reliability (such as drivers' license, traffic regulations, car conditions, etc. mentioned above).

As an application that allows for democratization of service provision, Transport Network Companies may also provide opportunities for loopholes to replicate traditional business models in an unregulated environment. A phenomenon that is currently developing – and is almost unknown or not noticed – is the mechanism of structured Uber providers, with an investor that establishes an informal company with a fleet of cars that are rented to drivers. Drivers sign-up as TNC providers, and in addition to paying the daily rental of the car to the informal company, pay the due commission to the application and a commission to the owner of the car. This model is replicating a traditional taxi company but in a completely unregulated setting, whereby the owner of the fleet completely bypasses incorporation laws, licensing requirements, fiscal reporting and employment regulations.

While not representative of the entire model of sharing economy of systems based on Network Transport Companies, the example above can provide valuable insight on how DLTs could provide opportunities to by-pass regulation and control mechanisms established to govern financial intermediation, provide certainty and ensure consumer protection.

The «shadow providers» would hence be able to break into service provision avoiding regulatory and/or market barriers to entry that would not otherwise allow them to operate.

The advent of technology innovation may raise concerns about the risks associated with innovative means of financial intermediation and innovative financial products. Extrapolating from the example above, for instance, a similarity can be drawn into a case where a large holder of funds (regulated or not) could use DLTs or other innovations to enter the mainstream financial intermediation segment by-passing regulations and oversigth mesasures put in place by regulatory agencies for sake of transparency and consumer protection.

When looking at the impact of applications like Uber to the mobility sector, there are tangible and concrete examples of efficiencies that were brought about at systemic level:

– Widened the supply, empowering drivers to offer services irrespective of a licensing requirement.

– Lowered costs of service thanks to (unconventional) competition.

– Increased transparency by allowing feedback mechanisms of rating.

Transport Network Companies are also triggering regulatory efforts in many countries, each with different approaches towards licensing and/or fiscal requirements up to banning of TNC services.

4.2. *Extrapolating from Short-Term Rental Application in the Accommodation and Lodging Sector*

Other applications that are considered to have disrupted traditional sectors are the applications that opened up the lodging industry[12]. We will refer to Air BnB as the most widely recognized application representative of the short-term rental segment.

Short-term rental applications allow private providers to offer accommodation and short-term rental of properties outside of the mainstream hotel sector. While in the mobility segment, the service provided by the incumbent and the new providers are very similar (a car ride), in the case of hospitality the service of the short-term rental providers may differ considerably from the traditional hotel services (for instance, hotels may provide additional services such as room service, food and beverage, concierge and so on). Air BnB is often referred to as an example of an Internet Based Service Firm whose disruption in a traditional sector can serve as an example of how DLTs can disrupt traditional banking and financial services.

A key feature of applications like Air BnB is the feedback loops that allow users to rate providers, establishing a branding and reputation to establish trust and reliability. Another interesting feature is the process of «self-regulation» that is characterizing those applications, with service suppliers defining terms of use and policies, as well as different pricing schemes. In a sense, the feedback mechanisms, coupled with the self-regulatory approach, are somehow compensating for the lack of regulatory supervision and licensing requirements: providers establish rules and terms of use that are transparently communicated to potential users; users provide feedback about their experience.

This combination addresses asymmetries of information and provide a functioning model that promotes intermediation while widening supply and potentially lowering costs.

In the case of Air BnB, what was an initially unregulated and uncontrolled phenomenon is evolving into a more mainstream service provision, due to the perceived potential negative socio-economic impact (depopulation of neighborhoods) consumer protection concerns (safety regulations) and fiscal implications (taxation and revenues for public finances, especially at city level).

A new phenomenon among city and local governments is to regulate the phenomenon of short

rentals: the trend is not prohibition but rather control, with cities establishing requirements concerning number of guests, occupancy rates, compliance with minimum safety requirements and/or residency requirements from the tenant. Most of those efforts aim to minimizing neighborhood impacts rather than regulating the unconventional lodging sector. Key challenges persist on the implementation and enforcement mechanisms[13].

The debate about the real positive socio-economic impact of Air BnB is far from over: recent studies challenge some of the efficiencies brought about by Air BnB and suggest that a regulatory approach should be considered to level the playing field of the lodging sector as well as mitigating possible negative social impacts[14]. In December 2018, the City of Los Angeles approved an ordinance regulating short-term rentals, allowing only primary residents for a maximum of 120 days of occupancy. Other cities around the world, like Paris, Barcelona, New York, have regulated short-term rentals.

5. Summing-up from sharing economy models

When looking at the evolution of technology and its impact on the banking system, it is possible to argue that technology greatly impacted on the rationale for the real existence of banks as financial intermediaries. When defining the rationale for banks' role, technology has already challenged two of the three main motivations for the

1. Money circulation: banks have always existed to ensure certainty and predictability in the circulation of money.
2. Credit capacity: attitude of banks to repackage risky assets in form of risk-free deposits thanks to their experience, competence and technology.
3. Information Asymmetry Management (new view).

Having technology and service evolutions already undermined the pillar of money circulation and somehow affected the credit capacity, the key research question of this paper remains as whether the DLTs will make banks and financial intermediaries obsolete.

Elaborating on the similarities suggested by observers that the process of «Uberization» of banks has started and is inevitable, we provide an alternative perspective, suggesting that DLTs definitely provide fertile grounds to streamline financial intermediation but will not replace banks as we know them for the years to come.

A first consideration to be made is that neither Uber nor Air BnB have replaced taxi and hotels; those applications widened competition allowing new entrants (unconventional providers) into traditional markets. Their greatest merit is that they triggered and accelerated efficiencies that are beneficial to both supply and demand sides, leading to:

– Further segmentation and specialization of services from incumbent providers that face an innovative competitive pressure;

– Enhanced economic opportunities for new entrants;

– Lower barriers to entry in heavily regulated and traditional industries;

– Innovative public policies and regulatory approaches, including industry self-regulation.

The evolution of Uber in the mobility sector provides interesting elements and similarities. The case of Uber is an interesting model that allows to observe an initial disruption of the sector (mobility services provided openly and without limitations). Uber has then evolved from disruptive to a "mature" mechanism in which the business model is the same (transportation services from Point A to Point B) but with an evolution in the service provision. Such evolution of service provision has created an innovative playing field in which incumbents (official taxi providers) resisted or adjusted to new competitive pressures. In the meantime, this playing field has allowed also for new entrants to compete with Uber, testified by the proliferation of similar platforms in different geographical contexts.

An interesting case in point is provided by Uber entry into the Russian and CIS markets: rather than entering the market with its brand name, Uber opted for a merger with Yandex.Taxi to start operations in 127 cities in Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia and Kazakhstan. Such partnership does not preclude competition nor coexistence of different operational models. In countries like Armenia there is room for other Transport Network Companies such as the local GG Taxi service provider. In the countries where Yandex.Taxi operates, users can use indifferently Yandex.Taxi and Uber, on which drivers from official taxi companies, licensed drivers and «free-lancers» advertise their services indifferently (example of coexistence).

A similar model of disruption, maturity and diverse playing field may possibly occur in banking and financial intermediation. New technologies are poised to sustain the development of new products and business models, improving service provision with possibly a plethora of new entrants that will potentially consolidate (or simply disappear due to competitive pressures and maturing of the market) and incumbents that will adjust to new products, means and technologies. The question will be to see which services, with which operational modalities and technologies such innovations will occur and how effectively will affect consumers' choices and behaviors. Moreover, banks and financial in-

termediaries not only enjoy incumbent position in the market, but also have a competitive advantage by having experience, expertise and ICT savviness and investment capacity.

Hence, rather than «disruption» that will lead to the disappearance of banks, we shall prepare for a new way of banking and financial intermediation provided by new entrants and a new way of «doing banking» with traditional banks innovating and adjusting servicing and products. Hence, we suggest that the advent of new technologies will not necessarily disrupt the banking and financial intermediation, rather will trigger innovation and evolutions that may lead to a «new breed of banks and financial intermediaries» that will adjust to those evolutions and embed such innovations.

A similarity that can be drawn from the examples of Uber and Air BnB is their initial disruption, evolution into maturity and an adjustment period that led to a segmentation of the market, increased competition, differentiation in service provision and, to a certain extent, increased transparency and trust.

The applications like Uber and Air BnB that disrupted mobility and lodging industries provide interesting inputs into the debate of how technology can change banking and finance, but remain far from being the role model as similar impacts cannot be reasonably expected: while DLTs can improve certainty, transparency and efficiency in intermediation, banks will remain a key player in financial intermediation, adopting (and adapting) DLTs and new technologies to widen their service provision.

A second consideration is that both Uber and Air BnB led to regulatory efforts to provide a levelling playing field and ensuring minimum consumer protection and safety standards. While in some cases regulatory efforts were promoted by interest groups representing the incumbents of the traditional sectors (i.e. taxi and hotel companies), safety and consumer protection, together with fiscal and revenue concerns, are leading to diverse regulatory approaches that are still evolving.

Examples of regulatory approaches vary. A local legislation passed in New York City in December 2018 caps the number of for-hire vehicles per year and sets minimum wage for drivers. In different states of Australia, Transport Network Companies' operators are subjected to different requirements that range from background checks of drivers, vehicle inspections to insurance requirements and payment of fees. In the Member States of the European Union there is a high degree of fragmentation in regulatory approaches to Transport Network Companies, with different approaches from banning to laissez-faire. A recent judgement from the Court of Justice of the European Union of December 2017 (Case C-434/15 Asociación Profesional Elite Taxi v Uber Systems Spain SL) ruled that Uber services are tantamount to taxi services, rather than a mere digital intermediation service, letting individual Member States to regulate it as such[15].

This reflects the evolving nature of those applications from "disruptive" to "mature" models of intermediation in traditional sectors. The gradual public sector intervention is also an indication of a public policy and regulatory approach of letting the market evolve to gauge the social and economic impact of those applications before devising regulatory frameworks.

Notwithstanding the above concerns, n interesting feature of Uber and Air BnB is in the relationship between provider and user that is facilitated by a network with functionalities that can apply to the financial intermediation world, such as:

– Transparent information
– Clear terms and conditions
– Feedback loops
– Reputation-based transactions.

The above elements, translated in financial intermediation environments, could provide interesting inputs into an innovative mechanism in which the interaction between «Principal» and «Agent» are reversed.

Conclusions

Uberization of banking has been often referred to as the disruptive impact of new technologies and applications such as DLTs, Blockchain and cryptocurrencies on the banking sector and financial intermediation. Nevertheless, the term in itself is neither appropriate nor relevant. First, there is an issue of definitions: Uber as well as other Transportation Network Companies have not «disrupted» the urban mobility sector: rather than interrupting, altering or destroying the sector, those companies are complementing and transforming the industry with innovative business models that are pushing for innovation (and revision) of market dynamics and regulatory approaches. As such, disruption may not be the most appropriate way to describe the impact of those innovation on traditional industries and sectors. Second, the dynamics of banking and financial intermediation do not lend themselves to being associated with the intermediation in urban mobility, hence making the reference to «Uber» in banking and finance daring. Financial intermediation is about financial empowerment and inclusion: financial transactions concern key aspects of people's life (education, health, employment, business, and so on) that require and demand certainty, regulatory oversight and protection. In a typical Uber ride, the small monetary value of the transaction and the short duration of the service alter the dy-

namics of consumer protection: by nature, the transactions, industries and even the new technologies/innovative services are different. Third, banking and finance have been evolving over the past decades with the advent of new technologies and products. As such, banks appear to be well positioned to absorb – and adjust to – any disruptive impact of DLTs and blockchain by developing new services and capitalizing on their dominant position by embedding those technologies and services. Nevertheless, a few key elements of the rationale for the existence of banks are challenged by those innovations: DLTs and blockchain are yet another novelty that undermines the money function of banks. More, these technologies are poised to becoming an effective means to manage information asymmetries to the benefit of transparency.

On a separate note, there is the need to «distinguishing» between blockchain and cryptocurrencies. Blockchain applications can provide valuable solutions in specific segments, such as certainty of transactions (not only financial, but also administrative, especially in the case of sectors and/or countries affected by low transparency and high levels of corruption), «serving the underserved» (blockchain applications for cross-border payments and financial intermediation that could overcome the lack of reliable payment systems and banking infrastructure, as is the case of remittances), overcoming fragmentations along value chains (as could be the case of international trade and commercial transactions with multiple layers of intermediation). Those positive elements of blockchain may be undermined by the low awareness and understanding of the technologies involved: often blockchain is indifferently associated to cryptocurrencies by the general public.

In addition, tokenomics and its dynamics dangerously resemble the reckless financial product innovation that contributed, together with many concurring factors, to the international financial crisis. The lack of a regulatory framework, the hype of innovative financial instruments (in addition always associated with «high-tech» or other appealing ventures) coupled with no supervision and governance mechanisms may lend tokenomics to providing opportunities and venues for financial frauds. This may serve as an entry point for industry participants and regulators to seek innovative mechanisms of consumer/investor protection, as the concept of tokenomics is undermining and reversing yet again the models of creditworthiness, financial and business decision making based on due-diligence assessment and valuation.

The above stresses the need to tackle regulatory aspects: it is exactly in this domain that lies the real disruption of DLTs, blockchain and cryptocurrency. Those technologies and innovations are triggering diverse approaches that range from banning to laissez faire. While regulation may hinder innovation limiting the ability of technology to push the boundaries of new services and applications, consumer protection, transparency and money laundering are all legitimate concerns of regulators. Identifying the right balance and regulatory depth will be the most pressing challenge. In the current regulatory vacuum, alternative measures can be undertaken to prevent – or at least minimize the impact of – possible negative applications of the new technologies and services: increased awareness among the public (tailored for specific target groups) as well as transparency about information and data available on new products and services. Although, this last element of transparency and availability of information would in any case require some forms of monitoring (ideally from a public agency) and/or impose some forms of reporting. Just as an example, ICOs should be in any case reported and/or prepared with adequate information disclosure clauses and procedures. Light reporting requirements may be developed for those businesses, ventures and initiatives benefitting from ICOs to monitor their survival rates.

Примечания

1. «The Uberization of Banking», Wall Street Journal, April 2016, https://www.wsj.com/articles/the-uberization-of-banking-1461967266. Digital Disruption: Banks Have Their Uber Moment, https://www.digitalistmag.com/customer-experience/2016/10/18/digital-disruption-banks-uber-moment-04579272. Banking's 'Uber moment' is a 'big threat' Published Fri, Jan 22 2016, https://www.cnbc.com/2016/01/22/bankings-uber-moment-is-a-big-threat.html.

2. «Digital Disruption beyond Uber and Airbnb – Tracking the long tail of the sharing economy»; A. Geissingerab, C. Laurell, C. Sandströmbde; In Technological Forecasting and Social Change, 2018. Wall Street Journal, 2015, «There's an Uber for everything now», www.wsj.com/articles/theres-an-uber-for-everything-now-1430845789.

3. Delegated Monitoring; Douglas W. Diamond; University of Chicago, 1984.

4. Abubakar A.A. & Bin Rosmaini & Tasmin Hj. (2019). The Impact of Information and Communication Technology on Banks" Performance and Customer Service Delivery in the Banking Industry. The Economic Effects of Technological Progress: Evidence from the Banking Industry, Journal of Money, Credit, and Banking, Volume 35, 2003. Allen N. Berger Board of Governors of the Federal Reserve System. A Historical Appraisal of Information Technology in Commercial Banking, Bernardo Bátiz-Lazo and Douglas wood, Electronic Markets Vol. 12. №. 3. 2002.

5. G. Nejad, Mohammad. (2016). Research on Financial Services Innovations: A Quantitative Review and Future Research Directions. International Journal of Bank Marketing. 34. 10.1108/IJBM-08-2015-0129. IMF

Working Paper «Securitization and Monetary Policy: Watch Out for Unintended Consequences», prepared by Andrea Pescatori and Juan Solé, March 2016. ECB Working Paper Series 1335 / 2011, The Bank Lending Channel: Lessons from the Crisis, L. Gambacorta D. Marques-Ibanez. Bloss M., Ernst D. Häcker, J. & Sörensen D. (2012), Financial Engineering. Norden L., Buston C. & Wagner, W. (2014),'Financial innovation and bank behavior: Evidence from credit markets'; Journal of Economic Dynamics and Control, vol. 43. Gennaioli, N., A. Shleifer and R. Vishny (2010), "Financial Innovation and Financial Fragility", NBER Working Papers 16068. International Monetary Fund (2008), "Global Financial Stability Report: Containing Systemic Risks and Restoring Financial Soundness". Tashjian, E. & McConnell, J. (1989), 'Requiem for a market: an analysis of the rise and fall of a financial futures contract', Review of Financial Studies, vol. 2, n. 1. Turbeville, W. (2013), 'Innovation in the era of financial deregulation', Financial Pipeline, vol. 3. Financial innovations, crises and regulation: some assessments, Francisco Pinto et Rogério Sobreira, Journal of Innovation Economics & Management 2010/2 (n° 6).

6. «What Is Structured Finance?», Andreas A. Jobst, The Securitization Conduit, Vol. 8 (2005/6).

7. «Distributed Ledger Technology: Beyond Block Chain», A Report by the UK Government Chief Scientific Adviser, 2016. ECB – IN FOCUS Issue 1, 2016, "Distributed Ledger Technology. "Distributed Ledger Technology and Blockchain", FinTech Note 1, 2017, the World Bank.

8. ECB Article, «Distributed ledger technology: hype or history in the making?» https://www.ecb.europa.eu/paym/intro/mip-online/2016/html/mip_qr_1_article_3_distributed_ledger_tech.en.html. IMF Staff Discussion Note, 2017, Fintech and Financial Services: Initial Considerations, Dong He, Ross Leckow, Vikram Haksar, Tommaso Mancini-Griffoli, Nigel Jenkinson, Mikari Kashima, Tanai Khiaonarong, Céline Rochon, and Hervé Tourpe. EPRS – European Parliamentary Research Service, Briefing November2016, "Distributed ledger technology and financial markets". A. Delivorias. Mills, David, Kathy Wang, Brendan Malone, Anjana Ravi, Jeff Marquardt, ClintonChen, Anton Badev, Timothy Brezinski, Linda Fahy, Kimberley Liao, Vanessa Kargenian, Max Ellithorpe, Wendy Ng, and Maria Baird (2016), «Distributed ledgertechnology in payments, clearing, and settlement», Finance and Economics Discussion Series 2016-095, Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. EBA Report 2016, Prudential Risks and Opportunities Arising for Institutions from Fintech.

9. «The Social Costs of Uber», B. Roger, University of Chicago Law Review Online, Vol. 82 [2017], Iss. 1, Art. 6.

10. IMF, Shadow Banking and Market-Based Finance, T. Adrian; B. Jones, 2018

11. Lappas, Theodoros & Sabnis, Gaurav & Valkanas, Georgios. (2016). The Impact of Fake Reviews on Online Visibility: A Vulnerability Assessment of the Hotel Industry. Information Systems Research. 27. Reliability of Reviews on the Internet: The Case of TripAdvisor. Alton Y.K. Chua and Snehasish Banerjee, Proceedings of the World Congress on Engineering and Computer Science 2013 Vol I WCECS 2013, 23-25 October, 2013, San Francisco, USA. The Role of Power and Incentives in Inducing Fake Reviews in the Tourism Industry, Sungwoo Choi, Anna S. Mattila, Hubert B. Van Hoof, Donna Quadri-Felitti, Journal of Travel Research, 2016.

12. Providers mentioned above such as Air BnB, FlipKey, HomeAway, HomeToGo, HouseTrip, Tripping.com, VRBO, Wimdu and the likes.

13. Nieuwland, Shirley & Melik, Rianne. (2018). Regulating Airbnb: how cities deal with perceived negative externalities of short-term rentals. Current Issues in Tourism. 1-15. 10.1080/13683500.2018.1504899.

14. Bivens (2019). The economic costs and benefits of Airbnb: no reason for local policymakers to let Airbnb bypass tax or regulatory obligations. Economic Policy Institute.

15. The Court declared that an intermediation service such as that at issue in the main proceedings, the purpose of which is to connect, by means of a smartphone application and for remuneration, non-professional drivers using their own vehicle with persons who wish to make urban journeys, must be regarded as being inherently linked to a transport service and, accordingly, must be classified as 'a service in the field of transport' within the meaning of EU law. Consequently, such a service must be excluded from the scope of the freedom to provide services in general as well as the directive on services in the internal market and the directive on electronic commerce. It follows that, as EU law currently stands, it is for the Member States to regulate the conditions under which such services are to be provided in conformity with the general rules of the Treaty on the Functioning of the EU.

Список литературы

1. Abubakar A.A. & Bin R. & Tasmin Hj. (2019). The Impact of Information and Communication Technology on Banks" Performance and Customer Service Delivery in the Banking Industry. The Economic Effects of Technological Progress: Evidence from the Banking Industry // Journal of Money, Credit, and Banking, Volume 35, 2003.

2. Bank for International Settlements / Distributed ledger technology in payment, clearing and settlement: An analytical framework, February 2017. URL: https://www. bis.org/cpmi/publ/d157.pdf

3. Berger A.N. Board of Governors of the Federal Reserve System. A Historical Appraisal of Information Technology in Commercial Banking.

4. BIS Quarterly Review, September 2017 / Central bank cryptocurrencies. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1709f.pdf

5. Bivens. The economic costs and benefits of Airbnb: no reason for local policymakers to let Airbnb bypass tax or regulatory obligations / Economic Policy Institute, 2019.

6. Chua A.Y.K. and Banerjee S. Proceedings of the World Congress on Engineering and Computer Science 2013 Vol. I WCECS 2013, 23–25 October, 2013, San Francisco, USA. The Role of Power and Incentives in Inducing Fake Reviews in the Tourism Industry, Sungwoo Choi, Anna S. Mattila, Hubert B. Van Hoof, Donna Quadri-Felitti, Journal of Travel Research, 2016.

7. Del Río C.A. Use of distributed ledger technology by central banks: A review. 2017. URL: http://oaji.net/articles/2017/1783-1513601983.pdf

8. Deutsche Bundesbank Monthly Report September 2017 / Distributed ledger technologies in payments and securities settlement: potential and risks. URL: https://www.bundesbank.de/resource/blob/707710/3f3bd66e8c8a0fbeb745886b3f072b15/mL/2017-09-distributed-data.pdf

9. Diamond D.W. Delegated Monitoring / University of Chicago, 1984.

10. EBA Report 9 January 2019 / Report with advice for the European Commission on crypto-assets. URL: https://eba.europa.eu/documents/10180/2545547/EBA+Report+on+crypto+assets.pdf

11. ECB Working Paper Series 1335 / 2011, The Bank Lending Channel: Lessons from the Crisis.

12. ECB – IN FOCUS Issue 1, 2016, Distributed Ledger Technology / Egelund-Müller B., Elsman M., Henglein F., Ross O. // Automated Execution of Financial Contracts on Blockchains Business & Information Systems Engineering, December 2017, Volume 59, Issue 6. P. 457–467. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12599-017-05 07-z

13. Gambacorta L., Marques-Ibanez D., Bloss M. Häcker J. & Sörensen D. Financial Engineering. 2012.

14. Geissingerab A., Laurell C., Sandströmbde C. In: Technological Forecasting and Social Change, 2018. Digital Disruption beyond Uber and Airbnb – Tracking the long tail of the sharing economy.

15. Gennaioli, N., Shleifer A. and Vishny R. Financial Innovation and Financial Fragility, NBER Working Papers 16068. 2010.

16. IMF Shadow Banking and Market-Based Finance, T. Adrian; B. Jones, 2018

17. IMF Global Financial Stability Report: Containing Systemic Risks and Restoring Financial Soundness. 2008.

18. Kharpal A. Banking's «Uber moment» is a «big threat» // CNBC. URL: www.cnbc.com/2016/01/22/bankingsuber-moment-is-a-big-threat.html. Published Fri, Jan 22 2016.

19. Lappas T., Gaurav, Valkanas G. The Impact of Fake Reviews on Online Visibility: A Vulnerability Assessment of the Hotel Industry. Information Systems Research. 27. Reliability of Reviews on the Internet: The Case of TripAdvisor. 2016.

20. (The) Law Library of Congress, Global Legal Research Center / Regulation of Cryptocurrency Around the World, 2018. URL: https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf

21. Nejad G., Mohammad. Research on Financial Services Innovations: A Quantitative Review and Future Research Directions // International Journal of Bank Marketing. 2016. 34. 10.1108/IJBM-08-2015-0129.

22. Nieuwland S. and Rianne M. Regulating Airbnb: how cities deal with perceived negative externalities of short-term rentals // Current Issues in Tourism. 2018. 1-15. 10.1080/13683500.2018.1504899.

23. Norden L., Buston C. & Wagner W. Financial innovation and bank behavior: Evidence from credit markets // Journal of Economic Dynamics and Control, 2014. Vol. 43.

24. Pescatori A., Solé J. IMF Working Paper «Securitization and Monetary Policy: Watch Out for Unintended Consequences». March 2016.

25. Pinto F., Sobreira R., Financial innovations, crises and regulation: some assessments // Journal of Innovation Economics & Management 2010/2 (n° 6).

26. Roger B. University of Chicago Law Review Online, Vol. 82 [2017], Iss. 1, Art. 6 «The Social Costs of Uber».

27. Wall Street Journal, April 2016, «The Uberization of Banking». URL: https://www.wsj.com/articles/the-uberization-of-banking-1461967266. Digital Disruption: Banks Have Their Uber Moment.

28. Tashjian E. & McConnell J. Requiem for a market: an analysis of the rise and fall of a financial futures contract // Review of Financial Studies. 1989. Vol. 2. №. 1.

29. Turbeville W. Innovation in the era of financial deregulation // Financial Pipeline. 2013. Vol. 3.

30. UK Government Chief Scientific Adviser, Distributed Ledger Technology: Beyond Block Chain, 2016.

31. World Bank, FinTech Note 1, 2017, Distributed Ledger Technology and Blockchain.

ИННОВАЦИИ НА ОСНОВЕ ФИНТЕХ И БЛОКЧЕЙН: «УБЕРИЗАЦИЯ» БАНКОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФИНАНСОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

М. Помпелла,[1] Л. Константино[2]

[1]Университет г. Сиены, Италия
[2]Ассоциация IDP European Consultants, Бельгия

Финтех и блокчейн в настоящее время очень актуальны и имеют большое значение в контексте развития новых технологий для финансовых услуг. Распространение так называемых «подрывных инноваций» оказывает радикальное воздействие на принципы функционирования финансовых рынков. Банковский сектор переживает новую волну цифровизации и финансового реинжиниринга, однако на этот раз процесс обновления идет по новым каналам и преследует иные цели. Распространение структурированного финансирования, закрепившегося в результате прежнего применения ИКТ, выявило проблемы, связанные с дефицитом информации или информационной асимметрией в отношении сложных для понимания инновационных продуктов. В статье проводится сравнительный анализ воздействия первой и второй волны цифровизации в контексте теории финансовых посредников. Рассматриваются вопросы распространения и регулирования передовых финансовых технологий и токеномики. Авторы приходят к выводу, что нельзя квалифицировать технологические изменения, происходящие в финансовом секторе, как «подрывные инновации», поскольку другие примеры экономики совместного пользования, такие как Uber и Airbnb, говорят о том, что новые технологии дадут новый импульс развитию финансовой индустрии, не вытесняя ее.

Ключевые слова: цифровая экономика, финтех, блокчейн, криптовалюты, экономика совместного пользования, уберизация, технология распределенного реестра, секьюритизация, финансиализация, токеномика.

УДК 332.1

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019 г.

С.Г. Захарова, Н.А. Салмина, П.С. Салмин

Захарова Светлана Германовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
svetlana-nngu@mail.ru
Салмина Наталья Александровна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmina_nataly@mail.ru
Салмин Павел Сергеевич, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmin@bk.ru

Статья поступила в редакцию 10.10.2019
Статья принята к публикации 28.10.2019

Индикаторы качества управленческих решений, принимаемых руководителями субъектов малого бизнеса, в региональном разрезе базовых экономических показателей обладают собственными специфическими свойствами, во многом зависящими от политики регионов. Статистика ключевых показателей деятельности предпринимателей, относящихся к категории малых, показывает существенное различие в зависимости от географического положения, в котором субъект осуществляет свою деятельность. Количественные и качественные показатели субъектов малого предпринимательства могут существенно отличаться от региона к региону. В связи с этим возникает необходимость более детального изучения параметров, влияющих на развитие малого предпринимательства в каждом субъекте Российской Федерации. В качестве параметров оценки эффективности управления субъектами малого предпринимательства в статье предлагается методика, учитывающая статистику финансовых показателей, опробованную в разрезе субъектов Приволжского федерального округа. Анализ показал возможные интервалы распределения вероятности присвоения балльной оценки качества управления субъектами малого бизнеса. Разработана методика оценки предпринимательского потенциала на базе дисконтирования вероятного прироста валового регионального продукта (за счет повышения качества управленческих решений). Такой подход позволяет оценить качество принимаемых управленческих решений в конкретных финансовых показателях, характеризующих прирост стоимости ВВП в целом.

Ключевые слова: ключевые показатели эффективности, качество управленческих решений, малый бизнес, предпринимательский потенциал, дисконтирование прироста валового регионального продукта.

Введение

Одной из стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 г.[1] является увеличение в течение последующих шести лет численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства в России, включая индивидуальных предпринимателей, до 25 млн человек. Поскольку стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные, аналитико-модельные, инновационные технологии мирового сообщества существенно меняют социально-экономические условия развития экономики, в том числе России, принципиально меняются и подходы к эффективности и качеству управленческих решений, принимаемых всеми субъектами социально-экономической деятельности. Перед экономическим сообществом ставятся новые цели и задачи, требующие кардинальных изменений форм, методов и технологий управления экономическими процессами [1]. Реализация в экономической деятельности такого весьма важного фактора развития экономики страны, как предпринимательские способности, определяет возможности получения значительного экономического эффекта [2]. Высокий уровень предпринимательских способностей характеризуется оперативной информационной восприимчивостью к инновационным изменениям, постоянной адаптацией к изменениям внешних и внутренних условий за счет принятия наиболее эффективных управленческих решений, тем самым определяя их роль в развитии экономики [3].

Перспективы развития малого бизнеса, с одной стороны, определяют широкие возможности реализации факторов производства, право собственности на которые находится у граждан, составляющих население страны, а с другой – предполагают высокий уровень квалификации в

Таблица 1

Численность индивидуальных предпринимателей и малых предприятий в РФ[1]

Российская Федерация	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Абсолютное изменение		Темп изменения	
				2016/ 2017	2017/ 2018	2016/ 2017	2017/ 2018
Численность ИП, чел.	3 074 668	3 219 084	3 333 996	144 416	114 912	1.05	1.04
Численность малых предприятий, ед.	2 830 080	2 820 303	2 705 828	–9 777	–114 475	0.997	0.959

[1] rmsp.nalog.ru – Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.

Таблица 2

Основные показатели деятельности субъектов малого бизнеса в 2018 г. по регионам РФ[1]

Федеральные округа	Индивидуальные предприниматели[2]			Малые предприятия		
	Всего, чел.	Удельный вес, %	Вклад ИП в ВВП РФ,%	Всего, ед.	Удельный вес, %	Вклад МП в ВВП РФ,%
Российская Федерация	**3333996**	**2.27**	**13.26**	**2705828**	**100.00**	**10.46**
Центральный округ	912954	0.62	2.75	955317	35.31	2.20
Северо-Западный округ	332301	0.23	3.10	375879	13.89	2.36
Южный округ	502057	0.34	1.21	205845	7.61	0.62
Северо-Кавказский округ	152687	0.10	0.06	48168	1.78	0.01
Приволжский округ	611085	0.42	4.15	468247	17.31	4.31
Уральский округ	286290	0.20	0.41	231764	8.57	0.21
Сибирский округ	349534	0.24	0.45	293138	10.83	0.75
Дальневосточный округ	187088	0.13	1.13	127470	4.71	0.01

[1] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (rmsp.nalog.ru).

[2] Учитывается деятельность всех индивидуальных предпринимателей (включая микро-, малый и средний бизнес).

сфере управления [4]. Именно эффективность управленческих решений определяет возможности получения экономического эффекта, однако научно доказано, что доля населения, которая обладает высоким уровнем способностей, позволяющих принимать максимально эффективные решения, невелика и составляет, согласно исследованиям зарубежных авторов, лишь 3.8–5.3%, а по результатам исследований российских ученых, процент населения России, обладающего высоким уровнем управленческого потенциала, составляет 6.8–8.6% [5].

Теоретико-методологические подходы

Анализируя возможности реализации стратегических задач, рассмотрим динамику изменения численности индивидуальных предпринимателей и малых предприятий (табл. 1).

В целом, за три последних года численность индивидуальных предпринимателей выросла на 8%, однако темпы роста остаются крайне низкими. Численность малых предприятий за этот же период неуклонно снижается – с 2 830 080 ед. в 2016 г. до 2 705 828 ед. в 2018 г.

По официальным данным, численность индивидуальных предпринимателей и руководителей малых предприятий, зарегистрированных в форме юридического лица, которые по сути тоже являются индивидуальными предпринимателями, чуть более 6 млн чел., что составляет всего лишь 4% от общей численности работающего населения Российской Федерации и более чем в 4 раза ниже «установленной планки». Таким образом, чтобы реализовать поставленные стратегические задачи в сфере малого бизнеса, необходимы принципиально новые подходы и механизмы составления программ развития.

Статистика самозанятых в статусе индивидуальных предпринимателей и малых предприятий в разрезе регионов РФ представлена в табл. 2.

Как видно из табл. 2, удельный вес численности фактически действующих индивидуальных предпринимателей в субъектах РФ очень низок и в среднем варьируется от 0.10% до 0.62% от общей численности населения РФ. Весьма неравномерно распределяется по федеральным округам и вклад индивидуальных предпринимателей в формирование ВВП РФ. И причиной можно назвать низкий уровень деловой активности в сфере малого бизнеса периферийных регионов, по сравнению с регионами Центральной России. Однако эта ситуация не является индикатором того, что доля людей,

Таблица 3

Структура денежных доходов населения в % по источникам поступления по Нижегородской области[1]

Вид дохода	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Абсолютное изменение		Темп изменения	
						2015/ 2016	2016/ 2017	2015/ 2016	2016/ 2017
Доходы от предпринимательской деятельности	6.4	5.7	5.1	5.3	5.0	0.2	–0.3	1.04	0.94
Оплата труда	38.9	36.7	33.2	35.1	37.8	1.9	2.7	1.06	1.08
Социальные выплаты	19.7	17.8	18.2	19.5	20.4	1.3	0.9	1.07	1.05
Доходы от собственности	3.9	4.1	4.8	6.3	5.7	1.5	–0.6	1.31	0.90
Другие доходы[2]	31.1	35.7	38.7	33.9	31.1	–4.8	–2.8	0.88	0.92
Всего	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**0**	**0**	**1.00**	**1.00**

[1] Краткий статистический сборник Нижегородской области (http://nizhstat.gks.ru).

[2] Включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату.

обладающих высоким уровнем предпринимательских способностей, в успешных регионах превосходит периферийные районы, вследствие чего принимаются более эффективные управленческие решения.

Осуществляемая государством политика в области импортозамещения и государственной поддержки развития малого бизнеса открыла новые возможности по реализации предпринимательского потенциала населения России. И хотя емкость рынка, где предприниматели могут применить свои умения и навыки, не имеет границ, административные барьеры, которые жестко проявляют себя на местном уровне, растущие налоговые ставки, недобросовестная конкуренция, проблемы финансового обеспечения и прочие проблемы развития существенно сдерживают темпы роста в данной сфере [6].

Осторожные действия предпринимателей следует расценить как проявление контекстного интеллекта, индикатор того, что доля людей, обладающих высоким уровнем предпринимательских способностей, выжидает более комфортных условий развития, принимая наиболее эффективные для своего бизнеса управленческие решения. Поскольку каждое принимаемое инновационное решение может быть эффективным только в том случае, если оно экономически обосновано и характеризуется минимальными затратами живого и овеществленного труда, если размеры и направления инвестирования подвергаются экономическому анализу, который подтверждает их эффективность [7]. К сожалению, большинство управленческих решений, принимаемых в сфере индивидуального предпринимательства в России, принимаются на основе контекстного интеллекта и личного опыта, слабо обоснованы и практически не подтверждаются экономико-математическими методами, которые позволяют просчитать их эффективность [8]. Следует отметить, что именно это обстоятельство существенно отличает управленческие решения индивидуальных предпринимателей и руководителей малого и мелкого бизнеса от решений, принимаемых руководителями крупных интегрированных структур, которые строятся на создании кластеров, акцентируя свое внимание на расчетах мультипликаторов балансовой стоимости и прогнозируемой выручки. Научно обосновано, что создание экономических кластеров, эффективность деятельности которых подтверждена экономико-математическими методами, является действенным механизмом управления инновационным развитием региона [9], что совершенно нехарактерно для малого и мелкого бизнеса, и тем более индивидуальных предпринимателей.

Вполне очевидно, что увеличение численности занятых в сфере малого бизнеса до 25 млн чел., согласно стратегии развития России, не сможет решить проблему инновационно-технологического развития страны и повышения качества жизни населения, поскольку желание работать в сфере малого бизнеса является необходимым, но недостаточным условием успешной экономической деятельности и успешного предпринимательства. Факторный подход к управлению качеством жизни населения связывает его рост в том числе с уровнем доходов населения. Статистические данные о составе денежных доходов населения за период с 2013 по 2017 г., представленные в табл. 3, весьма показательно интерпретируют данную ситуацию.

Согласно теории факторных доходов, денежные доходы населения соответствуют доходам от факторов производства, используемых в экономических процессах, которые находятся на правах собственности граждан, а труд, как фактор производства, неотделимый от человека, обеспечивает доход в виде официально зарегистрированной заработной платы [10]. В период с 2015 по 2017 г. значимость оплаты труда и социальных выплат в доходах населения увеличилась. Это связано с повышением минимального размера оплаты труда с 6204 руб. в 2016 г. до 8700 руб. в 2017 г., который продолжает планомерно повышаться (9489 руб. в 2018 г., 11280 руб. в 2019 г.). При этом наблюдается устойчивая тенденция сохранения доли доходов от предпринимательской деятельности населения в общем доходе, что непосредственно связано со снижением предпринимательской активности населения на фоне нестабильной экономической и политической ситуации в России. По мнению экспертов, государственная поддержка российского малого предпринимательства как на федеральном, так и на региональном уровнях нуждается в кардинальной реконструкции. В частности, необходимо изменение политики в отношении искусственного наращивания числа малых предприятий, поскольку выделенные бюджетные средства не могут автоматически вести к росту занятости в секторе малого бизнеса и тем более к росту ВРП [11].Ученые отмечают, что рост и развитие малых инновационных предприятий, нацеленных на реализацию конкурентных технологических преимуществ, которые способны дать толчок в развитии экономики, возможно только за счет использования научных знаний [12] и, следовательно, необходимо создание условий развития предпринимательских способностей, стимулирование обучения и повышения квалификации их руководителей. Именно такие действия со стороны государственных и муниципальных органов власти могут изменить эффективность принимаемых решений в сфере малого бизнеса.

Через эффективность управленческих решений в экономической деятельности проявляются предпринимательские способности. Согласно научным исследованиям российских ученых, высоким уровнем предпринимательских способностей в России обладают 6.8–8.6% населения, что почти на 3% выше, чем в западных странах [5]. Значение доли талантливых менеджеров получено в ходе исследования с помощью экономико-математических методов, на основе обработки численных значений. Исследование проводилось в период с 1999 по 2014 г. с общей численностью респондентов более 14500 чел. Графическое отображение результатов представлено в виде обобщенных рис. 1–3 [13], из которых видны основные числовые характеристики управленческого потенциала по всей совокупности данных о респондентах (математическое ожидание, дисперсия, среднеквадратичное отклонение).

Из рис. 1–3 видно, что кривая сдвигается вправо, тем самым смещая показатель среднего уровня управленческого потенциала от 49.4 балла у начинающих менеджеров, к которым следует отнести предпринимателей, до 62.4 балла у руководителей крупных компаний, что характеризует процент эффективных управленческих решений. По результатам анализа произведен расчет числа способных к высокоэффективному менеджменту людей, чей результат превосходит средний уровень управленческого потенциала. Среди начинающих менеджеров – это 2.8%; среди специалистов среднего звена – 6.7%; среди специалистов и руководителей – 16.1%. Среднее значение по всей выборке респондентов составляет 8.5%.

Результаты исследования позволяют утверждать, что возможность более высокого экономического эффекта достигается за счет роста эффективности управленческих решений. Оценке количественных показателей эффективности принимаемых управленческих решений в деятельности предпринимательских структур и методам исследования их роли отводится большое внимание ученых [14]. Отмечается, что деятельность индивидуальных предпринимателей и руководителей малого бизнеса может положительно влиять на экономический рост только в случае роста эффективности управленческих решений, которого можно добиться либо путем отбора людей с высоким уровнем управленческого потенциала, либо путем их обучения. Для этого должна быть высокой заинтересованность индивидуальных предпринимателей и руководителей малого бизнеса в развитии своего управленческого потенциала. Значение человеческих ресурсов, как главного фактора производства, затрагивает перечень проблем становления и развития творческой личности с точки зрения социально ориентированного аспекта [15].

Заметим, что реализовать внедрение методики отбора талантливых в управлении людей в современных условиях развития цифровой экономики не представляет труда. Тем более что большинство методик очень просты, незатратны и позволяют на их основе создать автоматизированную компьютерную программу для всех желающих начать предпринимательскую деятельность. Полученные результаты могут служить основанием для выбора образовательных

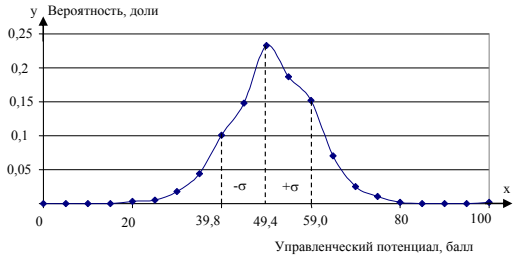


Рис. 1. Распределение вероятности оценки управленческого потенциала по группе предпринимателей

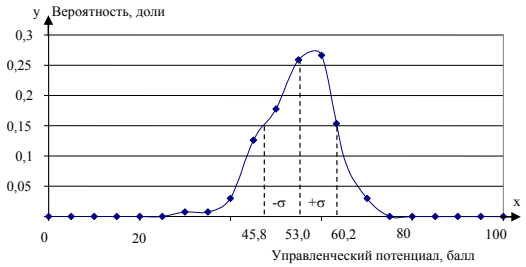


Рис. 2. Распределение вероятности оценки управленческого потенциала по группе специалистов

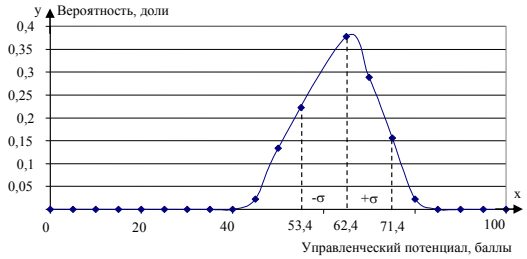


Рис. 3. Распределение вероятности оценки управленческого потенциала по выборке руководителей

направлений развития. В работах современных авторов отмечается, что большинство мероприятий, позволяющих повысить качество и эффективность управленческих решений, связано с вопросами внедрения компьютерных программ поддержки решений в практические процессы управления организациями малого бизнеса, однако низкий уровень экономико-математической подготовки не позволяет это сделать [5]. Для оценки экономической эффективности управленческих решений предлагается ввести градацию результатов с целью конкретного определения доли управленческого решения в общей эффективности производства [16].

В нашем исследовании будем ориентироваться на основные характеристики уровня предпринимательских способностей различных категорий управленческого персонала, в том числе индивидуальных предпринимателей и руководителей малого (микро-) бизнеса, полученные в результате внедрения разработанной авторами методики и представленные на рис. 1–3 [5]. В табл. 4 представлены результаты исследования процентного соотношения эффективных управленческих решений из общего числа решений в индивидуальном предпринимательстве и малом бизнесе и анализ статистических данных, необходимых для расчета экономической эффективности.

Согласно проведенным исследованиям, удельный вес эффективных управленческих решений в общем объеме принимаемых решений зависит от величины потенциала управления, которым обладает руководитель определенного уровня. Начиная свое дело или определяя свою занятость в сфере индивидуального предпринимательства, так или иначе, приходится принимать решения, от которых зависят результаты экономической деятельности. Как видно из таблицы, процент эффективных управленческих решений, принимаемых начинающими менеджерами, а именно к этой категории следует отнести тех, кто начинает путь индивидуального предпринимателя, варьируется от 29.8% до 66.3%, а эффективность решений зависит от уровня управленческого потенциала, которым обладают соискатели. В данном исследовании к группе руководителей и специалистов относятся люди, которые занимают высокие должности в крупном бизнесе и лишь в исключительных случаях меняют свой статус. В связи с этим при расчете экономического эффекта, учитывающего качество управленческих решений, следует рассматривать группу начинающих менеджеров, у которых показатель приращения качества управленческих решений талантливых менеджеров по сравнению со средним ΔR_T равен 1.694.

Как отмечалось выше, роль повышения квалификации и оценки уровня управленческого потенциала индивидуальных предпринимателей и руководителей малого бизнеса в социально-экономическом развитии страны и регионов очень высока. Экономический эффект от увеличения доли эффективных управленческих решений заключается в более высокой отдаче результатов экономической деятельности по сравнению со статистическими результатами деятельности [11].

В нашем исследовании в качестве основного показателя экономической деятельности в сфере индивидуального предпринимательства и малого бизнеса рассматриваются изменения валового регионального продукта. Следует отметить тенденцию сохранения его значений за последние годы. Используя технологию дисконтирования, можно рассчитать возможные показатели валового регионального продукта за плановый период в 6 лет, при неизменной численности работающих в сфере малого бизнеса и индивидуального предпринимательства по следующей формуле:

Таблица 4

Расчет показателей, характеризующих качество принимаемых управленческих решений

Показатели	Начинающие менеджеры	Специалисты	Руководители
Управленческий потенциал талантливых менеджеров ($R_{талант}$), баллы	66.32	69.17	73.75
Управленческий потенциал людей со средними способностями ($R_{ср.}$), баллы	49.38	53.00	62.35
Управленческий потенциал людей с минимальными способностями к менеджменту ($R_{мин.}$), баллы	29.88	33.69	43.76
Приращение качества управленческих решений талантливых менеджеров по сравнению со средним ($\Delta R_т$)	16.94	16.17	11.40

$$E_{t0} = \sum_{t=1}^{n} \frac{\Delta_t BRP}{(1+r)^t}, \qquad (1)$$

где E_{t0} – экономический эффект, тыс. руб.; $\Delta_t BRP$ – приращение валового регионального продукта (ВРП) на одного работающего менеджера в период t ($t = \overline{1,6}$), тыс. руб.; r – ставка дисконтирования.

На основе экономико-математических расчетов проведена оценка возможного экономического эффекта, полученного в результате реализации поставленных стратегических задач по увеличению численности занятых индивидуальных предпринимателей и руководителей малого и среднего бизнеса до 25 млн чел.

Расчет социально-экономического эффекта основан на расчете изменения валового регионального продукта как одного из важнейших показателей социально-экономического развития за счет увеличения численности занятых данной сферы. Простой пропорциональный расчет валового регионального продукта, дисконтированного по ставке доходности малых предприятий, осуществляется на основе формулы:

$$E_t = \frac{A}{a} \times \sum_{t=1}^{n} \frac{\Delta_t BRP}{(1+r)^t}, \qquad (2)$$

где E_t – приращение экономического эффекта, получаемого от увеличения численности занятых, тыс. руб.; A – плановая численность занятых в малом бизнесе (25 млн чел.); a – численность реально занятых в секторе малого бизнеса в 2018 году, принятом за базисный; $\Delta_t BRP$ – приращение валового регионального продукта на одного работающего менеджера в период t ($t = \overline{1,6}$), тыс. руб.; r – ставка дисконтирования.

Следовательно, возможности получения приращения социально-экономического эффекта от повышения эффективности управленческих решений индивидуальных предпринимателей и руководителей малых предприятий можно рассчитать по формуле:

$$\Delta E_t^* = \frac{A}{a} \times \left(\sum_{t=1}^{n} \frac{\Delta R_{кур} \times \Delta_t BRP}{(1+r)^t} - c \right), \qquad (3)$$

где ΔE_t^* – приращение дополнительного экономического эффекта, учитывающего эффективность принятых управленческих решений, тыс. руб.; A – плановая численность занятых в малом бизнесе; a – численность реально занятых в секторе малого бизнеса; $\Delta R_{кур}$ – прирост качественных управленческих решений по сравнению со средним значением, доли (согласно исследованиям, $\Delta R_{кур}$ составляет 16.94% или 0.1694 долей); $\Delta_t BRP$ – приращение ВРП на одного работающего менеджера в период t, тыс. руб.; r – ставка дисконтирования; c – затраты на обучение и повышение квалификации, тыс. руб.

В развернутом виде расчет чистого дисконтированного дохода с учетом качества управленческих решений представим в виде:

$$\Delta E = \frac{A}{a} \times \sum_{t=1}^{n} \frac{\Delta_t BRP}{(1+r)^t} + \\ + \frac{A}{a} \times \sum_{t=1}^{n} \frac{\Delta R_{кур} \times \Delta_t BRP}{(1+r)^t} - \left(c \times \frac{A}{a} \right), \qquad (4)$$

где ΔE – упущенные выгоды, тыс. руб.; $\Delta R_{кур}$ – приращение (улучшение) качества управленческих решений, принятых квалифицированными менеджерами, по сравнению со среднестатистическим значением качества управленческих решений; $\Delta_t BRP$ – приращение ВРП на одного работающего менеджера в период t, тыс. руб.; c – затраты на обучение и повышение квалификации, тыс. руб.; r – ставка дисконтирования.

Затраты на повышение квалификации, по данным службы занятости, на одного желающего индивидуального предпринимателя в 2019 г. составляют 68.5 тыс. руб.[2]

Рассмотрим расчет экономического эффекта от повышения качества управленческих решений на примере Нижегородской области. Данные о приращении валового регионального продукта по Нижегородской области, необходимые для расчета социально-экономического эффекта, представлены в табл. 5.

Выручка на одного менеджера рассчитывается как доходы субъектов малого пред-

Таблица 5

Данные для расчета социально-экономического эффекта от деятельности субъектов малого бизнеса (ИП и руководителей малых предприятий) по Нижегородской области Приволжского федерального округа

Год	Выручка от реализации, млн руб.[1]	Занятых в управлении, тыс. чел.[2]	Выручка на одного менеджера, тыс. руб./ чел.	ΔВыручки на одного менеджера, тыс. руб./ чел.	Доходность малого бизнеса, (*ROA*), %[3]
2013	938221.37	81.525	11508.388	–	2.0
2014	1019790.01	69.744	14621.902	3113.514	2.2
2015	1030170.40	65.515	15724.191	1102.289	2.1
2016	974296.85	79.768	12214.131	–3510.06	2.3
2017	1001495.10	106.879	9370.364	–2843.767	2.8
2018	1279553.20	100.284	12759.295	3388.931	3.4

[1] Краткий статистический сборник Нижегородской области – http://nizhstat.gks.ru.

[2] Там же.

[3] https://www.testfirm.ru/otrasli/00/

принимательства (в том числе микроорганизаций и индивидуальных предпринимателей), а количество управленцев – по числу малых предприятий и численности индивидуальных предпринимателей и микроорганизаций, во главе которых стоит единственный менеджер, принимающий управленческие решения.

Анализируя показатели табл. 1, рассчитаем значение отношения А/*а* и обозначим этот коэффициент как коэффициент планового увеличения численности управленческого персонала:

$$\frac{A}{a} = \frac{25000 \ \ тыс.\ чел.}{(3334 + 2706)\ тыс.\ чел.} = 4.139.$$

В качестве ставки дисконтирования будем рассматривать среднюю рентабельность активов в малом бизнесе за последние 6 лет, среднее значение которой составляет 2.47%:

$$\Delta E = 4.139 \times \frac{3388.931}{(1+0.0247)^6} +$$

$$+ 4.139 \times \frac{0.1694 \times 3388.931}{(1+0.0247)^6} -$$

$$-(68.5 \times 4.139) = 13885.532 \ \ тыс.\ руб.$$

Из приведенных расчетов по Нижегородской области видно, что только приращение накопленного экономического эффекта доходов малых и микро-бизнес-структур к 2024 году (ΔE_t) составит 12116.515 тыс. руб., а ΔE_t^* – приращение *дополнительного* экономического эффекта, учитывающего эффективность принятых управленческих решений, составит 13885.532 тыс. руб.

Таким образом, из расчетов следует, что приращение экономического эффекта с учетом повышения эффективности управленческих решений индивидуальных предпринимателей и руководителей малых предприятий только по Нижегородской области составит 13885.532 тыс. руб. в расчете на одного менеджера. В масштабах страны социально-экономический эффект в несколько раз превысит запланированные показатели, что существенно отразится на качестве жизни населения.

Данные расчеты доказывают необходимость обучения и повышения квалификации населения, занятого в сфере индивидуального предпринимательства и малого бизнеса, что обеспечивает получение социально-экономического эффекта за счет повышения уровня предпринимательских способностей. Полный экономический эффект, получаемый в результате деятельности людей с высоким уровнем предпринимательских способностей на местах руководителей малых предприятий и деятельности индивидуальных предпринимателей, может обеспечить значительный социальный эффект.

В качестве предложений можно рассмотреть следующие варианты изменения уровня предпринимательских способностей:

– за счет отбора талантливых менеджеров с высоким уровнем предпринимательских способностей, используя научно разработанные оцифрованные методики, создавая широкие возможности их реализации в инновационной деятельности;

– за счет повышения образовательного уровня и повышения квалификации, разрабатывая и внедряя новые программы обучения и специализированные курсы по основным направлениям макроподсистем развития [16].

Заключение

Таким образом, главный акцент, направленный на развитие малого бизнеса как одного из важнейших направлений стратегического развития России, должен быть сделан не на увеличении численности занятых в сфере индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса, а на обучении как можно большего количества людей инновационным технологиям ведения бизнеса, внедрении научных методов

принятия управленческих решений, учитывающих тенденции развития, функциональные связи и экономико-математические зависимости, а также широком использовании приемов и методов цифровой экономики.

С помощью глобальной информационной телекоммуникационной инфраструктуры можно внедрить в практическое использование разработанную российскими учеными методику выявления среди населения людей с высоким уровнем предпринимательского потенциала, способных получать высокие результаты в экономической деятельности за счет высокоэффективных управленческих решений. Социально-экономический эффект от их деятельности существенно превосходит результаты деятельности основной массы предпринимателей (82.2%), которые принимают лишь 49.9% эффективных управленческих решений из общего числа решений. Научные исследования показали, что среди индивидуальных предпринимателей и руководителей малого бизнеса высоким уровнем управленческого потенциала обладают всего 2.8% людей, а более 14% обладают низким уровнем предпринимательских способностей.

Принимая во внимание результаты данного исследования, следует отметить, что возможности получения социально-экономического эффекта от развития индивидуального предпринимательства и малого бизнеса напрямую связаны с необходимостью обучения, повышения уровня квалификации и освоения методов увеличения качества управленческих решений. Знания, умения и навыки, полученные в ходе повышения уровня профессиональной деятельности, повышения квалификации, увеличивают потенциал каждого, способствуют более рациональному распределению ресурсов и получению наиболее высоких результатов работы, в том числе за счет использования оптимизационных моделей и инновационных технологий. Эффективность управленческих решений ведет к повышению эффективности деятельности всех субъектов социально-экономических отношений, а следовательно, к развитию экономики и росту качества жизни населения.

К сожалению, на данный момент повышение квалификации индивидуальных предпринимателей и руководителей малого бизнеса не регламентировано. Повышение квалификации требует дополнительных финансовых ресурсов и времени, в связи с этим предприниматели не мотивированы на дополнительные затраты, а развитие происходит на основе собственных ошибок и накопленного опыта.

Проведенные расчеты доказывают возможность получения социально-экономического эффекта от развития индивидуального предпринимательства и малого бизнеса, а экономический эффект от предпринимательской деятельности может исчисляться десятками миллиардов рублей.

Примечания

1. Указ Президента от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
2. https://czn.nnov.ru

Список литературы

1. Информационное общество и глобальная информационная телекоммуникационная инфраструктура: Монография. Н. Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2018. 135 с. URL: http://sciprо.ru/conf/monographII.pdf

2. Захарова С.Г., Мальцев А.Н. Оценки системы управления муниципальным районом по критерию качества жизни населения // Власть. 2016. № 8. С. 67–73.

3. Захарова С.Г. Социально ориентированное управление человеческими ресурсами сельских муниципальных районов и его влияние на качество жизни населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 7–16.

4. Захарова С.Г., Борисов С.А. Место малого и среднего бизнеса в инновационном развитии сельских муниципальных районов // В кн.: Стратегическое развитие малого бизнеса и формы поддержки индивидуального предпринимательства [Электронный ресурс]: Монография. Н. Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2018. С. 144–164. URL: http://sciprо.ru/conf/monograph business.pdf.

5. Егоршин А.П., Захарова С.Г. Карьера одаренного менеджера. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Логос, 2012. 384 с.

6. Бобошко Н.М. Развитие малого и среднего бизнеса как фактор обеспечения экономической безопасности // Инновационное развитие экономики. 2017. № 6 (42). С. 351–356.

7. Яшин С.Н., Охезина Г.М., Боронин О.С. Оценка экономической эффективности и выбор инновационных решений для промышленных предприятий. Н. Новгород: Печатная Мастерская Радонеж, 2017. 162 с.

8. Хайруллина А.Р., Блаженкова Н.М. Оценка эффективности управленческих решений в предпринимательстве // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 2 (24). С. 96–102.

9. Яшин С.Н., Трифонов Ю.В., Кошелев Е.В. Формирование механизма управления инновационным развитием промышленного региона инновационных решений для промышленных предприятий: Монография. Н. Новгород: Печатная Мастерская Радонеж, 2017. 276 с.

10. Захарова С.Г., Борисов С.А. Оценка условий формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 5–18.

11. Виленский А.В. Формирование новой пространственной политики в отношении занятости некрупного предпринимательства в России // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Экономические науки. 2018. № 3 (17). С. 142–149.

12. Яшин С.Н., Крапивин В.А., Мирошкин П.П. Региональные инновационные системы: вопросы формирования и развития: Монография. Н. Новгород: Изд-во ООО «Издательство «Пламя», 2016. 160 с.

13. Жумалиева Ж.А., Киящук Т.В. Проблемы в принятии управленческих решений с позиции социально-ориентированного аспекта // Социально ориентированное управление в условиях глобализации. Материалы VI Всероссийской заочной научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов, 2017. С. 145–151.

14. Валиева В.В., Платонова Т.М., Закирова А.К. Основные количественные показатели, применяемые в методах оценки эффективности управленческих решений в деятельности предпринимательских структур // Управление. Экономический анализ. Финансы: Сборник научных трудов / Под общ. ред. И.Р. Кощегуловой. 2017. С. 113–120.

15. Витальева В.А., Зуб А.Т. Факторы эффективности принятия стратегических решений // Экономические науки. 2015. № 133. С. 13–17.

16. Коваль О.С. Совершенствование процесса разработки и реализации программы повышения эффективности управленческих решений в предпринимательских структурах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 10. С. 52–57.

17. Лексина А.А., Шеховцева Е.А., Калинин Ю.А., Попова Н.М. Подходы к оценке экономической эффективности управленческих решений // Аграрный научный журнал. 2016. № 7. С. 79–88.

18. Мокеев В.В., Плужников В.Г. Анализ главных компонент как средство повышения эффективности управленческих решений в предпринимательских структурах // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика. 2011. № 41 (258). С. 149–154.

19. Соломонов А.П. Применение компьютерных технологий для анализа и оценки эффективности управленческих решений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11 (79). С. 88–92.

20. Лексина А.А., Нечкина Е.В. Рекомендации по профессиональному принятию управленческих решений в зависимости от масштабов бизнеса // Бизнес и стратегии. 2016. № 3 (04). С. 50–55.

METHOD FOR ASSESSING THE QUALITY OF MANAGING SMALL ENTREPRENEURSHIP SUBJECTS IN THE REGIONS (CASE STUDY OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

S.G. Zakharova, N.A. Salmina, P.S. Salmin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Indicators of the quality of managerial decisions made by the leaders of small businesses in the regional context of basic economic indicators have their own specific properties, which largely depend on regional policies. Statistics of key performance indicators of entrepreneurs belonging to the category of small business shows a significant difference depending on the geographical location where the business operates. Thus, quantitative and qualitative indicators of small businesses can vary significantly from region to region. In this regard, the need arises for a more detailed study of the parameters affecting the development of small business in each subject of the Russian Federation. The authors propose a methodology for assessing the effectiveness of managing small businesses that takes into account the statistics of financial indicators tested in the context of the subjects of the Volga Federal District. The analysis presented in the article shows the possible intervals of the distribution of probability of assigning scores when assessing the quality of management of small business entities. A methodology has been developed for assessing entrepreneurial potential on the basis of discounting the likely increase in gross regional product (by improving the quality of managerial decisions). This approach allows us to assess the quality of managerial decisions made by means of financial indicators characterizing the increase in the value of GDP as a whole.

Keywords: key performance indicators, quality of managerial decisions, small business, entrepreneurial potential, discounting the gross regional product growth.

УДК 33

ОПЫТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАСТИ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В КИТАЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

© 2019 г.

И.В. Ильин, А.П. Беликов, М.Е. Гущев

Ильин Игорь Вячеславович, д.ю.н.; доц.; профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России
igor_ilyin@mail.ru
Беликов Александр Павлович, к.ю.н.; ученый секретарь ВНИИ МВД России
vnii_mvd@mvd.gov.ru
Гущев Максим Евгеньевич, к.ю.н.; декан факультета подготовки специалистов Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ
mail@nn.skspba.ru

Статья поступила в редакцию 05.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Описываются проблемные вопросы экономической безопасности в части регулирования оборота криптовалюты в США и Китае, вопросы разработки экономических и правовых мер, обеспечивающих безопасное функционирование государственной экономической системы. Рассмотрены виды экономических отношений в области оборота криптовалюты в США и Китае. Проанализированы факторы в области оборота криптовалюты, влияющие на дисбаланс экономических систем США и Китая, а также пути их нейтрализации. Рассматриваются вопросы экономической и правовой политики США и Китая в области запретов оборота, а также владения и пользования криптовалютой физическими лицами и частными организациями, функционирования бирж и иных площадок реализации криптовалюты. Проанализированы особенности принадлежности криптовалюты к определенным субъектам права, а также ее правовой и экономический статус в Китае и США, вопросы налогообложения как владения, так и реализации криптовалюты в США и Китае. Проанализирована зависимость экономических систем США и Китая от мировой глобализации и интернационализации экономических процессов, оптимизации удобства использования криптовалюты, влияющих на специфику и развитие криптовалюты внутри Китая и США.

Ключевые слова: криптовалюта, экономическая безопасность государства в области оборота криптовалюты, безопасность функционирования государственной экономической системы, экономические отношения в области оборота криптовалюты.

Введение

Знаковое появление криптовалюты на международном рынке финансовых инструментов побудило многие государства задуматься об экономической безопасности своих экономических систем. По мнению М.Н. Дудина, Н.В. Лясникова, С.Н. Сайфиевой, за десять лет «криптовалюты эволюционировали от виртуальной валюты, использовавшейся в среде ИТ-специалистов и сообществ, к платежным средствам, которые частично начали выполнять функции денег и инвестиционного спекулятивного актива, движение которого обслуживают более 180 криптовалютных бирж и более 120 криптовалютных хедж-фондов» [1, с. 28–29]. Следует также заметить, что привлекательность криптовалюты как средства легализации денежных средств, полученных преступных путем, отсутствие привязки виртуальных денег и их субъектов является фактором, влияющим на снижение экономической безопасности как государства в целом, так и его финансовых институтов [2].

В широком смысле данной проблематике посвящено множество работ, среди которых можно назвать труды А.А. Крылова, Д.В. Милютина [3], А.А. Уварова, А.В. Рыбина [4], Е.В. Сальникова, И.Н. Сальниковой [5] и др.

Криптовалюты в различных юрисдикциях квалифицируют по-разному [6]. При этом правовой статус виртуальной валюты во многом обусловлен концепцией экономической безопасности того или иного государства [7]. Немаловажным элементом обеспечения экономической безопасности страны является осуществление мониторинга и контроля за платежными операциями и владением активами [8]. В этой связи будет весьма полезным анализ опыта такого обеспечения другими странами, в том числе США и Китаем.

Методология

Проведение исследования предусматривало сравнительный анализ направлений регулирования криптовалютных отношений, обеспечи-

вающих экономическую безопасность в США и Китае. По нашему мнению, вряд ли можно их назвать однородными по своему предмету и субъектному составу.

В настоящий момент в отсутствие мировой институализации криптовалюты в мире говорить о четкой её квалификации как объекта гражданских прав нельзя.

По нашему мнению, криптовалютные отношения можно разделить на следующие виды.

1. Криптовалютные отношения в статике. Данная группа отношений характеризуется принадлежностью криптовалюты определенным субъектам права и ее характером. Здесь же необходимо определить экономико-правовой статус криптовалюты и ее принадлежность к виду объектов прав.

2. Криптовалютные отношения в динамике. Характер этих отношений определяется оборотоспособностью криптовалюты в экономическом обороте при заключении гражданско-правовых договоров, а также тем, может ли криптовалюта быть предметом сделок.

3. Разрешительные правоотношения, определяющие оборотоспособность виртуальной валюты. Характер данных экономических отношений устанавливает оборотоспособность криптовалюты в зависимости от правил, установленных государством или его органом.

4. Налоговые отношения. В целом характер этих экономических отношений определяется, с одной стороны, статусом «виртуальной валюты», который заключается в том, выступает ли этот объект товаром или является средством платежа, с другой стороны, налоговой обязанностью правообладателя в случае продажи виртуальной валюты или иного распоряжения.

5. Охранительные отношения. Характер этих отношений определяет, каким образом государство защищает субъектов, являющихся обладателями криптовалюты.

Безусловно, как новый объект экономического оборота криптовалюта получила различное регулирование в разных странах. Во многом на это повлияла политическая ситуация в государстве, уровень экономического, правового и технологического развития [9].

Поэтому характеристику экономико-правового обеспечения оборота криптовалюты в указанных странах мы рассмотрим исходя из описанных выше аспектов.

Результаты и их обсуждение

Китай. Данное государство является одним из лидеров инновационно-технологического и финансового развития. Благодаря относительно невысокой цене на электроэнергию и компьютерную технику, а также дешевой и высокодисциплинированной рабочей силе Китай представляется наиболее привлекательной площадкой для размещения майнинговых ферм. Именно поэтому в этой стране размещено наибольшее количество майнинг-пулов. Кроме этого, Китай является в высокой степени участвующим в регулировании своей экономики государством.

В этой связи КНР оказывает прямое экономико-правовое воздействие на общественные отношения, связанные с оборотом криптовалюты.

Появление криптовалюты в Китае, как в других странах мира, вначале не получало никакой правовой реакции со стороны государства, до тех пор пока использование виртуальной валюты не стало явлением.

Но причиной первой законодательной реакции Китая на криптовалютные отношения явился существенный скачок курса биткоина в 2013 году, когда его рост составил 5400% в течение года, что могло существенно пошатнуть кредитно-финансовую систему Китая, поскольку такая волатильность криптовалюты привлекла большое количество спекулянтов, активы которых из фондовых и валютных рынков стали перетекать в виртуальные рынки.

В результате Народный банк Китая, а также министерство промышленности и информационных технологий и комиссии по регулированию банковской страховой деятельности и сферы ценных бумаг опубликовали документ, которым запретили проводить операции на фондовом рынке, а также страховые операции с использованием биткоина. Кроме этого, банкам и иным кредитным учреждениям были запрещены прием биткоинов в качестве платежа по любым сделкам, осуществляемым в банковской системе, а также хранение, кредитование, фондирование, принятие в траст биткоина.

Данным документом было также указано на отсутствие какого-либо правового статуса биткоина как валюты или денежной единицы, что препятствовало его использованию в качестве средства платежа.

Кроме этого, государственные органы провели ряд организационных мероприятий по нейтрализации инфраструктуры, обеспечивающей оборот «криптовалюты» в Китае. Так, была прекращена деятельность многих интернет-площадок, где осуществлялись торги криптовалютой, а китайскому поисковику было запрещено выдавать страницы на запросы об осуществлении платежей в криптовалюте.

В прессе и на телевидении была развернута профилактическая кампания о том, что множество сделок носит корыстный характер и

направлено на незаконное получение выгоды. Было также запрещено публиковать котировки курса биткоина и иной криптовалюты.

Кроме этого, правительство Китая усмотрело в развитии оборота криптовалюты и обстоятельства, способствующие совершению таких преступлений, как легализация денежных средств и иного имущества, нажитого преступным путем, сбыт наркотических средств, взяточничество.

Впоследствии, понимая, что КНР все же необходимо интегрироваться в мировые процессы, связанные с оборотом криптовалюты, правительство Китая решило изменить вектор отношения к данным процессам в сторону повышения надежности регулирования оборота криптовалюты. Вначале было разрешено участвовать в сделках с виртуальной валютой под личную ответственность, но только через интернет-ресурсы, прошедшие регистрацию в контрольных органах Китая.

В дальнейшем Народный банк Китая заявил о том, что криптовалюта имеет правовой статус товара и все операции с ней должны квалифицироваться как сделки с товаром.

Кроме этого, в 2016 году Китай сообщил о намерении создать собственную криптовалюту, которая будет распространяться посредством многоуровневого и многосетевого маркетинга.

В итоге в КНР в 2017 году вступили в силу изменения в Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики, согласно которым криптовалюта получила правовой статус объекта гражданских прав.

Соединённые Штаты Америки. Безусловно, США являются страной, где криптовалюта получила широкое распространение. Именно в США произошла получившая широкую известность история, когда в 2010 году американец купил две пиццы за 10000 биткоинов. На тот момент это составляло 50 долларов США. При сегодняшнем курсе биткоина их количество было бы эквивалентно 80 миллионам долларов.

В то же время правовое регулирование оборота криптовалютных операций не содержит правил, позволяющих единообразно определить ее статус. Несмотря на существование федерального финансового законодательства, в каждом штате оборот криптовалюты в отдельные периоды времени регулировался по-разному. Поэтому можно говорить о правовом регулировании оборота криптовалюты в отдельных штатах.

Заключение

Китай

1. Криптовалюта в Китае имеет статус виртуальной собственности. В то же время криптовалюта не является национальной денежной единицей или валютой иностранного государства. Собственником криптовалюты может быть любое лицо: гражданин, организация, публичное образование.

2. Оборотоспособность криптовалюты в Китае определяется возможностью быть предметом сделок в качестве товара, а не денежных средств. Иными словами, криптовалюта может выступать в качестве предмета договора купли-продажи, мены, дарения. Поскольку криптовалюта не является денежным активом, она не может быть предметом договоров денежного займа, кредитного договора, финансовой аренды, не может конвертироваться в национальную денежную единицу или валюту иностранного государства, не может быть использована в качества средства платежа при любых расчетах.

3. Оборот криптовалюты в Китае официально не запрещен, и частные лица могут совершать с ней сделки без ограничений, разрешений на это со стороны государственных органов не требуется. В основном частные лица торгуют криптовалютой через различные приложения-агрегаторы или через мессенджеры, например телеграм-канал. До 2017 года биржевой оборот «криптовалюты» в основном был сосредоточен через так называемую большую тройку китайских криптовалютных бирж (Bitfinex, OkCoin, Huobi), расположенных в Гонконге, Пекине и Шанхае. До момента вмешательства правительства в деятельность криптобирж объем торгов криптовалют через китайские криптобиржи, по оценкам специалистов, достигал 90% мирового оборота.

С 2017 года на уровне государства криптобиржам стали предъявляться определенные требования и биржевой оборот криптовалюты стал строго контролироваться финансовыми институтами Китая. Причиной такого решения явились исследования Народного банка Китая, в результате которых было выявлено, что более 90% первичного размещения токенов криптовалют (ICO) потенциально носит притворный характер и имеет основной целью уклонение от уплаты налогов, легализацию имущества, приобретенного преступным путем, мошенничество, финансирование терроризма и организованной преступности. Затем со стороны Национального банка Китая последовал еще более резкий вывод о том, что доля проектов, привлекающих средства для инвестиций в первичное размещение токенов, не превышает 1%, что позволило признать почти все ICO в стране незаконными.

Усилением контроля за деятельностью криптовалютных бирж явились:

– требование о немедленном возврате инвестированных денежных средств в большинство токенов;

– запрет банкам и иным кредитным организациям на предоставление услуг ICO;

– отзыв лицензий банков и иных кредитных учреждений на предоставление услуг ICO;

– закрытие площадок и удаление соответствующих мобильных трейдинговых агрегаторов, занимающихся оборотом криптовалюты;

– полная аутентификация участников торгов;

– запрет выезда за пределы Китая руководителей платформ реализации криптовалюты.

4. Несмотря на жесткий контроль и ограничения со стороны государства в отношении оборота криптовалюты, ее статус все же определен. Виртуальная валюта является имуществом, но налог на это имущество не начисляется. В то же время отчуждатели криптовалюты обязаны платить налог на прибыль, подоходный налог, налог на добавленную стоимость, налог на прирост капитала в зависимости от правового статуса субъекта и предусмотренной для такого субъекта системы налогообложения.

5. Китай является государством, строго относящимся к защите инвестиций. Как производство, так и дальнейшая реализация криптовалюты вплотную связаны с привлечением инвестиций – фиатной валютой. Именно поэтому Китай ввел усиленный контроль за оборотом криптовалюты. Специальных норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот виртуальной валюты, в уголовном законодательстве Китая нет. В то же время в рамках существующего уголовного законодательства права участников инвестиционной деятельности в уголовно-правовом порядке охраняются особым образом.

Соединенные Штаты Америки

1. В США криптовалюта квалифицируется как ценное имущество. При этом в 2015 году американская государственная комиссия отнесла криптовалюту к биржевым товарам, что позволило ей быть предметом биржевых сделок. Законодательство штата Вашингтон обозначает оборот виртуальной валюты как денежный перевод, из чего можно сделать вывод, что в этом штате криптовалюта может быть использована в качестве средства платежа. В то же время в законодательстве США отсутствуют нормы, которые квалифицировали бы криптовалюту как денежные средства или иностранную валюту.

2. Впервые юридические основания оборота криптовалюты, а также связанных с ним технологий появились в законодательстве штата Калифорния. Калифорнийские политики Ян Кальдерон и Боб Герцеберг разработали и обеспечили принятие закона, содержащего определения блокчейна и смарт-контракта. Штат Нью-Йорк также разрешил оборот криптовалюты, но при этом такая деятельность подлежит обязательному лицензированию.

3. Сделки с криптовалютой между частными лицами не запрещены. Разрешение осуществления биржевых сделок зависит от законодательства отдельного штата. Так, например, штат Нью-Йорка разрешает создание криптобирж при условии обязательного лицензирования.

4. До недавнего времени оборот криптовалюты на уровне федерального законодательства в США облагался налогом только в случае продажи криптовалюты. С 1 января 2018 года в статью 1031(а) пункт 1 IRC-раздела Налогового кодекса США внесены изменения, согласно которым любые сделки с криптовалютой подлежат обязательному налогообложению. Причем в этот перечень включены не только сделки по продаже биткоина и других криптовалют, но и договоры мены одних криптовалют на другие. При этом в отдельных штатах, например в Калифорнии на основании вышеупомянутого закона Кальдерона, налоговая служба может запрашивать информацию с площадок, где совершаются сделки с криптовалютой.

5. Специально уголовная ответственность за преступления в области оборота криптовалюты не установлена.

Список литературы

1. Дудин М.Н., Лясников Н.В., Сайфиева С.Н. Безопасность финансовой системы России в условиях развития мирового рынка криптовалют // Проблемы рыночной экономики. 2018. № 4. С. 28–37.

2. Дудин М.Н., Лясников Н.В. Использование криптовалюты в незаконных целях: обеспечение финансово-экономической безопасности // Проблемы рыночной экономики. 2018. № 3. С. 16–23.

3. Крылов А.А., Милютин Д.В. Криптовалюта биткоин – новая форма финансового взаимодействия: основные принципы работы и угрозы экономической безопасности // Микроэкономика. 2017. № 6. С. 95–100.

4. Уварова А.А., Рыбин А.В. Правовые основы государственного регулирования и экономической безопасности в сфере цифровых и финансовых активов // Будущее науки. 2018. Т. 1. С. 321–324.

5. Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Криптовалюта как инновация экономики террора // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 3. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/86EVN316.pdf.

6. Колесова И.В., Стась Т.А. Криптовалюта: возможности и угрозы // Финансовые исследования. 2018. № 4 (61). С. 173.

7. Анохин Н.В., Шмырева А.И. Криптовалюта как инструмент финансового рынка // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3 (37). С. 39.

8. Недосекин А.О., Рейшахрит Е.И., Козловский А.Н. Криптовалюта как механизм обеспечения эко-

номической устойчивости // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 2. С. 454–455.

9. Маргацкая Г.С., Маргацкий Р.В. Новые тенденции глобального валютного рынка // Мировая экономика и профессиональное образование в новых геополитических условиях: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию университета «Туран». 2017. С. 154–157.

EXPERIENCE IN IMPROVING ECONOMIC SECURITY IN THE FIELD OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER IN CHINA AND THE UNITED STATES OF AMERICA

***I.V. Ilyin,*[1] *A.P. Belikov,*[2] *M.E. Gushchev*[3]**

[1]Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[2]Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow
[3]Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

The article describes the problematic issues of economic security in terms of regulating the cryptocurrency turnover in the US and China, the development of economic and legal measures to ensure the safe functioning of the state economic system. The types of economic relations in the field of cryptocurrency circulation in the USA and China are considered. An analysis is presented of some factors in the field of cryptocurrency turnover that affect the imbalance of the economic systems of the USA and China, as well as of the ways to neutralize them. The issues of the economic and legal policies of the United States and China in the field of trade prohibitions, as well as ownership and use of cryptocurrency by individuals and private organizations, the operation of exchanges and other platforms for the sale of cryptocurrency are also considered. The authors examine the features of cryptocurrency belonging to certain subjects of law, its legal and economic status in China and the USA, as well as the issues of taxation of both ownership and sale of cryptocurrency in the USA and China. The article also gives an analysis of the dependence of the economic systems of the United States and China on world globalization and the internationalization of economic processes, the optimization of the usability of cryptocurrencies that affect the specifics and development of cryptocurrencies within China and the United States.

Keywords: cryptocurrency, economic security of the state in the field of cryptocurrency turnover, security of the functioning of the state economic system, economic relations in the field of cryptocurrency turnover.

УДК 657

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА РАСХОДА МЕТАЛЛА В КУЗНЕЧНО-ШТАМПОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

© 2019 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.06.2019
Статья принята к публикации 28.10.2019

Целью статьи является повышение качества методологических средств управленческого учета кузнечно-штамповых производств (КШП) машиностроительных предприятий, способствующих снижению потерь и финансовой нагрузки материальных ресурсов на бюджет предприятия. В задачи исследования входит выбор оптимального метода формирования учетных данных об основном драйвере затрат КШП – металле, выявления и фиксирования отклонений от норм, их изменений, возвратных отходов и потерь. Использованы теоретические и эмпирические методы исследования обобщения и сравнения данных, формализации (структурированного описания) характеристик объекта исследования (SWOT-анализ), а также эмпирические методы наблюдения и описания предметной области. Результатом исследования явилась предложенная автором модернизация метода раскроя металла по партиям, позволяющая улучшить результаты учетной работы машиностроительных предприятий, снизить металлоемкость, повысить уровень информативности данных о стоимости затрачиваемых материальных ресурсов, повысить точность формирования финансового результата хозяйственной деятельности предприятия машиностроения. Модернизированный и уточненный вариант исследованного метода позволит контролировать актуализацию нормативной базы затрат КШП, отслеживать «виновников» и причины нарушений порядка ее применения.

Ключевые слова: кузнечно-штамповое производство, метод раскроя, металл, партии, управленческий учет, машиностроительное предприятие, промышленный кластер.

Введение

Практика эффективного управленческого учета машиностроительных предприятий нижегородского промышленного кластера показывает, что структурирование оптимального потребления материальных ресурсов, используемых в кузнечно-штамповом производстве (КШП), должно осуществляться на основе методологии, максимально адекватной организационно-управленческим и технологическим особенностям, в том числе исходя:

– из видов потребляемых материальных ценностей (сырья, полуфабрикатов собственного производства и покупных, основных и вспомогательных материалов, топлива, энергии, инструментов и т.п.);

– из характера организации производства, номенклатуры выпускаемой продукции, используемых машин и механизмов, сменности работы;

– из наличия (качества) нормативной базы затрат, приемов и способов ее актуализации и использования в управленческом учете;

– из производственной логистики (количества и размещения рабочих мест, складских помещений, времени доставки материальных ресурсов в места обработки, наличия измерительных приборов и точности измерений объемов потребления).

Широкое распространение и высокая экономическая значимость продукции машиностроения, наряду со значительной конкуренцией в этой отрасли, объясняет необходимость систематического совершенствования управленческого учета материальных затрат на производство (УУМЗ), в том числе в одном из ключевых направлений – КШП. В идеале УУМЗ представляет собой мощный инструментальный комплекс, ориентированный на обработку многоуровневого, ситуационно зависимого от изменений внутреннего и внешнего видов производственной среды массива данных о достаточно объемном количестве учетных объектов и их характеристик. Необходимо отметить, что сложность организации производства предполагает обязательное дифференцирование материальных затрат по классификационным группам, в том числе исходя из конкретных особенностей производственных подразделений, участвующих в цепочке создания стоимости. Все результаты декомпозиции пространства затрат технически оформляются в виде записей в соответствующих регистрах бухгалтерского учета.

Рис. 1. Структура затрат кузнечно-штампового производства среднестатистического предприятия машиностроения нижегородского промышленного кластера в 2017 году, %

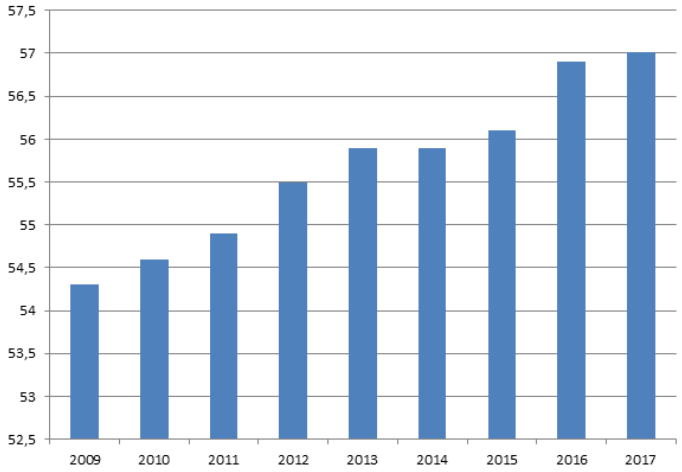


Рис. 2. Динамика удельного веса металла в общем объеме материальных затрат кузнечно-штампового производства среднестатистического предприятия машиностроения нижегородского промышленного кластера (2009–2017 гг.), %

Необходимо подчеркнуть, что практическое применение методов УУМЗ остается трудоемким даже в условиях применения средств вычислительной техники высокого уровня. Инкорпорирование УУМЗ в сложную ткань производственного менеджмента КШП и машиностроительных предприятий в целом нацелено, прежде всего, на формирование набора сведений о потреблении ресурсов такого содержания и конфигурации, который позволит обеспечить максимальную достоверность результатов учетно-калькуляционной работы и бюджетирования (сметного планирования) обычной деятельности хозяйствующего субъекта.

Проведенные автором исследования показали, что КШП машиностроительных предприятий нижегородского промышленного кластера характеризуется высоким удельным весом материальных затрат (основных сырья и материалов; покупных комплектующих изделий, полуфабрикатов покупных и собственного изготовления; топлива и энергии на технологические цели) в общем объеме производимых затрат (рис. 1). Наблюдается устойчивая тенденция увеличения данного элемента расходов (рис. 2), при этом основным драйвером роста является металл, чья стоимость создает немалую финансовую нагрузку на бюджет предприятия. Анализ материалов исследований автора показал, что причинами этого явления оказываются перерасход металла, низкий уровень его полезного использования в цепочке создания стоимости, нерациональное применение возвратных отходов, значительный объем потерь.

По мнению автора, одной из существенных причин такого положения дел является отсут-

ствие продуктивного УУМЗ в части нормирования, планирования, оперативного отражения расходования металла по номенклатурным позициям, а также контроля и анализа его использования. Так, на большинстве исследуемых предприятий нормативная база металлозатрат своевременно не обновляется, а на некоторых просто не ведется; не организован учет замен номенклатурных позиций металла; фиксируются несвоевременно и (или) не полностью отклонения от нормативных (плановых) значений; отсутствуют реестры причин и «виновников» перерасхода и т.п. Необходимо отметить, что полное отсутствие норм расходования металла скорее исключение, чем правило, но и повсеместное наличие неактуальной нормативной базы можно расценивать как отсутствие норм как таковых.

Зачастую на некоторых исследуемых предприятиях нет регламентов корректирования нормативной базы затрат металла в КШП. Списание металлозатрат на себестоимость продукции в рассматриваемых моделях учета не предполагает труда немедленного выявления отклонений от норм, а лишь при подведении итогов месяца. Подобное «растягивание» во времени важного управленческого процесса, безусловно, снижает качество управленческого процесса в целом, создает условия для необоснованного расходования оборотных средств, значительно «сужает» информационное поле принятия решений по экономии металла, что, в конечном счете, ослабляет конкурентные позиции предприятия.

Все эти проблемы, наряду с «непоставленным» бюджетированием (сметным планированием) обычных видов деятельности, в том числе КШП, в значительной степени не только осложняют учетно-калькуляционный процесс, но и заметно снижают его результативность. Отсюда следует, что целью настоящего исследования следует выбрать формирование методологии управленческого учета КШП, позволяющей в полной мере обеспечить создание устойчивых во времени условий эффективного использования материальных ресурсов и их основного вида – металла в технологическом процессе, повышение качества системы производственного менеджмента, включающей, как обязательную функцию, своевременное выявление и документирование отклонений от норм, возвратных отходов и потерь.

Задачами исследования, вытекающими из данной цели, являются формирование продуктивного метода управленческого учета затрат металла, способствующего планомерному снижению металлоемкости производства; повышению коэффициента использования металла в цепочке создания стоимости; рациональному применению возвратных отходов; сведению потерь до минимума; актуализации и контролю исполнения норм расхода металла; проведению экономического анализа причин и своевременному выявлению «виновников» всех видов непроизводительного и нерационального потребления.

Анализ существующей теоретико-методологической базы данной проблематики, проведенный автором статьи, показал неоднозначность профессиональных суждений исследователей, связанных с методологией УУМЗ, в том числе металла, в КШП. Ряд авторов (Е.В. Бехтерева [1], Л.А. Жарикова [2], Е.И. Костюкова и Р.И. Галилова [3], Ю.А. Бабаев [4], С.И. Полякова, Е.В. Старовойтова, О.В. Соловьева [5]) придерживаются мнения, что в заготовительных производствах машиностроительных предприятий (к которым относится КШП) должен применяться нормативный метод учета затрат и калькулирования себестоимости продукции. В названных выше работах не указана необходимость адаптации данного метода к типу производства.

В работах М.А. Вахрушиной, С.А. Рассказовой-Николаевой, М.И. Сидоровой [6], Л.И. Егоровой [7], В.Э. Керимова [8], Т.П. Карповой [9], Н.П. Кондракова [10], А.М. Петрова, Л.А. Мельниковой, И.А. Савина [11], М.Я. Погореловой [12], напротив, позиционируется «привязка» к типу организации КШП и в качестве метода УМЗ позиционируется позаказный метод. Выбор этого метода обусловлен присущими КШП индивидуальным и мелкосерийным типами производства. В то же время в этих научных трудах не указано на необходимость использования нормативного метода в сочетании с позаказным.

Необходимости такого сочетания уделено место в ряде отраслевых методических указаний и в научных работах (в том числе автора статьи). Так, Методические указания по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях черной металлургии содержат положение о том, что при выпуске «продукции индивидуального и мелкосерийного производства целесообразно применение позаказного метода учета с использованием элементов нормативного метода» [13]. Аналогичное положение содержится и в Методических указаниях по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях цветной металлургии [14], Методических указаниях по учету, планированию, аттестации и рационализации рабочих мест в отрасли химического и нефтяного машиностроения и т.п. [15–18].

Таблица 1

Анализ теоретико-методологической базы системы УУМЗ КШП

Формирование набора МС УУУМЗ КШП	Авторы, источники
Нормативный метод учета затрат и калькулирования себестоимости продукции	Е.В. Бехтерева, Л.А. Жарикова, Е.И. Костюкова, Р.И. Галилова, Ю.А. Бабаев, С.И. Полякова, Е.В. Старовойтова, О.В. Соловьева
Позаказный метод (без указания необходимости использования нормативной базы затрат)	М.А. Вахрушина, С.А. Рассказова-Николаева, М.И. Сидорова, Л.И. Егорова, Т.П. Карпова, В.Э. Керимов, Н.П. Кондраков, А.М. Петров, Л.А. Мельникова, И.А. Савин
Позаказный метод с использованием элементов нормативного метода (комбинированный вариант)	Методические указания по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях черной металлургии, Методические указания по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях цветной металлургии, Методические указания по учету, планированию, аттестации и рационализации рабочих мест в отрасли химического и нефтяного машиностроения; И.Е. Мизиковский, Л.К. Никандрова, М.Д. Акатьева, В.А. Носков

Результаты проведенного автором анализа теоретико-методологической базы УУМЗ КШП представлены в табл. 1.

Обоснование актуальности темы. Приведенные в табл. 1 результаты анализа теоретико-методологической базы УУМЗ КШП позволяют прийти к выводу об отсутствии общепринятого подхода к ее формированию, что, безусловно, снижает качество управления в машиностроительной промышленности. Необходимость позиционирования данного факта в качестве актуальной темы научного исследования обусловливается запросом эффективного менеджмента на структурирование и применение в практиках управленческого учета гибко настраиваемых приемов и способов адаптации УУМЗ, в том числе и в заготовительных производствах, к которым относится КШП, к быстро меняющимся условиям хозяйствования и обеспечения конкурентоспособности. Особую роль в постановке задачи играет декомпозиция материальных ресурсов в разрезе их носителей (драйверов), выделение наиболее затратоемких из них, к которым в КШП относится металл, следовательно, выбор методологии управленческого учета должен базироваться на особенностях именно этой группы материальных ресурсов.

Теоретико-методологические подходы

В ходе проведенного исследования автором использованы теоретические методы обобщения и сравнения данных, формализации (структурированного описания) характеристик объекта исследования (SWOT-анализ), а также эмпирические методы наблюдения и описания предметной области.

Результаты

По мнению автора, наиболее приемлемой формой УУМЗ КШП в части металла является комбинированный вариант использования позаказного и нормативного методов учета, интегрированных в виде метода раскроя металла по партиям (заказам) (МРМП). Данный метод удачно сочетает в себе сильные стороны нормативного и позаказного методов учета затрат на основе строгого документирования норм и фактического расходования металла в разрезах наименований выпускаемой продукции и статей калькуляции; оперативного выявления отклонений фактического расхода от нормативного значения, выяснения причин их возникновения, определения их «виновников»; фиксирования сведений о возвратных отходах и потерях.

Необходимо подчеркнуть, что использование МРМП в заготовительных производствах, в том числе и в КШП, имеет давнюю историю (см.: Мизиковский Е.А. Нормативный учет себестоимости продукции вспомогательных производств (Производственное издание). М.: Финансы и статистика, 1987. 240 с.). Вместе с тем поддержание конкурентоспособности мотивирует следование концепции «Индустрия 4.0», поддержание хозяйственной жизни предприятия в условиях четвертой промышленной революции. Данная стратегия требует значительных корректировок приемов и способов управленческого учета, имманентно предполагающего творческое развитие и адаптацию МРМП к результативным практикам управления производством. В основу модернизированного варианта данного метода, по мнению автора, должны быть положены следующие процедуры:

– мониторинг качества ведения (актуализации) нормативной базы затрат и подготовки необходимых первичных документов;

– фиксирование, типизация и систематизация возникающих отклонений, изменений норм и причин, их инициировавших (например, пониженное качество металла или сбои в его

Таблица 2

Результаты SWOT-анализа использования МРМП в КШП

Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	*Преимущества*: низкая трудоемкость, повышение качества расчетов и внутреннего контроля	*«Ослабляющие» свойства*: дополнительные затраты на подготовку производства, контроль качества, эксплуатацию и ремонт раскройных машин и механизмов
Внешняя	*Дополнительные возможности*: подетальное калькулирование норм расхода металла по всей номенклатуре выпускаемой продукции	*Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели*: необходимость систематического обновления больших объемов и сложности технологической документации, организация весового хозяйства в местах раскроя металла, изменение логистики материальных потоков

поставках, низкая квалификация персонала, изношенность и сбои в работе оборудования);

– отражение в специальных контрольно-учетных регистрах повторно возникающих негативных отклонений, непродуктивных изменений и факторов влияния на их возникновение;

– проверка фактов и результатов реагирования «виновников» на результаты контрольной работы (например, устранение причин превышения норм возвратными отходами);

– передача необходимой информации, формируемой по результатам контроля, ответственным лицам;

– обучение и вовлечение работников КШП в контрольный процесс и привитие навыков самоконтроля своей профессиональной деятельности.

Совершенствование МРМП предполагает ряд организационно-управленческих изменений традиционно используемых, устоявшихся процессов КШП, связанных с обновлением порядка подготовки заготовительного производства и логистики. Модернизация МРМП также требует максимально тщательной проверки поступающего от контрагентов металла на предмет соответствия ассортименту, потребительским свойствам, количественным параметрам, установленным критериям качества. Необходимо предусмотреть наличие современного, высокотехнологичного весового хозяйства, обеспечивающего максимально точное измерение запасов металла, в том числе не поданного на раскрой, возвратных отходов, потерь, а также массы готовой продукции.

Особую роль в реализации МРМП играет подетальное нормирование расходования металла. Этот процесс позволяет с максимальной точностью использовать учетные цены в составлении нормативных калькуляций и бюджетов (смет) выпуска продукции КШП, в оценке возвратных отходов и потерь, которые должны приниматься на учет по цене исходного металла.

В табл. 2 представлены результаты SWOT-анализа МРМП в КШП.

Заключение

Исходя из данных табл. 2 можно сделать вывод о целесообразности внедрения модернизированного варианта МРМП КШП машиностроительного предприятия, что позволит значительно улучшить методологию управленческого учета материальных затрат КШП в целом и ключевого драйвера повышения материалоемкости производства – металла. Модернизация МРМП мотивирует структуризацию объективных и долговременных условий рационального использования металла в производстве, обеспечивающих планомерную реализацию стратегии экономии металла и других производственных материалов; последовательное снижение металлоемкости производства; повышение коэффициента использования металла и возвратных отходов; сведение потерь к минимуму. Вполне очевидно, что решение этих задач влечет за собой повышение эффективности ведения базы нормированных затрат как основы учета, контроля и калькулирования затрат; проведение комплексного экономического анализа эффективности производственного металлопотребления в цепочке создания стоимости.

Адекватное отраслевым особенностям, научно обоснованное понимание сущности МРМП в немалой степени обеспечивает налаживание перманентного и эффективного производственного менеджмента в КШП, в том числе номенклатурного планирования, обеспечивает существенное повышение качества результатов учетно-калькуляционной работы и бухгалтерского учета в целом. Модернизация данного метода способствует повышению информативности данных о стоимости затрачиваемых материальных ресурсов и, следовательно, оказывает существенное влияние на повышение точности формирования финансового результата хозяйственной деятельности предприятия машиностроения.

Результаты исследований, представленных автором, полностью соответствуют поставлен-

ной цели и вытекающим из нее задачам, способствуют повышению эффективности управленческого учета и корпоративного управления КШП, являются ценным подспорьем дальнейших исследований в области улучшения работы бухгалтерской службы предприятия.

Список литературы

1. Бехтерева Е.В. Себестоимость: рациональный и эффективный учёт расходов. 5-е изд., перераб. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. 148 с.

2. Жарикова Л.А. Управленческий учет: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. 136 с.

3. Костюкова Е.И., Галилова Р.И. Организационно-методическое обеспечение управленческого учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в рыбоводческих организациях [Электронный ресурс]: Монография. Ставрополь: АГРУС, 2013. 156 с.

4. Учет затрат на производство и калькулирование себестоимости продукции (работ, услуг): Учеб.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Бабаева. М.: Вузовский учебник, 2007. 160 с.

5. Полякова С.И., Старовойтова Е.В., Соловьева О.В. Бухгалтерский учет: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. 390 с.

6. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет-1. Учебное пособие по программе подготовки и аттестации профессиональных бухгалтеров. Базовый курс. М.: Издательский дом «БИНФА», 2011. 141 с.

7. Егорова Л.И. Бухгалтерский (управленческий) учет: Учебно-методический комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 111 с.

8. Керимов В.Э. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы: Учебник для бакалавров. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 384 с.

9. Карпова Т.П. Управленческий учет: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 351 с.

10. Кондраков Н.П. Бухгалтерский учет: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 681 с.

11. Петров А.М., Мельникова Л.А., Савин И.А. Финансовый учет и отчетность: Учебник / Под ред. А.М. Петрова. М.: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2015.

12. Погорелова М.Я. Бухгалтерский (финансовый) учет: Теория и практика: Учебное пособие. М.: ИЦ РИОР: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 328 с.

13. Методические указания по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях черной металлургии. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=274645 (дата обращения: 16.02.2018).

14. Методические указания по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на предприятиях цветной металлургии. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98812, (дата обращения: 24.02.2018).

15. Методические указания по учету, планированию, аттестации и рационализации рабочих мест в отрасли химического и нефтяного машиностроения. URL: https://www.normacs.ru/Doclist/doc/VA2J.html (дата обращения: 14 .02.2018).

16. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 144 с.

17. Никандрова Л.К., Акатьева М.Д. Бухгалтерский финансовый учет: Учебник. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 277 с.

18. Носков В.А. Эффективность применения малоотходных и безотходных технологий при комплексном использовании сырья // Записки Горного института. 2011. Т. 193. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-primeneniya-maloothodnyh-i-bezothodnyh-tehnologiy-pri-kompleksnom-ispolzovanii-syrya/ (дата обращения: 14.02.2018).

METHODOLOGICAL TOOLS FOR MANAGERIAL ACCOUNTING OF METAL CONSUMPTION IN DIE FORGING

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the article is to improve the methodological tools of managerial accounting of die-forging production at machine-building enterprises. Such tools should help to reduce losses and the financial burden of material resources in the company budget. The objectives of the study include the selection of an optimum method for producing the accounting data on metal, which is the main driver of die-forging production costs, identifying and recording deviations from standards, their changes, reusable scrap and losses. The author used the theoretical and empirical methods to study, summarize and compare the data, the methods of formalization (structured description) of the research object characteristics (SWOT-analysis), as well as empirical methods of observation and description of the subject area. The result of the study was the modernization of the method of cutting metal in batches proposed by the author, which allows to improve the results of accounting work of machine-building enterprises, to reduce metal consumption, to increase the level of information about the cost of material resources, to improve the accuracy of the data on the financial results of the machine-building enterprise operation. By using the upgraded and refined version of the method, it is possible to control the updating of the regulatory cost base of die-forging production, to find the «culprits» and the cause of violations of the procedure for its application.

Keywords: die forging, production, cutting method, metal, batch, managerial accounting, machine-building enterprise, industrial cluster.

УДК 338.4

ЭКОСИСТЕМЫ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ И СФЕРЫ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

© 2019 г.

О.В. Трофимов, В.Я. Захаров, В.Г. Фролов

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru
Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaxarov48@yandex.ru
Фролов Владислав Генрихович, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.05.2019
Статья принята к публикации 25.10.2019

Рассматриваются опыт ведущих мировых компаний и результаты исследований крупнейших университетов и консалтинговых компаний в области развития цифровых экосистем. Выделены ключевые свойства цифровых экосистем; идентифицированы их наиболее распространенные типы и факторы, определяющие выбор компаниями типа экосистемы; проанализированы функции и роли участников экосистем и тенденции развития отношений между ними, а также особенности построения цифровых экосистем и показатели их успешности, проблемы и вызовы. В своем исследовании мы опирались на концептуальный подход, развиваемый Мировым экономическим форумом в Давосе. Этот анализ будет способствовать выбору российскими компаниями эффективных инструментов построения цифровых платформ в России.

Ключевые слова: экосистемы и платформы, цифровизация, участники и типы экосистем, построение экосистем, Индустрия 4.0.

Введение

В деловых публикациях термин «экосистема» встречается сегодня в 13 раз чаще, чем десять лет назад [1]. Как и любое модное слово, его стали употреблять слишком часто. Хотя этому термину придается самое разное значение, очевидно, что он отражает качественно новое и весьма значимое для всех нас явление: возникновение динамических многокомпонентных цифровых систем более высокого уровня сложности как нового способа организации экономической деятельности. Успех 7 из 10 крупнейших компаний в мире, все из которых используют новейшие цифровые технологии, преобразующие не только секторы, но и широкие области экономики, теперь зависит от развития экосистем.

Экосистемы привлекательны из-за новых возможностей, которые они создают для продуктов и услуг с использованием цифровых платформ, искусственного интеллекта, технологий Интернета вещей и новых инструментов для сбора и анализа данных. Платформенные компании показывают поразительно быстрые темпы роста по сравнению со своими традиционными конкурентами. В экосистемы включаются многие заинтересованные стороны, в том числе поставщики и производители из частного сектора, клиенты как новаторы, а также государственные и регулирующие органы из государственного сектора. Действовать в одиночку слишком обременительно для большинства компаний. Эффективнее работать совместно – дополнять, корректировать и поддерживать скоординированные действия, которые создают необходимое разнообразие навыков, активов и опыта [2].

Развитие цифровых экосистем несет с собой не только новые возможности, но и новые вызовы, новые противоречия, способы разрешения которых не очевидны и отрабатываются компаниями в многочисленных экспериментах, не всегда успешных. В этой области все окутано больше мифами, чем фактами. Между тем за последние два десятилетия передовые компании – мировые лидеры в развитии платформенной экономики накопили опыт, анализ и обобщение которого, как мы надеемся, позволит сделать более эффективным цифровое преобразование общества и будет способствовать устойчивому экономическому росту в России.

Цель настоящей статьи: проанализировать опыт ведущих мировых компаний и результаты исследований крупнейших университетов и консалтинговых компаний в области развития цифровых экосистем с тем, чтобы российские компании могли, учитывая этот опыт, выбирать эффективные инструменты построения цифровых платформ в России. Отечественному бизнесу предстоит определить, где и на каких ролях играть в возникающих технологических экосистемах и какие технологии, как физические, так и цифровые, он будет использовать для достижения своих целей.

В статье рассматриваются свойства и типы экосистем, особенности их формирования и развития, механизмы взаимодействия участников, возможности и проблемы. В своей работе мы опирались на концептуальный подход, развиваемый Мировым экономическим форумом в Давосе [1, 2].

Свойства цифровых экосистем

Конечно, бизнес-экосистемы не новы. Многие отрасли (к примеру, автомобилестроение, авиастроение и авиаперевозки) имеют хорошо развитые экосистемы, которые функционируют уже в течение многих лет. Термин «экосистема» часто используется как синоним цепочки поставок. Действительно, набор связей с поставщиками, если они являются совместными и динамичными, может быть экосистемой. Но экосистемы часто выходят за рамки такого партнерства. Мы упускаем большую ценность концепции экосистемы, если ограничиваем наш подход только поставщиками: экосистема, безусловно, может включать в себя цепочку поставок и значительно больше или вообще не включать цепочку поставок [3]. В самом общем виде, экосистемы могут охватывать любой набор взаимодействующих производителей, поставщиков, новаторов, клиентов и регуляторов, которые формируют коллективный результат.

В обсуждениях экосистем часто подчеркивают их открытость. Этот акцент понятен: все экосистемы в некоторой степени «открыты», так как они включают взаимодействия различных компаний. Но степень и вид открытости различаются в разных экосистемах. Любая открытость достигается за счет контроля, и некоторые эффективные экосистемы сравнительно закрыты в отношении либо новых участников, либо данных и интеллектуальной собственности. Ценность здесь не в том, чтобы максимизировать количество участников; данные открыты для общего доступа, но очень избранной группе, экосистема ценна, потому что она применяет строгие критерии отбора. Открытость – это выбор: в непредсказуемых ситуациях, когда исследование является ключевым, критически важным, может иметь смысл использовать более открытую систему. И наоборот, высокая открытость может быть нецелесообразной, когда системе требуется больше контроля для создания ценности [3].

Во многих дискуссиях экосистема и цифровая платформа практически не разделяются. Действительно, очень многие экосистемы включают цифровые платформы, так как цифровые технологии выводят взаимодействие участников на качественно новый уровень. Но это не должно приводить нас к игнорированию более широкого набора вариантов, которые предоставляют экосистемы.

Цифровые экосистемы состоят из взаимодействующих организаций, которые в цифровой форме подключены друг к другу, связаны как модули (блоки) и не управляются вертикальной иерархической властью (в отличие, например, от цепочки поставок). Цифровизация позволяет подключить широкий круг фирм для создания клиентского решения, удовлетворяющего широкий круг потребностей, она становится мощным драйвером развития экосистем. Цифровые технологии гораздо более модульные, они позволяют намного проще создавать взаимозависимые наборы предложений, которые способны добавить ценность для конечного потребителя. Экосистемы превращаются в многосторонние платформы, стремящиеся находить новых участников – комплементаторов, которые могут предложить новые услуги для потребителей.

Вместо того, чтобы полагаться на то, что покупатель самостоятельно интегрирует товары и услуги или купит их пакет у одного источника, инициатор платформы действует как системный интегратор, который дает возможность конечным клиентам сделать выбор из меню, которое курирует или которым управляет экосистемный дирижер. Функции экосистемного дирижера: он предоставляет важные компоненты; создает условия взаимодействия; решает, кто может заниматься созданием дополнений.

Некоторые руководители компаний предпочитают думать, что экосистемы не меняют внутреннюю работу компании. Это не так. Многие ведущие участники экосистем на самом деле сосредоточены на изменении своих внутренних процессов, чтобы стать более чувствительными и адаптироваться к динамике экосистем. Роли компаний в экосистеме не являются постоянными, одна полустабильная конфигурация заменяется другой, заставляя меняться компании, в противном случае участники экоси-

стемы будут неспособны быстро улавливать признаки возникающих возможностей.

На наших глазах начинается качественный сдвиг в развитии бизнес-экосистем: зарождаются платформы, чье появление вызвано технологиями, которые окажутся в центре следующей волны промышленной и информационной революции и получили название «глубокие технологии». Чаще всего к глубоким технологиям относят: создание материалов с новыми свойствами, искусственный интеллект, биотехнологии, блокчейн, дроны и робототехнику, фотонику и электронику, квантовые вычисления.

Глубокие технологии, в сравнении с широко используемыми в настоящее время, отличаются тремя признаками, которые формируют свойства новых экосистем [3].

1. Они создают настолько значительные преимущества и экономические ценности, что способны порождать собственные рынки и разрушать существующие отрасли, облегчая решение наиболее острых глобальных проблем (при этом они не всегда радикальные и разрушительные). Лежащие в их основании IP ИС трудно воспроизводить или они хорошо защищены, что обеспечивает долгосрочные конкурентные преимущества глубоким технологиям или препятствует доступу к ним извне. Анализ 1646 стартапов, прошедших квалификацию в 2018 году, показывает, что эти новые компании окажут существенное влияние на достижение многих целей устойчивого развития, сформулированных ООН. Число экосистем увеличивается, они требуют согласованных действий в области исследований и разработок, проявляя тенденцию к образованию мегатехнологических платформ, включающих большое число взаимодействующих технологий. Стремительный рост экосистем стал возможен благодаря развитию цифровых технологий.

2. Доведение базовых научных достижений до технологических решений, которые примут вид практических приложений для рынка, требует много времени (чем чаще всего и занимаются стартапы). Время вывода на рынок зависит от технологии и способа ее применения: по данным исследования «Здравствуй, Завтра», на биотехнологию уходит в среднем 4 года, для стартапа в блокчейне – 2.4 года, и это время всегда больше, чем для традиционных, широко доступных технологий [3].

Цифровые сети сметают барьеры внутри организаций, между организациями, отраслями и рынками; исследовательские группы становятся все более раздробленными и разнообразными, как в крупных компаниях, так и в стартапах. Знания, навыки и информация становятся более доступными, но их труднее использовать, поскольку они рассредоточены во все более и более разделенных местах – в географическом, отраслевом и функциональном отношении. Это противоречие усиливает потребность в новых способах сотрудничества в области исследований и разработок.

Каждый участник стремится быть активным в одной или нескольких небольших экосистемах, которые организованы вокруг определенной области исследований, технологий, отрасли. В результате экосистемы привлекают все больше участников из разных источников и становятся очень динамичными. Игроки приходят и уходят, создают новые виды отношений, которые не всегда формальны, определены контрактами или четко обозначены. Эти отношения часто основаны на взаимодополняемости продуктов, технологий и услуг, поэтому они обладают признаками и конкуренции, и сотрудничества, где сотрудничество преобладает (это игра с ненулевой суммой: если экосистема выигрывает, выигрывают все участники) [4, 5].

3. Для развития глубоких технологий необходимы значительные инвестиции. Потребность в финансировании зависит от вида технологий. Так, разработка первого прототипа в биотехнологии стоит в среднем примерно 1.3 миллиона долларов, а в блокчейне – 200 тысяч долларов. Рыночные и технологические риски осложняют финансирование.

Рыночные риски для инвесторов связаны с тем, что многие компании ищут финансирование задолго до появления продукта или его прототипа клиентам, когда сложно оценить силу и потенциал спроса. Технологические риски вытекают из того, что многие инвесторы не обладают специальными знаниями, необходимыми им для оценки потенциала новых технологий. Инвесторы используют для смягчения технологических рисков такие стратегии, как анализ стоимости патентов, совместное инвестирование в компании, которые обладают опытом оценки технологий, использование инкубаторов или создание сетей экспертов для оказания помощи в оценке; некоторые инвесторы просто держатся подальше от незнакомых технологий [6].

Длительное время, необходимое для выхода на рынок глубоких технологий, является проблемой для многих венчурных фондов, которым необходимо вернуть деньги партнерам по истечении определенного периода (который часто меньше, чем десять лет). В результате инвесторы ищут варианты, в которых есть проверенные пути раннего выхода, или инвестируют позже в процесс разработки продукта. Как показывают исследования, глубокие технологические старт-

Рис. 1. Участники экосистемы

Источник: «Привет, Завтра» (Hello Tomorrow), совместно с Бостонской консалтинговой группой [3, p. 27]

апы редко следуют установившемуся пути финансирования других типов молодых технологических предприятий, когда те ищут деньги у друзей и семьи, затем ангелов или начинающих инвесторов, а затем в последовательных раундах венчурных инвестиций с растущими оценками (которые подтверждают решения предыдущих инвесторов), что в конечном итоге приводит к продаже или IPO.

Глубокие технические инвестиции требуют видения, уверенности и терпения. Частные инвестиции приходят в конце цикла, когда основное внимание уделяется разработке приложений для бизнеса и рынка; государственное финансирование играет важную роль на ранней стадии; деньги друзей и семьи редко бывают значительными. Более трети из 500 стартапов, участвующих в конкурсе «Привет, Завтра» (Hello Tomorrow) 2018, получили публичное долевое финансирование; почти 20% участвовали в ускорителях или инкубаторах; 7% получали деньги от друзей и семьи, и 2% обращались к источникам краудфандинга. Совокупные глобальные частные инвестиции в глубокие технологии выросли более чем на 20% в год с 2015 года до 2018 года и достигли почти 18 миллиардов долларов [3].

Участники экосистемы

Глубокое технологическое сотрудничество меньше зависит от центрального «дирижера», а больше от многостороннего взаимодействия между участниками, у каждого из которых свои потребности и приоритеты (рис. 1).

Стартапы поставлены в центр экосистемы, потому что они играют ключевую роль в ускорении исследований, разработок и коммерциализации новой технологии или продукта, а иногда и в появлении радикальных инноваций, которые слишком рискованны для других участников. Инвесторы предоставляют финансирование, но также предлагают опыт в области корпоративного развития и стратегии выхода на рынок. Корпоративные партнеры финансируют поставки и множество других необходимых действий, немаловажное значение среди которых имеет доступ к рынкам и потенциальным клиентам. Университеты – важные партнеры по исследованиям и «ускорители стартапов», которые помогают развивать отношения с другими участниками. Стартапы обращаются к экосистеме для удовлетворения потребностей, приоритетность которых выявил опрос 2017 года: финансирование отметили 80% опрошенных, помощь в доступе к рынку – 61%, техническую экспертизу – 39%, деловой опыт и знания – 26% [3].

Крупные компании давно внедряют внешние инновации с помощью различных механизмов (приобретения, партнерские отношения, совместные предприятия, лицензирование). С появлением технологий «Индустрии 4.0», глубоких платформенных технологий резко усилилась необходимость доступа к новым технологиям и возможностям, созданным вне компании, и увеличения разнообразия моделей их привлечения и использования. Самой большой проблемой, которую многим компаниям все еще не удается преодолеть, является менталитет отторжения инноваций, созданных вне этой компании [7].

Многие компании относятся к стартапам, особенно цифровым, со скептицизмом и иногда страхом, и не без основания – много стартапов стремятся разрушить существующие отрасли новыми подходами и моделями, занять место

существующих фирм. Но это не относится к глубоким технологиям. Большинство таких стартапов не могут самостоятельно предложить новое решение на рынке; им нужен доступ к данным, лабораториям и инфраструктуре тестирования, технологическим и производственным возможностям крупных компаний, их глобальной клиентской базе или каналам продаж. На рынках B2B корпоративные партнеры незаменимы для демонстрации новых технологических возможностей в реальных условиях. Со своей стороны, крупные компании хотят получить доступ к технологии или продукту, который разрабатывает стартап. Чаще всего цели стартапов и крупных корпораций дополняют друг друга.

Все больше корпораций инвестируют в стартапы наряду с традиционными венчурными капиталистами в качестве CVC-инвесторов или в качестве партнеров с ограниченной ответственностью в венчурных фондах, отличаясь от других инвесторов бо́льшей финансовой гибкостью и глубокими техническими и производственными знаниями. Традиционные инвесторы заинтересованы в участии крупных компаний, т.к. оно снижает технологические риски для них.

При это стартапы осторожны: они знают, что культуры компаний могут конфликтовать, корпоративные партнерства трудно заставить работать и что-то не всегда получается; сотрудничество, вместо того чтобы соединить гибкость и энергию стартапа с мощью большой компании, может легко разрушиться из-за хрупкости стартапа и инерции большой компании. Из-за взаимосвязанного характера глубокой технологической экосистемы и беспроигрышного успеха для крупных компаний необходимо тщательно учитывать потребности и приоритеты всех участников при рассмотрении вопроса о том, как правильно войти в экосистему и выстроить отношения.

Инвесторы. Венчурное инвестирование становится все более конкурентоспособным и быстро растет: объем привлеченного венчурного капитала увеличивался на 12% в год с 2010 по 2016 г. Расширение доступного капитала заставило инвесторов конкурировать за нефинансовые услуги, такие как деловая экспертиза, способность устанавливать высокоуровневые связи и практическая поддержка в области юриспруденции или работы с кадрами. Конкуренция привела к специализированному подходу, когда некоторые инвесторы сосредоточиваются на определенных технологиях или секторах и корректируют временные горизонты для получения прибыли. Мудрые стартапы часто отказываются от самого большого финансового предложения в пользу получения доступа к критически важным для них нефинансовым ресурсам.

Университеты и исследовательские центры. Участие университетов в экосистеме разносторонне и направлено на ускорение развития инноваций и передачу технологий, а именно: они проводят фундаментальные исследования, которые стимулируют долгосрочные инновации; помогают своим сотрудникам, студентам и выпускникам разрабатывать и тестировать новые идеи, предоставляя технические средства, программы по предпринимательству, создавая акселераторы и даже венчурные фонды. Университеты нередко являются активными создателями экосистем, объединяя (физически и виртуально) в сети людей с соответствующими техническими знаниями из промышленности и других областей деятельности. По оценкам Бостонской консалтинговой группы, около 1500 университетов и исследовательских лабораторий по всему миру занимаются глубокими техническими исследованиями и разработками. Количество курсов по предпринимательству выросло в 20 раз: с 250 в 1985 году до 5000 в 2008 году; в настоящее время на них обучаются около 400 000 студентов в год. Исследования, проведенные ОЭСР, показывают, что число кандидатов в докторантуру увеличилось на большие двузначные проценты с 1998 по 2014 год на 15 крупнейших рынках докторантуры [3].

Правительства. Правительства всех стран поддерживают технологические исследования и разработки, но с разной степенью интенсивности. В последние два десятилетия правительство Китая было наиболее активным в финансировании исследований и разработок, его цель – совершить рывок в НИОКР, и уже видны первые результаты: страна стала ведущей в области технологических НИОКР. Правительство США, которое в прошлом активно финансировало технологические исследования и разработки (например, играло важную роль в качестве одного из первых покупателей новых технологических инноваций), стимулировало перенос центра этой деятельности в частный сектор. Европейские правительства активны, но менее результативны. В России доля государственного финансирования технологических НИОКР быстро растет, что обеспечивает лидерство страны в ряде важнейших технологий. В глобальном масштабе прямые правительственные гранты на исследования и разработки в области высоких технологий в 2013–2016 гг. росли, затем стали сокращаться.

Посредники. Они включают в себя инкубаторы и акселераторы, содействующие лаборатории (fab labs) и группы, которые организуют

конкурсы, мероприятия и сообщества. Они сосредоточены на связях, наставничестве и предоставлении услуг. Посредники – преимущественно местные организации, они вносят важный вклад в развитие локальной экосистемы и расширяют свои международные связи.

Привлекательность различных типов партнеров меняется по мере развития технологии, поэтому участники обращаются к различным заинтересованным сторонам лишь на какое-то время, чтобы получить доступ к необходимым ресурсам.

Отношения между участниками экосистемы

Каждый участник рынка, приближаясь к экосистеме, должен дать ответа на три вопроса [3]: что мы приносим в экосистему? что мы хотим от экосистемы? как мы взаимодействуем с другими для достижения наших целей?

Что мы приносим в экосистему? Поскольку экосистемы работают по беспроигрышной модели, каждый участник должен думать не только о своих собственных целях, но и о целях системы в целом и о том, как компания способна помочь экосистеме в продвижении конкретной технологии или возникающего рынка (деньги, данные, опыт, доступ к рынку или что-то иное). Все участники должны внести свой вклад и укрепить экосистему, прежде чем они смогут реализовать свои индивидуальные выгоды; определить свою позицию в системе и поощрять других участников работать с ними. Беспроигрышный характер (win-win) глубоких технологических экосистем требует, чтобы все участники инвестировали время и усилия в разработку почти исчерпывающего представления о целях, потребностях и приоритетах основных заинтересованных сторон, включая полное понимание того, что означает для них победить.

Ключ к успеху экосистемы – это стремление каждого участника продемонстрировать способность строить отношения сотрудничества, которые выходят за рамки тех, что уже существуют в действующих цепочках создания стоимости в промышленности. Проблемой является «найти то, что вы не ищете», то есть разрабатывать новые решения путем сближения опыта компаний из несвязанных областей или отраслей. Иногда экосистемы внедряются просто потому, что организации находятся в контакте (например, через отделы закупок и продаж), но эти контакты не инициируются людьми или функциями, которые могут заниматься разработкой идей.

Что мы хотим от экосистемы? Всем участникам должно быть ясно, почему они взаимодействуют с экосистемой и чего они надеются достичь; для каждого участника цели и связанные с ними временные рамки следует детализировать как можно более конкретно и в увязке с целями других, чтобы взаимодействие было максимально прозрачным. Участники должны определять ценность во всех измерениях, не только финансовых. Это будет нелегко сделать компаниям, которые не привыкли публично «делиться мышлением». Как показывает опыт, основным препятствием для серьезного технологического успеха экосистемы является неспособность участников четко определить отношения с самого начала (видение, бизнес, знания и задачи); участники должны заранее договориться об этом и быть способными обновлять эти решения по мере развития отношений.

В сложной среде, где невозможно предвидеть направление и характер изменений, экосистемы часто адаптируют свои стили управления на основе обратной связи от сотрудников и заинтересованных сторон. А это заставляет переходить от строгой вертикальной иерархии к горизонтальной и неформальным способам работы.

Как мы взаимодействуем с другими в экосистеме для достижения своих целей? Две характеристики экосистем заставляют компании переосмысливать свои методы управления:

1) экосистемы являются совместными – они растут и укрепляются благодаря постоянному взаимодействию всех заинтересованных сторон, и необходимость сотрудничества начинает доминировать над традиционными конкурентными соображениями, поэтому экосистемы строятся как сети;

2) экосистемы – это мягкие, нечетко оформленные ассоциации с неопределенным будущим и путями движения вперед. Технология может «выстрелить», а может и нет [8]; все участники будут учиться на неудачах, извлекать уроки, которые могут послужить основой для следующей инициативы или сотрудничества. Различные подходы к управлению полезны, они определенно могут провоцировать, стимулировать и увеличивать шансы на достижение желаемого результата, но они не могут его спроектировать.

В такой среде компании и инвесторы не должны мыслить с точки зрения одной, единственной «ставки». Они должны взаимодействовать со всей экосистемой и заботиться о ней, постоянно заниматься поисками в ней выигрышного стартапа или технологии. Например, брать на себя роль посредника для укрепления экосистемы и повышения шансов на то, что правильная технология «созреет». Инвесторы могут играть важную роль в «перекрестном

опылении» различных частей экосистемы, передавая технологии из одной области применения в другую; инвесторы и корпорации могут также влиять на ту часть экосистемы, которую они хотят развивать, используя различные стимулы. Многим компаниям потребуется преодолеть медленные и бюрократические процессы управления, чтобы более быстро взаимодействовать с молодыми, стремительно развивающимися стартапами.

Даже когда в экосистеме есть сильный дирижер (это, как правило, участник, который собрал вместе другие стороны), редко какой-либо участник полностью контролирует экосистему. Значение дирижера как магнита или центра притяжения важнее его значения как управляющего партнера. Кто бы не хотел, чтобы их собственная компания была центральным действующим лицом? Однако немногие компании в состоянии сделать это. Они должны обладать мощным брендом, цифровой платформой, способностью к масштабированию, убедительным взаимным видением или финансовыми ресурсами и, следовательно, способностью терпеливо исследовать и строить.

Каждый участник может влиять на направление развития экосистемы и играть несколько ролей. Более крупные и влиятельные в финансовом отношении участники, хотя и не являющиеся центральными с точки зрения целей экосистемы, могут иметь большое значение в выполнении определенных функций, таких как определение направления исследований и развития рынка. Альянсы между участниками могут изменить баланс сил в экосистеме по ключевым стратегическим вопросам.

Что изменяется с развитием глубоких технологий? Исследования показывают, что, безусловно, крупные компании, университеты и правительства по-прежнему являются основными игроками, но глубокие технологические разработки теперь с такой же вероятностью будут осуществляться командой провидцев с радикальной идеей инноваций или предпринимателей, которые, как они считают, могут быстрее найти решение больших проблем. Европейский опрос более 2000 стартапов (включая как высокотехнологичные, так и не глубокие технологические) в 2017 году показал, что более 60% основателей компаний не имеют технического образования [3]. Всегда были активные и дальновидные ученые и предприниматели. Теперь, благодаря экосистемам и платформам, эти люди получают доступ к новейшим возможностям, финансированию и другим важным ресурсам для воплощения их мечты в лаборатории и, возможно, на рынке.

Для того чтобы экосистемы были устойчивыми, заинтересованные стороны должны быть объединены доброй волей и компетенциями, им требуются механизмы для управления ожиданиями и контроля приверженности; некоторые вопросы ответственности становятся предметом дискуссий. Использование классической тактики «планируй и выполняй» введет участников в заблуждение, и в итоге они окажутся не готовыми к неожиданностям.

Традиционные финансовые показатели, такие как доходы и прибыль, не всегда являются наилучшим средством оценки реализованной в экосистеме ценности. Глубокие технологические экосистемы часто включают в себя отношения, которые строятся вокруг нетрадиционных, косвенных или нефинансовых связей, которые подталкивают корпорации, стартапы, инвесторов и других участников к разработке новых моделей сотрудничества и вознаграждения.

Экосистемы и платформы меняют природу фирм. Рынки существовали на протяжении тысячелетий, но свойства экосистем кажутся новыми. Платформенные фирмы не ведут себя как товарные фирмы. Они быстрее создают и внедряют инновации. Они работают с меньшим – часто на порядок – количеством сотрудников. Многие из них молоды, но достигают более высокой рыночной стоимости, чем у их устоявшихся конкурентов. Эти новые фирмы играют по новым правилам, которые создают проблемы традиционным фирмам, действующим по старым правилам. Платформенные фирмы с меньшим количеством сотрудников побеждают действующие фирмы, несмотря на то, что начали позже.

Фирмы индустриальной эпохи были движимы экономией от масштаба, с высокими постоянными затратами и низкими предельными издержками, и могли увеличить объем и снизить цены. Это привело к их доминированию в нефтяной, сталелитейной, электроэнергетической, железнодорожной и автомобильной промышленности. Цифровые экосистемы эпохи Интернета движимы «сетевыми эффектами»: пользователи создают ценность, привлекающую больше пользователей, которые снова создают больше ценности, которая привлекает больше пользователей и т. д. Это уже привело к их доминированию в поисковых системах, социальных сетях, операционных системах, электронной коммерции и мобильных технологиях и приведет к доминированию платформ в архитектуре, автомобильной промышленности, финансах, здравоохранении, промышленном Интернете и во многих отраслях в будущем.

Таблица 1

Три типа экосистем

	Экосистемы			
	Традиционная	Цифровизатор	Платформа	Суперплатформа
Основной вопрос	Как разработать и производить высококачественный продукт с минимальными издержками	Как оцифровать существующий продукт с помощью партнеров, сохраняя низкой сложность управления	Как беспрепятственно соединять умные вещи (связанных пользователей) на платформе, обеспечивая при этом высокий уровень обслуживания и ограничивая трения	Как интегрировать несколько платформ в одно полностью интегрированное сервисное предложение, одновременно собирая пользовательские данные с интегрированной суперплатформы
Возможности	– Сделать продукт премиум-класса – Получать премию с потребителя	– Добавлять новую функциональность – Получать премию с потребителя – Генерировать доходы от цифровых услуг	– Генерировать денежные потоки от использования платформы – Потенциально использовать данные для смежных моделей бизнеса	– Генерировать широкий набор пользовательских данных – Монетизировать данные через смежные бизнес-модели
Характеристики				
Открытость для новых партнеров	Закрытая экосистема	Закрытая экосистема	Система открытая в той или иной степени	Открытая еще больше
Количество новых партнеров	По меньшей мере 2	20 – 100	50 – 10 млн	Больше 10 млн
Количество отраслей	Примерно 1	Примерно 5	Больше 5	Больше 10

Сетевые эффекты не могут масштабироваться внутри так же легко, как снаружи. Платформенные фирмы не просто создают ценность сами, они организуют создание ценности со стороны. Сдвиг производства «наружу» позволяет иметь нулевые предельные издержки; не принимая на себя издержки производства, фирмы могут масштабироваться так быстро, как быстро они смогут добавлять партнеров [9]. Ценность платформы повышается благодаря ее использованию, тогда как ценность продукта снижается в результате использования. Платформенные фирмы используют пользователей как производителей, представляющих внешнюю рабочую силу (клиенты сами создают инновации в дополнение к имеющимся возможностям). Это означает, что фирмы должны перейти от управления ресурсами, которые они контролируют (вертикальная интеграция), к управлению ресурсами своих партнеров-волонтеров (горизонтальная координация) [10].

Участие в экосистеме – это выбор: включить или нет экосистему в вашу корпоративную стратегию? Есть много успешных компаний, которые не полагаются на экосистемы, и стремительно растет доля высокотехнологичных компаний, участвующих в экосистемах.

Выбор компаний зависит от многих факторов, в том числе: возможностей потенциальных партнеров; целей компании и ее потенциала, уровня цифровой зрелости; загрузки существующих производственных мощностей и стоимости создания новых специализированных мощностей; особенностей отрасли (рынка), ее предсказуемости и текучести; модульности продукта, которая позволяет внешним участникам понимать, как производить и потреблять, оценивать качество и быстро переключаться от потребителя к производителю и обратно.

Экосистемы становятся новым способом организации, в отличие от фирм и рынков, цепочки поставок и иерархии. У каждого из этих способов есть свое пространство, достоинства и недостатки.

Типы экосистем

Руководители компаний должны решить, какой тип экосистемы лучше всего соответствует стратегическим целям и возможностям их ком-

пании. Анализ экосистем по восьми промышленным вертикалям, проведенный Бостонской консалтинговой группой, обнаружил три их основных типа: цифровизатор сети (digitizer network), платформа и суперплатформа [11, p. 5].

Правильный выбор зависит от стратегического фокуса компании (внутренний – внешний) и ее возможностей (продуктовые – цифровые), а именно:

– если ваш основной стратегический вопрос заключается в том, как провести цифровизацию существующего продукта с помощью партнеров при низкой управленческой сложности, вам следует выбрать тип экосистемы «цифровизатор сети»; эта экосистема лучше всего подходит компаниям с сильными возможностями по созданию продуктов и ограниченным фокусом на внешних партнерах;

– если ваш основной стратегический вопрос заключается в том, как без проблем соединить умные вещи (связанных потребителей) на платформе, обеспечивая высокие уровни обслуживания и минимальные трения между производителями (поставщиками) и потребителями, то вам следует выбрать «платформу»; эта экосистема подходит компаниям с сильными цифровыми возможностями и с внешним фокусом относительно опыта, знаний;

– если ваш основной стратегический вопрос заключается в том, как соединить несколько платформ в одно полностью интегрированное предложение, охватывающее данные о пользователях всей интегрированной платформы, вам следует выбрать «суперплатформу»; этот тип экосистемы подходит компаниям с продвинутыми цифровыми возможностями, открытостью к работе с внешними партнерами и с хорошо разработанной начальной платформой.

Платформы – экосистемы, созданные на основе платформенных технологий, которые находят применение в широком спектре отраслей промышленности. Инновации последних нескольких десятилетий обусловлены главным образом появлением небольшого количества мощных платформенных технологий (к примеру, настольные компьютеры, Интернет, мобильные технологии). Платформенные технологии рождаются после десятилетий фундаментальных исследований, ведут к конкретным применениям в различных отраслях и прокладывают путь дальнейшим инновациям в течение последующих нескольких десятилетий. Инновации происходят одновременно в программном обеспечении, аппаратном обеспечении, биотехнологиях и т.д. Конвергенция технологий увеличивает их потенциал и создает импульс, который стимулирует новые промышленные революции.

Технология порождает технологию, и этот непрерывный процесс ломает все барьеры на своем пути. Облегчается доступ к оборудованию, что снижает начальные капитальные затраты; открытый исходный код программного обеспечения делает его широко доступным; правительства снимают административные барьеры, облегчая начало бизнеса; как следствие, молодые компании активно ищут новые пути для изобретений. К примеру, сегодня исследованиями и разработками в области искусственного интеллекта заняты 1300 компаний в 48 странах и 400 городах.

Выделенные выше ключевые характеристики платформ дали основание авторам работы [12] предложить следующую классификацию платформ:

– транзакционные: содействуют обменам или транзакциям между пользователями, покупателями или поставщиками, большинство компаний относится к этим платформам;

– инновационные: являются основой для разработки взаимодополняющих технологий, продуктов или услуг;

– интегрированные: сочетают свойства транзакционных и инновационных платформ, включают в себя несколько платформ, т.е. являются конгломератами платформ; их немного, но они доминируют на рынках;

– инвестиционные: объединяют компании – активных инвесторов.

Построение цифровых платформ

Платформы развиваются, как мы уже отмечали, на рынках с сетевыми внешними эффектами, где ценность участия в платформе или быть частью экосистемы является функцией от того, сколько других компаний участвуют в той же платформе или экосистеме. При таких условиях «победитель забирает все», что значительно усложняет жизнь тем, кто вступает в игру позже; тем не менее ранние, доминирующие платформы и экосистемы нередко терпят неудачу. Научные дискуссии акцентируют внимание на интересах ведущих фирм, забывая о проблемах комплементаторов – небольших, как правило, взаимозаменяемых и с гораздо меньшими правами участников [13].

Стивен Элоп (Stephen Elop), глава Nokia в 2010–2014 гг., отмечает, что битва устройств теперь стала войной экосистем, где экосистемы включают не только аппаратное и программное обеспечение устройств, но разработчиков, приложения, электронную коммерцию, рекламу, поиск, социальные приложения, сервисы на основе определения местоположения, унифици-

рованную связь и многое другое. Наши конкуренты занимают не только нашу долю рынка по продажам устройств, они занимают нашу долю рынка своей экосистемой по всем ее возможностям. Это означает, что мы должны решить, как мы будем действовать: строить экосистему, катализировать (ускорять) ее или присоединяться к экосистеме [14].

Успешное формирование платформ означает интеграцию и совместную эволюцию (коэволюцию), постоянное обновление модели среды, платформы и ее целей. Бизнес-модели фирм должны корректироваться по мере развития их экосистемы, и ключом к успеху является их способность к творчеству, деловое чутье, способность реагировать и, если потребуется, изменить направление (сильное исполнение).

Взаимодействие. Отправной точкой проектирования платформы является само взаимодействие, ибо оно создает ценность. Чем проще взаимодействие и чем ниже сопротивление участию, тем легче становится масштабирование. Дизайнеры платформы должны оценить стоимость и объем набора взаимодействий. Стартовая точка платформы зависит от того, какова нетто-ценность взаимодействия на целевом рынке и насколько часто оно повторяется.

Корпорациям нужно понимать, что они, вероятнее всего, будут работать не с одной, а со многими экосистемами. Как «стратегия альянса» или «стратегия слияний и поглощений» не фокусируется на одном альянсе или на одной сделке, так «стратегия платформы» будет сосредоточена на растущем разнообразии экосистем. Фирмам необходимо решить, участвовать ли в экосистемах, в каких системах и в каких ролях. Очень немногие могут построить свои собственные экосистемы, ибо это требует особых навыков, сильной позиции и веских причин, по которым следует обращаться как к конечному потребителю, так и к комплементаторам. Другие сочтут целесообразным принять участие в платформах в качестве стратегических партнеров или комплементаторов; иметь стратегию, которая позволит им улучшить свое положение, а не пытаться занять позицию «опорного столба экосистемы», которая может никогда не реализоваться из-за больших затрат ресурсов. Фирмы захотят скорректировать свои предложения и укрепить свои связи с дополняющими участниками (комплементаторами) и, возможно, будут стремиться продвигаться ближе к центру экосистемы; поэтому им необходимо в равной степени помнить о потребностях и конечных потребителей, и комплементаторов.

Архитектура. Дизайн платформы предполагает осторожные компромиссы между узким и широким фокусом, открытой и закрытой архитектурой. Создание широкой архитектуры предлагает партнерам по экосистеме больше платформ, на которых можно работать, расширяя шансы на успех. Узкое сосредоточение ресурсов увеличивает вероятность того, что критически важное взаимодействие будет успешным. Платформы, которые сегодня очень успешны, постепенно начинали работать в рыночной нише, где они могли бы набирать обороты, но были «одержимы» поиском новых способов повысить ценность и в конечном итоге получили влияние и власть.

Выбор открытой или закрытой платформы является проблемой. Малое открытие платформы означает, что третьи стороны не могут участвовать и добавлять ценность. Слишком большое открытие может привести к потере контроля, неспособности управлять сообществом и монетизировать результаты. Самые успешные платформы начинаются с нескольких ключевых партнеров, которые создают важные приложения, а со временем платформы открываются все больше. Так, немецкая химическая и потребительская товарная компания Henkel отступила от собственных интересов и привела партнеров на основе «кто способен приносить наибольшую пользу рынку».

Экосистемы могут быть инструментом для изменений в составе фирм и самого определения сектора, но они также могут предложить средства реорганизации и защиты действующих фирм, которые оказываются под огромным давлением, предлагая далеко идущие решения, которые охватывают постоянно растущий потенциал комплементаторов.

Предложения новых наборов товаров и услуг будут быстро расти, насколько это возможно, и укоренившиеся участники обнаружат, что решающее значение имеет глубокое понимание клиента. Получение правильных данных о клиентах и связанных с ними возможностях помогает компаниям создать правильное предложение и правильные экосистемы.

Руководство. Если открытая архитектура позволяет третьим сторонам участвовать, именно управление мотивирует их на это. Фирмы теперь используют идеи третьих сторон, которых они даже не знают. Позволить посторонним донести свои идеи до платформы для инвестирования – означает вознаграждать их за ценность, которую они создают.

Управление обеспечивает правила относительно того, кто может участвовать в платформе, как участники создают и разделяют ценность и как они решают конфликты между собой.

Хорошее управление также означает баланс интересов партнеров по экосистеме. Эффективное управление действует как справедливый омбудсмен для экосистемных противоречивых интересов.

Монетизация и доходы. Традиционно первому вопросу финансистов: «Как мы зарабатываем деньги?» – на самом деле должен предшествовать вопрос: «Как мы создаем ценность?». Только после определения того, каким образом платформа способна помочь участникам коллективно создавать ценность и насколько возможно ее монетизировать, следует спросить: «Какова наша доля в этой ценности?»

Опыт ряда мощных платформ свидетельствует, что когда внимание сосредоточивается в первую очередь на вовлечении участников, которое повышает ценность создания, а затем на получении справедливой доли этой стоимости, такая последовательность приводит к успешной монетизации. Руководители должны использовать монетизацию для стимулирования сетевых эффектов. Затем, после достижения критической массы, они используют сетевые эффекты для управления монетизацией. Монетизация включает в себя контроль над тремя потоками: поток продуктов или услуг, поток данных (информации) и поток доходов.

С точки зрения центральной фирмы, не исключено, что все потенциальные дополнения могут быть внутри компании. Для клиента стремление к разнообразию и возможность выбирать критически важны. К примеру, Apple не диктует, какие приложения покупать, но решения Apple относительно количества дополнений, которые можно предоставить, и правил участия определяют границы корзины, из которой клиенты делают свой выбор. Жажда разнообразия функций и общее желание не платить за все необходимые дополнения лежат в основе достоинств экосистем.

Еще одна тонкость заключается в том, что цены на платформе часто «двусторонние». Один партнер экосистемы получает субсидированные цены, за что платит другой. Пользователи получают бесплатный поиск и бесплатные социальные сети, а платят рекламодатели. Потребители получают субсидированные кредитные карты, пока торговцы платят. Двусторонние цены соединяют две стороны: одна платит, а другая пользуется бесплатно. Чтобы решить, какой партнер получит скидку, а какой будет платить, надо учитывать, кто из участников активнее привлекает взаимодействия и создает большую ценность.

Анализ показывает, что в качестве *показателей успеха цифровой платформы* крупнейшие компании используют следующие: доходы; рентабельность инвестиций, прибыль и доля рынка; распределение доходов между партнерами и экосистемой; доля доходов от цифровых продаж; количество участников (потребителей, поставщиков, активных пользователей); скорость привлечения клиентов и затраты на их привлечение, оценка «здоровья» и опыта клиентов, их удовлетворенности; уровень работы с талантами и другие [14, p. 12].

Вопросы, на которые должны дать ответы руководители компаний, стремящиеся построить правильные экосистемы [14, p. 17]:

– Как трансформируется наш сектор в результате появления новых возможностей, которые создают цифровые экосистемы?

– Какие болевые проблемы мы решаем для конечных клиентов этой экосистемы? Насколько наше предложение конкурентоспособно по сравнению с другими, как оно видится с точки зрения выгод для наших комплементаторов?

– Как мы можем убедиться, что формируем истинную экосистему, а не строим эго-систему, чтобы поместить нашу компанию в ее центр?

– Какую роль мы должны играть в каждой из рассматриваемых экосистем?

– Какова конечная цель нашего участия в экосистеме? Чего мы стремимся достичь?

– Какие данные и аналитические возможности нужно развивать, чтобы лучше обслуживать клиентов нашей экосистемы? Кто являются правильными членами экосистемы и какие ее связывающие узлы предложить?

Заключение

Да, новые экосистемы бросают вызов действующим фирмам и их руководителям, предлагают новые источники добавленной стоимости для клиентов, выгоды для тех, кто их организует («создает оркестр»), но они также вызывают и новые острые проблемы, одна из которых – нарастание неравенства в вознаграждениях участников. Контролировать распространение этого процесса регуляторам сложно, для этого нужны новейшие аналитические арсеналы. Привязка антимонопольного законодательства к благосостоянию потребителей, определяемому в терминах краткосрочных ценовых эффектов, не подходит для анализа власти в платформах и экосистемах. Следует учитывать влияние изменения архитектуры в секторе, экосистемы являются частью ее. Политика и регулирование, по сути, ушли от анализа последствий трансформации бизнес-моделей компаний.

Многие из дирижеров экосистем осознают свое влияние на комплементаторов и широкую

общественность и осторожно пытаются избежать проблем. Необходимы методологические формализованные рамки, чтобы увидеть, когда платформа и игроки экосистемы злоупотребляют своей позицией вместо того, чтобы воспользоваться преимуществами новых бизнес-возможностей.

Методологические разработки помогут ответить на следующие стратегические вопросы развития экосистем: какие стимулы способны обеспечить правильный и динамичный выбор потребителей и комплементаторов? как сбалансировать преимущества потребителей с рисками сильных дирижеров? как оценить относительную силу дирижеров? есть ли де-факто «захват экосистемы», который уменьшает выбор и конкуренцию? если это так, то что можно сделать, чтобы восстановить баланс? какие ключевые показатели описывают распределение власти в экосистеме? поскольку многие цифровые экосистемы стали глобальными, каким образом следует адаптировать работу организаций, регулирующих их деятельность, которая сейчас ориентирована на анализ ситуации в одной стране в определенное время?

При рассмотрении роли цифровых экосистем характер данных и способ владения ими будет иметь первостепенное значение. Чтобы удовлетворить все потребности клиентов, фирмы должны знать о них много и быть способны соответствующим образом действовать. Осуществимость и желательность наличия широкой экосистемы будет зависеть от взглядов общества относительно владения и использования данных и требований с точки зрения согласия на это клиентов.

Появление цифровых платформ и экосистем означает создание огромных новых возможностей, но и новых дилемм, проблем и вопросов для бизнеса и разработчиков экономической политики. Изучение путей решения новых проблем и вопросов является предметом более обширных последующих исследований.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00781.

Список литературы

1. Fuller J., Jacobides M.G., Reeves M. Myths and Reality of Business Ecosystems // Sloan Management Review. Feb 25th 2019. URL: https://sloanreview.mit.edu/article/the-myths-and-realities-of-business-ecosystems/

2. Шваб К. Четвертая промышленная революция: Пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2018. 208 с.

3. Portincaso M., de la Tour A. Soussan P. The Dawn of the Deep Tech Ecosystem // Boston Consulting Group & Hello Tomorrow. 2019. 3/19. 44 p. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Dawn-of-the-Deep-Tech-Ecosystem-Mar-2019-R-2_tcm91-216221.pdf

4. Parker G., Marshall van A. and Sangeet P.C. Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. W.W. Norton & Company, 2016. 352 p.

5. Jacobides M., Carmelo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems // Strategic Management Journal. 2018. Vol. 39. № 8. P. 2255–2276. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/smj.2904

6. Hagiu A. Strategic Decisions for Multisided Platforms // MIT Sloan Management Review. Research Feature. Winter 2014. URL: https://sloanreview.mit.edu/article/strategic-decisions-for-multisided-platforms/

7. Bringel M., Taylor A., Zablit H. Bringing Outside Innovation Inside // The Most Innovative Companies 2016: Getting Past «Not Invented Here». BCG report, January 2017. URL: https://www.bcg.com/publications/2017/growth-bringing-outside-innovation-inside.aspx

8. Zhu, Feng and Marco Iansiti. Why some Platforms Thrive and Others Don't // Harvard Business Review. January–February 2019. P. 118–125. URL: https://hbr.org/2019/01/why-some-platforms-thrive-and-others-dont

9. Parker G., Marshall V.A., Jiang X. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm // SSRN Electronic Journal 41(1). January 2016. 31 p. MIS Quarterly's paper-of-the year award and the Association for Information Systems' publication-of-the-year award in 2018. URL: http://ide.mit.edu/sites/default/files/publications/Platform%20Ecosystems-%20How%20Developers%20Invert%20the%20Frim.pdf

10. Marshall V.A., Parker G., Sangeet P.C. Pipelines, Platforms, and the New Rules of Strategy // Harvard Business Review. 2016. Vol. 94. № 4. P. 54–62. URL: https://hbr.org/2016/04/pipelines-platforms-and-the-new-rules-of-strategy

11. Lang N., Szczepanski von K., Wurzer C. The Emerging Art of Ecosystem Management // Boston Consulting Group. Hendersen Istitute. 1/2019. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-The-Emerging-Art-of-Ecosystem-Management-Jan-2019-rev_tcm27-212792.pdf

12. Evans P.C., Gawer F. The Rise of the Platform Enterprise: A Global Survey / The Center for Global Enterprise. The Emerging Platform Economy Series. № 1. January 2016. 31 p.

13. Zeng M. Three paradoxes of Building Platforms // Communications of the ACM. 2015. Vol. 58. № 2. P. 27–29.

14. Jacobides M.G., Sundararajan A., Marshall van A. Platforms and Ecosystems: Enabling the Digital Economy // World Economic Forum. February 2019. 32 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_ Digital_Platforms_and_Ecosystems_2019.pdf.

ECOSYSTEMS AS A METHOD OF ORGANIZING THE INTERACTION OF THE PRODUCTION AND SERVICES SECTORS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

O.V. Trofimov, V.G. Frolov, V.Ya. Zakharov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the experience of leading world companies and the research results of major universities and consulting companies in the development of digital ecosystems. We identify the key properties of digital ecosystems, as well as their most common types and factors determining the choice of ecosystem type by companies. An analysis is presented of the functions and roles of ecosystem participants and trends in the development of relations between them, as well as the features of building digital ecosystems and indicators of their success, problems and challenges. In our study, we relied on a conceptual approach developed by the World Economic Forum in Davos. This analysis will facilitate the selection by Russian companies of effective tools for building digital platforms in Russia.

Keywords: ecosystems and platforms, digitalization, participants and types of ecosystems, building ecosystems, Industry 4.0.

УДК 330.46

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БОЛЬНИЦЫ

© 2019 г.

М.А. Федоткин,[1] Е.В. Пройдакова,[2] А.Н. Эделева[3]

Федоткин Михаил Андреевич, д.ф.-м.н.; проф.; профессор кафедры программной инженерии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
fma5@rambler.ru
Пройдакова Екатерина Вадимовна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры программной инженерии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
pev_1@mail.ru
Эделева Анна Николаевна, к.м.н.; главный врач городской клинической больницы № 34 Советского района г. Нижнего Новгорода
annikedd@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2019
Статья принята к публикации 25.10.2019

Статья посвящена синтезу математической модели функционирования конкретного медицинского учреждения в виде управляющей системы. В основе данного построения лежит методология кибернетического подхода, ранее успешно применявшаяся авторами для построения математических моделей систем с переменной структурой. Созданная математическая модель позволяет по единственному измерению основных показателей результатов работы отдельного медицинского учреждения в течение каждого отчетного года получать дополнительную статистику любого конечного объема. Накопленные таким образом данные можно использовать для проведения аналитического и численного исследования и подробно изучать качество и динамику функционирования медицинского учреждения, в том числе и методами, имеющими ограничение снизу на необходимый объем данных.

Ключевые слова: управляющая система, кибернетический подход, математическая модель функционирования медицинского учреждения, сохранение здоровья.

Введение

Детальное исследование демографической ситуации в мире показывает рост числа престарелых граждан и рост заболеваемости данной категории лиц. В связи с этим требуется повышение эффективности работы существующей системы медицинских учреждений (больниц) для каждого конкретного региона, например города. Однако ограничение финансовых ресурсов в здравоохранении определяет необходимость более детального аналитического исследования величины и структуры затрат на койки в каждом из многопрофильных медицинских учреждений. Более того, необходимо анализировать динамику статей затрат лечебных учреждений по отчётным годам с точки зрения экономической классификации расходов.

Построение адекватной математической модели реальной управляющей системы является обязательным первым шагом в любом аналитическом исследовании. На сегодня методы построения моделей систем в основном исчерпываются двумя подходами. Первый подход основан на рассмотрении системы с позиции «черного ящика». Второй, так называемый «кибернетический» подход основан на представлении управляющей системы в виде n составляющих её элементов, при этом каждый такой элемент рассматривается как более простая для изучения управляющая система. Методология этих подходов подробно или частично рассмотрена на конкретных задачах в [1–4]. При кибернетическом подходе приходится предварительно детально изучить большое число n составляющих элементов системы. Каждый такой элемент, возможно, функционирует с различными характеристиками. Поэтому для решения социальной проблемы медицинского обслуживания лиц пожилого возраста не только необходимо определить функциональные и статистические связи между различными характеристиками составляющих элементов системы, но также необходимо оптимальное управление сети из медицинских учреждений.

Методология

Пусть медицинская сеть многопрофильного лечения целого региона составлена из n типовых медицинских учреждений M_1, M_1, …, M_n. Далее будем использовать кибернетический

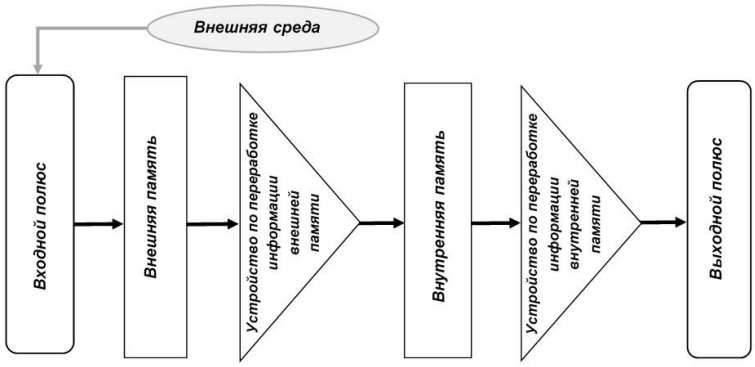


Рис. Схема типового лечебного медицинского учреждения

подход для построения и анализа математической модели типового лечебного медицинского учреждения (больницы) M_j с номером $j \in J=\{1, 2, \ldots, n\}$. Функционирование каждого медицинского учреждения, естественно, является более простой управляющей системой по сравнению с функционированием во времени всей сети многопрофильного лечения целого региона, например Нижнего Новгорода. В дальнейших исследованиях покажем, что кибернетический подход позволяет в том числе решить и задачу оптимизации функционирования всей сети из n медицинских учреждений. Известно, что администрация типового медицинского учреждения M_j и администрация медицинского отдела района в течение отчётного года $t \in T=\{1, 2, \ldots, k\}$ может выбирать управление $r(t)$ из некоторого множества R. Здесь управление $r(t)$ определяет в течение отчетного года t для медицинского учреждения M_j некоторое абстрактное воздействие, существенно влияющее на основные параметры и показатели его функционирования. Таким образом, номера 1, 2, …, k отчетных годов t задают на оси времени *дискретную шкалу функционирования* синтезируемой медицинской управляющей системы M_j, что согласовано с требованиями кибернетического подхода [1]. Длительность всего периода наблюдений за работой больницы M_j равна k.

Представим схему типового лечебного медицинского учреждения M_j в виде блочной структуры. Выделим следующие блоки: *внешняя среда, входной полюс, внешняя память, устройство по переработке информации внешней памяти, внутренняя память, устройство по переработке информации внутренней памяти и выходной полюс* (рис.). Далее рассмотрим подробнее каждый из указанных функциональных блоков.

На содержательном уровне *внешняя среда* в течение отчётного года t является существенным фактором на выбор так называемого нормативного управления $u=u(t) \in R$ для каждого типового медицинского учреждения M_j. Кроме того, *внешняя среда* в течение отчётного года t влияет на точность $\varepsilon=\varepsilon(t)$ измерений всех параметров и результатов работы медицинского учреждения M_j. Будем считать, что математическое описание *внешней среды* определяется некоторым числом $\varepsilon(t)$, для которого справедливо соотношение $0 < \varepsilon(t) < 1$.

Входной полюс задает начальные условия работы типового медицинского учреждения M_j. Пусть за каждый рассматриваемый отчетный год t при управлении $r=r(t) \in R$ величина $x_j^{(r)}(t)$ определяет число используемых коек медицинским учреждением M_j. Тогда $x_j^{(r)}(t)$ является математическим описанием *входного полюса* схемы управляющей системы больницы M_j в отчетном году t при управлении r. При управлении r структура финансирования типового медицинского учреждения M_j включает m статей затрат. Пусть переменная $i \in I=\{1, 2, \ldots, m\}$ и обозначает для каждой больницы M_j номер конкретной статьи затрат из m возможных. Тогда при управлении r величина $A_{i,j}^{(r)}(t)$ определяет стоимость затрат статьи с номером i для медицинского учреждения с номером j за каждый отчетный год с номером t. Наряду с величиной $A_{i,j}^{(r)}(t)$, которая определена при любых фиксированных значениях $i \in I$, $j \in J$, $r \in R$ и $t \in T$, введем в рассмотрение величины $Q_j^{(r)}(t)$, $G_j^{(r)}(t)$ и $L_j^{(r)}(t)$. При заданном управлении $r \in R$ в течение отчетного года $t \in T$ величины $Q_j^{(r)}(t)$, $G_j^{(r)}(t)$ и $L_j^{(r)}(t)$ определяют число пролеченных больных, число умерших больных и количество койкодней в медицинском учреждении M_j.

В дальнейшем каждую из величин n, k, m будем считать постоянными числами. Из множества I всех номеров статей затрат выделим подмножество $I_0=\{i_1, i_2, \ldots, i_s\}$ номеров $i_1 < i_2 < \ldots < i_s = m$ статей затрат и подмножество $I_1=\{a_1, a_2,$

…, a_l} последовательных номеров $a_1 < a_2 < \ldots < a_l$ статей затрат, где $l << s << m$. Статьи затрат с номерами $i_1, i_2, \ldots, i_s$ будем называть основными или укрупненными. Статьи затрат с номерами $a_1, a_2, \ldots, a_l$ являются вспомогательными или зависимыми. Статьи затрат с номерами из множества $(I \setminus I_0) \setminus I_1$ считаем независимыми. Итак, число укрупнённых статей затрат равно s, число вспомогательных статей затрат равно l и число независимых статей затрат равно $m–s–l$. Как правило, финансирование любой укрупнённой или зависимой статьи равно сумме финансирований некоторого числа заданных независимых статей затрат с номерами из множества $(I \setminus I_0) \setminus I_1$. Отметим, что укрупненные статьи затрат с номерами $i_1, i_2, \ldots, i_{s-1}$ играют важную роль в изучении структуры затрат каждого из медицинских учреждений, так как эти статьи затрат определяют при управлении r суммарный объём $A_{m,j}^{(r)}(t) = A_j^{(r)}(t)$ финансирования расходов по всем статьям затрат больницы с номером j в отчетном году t. Заметим, что множества I, I_0, I_1 и параметры m, s, l задаются руководствами (администрациями) медицинских учреждений и руководством (администрацией) медицинского отдела района. Администрация типового медицинского учреждения M_j и администрация медицинского отдела района в течение каждого отчётного года t назначает нормативное управления $u=u(t) \in R$. Нормативное управление $u=u(t)$ однозначно определяет значение $x_j^{(u)}(t)$, то есть количество используемых коек типовым медицинским учреждением M_j в течение отчётного года t. В результате функционирования больницы M_j в течение года t при использовании $x_j^{(u)}(t)$ коек измеряются её характеристики или фактические значения статей затрат $A_{1,j}^{(u)}(t)$, $A_{2,j}^{(u)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u)}(t)$ и значения основных показателей $Q_j^{(u)}(t)$, $G_j^{(u)}(t)$, $L_j^{(u)}(t)$.

В качестве математической модели блока схемы типового лечебного медицинского учреждения M_j, соответствующего *внешней памяти,* будем рассматривать следующий вектор $(A_{1,j}^{(u)}(t), A_{2,j}^{(u)}(t), \ldots, A_{m,j}^{(u)}(t), Q_j^{(u)}(t), G_j^{(u)}(t), L_j^{(u)}(t))$. При этом структура финансовых затрат $A_{1,j}^{(u)}(t)$, $A_{2,j}^{(u)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u)}(t)$ включает независимые, укрупненные и вспомогательные статьи. Для иллюстрации обоснованности такой структуры в таблице 1 перечислены наименования всех возможных статей затрат, жирным шрифтом выделены укрупненные статьи затрат.

Данные статьи затрат используются в каждом отчетном году медицинскими учреждениями регионов Приволжского федерального округа, и в том числе Нижнего Новгорода и Нижегородской области. В таблице 1 множество $I = \{1, 2, \ldots, 25\}$, множество $I_0 = \{1, 5, 16, 17, 25\}$, множество $I_1 = \{8, 12, 19\}$, множество $(I \setminus I_0) \setminus I_1 = \{2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24\}$ и $m = 25$, $s = 5$, $l = 3$. Под номерами 1, 5, 16, 17, 25 приведены укрупнённые статьи затрат. Например, финансирование статьи «Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда» определяется суммированием финансирований статей затрат под номерами 2, 3, 4. Финансирование статьи «Приобретение услуг, всего» вычисляется суммированием финансирований статей затрат под номерами 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14 и 15. Заметим, что шестнадцатая статья также является укрупнённой, хотя и не определяется как сумма некоторых независимых статей затрат. Финансирование семнадцатой статьи «Поступление нефинансовых активов» определяется суммированием финансирований статей затрат под номерами 18, 20, 21, 22, 23, 24. Величина $A_{25,j}^{(u)}(t) = A_j^{(u)}(t)$ финансирования двадцать пятой статьи «Суммарный объём затрат» определяется суммированием финансирований укрупнённых статей затрат под номерами 1, 5, 16, 17. Вспомогательные статьи затрат приведены в таблице 1 под номерами 8, 12, 19. Финансирование вспомогательной статьи 8 «Оплата коммунальных услуг» определяется суммированием финансирований статей затрат под номерами 9, 10, 11. Финансирование вспомогательной статьи 12 «Услуги по содержанию имущества» задаётся суммированием финансирований статей затрат под номерами 13, 14. Финансирование вспомогательной статьи 19 «Увеличение стоимости материальных запасов» определяется суммированием финансирований статей затрат 20, 21, 22, 23, 24.

Выбор того или иного нормативного управления $u=u(t)$ существенно влияет на результаты работы типового медицинского учреждения. Этот выбор, естественно, происходит с ошибкой. Более того, любое измерение фактических значений статей затрат $A_{1,j}^{(u)}(t)$, $A_{2,j}^{(u)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u)}(t)$ и значений основных показателей $Q_j^{(u)}(t)$, $G_j^{(u)}(t)$, $L_j^{(u)}(t)$ также осуществляется с ошибкой. У типового медицинского учреждения нет физической возможности повторять процесс функционирования в отчётном году t при назначенном управлении $u = u(t)$. Следовательно, имеется единственное измерение фактических значений статей финансовых затрат $A_{1,j}^{(u)}(t)$, $A_{2,j}^{(u)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u)}(t)$ и значений основных показателей $Q_j^{(u)}(t)$, $G_j^{(u)}(t)$, $L_j^{(u)}(t)$. Ниже рассмотрим простой метод многократной генерации единственного измерения каждой из величин $A_{1,j}^{(u)}(t)$, $A_{2,j}^{(u)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u)}(t)$, $Q_j^{(u)}(t)$, $G_j^{(u)}(t)$, $L_j^{(u)}(t)$ на примере величины $A_{2,j}^{(u)}(t)$.

Таблица 1

Статьи затрат, используемые медицинскими учреждениями в отчетном году

№ п\п	Обозначение	Наименование статьи затрат
1	$\boldsymbol{A_{1,j}^{(u)}(t)}$	**Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда**
2	$A_{2,j}^{(u)}(t)$	Оплата труда гражданских служащих
3	$A_{3,j}^{(u)}(t)$	Прочие выплаты
4	$A_{4,j}^{(u)}(t)$	Начисления на выплаты по оплате труда
5	$\boldsymbol{A_{5,j}^{(u)}(t)}$	**Приобретение услуг, всего**
6	$A_{6,j}^{(u)}(t)$	Оплата услуг связи
7	$A_{7,j}^{(u)}(t)$	Оплата транспортных услуг
8	$A_{8,j}^{(u)}(t)$	Оплата коммунальных услуг
9	$A_{9,j}^{(u)}(t)$	Освещение помещений
10	$A_{10,j}^{(u)}(t)$	Отопление помещений
11	$A_{11,j}^{(u)}(t)$	Водоснабжение помещений
12	$A_{12,j}^{(u)}(t)$	Услуги по содержанию имущества
13	$A_{13,j}^{(u)}(t)$	Капитальный ремонт
14	$A_{14,j}^{(u)}(t)$	Остальные расходы
15	$A_{15,j}^{(u)}(t)$	Прочие услуги, всего
16	$\boldsymbol{A_{16,j}^{(u)}(t)}$	**Прочие расходы**
17	$\boldsymbol{A_{17,j}^{(u)}(t)}$	**Поступление нефинансовых активов**
18	$A_{18,j}^{(u)}(t)$	Увеличение стоимости основных средств
19	$A_{19,j}^{(u)}(t)$	Увеличение стоимости материальных запасов
20	$A_{20,j}^{(u)}(t)$	Приобретение продуктов питания, в том числе специальные жиры
21	$A_{21,j}^{(u)}(t)$	Медикаменты, перевязочные средства и прочие лечебные расходы
22	$A_{22,j}^{(u)}(t)$	Оплата горюче-смазочных материалов
23	$A_{23,j}^{(u)}(t)$	Мягкий инвентарь и обмундирование
24	$A_{24,j}^{(u)}(t)$	Прочие расходные материалы
25	$\boldsymbol{A_{25,j}^{(u)}(t)}$	**Суммарный объём затрат**

Измерение независимой статьи затрат «Оплата труда гражданских служащих», приведенной в таблице 1 под номером 2, связано с большим числом вычислений, каждое из которых выполняется с незначительной ошибкой. Поэтому можно считать [1, 5], что нормативному управлению $u(t)$ соответствует случайная стоимость $\xi_{2,j}^{(u)}(t)$ статьи затрат «Оплата труда гражданских служащих», которая распределена по нормальному закону с неизвестными математическим ожиданием $M(\xi_{2,j}^{(u)}(t))$ и дисперсией $D(\xi_{2,j}^{(u)}(t))=\sigma^2$. Выберем некоторое число ε, для которого справедливо $0 < \varepsilon < 1$. Полагаем, что значение $A_{2,j}^{(u)}(t)$ измеряется с заданной точностью $\varepsilon A_{2,j}^{(u)}(t)$ и, значит, справедливо соотношение $(1-\varepsilon)A_{2,j}^{(u)}(t)<M(\xi_{2,j}^{(u)}(t))<(1+\varepsilon)A_{2,j}^{(u)}(t)$. При достаточно малом значении ε допускаем, что $M(\xi_{2,j}^{(u)}(t)) \approx A_{2,j}^{(u)}(t)$. Учитывая для закона распределения Гаусса «правило трёх сигм», получаем $A_{2,j}^{(u)}(t) + \varepsilon A_{2,j}^{(u)}(t) \approx A_{2,j}^{(u)}(t) + 3\sigma$, отсюда $\sigma\approx\varepsilon A_{2,j}^{(u)}(t)/3$. Затем для получения нового значения стоимости $\xi_{2,j}^{(u)}(t)$ статьи затрат «Оплата труда гражданских служащих» используем нормальный закон, для которого $M(\xi_{2,j}^{(u)}(t))= =A_{2,j}^{(u)}(t)$ и $D(\xi_{2,j}^{(u)}(t)) = (\varepsilon A_{2,j}^{(u)}(t)/3)^2$.

Итак, в условиях единственного измерения случайной величины $\xi_{2,j}^{(u)}(t)$ предлагается приближенный метод для формирования её новых

значений с помощью нормального закона. Этот метод будем использовать для генерации новых значений стоимостей всех независимых статей, укрупнённой шестнадцатой статьи «Прочие расходы» и генерации новых значений для числа пролеченных больных, числа умерших больных и количества койко-дней. Новые значения стоимостей для остальных статей определяются путём соответствующего суммирования полученных новых значений для независимых статей затрат. Например, новое значение стоимости вспомогательной статьи «Услуги по содержанию имущества» вычисляется путём суммирования новых значений стоимостей независимых статей затрат под номерами 13 и 14. Приведенный выше алгоритм вычисления новых значений стоимостей всех статей затрат, новых значений для числа пролеченных больных, числа умерших больных и количества койко-дней с использованием нормального закона представляет *собой устройство по переработке информации внешней памяти*.

При управлении $u=u(t)$ для медицинского учреждения M_j за каждый отчетный год t обозначим через символы $A_{i,j}^{(u;\varepsilon)}(t)$, $Q_j^{(u;\varepsilon)}(t)$, $G_j^{(u;\varepsilon)}(t)$ и $L_j^{(u;\varepsilon)}(t)$ новые (полученные с помощью нормального закона) значения стоимости затрат статьи с номером i, числа пролеченных больных, числа умерших больных и количества койко-дней соответственно. Тогда вектор вида $(A_{1,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ A_{2,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ \ldots,\ A_{m,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ Q_j^{(u;\varepsilon)}(t),\ G_j^{(u;\varepsilon)}(t),\ L_j^{(u;\varepsilon)}(t))$ определяет математическое описание блока схемы, соответствующего *внутренней памяти*.

Методика вычисления новых величин $A_{i,j}^{(r;\varepsilon)}(t)$, $Q_j^{(r;\varepsilon)}(t)$, $G_j^{(r;\varepsilon)}(t)$ и $L_j^{(r;\varepsilon)}(t)$ при $i\in I$, $j\in J$, $r \in R$ и $t\in T$ основывается на выборе нормативного или фактического управления $u(t)$ с использованием состояния $(A_{1,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ A_{2,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ \ldots,\ A_{m,j}^{(u;\varepsilon)}(t),\ Q_j^{(u;\varepsilon)}(t),\ G_j^{(u;\varepsilon)}(t),\ L_j^{(u;\varepsilon)}(t))$ блока внутренней памяти. Нормативное управление $u=u(t)$ однозначно определяет количество $x_j^{(u)}(t)$ используемых коек больницей M_j в течение отчётного года t. Основные показатели $A_{1,j}^{(u;\varepsilon)}(t)$, $A_{2,j}^{(u;\varepsilon)}(t)$, …, $A_{m,j}^{(u;\varepsilon)}(t)$, $Q_j^{(u;\varepsilon)}(t)$, $G_j^{(u;\varepsilon)}(t)$, $L_j^{(u;\varepsilon)}(t)$ позволяют при $i\in I$, $j\in J$, $t \in T$ вычислить для больницы с номером j фактические сложившиеся нормативные коэффициенты по следующим соотношениям:

$$\begin{aligned} a_{i,j}^{(\varepsilon)}(t) &= A_{i,j}^{(u;\varepsilon)}(t)\big/x_j^{(u)}(t),\\ q_j^{(\varepsilon)}(t) &= Q_j^{(u;\varepsilon)}(t)\big/x_j^{(u)}(t),\\ g_j^{(\varepsilon)}(t) &= G_j^{(u;\varepsilon)}(t)\big/x_j^{(u)}(t),\\ l_j^{(\varepsilon)}(t) &= L_j^{(u;\varepsilon)}(t)\big/x_j^{(u)}(t). \end{aligned} \tag{1}$$

Сам алгоритм вычисления нормативных коэффициентов $a_{i,j}^{(\varepsilon)}(t)$, $q_j^{(\varepsilon)}(t)$, $g_j^{(\varepsilon)}(t)$ и $l_j^{(\varepsilon)}(t)$, основанный на соотношении (1), представляет собой *устройство по переработке информации внутренней памяти* синтезируемой управляющей системы. Для больницы с номером j нормативные коэффициенты $a_{i,j}^{(\varepsilon)}(t)$, $q_j^{(\varepsilon)}(t)$, $g_j^{(\varepsilon)}(t)$, $l_j^{(\varepsilon)}(t)$ суть плотность стоимости фактических затрат статьи с номером i, плотность фактически пролеченных больных, плотность по факту умерших больных и плотность по факту койко-дней соответственно. Величины $a_{i,j}^{(\varepsilon)}(t)$, $q_j^{(\varepsilon)}(t)$, $g_j^{(\varepsilon)}(t)$, $l_j^{(\varepsilon)}(t)$ могут быть вычислены для каждого медицинского учреждения M_j в отчетном году t. Обозначим здесь и в дальнейшем через символ $[x]$ ближайшее целое число к действительному числу x. Нормативные коэффициенты в соотношении (1) позволяют при выбранном управлении $r=r(t)\in R$ и заданной точности $\varepsilon = \varepsilon(t)$ найти выборочные значения всех величин $A_{i,j}^{(r;\varepsilon)}(t)$, $Q_j^{(r;\varepsilon)}(t)$, $G_j^{(r;\varepsilon)}(t)$, $L_j^{(r;\varepsilon)}(t)$ с помощью соотношений (2):

$$\begin{aligned} A_{i,j}^{(r,\varepsilon)}(t) &= a_{i,j}^{(\varepsilon)}(t)x_j^{(r)}(t),\\ Q_j^{(r,\varepsilon)}(t) &= [q_j^{(\varepsilon)}(t)x_j^{(r)}(t)],\\ G_j^{(r,\varepsilon)}(t) &= [g_j^{(\varepsilon)}(t)x_j^{(r)}(t)],\\ L_j^{(r,\varepsilon)}(t) &= [l_j^{(\varepsilon)}(t)x_j^{(r)}(t)]. \end{aligned} \tag{2}$$

В этом случае вектор вида $(A_{1,j}^{(r;\varepsilon)}(t),\ A_{2,j}^{(r;\varepsilon)}(t),\ \ldots,\ A_{m,j}^{(r;\varepsilon)}(t),\ Q_j^{(r;\varepsilon)}(t),\ G_j^{(r;\varepsilon)}(t),\ L_j^{(r;\varepsilon)}(t))$ и соотношение (2) являются математическим описанием блока схемы, соответствующего *выходному полюсу* управляющей системы при управлении $r=r(t)$ и точности $\varepsilon = \varepsilon(t)$.

В данном разделе решена задача построения математической модели функционирования конкретного медицинского учреждения в виде управляющей кибернетической системы. Построенная математическая модель в том числе позволяет изучать влияние внешней среды на функционирование отдельного медицинского учреждения в течение отчетного года.

Результаты

В предыдущем разделе был предложен общий подход представления функционирования каждого медицинского учреждения в виде управляющей кибернетической системы. Далее рассмотрим методику отображения всех сгенерированных экспериментальных данных медицинского учреждения и способ сравнения его функционирования при фактических и новых данных. Это позволяет адекватно оценить работу каждого медицинского учреждения.

Используя результаты [1, гл. 3] фактического функционирования за период с 2007 по 2015 год каждого из пяти многопрофильных медицинских учреждений № 34, № 24, № 14, № 11 и № 37

Таблица 2

Фактическое финансирование по укрупнённым статьям затрат в 2015 году

№ п/п	Обозначение статей затрат	Фактическое финансирование укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году, руб.				
		№ 34 (j = 1)	№ 24 (j = 2)	№ 14 (j = 3)	№ 11 (j = 4)	№ 37 (j = 5)
1	$A_{1,j}^{(u)}(9)$	6014776.57	9132355.77	12007513.00	8248313.00	7216258.00
5	$A_{5,j}^{(u)}(9)$	1761009.64	1953602.25	2668096.00	2267537.00	791929.00
16	$A_{16,j}^{(u)}(9)$	92000.00	519562.50	783015.00	762450.00	74553.00
17	$A_{17,j}^{(u)}(9)$	3312185.09	3243272.22	3354175.00	3589656.00	1767588.00
25	$A_{25,j}^{(u)}(9)$	11179971.30	14848792.74	18812799.00	14867956.00	9850328.00

Таблица 3

Фактические значения основных показателей в 2015 году

Наименование основного показателя	Фактические значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году				
	№ 34 (j = 1)	№ 24 (j = 2)	№ 14 (j = 3)	№ 11 (j = 4)	№ 37 (j = 5)
Количество пролеченных человек, $Q_j^{(u)}(9)$	543	429	729	435	306
Количество умерших человек, $G_j^{(u)}(9)$	8	3	7	50	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u)}(9)$	15146	15453	15912	16656	7503
Фактический суммарный объём затрат $A_j^{(u)}(9)$, руб.	11179971.30	14848792.74	18812799.00	14867956.00	9850328.00

Нижнего Новгорода, проведём качественный анализ эффективности их деятельности при сгенерированных экспериментальных данных. В этом конкретном случае целесообразно обозначить номера этих медицинских учреждений через 1, 2, 3, 4 и 5. При этом отчетным годам 2007, 2008, …, 2015 необходимо присвоить соответственно номера 1, 2, …, 9. Итак, в этой конкретной задаче с учётом таблицы 1 параметр m=25, параметр s= 4, параметр n= 5 и параметр $k = 9$. Для получения и качественного исследования сгенерированных финансовых расходов каждого из указанных пяти типовых медицинских учреждений в дальнейшем из работы [1, с. 113–118] были использованы фактические величины $A_{i,j}^{(u)}(t)$, $i \in \{1, 2, \ldots, 25\}$, $j \in \{1, 2, 3, 4, 5\}$, $t = 1, 2, \ldots, 9$. Напомним, что при любом $t = 1, 2, \ldots, 9$ нормативное управление $u = u(t)$, которое было назначено системой медицинских учреждений, определяет следующее количество коек для больниц: $x_1^{(u)}(t)= x_2^{(u)}(t)=x_3^{(u)}(t)=x_4^{(u)}(t)= 50$, $x_5^{(u)}(t) = 25$.

Для примера и пояснений приведём в таблице 2 экспериментальные данные – фактические финансовые расходы по каждой из укрупнённых статей затрат и по каждому из медицинских учреждений за 2015 год.

В этой таблице для ориентирования приведено значение 11179971.30 руб. величины $A_{25,1}^{(u)}(9)$, которая определяет фактическое финансирование двадцать пятой статьи «Суммарный объём затрат» в больнице № 34 (j = 1) в 2015 году. Аналогично величина $A_{5,1}^{(u)}(9)$ равна 1761009.64 руб. и определяет стоимость фактических затрат по укрупнённой статье «Приобретение услуг, всего» в первой больнице в 2015 году.

В таблице 3 приведены значения основных показателей $Q_j^{(u)}(9)$, $G_j^{(u)}(9)$,$L_j^{(u)}(9)$, $A_j^{(u)}(9)$, $j \in \{1, 2, 3, 4, 5\}$ работы рассматриваемых медицинских учреждений Нижнего Новгорода при указанном нормативном управлении u. Напомним, что к основным показателям в 2015 году для каждой больницы относятся количество $Q_j^{(u)}(9)$ пролеченных больных, количество $G_j^{(u)}(9)$ умерших человек, количество $L_j^{(u)}(9)$ койко-дней и количество $A_j^{(u)}(9)$ фактического суммарного финансирования по всем статьям затрат, где $A_{25,j}^{(u)}(9) = A_j^{(u)}(9)$.

Далее, с использованием описанного выше алгоритма на основе нормального закона получим новые значения $A_{1,j}^{(u;\varepsilon)}(9)$, $A_{2,j}^{(u;\varepsilon)}(9)$, …, $A_{m,j}^{(u;\varepsilon)}(9)$, $Q_j^{(u;\varepsilon)}(9)$, $G_j^{(u;\varepsilon)}(9)$, $L_j^{(u;\varepsilon)}(9)$. Здесь полагаем $\varepsilon = 0.01$ и рассмотрим первую реализацию нормального закона, которую ради простоты обозначим через символ ω_1. Отметим, что этот метод будем использовать для генерации новых значений стоимостей всех независимых

Таблица 4

Сгенерированные значения укрупнённых статей затрат в 2015 году (ε = 0.01 и ω_1)

Наименования статей затрат	Сгенерированные значения для укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.01 и реализации нормального закона ω_1, руб.				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	6024916.30	9147751.14	12027755.32	8262218.04	7228423.20
Приобретение услуг, всего, $A_{5,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	1763978.36	1956895.64	2672593.89	2271359.62	793264.04
Прочие расходы, $A_{16,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	92155.09	520438.38	784335.01	763735.34	74678.68
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	3317768.79	3248739.74	3359829.48	3595707.46	1770567.81
Суммарный объём затрат, $A_{25,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	11198818.54	14873824.90	18844513.70	14893020.47	9866933.73

Таблица 5

Сгенерированные значения основных показателей в 2015 году (ε = 0.01 и ω_1)

Наименование основного показателя	Сгенерированные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.01 и реализации нормального закона ω_1				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек, $Q_j^{(u;\,0,01)}(9)$	543.92	429.72	730.23	435.73	306.52
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,01)}(9)$	8.01	3.01	7.01	50.08	10.02
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,01)}(9)$	15171.53	15479.05	15938.82	16684.08	7515.65

Таблица 6

Сгенерированные значения плотностей для статей затрат в 2015 году (ε = 0.01 и ω_1)

Наименования статей затрат	Сгенерированные значения плотностей для статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.01 и реализации нормального закона ω_1				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $a_{1,j}^{(0,01)}(9)$	120498.326	182955.023	240555.106	165244.361	289136.928
Приобретение услуг, всего, $a_{5,j}^{(0,01)}(9)$	35279.567	39137.913	53451.878	45427.192	31730.561
Прочие расходы, $a_{16,j}^{(0,01)}(9)$	1843.102	10408.768	15686.700	15274.707	2987.147
Поступление нефинансовых активов, $a_{17,j}^{(0,01)}(9)$	66355.376	64974.795	67196.590	71914.149	70822.712
Суммарная затрата, $a_{25,j}^{(0,01)}(9)$	223976.371	297476.498	376890.274	297860.409	394677.349

статей и укрупнённой шестнадцатой статьи. В таблице 4 приведены укрупненные статьи затрат, вычисляемые на основе суммирования независимых статей, и укрупнённая статья «Прочие расходы». Здесь $A_j^{(u;\,0,01)}(9) = A_{25,j}^{(u;\,0,01)}(9)$.

В таблице 5 приведены сгенерированные значения величин $Q_j^{(u;\,0,01)}(9)$, $G_j^{(u;\,0,01)}(9)$, $L_j^{(u;\,0,01)}(9)$ для числа пролеченных больных, числа умерших больных и, наконец, количества койко-дней. Затем вычисляем по сгенерированным значениям фактических показателей для каждого медицинского учреждения с номером j нормативные коэффициенты (плотности) $a_{i,j}^{(0,01)}(9)$, $q_j^{(0,01)}(9)$, $g_j^{(0,01)}(9)$ и $l_j^{(0,01)}(9)$ по соотношениям (1). Плотности $a_{i,j}^{(0,01)}(9)$ стоимости фактических затрат по укрупненным статьям, то есть для $i \in \{1, 5, 16, 17, 25\}$, приведены в таблице 6, а плотность $q_j^{(0,01)}(t)$ фактически пролеченных больных, плотность $g_j^{(0,01)}(9)$ по факту умерших больных и плотность $l_j^{(0,01)}(9)$ по факту койко-дней – в таблице 7.

По найденным нормативным коэффициентам и при заданном управлении $r=r(9)\in R$ можем вычислить величины $A_{i,j}^{(r;0,01)}(9)$, $Q_j^{(r;0,01)}(9)$, $G_j^{(r;0,01)}(9)$, $L_j^{(r;0,01)}(9)$ с помощью соотношений (2). В данном случае в качестве примера полагаем $r=u(9)=u$. Тогда количество коек остается неизменным и $x_1^{(u)}(9) = x_2^{(u)}(9) = x_3^{(u)}(9) = x_4^{(u)}(9) = 50$, а $x_5^{(u)}(9) = 25$. При значении ε= 0.01 и реализации нормального закона ω_1 выборочные значения величин $A_{i,j}^{(u;\,0,01)}(9)$, $i \in \{1, 5, 16, 17, 25\}$ по

Таблица 7

Сгенерированные значения нормативных коэффициентов основных показателей в 2015 году ($\varepsilon = 0.01$ и ω_1)

Наименование нормативного коэффициента	Сгенерированные значения нормативных коэффициентов основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при $\varepsilon = 0.01$ и реализации нормального закона ω_1				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Плотность пролеченных человек, $q_j^{(0,01)}(9)$	10.878	8.594	14.605	8.715	12.261
Плотность умерших человек, $g_j^{(0,01)}(9)$	0.160	0.060	0.140	1.002	0.401
Плотность койко-дней, $l_j^{(0,01)}(9)$	303.431	309.581	318.776	333.682	300.626

Таблица 8

Выборочные значения основных показателей в 2015 году ($\varepsilon = 0.01$ и ω_1)

Наименование основного показателя	Выборочные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при $\varepsilon = 0.01$ и реализации нормального закона ω_1				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек $Q_j^{(u;\,0,01)}(9)$	544	430	730	436	307
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,01)}(t)$	8	3	7	50	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,01)}(9)$	15172	15479	15939	16684	7516

Таблица 9

Выборочные значения для укрупнённых статей затрат в 2015 году ($\varepsilon = 0.01$ и ω_2)

Наименования статей затрат	Выборочные значения для укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году при $\varepsilon = 0.01$ и реализации нормального закона ω_2, руб.				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	6011833.37	9127887.06	12001637.40	8244276.88	7212726.89
Приобретение услуг, всего, $A_{5,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	1760147.93	1952646.30	2666790.43	2266427.43	791541.49
Прочие расходы, $A_{16,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	91954.98	519308.26	782631.85	762076.91	74516.52
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,j}^{(u;\,0,01)}(9)$	3310564.35	3241685.20	3352533.71	3587899.49	1766723.07
Суммарная затрата, $A_{25,j}^{(u\,;\,0,01)}(9)$	11174500.64	14841526.83	18803593.40	14860680.71	9845507.97

укрупненным статьям приведены в таблице 4. В таблице 8 приведены выборочные значения величин $Q_j^{(u;\ 0,01)}(9)$, $G_j^{(u;\ 0,01)}(9)$ и$L_j^{(u;\ 0,01)}(9)$ для числа пролеченных больных, числа умерших больных и количества койко-дней при $\varepsilon = 0.01$ и реализации ω_1.

Таблицы 9 и 10 содержат те же показатели при ε=0.01, что и в таблицах 4 и 8, но при этом используется вторая реализация нормального закона, обозначаемая теперь через символ ω_2.

Например, в таблице 10 приведены значения величин $Q_j^{(u;\ 0,01)}(9)$, $G_j^{(u;\ 0,01)}(9)$ и $L_j^{(u;\ 0,01)}(9)$ для числа пролеченных больных, числа умерших больных и количества койко-дней при ε=0.01 и реализации нормального закона ω_2.

При сравнении выборочных значений по укрупненным статьям финансовых затрат и основных показателей при ε=0.01 и аналогичных выборочных значений при ε=0.02 оказалось, что они отличаются несущественно. В качестве подтверждения этого факта достаточно сравнить числовые данные таблиц 10 и 12. В силу этого, в таблицах 11, 12 приведены те же величины, что и в таблицах 9 и 10, но только при $\varepsilon = 0.02$ и для одной реализации ω_2. Ниже приведены аналогичные таблицы 13 – 16, но при заданной точности $\varepsilon = 0.1$.

В таблицах 13 – 16 при $\varepsilon = 0.1$ представлены значения, которые заметно отличаются от приведенных в таблицах 4, 8 – 12. В таблицах 4, 8–16 приведены значения величин, формирующих математическое описание выходных полюсов сгенерированных управляющих систем медицинских учреждений M_j, $j \in \{1, 2, 3, 4, 5\}$, в

Таблица 10

Выборочные значения основных показателей в 2015 году (ε = 0.01 и ω_2)

Наименование основного показателя	Выборочные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.01 и реализации нормального закона ω_2				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек $Q_j^{(u;\,0,01)}(9)$	543	429	729	435	306
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,01)}(9)$	8	3	7	50	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,01)}(9)$	15139	15445	15904	16648	7499

Таблица 11

Выборочные значения для укрупнённых статей затрат в 2015 году (ε = 0.02 и ω_2)

Наименования статей затрат	Выборочные значения для укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениями в 2015 году при ε = 0.02 и реализации нормального закона ω_2, руб.				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,j}^{(u;\,0,02)}(9)$	6031067.92	9157091.26	12040036.01	8270654.01	7235803.63
Приобретение услуг, всего, $A_{5,j}^{(u;\,0,02)}(9)$	1765779.43	1958893.69	2675322.68	2273678.75	794073.98
Прочие расходы, $A_{16,j}^{(u;\,0,02)}(9)$	92249.19	520969.76	785135.84	764515.14	74754.93
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,j}^{(u;\,0,02)}(9)$	3321156.33	3252056.80	3363259.97	3599378.78	1772375.61
Суммарная затрата, $A_{25,j}^{(u;\,0,02)}(9)$	11210252.86	14889011.51	18863754.50	14908226.68	9877008.15

Таблица 12

Выборочные значения основных показателей в 2015 году (ε = 0.02 и ω_2)

Наименование основного показателя	Выборочные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.02 и реализации нормального закона ω_2				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек $Q_j^{(u;\,0,02)}(9)$	544	430	731	436	307
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,02)}(9)$	8	3	7	50	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,02)}(9)$	15187	15495	15955	16701	7523

Таблица 13

Выборочные значения для укрупнённых статей затрат в 2015 году (ε = 0.1 и ω_1)

Наименования статей затрат	Выборочные значения для укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.1 и реализации нормального закона ω_1, руб.				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	6005335.91	9118021.83	11988666.28	8235366.64	7204931.53
Приобретение услуг, всего, $A_{5,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	1758245.60	1950535.92	2663908.22	2263977.93	790686.01
Прочие расходы, $A_{16,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	91855.60	518747.01	781786.00	761253.28	74435.98
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	3306986.36	3238181.65	3348910.36	3584021.76	1764813.63
Суммарная затрата, $A_{25,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	11162423.47	14825486.42	18783270.86	14844619.60	9834867.15

Таблица 14

Выборочные значения основных показателей в 2015 году (ε = 0.1 и ω_1)

Наименование основного показателя	Выборочные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.1 и реализации нормального закона ω_1				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек $Q_j^{(u;\,0,02)}(9)$	542	428	728	434	306
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,02)}(9)$	8	3	7	50	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,02)}(9)$	15122	15429	15887	16630	7491

Таблица 15

Выборочные значения для укрупнённых статей затрат в 2015 году (ε = 0.1 и ω_2)

Наименования статей затрат	Выборочные значения для укрупнённых статей затрат по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.1 и реализации нормального закона ω_2, руб.				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Оплата труда и начисления на выплаты по оплате труда, $A_{1,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	5878083.96	8924812.64	11734628.67	8060860.75	7052260.36
Приобретение услуг, всего, $A_{5,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	1720988.70	1909204.43	2607460.50	2216004.65	773931.52
Прочие расходы, $A_{16,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	89909.20	507754.85	765220.10	745122.46	72858.70
Поступление нефинансовых активов, $A_{17,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	3236911.93	3169565.19	3277947.57	3508077.00	1727417.56
Суммарная затрата, $A_{25,j}^{(u;\,0,1)}(9)$	10925893.79	14511337.11	18385256.84	14530064.86	9626468.14

Таблица 16

Выборочные значения основных показателей в 2015 году (ε = 0.1 и ω_2)

Наименование основного показателя	Выборочные значения основных показателей по медицинским учреждениям в 2015 году при ε = 0.1 и реализации нормального закона ω_2				
	$j = 1$	$j = 2$	$j = 3$	$j = 4$	$j = 5$
Количество пролеченных человек $Q_j^{(u;\,0,1)}(9)$	531	419	712	425	299
Количество умерших человек, $G_j^{(u;\,0,1)}(9)$	8	3	7	49	10
Количество койко-дней, $L_j^{(u;\,0,1)}(9)$	14802	15102	15550	16277	7332

отчетном году t=9 при различных состояниях $\varepsilon \in \{0.01,\ 0.02,\ 0.1\}$ внешней среды и при конкретном управлении $r=r(t)=u(t)=u$.

Заключение

С помощью синтезированной управляющей системы можно на основе только одного измерения получать дополнительную статистику неограниченного объёма. При различных значениях t, ε и при различных реализациях нормального закона можно вычислить выборочные значения $A_{i,j}^{(r;\,\varepsilon)}(t)$ для статей затрат и выборочные значения $Q_j^{(r;\,\varepsilon)}(t)$, $G_j^{(r;\,\varepsilon)}(t)$ и $L_j^{(r;\,\varepsilon)}(t)$ для числа пролеченных больных, для числа умерших больных и для количества койко-дней. С помощью накопленной таким образом статистики любого конечного объёма можно проводить дополнительное аналитическое и численное исследование функционирования системы медицинских учреждений, используя, например, статистические данные из работ [1, 6–19]. Предложенный в данной работе кибернетический подход можно рассматривать как некоторый инструментарий для построения и анализа математической модели экономики функционирования не только медицинских учреждений, но и других реальных процессов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-413-520005).

Список литературы

1. Федоткин М.А. Нетрадиционные проблемы математического моделирования экспериментов. М.: Физматлит, 2018.

2. Ляпунов А.А., Яблонский С.В. Теоретические проблемы кибернетики // Проблемы кибернетики. М.: Физматгиз, 1963. С. 5–22.

3. Эделева А.Н., Пройдакова Е.В. Математические методы исследования нагрузки персонала бюро судебно-медицинской экспертизы // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. № 6. С. 45–48.

4. Эделева А.Н., Федоткин М.А. Анализ ресурсов медицинских учреждений с целью повышения качества оказания медицинской помощи лицам пожилого и старческого возрастов // Главный врач: хозяйство и право. 2015. № 6. С. 39–42.

5. Саати Т.Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

6. Кумратова А.М., Попова Е.В., Биджиев А.З. Экономико-математическое моделирование риска в задачах управления ресурсами здравоохранения. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2014. 168 с.

7. Лебедев Н.В., Ролдугин Г.Н. Оптимизация распределения материальных ресурсов на уровне многопрофильного ЛПУ // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2006. **5 (2)**. С. 384–385.

8. Соколов Е.В. Система эффективного управления бюджетными поликлиниками Москвы и инструменты роста экономики России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. **1 (10)**. С. 55–64.

9. Соколов Е.В., Самойлов Д.И. Экономико-математическая модель управления финансовым результатом работы структурных подразделений и

поликлиники в целом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2015. **2 (8)**. С. 22–32.

10. Степкина Ю.А. Анализ моделей и способов финансирования здравоохранения и их развития в современных условиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. **6 (1)**. С. 135–144.

11. Пономарева И.П. Организационные аспекты паллиативной помощи лицам пожилого и старческого возраста с соматической прогрессирующей патологией // Современные проблемы науки и образования [Электронный научный журнал]. 2012. (3). URL: http:// science-education.ru/ru/article/view?id=6251 (дата обращения: 17.03.2018).

12. Грачёва А.С. О комплексном подходе к оказанию медицинской и социальной помощи пожилым людям // Вестник Росздравнадзора. 2011. № 1. С. 4–11.

13. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 61–68.

14. Карюхин Э.В. Старение населения: демографические показатели // Клиническая геронтология. 2000. № 1. С. 56–61.

15. Артемин В.А. Состояние гериатрической помощи населению Нижегородской области в 2011 г. Гериатрическая помощь населению Нижегородской области. Информационно-методические материал. 2012. С. 3–23.

16. Вялков А.И. О необходимости внедрения новых экономических моделей в здравоохранении // Экономика здравоохранения. 2001. № 1. С. 5–11.

17. Бадаев Ф.И., Васильцова Л.И. Экономические проблемы муниципальной многопрофильной больницы // Экономика здравоохранения. 2002. № 11 (68). С. 14–17.

18. Позднякова М.А., Семисынов С.О. Постарение населения и актуальные проблемы последипломной подготовки среднего медицинского персонала в системе гериатрической помощи. Н. Новгород: Изд-во «Дятловы Горы», 2011.

19. Галимов И.А., Уразаева Л.Ю. Математическая оценка взаимовлияния уровней безработицы различных возрастных групп с учётом старения населения // Вестник НГГУ. 2013. № 1. С. 14–19.

MATHEMATICAL AND INSTRUMENTAL METHODS FOR CONSTRUCTING AN ECONOMIC MODEL OF HOSPITAL FUNCTIONING

M.A. Fedotkin, E.V. Proydakova, A.N. Edeleva

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]City clinical hospital No.34 of the Sovetsky district of Nizhny Novgorod

The article describes the synthesis of a mathematical model representing the functioning of a particular medical institution as a control system. The model is constructed on the basis of the methodology of the cybernetic approach, which was earlier used successfully by the authors to build mathematical models of systems with variable structure. By using this mathematical model, it is possible to obtain additional statistics of any finite volume from a single measurement of the main performance indicators of an individual medical institution during each reporting year. The data accumulated in this way can be used to conduct analytical and numerical studies and to study in detail the quality and dynamics of the functioning of a medical institution, including the use of the methods that have a lower bound on the required amount of data.

Keywords: control system, cybernetic approach, mathematical model of the functioning of a medical institution, health preservation.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ПОВЕДЕНИЕ И УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ В ЧАСТНОЙ СФЕРЕ

© 2019 г.

Т.А. Гурко, С.А. Орлянский, В.С. Тарченко

Гурко Татьяна Александровна, д.соц.н.; доц.; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
tgurko@yandex.ru
Орлянский Сергей Александрович, к.филос.н., доц.; доцент кафедры социальной философии и этнологии гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
genderstav@rambler.ru
Тарченко Вера Сергеевна, аспирант Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
dthfn@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2019
Статья принята к публикации 28.10.2019

Анализируется динамика моделей взросления молодежи в западных странах. Показано, что в России формируется новая модель, что свидетельствует об адаптации нового поколения молодежи и института брака к меняющимся социальным условиям. Актуальность исследования отношений молодежи до брака обусловлена тем, что успешные отношения в период свиданий имеют важное значение для благополучия будущего брака и благополучия детей, рожденных в таких браках. Деструктивные же или саморазрушительные модели взаимодействия с большой вероятностью переносятся в будущий брак либо могут приводить к отказу от брака и намерения иметь детей.

Описываются данные исследований студентов-старшекурсников различных направлений подготовки в возрасте 20–24 лет, проведенных в 2005–2007 гг., 2018 г. и 2019 г. в Москве и Ставрополе по квотным выборкам. Представлены данные о способах знакомства юношей и девушек, о формах их проживания во время учебы, об отношении студентов к знакомствам с помощью Интернета с целью поиска партнёра/партнёрши, к специальным мероприятиям с целью знакомства девушек и юношей из разных вузов, которые могли бы устраивать администрации вузов, к специальным факультативным занятиям по проблемам отношений мужчин и женщин, семейных отношений. Сделана попытка ответить на вопрос, меняются ли двойные стандарты в период отношений до вступления в брак. Описаны результаты относительно того, кто чаще инициирует знакомства и свидания, оплачивает расходы. Представлены результаты о распространении насилия во время свиданий в студенческой среде, отношении студентов к узакониванию гомосексуальных браков и такому же праву однополых пар усыновлять детей, как и гетеросексуальных. Анализируются результаты о динамике планов студентов в отношении будущего брака и репродуктивных установках в Москве и Ставрополе.

Ключевые слова: студенты, пол, взросление, знакомства, двойные стандарты, насилие, брак, гомосексуальные пары.

Введение

В связи с увеличением возраста вступления в брак в России меняется модель взросления, увеличивается период, в течение которого молодежь, в частности студенческая, пребывает и вне родительской, и вне собственной семьи. Для такого довольно длительного периода отношений между юношами и девушками, включая сексуальные отношения и сожительства, нет специального понятия. В прошлом веке, когда нормативный жизненный путь включал брак, этот период социологи называли добрачным ухаживанием, добрачным поведением. Однако уже в XXI веке и в России брак становится необязательным, хотя все еще нормативным событием жизни. По аналогии с англоязычным dating можно назвать этот этап периодом свиданий, когда юноша и девушка встречаются для совместного времяпровождения с целью пообщаться и лучше узнать друг друга наедине. На Западе публикуется множество статей, посвященных отношениям молодежи до вступления в брак, включая враждебное поведение [1], практики насилия [2], формирование пар на различных этапах жизненного пути [3]. Успешные романтические отношения имеют важное значение для благополучия будущего брака и благо-

получия детей, рожденных в таких браках. Деструктивные или саморазрушительные модели взаимодействия с большой вероятностью переносятся в будущий брак либо могут приводить к отказу от брака и намерения иметь детей [4–6].

В России практически нет исследований социологов, посвященных этому этапу. В данной статье сделана попытка проанализировать поведение студенческой молодежи в частной сфере жизни и их установки на отношения между полами.

Выборка и методы

Статья основана на результатах трех исследований студентов в 2005–2007 гг., 2018 и 2019 г. Проведён опрос 700 студентов в 2004–2005 гг. в Москве и 700 студентов в 2007 г. в Ставрополе под руководством Т.А. Гурко.

Исследование студентов – 2018 проведено в сентябре–ноябре в Москве и Ставрополе. В каждом городе опрошено по 704 студента по квотам, всего 1408. Исследование студентов – 2019 проведено в апреле–июне в Москве и Ставрополе. В каждом городе опрошено по 500 студентов по квотам, всего 1000. Объектом исследования стали студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры в возрасте 20–24 года. Выбор возрастного интервала был связан в первую очередь с выделением этой возрастной группы в статистических данных Росстата. Кроме того, в российском законодательстве учащихся очной формы в возрасте до 23 лет относят к иждивенцам, т.е. они представляют гомогенную группу по данному признаку.

При формировании квот выборки студентов по полу и специальностям в 2018–2019 гг. мы исходили из опубликованных Росстатом данных Минобразования по выпуску бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями высшего образования по группам специальностей и направлениям подготовки в 2015–2016 гг. [7, с. 72–73; 8, с. 186]. В выборку 2018 г. в Ставрополе и Москве были включены 22% студентов, обучающихся по техническим специальностям (78% юношей и 22% девушек), 38% студентов гуманитарных специальностей (33% юношей и 67% девушек) и 40% студентов по специальностям «Экономика и управление» (48% юношей и 52% девушек). В выборку в каждом городе в 2019 г. включены 25% студентов, обучающихся по техническим специальностям (75% юношей и 25% девушек), 38% студентов гуманитарных специальностей (30% юношей и 70% девушек) и 37% студентов по специальностям «Экономика и управление» (50% юношей и 50% девушек).

Для анализа результатов исследования по этническому признаку ответы на вопрос: «Кем Вы считаете себя по национальности?» – были объединены в пять основных групп: русские; народы, имеющие свои автономии на территории Северо-Кавказского федерального округа (абазины, аварцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лезгины, ногайцы, осетины, рутульцы, табасаранцы, черкесы, чеченцы); представители других национальностей, постоянно проживающих в России; представители национальностей бывшего СССР; представители национальностей дальнего зарубежья. В выборке 2018 г. – 74% русских, 9% представителей народов СКФО и 17% остальных этнических групп. В выборке 2019 г. 79% русских, 7% представителей народов СКФО и 14% остальных этнических групп.

По религиозной идентичности выделено 4 группы: православные, мусульмане, другие (буддисты, иудаисты, католики) и агностики или не относящие себя ни к какой религии. В выборке 2018 г. – 56% православных, 14% мусульман, 3% других и 26% не относящих себя ни к какой религии. В выборке 2019 г. 55% православных, 9% мусульман, 3% других и 33% не относящих себя ни к какой религии.

Инструментарий 2018 г. содержал закрытые, открытые вопросы и тесты. Студенты самостоятельно заполняли тестовые вопросы, остальные вопросы зачитывал интервьюер, и ответы записывались на диктофон. В исследовании 2018 г. частично повторялись переменные 2005–2007 гг. в той же формулировке. Инструментарий 2019 г. – самозаполняемая анкета, включающая закрытые и открытые вопросы, которые кодировались при обработке. Результаты обработаны в IBM SPSS Statistics-23.

Результаты и обсуждение

Взросление и брак. **Европейские страны**. Около века назад переход к взрослому возрасту, в частности в аграрных обществах, был длительным процессом. Требовалось много времени для молодых взрослых, чтобы накопить необходимые денежные средства для оставления дома и создания семьи. В индустриальном и постиндустриальном обществах молодым взрослым требуется еще больше времени для достижения экономической и социальной зрелости, что связывается с распространением высшего образования, которое с конца шестидесятых годов стало ещё более мощным источником социальной стратификации, деля людей на имущих и неимущих [9, p. 4].

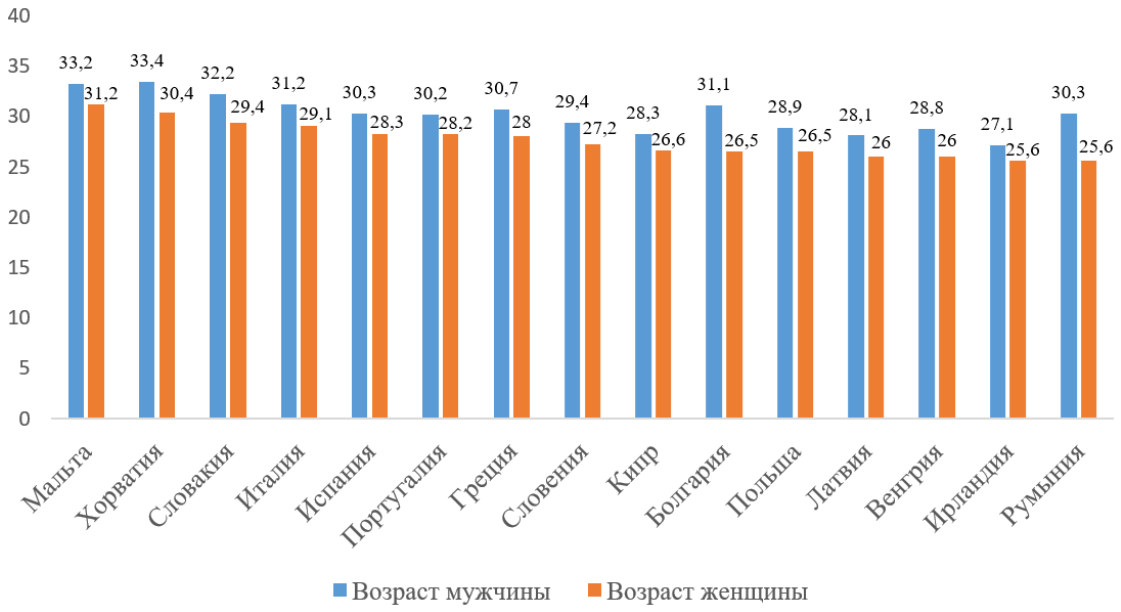


Рис. 1. Возраста покидания родительского дома в ЕС в 2017 г., наибольшие значения, ранжировано по возрастам женщин

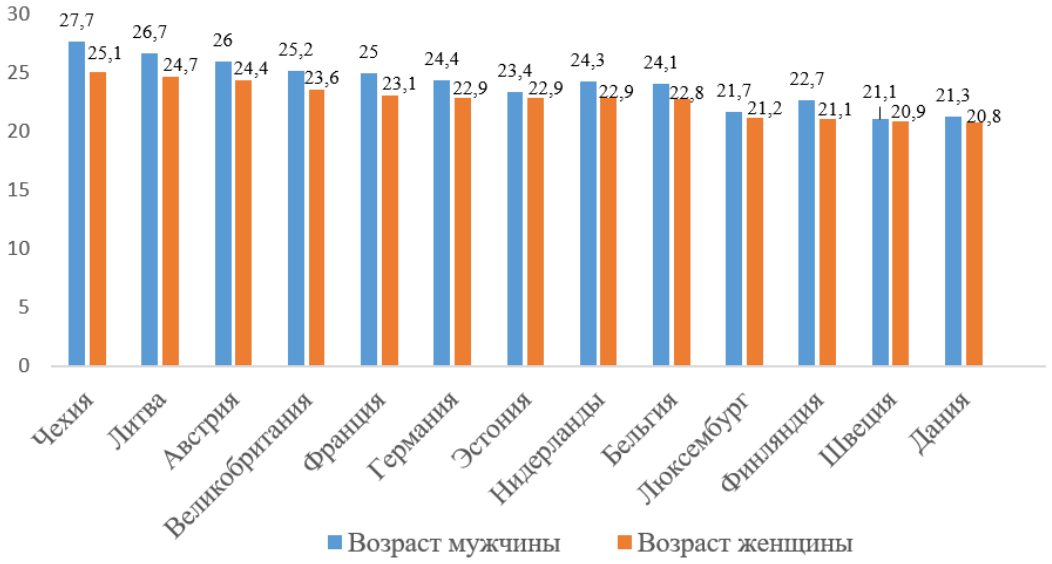


Рис. 2. Возраста покидания родительского дома в ЕС в 2017 г., наименьшие значения, ранжировано по возрастам женщин

В индустриальный период в развитых странах (США, Канада, европейские страны) маркерами взрослости считались не только окончание обучения, наличие собственного домохозяйства и работы полный рабочий день, но и обзаведение семьей и детьми. В XXI веке брак и родительство уже не являются обязательными маркерами взрослости и скорее означают завершение взросления, нежели его начало [10, p. 22].

Возраст, в котором молодежь оставляет родительский дом и начинает жить независимо, варьируется, в частности в странах Европы. Как видно на рис.1 и 2, молодежь раньше расстается с родителями в Дании, Швеции, Финляндии, Люксембурге, Бельгии и значительно позже на Мальте, в Хорватии, Словении, Италии, Португалии [11].

В одних странах покидание родительского дома связано с вступлением в брак, в других нет. Кроме того, средний возраст вступления в брак в европейских странах также различается [12], но сходна тенденция повышения этого возраста и у мужчин, и у женщин во всех странах.

Если сравнить данные, представленные на рисунках 1–4, можно видеть, что модели взросления различаются в разных странах. Например,

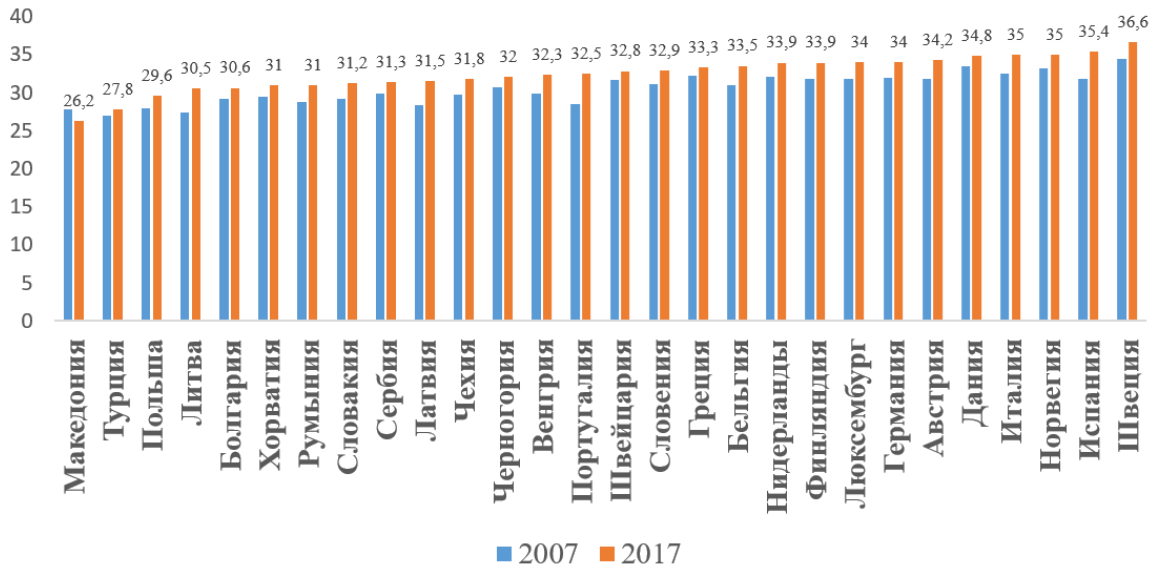


Рис. 3. Динамика среднего возраста впервые вступающих в брак мужчин в Европе (ранжировано по возрастанию в 2017 году)

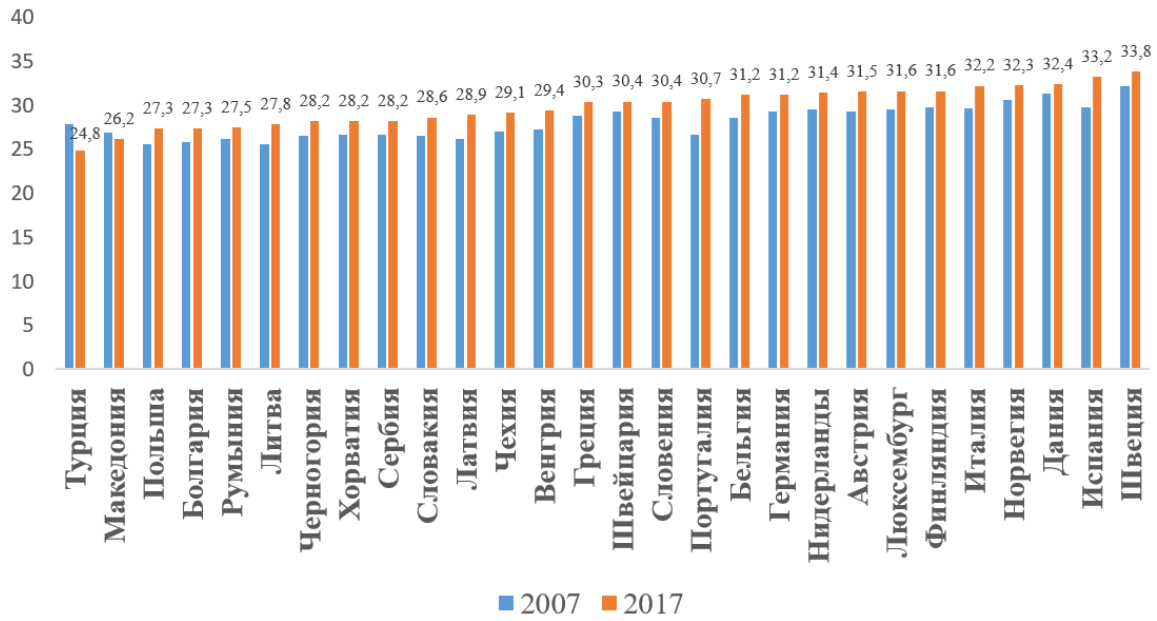


Рис. 4. Динамика среднего возраста впервые вступающих в брак женщин в Европе (ранжировано по возрастанию в 2017 году)

в Дании средний возраст ухода из семьи родителей составляет для юношей 21.3 года, для девушек 20.8, а средний возраст вступления в брак соответственно 34.7 и 32.2. В Италии другая ситуация, средний возраст ухода из семьи родителей составляет для юношей 31.2 года, для девушек 29.1, а средний возраст вступления в брак 34.7 и 31.9, то есть вне семьи итальянцы проживают недолго в отличие от датчан.

Россия. В России формируется новая модель взросления, что свидетельствует об адаптации нового поколения молодежи и института брака к меняющимся социальным условиям. В советский период молодые люди, в том числе студенты, часто сначала вступали в браки и значительно позже покидали родительские семьи. Жилищная проблема в городах продолжала оставаться острой, нуклеаризация семей проходила медленно.

В РФ нет таких статистических данных, как в ЕС, о динамике возраста отделения взрослых детей от родителей и статистики о среднем возрасте первого брака. Однако можно рассчитать динамику доли впервые вступающих в брак мужчин и женщин в разных возрастных группах.

Доля заключивших брак в возрасте 18–24 года с каждым годом уменьшалась и среди юношей, и среди девушек (см. рис. 5). Что каса-

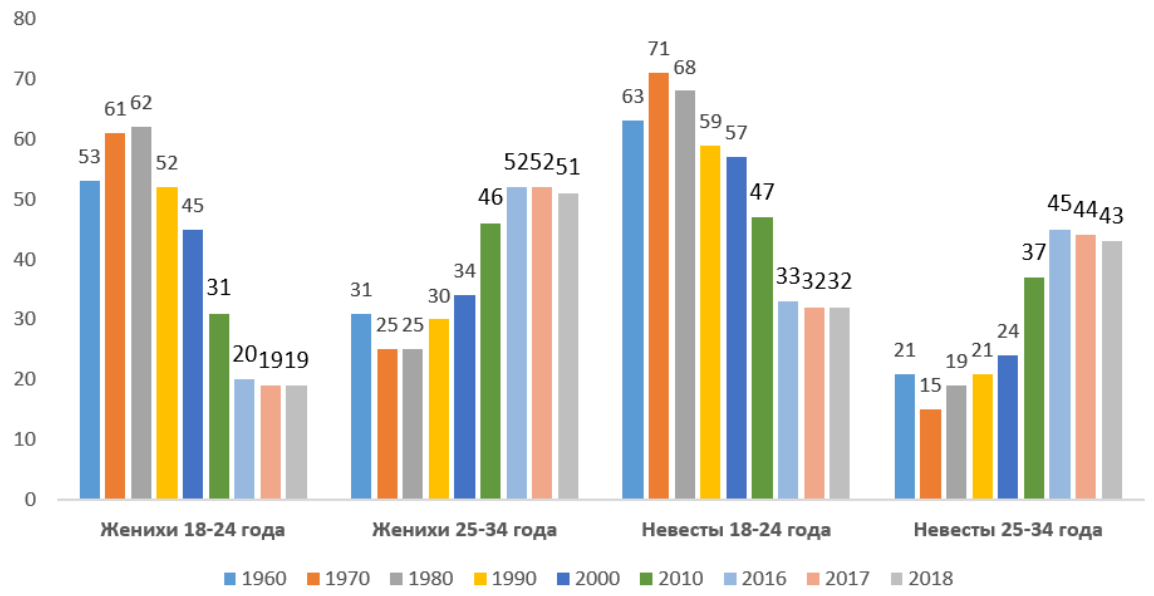


Рис. 5. Динамика доли вступающих в брак мужчин и женщин в младшей и средней возрастных группах в РФ, %

Таблица 1

С кем или где проживают студенты 20–24 лет (%)

	Юноши, 2018 *n*=687	Девушки, 2018 *n*=721	Всего, 2018 *n*=1408	Юноши, 2019 *n*=486	Девушки, 2019 *n*=514	Всего, 2019 *n*=1000
С супругом/супругой в браке	3	5	4	4	3	4
Сожительствуют с партнёром/партнершей	5	9	8	6	7	7
С родителями, родственниками	44	42	43	35	42	39
С родителями, родственниками и иногда с партнёром (в зависимости от дня недели)	1	1	1	6	5	5
Один (одна)	16	8	11	18	13	15
Снимают с другом/с подругой	15	19	17	12	10	11
В общежитии	16	16	16	19	20	19
	100	100	100	100	100	100

ется ранних браков, в возрасте до 18 лет, к 2018 г. их число среди юношей составило 0.05%, а среди девушек 0.5% (в 1990 г. 1% и 5.5% соответственно) [13].

Ответить на вопрос, раньше или позже современная российская молодежь покидает родительский дом, достаточно сложно. Расчет данных трёх волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», которое было проведено в России в 2004, 2007, 2011 г., свидетельствует, что вероятность начать жить отдельно в возрасте 23–25 лет у молодого поколения существенно возрастает по сравнению с предыдущими поколениями [14]. Другие авторы отмечают, что «доля мужчин и женщин, покидавших своих родителей до завершения образования, была постоянно высокой у всех поколений (варьировала между 40% и 55%)» [15, с. 163]. В сравнении с советским периодом у российских студентов расширились возможности аренды жилья. По данным нашего исследования, в 2018 и в 2019 г. более 56% студентов-юношей и девушек в возрасте 20–24 года проживают без родителей и других родственников: в общежитии, одни в собственной или съёмной квартире, в съёмной квартире вместе с друзьями/подругами, с партнёром/партнершей или супругом/супругой (см. табл. 1). Среди ставропольских студентов значительно больше иногородних, они чаще, чем московские студенты, живут в общежитии или снимают жилье.

Американские ученые отмечают, что модели взросления существенно варьируются у различных социальных слоёв и этнических групп [10, p. 24]. Представители необразованного рабочего класса раньше оставляют родителей, работают полный рабочий день, заводят семью и имеют детей, необразованные девушки чаще становятся внебрачными матерями. Очевидно, что

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Где Вы познакомились?»
(в % студенты, имеющие отношения)

	Юноши, 2019 n=237	Девушки, 2019 n=263	Всего, n=500
В университете	25	17	21
В Интернете	16	18	17
С детства, в школе, были соседями, в своем селе	15	17	16
На улице, в парке, магазине, в автобусе, в метро	15	16	15
С помощью друзей, знакомых, включая дни рождения и свадьбы	13	16	15
Во время отдыха: в баре, в ресторане, в клубе, в кафе, на море, на курорте	6	5	6
В местах активного досуга: на репетиции, на танцах, в библиотеке, на курсах, в спортивной секции	3	4	3
В местах пассивного проведения досуга: в кино, в театре, на концерте, на футболе	3	1	2
На работе	3	3	3
С помощью родителей, родственников	1	3	2

Таблица 3

Результаты исследования в конце 1950-х – начале 1960-х гг. под руководством А.Г. Харчева

Из 500 опрошенных пар познакомились:	
В местах проведения досуга (клуб, танцы, каток, театр)	27.5
На работе	21
Во время учебы	17.5
Были знакомы с детства	9
На домашних вечеринках	5.7
Через других знакомых	5.2
В местах летнего отдыха	5
Через родственников	3.3
На улице	1.6
В общежитии	0.7
В других местах	3.8

эта закономерность наблюдается и в России, но данных по этому поводу практически нет.

Только у половины (500) из тысячи опрошенных в 2019 г. студентов был партнёр/партнёрша, с которыми они встречались более трёх месяцев. Их ответы о месте знакомства и анализировались (см. табл. 2).

Эти данные можно очень условно сравнить с одним из первых исследований пятисот вступающих в брак в СССР, которое было проведено в Ленинградском дворце бракосочетаний в конце 1950-х – начале 1960-х гг. под руководством А.Г. Харчева [16, с. 215].

Можно видеть, что за прошедшие более 50 лет места знакомств кардинально изменились, хотя выборки, конечно, несопоставимы (табл. 2 и 3). Но если предположить, что отношения часто перерастают в намерение оформить брак, то условно можно сделать сравнение. Прежде будущие супруги чаще всего знакомились в местах проведения досуга (клуб, танцы, каток, театр), на работе и во время учебы. Опрошенные нами студенты в 2019 г. чаще знакомились во время учебы в университете (21%), в Интернете (17%). Многие по-прежнему знакомы с детства, учились вместе в школе или были соседями (16%). Особенно это характерно для ставропольских студентов, которые приехали из сельской местности («по пути в магазин в своем селе»). Как видно из таблицы 2, довольно часты знакомства на улице, в парке, магазине, в автобусе, в метро (15%), с помощью друзей, знакомых, включая дни рождения и свадьбы (15%), а также в местах досуга и отдыха (11%). Среди мусульман сохранились и некоторые обряды: «познакомились, когда его семья пришла просить руки», «в мечети».

Развитие интернет-коммуникаций способствует сокращению общения в реальности и позволяет завязывать новые знакомства в социальных сетях и на всевозможных сайтах знакомств. По нашим данным, Интернет занимает второе место в числе «мест знакомств». Кроме того, около трети студентов одобряют и знакомятся с помощью Интернета с целью поиска партнёра/партнёрши, несколько чаще юноши (34%), нежели девушки (24%). Лишь одна девушка ответила: «Не одобряю, но иногда использую» (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к знакомствам с помощью Интернета с целью поиска партнёра/партнёрши?», %

	Юноши, 2019 *n*=486	Девушки, 2019 *n*=514	Всего, *n*=1000
Одобряю, использую	34	24	29
Отношусь нейтрально, сам/а не использую	48	59	53
Не одобряю, не использую	18	16	17
Не одобряю, но иногда использую	0	1	1
	100	100	100

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как думаете, стоит ли администрациям вузов устраивать специальные мероприятия с целью знакомства девушек и юношей из разных вузов?», %

	Юноши, 2019 *n*=486	Девушки, 2019 *n*=514	Всего, *n*=1000
Готовы посещать, если такие мероприятия будут	32	31	31
Считают такие мероприятия нужны, но не для них самих	67	67	67
Явные противники	1	2	2
	100	100	100

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Нужны ли Вам в Вашем вузе специальные факультативные занятия по проблемам отношений мужчин и женщин, семейных отношений?», %

	Юноши, 2019 *n*=486	Девушки, 2019 *n*=514	Всего, *n*=1000
Если такие занятия будут, буду их посещать часто	9	16	13
Если такие занятия будут, буду их посещать иногда	34	44	39
Нет, такие занятия мне не нужны	56	39	47
Зависит от преподавателя или уровня специалиста	1	1	1
	100	100	100

В советское время руководство вузов с преимущественно мужским составом студентов устраивало специальные встречи со студентами вузов с преимущественно женским составом для знакомства и возможного последующего формирования семьи. Обычно такие встречи проходили в «мужской» или «женский» день. В этой связи возникла идея спросить у современных студентов о целесообразности таких мероприятий.

Как выяснилось, около трети студентов готовы посещать такие мероприятия, то есть проблема поиска партнёра по-прежнему актуальна (см. табл. 5). Четыре девушки отметили, что лучше устраивать такие мероприятия под другим предлогом, чтобы знакомства были побочным эффектом. Явных противников таких встреч только 2%. Они писали, что для знакомств достаточно скайпа, форумов, нужна индивидуальная работа психологов. Чаще других готовы посещать такие мероприятия православные и не относящие себя ни к какому вероисповеданию. Другие независимые переменные (место проживания в школьные годы, специальность, возраст, структура родительской семьи) не влияют на такие намерения.

На вопрос: «Нужны ли Вам в Вашем вузе специальные факультативные занятия по проблемам отношений мужчин и женщин, семейных отношений?» – только 13% выразили готовность посещать их «часто» и ещё 39% – «иногда». В то же время 47% отметили, что такие занятия им не нужны (см. табл. 6). Специальные факультативные занятия по проблемам отношений мужчин и женщин, семейных отношений вызвали интерес у меньшего числа студентов-мусульман, у тех, кто в школьные годы проживал в селе, деревне, кишлаке, ауле, и, вопреки гипотезе, у студентов, обучающихся по техническим специальностям.

Двойные стандарты

Меняются ли двойные стандарты в период отношений до вступления в брак, кто чаще инициирует знакомства и свидания, оплачивает расходы? Мнения и поведение студентов в этих сферах в какой-то мере отражают изменения в отношениях между полами.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Кто был инициатором знакомства?» (в % студенты, имеющие отношения)

	Юноши, 2019 *n*=237	Девушки, 2019 *n*=263	Всего, *n*=500
Юноша	64	63	63
Девушка	12	10	11
Оба	20	20	20
Знакомый, друг/подруга, преподаватель	2	3	3
Родственники	1	3	2
Алкоголь	1	1	1

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, должен оплачивать расходы во время свиданий?» (ответы за исключением состоящих в браке), %

Кто должен оплачивать расходы	Юноши, 2018, *n*=668	Девушки, 2018, *n*=682	Всего, *n*=1350
Мужчина	72	59	65
Женщина	–	–	–
И мужчина, и женщина, инициатор	28	41	35

Согласно данным, инициатива знакомства все еще чаще принадлежит юношам, по мнению обоих (см. табл. 7). И юноши, и девушки студенты, обучающиеся по техническим специальностям, чаще указывали юношей в качестве инициатора знакомств (V коэффициент Крамера=0.17).

К сожалению, у нас нет данных мнений о том, кто должен оплачивать расходы во время свиданий, за предыдущие годы, поэтому динамику проследить не удастся.

Согласно данным исследования, больше (72%) юношей в сравнении с девушками (59%) считают, что расходы во время свиданий должен оплачивать мужчина. Никто не считает, что это должна делать женщина. Однако обращает на себя внимание, что треть юношей и 41% девушек считают, что пол не имеет значения, оплачивать расходы могут оба или инициатор, что свидетельствует об угасании стереотипов в отношениях между полами (см. табл. 8). Ответы на вопрос, кто оплачивает расходы, подтверждают этот вывод (см. табл. 9).

Примерно треть и юношей, и девушек ответили, что расходы во время свиданий оплачивают оба, каждый за себя, поровну или «тот, кто пригласил». Эти данные отчасти согласуются с зарубежными. Опрос 17 607 не состоящих в браке гетеросексуальных мужчин и женщин онлайн, проведенный компанией NBCNews по поводу того, кто должен и кто в действительности платит во время свиданий, выявил, что двойной стандарт, который авторы называют «доброжелательным сексизмом» (benevolent sexism), все еще сохраняется. Однако нормы постепенно пересматриваются, большинство мужчин (74%) и женщин (83%) ответили, что после шести месяцев знакомства оба тратят деньги [17].

Насилие в период свиданий

В исследовании стояла задача выяснить, в какой мере распространено в студенческой среде насилие во время свиданий.

Незначительное количество и юношей, и девушек из 1322 студентов в 2018 году, у которых были свидания, отмечали факты физического или сексуального насилия со стороны партнёра/партнёрши в период свиданий «часто» (1% и 1%) и «редко, пару раз, один раз» (3% и 3%). Эти данные согласуются как с зарубежными [18], так и с полученными ранее в 2004 г. на выборке 338 студентов [19] и еще раз подтверждают гипотезу, что значимых различий между мужчинами и женщинами в виктимизации в период свиданий не наблюдается.

В 2018 г. девушки чаще, чем юноши, называли форму насилия: упреки (разговаривала с другим парнем, легкомысленно одета), энергетический вампиризм, унижение («говорил, что я дура», «высмеивал в компании»).

Однако полученные результаты по физическому или сексуальному насилию со стороны партнёра/партнёрши среди студентов гораздо ниже, нежели в 2004 г. в других городах (Барнаул, Владивосток, Санкт-Петербург), когда более четверти указали, что испытали физическое, и около одной четверти – сексуальное насилие в период свиданий [19]. Опять же полученные нами данные о психологическом насилии значительно ниже, нежели в исследовании 2004 г., согласно которому 67% женщин по сравнению с 55% мужчин считали себя жертвами психологического насилия со стороны партнёра/партнерши.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Кто оплачивает расходы во время свиданий?» (ответы студентов за исключением состоящих в браке и не имеющих свиданий), %

Кто оплачивает расходы	Юноши, 2018, *n*=631	Девушки, 2018, *n*=623	Всего, *n*=1254
Юноша	72	64	68
Девушка	–	–	–
Каждый за себя, поровну, тот, кто пригласил	28	36	32

Таблица 10

Опыты насилия со стороны партнёра/партнёрши в период свиданий студентов, имеющих отношения (2018–2019 гг., %)

	Юноши, 2018 *n*=655	Девушки, 2018 *n*=669	Всего, 2018 *n*=1324	Юноши, 2019 *n*=237	Девушки, 2019 *n*=263	Всего, 2019 *n*=500
Физическое: один-два раза часто	 3 1	 3 1	 3 1	 6 1	 3 1	 5 1
Сексуальное: один-два раза часто	–	–	–	 3 2	 3 1	 3 1
Психологическое (оскорбления, унижения и т.д.): один-два раза часто	 7 2	 10 5	 8 4	 7 4	 9 5	 8 4

Таблица 11

Динамика планов студентов в отношении будущего брака, Ставрополь (2007–2019 гг., %)

	Юноши, 2007 *n*=338	Юноши, 2018 *n*=345	Юноши, 2019 *n*=243	Девушки, 2007 *n*=362	Девушки, 2018 *n*=359	Девушки, 2019 *n*=257
Состоят в браке	2	4	6	5	6	3
Да, планирую заключить юридический брак	42	57	59	37	52	58
Планирую заключить брак и повенчаться в церкви, в мечети	48	29	17	57	36	25
Думаю, что буду жить с партнером без регистрации	5	7	11	–	3	7
Не планирую создавать семью	3	3	7	1	3	7

Чтобы уточнить полученные нами данные в 2018 г., когда опрос проводил интервьюер с записью на диктофон, было решено в 2019 г. задать вопросы о насилии в ходе анонимного опроса студентов. Было предположение, что на ответы мог повлиять интервьюер, то есть студенты не хотели сообщать о насилии постороннему. Однако и в ходе анонимного опроса в 2019 г. были получены такие же данные (см. табл. 10).

С чем связаны эти различия по уровню насилия в исследовании 2004 г. и наших исследованиях 2018–2019 гг.? В исследовании 2004 г., как отмечает автор, опрашивались только студенты-психологи и социологи всех курсов обучения, в наших исследованиях представлены студенты всех специальностей только старших курсов. Исследования проводились в разных городах РФ. Международные сравнения свидетельствуют, что «в странах с выраженным гендерным равенством уровень насилия на свиданиях ниже, чем в странах с выраженным неравенством между мужчинами и женщинами» [20]. Судя по нашим данным, по крайней мере в студенческой среде в России, практики насилия распространены редко, что в свою очередь свидетельствует о социальном равноправии полов среди нового поколения.

Планы в связи с браком

Каковы тенденции в связи с заключением брака студенческой молодежи? Существенно сократилась с 2005–2007 гг. доля и юношей, и девушек и в Ставрополе, и в Москве, которые планируют освятить брак в церкви, в мечети (никах). Доля тех, кто не планирует заключить юридический брак, то есть намерен сожительствовать, возросла и в Ставрополе, и в Москве (см. табл. 11 и 12).

Таблица 12

Динамика планов студентов в отношении будущего брака, Москва (2005–2019 гг., %)

	Юноши, 2005 *n*=333	Юноши, 2018 *n*=342	Юноши, 2019 *n*=243	Девушки, 2005 *n*=367	Девушки, 2018 *n*=362	Девушки, 2019 *n*=257
Состоят в браке	2	1	4	5	4	3
Да, планирую заключить юридический брак	40	60	61	46	66	69
Планирую заключить брак и повенчаться в церкви, в мечети (никах)	47	22	12	44	22	13
Думаю, что буду жить с партнером без регистрации	8	10	18	4	6	11
Не планирую создавать семью	3	7	5	1	2	4

Несколько увеличилась и доля студентов (до 7%), которые не планируют создавать семью.

Судя по нашим результатам, доля студентов, состоящих в браке, не изменилась за последние двенадцать-четырнадцать лет, и студенческих браков мало (не более 6%) в сравнении с советским периодом.

Из всех опрошенных студентов 74% (70% юношей и 77% девушек) намерены иметь детей; 9% (11% юношей и 8% девушек) не планируют иметь детей, 17% пока не решили, только у троих есть ребенок. Большинство планирующих иметь детей хотят двоих (51%) и троих (37%) детей. Студентов, которые не планируют иметь детей, в два раза меньше среди относящих себя к мусульманам и православным. Больше нежелающих иметь детей среди девушек, обучающихся по техническим специальностям, тех, кто воспитывался папой и мачехой или без родителей.

В 2019 г. студентам задавался вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы будущий супруг(а), партнёр/партнёрша имел(а) ту же профессию, что и у Вас?». Вопреки гипотезе, 68% не выразили такого желания, особенно девушки гуманитарных специальностей (76%). То есть можно предположить, что гомогенных пар по профессиональному признаку в России будет немного среди образованных слоёв в отличие от советского периода. Впрочем, как и в других странах [21, с. 210].

Отношение к гомосексуальным парам

При анализе данных Европейского социального исследования (ESS, 2016, раунд 8) было установлено, что в сравнении с молодежью 20–24 лет других стран меньше российских юношей (21%) и девушек (19%) согласились с утверждением «Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам» [21, с. 194–195]. В исследовании-2019 обнаружилось, что 12% юношей и 20% девушек считают, что в России нужно узаконить гомосексуальные браки, 53% и 47% – «категорически против», 35% и 33% – «безразличны».

С утверждением «Однополые пары должны иметь такие же права усыновлять детей, как и традиционные семейные пары» в исследовании ESS согласились лишь 1% российских юношей и 3% российских девушек [21, с. 197]. В 2019 г. среди студентов их было значительно больше. Так, 12% юношей и 26% девушек считают, что однополые пары должны иметь такие же права усыновлять детей, как и гетеросексуальные семейные пары. 60% и 49% категорически против, а 28% и 25% относятся безразлично. Несколько человек дополняли, что «не такие же права, а имеют право на усыновление детей сознательного возраста», «после дополнительного тестирования» (правда, не указали какого), «при прочих равных приоритет гетеросексуальным парам».

Выводы

Согласно некоторым российским авторам, вероятность начать жить отдельно у молодого поколения существенно возрастает по сравнению с предыдущими поколениями [14]. По данным исследования в 2018 и в 2019 г., более 56% юношей-студентов и девушек в возрасте 20–24 года проживали без родителей и других родственников: в общежитии, одни в собственной или съёмной квартире, в съёмной квартире вместе с друзьями/подругами, с партнёром/партнершей или супругом/супругой. Можно предположить, что взросление значительной части студентов начинается рано. Однако исследований, в которых изучались бы различия жизненных путей студентов-юношей и девушек, проживающих с родителями и, наоборот, рано покинувших родительские семьи, в России не проводилось.

За прошедшие более чем пятьдесят лет места знакомств молодёжи кардинально изменились. Опрошенные нами студенты в 2019 г. чаще зна-

комились во время учёбы в университете (21%), а также в Интернете (17%). Многие по-прежнему знакомы с детства, учились вместе в школе или были соседями (16%). Около трети студентов одобряют знакомства и знакомятся с помощью Интернета с целью поиска партнёра/партнёрши, причём несколько чаще юноши (34%), нежели девушки (24%).

Около трети студентов, в равной мере юноши и девушки, готовы посещать мероприятия с целью знакомства девушек и юношей из разных вузов, которые могли бы устраивать администрации вузов. Таким образом, проблема поиска партнёра по-прежнему актуальна, в том числе для студенческой молодежи. Однако только 13% студентов выразили готовность посещать специальные факультативные занятия в вузе по проблемам отношений мужчин и женщин, семейных отношений – «часто» и ещё 39% – «иногда». Причем, вопреки гипотезе, реже выразили такую готовность студенты, обучающиеся по техническим специальностям.

Двойные стандарты, согласно которым только мужчины должны инициировать знакомства, свидания, оплачивать счета, похоже, постепенно угасают. Инициатива знакомства все еще чаще принадлежит юношам, по мнению обоих полов. В то же время обращает на себя внимание, что треть юношей и 41% девушек считают, что оплачивать расходы могут оба или инициатор, что свидетельствует об угасании стереотипов. Ответы на вопрос, кто оплачивает расходы, подтверждают этот вывод. Примерно треть и юношей, и девушек ответили, что расходы во время свиданий оплачивают оба, каждый за себя, поровну или «тот, кто пригласил». Эти данные отчасти согласуются с зарубежными.

Не подтвердились результаты о распространённости насилия среди юношей и девушек, полученные предыдущими исследователями [19, 20]. Вероятно, необходимо дальнейшее изучение этой проблемы.

Снижается ценность юридического брака. Существенно сократилась с 2005–2007 гг. доля и юношей, и девушек, и в Ставрополе (консервативном регионе), и в Москве, которые планируют освятить брак в церкви, в мечети (никах). Напротив, доля тех, кто не планирует заключить юридический брак, то есть намерен сожительствовать, возросла в обоих городах.

Толерантность российских студентов в отношении гомосексуальных пар достаточно высока, однако для определения тенденции практически нет данных, полученных на сходной выборке.

Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика представлений студентов в сферах гендерных, этнокультурных и брачно-семейных отношений», грант РФФИ № 18-011-00580, руководитель Т.А. Гурко.

Список литературы

1. Cui M., Lorenz F.O., Rand D. et al. Observer, self- and partner reports of hostile behaviors in romantic relationships // Journal of Marriage and Family. 2005. **67 (4).** P. 1169–1181.

2. Bonomi A. Rethinking campus sexual assault: We must be leaders in anti-bias practices, civil rights and human rights // Journal of Family Violence. 2019. 34. P. 185–188.

3. Sassler S. Partnering across the life course: sex, relationships, and mate selection // Journal of Marriage and Family. 2010. **72 (3).** P. 557–575.

4. McGinnis S.L. Cohabiting, dating, and perceived costs of marriage: A model of marriage entry // Journal of Marriage and Family. 2003. **65 (1).** P. 105–116.

5. Wilson A.C., Huston T.L. Shared reality and grounded feelings during courtship: do they matter for marital success? // Journal of Marriage and Family. 2013. **75 (3).** P. 681–696.

6. Ogolsky B.J., Surra C.A., Monk J.K. Pathways of commitment to wed: The development and dissolution of romantic relationships // Journal of Marriage and Family. 2016. **78 (2).** P. 293–310.

7. Женщины и мужчины России. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 208 с.

8. Труд и занятость в России 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 261 с.

9. Berlin G., Furstenberg Jr., F.F., Waters M.C. Transition to adulthood. Introducing the issue // The Future of Children. 2010. Vol. 20. № 1. P. 3–18.

10. Settersten R., Ray B. What's going on with young people today? The long and twisting path to adulthood // The Future of Children. 2010. Vol. 20. № 1. P. 19–41.

11. Eurostat. The life of women and men in Europe. A statistical portrait. 2018 edition. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/womenmen/index.html?lang=en (дата обращения: 20.09.2019).

12. Eurostat. Mean age at first marriage by sex. 2017. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&pcode=tps00014&language=en (дата обращения: 20.09.2019).

13. Браки по возрастам жениха и невесты / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.08.2019).

14. Долгова А.А., Митрофанова Е.С. Начало самостоятельной жизни россиянами: межпоколенческий аспект // Демоскоп. 2015. № 625–626. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/analit02.php (дата обращения: 10.08.2019).

15. Блюм А., Себий П., Захаров С. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // Эволюция семьи в Европе: Восток–Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2010. С. 141–173.

16. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 366 с.

17. Lever J., Frederick D.A., Hertz R. Who pays for dates? Following versus challenging gender norms // SAGE Open. 2015. November 5. URL: https://doi.org/10.1177/2158244015613107 (accessed 17 July 2018).

18. Straus M.A. Prevalence of violence against dating partners by male and female university students worldwide // Violence Against Women. 2004. Vol. 10. Issue 7. P. 790–811.

19. Лысова А.В. Насилие на свиданиях в России // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 94–103.

20. Лысова А.В. Насилие в добрачных отношениях и гендерное равенство: результаты международного исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 2. С. 111–118. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-dobrachnyh-otnosheniyah-i-gendernoe-ravenstvo-rezultaty-mezhdunarodnogo-issledovaniya (дата обращения: 20.06.2019).

21. Гурко Т.А., Мамиконян М.С. Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 192–226.

STUDENTS' BEHAVIOR AND ATTITUDES IN THE PRIVATE SPHERE

***T.A. Gurko,*[1] *S.A. Orlyansky,*[2] *V.S. Tarchenko*[1]**

[1]Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
[2]North-Caucasus Federal University

The article analyzes the dynamics of the patterns of young people's coming of age in Western countries. The authors show that a new model of transition to adulthood is being formed in Russia, which testifies to the adaptation of the new generation of young people and the institution of marriage to changing social conditions. Successful relationships during dating are important for the well-being of future marriages and the well-being of children born in such marriages. Destructive or self-destructive patterns of interaction are more likely to carry over into future marriages or may lead to rejection of marriage and desire to have children. The article describes the data of studies of senior students in various fields of training at the age of 20–24 years, conducted in 2005–2007, 2018 and 2019 in Moscow and Stavropol on quota samples. It presents data on the ways in which young men and women can get acquainted with each other, on the forms of their living during their studies, on the attitude of students to online dating with the aim of finding a partner, on special events to get acquainted with young women and men from different universities that could be arranged by the administration of the universities, on special optional classes on the problems of relations between men and women and family relations. An attempt is made to answer the question whether double standards are changing (who initiates acquaintances and dating, pays expenses, etc.). The article presents the results on the prevalence of violence during dating among students. The attitudes of students to the legalization of homosexual marriages and the same right of same-sex couples to adopt children as heterosexual couples are described. The data on the dynamics of students' plans regarding future marriage and about student' reproductive attitudes in Moscow and Stavropol are also analyzed.

Keywords: students, sex, coming of age, dating, double standards, violence, marriage, homosexual couples.

УДК 316.4; 159.9

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2019 г.

Л.Н. Захарова, И.С. Леонова, А.И. Махалин

Захарова Людмила Николаевна, д.психол.н.; проф.; зав. кафедрой психологии управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zlnnnov@mail.ru
Леонова Ирина Сергеевна, к.соц.н., доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии,
докторант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina_leonova@list.ru
Махалин Андрей Игоревич, старший преподаватель кафедры психологии управления,
аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
anigma-x@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Представлены результаты теоретико-эмпирического исследования содержания, детерминации и проявлений социально-психологического возраста в трудовой деятельности. Представлен анализ особенностей рынка труда в условиях изменения технологического уклада и действия возрастных стереотипов. Методологическую основу исследования составили теоретические положения о структуре социального действия Т. Парсонса, внешней и внутренней детерминации психологических феноменов С.Л. Рубинштейна, психологического возраста У. Стаудингер, организационной культуры как социально-психологического контекста трудовой деятельности Э. Шейна. Использованы методы оценки типа организационной культуры и организационно-культурных предпочтений К. Камерона и Р. Куинна, личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Мак-Партленда, подверженности стрессу в трудовой деятельности Р. Кесслера, авторских анкет оценки субъективного благополучия и оценки возраста персонала менеджерами. Показаны целесообразность исследования социально-психологического возраста как интерактивного феномена и социального действия по отдельным типам деятельности, возможности его оценки по принципу соответствия/несоответствия возрастным стереотипам и уровням детерминации социального действия. Представлены результаты эмпирического исследования социально-психологического возраста персонала промышленных предприятий с разной вовлеченностью в инновационные процессы. Дан анализ субъективного благополучия персонала, организационной культуры и управленческих подходов, соответствующих ее типам в детерминации социально-психологического возраста персонала. Представлены четыре типа социально-психологического возраста персонала. Сформулированы рекомендации по совершенствованию управления на рабочих местах и в системе корпоративного обучения. Определены подходы к перспективным исследованиям социально-психологического возраста персонала.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, рынок труда, инновации, трудовая занятость, возрастные стереотипы, гендерные стереотипы, психологический возраст, социально-психологический возраст, трудовая вовлеченность, организационная культура, управленческое взаимодействие, корпоративное обучение.

Введение

В соответствии с долгосрочным прогнозом Министерства экономического развития на период до 2036 г., ситуация на рынке труда будет определяться развитием экономики России в условиях перехода на инновационный путь развития, роста производительности труда, внедрения новых технологий и форматов взаимодействия [1, с. 18]. Идущая смена технологического уклада несет с собой фундаментальные изменения, затрагивающие экономические, социальные и политические системы, принципиально новое содержание труда и новые формы управления. Вместе с тем эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) прогнозируют в ближайшие годы весьма умеренный рост экономики РФ – ниже не только прогнозов в отношении развитых стран, но и общемирового экономического развития. В числе наиболее существенных факторов сдерживания экономического роста названы низкая производительность труда и сокращение рабочей силы [2].

Если низкая производительность труда определяется инновационной отсталостью многих российских предприятий, то сокращение рабочей силы связано со старением населения, в

том числе персонала. Переходный период к новым границам пенсионного возраста закончится в 2028 г. При этом численность рабочей силы в течение всего прогнозного периода будет постепенно увеличиваться с 75.8 млн человек в 2018 г. до 79.2 млн человек в 2036 г. [1]. Проблему старения персонала предполагается решить повышением пенсионного возраста.

Но даже если человек старшего возраста решил или вынужден продолжать трудовую деятельность, тем более найти новую работу, это сделать совсем не просто. Известно, что в настоящее время более 80% российских работодателей признают, что в кадровой практике присутствует возрастная дискриминация. Трудности сохранения рабочего места и получения нового россияне начинают испытывать с 40–45 лет, женщины острее, чем мужчины [3; 4].

Не только в России, но и в развитых странах живы возрастные и гендерные стереотипы, в соответствии с которыми женщины и работники старших возрастов неинтересны работодателям, тем более в высокотехнологичных сферах занятости. Вот только неполный список возрастных стереотипов: сопротивление организационным изменениям; невосприимчивость нового из-за отсутствия гибкости; снижение мотивации труда и низкий уровень вовлеченности в трудовой процесс; усталость, часто хроническая; консерватизм, отсутствие способностей к обучению в результате снижения интеллекта; потеря автономии; нежелание брать на себя личную ответственность; подверженность стрессу; болезни. Есть и позитивные черты: готовность к согласию, надежность и лояльность, а также опыт. Персонал старшего возраста более терпим к условиям трудовой деятельности, что тоже немаловажно [5–11]. Но все же негативных характеристик больше.

В основе гендерных стереотипов лежат традиционные представления о социальных ролях женщины в обществе. Переход к новому технологическому укладу может способствовать еще большему вытеснению женщин, и в первую очередь женщин старших возрастов, в низкотехнологичные секторы экономики на малооплачиваемые рабочие места, усугубив существующее гендерное неравенство. В соответствии с гендерными стереотипами женщины негодны для многих профессиональных ролей и должностных позиций, они менее, чем мужчины, вовлечены в трудовой процесс, менее автономны и более стремятся поддерживать на работе неформальные отношения, используют их для получения определенных преференций, вносят нежелательную эмоциональную составляющую в психологический климат организации, более консервативны и не поддерживают прогрессивные организационные изменения, в том числе технологические и управленческие инновации, они чаще используют больничные листы и административные отпуска, что создает трудности управления компанией. Есть и определенные позитивные устойчивые характеристики женщин как персонала: они более ответственны и исполнительны, устойчивы к монотонии. Стереотипы влияют на самого человека, и он сам уже находит у себя проявления стереотипов [12]. Вместе с тем исследования не подтверждают тотального снижения ментальных функций человека в старших возрастах [11; 13].

Возрастные и гендерные стереотипы живы и в XXI веке, они весьма устойчивы и находятся в сильном противоречии с качествами работника, востребованными в «Индустрии 4.0» [14; 15]. Работники под действием возрастных стереотипов начинают испытывать субъективное неблагополучие, связанное с трудовой деятельностью, вместе с приближением сорокалетнего возраста в ожидании надвигающихся проблем, с сомнениями в своей пригодности и трудовых перспективах.

Можно ли достичь серьезных целей экономического развития, просто получив дополнительный человеческий ресурс в виде работников старших возрастов? Только в том случае, если работник захочет и сможет работать, будут действовать эмоциональные регуляторы в виде субъективного благополучия на рабочем месте в условиях постоянно идущих технологических и управленческих изменений, а работодатель убедится в высокой ценности таких работников и, в результате, не будет разделять возрастные и гендерные стереотипы. В противном случае работники старших возрастов пополнят ряды безработных или будут перебиваться на экономически неперспективных рабочих местах [16].

Вместе с тем без молодого персонала у компании не только в долгосрочной, но и среднесрочной перспективе будущее не является безоблачным. Но к настоящему времени уже есть и продолжают свое формирование негативные стереотипы молодости. К ним относятся слабая компетентность или полное ее отсутствие, невовлеченность, отстраненность, доверие социальным сетям, пассивность, отсутствие ответственности, эгоизм, низкая обучаемость и меньшая приспособленность к работе, желание получать немедленное вознаграждение, ориентированность на саморазвитие в комфортных условиях работы с гибким графиком на предприятии с хорошим брендом, неспособность к длительной концентрации внимания, замкнутость на себя, отсутствие стремления к карьерному росту, желание либерализации условий

работы, общение с начальником на равных и много поощрений [17–19].

Несмотря на перечисленные стереотипы, любой непредвзятый наблюдатель может видеть немало работников старшего возраста, успешно работающих на инновационных предприятиях, и немало совсем молодых людей, получающих международные гранты и президентские стипендии на значимые научные исследования. Тем не менее стереотипы есть и продолжают формироваться. И вот уже если человек старше 45, то он – усталый консерватор, а если моложе 30 – то носитель клипового мышления.

Но работодатель принимает решения, далеко не всегда ориентируясь на принадлежность к гендерной группе и хронологический возраст работника. Большое значение имеет восприятие работодателем работника в совокупности его актуальных характеристик и в соответствии не с хронологическим, а социально-психологическим возрастом, в котором, с одной стороны, фиксируется самочувствие человека, сформированное на основе самовосприятия комплекса физических, интеллектуальных и социальных компетенций, соотносимых с типичными характеристиками какого-либо более молодого или более позднего хронологического возраста. С другой стороны, этот феномен включает комплекс характеристик восприятия человека представителями социума, в том числе работодателями и коллегами [20].

Процесс развития и старения сложен и многосторонен. Исследователи выделяют в нем биологическое, психологическое и социальное старение [21–23]. Этот процесс индивидуален и интерактивен [10]. Современный человек может сам сделать и часто делает очень много для того, чтобы поддержать свое здоровье, физическую форму, внешний облик, ментальные функции, поведенческие модели на том уровне, какой представляется ему необходимым и соответствующим социальным вызовам. Существуют взгляды, что старение – естественный процесс и к нему нужно отнестись спокойно, познавая себя и те смыслы, которые он несет, и с ними трудно не согласиться [24]. Вместе с тем нельзя отказать человеку в праве насколько возможно отодвинуть этот этап своего онтогенетического развития и воспользоваться возможностями самореализации не только в семейной и рекреационной, но и в трудовой деятельности.

Выделение деятельности в качестве центрального феномена анализа социально-психологического возраста вполне научно обосновано. Во-первых, классические представления о возрастных периодах связаны с выделением ведущей деятельности, то есть такой деятельности, в контексте которой человек приобретает основные личностные качества, ментальные и поведенческие компетенции [25]. Во-вторых, в каждом виде деятельности конкретизируются субъекты оценки. В трудовой деятельности это работодатель или его представитель, коллеги по работе. В деятельности, связанной с реализацией ролей члена семьи, социально-психологический возраст человека оценивают супруг, дети, дальние и близкие родственники. У них критерии оценки могут быть совсем иными, чем у работодателя. И, наконец, скорее всего, социально-психологический возраст может быть разным в разных видах деятельности: человек может быть психологически молодым в романтических отношениях и старым в трудовых.

Идеи об интерактивности процесса социально-психологического старения работника позволяют рассмотреть его, в соответствии с теорией Т. Парсонса, как социальное действие. Это открывает возможность изучить этот процесс в контексте его системной детерминации на уровнях национальной культуры, организационной культуры (ОК), личности и организма (психофизиологический уровень детерминации) [26]. Представляется, что ключевая роль в детерминации социально-психологического старения работника принадлежит культурным детерминантам, поскольку именно они содержат ценности, являющиеся предикторами социального поведения [27; 28]. И если общекультурными ценностями управлять довольно сложно, то ценности ОК вполне могут быть проанализированы менеджментом и стать объектом управления, поскольку ОК имеет свой источник в менеджменте [29]. ОК является естественным социально-психологическим контекстом трудовой деятельности, имеет в своей основе ценности трудового поведения и организационного развития, а также модели поведения, соответствующие этим ценностям [30].

Цель и методология исследования

Проведено исследование, имеющее целью раскрытие особенности социально-психологического возраста персонала предприятий с разной включенностью в инновационные процессы.

Методологическую основу исследования составили теория социального действия Т. Парсонса, теория организационной культуры Э. Шейна как социально-психологического и организационного контекста трудовой деятельности персонала, концепция психологического возраста У. Стаудингер, результаты исследований гендерных и возрастных стереотипов Р. Постумы.

Примеры вопросов анкеты

1.3. Все ли в порядке с Вашей нервной системой?
-5____-4_____-3_____-2____-1_____0_____+1_____+2_____+3_____+4_____+5
С этой работой я стал просто невротиком Чувствую себя отлично

Вопрос 2. «Трудовой процесс и организационное взаимодействие могут по-разному влиять на чувство усталости. Кроме того, у каждого есть какая-то работа по дому, занятия, не связанные с трудовой деятельностью. Отметьте на шкалах, насколько Вы обычно устаете в разных аспектах своей деятельности:

2.1. Трудовой процесс:
0____1_____2_____3____4_____5_____6_____7_____8_____9_____10

2.2. Организационное взаимодействие:
0____1_____2_____3____4_____5_____6_____7_____8_____9_____10

Вопрос 7. На сколько лет Вы чувствуете себя на работе: старше или моложе своего хронологического возраста? Запишите число на шкале, исходя из того, что X – ваш хронологический возраст
_____X_____
Моложе Старше

Вопрос 8. Как менеджер обычно обращается к Вам?

Баллы	Форма обращения	Пример	В трудовой ситуации	В неформальном общении
5	По имени и отчеству	Иван Михайлович, Мария Васильевна		
4	По отчеству	Михалыч, Васильевна		
3	По полному имени	Иван, Мария		
2	По имени	Ваня, Маша		
1	Уменьшительно-ласкательно	Ванечка, Машуня		

Рис. Примеры вопросов авторской анкеты

Процедура исследования

Эмпирической базой исследования явились два крупных промышленных предприятия, оба с продолжительной еще советской историей, одно из которых инновационное, успешно входящее в новый технологический уклад (далее – ИП, инновационное предприятие), а второе испытывает многолетние трудности модернизации и перехода в инновационный формат развития (далее – ОП, ординарное предприятие). Организационные условия, проявляющиеся в ОК предприятий, выявлены с помощью метода диагностики типа ОК (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна. Последующий анализ данных осуществлен по их типологии ОК [31]. На ОП зафиксирована ОК иерархически-кланового типа, типичная для таких предприятий. Для ИП характерна ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным компонентом, что тоже типично [32].

Социально-психологический возраст рассмотрен в совокупности его детерминант и проявлений, соответствующих или не соответствующих основным возрастным стереотипам. В качестве его показателей изучена ценностная готовность к инновационному развитию предприятия с использованием метода OCAI. Субъективное благополучие в трудовой деятельности (самооценка состояния здоровья, усталость от организационных условий и трудовой деятельности, возрастное самоощущение) изучено с помощью авторской анкеты, сочетающей вопросы с методом прямого шкалирования (рис.). Стресс в организационных отношениях оценен с помощью теста Р. Кесслера [33]. Руководители структурных подразделений, персонал которых вошел в состав респондентов, оценили свое восприятие возраста сотрудников с помощью сопряженной анкеты.

В качестве показателя трудовой мотивации и результата субъективного благополучия сотрудников изучена личностная вовлеченность в трудовой процесс с помощью метода личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Мак-Партленда [34]. Поскольку важно выявить мотивацию персонала на продолжение трудовой деятельности, изучены самоидентификации как на момент исследования, так и в пятилетней перспективе. В качестве индикатора личностной вовлеченности в трудовой процесс использовано отношение количества профессионально-должностных самоидентификаций к количеству самоидентификаций в частной и семейной жизни на первых трех позициях в ответах респондентов. В качестве методов статистической обработки данных использованы непараметрические критерии Манна–Уитни и Вилкоксона.

Таблица 1

Личностная вовлеченность в трудовой процесс и субъективное благополучие персонала предприятий с разной включенностью в инновационные процессы

Возраст	Предприятие/пол	Вовлеченность			С/О здоровья			С/О возраста	Усталость	Ощущение безнадежности ситуации	Подавленное настроение
		В настоящее время	Через 5 лет	W	В целом	Сердце	Нервы				
Молодой	ОП-Ж	0.9	0.5	Т	3.5	2.7	2.3	7.3	8.3	2.6	2.6
	ИП-Ж	1.6	1.4	–	3	4.3	3.3	–4.1	4.2	1.4	1.9
	U	*	**		–	*	*	*	**	**	*
	ОП-М	1.4	1.1	–	3.1	2.4	1.9	10.6	8.8	2.6	2.4
	ИП-М	1.9	2.2	–	3.4	3.6	2.9	–2.8	3.1	1.1	1.3
	U	*	*		–	*	*	**	*	**	*
Средний	ОП-Ж	0.9	0.8	–	2.5	2.4	1.1	4.7	6.7	2.1	2.4
	ИП-Ж	1.5	1.5	–	3.9	3.8	3.4	–5.5	4.8	1.2	1.4
	U	*	*		*	**	**	*	*	*	*
	ОП-М	1.6	0.6	*	1.9	1.5	2.6	7.3	7.2	2.2.	2.1
	ИП-М	1.9	1.6	–	3.7	3.6	4.1	–6.0	4.3	1. 2	1.5
	U	Т	*		*	**	**	**	*	*	*
Старший	ОП-Ж	1.1	0.5	*	1.4	1.6	1.5	–5.9	5.2	1.8	2.7
	ИП-Ж	1.5	1.2	–	3.4	3.0	2.9	–6.2	4.0	1.1	1.6
	U	*	*		**	*	**	–	*	*	*
	ОП-М	1.25	0.3	*	1	0.7	2.6	8.8	4.9	1.9	2.5
	ИП-М	1.5	1.7	–	2.6	2.1	3.6	–7.4	3.1	1.3	1.8
	U	Т	*		**	*	*	**	*	*	*

В таблицах 1 и 2: Ж – женщины, М – мужчины, С/О – самооценка, W – критерий Вилкоксона, U – критерий Манна–Уитни; * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$, Т – тенденция; – – статистически значимые различия отсутствуют.

Респонденты

В качестве респондентов в исследовании приняли участие 120 женщин и 130 мужчин, сотрудников исполнительского звена ординарного и инновационного производственных предприятий. Каждая группа объединяла три возрастных подгруппы мужчин и женщин примерно в равных пропорциях: до 35 лет; между 36 и 54 годами для женщин, 36–59 – для мужчин; старше 55 лет для женщин и старше 60 – для мужчин. От каждого предприятия в качестве экспертов выступили по 14 менеджеров.

Результаты и их анализ

Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Первое, на что обращается внимание при анализе результатов, – это разный уровень личностной вовлеченности в трудовую деятельность и на момент исследования, и на пятилетнюю перспективу (табл.1).

Различия статистически значимы в большинстве возрастных групп мужского и женского персонала. Исключение составляют мужчины среднего и старшего возраста на момент исследования. В этих группах различия в трудовой вовлеченности не достигают уровня статистической значимости, но тенденция таких различий просматривается весьма отчетливо. Можно видеть, что показатели трудовой вовлеченности женщин на ИП несколько ниже, чем у мужчин, но они значительно выше, чем у женского персонала ОП.

В пятилетней перспективе все различия статистически значимы. Если сравнить показатели трудовой вовлеченности внутри возрастных и гендерных подгрупп в перспективе, можно видеть, что на ИП нет статистически значимых различий, что свидетельствует о том, что уровень трудовой вовлеченности достаточно стабилен во времени. На ОП такие различия есть: в группе молодых женщин, мужчин среднего возраста, у женщин и мужчин старшего возраста наблюдается существенное снижение трудовой вовлеченности. Это очень неблагоприятный показатель. Если в качестве объяснения падения трудовой вовлеченности молодых женщин можно предположить доминирование проблем, связанных с личной и семейной жизнью, то в отношении персонала старшего возраста заметно, что задача сохранения персонала за счет повышения пенсионного возраста не решается: старший персонал не желает продолжать трудовую деятельность. Это свидетельствует о субъективном неблагополучии в трудовой деятельности. Более того, проблемы возникают и с решением задач повышения компетентности за счет повышения квалификации: сотрудники, не видящие свою трудовую перспективу, будут участвовать в обучении скорее формально, чем мотивированно и активно.

Результаты показывают, что персонал ОП, независимо от возраста и гендерной принадлежности, по критерию вовлеченности в трудовой процесс соответствует возрастному стереотипу, а персонал ИП, и женщины, и сотрудники старшего возраста, не подпадают под стереотипные представления об их слабой трудовой мотивации и вовлеченности.

Встает вопрос о причинах разной трудовой вовлеченности персонала ОП и ИП. Разные типы организационной культуры свидетельствуют о принципиальных различиях в ценностях персонала. Если для персонала ОП характерны клановые и иерархические, то для персонала ИП – рыночные и инновационные ценности [35]. Но оба предприятия имеют довольно схожую историю. Полученные результаты позволяют конкретизировать суть используемых менеджерами управленческих подходов по их отражению в показателях субъективного благополучия сотрудников обоих предприятий, являющегося эмоциональным регулятором трудовой деятельности.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что персонал ОП испытывает стресс в трудовой деятельности и организационных отношениях существенно более высокого уровня, чем персонал ИП. Для персонала ОП всех гендерных и возрастных подгрупп значительно более характерно подавленное настроение, ощущение безнадежности и усталость. Интересно, что наибольшую негативную эмоциональную нагрузку испытывает молодой персонал ОП. С возрастом, видимо, вырабатывается адаптация к административным требованиям менеджмента и психологическая защита в межличностных отношениях, что является характерным для иерархически-клановой модели ОК. Именно поэтому типичным является желание персонала усилить клановый компонент ОК вместо того, чтобы усилить инновационный [35; 36]. Это свидетельствует о том, что менеджмент ОП продолжает реализовывать уже давно скомпрометировавшую себя в международном менеджменте модель авторитарного управления. В результате персонал ОП чувствует себя значительно более усталым и менее здоровым, чем персонал ИП. Особенно ярко это проявляется при оценке таких зависимых от испытываемого стресса систем, как сердечно-сосудистая и нервная системы. По этим показателям заметна тенденция ухудшения с возрастом, что свидетельствует о том, что отмеченная адаптация к требованиям менеджмента не нейтральна по отношению к самочувствию. В результате сотрудники ОП чувствуют себя значительно старше своего хронологического возраста и тем более своих сверстников, работающих на ИП.

В таблице 2 можно видеть, что оценка менеджерами возраста своих подчиненных совпадает с возрастным самоощущением персонала, хотя есть и некоторые значимые нюансы. Оценки менеджеров ОП более радикальны: мало оценок, соответствующих хронологическому возрасту персонала. В этом, по-видимому, сказывается эмоциональное отношение к неудовлетворительной сложившейся ситуации организационного развития. Тех сотрудников, которые поддерживают политику менеджмента, проявляют активность, вовлеченность, менеджеры считают более молодыми; их меньшинство. Пассивных, усталых, жалующихся на здоровье, оказывающих скрытое сопротивление проводимым организационным изменениям менеджеры считают более старыми; их на ОП большинство.

Менеджеры ИП более адекватно оценивают возраст персонала. Если на ОП оценки соответствия хронологическому возрасту не превышают 16% среди наиболее работоспособных мужчин среднего возраста, то на ИП этот показатель колеблется от 35 до 45%. Принцип оценки персонала как более молодых тот же, что и на ОП. Сотрудники, поддерживающие политику менеджмента, активные, вовлеченные, бодрые, здоровые, независимо от хронологического возраста, оцениваются менеджерами ИП как более молодые.

Подтверждением различий в управлении персоналом являются данные, характеризующие обращения менеджера к персоналу. Результаты таблицы 2 показывают, что менеджеры ОП обращаются к мужскому и женскому персоналу всех возрастных групп в формальной и неформальной ситуациях взаимодействия как к более старшим, чем это происходит на ИП, что в русской традиции проявляется как обращение по имени и отчеству.

Различия между гендерными и возрастными группами персонала везде статистически значимы, причем уровень значимости очень высок. Исключение составляют только мужчины старшей возрастной группы в ситуациях формального взаимодействия: и на ИП, и на ОП менеджеры обращаются к ним в основном по имени и отчеству. Интересным для исследования психологических факторов сдерживания инновационного развития России является традиционное обращение по имени и отчеству, что нетипично в других культурах. Отчество психологически обращает внимание человека к прошлому поколению, возможно, являясь психологическим барьером принятия изменений. В этом смысле не случайно более демократичное обращение к сотрудникам инновационных компаний по имени, что зафиксировало и проведенное исследование.

Таблица 2

Оценка возраста персонала непосредственными руководителями и формы их обращения к разновозрастному персоналу на предприятиях с разной включенностью в инновационные процессы

Возраст	Предприятие /пол	Оценка возраста менеджерами (в %)			Формы обращения непосредственного руководителя к подчиненным					
					Тип ситуации		W	Отношение		W
		Моложе	Хрон.	Старше	Трудовая	Неформ.		Доволен	Недоволен	
Молодой	ОП-Ж	34.5	10.5	55.0	2.9	2.7	–	3.3	4.5	*
	ИП-Ж	53.0	35.0	12.0	1.9	1.4	*	1.9	3.3	**
	U				**	**		*	**	
	ОП-М	37.5	16	46.5	3.6	3.5	–	3.7	4.4	–
	ИП-М	50.0	25.0	25.0	2.2	2.3	–	2.0	3.3	**
	U				**	**		**	**	
Средний	ОП-Ж	23.0	20.0	57.0	4.1	3.9	–	3.7	4.3	–
	ИП -Ж	43.0	35.0	22.0	2.8	2.5	–	2.3	3.8	**
	U				**	**		**	–	
	ОП-М	14.7	15.0	70.3	4.3	3.9	–	4.2	4.5	–
	ИП-М	22.0	45.0	33.0	2.4	2.3	–	2.1	3.7	*
	U				**	**		**	*	
Старший	ОП-Ж	27.5	15.5	57.0	4.8	4.1	*	3.9	4.6	*
	ИП-Ж	45.5	35.0	19.5	3.8	2.6	–	1.8	3.5	*
	U				**	*		**	*	
	ОП-М	24.5	14.7	60.8	4.0	4.2	–	3.8	4.8	*
	ИП-М	16.0	46.0	38.0	4.0	3.5	–	2.8	3.3	*
	U				–	*		–	*	

Регулирующая поведение сотрудников роль обращения к ним в ситуациях, когда менеджер доволен сотрудниками или не доволен ими, также может быть проанализирована по данным таблицы 2. Можно видеть, что в ситуациях недовольства менеджеры обоих предприятий увеличивают субъективную дистанцию с подчиненным, обращаясь к нему как к более старшему человеку. Одновременно менеджеры ОП гораздо более суровы в ситуации недовольства подчиненными, чем менеджеры ИП. Исключение составляют женщины среднего возраста: в их случае общая тенденция отмечается, но не достигает уровня статистической значимости. Эти данные являются косвенным подтверждением реализации автократического стиля управленческого взаимодействия на ОП, который, безусловно, является стрессогенным фактором, снижающим уровень субъективного благополучия персонала.

Анализ проявлений социально-психологического возраста персонала ОП и ИП позволяет выделить его различные уровни. Базовой характеристикой применительно к возрасту является деятельность. Применительно к трудовой деятельности в условиях перехода экономики в целом и предприятий на инновационный путь развития к таким приобретениям относятся, безусловно, стили взаимодействия, готовность к постоянному обучению, новые компетенции. Для большей части сотрудников предприятия с рыночно-адхократической организационной культурой ведущими деятельностями являются трудовая и учебная в самообразовании и системе корпоративного обучения. Для большей части сотрудников ОП ведущими деятельностями являются межличностное общение и внешние по отношению к трудовой виды деятельности: деятельность в рамках семьи, рекреационная деятельность, иные виды деятельности. Сочетание ведущей деятельности с изученными характеристиками персонала позволяет выделить четыре социально-психологических возраста персонала. Комплексы этих характеристик представлены в таблице 3.

Безусловно, это первая попытка выделить разные проявления социально-психологического возраста, и работа по уточнению показателей социально-психологических возрастов нуждается в продолжении, в том числе на разных категориях работников и в разных типах бизнеса.

Выводы

1. Переход к новому технологическому укладу в условиях старения населения, реализации пенсионной реформы, устойчивых гендерных и возрастных стереотипов обостряет проблему занятости людей старших возрастов, и в особенности женщин, усиливается их вытеснение на малооплачиваемые рабочие места в низкотехнологичные секторы экономики.

2. В управлении персоналом промышленного предприятия в таких условиях целесообразно

Таблица 3

Социально-психологический возраст в условиях прогрессивных организационных изменений

Характеристики	Социально-психологический возраст			
	«Старый»	«Средний»	«Зрелый»	«Молодой»
Ведущая деятельность	Общения, рекреационная	Трудовая	Трудовая	Трудовая и образование
Ценности организационного развития	Клановые	Иерархические	Рыночные	Инновационные
Усталость	Высокая	Умеренная	Умеренная	Низкий уровень
Здоровье по самооценке	Плохое	Среднее	Хорошее	Хорошее
С/О возраста	Старше	Соответствует хронологическому или несколько старше	Соответствует хронологическому или несколько моложе	Моложе
Личностная вовлеченность в трудовой процесс	Низкая: приоритет семейных ролей и ролей частной жизни	Баланс профессиональных ролей и частной жизни	Высокая, ориентация на результат. Приоритет профессиональных и должностных ролей	Высокая, приоритет профессиональных ролей, но только при внедрении инноваций
Оценка возраста менеджерами	Старше хронологического	Соответствует хронологическому или несколько старше	Соответствует хронологическому или несколько моложе	Моложе хронологического

постепенно отказываться от старых подходов, реализуемых с дореформенных времен в контексте иерархически-клановых моделей организационных условий с превалированием автократического управленческого взаимодействия. Эти модели не способствуют формированию как у мужского, как и женского персонала всех возрастных групп инновационных ценностей, но порождают в условиях организационных изменений высокий уровень стресса, чувство субъективного неблагополучия, снижают уровень трудовой вовлеченности, усиливая нетрудовую мотивацию. Утрата трудовой деятельностью характера ведущей ведет к тому, что персонал не желает приобретать новые необходимые компетенции и независимо от хронологического возраста соответствует гендерным и возрастным стереотипам, «старому» социально-психологическому возрасту.

Усиление инновационного и рыночного компонента в организационной культуре и соответствующих им моделей управления персоналом имеет принципиально другие эффекты. Независимо от хронологического возраста и гендерной принадлежности персонал сохраняет сбалансированный с иными социальными ролями уровень трудовой вовлеченности или даже преобладание профессиональных и должностных ролей перед остальными, низкий или умеренный уровень организационного стресса. Сотрудники чувствуют себя более здоровыми и молодыми по сравнению с коллегами в иерархических моделях управления. Сохранение трудовой и учебной видов деятельности в качестве ведущих на фоне позитивного субъективного благополучия обеспечивает соответствие среднему, зрелому и молодому социально-психологическому возрасту.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00910.

Список литературы

1. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2018. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d/prognoz2036.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9e711dab-fec8-4623-a3b1-33060a39859d (дата обращения: 27.08.2019).

2. Developments in individual OECD and selected non-member economies. Russian Federation – Economic forecast summary (November 2017). P. 216–219. URL: http://www.oecd.org/eco/outlook/economic-forecast-summary-russia-oecd-economic-outlook.pdf (дата обращения: 01.08.2019).

3. Клепикова Е.А., Колосницина М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. № 1. С. 69–88.

4. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 29–40.

5. Nelson T.D. Ageism. Stereotyping and prejudice against older persons. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 253 p.

6. Rauschenbach C., Göritz A.S., Hertel C. Age stereotypes about emotional resilience at work // Educational Gerontology. 2012. V. 38. P. 511–519.

7. Posthuma R.A. Age stereotypes in the workplace: common stereotypes, moderators, and future research directions // Journal of Management. 2009. V. 35. № 1. P. 158–188.

8. Zaniboni S., Kmicinska M., Truxillo D.M. et al. Will you still hire me when I am over 50? The effects of implicit and explicit age stereotypingon resume evaluations // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2019. V. 28. № 4. P. 453–467.

9. Janssen S., Backes-Gellner U. Occupational stereotypes and gender-specific job satisfaction: industrial relations // Journal of Economy and Society. 2016. V. 55. № 1. P. 71–91.

10. Staudinger U.M. Images of aging: Outside and inside perspectives // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. V. 35. P. 187–210.

11. Hessel P., Kinge J. M., Skirbekk V., Staudinger U.M. Trends and determinants of the Flynn effect in cognitive functioning among older individuals in 10 European countries // Journal of Epidemiology & Community Health. 2018. V. 72. № 5. P. 1–7.

12. Kornadt A.E. Do age stereotypes as social role expectations for older adults influence personality development? // Journal of Research in Personality. 2016. V. 60. P. 51–55.

13. Vo K., Forder P.M., Tavener M. et al. Retirement, age, gender and mental health: findings from the 45 and up study // Aging & Mental Health. 2015. V. 19. № 7. P. 647–657.

14. Квачев В.Г., Юдина М.А. Индустрия 4.0: поражение работы или победа творческого труда // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Октябрь. С. 140–158. URL: https://www.researchgate.net/publication/320923272_Industria_40_porazenie_raboty_ili_pobeda_tvorceskogo_truda_Industry_40_A_Loss_for_Labor_or_a_Victory_for_Creative_Work (дата обращения: 07.08.2019).

15. Кергроуч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–8.

16. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Т. 22. № 4. С. 489–530.

17. Bowman D. Statistical representations and stereotypes of youth labor market participation. Insights from Australia // ResearchGate. Conference Paper. July 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/268107501_Statistical_Representations_and_Stereotypes_of_Youth_Labour_Market_Participation_Insights_from_Australia (дата обращения: 17.06.2019).

18. Бражников П.П. Теория поколений в кадровой политике и ее связь с конкуренцией работодателей на рынке труда // Тренды и управление. 2016. № 2. С. 194–201.

19. Kucherov D.G., Zamulin A.L., Tsybova V.S. How young professionals choose companies: employer brand and salary expectations // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 1. С. 29–46.

20. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Мартьянова Т.В. Гендерные проявления социально-психологического возраста персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 7. С. 107–117.

21. Обухова Л.Ф., Обухова О.Б., Шаповаленко И.В. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения // Психологическая наука и образование. 2003. № 3. С. 25–33.

22. Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60–71.

23. Ксенда О.Г., Татарко К.И. Старение через призму социальных, психологических и биологических изменений // Психолог. 2018. № 2. С. 55–65.

24. Сапогова Е.Е. Экзистенциально-психологический анализ старости // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 75–81.

25. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с. Серия «Труды действительных членов и членов-корреспондентов Академии педагогических наук СССР».

26. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

27. Здравомыслов Л.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.

28. Schwartz S.H. Refining the theory of basic individual values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. V. 10. № 4. P. 663–688.

29. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. 1995. М.: МГУ, 416 с.

30. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

31. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.

32. Захарова Л.Н., Коробейникова Е.В., Леонова И.С. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Н. Новгород: ННГУ, 2017. 412 с.

33. Kessler R.C., Andrews G., Colpe L.J. et al. Short screening scales to monitor population prevalences and trends in non-specific psychological distress // Psychological Medicine. 2002. V. 32. P. 959–976.

34. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. 1954. V. 19. № 1. P. 68–76.

35. Zakharova L., Leonova I., Zaladina A. Value readiness for organization changes and labor involvement of engineering staff // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EPSBS. 2019. V. LVIII. № 147. P. 1272–1279.

36. Саралиева З.Х., Захарова Л.Н. Женщины как персонал современного предприятия: ценностный аспект // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 45–57.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL AGE IN LABOR ACTIVITIES

L.N. Zakharova, I.S. Leonova, A.I. Makhalin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The results of a theoretical and empirical study of the content, determination and manifestations of the socio-psychological age in labor activity are presented. An analysis of the characteristics of the labor market in the conditions of changing technological patterns and the effects of age-related stereotypes is presented. The methodological basis of the study is made up of the theoretical provisions of T. Parsons on the structure of social action, of S.L. Rubinshtein on the external and internal determination of psychological phenomena, of U. Staudinger on the psychological age, and of E. Schein on organizational culture as the socio-psychological context of work. K. Cameron's and R. Quinn's methods for assessing the type of organizational culture and organizational and cultural preferences, M. Kuhn's and T. MacPartland's personal identification methods, R. Kessler's methods for assessing stress exposure during labor activities, authors' questionnaires for assessing subjective well-being and assessing the age of staff by managers have been applied. The expediency of the study of socio-psychological age as an interactive phenomenon and social action for certain types of activity, the possibility of its assessment on the basis of compliance/inconsistency with age stereotypes and levels of determination of social action have been revealed. The results of an empirical study of the socio-psychological age of industrial enterprises' personnel with different involvement in innovative processes have been presented. The analysis of subjective well-being of the staff, organizational culture and managerial approaches corresponding to its types in determining the socio-psychological age of staff has been carried out. Four socio-psychological ages of the staff and their characteristics have been identified. Recommendations on improving management at workplaces and in the corporate training system have been formulated. The approaches to prospective studies of the socio-psychological age of the staff have been determined.

Keywords: industry 4.0, labor market, innovations, employment, age stereotypes, gender stereotypes, psychological age, socio-psychological age, labor involvement, organizational culture, managerial interaction, corporate training.

УДК 316.454.3

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР АБИТУРИЕНТОВ

© 2019 г.

А.А. Иудин, И.В. Ситникова, А.С. Тюнтяев

Иудин Александр Анатольевич, д.э.н. проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
iudin@fsn.unn.ru
Ситникова Ирина Викторовна, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
april@fsn.unn.ru
Тюнтяев Анатолий Сергеевич, программист 1-й категории Управления информатизации Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
tas@comp.unn.ru

Статья поступила в редакцию 09.09.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Социальные преобразования последних десятилетий значительно изменяют набор ценностно-профессиональных установок российской молодежи, что актуализирует проблему подготовки высококвалифицированных специалистов. В этой связи особое значение обретает осознанность выбора направления подготовки в вузе, который складывается под воздействием большого набора факторов. Сегодня среди мотивов получения высшего образования приоритетное место занимает установка на достижение жизненного успеха, материального благополучия и высокого социального положения, однако молодые люди намерены поразному реализовать свои запросы. В связи с этим в работе исследуются различные установки и мотивы абитуриентов, осуществляющих выбор профессии в пространстве конкретного учебного заведения – Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Осуществлен анализ генеральной совокупности – всех заявлений, поданных в приемную комиссию ННГУ летом 2018 года. Анализ причин и мотивов, определяющих выбор абитуриентом будущей профессии и учебного заведения, позволил выделить восемь групп абитуриентов, различающихся ценностно-профессиональными установками, отношением к будущей сфере деятельности и профессии, собственными возможностями и способностями, а также представлениями об уровне оплаты труда.

Ключевые слова: абитуриенты, молодежь, профессиональное самоопределение, выбор вуза, мотивы, высшее образование, престиж.

Введение

Реформирование системы высшего профессионального образования проявляется во многих аспектах, в том числе и в изменении количества вузов в стране. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1990/91 учебный год число вузов в России составляло 514, а к 2012/13 учебному году увеличилось до 1046. В результате укрупнения учреждений высшего образования к 2018/19 учебному году их число снизилось, однако осталось все равно больше, чем до начала реформы системы образования, – 742 [1]. В условиях большого количества вузов перед старшеклассниками и их родителями стоит проблема выбора университета с качественным образованием, современными формами обучения, с высокой материально-технической базой, высококвалифицированными преподавателями, что в будущем позволит стать конкурентоспособным на рынке труда и облегчит трудоустройство [2, с. 142].

В связи с этим интерес представляет исследование проблем мотивации профессионального выбора и профессионального самоопределения молодежи, которые изучаются учеными разных научных отраслей – социологии, педагогики, психологии. Они отмечают, что в современном российском обществе изменились выработанные предыдущими поколениями ценности, стереотипы о престижности разных профессий. Сегодня отмечается целый ряд тенденций – появились новые профессии, ранее не существовавшие в российской культуре (дизайнер, менеджер и др.); снизилась информированность учащихся о содержании и требованиях к профессии; открылись новые учебные заведения, предлагающие широкий спектр направлений подготовки. Данные факторы приводят к затруднению в ориентации абитуриента в мире профессий, как традиционных, так и новых. Школьников привлекают красивые названия новых специальностей, однако для успешного

профессионального становления необходимо не только получение образования, но и наличие определенных личностных качеств. Абитуриент зачастую сталкивается с расхождением своего желания овладеть «модной» профессией со своими реальными возможностями [3, с. 85–86]. Многочисленные исследования показали, что старшеклассники, не владея достаточно адекватными представлениями о своей будущей профессии, делают необдуманный выбор и в дальнейшем относятся к образованию как к процессу получения диплома, при этом у них отсутствует мотивация хорошо учиться, участвовать в научно-исследовательской деятельности. Как отмечают социологи, большинство молодых людей поступают учиться в университет, чтобы стать образованными, и это перекликается с общей тенденцией ценности и престижа получения высшего образования молодежью [4, с. 95]. Выбор абитуриентов в пользу той или иной специальности для дальнейшего обучения в вузе зачастую складывается под воздействием разных факторов, значимость которых чаще всего сам школьник не осознает в полной мере [5, с. 118].

Исследования показывают, что мотивация получения высшего образования за последние годы сильно изменилась – среди многообразия этих факторов приоритетное место стал занимать мотив «добиться успеха в жизни», это основная жизненная стратегия студентов сегодня. Для большинства молодых людей значимо «быть материально обеспеченным», а не только «приобрести профессию» [6, с. 56]. Современная молодежь становится все более прагматичной, и достижение материального благополучия и высокого социального положения является важнейшей установкой на получение высшего образования среди молодежи. Большинство старшеклассников видят ценность образования, в первую очередь, в возможности получения престижной, высокооплачиваемой, стабильной работы [7, с. 137]. Заработная плата является для молодежи одним из основных показателей собственного материального благополучия. Наряду с уровнем заработной платы для многих абитуриентов важны вопросы социального статуса будущей профессии, ее престижность, перспективность и общественная значимость. При осознанном профессиональном выборе у абитуриентов существует четкий образ будущей профессии, они знают о возможностях трудоустройства по этой специальности. Однако сегодня существует тенденция, что среди мотивов выбора направления подготовки основное место занимает полученное количество баллов Единого государственного экзамена. На профессиональный выбор молодежи оказывает влияние не только личный интерес к будущей специальности, но и возможность учиться на бюджетном месте, которую дает необходимое количество баллов ЕГЭ [4, с. 96].

Осознанный выбор профессии определяет успех в будущей профессиональной деятельности, однако этот выбор все чаще связан с мотивами, далекими от призвания, собственных способностей и наклонностей. «В большинстве своем абитуриенты предстают профессионально ориентированными прагматиками. Они стремятся поступить на специальности, которые считаются наиболее востребованными или приносящими наибольший доход, концентрируют усилия на подготовке к необходимым экзаменам и экономят усилия на предметах, которые им не придется сдавать» [8, с. 21–22]. Одним из ключевых факторов, определяющих профориентацию современного школьника, являются баллы ЕГЭ, и зачастую старшеклассники меняют свой первоначальный профессиональный выбор в пользу специальностей с более доступными перспективами поступления. Сегодня выделяются две типовые стратегии поступления: профессиональная и проходная. Профессиональная стратегия основана на осознанном выборе и специальной подготовке к поступлению. Проходная стратегия заключается в определении перечня специальностей, на которые абитуриент может быть зачислен по результатам баллов ЕГЭ [9, с. 37–38]. Эта стратегия является наиболее распространенной, и особый интерес представляет мотивация, подкрепляющая выбор конкретной группы специальностей, на которые абитуриенты подают документы.

Метод исследования

Несомненный интерес представляет анализ данных о группах факультетов/специальностей, на которые подают документы различные абитуриенты, и такой анализ возможен с использованием массива данных приемных комиссий вузов. Анализ данных по всему массиву абитуриентов и студентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского был успешно осуществлен в 2017 г. [10]. Это исследование фактически позволило дать характеристику различных факультетов и специальностей ННГУ в оценках абитуриентов. Цель данного исследования заключается в определении характеристик сходства и отличия установок и мотивов абитуриентов, осуществляющих выбор профессии в пространстве конкретного учебного заведения – ННГУ. Результаты исследования[1] позволили оценить не только набор факультетов и специальностей, на которые претендовали абитуриенты, но и основные мотивы их выбора.

Таблица 1

Распределение заявлений, поданных в 2018 г. на факультеты/институты ННГУ, по всему массиву и по абитуриентам, ответившим на вопросы анкеты, % к соответствующему массиву

Факультет/институт	Все абитуриенты	Заполнившие анкету
Институт экономики и предпринимательства	32	43
Институт информационных технологий, математики и механики	17	29
Юридический факультет	17	20
Институт международных отношений и мировой истории	8	16
Факультет социальных наук	11	16
Радиофизический факультет	8	12
Институт филологии и журналистики	7	10
Физический факультет	9	10
Институт биологии и биомедицины	5	7
Химический факультет	5	2
Арзамасский филиал	16	3
Дзержинский филиал	2	1
Павловский филиал	1	0
Высшая школа общей и прикладной физики	1	0
Институт реабилитации и здоровья человека	1	0
Факультет физической культуры и спорта	1	0

Наиболее активно анкету заполнили абитуриенты, подавшие документы на специальности Института международных отношений и мировой истории, а также Института информационных технологий, математики и механики, но больше всего анкет заполнили абитуриенты Института экономики и предпринимательства (табл. 1). Последнее обстоятельство понятно: здесь больше всего направлений подготовки, и уже поэтому здесь в наибольшей степени сосредоточен интерес абитуриентов. Абитуриенты филиалов и ряда факультетов в большинстве своем проигнорировали данное предложение, хотя абитуриенты большинства институтов и факультетов приняли участие в исследовании. Впрочем, некоторое количество анкет заполнено абитуриентами, подавшими документы в Арзамасский и Дзержинский филиалы.

Результаты исследования

Многомерный анализ данных анкетного опроса позволил выделить 8 групп абитуриентов, различающихся ценностно-профессиональными установками, отношением к будущей сфере деятельности и профессии, собственными возможностями и способностями, а также представлениями об уровне оплаты труда. Наиболее распространенным мотивом выбора профиля будущей профессиональной деятельности является ориентация на престиж образования, профессии (рис. 1).

Все мотивы имеют некоторую область пересечения, то есть большинство молодых людей имеют несколько мотиваций (рис. 2). Наибольшую область пересечения имеет *ориентация на престиж образования, профессии*: в чистом виде, без пересечений данная мотивация составляет всего 10%. Эта ориентация означает отношение молодых людей и к бренду вуза, и к факультету, и к специальности.

Второе и третье места занимают ориентации на бизнес, материальный успех и на выбор определенной области профессиональной деятельности – госслужбы. Ориентация как на бизнес, так и на госслужбу в значительной своей части имеет пересечение с престижем образования, профессии, хотя, как мы увидим ниже, восприятие престижности в этих двух группах имеет отличающееся наполнение. Восприятие престижности вуза и избранной специальности нисколько не противоречит ориентации на бизнес или госслужбу. Более того, в своей значительной части ориентация и на бизнес, и на госслужбу подразумевает восприятие избранного вуза и специальности в качестве высокопрестижных.

В данной статье мы исследуем логику ориентации абитуриентов на бизнес, на престиж и на госслужбу, а также рассмотрим восприятие представителями этих групп престижности образования, профессии и избранного вуза.

Остальные типы ориентаций – на творчество в будущей профессиональной деятельности, на личностное развитие, на научно-педагогическую деятельность, на мнения и рекомендации родителей, учителей и друзей, а также случайный выбор – мы рассмотрим в последующих работах. Кроме перечисленных выше групп имеется небольшая группа неидентифицированных (8%), представители которой не ответили на данный блок вопросов.

Рис. 1. Группы абитуриентов ННГУ,
различающиеся ценностно-профессиональными установками, %

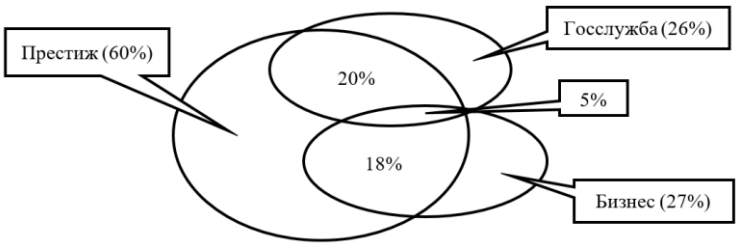


Рис. 2. Пересечение групп, ориентированных на престиж, бизнес и госслужбу, %

Очевидно, что выбор факультета продиктован выбором предпочтительного профиля своей будущей профессиональной деятельности. Однако следует помнить, что абитуриенты подают документы не на один факультет и не на одну специальность, поэтому некоторые факультеты рассматриваются ими в качестве основных, а другие факультеты – в качестве запасных.

Абитуриенты, ориентированные на престиж образования, профессии, назвали наиболее престижными четыре факультета ННГУ: Институт информационных технологий, математики и механики, юридический факультет, радиофизический факультет и Институт экономики и предпринимательства (табл. 2).

Молодые люди, ориентированные на бизнес, выбирают себе, прежде всего, Институт экономики и предпринимательства, а также Институт информационных технологий, математики и механики. Наименьший интерес вызывает у них юридический факультет, который рассматривается большинством абитуриентов этой группы как запасной. В качестве запасного рассматривается Институт международных отношений и мировой истории, а также Институт филологии и журналистики. На среднестатистическом уровне рассматриваются Дзержинский и Арзамасский филиалы, а также факультет социальных наук. Это тоже запасные варианты: филиалы, очевидно, связаны с местом жительства абитуриентов, а ФСН многими абитуриентами рассматривается именно как запасной вариант [10, с. 34–35].

Абитуриенты, ориентированные в своей будущей профессиональной деятельности на госслужбу, выбирают для себя, прежде всего, юридический факультет, а также Институт международных отношений и мировой истории. Остальные факультеты они рассматривают как запасные варианты, хотя на многие из них они довольно охотно подают документы. Менее всего им интересны Институт информационных технологий, математики и механики, а также радиофизический факультет.

Установки различных групп абитуриентов находят свое яркое выражение в мотивах выбора ими своей будущей специальности. Абитуриенты, ориентированные на бизнес, делают свой выбор будущей специальности в связи с тем, что эта профессия даст им в будущем

Таблица 2

Распределение заявлений, поданных на факультеты/институты ННГУ по абитуриентам, ответившим на вопросы анкеты, %

Факультет/институт	Выборка	Престиж	Бизнес	Гос-служба
Институт экономики и предпринимательства	43	44	75	38
Институт информационных технологий, математики и механики	29	37	41	11
Юридический факультет	20	26	9	55
Факультет социальных наук	16	12	16	10
Институт международных отношений и мировой истории	16	16	14	29
Радиофизический факультет	12	14	11	2
Физический факультет	10	10	8	4
Институт филологии и журналистики	10	9	8	9
Институт биологии и биомедицины	7	5	4	2
Химический факультет	2	2	1	1
Арзамасский филиал	3	1	3	1
Дзержинский филиал	1	0	1	1

Таблица 3

Мотивы выбора направления подготовки, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Бизнес	Гос-служба
Эта профессия позволяет иметь интересную и разнообразную работу	50	51	45	35
Эта профессия дает возможность хорошо зарабатывать	40	54	68	43
Есть возможности карьерного роста	35	41	42	49
Это уважаемая (престижная) профессия	26	39	15	62
С этой профессией легко найти работу	14	14	18	7
Эта профессия позволит иметь хорошие условия труда	11	14	17	17
Это был случайный выбор	10	0	8	5
Выбрали по совету родителей, друзей, школы	8	6	6	3
Эта профессия позволит иметь хорошее социальное обеспечение на работе	7	9	6	17

возможность хорошего заработка, карьерный рост, эта профессия позволит иметь хорошие условия труда и, наконец, с этой профессией будет легко найти работу (табл. 3). Их менее других интересует возможность получить в будущем интересную и разнообразную работу, только будущие чиновники еще меньше ориентированы на интересную работу. Ориентированных на бизнес абитуриентов менее всего привлекает в ней то, что это уважаемая, престижная профессия. Таким образом, молодые предприниматели выбирают профессию, обеспечивающую высокий заработок, карьерный рост и комфортные условия профессионального функционирования.

Молодых людей, мечтающих стать чиновниками, привлекает в будущей специальности, прежде всего, то, что это уважаемая, престижная профессия – это свойство будущей работы важно для двух третей представителей данной группы, они заявляют об этом почти вдвое чаще, чем представители молодежи, ориентированной на престиж, и вчетверо чаще абитуриентов, ориентированных на бизнес. Более всех других абитуриентов их привлекают в будущей профессии возможности карьерного роста, а также хорошее социальное обеспечение на работе. Привлекают их также возможность иметь хорошие условия труда, которые обеспечивает выбранная ими профессия. При этом их не более других интересует возможность хороших заработков, хотя и этот фактор для них тоже имеет определенную привлекательность. Менее других их интересует в будущей профессии возможность иметь интересную и разнообразную работу, а также то, что она позволяет легко найти работу. Очевидно, что они ожидают борьбу за хорошую и достойную должность, причем на этом рабочем месте придется выполнять и скучные, и рутинные обязанности, но это компенсируется уважением и комфортом, которые предоставляет искомая профессия. Очень немногие из них говорят о том, что выбор профессии был случайным, и реже всех они отмечают, что выбрали специальность по совету родителей, друзей или учителей школы.

Итак, установка на престиж образования, профессии характеризуется двумя требова-

Таблица 4

Предпочтения будущей сферы деятельности, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Бизнес	Гос-служба
Иметь свой бизнес	41	43	79	36
Заниматься художественным творчеством	23	19	15	11
Работать в сфере государственного управления	20	25	22	40
Заниматься научной деятельностью	19	19	6	14
Заниматься коммерческой деятельностью	16	16	47	6
Заниматься управленческой деятельностью в экономике (менеджмент)	14	15	42	12
Заниматься юридической деятельностью	13	17	5	46
Заниматься конструкторской, инженерной деятельностью	13	18	9	8
Заниматься политической деятельностью	12	12	9	35
Заниматься педагогической деятельностью	10	10	5	9
Пока не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать	12	7	3	5

ниями к профессии – хорошие заработки и уважение к профессии, а установки на госслужбу и бизнес радикально отличаются и друг от друга, и от ориентации на престиж. Абитуриенты, проявляющие интерес к госслужбе, ожидают от будущей профессии уважения к ней и карьерного роста, а сторонников бизнеса интересуют прежде всего высокие заработки.

Где же представители разных групп предполагают найти условия труда, удовлетворяющие их притязаниям? Молодые люди, ориентированные на бизнес, чаще всех хотели бы иметь свой бизнес или заниматься коммерческой деятельностью, а также управленческой деятельностью в экономике (табл. 4). Менее всех их интересует перспектива заниматься научной деятельностью или художественным творчеством, заниматься юридической или педагогической деятельностью. Они уверены в том, что знают, чем хотели бы заниматься. Абитуриенты, ориентирующиеся на государственную службу, выстраивают принципиально иную иерархию предпочтений по сфере будущей деятельности. Более всех они предпочти бы заниматься юридической или политической деятельностью, а также работать в сфере государственного управления. Менее всех их привлекает возможность заниматься как художественным творчеством, так и коммерческой деятельностью. Их не привлекает ни возможность иметь свой бизнес, ни перспектива заниматься конструкторской, инженерной или научной деятельностью. Как и представители ориентации на бизнес, они, в целом, достаточно четко представляют себе область предпочтительной профессиональной деятельности.

Ориентированные на престиж слабо проявляют себя по области деятельности, и это понятно: к числу наиболее престижных абитуриенты относят факультеты самого разного профиля – Институт экономики и предпринимательства и Институт информационных технологий, математики и механики, юридический и радиофизический факультеты. Абитуриенты из разных групп по-разному оценивают престижность тех или иных сфер деятельности. Так, абитуриенты, ориентирующиеся на бизнес, считают престижными одни факультеты и специальности, а ориентирующиеся на госслужбу – совсем другие.

Характеристики престижности просматриваются в ответах на вопрос о причинах выбора абитуриентами данного вуза и факультета. Молодых людей, ориентирующихся на престиж будущей специальности, более всех привлекает в вузе качество образования (табл. 5). Эти молодые люди чаще всех говорят о том, что это их осознанный выбор, основанный на собственных интересах и склонностях. Для них важно, что в этом вузе есть интересующая их специальность, они ожидают, что здесь им будет интересно учиться, что здесь высока возможность личностного развития. Этим людям интересны и прагматические аспекты: им важно, что это государственный вуз и здесь есть военная кафедра, однако их менее всех интересует наличие в вузе достаточного числа бюджетных мест, и они менее других склонны ориентироваться на результаты ЕГЭ.

Интересно, что все характеристики вуза, связанные с его престижностью, сравнительно невысоко интересуют молодых людей, ориентирующихся на бизнес, – все эти аспекты интересуют их на среднестатистическом уровне, и только один момент интересует их более других – возможность расширения здесь круга знакомств.

Для абитуриентов, ориентирующихся на госслужбу, главный фактор выбора вуза и специальности связан, прежде всего, с тем, что это вуз государственный. Они уверены, что именно в государственном вузе они смогут получить качественную подготовку и овладеть престижной специальностью. Более чем других абитуриентов их интересует приемлемая стоимость обучения в вузе, чаще других они говорят о

Таблица 5

Мотивы выбора вуза и факультета, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Бизнес	Гос-служба
В данном вузе есть интересующая специальность	63	70	63	68
Качество образования	51	74	51	61
Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей	46	56	41	53
Это вуз государственный	40	45	40	85
Наличие бюджетных мест	36	30	34	32
Ориентировался на результаты ЕГЭ	34	26	35	21
Получение престижной специальности	32	48	33	45
Возможность личностного развития	25	30	21	31
Интересное обучение	22	29	23	23
Приемлемая стоимость обучения	10	12	13	19
Расширение круга знакомств	11	15	18	11
Наличие военной кафедры	10	15	12	10

Таблица 6

Причины выбора предметов для сдачи ЕГЭ, %

Мотивы	Выборка	Престиж	Бизнес	Гос-служба
Данный набор предметов ЕГЭ необходим для поступления на избранную специальность	79	91	76	84
Эти предметы знают хорошо	48	49	44	51
Эти предметы были любимыми в школе	38	40	34	43
Некоторые из этих предметов являются запасными для поступления на другую специальность	19	19	22	14
Эти предметы являются более легкими для сдачи экзамена	9	7	17	9
Сдавали большое количество экзаменов, чтобы поступить в любой вуз на любую специальность	4	4	8	5

том, что это был осознанный выбор, основанный на собственных интересах и склонностях, в этом вузе они видели возможность своего личностного развития и в этом вузе есть интересующая их специальность. Менее всех они склонны ориентироваться на результаты ЕГЭ – для них важнее осознанность и мотивированность своего профессионального выбора.

Молодые люди, ориентированные на госслужбу, выбирали предметы ЕГЭ, необходимые для поступления на избранную специальность (табл. 6). К тому же чаще других они отмечали, что эти предметы были их любимыми в школе, поэтому они обычно знали их хорошо. Реже всех они сдавали предметы ЕГЭ на всякой случай – чтобы иметь запасной вариант для поступления на другую специальность. Следует добавить, что они реже всех (хотя тоже весьма часто) подавали документы не в один, а в несколько вузов города и страны. По сравнению с молодыми людьми, ориентирующимися на бизнес, их профессиональный выбор является более целенаправленным и устойчивым.

Абитуриенты, ориентированные на бизнес, обычно выбирали предметы ЕГЭ потому, что они являлись более легкими для сдачи экзамена. Этот мотив встречается у них заметно чаще, чем у других абитуриентов, также чаще других они сдавали предметы ЕГЭ на всякий случай, про запас – чтобы иметь возможность поступления на другую специальность, и чаще всех они сдавали большое количество экзаменов, чтобы поступить в любой вуз на любую специальность. Их профессиональный выбор, очевидно, связан с представлениями о высоких доходах бизнесменов, которые прежде всего привлекают их в будущей профессиональной жизни.

Следует добавить, что среди молодых людей, ориентирующихся на бизнес, чаще встречаются юноши (43% против 37% по выборке), а среди тех, кто мечтает о госслужбе, чаще встречаются девушки (72% против 63% по выборке).

Выводы

Ориентации молодых людей на престиж образования, профессии, на бизнес и на госслужбу имеют заметные отличия в профессионально-ценностных установках и жизненных планах. *Ориентация абитуриентов на престиж профессии* слабо проявляет себя по области деятельности, и это понятно: к числу наиболее престижных абитуриенты относят факультеты самого разного профиля, и абитуриенты из раз-

ных групп по-разному оценивают престижность тех или иных сфер деятельности. Общее в оценках престижности связано с мотивами выбора абитуриентами вуза и факультета – это качество образования и возможность получения престижной, по их мнению, специальности.

Молодых людей, ориентированных на бизнес, интересуют, прежде всего, высокие заработки, а также карьерный рост, хорошие условия труда и возможность легко найти работу. Последнее обстоятельство показывает, что они очень приблизительно представляют себе характер деятельности реального предпринимательства. Они чаще других выбирают для себя Институт экономики и предпринимательства и Институт информационных технологий, математики и механики. Остальные факультеты они рассматривают как запасные и готовы в случае необходимости пойти на любой факультет ради получения диплома. Они чаще всех выбирали более легкие для сдачи экзамена предметы ЕГЭ и нередко сдавали предметы ЕГЭ на всякий случай, про запас. Их профессиональный выбор связан с представлениями о высоких доходах бизнесменов – именно мечты о высоких доходах привлекают их в будущей профессии.

Абитуриенты, ориентированные на госслужбу, тоже ориентированы на карьерный рост, но ожидают не столько высоких заработков, сколько уважения к будущей профессии, в которой их привлекают возможности карьерного роста, гарантированное социальное обеспечение и хорошие условия труда. Более всех они предпочли бы заниматься юридической или политической деятельностью, а также работать в сфере государственного управления. Они готовы к борьбе за хорошую и достойную должность и на этом рабочем месте готовы выполнять скучные, рутинные обязанности, но это компенсируется уважением, комфортом, которые предоставляет искомая профессия. Для этих абитуриентов главным фактором выбора вуза является то, что это государственный вуз, в нем они могут получить качественную подготовку и овладеть престижной специальностью. В университете они ориентируются на юридический факультет и Институт международных отношений и мировой истории, этот выбор у них является целенаправленным и устойчивым.

Примечание

1. Исследование «Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ» осуществлено на основе данных о студентах, подававших документы для поступления на все факультеты данного университета. Количество поступающих на различные факультеты и институты ННГУ в 2018 году составило 10 017 человек. Всем абитуриентам было предложено заполнить анкету в онлайн-режиме. В опросе приняли участие 579 абитуриентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/.

2. Хлабыстова Н.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях трансформации ценности высшего образования современного российского общества (на примере ФГБОУ ВПО «КубГТУ») // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 2 (139). С. 138–148.

3. Давыдюк Л.В., Истратова О.Н. Мотивы выбора профессии старшеклассниками // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 5. С. 85–88.

4. Ушакова Я.В., Морзавченкова Е.В. Мотивация выбора направления подготовки и отношение студентов к учебному процессу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1 (53). С. 94–101.

5. Гурарий А.Д. Факторы, влияющие на профессиональное самоопределение выпускников школ // Культура, личность, общество в современных условиях: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XVIII Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана (Екатеринбург, 17–18 марта 2015 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 117–122.

6. Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 55–60.

7. Виштак О.В. Мотивационные предпочтения абитуриентов и студентов // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 135–138.

8. Соколов М., Кнорре А., Сафонова М. Теории высшего образования и процесс выбора специальности абитуриентами: социально-сетевой анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 2. С. 6–25.

9. Землянухина Н.С., Кузнецов П.С. Влияние изменений ЕГЭ на профориентацию школьников // Профессиональная ориентация. 2015. № 2. С. 36–41.

10. Иудин А.А., Подольская Т.О., Тюнтяев А.С. Особенности профессионального выбора абитуриентов ННГУ в сфере общественных наук // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 17). Нижний Новгород: НИСОЦ, 2017. С. 29–43.

INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON UNIVERSITY APPLICANTS' CHOICE OF FUTURE PROFESSION

A.A. Iudin, I.V. Sitnikova, A.S. Tyuntyaev

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The social transformations of recent decades have significantly changed the set of professional and value attitudes of Russian youth, which highlights the problem of training highly qualified specialists. In this regard, the awareness of the choice of the area of study at the university becomes particularly important. Today, among the motives for obtaining higher education, the priority is given to the goals of achieving success in life, material well-being and high social status, however, young people intend to fulfill their needs in different ways. This paper examines various attitudes and motives of applicants who make the choice of their future profession in the context of their studies at a particular educational institution, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. An analysis of all applications submitted to the UNN Admissions Office in the summer of 2018 has been carried out. Our analysis of the reasons and motives that determine the choice of a future profession and educational institution by an applicant has allowed us to identify eight groups of applicants that differ in value and professional attitudes, attitude to the future field of activity and profession, their own abilities and aptitudes, as well as ideas about the level of remuneration.

Keywords: applicants, youth, professional self-determination, choice of university, motives, higher education, prestige.

УДК 316

IMPUTATION OF MISSING DATA IN A NETWORK-PANEL WITH UP TO 8 WAVES

© 2019 г.

W. Sodeur

Wolfgang Sodeur, University Duisburg-Essen
Wolfgang.Sodeur@t-online.de

Статья поступила в редакцию 22.08.2019
Статья принята к публикации 28.10.2019

The University of Duisburg-Essen conducted a survey of student newcomers on their impressions of the first nine weeks of study. Respondents were asked questions about their socio-demographic characteristics, about their attitude to the educational activities and departments of the university, which they had had time to get acquainted with during the first weeks of study, as well as about the number of friendly contacts that new students had managed to establish by that time. The survey used a random sample using a name generator.

At some stages of data collection, it was found that information was insufficient, in particular, some students (about 200 persons) lacked information about the number of friendly contacts established during certain weeks. In such conditions, dynamic analysis of the development of social network relations becomes impossible.

In such situations, usually, imputation is applied to fill gaps by missing data. Here however, we use imputation methods to reproduce data which are already observed. This facilitates the possibility to analyse consequences of different imputation methods.

The method of imputation described here allows us to solve various problems. For this purpose, parts of the data obtained are first processed separately and then summed up using appropriate weights. The choice of different weights allows the procedure for compensating for missing data to be adapted to the specific purpose of the study. In order to make it easier to understand how the method of imputation works, we use only a small part of the data set. The imputations are then compared with the original/observed network data.

The data set and AWK programs are freely available at: Wolfgang.Sodeur@t-online.de

Comparative analysis results can be downloaded from www.uni-due.de/Sodeur/ together with the NN18IMP.zip file.

Ключевые слова: missing data, network panel, imputation, imputation tests.

Informationen zur Datensammlung

Studienanfänger wurden während der ersten 9 Wochen ihres Studiums an der Universität befragt. Sie gaben dabei zahlreiche Informationen über ihre Aktivitäten am Anfang des Studiums.

Während der ersten 5 Wochen des Studiums füllten sie an allen Werktagen die Formulare eines zum Teil standardisierten Tagebuches aus. Bedeutsam dabei waren vor allem ihre Kontakte zu anderen Studienanfängern. Kontakte zu denselben Studienanfängern aus unterschiedlichen Situationen wurden teilweise zusammengefasst und bilden für die Wochen 1-5 die Netze Nr. 18–25 (siehe das Daten-Archiv CNETZ von Lothar Krempel).

Zusätzlich wurden personale Kontakte der befragten Studierenden durch 15 «Namens-Generatoren» erfragt. Die erfragten Kontakte stehen überwiegend im Zusammenhang mit dem Studium und mit den besonderen Problemen am Beginn eines Studiums. Die entsprechenden Netz-Daten sind in CNETZ unter Nr. 1–15 dokumentiert und fallen je nach Generator in unterschiedlicher Verteilung in die Wochen 2–9.

Zwei weitere Namens-Generatoren stehen im Zusammenhang mit zum Teil studienbezogenen Büchern und sind in CNETZ unter Nr. 16–17 dokumentiert (vgl. H.J. Hummell und W. Sodeur 1984, Kapitel 2 unter www.uni-due.de/Sodeur/).

Alle sonstigen Daten, die nicht mit personalen Beziehungen zu bestimmten Personen verbundenen sind, werden in einem späteren Abschnitt kurz beschrieben.

Fehlende Daten über personale Beziehungen

Im Winter-Semester 1978/79 wurden dem Fachbereich Wirtschaftswissenschaft einer deutschen Universität durch eine zentrale Verteilungs-Organisation etwa 270 Studienanfänger zugewiesen.

Etwa 240 dieser Studierenden schrieben sich formal als Studienanfänger an der Universität ein oder waren zumindest während der ersten Wochen am Fachbereich anwesend.

208 von diesen 240 Studierenden nahmen an zumindest einer der 9 Wochen an der Befragung teil.

182 von diesen 208 Studierenden gaben in der 9. Woche ihre «persönliche Indentifikations-Liste» ab. Ohne diese Liste ist es unmöglich zu entscheiden, ob unterschiedliche Studierende dieselben oder unterschiedliche andere Studierende in ihren Fragebögen genannt haben. Die 26 Studierenden mit fehlenden Identifikations-Listen

müssen deshalb bei allen Untersuchungen der Beziehungsnetze ausgeschlossen werden.

Etwa 40 von den verbleibenden 182 Studierenden haben in mindestens einer Woche keine einzige andere Person in Tagebüchern oder nach Befragung mit Namens-Generatoren genannt. Der Grund dafür ist nicht klar: Manchmal mag es Abwesenheit z.B. durch Krankheit gewesen sein, manchmal auch bewusste Verweigerung von Angaben.

Wir betrachten alle diese Fälle gleichermaßen als «fehlende Daten». Ersatz durch Imputation ist hier besonders dringlich, wenn eine Analyse der dynamischen Entwicklung des Beziehungsnetzes angestrebt wird (z.B. mit Siena bzw. RSiena in der jeweils aktuellen Version, siehe Internet-Seite von Tom Snijders).

Für die fehlenden Angaben der 40 Studierenden wäre in den betreffenden Wochen die Imputation ihres jeweils ganzen persönlichen Beziehungsnetzes unter den Studienanfängern nötig.

Vielleicht fehlen zusätzlich auch die Beziehungsdaten einzelner Wochen für weitere etwa 30 Studenten aufgrund fehlerhafter Zuordnung ihrer Daten. Bei der Datenerhebung waren Daten auf der einen Seite und Namen sowie Adressen auf der anderen Seite streng voneinander getrennt. Namen sowie Adressen wurden von einer unabhängigen Institution (Treuhänder) verwaltet. Verbindungen zwischen Daten und Namen gab es nur über die Nummern der «Identifikations-Listen». Der Treuhänder musste die Identifikations-Nummern jedes der Studierenden über die 9 Wochen zusammenführen und auch mit den Nennungen von Beziehungs-Personen dieser Studierenden verknüpfen (vgl. H.J. Hummell und W. Sodeur 1984, S. 18ff). Mögliche Fehler bei der Verbindung dieser Identifikations-Nummern über Wochen führen zur falschen Zuordnung aller Daten des betreffenden Studierenden in dieser Woche, darunter auch aller «ausgehenden» Beziehungen.

Mögliche Fehler dieser Art wurden wie folgt identifiziert: Wir haben von jedem einzelnen Studenten die «ausgehenden» und die «eingehenden» Beziehungen zwischen den Wochen miteinander verglichen, und zwar in allen verfügbaren Netzen. In jenen 30 Fällen wich das Muster der «ausgehenden» Beziehungen in einer Woche sehr deutlich vom Muster in anderen Wochen ab. Gleichzeitig aber blieb das Muster der «eingehenden» Beziehungen (diese wären vom o.gen. Fehler nicht betroffen) weitgehend gleich. Daraus haben wir abgeleitet, dass die Daten des betreffenden Studierenden in dieser Woche vermutlich falsch zugeordnet wurden. Entsprechend werden die Daten des betreffenden Studierenden in dieser Woche als fehlend (missing data) erklärt. Für diese etwa 30 Studierenden gilt also ebenfalls ein besonders dringender Bedarf, die Lücken durch Imputation zu schließen.

Imputation fehlender Netzwerk-Daten zu einzelnen Wochen

Methoden zur Imputation fehlender Daten werden in der Literatur relativ häufig diskutiert. Oft steht dies im Zusammenhang mit der Analyse dynamischer Prozesse im Zeitverlauf. Fehlen dabei nur wenige Daten zu einzelnen Zeitpunkten Tx, so versucht man diese durch «optimierende Verfahren» zu ersetzen. Oft erfolgt dies durch (in weiterem Sinne) «multivariate Regressionsverfahren», bei denen einzelne fehlende Daten durch die optimale Kombination möglichst vieler vorhandener Daten ersetzt werden (siehe u.a. Bernhard Baltes-Götz 2013; Karen Steindorf und Oliver Kuß 2011).

Weiterführenden Fragen nach Möglichkeiten zur «multiplen» Imputation fehlender Werte, bei denen die Datenlücken nicht durch jeweils einen einzigen Wert, sondern durch dessen vermutete Verteilung ersetzt werden, spielen in beiden genannten Arbeiten eine große Rolle. Sie sind auch mit den hier behandelten Verfahren zu bearbeiten, werden aber in diesem Artikel nicht explizit verfolgt (vgl. Bernhard Baltes-Götz 2013; Karen Steindorf und Oliver Kuß 2011; s.u. Abschnitt «Ausblick»).

Fehlen dagegen zu bestimmten Zeitpunkten Tx alle Netzdaten einer Person, also Aussagen zu allen möglichen vorhandenen oder nicht vorhandenen «ausgehenden Beziehungen», so müssten im vorliegenden Fall gleichzeitig fehlende Daten über die mehr als 200 «potentiellen» Kontakte dieser Person erzeugt werden. Mit den üblichen Verfahren der Imputation ist dies nicht möglich.

Ersatzweise sucht man in solchen Fällen nach Personen mit vorhandenen Netzdaten, die zu anderen Zeitpunkten (T # Tx) möglichst große Ähnlichkeit zu der Person mit fehlenden Daten aufweisen («nearest neighbor»). Die vorhandenen Netzdaten dieser Ersatzperson dienen dann im Zeitpunkt Tx zur Imputation. Dies führt allerdings zu Problemen, wie frühere Untersuchungen gezeigt haben. Die «nächsten Nachbarn» sind oft zentrale Personen im Beziehungsnetz. Nimmt man sie häufig als Vorlage für Imputationen, so werden viele Struktureigenschaften des Netzes verzerrt, im vorliegenden Fall z.B. die Transitivität des Netzes erhöht (vgl. nicht veröffentlichte Poster auf der Sunbelt Conference im Juli 2018 in Utrecht und im September 2018 an der Lobachevsky Universität in Nizhny Novgorod: www.uni-due.de/Sodeur/).

Dieser verzerrende Effekt lässt sich vermeiden oder zumindest verringern, wenn man statt nur eines «nächsten Nachbarn» mehrere relativ nahe Nachbarn als Vorlage für die Imputation benutzt.

Die hier gewählten Verfahren zur Imputation von Netzdaten wählen deshalb als Daten-Grundlage stets die drei relativ nächsten Nachbarn jedes Studierenden. Die ausgehenden Beziehungen dieser drei nächsten Nachbarn werden kombiniert. Daraus wird eine Zufallsauswahl mit einem Außengrad entsprechend dem arithmetischen Mittelwertes der 3 zugrunde liegenden Außengrade gezogen. Das Ergebnis dieser Änderung des Verfahrens ist, dass die durch Imputation gewonnenen Netzwerke in ihrer Transitivität in geringerem Umfang von den ursprünglich beobachteten Netzwerken abweichen. Eine systematische Prüfung einer unterschiedlichen Zahl relativ nächster Nachbarn (von 1–10) ergab eine besonders gute Lösung mit 3 relativ nahen Nachbarn (vgl. A. Znidarsic u.a. 2018).

Datenbasis zur Ermittlung der jeweils «nächsten Nachbarn»

Wie schon in der Einleitung kurz beschrieben wurde, liegen aus dem genannten Projekt der «Studienanfänger» sehr umfangreiche Daten über die beteiligten Studenten vor. Diese Daten werden hier ausführlicher beschrieben. Sie werden nach inhaltlichen Bereichen gegliedert und jeweils paarweise – d.h. für jeden der 182 befragten Studierenden im Vergleich zu den jeweils anderen 181 Studierenden – zu einem von 0-1 normierten Distanzmaß zusammengefasst.

Dies führt zu einer übersichtlichen Darstellung der vorhandenen Datenbereiche. Die paarweisen Distanzen zwischen Studierenden können anschließend mit Gewichten für jeden der Bereiche versehen und dann zusammengefasst werden. Damit wird die Möglichkeit geschaffen, die Suche nach «nächsten Nachbarn» und damit die Steuerung der anschließenden Imputation verschiedenen inhaltlichen Zielsetzungen anzupassen.

In diesem Artikel nutzen wir die Möglichkeit zu beliebigen Gewichtungen nur beispielhaft: Zur Demonstration werden aus den verfügbaren Datenbereichen drei Gruppen ausgewählt. Anschließend wird gezeigt, inwieweit die auf dieser Basis erzeugten imputierten Beziehungsnetze mit den ursprünglich erhobenen Netzen übereinstimmen. Die weitere, durch bestimmte Kombinationen von Gewichten gesteuerte Imputation bleibt interessierten Lesern vorbehalten. Die entsprechenden Programme dazu sind frei verfügbar. Zu verändern sind jeweils nur die Gewichte im Einleitungs-Kapitel («BEGIN») des Programms Crall2.awk.

Zunächst aber werden alle verfügbaren – also nicht nur die in diesem Aufsatz verwerteten – Datenbereiche und die daraus entstehenden Dateien mit paarweisen Distanzen kurz beschrieben.

Wahl der paarweisen Beziehungen zwischen Studierenden zur Suche nach nächsten Nachbarn;

Beziehungsnetze und daraus abgeleitete Distanz-Listen Nr. 1-4

Die 116 in CNETZ enthaltenen Beziehungsnetze der 182 Studierenden beruhen zum Teil auf Tagebuch-Aufzeichnungen (Netz-Nummern 18-25) und zum Teil auf zahlreichen «Namens-Generatoren» (Netz-Nummern 1–17), mit denen sowohl studienbezogene wie auch persönliche Kontakte der Studierenden erhoben wurden. Diese Daten wurden über alle verfügbaren Wochen zu nur 4 Netzen zusammengefasst.

Auf der Grundlage der Namens-Generatoren und der Tagebuch-Aufzeichnungen gibt es jeweils ein Netz mit allen «ausgehenden» und jeweils ein Netz mit allen «eingehenden Wahlen». Als Wahlen bezeichnen wir hier persönliche Nennungen eines Studierenden über andere Studierende.

Ohne Zwischenschritte zu nennen, beschreiben wir kurz die Entwicklung der 4 genannten Distanz-Dateien. Als Beispiel werden dabei nur die Nennungen der ersten 3 Studierenden angeführt. Es handelt sich dabei um die 2. Woche, den Namens-Generator 1 und das 9. Netzwerk (von insgesamt 116 aus CNETZ):

«Innerhalb unseres Fachbereiches gibt es verschiedene Moeglichkeiten der Faecherwahl und innerhalb dieser Faecher wieder verschiedene Moeglichkeiten, das Studium individuell auszurichten. Uns interessiert nicht, was Sie hierueber wissen, sondern, ob Sie darueber etwas von Mitstudenten in der vergangenen Woche gehoert haben».

```
# ka11.txt
Week/Net 201 NetSequ.  9 Length  718
  1 340
  2  15
  3  19  20 117 153 302
usw...
```

Anstelle der Beziehungs-Matrix mit der Dimension 182*416 wird hier eine «Listen-Darstellung» des Beziehungsnetzes gewählt. Die Studierenden 1, 2, 3 (entsprechend den ersten 3 Zeilen) haben die anschließend aufgeführten Studierenden zum Namens-Generator 1 genannt. Alle nicht-genannten Personen (mit «0» in der Matrix) kommen in der Listen-Darstellung nicht vor. Die Identifikationsnummern 340 (Zeile 1) und 302 (Zeile 3) verweisen nicht auf Studienanfänger, sondern auf andere Personen aus dem Umfeld der Studierenden. Diese Personen werden nicht persönlich, sondern nur «kategorial» erfasst (wie z.B. «Freund aus früherer Schulklasse», «Mutter», «Bruder»). Solche Nennungen werden bei der Suche nach nächsten Nachbarn nicht mehr berücksichtigt.

Sobald die Nennungen zu allen Namens-Generatoren (1–17) und allen Wochen (maximal 8 Wochen, insgesamt 76 von 116 Netzen aus CNETZ) zusammengefasst sind, ergibt sich die folgende Datei:

```
# ka11b.txt
#Ka ID NV Nennungen...
11    1 411 13:1 158:21 196:1 200:16 340:8 341:3 342:3 358:6
11    2 411 15:28 65:5 106:16 181:3 267:23 302:19 340:11 341:1 358:3 383:1
11    3 411 19:6 20:8 117:6 153:24 168:3 174:5 302:10 394:1
usw...
```

In der Datei ka11b.txt sind wieder als Beispiel die kumulierten Nennungen der drei ersten Befragten zusammengefasst. Nach der Quelle der Daten (Kartenart 11) folgen die Nummern der Befragten (hier nur 1,2,3 von 1-182), und die Zahl der insgesamt vorkommenden persönlichen und kategorialen Nennungen (maximal 411). Es handelt sich also um eine Matrix mit 182 Zeilen (Befragten) und 411 Spalten (genannte Studienanfänger bzw. Personen-Kategorien), von denen später aber nur die ersten 272 (auf Personen bezogenen) Spalten berücksichtigt werden.

Nach der Spaltenzahl (411) folgen vor den Doppelpunkten die Nummern der genannten Beziehungs-Personen und danach die Häufigkeiten, mit denen diese Personen auf alle 17 Namens-Generatoren und in allen Wochen genannt wurden.

13:1 in der ersten Zeile bedeutet also, dass Person 13 von Person 1 in allen 76 Netz-Daten insgesamt nur einmal genannt wurde, 158:21 entsprechend, dass Person 158 insgesamt 21 mal genannt wurde.

Vergleicht man nun diese kumulierten Nennungen von Beziehungs-Personen im Bereich der Nummern 1-272 (die nur kategorialen Nennungen werden ausgeschlossen) paarweise zwischen allen 182 befragten Studierenden, so ergibt sich die folgende Datei ka11co.txt. Am Rande sei erwähnt, dass bei der Inversion der Beziehungs-Matrix, wenn also Zeilen und Spalten vertauscht werden, in jeder Zeile (nun von 1-272) alle bei der zuerst genannten Person «eingehenden» Nennungen genannt werden. So entsteht dann die inverse Matrix ka11cin.txt.

```
###Ka11co
# max.no.of targets (<=maxid): 22 272
# ka,max1(sources),max2(targets): 11 182 272
#ka i  j sumd n1 n2 n12 npair diff(x)    diff(xn)
11  1  1    0  0  0  4 0    0.00000   0.00000
11  1  2  114  4  5  0 0   12.66667   1.00000
11  1  3   91  4  6  0 0    9.10000   1.00000
usw...
```

In den Zeilen der Überschrift werden die Quelle der Daten (wieder Kartenart 11), die maximale Zahl unterschiedlicher Nennungen (22 von 272 möglichen Nennungen), und die Dimension der Matrix (182 Zeilen, 272 Spalten) genannt. Schließlich werden auch die einzelnen Spalten der Tabelle bezeichnet, nämlich

– die Kartenart (ka),

– die ID-Nummern von jeweils zwei befragten Personen (i,j),

– die Summe (sumd) der zwischen beiden insgesamt bestehenden Häufigkeits-Unterschiede (bzw. ihrer „Distanz“),

– die Zahl der nur von der ersten Person genannten (von i, n1) bzw.

–nur von der zweiten Person genannten (von j, n2) bzw.

– von beiden gleichzeitig genannten Beziehungs-Personen (von i und j, n12), und

– schließlich die pro Nennung beider Personen durchschnittlich entstandene Differenz der Häufigkeiten bzw. ihre Distanz (diff(x): sumd/(n1+n2+ 2*n12)).

Auf die beiden übrigen Spalten (npair und diff(xn) wird hier nicht eingegangen.

Zwischen den Befragten 1 und 2 ergibt sich also eine Häufigkeits-Differenz (sumd) von 114 bei insgesamt 4+5=9 Nennungen, daraus wird eine mittlere Differenz von 114/(4+5)=12.66667.

Die relativen Distanzen eines der 182 Befragten zu allen anderen 181 Befragten sind die Basis zur Suche nach seinen nächsten Nachbarn. Diese nächsten Nachbarn liefern im Fall fehlender Daten die Quelle für Ersatzdaten, wenn z.B. von einem bestimmten Befragten zu einem bestimmten Namens-Generator und einer bestimmten Woche keine Daten vorliegen.

Die oben genannten relativen Distanzen in der Spalte diff(x) könnten diese Suche leiten, solange sie allein für die Suche nach nächsten Nachbarn herangezogen werden sollen.

Sobald aber mehrere solcher Bereiche zusammengefasst werden, muss über ihre relative Gewichtung nachgedacht werden. Schon allein auf Grund der direkten Nennungen der Befragten in Tagebüchern und auf die 17 Namens-Generatoren hatten wir – trotz Zusammenfassung – insgesamt 4 solcher Distanz-Listen genannt. Zur Zusammenfassung der Distanz-Listen aus mehreren Bereichen müssen diese also nochmals standardisiert werden. Die Distanz jedes einzelnen Befragten zu allen übrigen 181 Studierenden muss über verschiedene Bereiche hinweg vergleichbar sein.

Diese Standardisierung wird getrennt für die paarweisen Distanzen jedes Befragten einzeln durchgeführt. Von den 181 mittleren Distanzen der Datei k11co.txt (in Spalte diff(x)) eines Befragten wird deshalb der jeweils kleinste und größte Wert gesucht. Beim Befragten mit i=1 sind dies die Distanz-Werte 3.11111 (gegenüber j=84) und 24.625 (gegenüber j=42).

Zur Standardisierung werden nun diese 181 Distanz-Werte des Befragten i=1 so transformiert, das sein nächster Nachbar (mit kleinster Distanz, hier j=84) den Wert 0.0 erhält und sein entferntester Nachbar (mit größter Distanz, hier j=42) den Wert 1.0.

Die standardisierte Distanz des ersten Befragten (i=1) zum Zweiten (j=2) und Dritten (j=3) errechnet sich also aus den Distanzen diff(x) der Datei k11co.txt (s.o.) wie folgt:

Norm-Distanz(1->2)=(12.66667-3.11111)/
(24.625-3.11111)= 0.44416
Norm-Distanz(1->3)=(9.10000-3.11111)/
(24.625-3.11111)= 0.27837

Entsprechend werden die weiteren Distanzen des ersten Befragten (i=1) zu allen anderen Studierenden berechnet. Gleiches geschieht mit den jeweils 181 Distanzen aller anderen Befragten. Die Ergebnisse stehen in Datei ka11coS.txt.

Alle weiteren Distanzen, die auf direkten Nennungen der befragten Studierenden beruhen, werden auf gleiche Weise zu standardisierten Distanz-Listen umgeformt. Es entstehen damit die folgenden 4 standardisierten Distanz-Listen:

Kumulierte Nennungen zu allen Namens-Generatoren und allen Wochen

(Quelle: Ka11.txt, 76 Netze, maximal 8 und durchschnittlich etwa 6 Wochen pro Netzart)

Ka11coS.txt (outgoing links) Distanzen aus Matrix 182*272

Ka11cinS.txt (incoming links) Distanzen aus invertierter Matrix 272*182

Kumulierte Nennungen aus allen Tagebuch-Aufzeichnungen und allen Wochen

(Quelle: ka41.txt, 40 Netze, jeweils 5 Wochen pro Tagebuch-Kategorie)

Ka41coS.txt (outgoing links) Distanzen aus Matrix 182*272

Ka41cinS.txt (dito incoming) Distanzen aus invertierter Matrix 272*182

Wahl des Positionen-Zensus aus allen 116 Netzen

zur Suche nach nächsten Nachbarn

und daraus abgeleitete Distanz-Liste Nr. 5

Bei der Suche nach nächsten Nachbarn werden nun nicht nur die Muster ausgehender direkter Beziehungen der befragten Studenten berücksichtigt, sondern auch alle möglichen Kombinationen dieser Beziehungen in ihrer «triadischen Umgebung».

Wir wählen dazu nicht den Triaden-Zensus, wie dies häufig und meist fehlerhaft in der Literatur beschrieben wird. Der Grund dafür ist, dass einige der Triaden-Typen die «triadische Umgebung» der jeweils drei Personen sehr unterschiedlich kennzeichnen. Dazu sei als extremes Beispiel die Triade 030T von insgesamt 16 Typen des Triaden-Zensus angeführt (vgl u.a. Hans J. Hummell und Wolfgang Sodeur 1987, S.134):

Triade 030T 2<--1-->3-->2

Die drei dazu gehörenden Personen (1,2,3) haben

•zwei ausgehende und keine eingehende Beziehung (1),

•zwei eingehende und keine ausgehende Beziehung (2),

•eine ausgehende und eine eingehende Beziehung (3).

Derselbe Triaden-Typ beschreibt also keineswegs gleiche, sondern denkbar unterschiedliche triadische Umgebungen der drei Personen und ist deshalb ungeeignet zur eindeutigen Kennzeichnung individueller Umgebungen.

Statt des Triaden Zensus wählen wir deshalb den Positionen-Zensus, der eine Häufigkeitsverteilung über alle 36 möglichen Positionen eines Studierenden in der jeweiligen triadische Umgebung vornimmt (vgl. H.J. Hummell und W. Sodeur 1987, S.188). Ron Burt (1990) hat später dieselben 36 Typen auf besser lesbare und verständlichere Weise beschrieben, sie allerdings insgesamt «role census» genannt und anders numeriert:

Numerierung der Positionen: Hummell/Sodeur(1) --> Burt (2)

---

(1) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19
(2) 1 2 3 4 6 8 9 21 22 31 23 24 26 28 29 5 10 7 32

(1) 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36
(2) 34 33 35 25 30 36 27 11 12 13 14 16 18 19 15 20 17

Der Positionen-Zensus zählt die Häufigkeiten aller möglichen 36 triadischen Umgebungen von jedem der 182 Studierenden. Ihre Summe np in einem Netz von n Personen beträgt für jede der n Personen np = (n-1)*(n-2)/2 und entspricht damit der Zahl triadischer Umgebungs-Typen, die von den jeweils anderen (n-1) bzw. (n-

2) Personen gebildet werden. Auf der Suche nach dem einen «nächsten Nachbarn» jedes Studierenden bzw. den (hier) 3 «relativ nächsten Nachbarn» muss der Positionen-Zensus jedes der n=182 Studierenden mit dem entsprechenden Zensus der anderen n-1=181 Studierenden verglichen werden. Bei diesem Vergleich bleibt jedoch die erste Position des Zensus unberücksicht. Sie ist «leer» in dem Sinne, dass keine einzige Beziehung zwischen den 3 Studierenden besteht, kommt aber bei den hier betrachteten, meist «dünnen» Beziehungsnetzen besonders häufig vor.

Ihre Häufigkeit darf auch deshalb nicht genutzt werden, weil sie (infolge der konstanten Summe aller Positions-Häufigkeiten) linear abhängig von den übrigen 35 Positions-Häufigkeiten ist.

Vor jedem Vergleich zweier Studierender werden die Positionen-Zensus aller 116 Netze (aus CNETZ) zusammengefasst. Die Summe der Differenzen unter den verbleibenden 35 Positionen wird dann durch die Zahl der besetzten (Häufigkeit >0) Positionen geteilt. Damit werden nur jene Positionen berücksichtigt, die bei mindestens einem der beiden Studierenden mindestens einmal vorkommen.

Paarweise, auf Werte 0.0-1.0 standardisierte Distanzen jedes der 182 Studierenden mit den jeweils übrigen 181 anderen sind in der Datei Ka1141po.txt gespeichert.

Wahl sonstiger Datenbereiche, die nicht auf Beziehungsnetze bezogen sind, zur Suche nach «nächsten Nachbarn» und daraus abgeleitete Distanz-Listen Nr. 6-37

Hier werden kurz alle übrigen, d.h. nicht auf Beziehungsnetze bezogenen Daten aus den angewandten Fragebögen beschrieben. Das sind einige wenige sozio-demographische Variablen, einige Einstellungen, die besuchten Lehrveranstaltungen für das 1. Semester, und die Einrichtungen der Universität, die während der ersten Wochen des Studiums besucht wurden.

Alle diese Daten wurden zum paarweisen Vergleich der Studierenden zunächst für jeden Bereich und jede Woche einzeln durch Korrelations-Koeffizienten zusammengefasst. Bei binären (0/1) Variablen diente dazu der Korrelations-Koeffizienten PHI, bei Rangordnungs-Daten der Rang-Korrelations-Koeffizient nach Spearman.

In beiden Fällen entstehen für jeden einzelnen der N=182 befragten Studierenden

N-1 =181 Koeffizienten, die seine relative Ähnlichkeit mit den jeweils anderen 181

Studierenden beschreiben. Diese Koeffizienten werden zur „Linearisierung“

quadriert und das Vorzeichen in umgekehrter Fassung hinzugefügt, wodurch aus

dem Ähnlichkeits- ein Distanz-Maß wird.

Schließlich werden die paarweisen Distanzen jedes Studierenden zu den

jeweils 181 anderen Studierenden wieder auf die Werte zwischen 0 (minimale Distanz)

bis 1 (maximale Distanz) normiert.

Distanz-Listen Nr. 6-21 mit Kennzeichen «a1» bzw. «a2»: In Woche 2 bis Woche 9 (bzw. an den jeweiligen End-Tagen der 8 Wochen 10,15,20,25,30,35,40,45) wurden die Studierenden gefragt, (a1) welche von 13 Institutionen der Universität sie besucht und (a2) welche von ebenfalls 13 «studien-bezogenen»Tätigkeiten sie ausgeführt hatten.

Wie oben beschrieben wurden zu beiden Bereichen pro Woche die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch Phi-Koeffizienten ermittelt, danach zu Distanzen umgeformt und schließlich für jeden der 182 Studierenden in jeweils 181 normierte Distanzen im Bereich 0 («identisch») bis 1 («unter den 181 anderen Studierenden maximal ungleich») transformiert.

Für beide Bereiche und 8 Wochen liegen also 2*8=16 vollständige Sätze paarweiser

Distanzen vor.

Distanz-Listen Nr. 22-24 mit Kennzeichen «b»: In den Wochen 2, 4 und 7 (bzw. an End-Tagen 10, 20, 35) wurde von den Studierenden die Rangordnung (1: relativ größte Bedeutung; 18: relativ geringste Bedeutung) von 18 vorgegebenen Zielen für ihr Studium erfragt. Für jede dieser 3 Wochen wurden die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch den Rang-Korrelations-Koeffizienten nach Spearman ermittelt und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Für diesen Bereich liegen also 3 vollständige Sätze paarweiser Distanzen vor.

Distanz-Listen Nr. 25-27 mit Kennzeichen «c»: In den Wochen 3, 5 und 8 (bzw. an End-Tagen 15,25,40) wurde von den Studierenden die Rangordnung (1: relativ größte Bedeutung; 18: relativ geringste Bedeutung) von 18 vorgegebenen Kriterien für soziale Kontakte erfragt. Für jede dieser 3 Wochen wurden die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch den Rang-Korrelations-Koeffizienten nach Spearman ermittelt und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Für diesen Bereich liegen also 3 vollständige Sätze paarweiser Distanzen vor.

Distanz-Listen Nr. 28-31 mit Kennzeichen «d»: In den Wochen 2, 3, 4 und 5 (bzw. an End-Tagen 10,15,20,25) wurde gefragt, welche Informationsquellen (aus einer vorgegebenen Liste von 16 möglichen Quellen) die Studierenden für die

Wahl ihres Studienfaches herangezogen hatten. Für jede der 4 Wochen wurden die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch Phi-Koeffizienten ermittelt und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Insgesamt liegen für diesen Bereich also 4 vollständige Sätze paarweiser Distanzen vor.

Distanz-Listen Nr. 32-35 mit Kennzeichen «e»: In den Wochen 2, 3, 4 und 5 (bzw. an End-Tagen 10,15,20,25) wurde auch gefragt, welche Informationen (aus einer vorgegebenen Liste von 16 möglichen Informationen) die Studierenden für die Planung ihres «Stundenplans», das heißt der zu besuchenden Lehrveranstaltungen, herangezogen hatten. Für jede der 4 Wochen wurden die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch Phi-Koeffizienten ermittelt und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Insgesamt liegen für diesen Bereich also 4 vollständige Sätze paarweiser Distanzen vor.

Distanz-Liste Nr. 36 mit Kennzeichen «f»: In Woche 6 (bzw. am End-Tag 30) wurde gefragt, welche Lehrveranstaltungen (aus einer vorgegebenen Liste von allen 19 zur Wahl stehenden Lehrveranstaltungen/Dozenten) die Studierenden in den ersten Wochen des Studiums besucht hatten. Aus den Mustern der besuchten Veranstaltungen wurden die paarweisen Ähnlichkeiten der Studierenden durch Phi-Koeffizienten ermittelt und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Dieser Bereich ist also durch einen vollständigen Satz paarweiser Distanzen vertreten.

Distanz-Liste Nr. 37 mit Kennzeichen «g»: In Woche 6 (bzw. am End-Tag 30) wurden auch 5 sozio-demographische Merkmale mit insgesamt 16 vorgegebenen Werte-Gruppen erhoben. Nach Transformation dieser Daten zu 16 Binär-Variablen wurden paarweise die Phi-Koeffizienten berechnet und nach den genannten Regeln zu normierten Distanzen umgeformt. Dieser Bereich ist also ebenfalls durch einen vollständigen Satz paarweiser Distanzen vertreten.

Insgesamt liegen also 5 Distanz-Listen auf der Basis von Daten über Beziehungsnetze und 32 Distanz-Listen auf der Basis anderer Daten vor. Alle 37 Distanz-Listen sind als Dateien auf der schon oben genannten Web-Seite www.uni-due.de/Sodeur/in der Sammel-Datei NN18IMP.zip zu finden.

Tabelle 1 enthält die Namen der Dateien aller 37 Distanz-Listen und Gewichte, die diesen Listen in verschiedenen Zusammenhängen zugewiesen wurden. Die Namen der 5 Dateien auf Basis von Netz-Daten wurden bereits oben genannt. Die Namen der 32 Dateien auf anderen Grundlagen sollen am Beispiel der zuletzt genannten Distanz-Liste aufgrund der erhobenen sozio-demographischen Merkmale erläutert werden. Sie trägt den Namen «CR930gA.txt».

Sie beginnt wie alle anderen Distanz-Dateien aufgrund der sonstigen Daten mit den Buchstaben «CR» und einer Ziffer «8» oder «9», die auf die Quelle der Daten verweist. #Fussnote: Es handelt sich um die «Kartenart» 8 oder 9. Die Datenerhebung fand zu einer Zeit statt, als noch «Lochkarten» als Datenträger dienten. Die ursprünglichen Daten und ihre Dokumentation sind ebenfalls über die genannte Webseite des Autors verfügbar. Dort sind auch alle Einzelheiten über die zur Erhebung genutzten Fragen dokumentiert. # In diesem Fall («CR9») folgt der End-Tag der betreffenden Erhebungswoche (hier für Woche 6 der End-Tag 30) und das für die sozio-demographischen Daten gewählte Kennzeichen «g». Das abschließende «A» des Datei-Namens (vor dem Datei-Typ «.txt») ist allen auf Werte 0–1 normierten Distanz-Listen der befragten Studierenden gemeinsam. Eine ebenfalls frei verfügbare Datei ohne dieses «A» enthält die noch nicht (pro befragtem Student) normierten Distanzen. Sie trägt in diesem Fall also den Namen «CR930g.txt».

Nun zu den ebenfalls in Tabelle 1 genannten «Gewichten» der einzelnen Bereiche. Bis zu der Spalte «all» enthält sie einen Auszug aus dem Kapitel «BEGIN» des Programms Crall2.awk, das bei Änderungen der Gewichte entsprechend gestaltet werden müsste. Die Spalte «all» enthält einen ersten, eher formal als inhaltlich begründeten Vorschlag zur Zusammenfassung aller Daten. Dabei dient als Gewicht die Zahl der Wochen, in denen die entsprechenden Befragungs-Instrumente eingesetzt wurden. Die folgenden Spalten enthalten alternative Vorschläge zur Auswahl von Teilmengen der verfügbaren Datenbereiche. Besonders einschneidende Beschränkungen der genutzten Datenbereiche sind in den Spalten mit Überschriften «nn, out, pos» gewählt. Diese werden als Beispiele mit ihren Konsequenzen für die Imputation von ganzen Netzwerken im folgenden Kapitel dargestellt.

In Spalte «nn» (no networks) werden die Gewichte aller Bereiche auf «0» gesetzt, die auf Netzdaten beruhen (Bereiche 1–5). Alle 32 sonstigen Datenbereiche werden dagegen «mit gleichen Gewichten» (=1) berücksichtigt.

In Spalte «out» (outgoing links) werden für die Suche nach nächsten Nachbarn nur die Netze mit ausgehenden Beziehungen auf Basis der Namens-Generatoren (Ka11coS.txt, Gewicht=6) und der

Tagebücher (Ka41coS.txt, Gewicht=5) entsprechend der Zahl der Wochen berücksichtigt, in denen diese Daten erhoben wurden.

In Spalte «pos» (position census) wird nur der kombinierte Positionen-Zensus der 116 Netze aus CNETZ (Ka1141po.txt) berücksichtigt. Im Grunde liegt hier dieselbe Datenbasis zugrunde wie in Spalte «out». Während dort aber nur die einfachen Muster der ausgehenden Beziehungen paarweise zwischen Studierenden verglichen werden, sind es hier (pos) die «triadischen Umgebungen» der Studierenden in Form des Positionen-Zensus.

Tabelle 1: Namen und alternative Gewichte der 37 Distanz-Listen
(Auszug aus Kapilel BEGIN des Programms Crall2.awk)

```
# The search for nearest neighbours uses the following variable groups:
# all: all available data; i/o: outgoing+ingoing links; nn: no network data;
# out: outgoing links only; pos: position census; -pos: all but position census

BEGIN {alli/o  nn out pos -pos(NN)
-------------------------------------------------------
# links by "sociometric choices"
 filenam["ka11cinS.txt"]=6  =6  =0  =0  =0  =6
 filenam["ka11coS.txt"]= 6  =6  =0  =6  =0  =6
# links by "diaries"
 filenam["ka41cinS.txt"]=5  =5  =0  =0  =0  =5
 filenam["ka41coS.txt"]=5  =5  =0  =5  =0  =5
# position census, 116 networks
 filenam["ka1141po.txt"]=9  =0  =0  =0  =9  =0
# university services visited
 filenam["cr810a1A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr815a1A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr820a1A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr825a1A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr830a1A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr835a1A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr840a1A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr845a1A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
# study-related activities
 filenam["cr810a2A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr815a2A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr820a2A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr825a2A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr830a2A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr835a2A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr840a2A.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr845a2A.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
# rank of goals for study
 filenam["cr910bA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr920bA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr935bA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
# rank of criteria for social relations
 filenam["cr915cA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr925cA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr940cA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
# info-sources, subjects for study
 filenam["cr910dA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr915dA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr920dA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr925dA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
# info-sources, planning time table
 filenam["cr910eA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr915eA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr920eA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
 filenam["cr925eA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
# lectures visited (subject, lecturer)
 filenam["cr930fA.txt"]=1  =0  =1  =0  =0  =1
# 5 demographic data (transf.16 binary v.)
 filenam["cr930gA.txt"]=1 =0  =1  =0  =0  =1
... }
-------------------------------------------------------
```

Drei Beispiele zur Imputation ganzer Beziehungsnetze
auf Basis einfacher Untermengen der verfügbaren Daten-Bereiche

Wie im vorausgehenden Abschnitt angekündigt, werden verschiedene Imputationen ganzer Netze als vereinfachende Beispiele unter Auswahl jener Distanz-Listen vollzogen, die sich auf folgende Daten beziehen: (1: nn) auf alle sonstige Daten (d.h. Netzdaten sind ausgeschlossen); vgl. Distanz-Listen 6-37 (2: out) auf alle Beziehungsnetze mit ausgehenden Wahlen; vgl. Ka11coS.txt (outgoing links): Namens-Generatoren und Ka41coS.txt (outgoing links): Tagebuch-Aufzeichnungen (3: pos) auf alle Positionen-Zensus auf Basis ausgehender Wahlen. vgl. Distanz-Liste Ka1141po.txt

Alle Auswertungen beziehen sich nur auf eines der 116 Beziehungsnetze aus CNETZ, nämlich das Netz Nr.12. Es handelt sich dabei um den Namens-Generator Nr.4, der in der zweiten Befragungswoche mit dem End-Tag 10 zum ersten Mal eingesetzt wurde:

«Wenn Sie eine Hausarbeit als Gruppenarbeit anfertigen, mit welchen Kommilitonen/Innen (einmal ganz abgesehen von den speziellen Fachkenntnissen) wuerden Sie gerne zusammenarbeiten?»

Die vier Tabellen beruhen auf Auswertungen mit dem (ebenfalls frei verfügbaren) Programm NETZDIAU.exe. Der Text ist zu Vergleichs-Zwecken wie in den Vorlagen auf Englisch geblieben.

Text und Tabellen je nach Umbruch beliebig anzuordnen

Die Eigenschaften der beobachteten Beziehungsnetze werden durch die nach drei Verfahren imputierten Netze sehr unterschiedlich reproduziert. Keines der Verfahren zur Suche nach nächsten Nachbarn bewährt sich dabei in allen Fällen gleich gut.

Der Positionen-Zensus bringt die Häufigkeit und die Verteilung der ausgehenden Wahlen den Ergebnissen der Befragten am relativ nächsten (Tabelle2). Das gilt auch für die Häufigkeits-Verteilung der eingehenden Wahl (Tabelle 3), obwohl hier die Abweichungen schon größer sind.

Die Anpassung der Häufigkeit und Verteilung der symmetrischen (gegenseitigen) Wahlen (Tabelle 4) gelingt dagegen mit allen drei Verfahren nur schlecht, der Positionen-Zensus bringt dabei sogar – neben den Netzdaten über ausgehende Wahlen – besonders schlechte Ergebnisse.

Gerade die Netze über ausgehende Wahlen bringen jedoch die besten Ergebnisse, wenn es um die Anpassung der Triplett-Transitivität geht (Tabelle 5). Hier hätte man eine bessere Anpassung durch den Positionen-Zensus erwarten können, der als einziger der hier genutzten Bereiche die Struktur der Beziehungen im Umfeld der Befragten berücksichtigt. Erklärt werden kann das enttäuschende Ergebnis des Positionen-Zensus vielleicht aus dem Umstand, dass die Triplett-Transitivität nur auf die Häufigkeiten von 2 der 8 Triplett-Typen zurückgeht. Auch die große Mehrheit aller berücksichtigten Positionen (triadischen Umgebungen), welche die Suche nach nächsten Nachbarn gesteuert haben, berücksichtigen nicht die Unterscheidung zwischen transitiven und intransitiven Strukturen.

Zusammenfassend kann man also feststellen, dass es für die Suche nach nächsten Nachbarn, die für die Imputation ganzer Netze geeignet sind, auf die jeweiligen Inhalte ankommt. Mit der Vorbereitung zahlreicher und inhaltlich unterschiedlicher Datenbereiche ist damit das Problem nicht gelöst. Es sind damit aber Voraussetzungen geschaffen, um solche Probleme mit den hier angebotenen Dateien und Programmen bei geringem Aufwand zielgerichtet anzugehen.

Tabelle 2: Außengrad und Verteilung der Häufigkeit ausgehender Wahlen

Frequency distribution, outgoing links

(Frequencies/ 9999/ Totals of knots and links)

0 1 2 3 4 5 6 7 8

---

z2observed

46 35 41 25 19 10 3 2 1 9999 182 358

25.3 19.2 22.5 13.7 10.4 5.5 1.6 1.1 .5

z2i-nn: all data without network data (1-5)

12 33 76 42 14 3 2 9999 182 394

6.6 18.1 41.8 23.1 7.7 1.6 1.1

z2i-out: only outgoing links

65 55 32 20 10 9999 182 219

35.7 30.2 17.6 11.0 5.5

z2i-po: position census only (from 116 networks in CNETZ)

33 39 50 39 14 5 1 1 9999 182 350

18.1 21.4 27.5 21.4 7.7 2.7 .5 .5

Tabelle 3: Innengrad und Verteilung der Häufigkeit eingehender Wahlen

Frequency distribution, incoming links

(Frequencies/ 9999/ Totals of knots and links)

0 1 2 3 4 5 6 7 8

---

z2observed

36 44 37 36 16 11 1 1 9999 182 358

19.8 24.2 20.3 19.8 8.8 6.0 .5 .5

z2i-nn: all data without network data (1-5)

68 32 18 14 20 9 6 9 3 1 1 0 0 0 0 37.4 17.6 9.9 7.7 11.0 4.9 3.3 4.9 1.6 .5 .5 .0 .0 .0 .0 15 16 17 0 0 1 9999 182 394.0 .0 .5

z2i-out: only outgoing links

83 34 31 22 7 3 1 0 1 9999 182 219

45.6 18.7 17.0 12.1 3.8 1.6 .5 .0 .5

z2i-po: position census only (from 116 networks in CNETZ)

63 30 26 23 16 15 4 4 1 9999 182 350

34.6 16.5 14.3 12.6 8.8 8.2 2.2 2.2 .5

Tabelle 4: Verteilung der Häufigkeit gegenseitiger/symmetrischer Wahlen

Frequency distribution, symmetric links

(Frequencies/ 9999/ Totals of knots and links)

0 1 2 3 4

---

z2observed

82 58 26 14 2 9999 182 160

45.1 31.9 14.3 7.7 1.1

z2i-nn: z2i-nn: all data without network data (1–5)

178 4 9999 182 4

97.8 2.2

z2i-out: only outgoing links

141 29 9 3 9999 182 56

77.5 15.9 4.9 1.6

z2i-po: position census only (from 116 networks in CNETZ)

175 6 1 9999 182 8

96.2 3.3 .5

Tabelle 5: Triplet-Transitivität und Verteilung der Triplet-Häufigkeiten

z2observed

transitive / intransitive triplets: 214 503

Index of transitive triplets: T/(T+I)) .296399

triplet census (1) type no. (2) freq.

1:--- 2:--+ 3:-+- 4:-++ 5:+-- 6:+-+ 7:++- 8:+++

5738407 62990 63163 560 63047 676 503 214
z2i-nn: z2i-nn: all data without network data (1-5)
transitive / intransitive triplets: 44 879
Index of transitive triplets: T/(T+I)) .047619
triplet census (1) type no. (2) freq.
1:--- 2:--+ 3:-+- 4:-++ 5:+-- 6:+-+ 7:++- 8:+++
5720071 68572 68341 1656 69349 648 879 44
z2i-out: only outgoing links
transitive / intransitive triplets: 100 246
Index of transitive triplets: T/(T+I)) .287356
triplet census (1) type no. (2) freq.
1:--- 2:--+ 3:-+- 4:-++ 5:+-- 6:+-+ 7:++- 8:+++
5812274 38792 38750 324 38870 204 246 100
z2i-po: position census only (from 116 networks in CNETZ)
transitive / intransitive triplets: 24 771
Index of transitive triplets: T/(T+I)) .030189
triplet census (1) type no. (2) freq.
1:--- 2:--+ 3:-+- 4:-++ 5:+-- 6:+-+ 7:++- 8:+++
5743031 61324 61203 1002 61555 650 771 24

Zusammenfassung und Ausblick

Dieser Aufsatz beschreibt einen umfangreichen, z.T. auf die Entwicklung sozialer Beziehungsnetze über 9 Wochen bezogenen Datensatz. Es werden die besonderen Probleme diskutiert, die durch fehlende Netzdaten in einzelnen Wochen entstehen. Verfahren der Imputation ganzer Beziehungs-Netze zum Ersatz dieser fehlenden Netzdaten stehen im Mittelpunkt.

Vor einem Ersatz fehlender Daten durch Imputation sollte jedoch die Prüfung ihrer Folgen stehen. Zu entsprechenden Prüfungen werden die verfügbaren – also nicht fehlenden – Daten kurz beschrieben und exemplarisch in 37 Merkmals-Bereichen zusammengefasst. Diese Bereiche können einzeln oder in Kombination zur Suche nach «nächsten Nachbarn» eines Befragten genutzt werden. Soweit die Netzdaten eines Befragten mangels Angaben in einer Woche fehlen, können «nächste Nachbarn» mit ihren verfügbaren Daten zum Ersatz der fehlenden Daten dienen.

Die einzelnen Bereiche verfügbarer Daten werden zur leichten Vergleichbarkeit zu paarweise (formal) gleich normierten Distanzen umgeformt. Damit können diese Bereiche unter Verbindung mit inhaltlich begründeten Gewichten leicht zusammengefasst werden.

Durch konkrete Vergabe solcher Gewichte wurden 3 Bereiche gebildet, auf ihrer Basis eine Imputation aller 116 Netze vorgenommen, und als Beispiel eines dieser Netze mit dem tatsächlich erhobenen Netz verglichen.

Es zeigte sich, dass je nach gewählten Datenbereichen und entsprechend ermittelten «nächsten Nachbarn» die Imputation des gewählten Beziehungsnetze sehr unterschiedlich mit dem entsprechenden beobachteten Netz harmoniert. Bei der Imputation fehlender Beziehungsnetze muss deshalb aufgrund der inhaltlichen Zielsetzung die Auswahl und Gewichtung der Bereiche bedacht werden, die zur Suche nach den «nächsten Nachbarn» dienen sollen.

In diesem Aufsatz werden dazu systematisch nur die verfügbaren Datenbereiche ermittelt und in einheitlich normierter Form als Distanz-Listen dargestellt. Die Imputation und ihre Prüfung bleibt dagegen auf wenige Beispiele beschränkt. Da aber Daten und Programme frei verfügbar sind, bietet sich hier ein breites Feld weiterführender Untersuchungen, die einstweilen vom Autor auch noch beratend unterstützt werden können.

Unter eher statistischen Gesichtspunkten ist die Steuerung der Imputation durch Suche nach bestimmten «nächsten Nachbarn» unbefriedigend, solange nicht Aussagen über die auch zufallskritische Prüfung möglich wird. Dieser Punkt wird im vorliegenden Aufsatz nur am Rande und unter Hinweis auf Beispiele in der Literatur erwähnt. Ebenfalls vorbereitete Programme unterstützen aber auch die zufallskritische Prüfung des hier beschriebenen Verfahrens. An die Stelle der Suche nach «einzelnen (oder nach 3) nächsten Nachbarn» aufgrund geringster Distanz tritt dabei die Suche nach der Verteilung von mehr oder weniger nahen Nachbarn, die entsprechend ihrer relativen Distanz im Simulationsprozess mit unterschiedlicher Häufigkeit ausgewählt werden.

Erzeugt man auf diese Weise eine größere Anzahl (z.B. 1000) imputierter Netze, so kann die Häufigkeitsverteilung ausgewählter Eigenschaften dieser Netze zur Schätzung stochastischer Eigenschaften genutzt werden.

Diese wie die vorher genannten Arbeiten sind hier jedoch nur durch frei verfügbare Distanz-Listen und Programme vorbereitet worden. Sie können in kleinerem wie größerem Umfang zur Durchführung weiterführender Arbeiten genutzt werden, etwa für Arbeiten im Umfang einer Hausarbeit bis zu einer Dissertation.

Список литературы

1. Baltes-Götz, Bernhard 2013: Behandlung fehlender Werte in SPSS und Amos. Mimeo, Zentrum für Informations-, Medien- und Kommunikationstec-hnologie (ZIMK) der Universität Trier.

2. Burt, Ron 1990: Detecting role equivalence. In: Social Networks 12/1990, S. 83–97.

3. Hummell, Hans. J. und Wolfgang Sodeur 1984: Strukturentwicklung unter Studienanfängern. Ein Werkstattbericht. Mimeo, siehe Kapitel 2 unter www.uni-due.de/Sodeur/.

4. Hummell, Hans J. und Wolfgang Sodeur 1987: Triaden- und Tripplettzensus als Mittel der Strukturbeschreibung, S.129-161. In: Franz Urban Pappi 1987.

5. Hummell, Hans J. und Wolfgang Sodeur 1987: Strukturbeschreibung von Positionen in sozialen Beziehungsnetzen, S. 177–202. In: Franz Urban Pappi 1987.

6. Pappi, Franz Urban (Hrsg.) 1987: Methoden der Netzwerkanalyse. Band 1 der Techniken der empirischen Sozialforschung, hrsg. Von Jürgen van Koolwijk und Maria Wieken-Mayser, Oldenbourg, München.

7. Snijders, Tom: Siena bzw. RSiena in der jeweils aktuellen Version, siehe Internet-Seite www.stats.ox.ac.uk/~snijders/siena/.

8. Steindorf, Karen und Oliver Kuß 2011: Multiple Imputation – der State-of-the-Art-Umgang mit fehlenden Werten. Mimeo, Institut für Medizinische Epidemiologie, Biometrie und Informatik an der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.

9. Znidarsic, Anja, Patrick Doreian und Anuska Ferligoj 2018: How many nearest neighbours are needed to successfully estimate missing ties due to actor non-response when blockmodelling structure is investigated? (Vortrag auf der Sunbelt Conference 2018 im Juli 2018 in Utrecht).

КОМПЕНСАЦИЯ НЕДОСТАЮЩИХ ДАННЫХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПАНЕЛЬНОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ДВУХ ПЕРВЫХ МЕСЯЦЕВ ОБУЧЕНИЯ

В. Зодер

Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

В университете Дуйсбург-Эссен был проведен опрос студентов-первокурсников об их впечатлениях о первых девяти неделях обучения. Респондентам были заданы вопросы об их социально-демографических характеристиках, об отношении к учебным мероприятиям и подразделениям университета, с которыми они успели познакомиться за первые недели обучения, а также о количестве дружеских контактов, которые начинающие студенты успели установить к этому времени. При опросе использовалась случайная выборка при помощи генератора имен.

На отдельных этапах сбора данных была выявлена недостаточность полученной информации, в частности, у ряда студентов (около 200 человек) отсутствовала информация о количестве дружеских контактов, установленных в определенные недели. В таких условиях проведение динамического анализа формирования социальной сети отношений становится невозможным.

В подобных ситуациях применение метода компенсации недостающих данных, как правило, позволяет легко заполнить существующие пробелы. Однако в данном случае мы используем методы компенсации для восполнения определенной части уже полученных данных. Недостающие данные, полученные методом компенсации, затем сравниваются с результатами более поздних замеров. Такой подход позволяет проверить пригодность различных методов компенсации недостающих данных.

Описанный в данной публикации метод компенсации недостающих данных позволяет решать различные задачи. Для этого части полученных данных сначала обрабатываются отдельно, а затем суммируются с использованием соответствующих весовых коэффициентов. Выбор различных весов позволяет адаптировать процедуру компенсации недостающих данных под конкретную цель исследования. Чтобы сделать понимание принципов работы метода компенсации недостающих данных более простым, мы используем только небольшую часть массива данных. Затем мы сравним полученные результаты с результатами более поздних замеров.

Массив данных и AWK-программы находятся в свободном доступе. С ними можно ознакомиться по адресу: Wolfgang.Sodeur@t-online.de.

Результаты сравнительного анализа могут быть загружены со страницы: www.uni-due.de/Sodeur/ вместе с файлом NN18IMP.zip.

Ключевые слова: недостающие данные, панельный опрос, социальная сеть отношений, компенсация, результаты сравнительного анализа.

УДК 316.342.6

НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ КОНКУРЕНТНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ

© 2019 г.

М.Л. Теодорович, Ю.Л. Софронова, Н.Н. Патокина

Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н.; профессор кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mt231@yandex.ru
Софронова Юлия Львовна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
syl@list.ru
Патокина Наталья Николаевна, врио заместителя руководителя Нижегородского УФАС РФ; ассистент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
natpatok@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.09.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Объектом анализа в рамках предлагаемой статьи являются феномены добросовестной и недобросовестной конкуренции, в качестве предмета рассматриваются социальные и культурные факторы, предположительно, оказывающие воздействие на содержание конкурентных практик хозяйствующих субъектов. Указанные факторы гипотетически выделяются на основе теоретических подходов и концепций, имеющихся в социологии и других гуманитарных науках, а также на основе некоторых примеров из российской юридической практики и результатов мониторинга удовлетворённости потребителей качеством товаров и услуг на рынках Нижегородской области (2018). Источником для формулирования гипотез служат классические и неоклассические гуманитарные теории. Прежде всего, это концепция двух типов капитализма Макса Вебера, теория культурного прогресса, разработанная американским исследователем Лоуренсом Харрисоном, представление об индивидуализированном обществе, сформулированное в работах Зигмунта Баумана, Фридриха Хайека. Сделаны выводы о том, что контекст недобросовестных конкурентных практик создают общие социально-экономические и социально-культурные условия, характеризующие сложный современный мир и российское общество: архаичность рыночных отношений; культурные практики, затрудняющие экономический прогресс; дефицит самостоятельного хозяйствования, культивирующего ответственность; «дарвиновская схема» выживания, поддерживаемая государством; идеология «homo economicus»; аномическое состояние социальной среды; воспроизводство непродуктивных, но привычных и удобных социальных практик; отсутствие баланса между частными и общественными интересами.

Ключевые слова: конкуренция добросовестная и недобросовестная; социокультурные факторы; этика бизнеса; культурный капитал; хозяйственная культура; правовая культура.

Одним из ключевых направлений деятельности Федеральной антимонопольной службы является предупреждение и пресечение недобросовестной конкуренции, где *конкуренция*, в соответствии с федеральным законом, определяется как «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке». *Недобросовестной конкуренцией* считаются «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [1]. Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4. ст. 1 ГК РФ). Действия сторон оцениваются как добросовестные или недобросовестные исходя из

поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное [2]. Нормативным поведением в сфере конкуренции является, таким образом, поведение добросовестное, а случаи отклонения от данной нормы рассматриваются как недобросовестная конкуренция. Примечательно, что закон предлагает для фиксации случаев недобросовестной конкуренции целый ряд критериев, которые представляют собой теоретические абстракции, нуждаются в конкретизации смыслов, в том числе с позиций гуманитарных наук. Как можно охарактеризовать обычаи делового оборота и деловую репутацию, каково содержание требований добропорядочности, разумности и справедливости? Очевидно, что эти феномены реализуют себя специфически в условиях отдельных обществ и культур, и «обычаи делового оборота», «требования добропорядочности» имеют свои особенности в конкретном времени и пространстве. Поэтому исследовательский интерес представляют социальные и культурные основания добросовестного поведения в сфере конкуренции. Какие факторы определяют добросовестное поведение людей в бизнес-сфере и что служит причиной нарушения норм делового оборота, ухода от принципов здравого смысла и справедливости?

Современная и классическая социологическая теория позволяет сформулировать целый ряд общих предположений на эту тему.

В XIX столетии Макс Вебер представил фундаментальный анализ природы капитализма, заявив о том, что капиталистические отношения приобретают цивилизованный, рационалистический характер лишь в том случае, когда определяются этикой, совокупностью правил и принципов, регулирующих поведение человека и группы в процессе жизнедеятельности. Вебер писал о том, что современный капитализм формируется как результат длительной созидательной работы ценностей и норм, образующих религиозно-этический кодекс протестантизма. Именно протестанты стали той социальной общностью, которая построила экономический фундамент западного мира, сделав стремление к эффективному, дисциплинированному и честному («fair play») ведению бизнеса одним из основных условий «оправдания» себя перед высшей силой, признаком богоизбранности и условием спасения души. Но будучи христианами, протестанты одновременно с хозяйственным прагматизмом руководствовались в своей деятельности этическими принципами Нагорной проповеди. Капитализм является по своему содержанию архаическим, спекулятивным до тех пор, пока определённая часть общества не ставит свою подпись под условным коллективным договором об этических правилах. Жёсткое и осознанное следование правилам, которые необходимо соблюдать всегда и везде, приводит к соответствующим экономическим и социальным результатам. Другой вопрос, как именно происходит выработка этих новых правил и почему люди «вдруг» решают ответственно следовать им. Протестантизм, например, оформился, в том числе, и как психологическая реакция на социальные и экономические потрясения, характеризующие переход от Средневековья к Новому времени. Протестантская вера в Бога, с её относительной демократичностью и акцентом на самостоятельности, дала людям возможность «не сдаться» под давлением жёстких вызовов эпохи, стала той этической опорой, без которой невозможно развитие. Исследователи, анализируя историю России второй половины XIX – начала XX столетия, проводят параллели между европейским протестантизмом и отечественным старообрядчеством [3]. Действительно, крестьянская реформа и приход рынка в консервативную экономическую реальность нашего государства вызвали необходимость действовать, создавать, конкурировать, и наиболее морально подготовленными к этому оказались представители социально-религиозной группы старообрядцев. По всей видимости, вследствие похожего на протестантизм уникального сочетания этики, дисциплины, привычки к сопротивлению обстоятельствам.

Таким образом, говорит нам Вебер, всё начинается с архаики, по-другому и быть не может, любое общество рождается из хаоса, и отношения обмена, купли-продажи тоже изначально носят сугубо спекулятивный характер. Действия людей в экономической сфере на начальных этапах в любом обществе и любую эпоху являются неупорядоченными, пока не сформированы мотивирующие этические нормы.

Идеи Макса Вебера легли в основу современной теории «культурного прогресса», разработанной американским исследователем Лоуренсом Харрисоном [4]. Вместе с коллегами Харрисон показал, что фундаментом экономического процветания тех или иных обществ является специфика их культурного капитала. Учёные операционализировали понятие «культурный капитал», разделив его на различные элементы – критерии анализа конкретной социо-

культурной среды. Предложенный подход является вполне практичным, например, чтобы ответить на вопрос, в какой степени культурный багаж определённых социальных групп определяет их устремлённость к прогрессу, нужно изучить особенности их мировоззрения, ценности, экономическое и социальное поведение. Так, одним из критериев оценки экономического поведения является отношение к конкуренции – оно может быть положительным (конкуренция – это то, что ведёт к высоким стандартам), а может быть отрицательным, что проявляется в «узаконенной зависти» и «утопии равенства» (конкуренция равносильна агрессии). Нормативным служит представление о том, что «…конкуренция – это форма сотрудничества, при которой оба соперника выигрывают от необходимости выложиться до конца, как в спорте. Конкуренция питает демократию, капитализм и многообразие мнений» [5; цит. по 4, с. 24]. Иными словами, успех в экономической сфере, и в частности практики ведения бизнеса, конкурентное поведение определяются, помимо прочего, совокупностью укоренённых в национальной культурной среде правил, ценностей, традиций, отношений, привычек, стереотипов.

На основании вышесказанного можно предположить, что необходимым условием честного конкурентного взаимодействия в любом обществе является не только следование формальному закону (правовая культура), но и признание представителями той или иной социальной группы (а в данном случае речь идёт главным образом о предпринимательском классе) совокупности этических норм в качестве жёстких регуляторов повседневных коллективных экономических практик. Но возникает вопрос: как, за счёт чего, в течение какого времени возможно формирование того самого «этоса», о котором когда-то заявил Макс Вебер? Очевидно, что Россия начала XXI столетия по своим культурным характеристикам и историческим предпосылкам значительно отличается от Европы XIX века. Формально РФ представляет собой светское государство, прошедшее через длительный период официального атеизма, поэтому утверждать, что, в частности, православие сможет сыграть в конечном итоге роль, подобную протестантизму, вряд ли представляется возможным. Как и многие другие страны, Россия сегодня находится, скорее, в «пострелигиозном» состоянии, при всех попытках десекуляризации со стороны православной церкви. Следовательно, этос предпринимательского класса может существовать лишь в форме «светской этики» (деловой этики, бизнес-этики); а вот каким в конечном итоге станет его содержание? Можно ли говорить о том, что данный «этос» понемногу формируется и в определённом виде существует уже сегодня?

С другой стороны, «архаический» (по определению того же Вебера) характер современного российского капитализма уже сформировал и формирует определённые социокультурные практики, которые объясняют относительно высокую частоту случаев недобросовестного поведения в сфере конкуренции. Современная история отечественных капиталистических отношений насчитывает около трёх десятилетий, что не так уж много в сравнении с историей развития рынка в Европе и не так уж мало при сопоставлении с историей рыночных реформ в известных азиатских государствах. «Архаичность» капитализма означает, по Веберу, отсутствие этического ядра и превалирование интересов обогащения, личной выгоды над другими интересами. По этому признаку состояние общества является «аномическим», характеризуется слабостью нормативного регулирования в различных сферах жизнедеятельности. Добросовестное поведение нуждается при этом в институциализации, закреплении соответствующих коллективных правил и практик. В связи с чем представители бизнес-сообщества ведут себя в определённом количестве случаев недобросовестно?

Конкуренция определяется как «соперничество *хозяйствующих* субъектов, осуществляющих *самостоятельные* действия». Исторический опыт независимого «хозяйствования» у российских предпринимателей невелик, а хозяйственная деятельность реализуется в условиях системы, сложившейся в эпоху плановой директивной социалистической экономики и государственного патернализма. Значительная часть российского населения продолжает жить «в прошлом», руководствуясь ранее сконструированными схемами. Прежние практики в определённом смысле воспроизводятся и предстают в качестве внутренних и внешних барьеров для самостоятельного хозяйствования (данные барьеры являются сегодня предметом анализа российских исследователей). Таковыми выступают, помимо прочего, огосударствлённый характер экономики, масштабность, архаичность и сверхдирективность бюрократической системы, привычка жить «прислонившись к государству», неприятие риска и слабые управленческие навыки. Условием выживания и выигрыша для бизнеса в этом контексте зачастую становится наличие более тесных неформальных отношений с госструктурами, которые позволяют получать преференции, избегать препятствий при входе на рынок, не думать лишний раз о том, что на рынке появятся более сильные иг-

роки. Иллюстрацией здесь могут служить различные случаи из практики территориальных управлений ФАС РФ. В 2017 г. Магаданское УФАС России установило факт неправомерного заключения мэрией города Магадана муниципальных контрактов (на выполнение работ по перевозке пассажиров и багажа по регулируемым тарифам) с единственным подрядчиком, без проведения конкурентных процедур. При этом на рассматриваемом товарном рынке в то время присутствовали как минимум четыре хозяйствующих субъекта, то есть рынок являлся конкурентным. Несколько лет назад Приморское УФАС зафиксировало случай антиконкурентного соглашения между городской администрацией, управлением дорог и благоустройства г. Владивостока, МУПВ «Дороги Владивостока» и ООО «Востокцемент». Муниципальное предприятие в течение нескольких лет являлось единственным участником торгов в сфере дорожной деятельности и благоустройства, заключало контракты по максимальной цене или с незначительным её снижением. Победу муниципальному предприятию обеспечивала группа лиц ООО «Востокцемент», аффилированная с городским главой [6]. В 2018 году УФАС Нижегородской области возбудило антимонопольное дело в отношении главного организатора школьного питания в Нижнем Новгороде (МП «ЕЦМЗ») и его 17 компаний-партнёров. Ещё в 2007 г. Городская дума Нижнего Новгорода приняла положение о конкурсном отборе поставщиков продуктов питания для школ, однако до 2018 г. конкурсы не устраивались и поставки осуществлялись всего лишь тремя организациями, большинство заказов при этом доставалось МП «ЕЦМЗ». Лишь в 2018 г. депутаты и общественность подняли вопрос о необходимости проведения торгов, так как их отсутствие противоречит закону «О защите конкуренции». В ноябре 2018 г. администрация организовала конкурс, но проводился он по схеме ФЗ № 223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», позволяющей сформировать критерии участия так, что главными факторами выступали наличие длительного опыта и система логистики. Фактически это привело к тому, что помимо прежних игроков требованиям администрации не соответствовал ни один хозяйствующий субъект, и победу одержал прежний поставщик – МП «ЕЦМЗ». Однако, по мнению представителей УФАС, если речь идёт о бюджетных средствах, конкурс может быть проведён только по модели ФЗ № 44, так как главным критерием отбора поставщика здесь выступает экономия ресурсов. ФАС РФ аннулировала итоги конкурса, в свою очередь, мэрия Нижнего Новгорода подала иск об обжаловании данного решения в московский арбитражный суд [7]. Позиция антимонопольщиков и представителей общественных организаций неизменна: «поддержка» мэрией одного-единственного поставщика в течение многих лет приводит к неэффективному расходованию бюджетных средств, явному ограничению конкуренции, ущемлению интересов потребителей.

Архаичность капиталистической системы (несформированность этоса) – это один из факторов, который определяет содержание конкуренции преимущественно в социал-дарвинистских терминах агрессивного соперничества («естественный отбор», «выживание сильнейшего»). В начале 90-х в РФ само государство, реализовав скорый и несправедливый передел собственности, декларировало в качестве основополагающей эту дарвиновскую схему, где уже не было места «добросовестности», а экономическому и социальному эгоизму был дан зелёный свет на самом «высоком» уровне. Политики говорили о реформах, но суть этих реформ не сводилась к благу конкретного человека, речь шла об абстрактных экономических показателях. Неолиберальные идеи, «корнями» уходящие в западноевропейскую цивилизацию, были взяты на вооружение элитой безо всякого учёта национальной исторической и социокультурной специфики, слепая вера в «автономию и саморегулирование рынка» в российском варианте оказалась утопией. По сути, так же как и в случае с марксовой теорией, была предпринята попытка объяснить будущее с помощью абстрактной концепции. Сегодня мы наблюдаем дальнейшую конкуренцию идей, которая в определённом контексте, к сожалению, превращается в непримиримое противостояние. Общественное сознание радикализировано – репутация либеральных принципов как «чуждых» и «вредных», их искажённый смысл, драматический опыт 90-х, ностальгия по социалистическому плановому хозяйству, текущие неурядицы характеризуют общую картину как крайне неопределённую.

Предположим, что именно с начала 90-х гг. прошлого столетия доминирующей, знаковой для формирующегося российского рынка является модель «экономического человека», «эгоиста, максимизирующего выгоду». Этому способствовали вышеупомянутые характеристики внешней (глобальной) среды и «роковая роль» государства, и безудержная «вестернизация». Но, конечно, нельзя объяснять данную картину только спецификой 90-х. На протяжении всего XX века российское общество пережило ряд известных потрясений, «разорвавших» соци-

альную ткань. Официально, на смену христианской морали, адептом которой в нашей истории традиционно выступала не столько церковь, сколько монархическое государство, пришла «мораль строителя коммунизма», «мораль советского человека», а после наступила эпоха великих разочарований, края которой не видно и поныне. И этот своеобразный сплав религиозности, «советскости», «постмодернизма» «во всей красе» являет себя сегодня перед нами и внутри нас.

В стихийные 90-е гг. эгоистичный прагматизм завоёвывал человеческое пространство, «вторгаясь» в разнообразные жизненные миры. Если вспомнить эпический и, возможно, самый честный детективный телесериал 90-х «Улицы разбитых фонарей», то в плане рассматриваемой темы он во многом символичен. Образ капитана Ларина, даже своей «пушкинской» фамилией напоминая зрителю об «утраченных ценностях», воплощает собой тот самый «внутренний стержень», «последний рубеж», «границу» между человеческим миром и уличным, диким и разбитым пространством «жизни по понятиям». Из хаоса 90-х до сих пор доносится как виртуальный памятник исчезнувшей этике: «Не волки, а санитары леса!». В конце 2000-х – другой персонаж, следователь Глухарёв из одноимённого рейтингового сериала, должен был стать «наследником» капитала Ларина. Стал ли? Показательно, что, скорее всего, зритель посчитал наиболее аутентичным иного персонажа данного телеэпоса, подполковника криминальной милиции Стаса Карпова. Обаятельный «антигерой», который «не стыдится» своей циничности, доходящей до жестокости. Символ поколения? Но интересно, опять же, что при всей неоднозначности и «порочности» данного образа он несёт в себе некий «запрос на человечность», и эта вечная борьба между «добром и злом» внутри человека стала впоследствии темой нового популярного сериала, где герой В. Котлярского (практически «по просьбе телезрителей») оказался уже центральным персонажем телесаги «Карпов». В последние годы реальность превосходит самые смелые сюжеты сценаристов и драматургов, телевизионная картинка, прямо или криво отражая действительность, убеждает нас в том, что «пределов нет», этика «растворилась» в политике, и «лес без санитаров» превратился в «выжженное поле».

Архаичность российского капитализма, аномическое состояние общества описываются ещё одной критической теоретической моделью. В своём фундаментальном труде «Индивидуализированное общество» З. Бауман говорит об итоговой утрате сбалансированности, диалога между общественным и частным в эпоху рубежа XX–XXI столетий. Индивидуализация как символ современности выражена в отрицании форм социальности, когда масштабные социальные задачи подменяются личными желаниями и стремлениями, а жизнь человека становится «биографическим разрешением системных противоречий» [8]. Традиционные институты (от семьи до государства) деформированы, глобальная экономика сложна и жестока, контроль над большинством значимых социальных процессов утрачен. Будущее любого из нас туманно, человек не защищён перед лицом неконтролируемых перемен, и очевидным становится стремление отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов [9].

З. Бауман выступает в данном случае как историцист, рассматривая объективные условия становления общества всеобщего эгоизма, а источником проблем, в его версии, является сложность и непрозрачность траснациональной экономики и глобальной политики. Отдельный, «локальный» человек вряд ли может предпринять что-либо, не зная и не понимая правил, по которым функционирует «внешний мир», то есть пространство вне его частной жизни. Внешняя среда перестаёт быть опорой, ориентиром, транслятором критериев добросовестного поведения. Но в условиях резкой экономической дифференциации, Гоббсовой «войны всех против всех», отсутствия «неэгоистических» ориентиров, разрыва «социальной ткани» человек более или менее осознанно стремится к восстановлению баланса между общественным и частным. Отдельный человек может «бежать от свободы», в поисках какой-либо защиты и минимальных гарантий. И это стремление, как показывает Э. Фромм [10], исторически может приобретать радикальные формы, когда индивидуализм полностью отрицается и единственной идеологией становится коллективизм, в том числе и в его крайних проявлениях.

Современную Россию можно описать и в терминах упомянутых историцистских теорий. Это эклектичная аномическая постсоветская реальность, часть глобального индивидуализированного эгоистического мира, с остатками здравого советского коллективизма и традициями коллективизма принудительного. Человек здесь – без посредников «один на один» с внешней средой, где в экономике закреплён институциональный режим, названный социологами «капитализмом не для всех» [11], где на повестке дня вопросы о необходимости формирования и укрепления института конкуренции как такового, целеполагании, определении пра-

вил, расстановке «дорожных знаков» и проведении границ. Идею «доброй совести» как мерила социальности в этом процессе можно считать ключевой, поскольку она утверждает такие ценности, как баланс индивидуальных интересов, благо для многих (а не избранных), внимание, доверие и взаимный интерес, доброжелательство и знание о других культурах. Как отмечается, фокус экономических реформ в контексте социальности может быть направлен на формирование благополучного среднего класса как огромного большинства населения, владеющего собственностью и способного передавать активы из поколения в поколение [12].

В качестве оппонента З. Бауману в данном случае выступает классик неолиберальной теории – Ф. Хайек. С его точки зрения, «слово «индивидуализм» приобрело в Европе начала XX столетия негативный оттенок и с тех пор ассоциируется с эгоизмом и самовлюблённостью. Но противопоставляя индивидуализм социализму и иным формам коллективизма, мы говорим совсем о другом качестве… Его основной чертой является уважение к личности как таковой, т.е. признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования…» [13, с. 53]. В этом контексте понятие «индивидуализм», действительно, приобретает иное содержание, а концепция «добросовестности» наполняется ещё одним смыслом. «Добросовестность» – это самоуважение («чувство собственного достоинства») и уважение достоинства другого. И в какой степени наше общество является индивидуализированным в этом аспекте?

Таким образом, гипотетически в качестве факторов, предложенных социальной теорией и провоцирующих недобросовестное поведение в сфере конкуренции, выступают общие социально-экономические и социально-культурные условия, характеризующие сложный современный мир и российское общество (архаичность рыночных отношений; культурные практики, затрудняющие экономический прогресс; дефицит самостоятельного хозяйствования, культивирующего ответственность; «дарвиновская схема» выживания, поддерживаемая государством; идеология «homo economicus»; аномическое состояние социальной среды; воспроизводство непродуктивных, но привычных и удобных социальных практик; отсутствие баланса между частными и общественными интересами).

Однако всякий кризис – это «плавильный котёл», возможность формирования новых правил и новых образцов поведения. Помимо внутренних условий, есть ещё и «внешние вызовы», которые могут играть роль «двигателя прогресса». Глобальный рынок, «открытый» мир создают множество возможностей для образования, обучения, взаимодействия, получения нового опыта, трансляции ценностей. Хочется верить, что несколько десятилетий рыночной экономики не прошли даром для современной отечественной предпринимательской среды. В истории российского бизнеса появились имена «первопроходцев», которые в определённой степени являются «показательными». Имена известных предпринимателей, облачённых в «стальные латы» деловых репутаций, начавших в 90-х бизнес с «нуля», осмеливающихся делать публичными собственные биографии, в которых, со всеми оговорками, можно увидеть те самые искомые «обычаи делового оборота» и реализацию принципов жёсткого, но добросовестного соперничества.

Список литературы

1. ФЗ «О защите конкуренции» от 26.06.2006 № 135-ФЗ. Ст. 1. Предмет и цели настоящего ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

2. Принцип добросовестности в ГК РФ // LegalQest. Правовой поиск. URL: https://legalquest.ru/grazhdanskoe-pravo/princip-dobrosovestnosti-v-gk-rf.html

3. Миркин Я.М. Гениальные староверы // В кн.: Миркин Я.М. Правила бессмысленного финансового поведения. М.: Изд-во «АСТ», 2019. С. 147–149.

4. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2016. 286 с.

5. Grondona A. A Cultural Typology of Economic Development // In: Culture Matters: How Values Shape Human Progress / L.E. Harrison, S.P. Huntington (eds.). Basic Books, 2000. P. 49.

6. Материалы семинара для территориальных органов по внедрению антимонопольного комплаенса в органах власти субъектов РФ (24–25 января 2019 г.) // Официальный сайт ФАС. URL: https://fas.gov.ru/documents/681411

7. Зубарев В. ФАС предписала отменить итоги конкурса на организацию школьного питания // Коммерсант. Приволжье, Нижний Новгород. 29.11.2018. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3814413

8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.

9. Иноземцев В. Судьбы индивидуализированного общества // В кн.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. XIII.

10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2015. 228 с.

11. Добреньков И.В., Исправникова Н.Р. Пирамиды упущенных возможностей. М.: Академический проект, 2014. 171 с.

12. Миркин Я.М. Пожалуйста, поверьте в нас! // Российская газета. 01.10.2017. Федеральный выпуск № 7387 (221).

13. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: АСТ, 2017.

UNFAIR COMPETITIVE PRACTICES IN MODERN RUSSIA: THEORETICAL ANALYSIS OF SOCIO-CULTURAL GROUNDS

M.L. Teodorovich, Yu. L. Sofronova, N.N. Patokina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines the phenomena of fair and unfair competition, as well as social and cultural factors presumably affecting the content of economic entities' competitive practices. These factors are hypothetically distinguished on the basis of theoretical approaches and concepts of sociology and other humanities, by using some examples from Russian legal practice and the results of monitoring consumer satisfaction with the quality of goods and services in the markets of the Nizhny Novgorod region (2018). Our hypotheses are formulated on the basis of classical and neoclassical humanitarian theories. First of all, it is Max Weber's concept of two types of capitalism, the theory of cultural progress developed by the American researcher Lawrence Harrison, the idea of an individualized society formulated in the works of Sigmund Bauman and Friedrich Hayek. It is concluded that the context of unfair competitive practices is created by common socio-economic and socio-cultural conditions that characterize the complex modern world and Russian society: the archaic nature of the market relationship; cultural practices that impede economic progress; the deficit of self-management required to cultivate responsibility; "Darwinian scheme" of survival supported by the state; ideology of "homo economicus"; abnormal state of the social environment; reproduction of unproductive, but familiar and convenient social practices; lack of balance between private and public interests.

Keywords: fair and unfair competition, socio-cultural factors, business ethics, cultural capital, economic culture, legal culture.

УДК 316.4.05

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПОСТУПИВШИХ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

© 2019 г.

Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина

Быченко Юрий Григорьевич, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
bychenkoug@gmail.com

Баландина Таисия Михайловна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
balandinatm@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.06.2019
Статья принята к публикации 25.10.2019

Социально-экономическая реформа в России привела к существенным трансформациям гражданско-военных отношений, количественному росту числа военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Этот процесс объективно сопровождается изменением профессионального потенциала военнослужащих и приведением его в соответствие с новыми требованиями и нормами, условиями функционирования военной организации, необходимыми показателями качества. Вместе с тем в последние годы наблюдается отставание целевого образовательного развития профессионального потенциала военнослужащих, снижение его конечной эффективности. Целью статьи и является выявление противоречий данного развития, раскрытие механизмов их разрешения.

Для достижения цели проведен анализ результатов эмпирического исследования «Профессиональный потенциал солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту». Исследование показало, что выбор военной профессии, а также заключение военного контракта является отправной базой образовательной трансформации профессионального потенциала военнослужащих. При этом сама система образовательной подготовки воинских частей самостоятельно не может эффективно справляться с решением задач развития профессионального потенциала военнослужащих. Необходимо создать условия для саморазвития способностей к военно-профессиональному труду военных акторов. Необходимо модернизировать комплекс социальной образовательной военной политики государства.

Ключевые слова: образовательное развитие, военно-профессиональный потенциал, воинская часть, военная организация, военнослужащий по контракту.

Введение

В России осуществляется глубокая реформа гражданско-военных отношений. Постепенно сокращается состав военнослужащих, осуществляющих службу по призыву, и расширяется состав военнослужащих, осуществляющих службу по контракту. Увеличивается потребность общества в военнослужащих, готовых прийти на профессиональную военную службу как на работу, осознанно трансформировать собственный образовательный профессиональный потенциал, честно и добросовестно осуществлять служебно-трудовую деятельность и выполнять свой конституционный долг по охране порядка и защите российского общества. Военнослужащий по контракту осуществляет один из основных видов государственной службы. Он добровольно, на основе условий контракта, формирует и развивает военно-профессиональный потенциал, выполняет возложенные на него военной организацией функции. При этом получает высокое материальное обеспечение, необходимый уровень социальных гарантий, в том числе и страхование собственной жизни и имущества.

Основные отличительные черты военнослужащих-контрактников относительно призывников определяются, с одной стороны, тем, что контрактники добровольно приходят и осуществляют военную служебно-трудовую деятельность, с другой стороны, акторы, служащие по контракту, ориентированы на длительное формирование специфического военно-профессионального потенциала, применение его с целью повышения эффективной реализации служебно-трудовой деятельности, стратегий построения военной карьеры, получения соответствующего денежного довольствия, социальной защиты [1].

Военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту, – это преимущественно

акторы, изменившие место первоначальной трудовой деятельности, переходящие на выполнение служебно-трудовой деятельности в военную организацию на должности солдат, сержантов, прапорщиков, осуществляющие образовательное целевое развитие профессионального потенциала, постоянно повышающие военную квалификацию, целевую образовательную профессиональную подготовку, переподготовку, нецелевое развитие человеческого потенциала. Их военно-профессиональная образовательная подготовка осуществляется фундаментально, систематически, преимущественно на основе принципов целевого образовательного развития. Пришедшие на военную службу акторы получают дополнительные возможности социальной защиты, а также социального обеспечения. Они изначально предрасположены к образовательной трансформации собственного профессионального потенциала, к формированию новых военизированных профильных трудовых способностей, к адаптации к избранной военной специальности, к нецелевому саморазвитию общих способностей.

По сути, приход актора на военную службу по контракту объективно приводит к обновлению его комплекса ценностей, формированию новой системы военно-профессиональных способностей. С одной стороны, трансформируется образовательный профессиональный потенциал акторов, адаптируются их трудовые способности. С другой стороны, постепенно повышается качество их целевой образовательной подготовки, формируются оптимальные условия саморазвития военно-профессиональных потребностей и способностей военнослужащих, повышается эффективность их служебно-трудовой деятельности. Вместе с тем в последние годы наблюдается отставание целевого образовательного развития профессионального потенциала военнослужащих. В научных источниках отмечается, что образовательный комплекс военных организаций России нуждается в модернизации. Проявляется постепенное снижение конечной эффективности образовательных процессов в воинских частях. Наблюдается несоответствие потребностей в военном образовательно-профессиональном потенциале военнослужащих-контрактников и реального его состояния [2]. Повышается разрыв между формально заявленными результатами военно-образовательного развития и реальным его состоянием, не соответствует требованиям уровень креативного потенциала военнослужащих [3]. Можно сформулировать гипотезу, согласно которой в системе военных организаций в последние годы наблюдаются процессы отставания целевого образовательного развития профессионального потенциала военнослужащих, приостановился процесс модернизации проектов, направленных на его совершенствование. Цель статьи – проверить гипотезу, выявить противоречия данного развития, раскрыть механизм их разрешения. Достижение цели связано с решением следующих задач: 1) уточнением сути военно-профессионального потенциала, специфики использования термина в исследовании; 2) проведением анализа результатов эмпирического исследования «Профессиональный потенциал солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту»; 3) раскрытием механизма модернизации профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту.

Теоретико-методологическое обоснование проблемы

Методологией изучения военно-профессионального потенциала военнослужащих выступает структурно-функциональный анализ, осуществляемый на соответствующем теоретическом, правовом и эмпирическом материале. Развитие профессионального потенциала военнослужащих является приоритетной функциональной задачей военно-гражданской реформы российского общества. В Стратегии социального развития Вооруженных сил Российской Федерации до 2020 года [4] указаны две основные задачи военно-гражданского реформирования: 1) социальное развитие военных организаций, увеличение состава военнослужащих, проходящих военную службу по контракту; 2) совершенствование системы целевой военно-профессиональной образовательной подготовки солдат, сержантов, прапорщиков, обновление системы оценки процессов развития военно-профессионального потенциала военнослужащих [5]. В этой связи необходима научная диагностика практик развития и трансформации военно-профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту, выявление сущности данной междисциплинарной категории, уточнение параметров ее социологической оценки. Традиционно исследователи связывают профессиональный потенциал с результатом образовательной деятельности, целевым формированием профессиональных деятельностных способностей военнослужащих [6]. В узком контексте формирование профессионального потенциала военнослужащего предлагается рассматривать как процесс его образовательного развития, повышение уровня военно-профессиональных знаний, уме-

ний, навыков, компетенций, а также творческих способностей [7]. Профессиональный потенциал представляет собой «меру совокупных способностей, таланта, образования, социально значимых профессиональных знаний, умений, навыков, здоровья человека, способствующих занятию им определенного социального профессионального статуса, получению доступа к власти и экономическим дивидендам» [8, с. 37]. В этом контексте профессиональный потенциал – это комплекс освоенных военнослужащими общих и военных знаний, навыков, компетенций, система разделяемых военнослужащими военно-профессиональных ценностей, норм, правил, позволяющих им эффективно реализовывать военно-профессиональную служебно-трудовую деятельность, осуществлять карьерный рост. Профессиональный потенциал военнослужащего может рассматриваться на нескольких уровнях: общественном – на уровне общества; организационном – на уровне микроорганизации; индивидуальном – на уровне конкретных военнослужащих. По сути, изменение профессионального потенциала военнослужащих можно диагностировать по следующим основным параметрам: 1) изменение уровня и характеристик образования (профессиональный контекст); 2) реализация служебно-трудовой деятельности (ее эффективность); 3) карьерный рост (достижение/недостижение роста); 4) доход (рост/отсутствие роста).

Социологическая диагностика профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту

Проведем предварительную социологическую диагностику процесса совершенствования профессионального потенциала военнослужащих-контрактников по указанным выше параметрам. Осуществим анализ данных эмпирического социологического исследования «Профессиональный потенциал солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту». Анкетирование и обработка данных осуществлялись в 2016–2017 гг., $n = 408$.

До поступления на военную службу только пятая часть (20%) респондентов повысили свой уровень профессионального образования. В процессе поступления и реализации военной службы данный показатель существенно увеличивается. Более половины военнослужащих представляют данные о существенном росте собственного профессионального потенциала. Во время военной службы треть военнослужащих заявляют о незначительном росте профессионального потенциала. Необходимо отметить, что по совокупности показателя более 80% военнослужащих повысили свой профессиональный потенциал после поступления на военную службу.

Вместе с тем респонденты подчеркивают, что в современных условиях образовательный рост военно-профессионального потенциала осуществляется в рамках жестко лимитирующей системы военных норм. Военнослужащие только «на бумаге» в рамках формальных законодательных актов имеют возможность получения дополнительного образования вне военной организации. На практике акторам не предоставляется дополнительных временн*ы*х возможностей для реализации данных действий. Так, по результатам социологического опроса, военнослужащие ощущают оторванность от внешней системы высшего гражданского образования. 23% военнослужащих отмечают отсутствие практического временн*о*го потенциала для получения гражданского образования без отрыва от осуществления военной службы. 24% опрошенных отмечают рост необходимости модернизации систем подготовки и повышения квалификации в рамках военных организаций.

Подавляющее большинство (87%) респондентов до подписания контракта имели неудачный опыт строительства карьеры в гражданской социально-трудовой среде. После поступления на службу в военную организацию ситуация изменяется. Здесь уже большинство военнослужащих имеют положительный опыт карьерного строительства. 24% военнослужащих заявляют о наличии существенного, 42% военнослужащих отмечают наличие незначительного карьерного роста в военной организации. В целом военнослужащие положительно оценивают процесс построения карьеры в военной организации. Большинство респондентов (63%) на «отлично» и «хорошо» оценивают карьерный профессиональный рост в военной организации. Не случайно практически такой же состав военнослужащих (66%) изъявляют устойчивое желание в перспективе продлить военно-трудовой контракт. Необходимо отметить, что более половины военнослужащих рассматривают и реализуют свой карьерный путь в рамках младшего состава командиров военной организации. Менее трети военнослужащих-контрактников намерены продолжить карьерный рост в результате окончания высшего учебного заведения и получения офицерского звания.

Проявляется положительная динамика и по показателю эффективности деятельности военнослужащих. Формальные отчеты о деятельности военнослужащих исследуемой части показывают, что из года в год наблюдается рост качества выполнения нормативов военнослужа-

щими-контрактниками, повышается состав акторов, получающих высшую категорию военного мастерства [9]. Данные эмпирического исследования подтверждают это. 55% военнослужащих заявляют, что на практике повышают результативность собственной служебно-трудовой деятельности. Менее трети военнослужащих не изменили специальность, по которой осуществляли деятельность в гражданских организациях (в основном среди них водители, программисты, медицинские работники, наладчики).

Неоднозначная ситуация по трансформации дохода военнослужащих-контрактников. За время прохождения военной службы около 15% военнослужащих констатируют рост дохода, более 50% опрошенных подчеркивают, что доходы хотя и выросли, но несущественно. Пятая часть военнослужащих считает, что их доход относительно работы на гражданском предприятии практически не изменился. При этом военнослужащие считают, что их доход значительно ниже, чем их же служебно-трудовой вклад. 66% военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, заявляют, что их уровень довольствия низкий. В целом рост заработной платы не покрывает темпы инфляции. Подавляющее большинство (74%) военнослужащих указывают на постепенное снижение их реального денежного довольствия из года в год.

Проблема усиливается в результате проявления двух факторов. Во-первых, «денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы» [10]. Военнослужащий не имеет временн*ы*х возможностей заработать дополнительные денежные средства. Постепенное падение реального уровня денежного довольствия приводит к снижению эффективности мотивации служебно-трудовой деятельности, а значит, в перспективе будет способствовать падению эффективности реализации профессионального потенциала военнослужащего. Во-вторых, возрастает разрыв в уровне оплаты служебно-трудовой деятельности в российских и зарубежных военных организациях. Бесспорен тезис о том, что при росте требований к военно-профессиональному потенциалу российских военнослужащих, повышении их служебной нагрузки необходимо обеспечение и рост уровня оплаты их служебно-трудовой деятельности.

Военнослужащие, поступившие на военную службу по контракту, в результате систематической образовательной деятельности постепенно трансформируют собственный профессиональный потенциал. Осуществляется непосредственное образовательное профессиональное развитие, осваиваются новые формы военно-профессионального потенциала, формируются преимущественно военные знания, умения, навыки (при отказе от ряда качественных систем профессионального потенциала, используемых в системе гражданских трудовых отношений), существенно возрастает эффективность последующей реализации способностей к труду военнослужащих. Изменение в системе профессионального потенциала осуществляется уже на стадии изменения профессии актором. Переход на военную службу подавляющего состава субъектов предусматривает их отказ от гражданской профессии, а также освоение нового комплекса военного потенциала (около 70% акторов). Выбор военной профессии, а также заключение контракта уже определяет необходимость прохождения военной подготовки, постоянного повышения уровня специфических компетенций военного субъекта труда. В последующем происходит не только наращивание знаний, умений, навыков военнослужащего-контрактника, но и формирование военной профессиональной культуры (освоение принципиально нового комплекса ценностей, норм, принципов служебно-трудового взаимодействия). В результате роста эффективности деятельности военнослужащего трансформируется сама форма служебно-трудового использования профессионального потенциала, формируются новые статусные позиции, повышаются карьерные возможности, уровень социальной защищенности. Также повышается эффективность труда военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Постоянное обучение, реализация курсов повышения военно-профессионального мастерства являются базовым фактором роста служебно-трудовой результативности акторов. В целом наблюдается рост мотивации военнослужащих, повышение усердия и активности при осуществлении военной службы. Подавляющее большинство (87%) военнослужащих имеют потребность в постоянном военно-профессиональном обучении, стремятся совершенствовать организацию труда, готовы планировать, включаться в реализацию проектов оптимизации военно-профессионального взаимодействия. Военнослужащими обосновывается необходимость не только реализации процессов обучения, повышения военной квалификации, но и обновления форм организации процесса ведения военной службы, важность преодоления фактов необоснованного протежирования военной карьеры, незаконных поощрений, «кумовства» в среде военной организации. Военнослужащие четко связывают

процессы целевой образовательной подготовки и роста собственного военного профессионализма. Последнее в целом на практике определяет возможность достижения успеха во время несения военной службы, реализации последующей карьеры, получения очередного звания, должности, обеспечивает рост материального довольствия. Военнослужащие рассматривают процессы обучения в воинской части не как бюрократическую процедуру, имеющую формальное значение для отчетности вышестоящему руководству, а как практический механизм достижения эффективности в реализации служебно-трудовой деятельности, как своеобразный социальный лифт карьерного роста, формирования новых форм организации труда, возможностей социального накопления собственного военно-профессионального потенциала. Недостатки военной службы военнослужащие связывают с диспропорциями в системе образовательной подготовки и переподготовки. Подчеркивают некоторую оторванность образовательных действий от практических вопросов военной службы, применение устаревших форм информационной подготовки военнослужащих, а также постепенное понижение дохода семьи, падение стимулирования образовательной деятельности военнослужащих, оторванность образовательной системы военной организации от нужд других трудоспособных членов семьи военнослужащего.

Пути модернизации профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту

Система образовательной подготовки не может самостоятельно эффективно решать задачи развития профессионального потенциала военнослужащих. Необходимо дополнительно создать условия для саморазвития способностей к военно-профессиональ-ному труду военнослужащих. Важно скорректировать деятельность всего комплекса социальной военной политики государства. Последняя в условиях экономической стабилизации должна быть направлена на достижение следующих тактических целей в системе гражданско-военного строительства.

Первая тактическая цель – рост финансирования, обеспечение государственной целевой поддержки информационной составляющей военно-образовательных систем воинских частей. Важно активизировать факторы информационного и инновационного развития в отдельных военных организациях. В этой связи необходимо оптимизировать реализацию мер, предусматривающих согласование различных направлений информационного развития образовательной базы, программного обеспечения, организации образовательных процессов в армии. Надо обеспечить возможность использования современных компьютерных систем, удовлетворение образовательных потребностей не только военнослужащего, но и всех других работоспособных членов его семьи. Одновременно важно расширить систему целевого использования компьютерной техники, применения различных цифровых образовательных систем в профессиональном обучении военнослужащих. Федеральный бюджет должен ориентироваться на увязку части своих образовательных инвестиций с потребностями воинских частей, усилить социальный контроль подготовки специалистов в военных высших заведениях. Федеральная социально-образовательная политика в целом должна быть направлена в том числе и на регулирование процессов постоянной переподготовки военнослужащих, осуществляющих военную службу по контракту, преподавателей высших военных учебных заведений. Региональная социальная политика в области образования также должна ориентироваться на оказание существенной поддержки информационной подготовки военных специалистов.

Вторая тактическая цель – оптимизация занятости, создание условий динамичного саморазвития человеческого потенциала всех трудоспособных членов семьи военнослужащего. Достижение цели связано с модернизацией федеральной социальной политики занятости членов семьи военнослужащего. В этом контексте необходимо реализовать комплексную социальную программу образовательного профессионального развития членов семьи военнослужащего-контрактника. Социальная политика, с одной стороны, должна быть направлена на повышение качества профессиональной подготовки членов семьи, повышение их конкурентоспособности на региональном рынке труда, с другой – на повышение уровня их занятости, а также роста дохода как базы для осуществления саморазвития человеческого потенциала.

Активизация социальной политики занятости членов семьи военнослужащего предусматривает отказ от применения пассивных механизмов поддержки занятости. Последняя традиционно предусматривала только сглаживание социальных и экономических негативных последствий безработицы трудоспособных членов семьи военнослужащего в результате выплат пособий безработным, а также оказания им ограниченного перечня формальных услуг, определяющих поиск и предоставление работы

через региональные службы занятости. Переход к преимущественно активной политике занятости членов семьи военнослужащего предполагает комплексное внедрение систематической и гибкой образовательной профессиональной подготовки, а также переподготовки неработающих членов семьи военнослужащего, внедрение мер, направленных на стимулирование необходимой мобильности, внедрение социальной программы самозанятости трудоспособных членов семьи военнослужащего. В этой связи важна организация государством дополнительной образовательной, финансовой, консультативной, организационной, информационной помощи военным организациям. Государственная социальная политика в конечном итоге должна быть направлена на трудоустройство членов семьи через предоставление им комплекса дополнительных услуг (преимущественно образовательной и финансовой направленности) с учетом их трудовых, а также креативных возможностей и способностей.

Третья тактическая цель – повышение дохода семей военнослужащих как носителей военно-профессионального потенциала. Достижение первой цели определяет необходимость создания социальных и экономических условий расширенного воспроизводства для самого военнослужащего, а также всех трудоспособных членов его семьи. Это обеспечит им возможность расширенного удовлетворения потребностей, потребительного воспроизводства совокупных способностей, реализации их человеческого потенциала. По сути, рост дохода членов семьи военнослужащего представляет собой условие расширенного саморазвития их биологических, интеллектуальных, духовных потребностей, а значит и способностей. При этом важно не только сохранить существующие механизмы поддержки семей военнослужащих с детьми, а также с нетрудоспособными родителями, но и расширить состав и качество социальных государственных гарантий данным семьям. Последнее предусматривает необходимость расширения системы помощи, детских пособий, компенсаций по нетрудоспособности, а также комплексной социальной защиты семьи военнослужащего, гарантий материального обеспечения, получения услуг образования, здравоохранения, культуры, оздоровительного отдыха.

Основное объективное условие развития профессионального потенциала военнослужащих-контрактников связано с обеспечением единства образовательного развития, реализации профессионального потенциала и потребления всех трудоспособных членов семьи военнослужащего. Процесс потребления акторов участвует в этом единстве в той мере, в какой потребление выступает основным условием саморазвития способностей к профессиональному труду. Дополнительные социально-экономические условия оптимизации развития профессионального потенциала военнослужащих-контрактников заключаются: 1) в формировании инвестиционных потоков в социальную сферу воинских частей, обеспечивающих профессиональный потенциал всех членов семьи военнослужащего (образование, здравоохранение, спорт); 2) в обеспечении роста дохода членов семьи военнослужащего, достижении соответствия их оплаты труда уровню трудового использования их профессионального потенциала.

Выявлены два фактора развития профессионального потенциала военнослужащих, проходящих военную службу по контракту: 1) совершенствование системы образовательного развития военнослужащего и членов его семьи; 2) рост дохода членов семьи, оптимизация их занятости. Следствием процесса развития профессионального потенциала военнослужащих является увеличение реального использования потенциала как самого военнослужащего, так и трудоспособных членов его семьи. С одной стороны, данное развитие — это результат роста дохода, повышения добавок к их основной заработной плате (обеспечение доходности использования профессионального потенциала), с другой стороны, это результат увеличения объема инвестиционных ресурсов государства, направляемых в системы образования, здравоохранения, целевое формирование человеческого профессионального потенциала конкретных групп военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

Список литературы

1. Кудаев А.В. Социальные гарантии в условиях перехода российского общества на инновационный путь развития // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 55–60.

2. Ершов В.В. Культурный капитал солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3 (48). С. 92–98.

3. Немоляев В.В., Савенко А.А. Профессиональное развитие как фактор трудовой мотивации работников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1. С. 219–223.

4. Стратегия социального развития Вооруженных сил Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства обороны Российской Федерации (Минобороны России). URL: http://sc.mil.ru/social/strategy.htm#txt (дата обращения: 11.06.2018).

5. Быченко Ю.Г., Пихтелёв А.М. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих // Власть. 2019. № 1. С. 209–216.

6. Карлова Е.Н. Трансформация военного профессионализма в современном обществе // Обозреватель – Observer. 2015. № 9. С. 68–78.

7. Немоляев В.В., Пихтелёв А.М. Конструирование социально-профессионального развития офицеров национальной гвардии России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 95–101.

8. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Экономическое действие как форма социального действия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. № 12-3 (12). С. 35–40.

9. Ершов В.В. Социально-трудовое развитие культурного капитала солдат и сержантов // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5. С. 17–24.

10. Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (с изменениями и дополнениями) Ст. 2. Денежное довольствие военнослужащих. URL: http://base.garant.ru/12191544/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/ (дата обращения: 07.03.2019).

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL POTENTIAL OF THE MILITARY PERSONNEL PERFORMING THEIR CONTRACTUAL MILITARY SERVICE

Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina

Saratov Military Institute of the National Guard of the Russian Federation, Saratov

Socio-economic reform in Russia has led to significant transformations of civil-military relations and an increase in the number of servicemen performing military service on the contract basis. This process is objectively accompanied by a change in the professional potential of military personnel and bringing it in line with the new requirements and standards, with the conditions of functioning of the military organization, and with the necessary quality indicators. At the same time, in recent years, the targeted educational development of military personnel's professional potential was insufficient, resulting in its reduced effectiveness. The purpose of this article is to identify the contradictions of this development and to show the mechanisms for resolving them.

To achieve this goal, an analysis has been performed of the results of empirical research "Professional potential of soldiers and sergeants serving on the contract basis in the system of internal troops ".

The study of the results of the empirical research shows that the choice of military profession followed by the conclusion of a military contract is the starting point of educational transformation of the professional potential of military personnel. At the same time, the system of training in military units alone cannot effectively cope with the tasks of developing the professional potential of military personnel. Therefore, it is necessary to create conditions for self-development of abilities for military-professional work of military actors. It is necessary to modernize the complex of the state's social educational military policy.

Keywords: educational development, professional military capacity, military unit, military organization, contract serviceman.

УДК 316.4

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СЕТЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОСУЖДЕННЫХ МУЖЧИН

© 2019 г.

Д.А. Шпилёв, А.А. Еремеева

Шпилёв Дмитрий Анатольевич, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры криминологии Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shpilev72@mail.ru
Еремеева Анна Андреевна, аспирант 2-го года обучения кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
annayeremeeva@gmail.com

Статья поступила в редакцию 04.06.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Приведены результаты промежуточного этапа исследования о роли женщины в жизни осужденного на протяжении отбывания наказания в местах лишения свободы. В исследовании приняли участие 20 женщин, находящихся в разных городах России (Нижний Новгород, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Краснодар, Владивосток и другие). В фокусе исследования только те женщины, которые намерены хотя бы в какой-то степени поддерживать и облегчать участь своих мужей, женихов, друзей. Одним из методов данного этапа исследования явилось полуформализованное интервью женщин, имеющих разные статусы по отношению к осужденным мужчинам – жена, подруга, невеста, мать. Результаты исследования раскрывают степень эффективности предлагаемых законодателем средств поддержания социальных связей осужденных, а также позволяют детально рассмотреть развитие отношений между осужденным и женщиной, оказывающей ему помощь и поддержку, выявить роль и место социального работника пенитенциарного учреждения.

Ключевые слова: осужденные, женщины, жёны, невесты, матери, социальная работа, социальные связи, сети социальной поддержки, тюрьма.

Введение

Актуальность изучения развития социальных сетей осужденных, роли социальных связей в процессе пенитенциарной и постпенитенциарной адаптации и реабилитации обусловлена необходимостью развития пенитенциарной социальной работы, её технологий и их эффективности в условиях лишения свободы, раскрытия факторов, влияющих на успешную интеграцию осужденных в правопослушное общество, а также на выработку направления изменений в уголовно-исполнительной системе.

Система социальных лифтов, утвержденная в Концепции развития УИС до 2020 г. [1], предполагает обретение мотивации осужденного к законопослушному образу жизни, стремления осужденного к психофизической корректировке своей личности, а также действия, свидетельствующие об активной позитивной позиции осужденного. Развитие социальных связей, поддержание теплых семейных взаимоотношений и выстраивание коммуникации с родными позитивно влияют на осужденного, вселяют в него веру и дают силы во время отбывания наказания. Построение прочной сети социальной поддержки – это залог успешной интеграции после отбывания наказания в виде лишения свободы.

Сети социальной поддержки осужденных представляют собой набор социальных связей, обеспечивающих регулярный контакт и оказание материальной, финансовой, эмоциональной и психологической поддержки осужденным, находящимся в условиях лишения свободы.

Сети состоят прежде всего из агентов. Агентами выступают те, кто оказывает поддержку, и те, кто ее принимает. Социальные сети осужденных содержат весьма ограниченное число агентов: как правило, это семьи (жена, дети), родительская семья (чаще всего это мать осужденного), самые близкие друзья. Как правило, заключенные редко поддерживают отношения с соседями по дому или квартире [2, с. 68].

Целью данного исследования является определение роли женщин, оказывающих помощь осужденным мужчинам во время отбывания наказаний, в сетях социальной поддержки.

Методы: в исследовании использовались как общенаучные методы (анализ, системно-структурный подход к анализу объекта исследования), так и частнонаучный социологиче-

ский метод (полуформализованное интервью женщин, имеющих разные статусы по отношению к осужденным мужчинам – жена, подруга, невеста, мать).

Научная новизна заключается в том, что на основе результатов проведенного социологического исследования выполнено ранжирование средств поддержания связей между осужденным и женщиной, поддерживающей его, по степени востребованности в порядке убывания. Определена степень взаимности оказываемых видов поддержки в период отбывания наказания – психологическая, материальная, финансовая.

Результаты исследования как раскрывают степень эффективности предлагаемых законодателем средств поддержания социальных связей осужденных, так и позволяют детально рассмотреть развитие отношений между осужденным и женщиной, оказывающей ему помощь и поддержку, а также выявить роль и место социального работника пенитенциарного учреждения.

Следует отметить, что в российской научной литературе последних лет достаточно интенсивно обсуждались вопросы, связанные с развитием социальных связей и социальных сетей осужденных. Так, изучением вопросов о том, что есть социальные связи, каковы их свойства и структурные компоненты, занимались Л. Хахулина [3], П. Козлов [4], С.С. Новикова [5], М.Л. Репкин [6], А.В. Пищелко [7], Ю.М. Антонян [8], Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак [9], В.А. Елеонский [10], а также иностранные ученые – Г.Й. Шнайдер [11], Д. Крэсси [12].

Значение социальных связей в жизни осужденного изучают такие специалисты, как Е. Данилин [13], В.Б. Малинин [14], С.А. Ветошкин [15].

Организационные и правовые аспекты осуществления социальной работы изложены в Приказе Минюста РФ от 30.12.2005 года № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» [16] и Приказе Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» [17].

Описанием современных технологий по восстановлению, поддержанию и укреплению социально полезных связей занимаются группа исследователей под руководством Ю.И. Калинина [18], а также С.А. Лузгин [19], Ю.А. Алферов [20], В.Б. Левитин [21], Е.И. Холостова [22].

Особенность авторского исследования состоит в том, что впервые на основании данных, полученных с помощью полуформализованного интервью с женщинами, оказывающими поддержку осужденным в период отбывания наказаний, была дана расширенная характеристика конструкции социальных сетей, выяснено, на каких элементах строится система коммуникации между осужденным и внешним миром.

Основная часть

В фокусе исследования находятся отношения между осужденным и женщиной, поддерживающей его. Женщина в отношениях с осужденным может находиться в разных статусах: она может быть гражданской женой, подругой, любовницей, невестой, матерью его детей.

Отбор участников интервью осуществлялся методом снежного кома. В качестве интервьюируемых выступили женщины, состоящие в брачных отношениях с осужденными, а также подруги и невесты, помогающие «пережить» срок отбывания наказания (n=20). Стоит отметить, что в фокусе исследования только те женщины, которые намерены хотя бы в какой-то степени поддерживать и облегчать участь своих мужей, женихов, друзей.

В исследовании приняли участие женщины с разными биографическими и социальными обстоятельствами.

Взаимодействие с интервьюируемыми осуществлялось через интернет-коммуникацию (социальные сети и специализированные форумы). Количество обращений к женщинам, поддерживающим осужденных, составило 50, но многие из потенциальных интервьюируемых отказывались от участия в исследовании, мотивировав отказ тем, что не хотят, чтобы в их личную жизнь вторгались. Также при интервьюировании и в ряде случаев наблюдался уход от ответов на некоторые вопросы или прекращение интервью после ряда вопросов без объяснения причин. Поэтому полноценное участие в исследовании приняли 20 человек.

3 женщины состоят в официальном браке с осужденными, 13 подтвердили статус невесты и гражданской жены. 2 женщины отметили, что состоят с осужденными в дружеских отношениях. 2 интервьюируемые не определили свой статус в отношениях с осужденными.

«– В каких отношениях Вы состоите с осужденным?

– Сложно сказать. Любим друг друга, планируем быть вместе».

Сроки лишения свободы осужденных варьируются от 1.3 года до 10 лет. Согласно данным, предоставленным интервьюированными, 10 осужденных отбывают наказание на общем ре-

жиме, 7 – на строгом, 2 осужденных – на особом, и одна информантка не уверена в правильности ответа: *«Я в этом не сильна, но думаю, общий».*

На вопрос «Сколько лет Вы знакомы с осужденным?» 10 из 20 опрошенных не ответили. Исходя из данных, представленных другой половиной респондентов, можно утверждать, что в основном женщины, ждущие осужденных, знакомы с ними достаточно продолжительное время (16 лет, 10 лет, с детства).

Все интервьюируемые, за исключением двух, ждут осужденных с начала их отбывания наказания. Две женщины познакомились с осужденными уже во время отбывания наказания.

Контакт между женщинами и осужденными является плотным и частым – так ответили 15 респондентов; 5 человек сказали, что их общение редкое, но плотное. Полученные данные позволяют сделать вывод, что связь между агентами данных сетей достаточно близкая, прочная и плотная.

Перечислим востребованные средства в поддержании связи, согласно проведенному исследованию (по убыванию).

1. Интервьюируемые утверждали, что предпочтительным средством связи является **телефон (мобильная связь)**, но в условиях исправительного учреждения использование мобильной связи невозможно. Исходя из полученных результатов видно, что наблюдается противоречие между нормами закона и желанием поддерживать связь посредством мобильного телефона.

2. **Письма.** 16 опрошенных выделили письма как одну из основных форм поддержания связи. Несмотря на долгую доставку писем, иногда это определяющий источник информации об осужденном, способ поделиться фотографиями: *«Поддерживаем друг друга, фото шлём в письмах. Я очень жду их всегда».*

Каждая из интервьюируемых отправляла письма осужденному. Количество отправленных писем варьируется от 1 письма за период отбывания наказания до регулярного отправления 1 раз в неделю. В среднем респонденты отправляют по 2–5 писем осужденным за период с момента заключения.

В ходе исследования выяснилось, что с осужденными можно общаться с помощью услуги «ФСИН-письмо» – электронный способ общения. Интервьюируемые, что пользовались данной услугой, отмечают, что она очень полезна и удобна, так как письмо доходит за сутки, и если учесть особенности письменного общения с осужденными, находящимися в местах лишения свободы, это наиболее оптимальный ресурс, позволяющий получать информацию быстро и не очень дорого: *«Мы через Интернет письма отправляем, через ФСИН-письмо. Как напишу ему, на следующий день ответ. Это удобно».*

3. 12 опрошенных утверждают, что **посылки** – это важная составляющая отношений, символ заботы. Посылки и передачи отправляют как жены осужденных, так и подруги. В посылку обычно кладут следующее: чай, сигареты, фрукты, нательное белье, продукты быстрого приготовления, сладкое. Также 2 женщины утверждают, что клали в посылки лекарства для осужденных (*«Кладу чай, сигареты, лекарства»*). А другая опрошенная назвала одной из основных трудностей в поддержании связи именно невозможность отправлять лекарства.

Важно отметить, что почти все женщины перед отправкой посылки советовались с осужденными по поводу её содержимого: что можно класть, что необходимо, а что запрещено.

Частота отправки посылок и бандеролей зависит от режима отбывания наказания, как утверждают опрошенные женщины. В среднем женщины отправляют по 1–3 посылки каждые три месяца.

7 интервьюируемых ответили, что не помогают осужденным отправкой посылок потому, что сами осужденные запрещают им: *«Запрещает отправлять. Говорит, что в состоянии себя содержать и сам мне помогать».* Одна из интервьюируемых поделилась информацией о том, что не тратит на посылки своих денег, осужденный высылает на все необходимое: *«Я не трачу ни копейки, он мне помогает».*

4. **Свидания** также являются востребованным средством поддержания связи.

13 опрошенных женщин часто посещают осужденных, из них 4 – на краткосрочные свидания, 9 – на длительные.

На вопрос: «От чего зависит частота ваших встреч?» – большинство интервьюируемых отвечали (по убывающей):

1) от разрешения администрации и от вида режима (6 чел.);

2) от установленного графика посещений (4 чел.);

3) от моего желания (3 чел.);

4) ни от чего (2 чел.);

5) от наличия денежных средств (2 чел.);

6) от семейного статуса (3 чел.).

Информации о том, как проходят свидания, мало. Не все интервьюируемые согласились отвечать на вопрос об условиях, в которых проходят свидания. Одна из опрошенных рассказала, что краткосрочное свидание проходит через стекло, разговаривать можно через телефонный аппарат, но условия, как выяснилось, неблагоприятные для беседы: *«Ну он стоял за стеклом,*

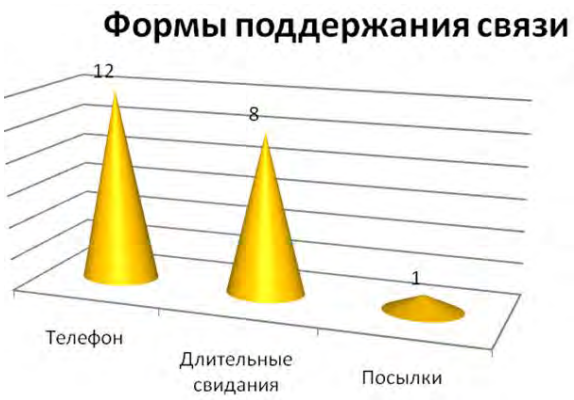


Рис. 1. Приоритетные формы поддержания связи

я сидела на скамейке, и общались через телефон, который еле как дышал, ничего не было слышно». Также не везде соблюдается время свиданий. Несколько опрошенных утверждали, что вместо положенных 4 часов им позволили пообщаться лишь 1 или 2 часа, уведя всех осужденных и не объяснив никаких причин: *«Мы проговорили 1 час, затем его увели. Так вышло… очень мало времени…»* (интервью № 14). Другая опрошенная уверяла, что 1 час – такое время отведено для краткосрочных свиданий: *«Везде по-разному! У нас положено короткое – час!»* (интервью № 16).

4 опрошенные утверждают, что ездят только на длительные свидания, потому что на краткосрочные ехать невыгодно финансово и приходится преодолевать большое расстояние ради 3–4 часов беседы: *«На короткое смысла не вижу – ради 3 часов беседы такой путь преодолеть!»*; *«Ну, конечно, охота было бы хотя б за руку подержаться, или ещё лучше – рядом посидеть, а не через телефон и стекло мучиться 4 часа, а после почти 3 часов один из осужденных захотел в туалет и их всех увели. И из положенных 4 часов мы получили только около 3»*.

Длительные свидания обычно составляют 3 суток, как утверждают все интервьюируемые, посещающие осужденных. Стоит отметить, что не всегда хватает комнат для длительных свиданий и приходится занимать очередь.

В среднем женщины посещают осужденных на длительные свидания 1 раз в три месяца, на краткосрочные – 1 раз в 3–4 месяца.

8 из 13 женщин ответили, что недовольны тем, как проходят свидания, и в связи с этим редко посещают. Основные причины, названные респондентами:

1) условия прохождения краткосрочных свиданий: через стекло, плохо работающий телефон, ничего не слышно;

2) мало времени на свидание, а затраты высокие;

3) сильные эмоциональные переживания после свидания, не отпускающие продолжительное время: *«Нет, мне не понравилось, сначала ты самый счастливый человек на свете, а потом мир рушится, когда едешь оттуда, то думаешь, что это никогда не закончится, и я думаю, что из-за 5 минут счастья я не готова потом ещё полгода чувствовать себя разбитой»* (интервью № 3);

4) недостаточное количество мест для длительных свиданий;

5) требуется большое количество денежных средств на проезд, питание и проживание;

6) слишком большое расстояние до исправительного учреждения.

Самые желаемые формы поддержания связи, удовлетворяющие интересам интервьюируемых, отражены на рис. 1.

Самой желанной формой поддержания связи является мобильный телефон. Респонденты назвали причины, по которым они сделали свой выбор:

1) возможность слышать и видеть осужденного в любое время суток (4 чел.);

2) переписка по СМС и в социальных сетях, позволяющая узнать о состоянии осужденного немедленно (1 чел.);

3) появляется иллюзия, что осужденный рядом, и женщина сильнее ощущает его поддержку, ей становится «легче» (3 чел.).

Возможность пообщаться вживую с осужденным, обнять и подержать его за руку у 5 опрошенных женщин является более предпочтительной, чем ежедневные разговоры по телефону (7 чел.).

Одна информантка не могла однозначно определиться с приоритетным способом общения со своим мужчиной. Ей подходят все из предложенных способов.

В основном женщины предпочитают переживать тактильные ощущения, возникающие при непосредственном контакте с другим человеком: *«Ну вот по телефону – это одно, а тут ты его ощущаешь, обнимаешь, целуешь, трогаешь, разговариваешь, держась за руки, и понимаешь, как сильно скучаешь по человеку, и в этот миг понимаешь, что вот он рядом, и забываешься, наслаждаясь им»*.

Одна интервьюируемая на 1-е место поставила посылки как необходимый способ поддержания связи. Она утверждает, что обойтись без такой помощи осужденным невозможно, им в условиях отбывания наказания очень тяжело и такая помощь с воли нужная.

Далее рассмотрим контакты интервьюируемых с другими членами сети осужденного.

Опрошенные поддерживают связь только с близкими родственниками осужденных: родите-

Рис. 2. Члены сети поддержки сужденного

лями, братьями и сестрами. Иногда с друзьями осужденных, но круг друзей, как правило, узкий, и контактируют они лишь по вопросам, касающимся состояния осужденного и необходимой помощи для него и интервьюируемой (рис. 2).

Важно отметить, что женщины, состоящие в семейно-брачных отношениях и ждущие осужденного из мест лишения свободы, поддерживают близкий и плотный контакт с родителями и сестрами осужденных, – так ответили большинство интервьюируемых.

Самая прочная связь, согласно полученным данным, наблюдается между интервьюируемой и родительской семьей осужденного, особенно с матерями и бабушками. Как правило, с их стороны идет сильнейшая эмоциональная поддержка как осужденного, так и ждущей его женщины: *«Я живу с ними (...). Свекровь поддерживает, говорит, что время быстро пролетит, что все хорошо будет»*.

В двух случаях сестры также являются достаточно близкими по отношению к интервьюируемой. Связь поддерживают с помощью звонков и осужденного: *«Поддерживает связь только с сестрой (...). Она живет в приемной семье. (...) Мы созваниваемся. Я помогаю ей морально»*.

Близкие родственники осужденного помогают интервьюируемым финансово: *«Его родители помогают деньгами на поездки к нему»*. Нередка и помощь от опрошенных родственникам, чаще сестрам.

Далее, респонденты выделяют друзей и товарищей осужденных, с которыми они поддерживают достаточно близкую связь, но не такую плотную, как с семьей и родными. Интервьюируемые утверждают, что друзья осужденных с воли помогают и им, и осужденным: *«По разным вопросам контактируем. Некоторые по работе помогают. Да и так просто видимся»*; *«Мы с другом оказываем финансовую поддержку сидельцу»*. Также взаимодействуют для обмена информацией об осужденном: *«С мамой очень хорошо общаюсь, с братом тоже, а с друзьями так, делюсь информацией»*.

Перейдем к следующему блоку – к вопросам о доверии и близости между интервьюируемыми и осужденными.

19 женщин утверждают, что близки с осужденными. Одна из них так истолковывает свою позицию относительно данного вопроса: *«Хочется верить! Ну что он может скрывать?! Что его ждёт кто-то ещё, да, этого я боюсь, говорит – нет, ему пишут, он отвечает – не больше»*.

Рассматривая связь в сети, которая имеет плотный, частый и близкий контакт, так или иначе заходит речь о доверии. Связь, характеризующаяся постоянством общения, наличием любовных чувств, оказанием поддержки и заботы, как правило, доверительная, агенты в ней доверяют друг другу.

17 опрошенных ответили, что между ними и осужденными есть доверие; 2 отметили, что доверяют и надеются, что осужденный доверяет им тоже. Одна женщина сказала, что доверяет на 90% из 100 – это означает неполное доверие:

Интервьюер: Вы доверяете ему?

Респондент: 90/100.

И: Как это понять?

Р: Доверяю, но не совсем.

Стоит отметить, что в некоторых случаях между интервьюируемыми и осужденными наблюдается конфликтность и контроль, осуществляемый, как правило, со стороны осужденного.

Иногда встречаются случаи, когда женщины сильно переживают долгое отсутствие партнера, подвергаются нервным срывам, и между партнерами бывают ссоры. На время ссор многие пары устраивают «перерыв» в отношениях, но обычно он не длится долго. Несмотря на временные сложности, женщины не покидают осужденных: *«Да, но бывают нервные срывы, мне даже разговаривать не хочется! Но все равно жду, люблю, помогаю»*.

Сети осужденных, согласно данным интервью, строятся на взаимной помощи и поддержке. По словам интервьюируемых, преобладает эмоционально-психологическая поддержка – 20 из 20 положительных ответов. На вопрос: «Каким образом поддерживаете?» – были даны следующие ответы:

1) словами и разговорами: *«Словами, чаще он поддерживает. Он моя опора!!! Это кажется, что человек далеко – и все, в чем-то руки связаны, но не во всем»*; *«Конечно, хоть на словах, но есть психологическая помощь. Он болеет часто, схуднул сильно, но говорит, благодаря тому, что мы его поддерживаем, он держится»*; *«Это заключается, в основном, в том, что я постоянно говорю ему, что жду,*

люблю и прочее, для него это очень важно, у него сразу появляется мотивация для того, чтобы там не натворить глупостей и выйти на свободу раньше времени»;

2) письмами: *«Пишу о том, как мне его не хватает, думаю, это бодрит и не заставляет думать о том, что я его уже не жду»*; *«Разговорами и письмами, успокаиваем друг друга, поддерживаем, что все будет хорошо»*;

3) советами: *«Советом, рекомендацией, добрым словом»*.

Многие опрошенные отмечали, что зачастую эмоционально и психологически поддерживают не они осужденных, а осужденные их: *«Он меня больше поддерживает, даёт понять, что всё это скоро кончится. Что у нас всё будет хорошо. Главное – верить»*.

Эмоционально-психологическая поддержка в данного рода связях очень важна. Интервьюируемые утверждают, что именно поддержка помогает осужденным пережить этот сложный период, не утратить веру в себя и в свое окружение, а также постараться выйти досрочно и не совершать преступных действий на территории исправительной колонии: *«Моя поддержка – сильный мотиватор для него»*.

На вопрос: «Присутствует ли материальная поддержка?» – 17 опрошенных ответили положительно.

Чаще всего материальную поддержку оказывают осужденные своей семье – так ответили 8 опрошенных женщин. 5 женщин утверждают, что они больше поддерживают осужденного материально. Другие 6 человек утверждают, что в основном поддерживают осужденного и его невесту/жену родители и друзья. И лишь одна женщина сказала, что и осужденный, и она сама помогают друг другу в равной степени.

Опрошенные отмечают оказание им помощи осужденными. Например, пополняют их банковский счет: *«Да, говорит, что парень должен содержать семью, но не наоборот»*; *«Да, он кидает денежку мне на карту, говорит, на свадьбу на воле, хотя я ему говорила, что не надо, так как я сама неплохо зарабатываю, но он и слушать не хочет»*.

Перейдем к анализу заключительного блока гайда – трудности, возникающие в поддержании связи.

Согласно полученным данным, существуют ограничения при использовании тех или иных форм поддержания связи:

1) невозможность созваниваться по мобильному телефону;

2) временны*е* ограничения на телефонные разговоры;

3) ограничения по содержимому посылки: нельзя передавать лекарства и другие необходимые осужденному предметы и продукты (*«Ограничение посылок: нельзя передавать почти ничего... Ни лекарства, ни продуктов нормальных. Им же там тоже не дают все витамины»*);

4) территориальная удаленность и вследствие этого затруднения в посещении осужденного (*«На свидания не езжу, мы за 2000 км друг от друга в данный момент»*);

5) соотношение жизненных обстоятельств и графика посещений (*«Свидания по графику – это тяжело. Не можешь поехать в любое время»*);

6) трудность в доказательстве связи с осужденным: для того чтобы поехать на длительное свидание, мужчина-осужденный и женщина должны пожениться, что не всегда удобно для пары (*«И, конечно же, хотелось бы, чтоб давали длительные свидания всем, кто есть в деле, а не только родственникам»*).

На вопрос: «Что бы хотелось изменить?» – опрошенные определили 5 направлений: 8 опрошенных хотели бы иметь возможность чаще видеться с осужденными; 6 чел. предпочли бы телефонный разговор; условия содержания осужденных и содержимое посылок хотели бы изменить 2 женщины; 4 опрошенные утверждают, что ничего бы не хотели менять и улучшать в поддержании и развитии связи, они довольны той ситуацией, в которой находятся.

Группа социальной защиты осужденных, исходя из данных интервью, никак не содействует в развитии связей опрошенных женщин. Более того, большинство интервьюируемых даже не знали о существовании такой службы и о её функциях и задавали вопросы интервьюеру о её полномочиях и о спектре решаемых задач.

Итак, проведенное социологическое исследование показало, что связи жён/невест/подруг в сети социальной поддержки осужденных имеют следующие характерные черты.

– Плотность связей: связи в сети осужденных плотные, контакт с агентами частый исходя из имеющихся возможностей.

– Мультиплексность: исходя из полученных данных, можно утверждать, что связи в сетях социальной поддержки осужденных мультиплексны. Агенты оказывают материальную, финансовую, информационную и эмоционально-психологическую поддержку осужденным. Особое внимание многие интервьюируемые уделяли эмоциональной поддержке. По их мнению, поддержка женщин с воли – сильнейший мотиватор для осужденных стремиться к хорошему поведению как внутри учреждения, так и на воле.

– Взаимность: связи в сетях социальной поддержки осужденных характеризуются высокой степенью взаимности, особенно этот факт отражается при рассмотрении финансовой по-

мощи женщинам и семьям. 8 осужденных систематически оказывают финансовую поддержку своим близким. Несмотря на отказ женщин от помощи, они все равно стремятся их поддержать. Эмоционально-психологическая поддержка от осужденных – тоже не редкий случай. Несколько интервьюируемых утверждают, что чаще всего именно осужденные стараются поддержать и успокоить женщину.

– Прочность: связи в сети очень прочные. О данном факте свидетельствуют положительные ответы опрошенных на вопросы о близости и доверии – 19 респондентов считают, что близки с осужденными и полностью им доверяют.

Как известно, ни одна интервьюируемая не обращалась за помощью к специалисту по социальной работе для развития связи или оказания какого-либо вида помощи именно потому, что не знали о группе социальной защиты осужденных и о её функциях.

В заключение следует отметить, что сети социальной поддержки осужденных действительно характеризуются небольшим размером, высокой плотностью, а также в них присутствует обмен эмоциональной, материальной и финансовой поддержкой. Женщина в этих сетях выполняет роль коммуникационного звена (канала) между заключенным и внешним миром. Она является своеобразным маяком, смыслом, ориентиром, к которому тянется осужденный, строя планы на будущее и ответственно организуя свою повседневную жизнь.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федера-ции до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения: 08.05.2019).

2. Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных / Под ред. Е.Л. Омельченко, Дж. Пэллот. СПб.: Алетейя, 2015.

3. Хахулина Л. Человек в системе социальных связей // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 1. С. 39–49.

4. Козлов П. В центре внимания социальные вопросы // Преступление и наказание. 2004. № 9. С. 14–17.

5. Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. 464 с.

6. Репкин М.Л. Местный правопорядок как модель социально-коммуникационных связей // Философия социальных коммуникаций. 2007. № 3. С. 35–45.

7. Пищелко А.В., Детков М.Г. Психолого-педагогические основы организации самовоспитания осужденных. Домодедово, 1999. 42 с.

8. Наказание и исправление преступников: Пособие / Под ред. проф. Ю.М. Антоняна: М.: НИИ МВД РФ, 1992. 392 с.

9. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 681 с.

10. Елеонский В.А. Отношение осужденных к наказанию. Рязань, 1976. 200 с.

11. Шнайдер Г.Й. Криминология / Пер. с нем.; под ред. Л.О. Иванова (предисл.); пер.: Ю.А. Неподаев. М.: Прогресс-Универс, 1994. 625 с.

12. Крэсси Д. Развитие теории. Теория дифференцированной связи // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сб. ст.: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. С. 88–105.

13. Данилин Е. Ресоциализация осужденных в колониях-поселениях в процессе совместного проживания с семьей // Ведомости УИС. 2003. № 7. С. 30–35.

14. Малинин В.Б. Уголовно-исполнительное право: Курс лекций / Юридический институт (Санкт-Петербург). Учеб. изд. СПб.: Изд-во Юридического института, 2004. 267 с.

15. Ветошкин С.А., Жарков И.Д. Социально-педагогические условия воспитательной работы в пенитенциарном учреждении: Учебн.-метод. пособие. Екатеринбург, 1999. 369 с.

16. Приказ от 30.12.2005 № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132556 (дата обращения: 12.03.2014).

17. Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 года № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=62844 (дата обращения: 03.03.2015).

18. Кузнецов М.И., Лузгин С.А., Казанцев В.Н. и др. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. 2-е изд., испр. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 355 с.

19. Лузгин С.А. Центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными как отечественная модель организации их исправления и ресоциализации в исправительных колониях: Учеб. пособие. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2004. 188 с.

20. Алферов Ю.А., Петков В.П., Соловьев В.П. Социальная адаптация освобождаемых из мест лишения свободы: Учеб. пособие. Домодедово, 1992. 366 с.

21. Левитин В.Б. Организационно-правовые основы трудоустройства лиц, освобожденных от уголовного наказания в виде лишения свободы: Лекция. М.: Всесоюз. юрид. заоч. шк. МВД РФ, 1992. С. 24–30.

22. Социальная работа: теория и практика / Под ред. Е.И. Холостовой, А.С. Сорвиной. М., 2002. 258 с.

THE ROLE OF WOMEN IN THE NETWORK OF SOCIAL SUPPORT FOR CONVICTED MEN

D.A. Shpilev, A.A. Eremeeva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article presents the results of a study on the role of a woman in the life of a convicted person during the serving of a sentence in places of detention. The study involved 20 women in different cities of Russia: Nizhny Novgorod, Moscow, Novosibirsk, St. Petersburg, Krasnodar, Vladivostok, and others. The focus of the study is only on women who intend to support and alleviate, at least to some extent, the plight of their husbands, grooms and friends. One of the methods for this stage of the research was a semi-formalized interview with women who have different statuses in relation to convicted men - wife, girlfriend, bride, and mother. The results of the study reveal the extent to which the means proposed by the legislator for maintaining the social ties of convicted persons are effective. These results also make it possible to examine in detail the development of relations between a convicted person and a woman who provides assistance and support, and to identify the role and place of the social worker at the penitentiary.

Keywords: convicts, women, wives, brides, mothers, social work, social connections, social support networks, prison.

УДК 316

ТЕМА АДЮЛЬТЕРА В ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСАХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© 2019 г. ***И.А. Григорьева, М.В. Валешнев, В.Р. Кравцова, К.В. Свечинская***

Григорьева Ирина Андреевна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры теории и практики социальной работы
Санкт-Петербургского государственного университета
soc28@yandex.ru
Валешнев Михаил Викторович, магистр кафедры теории и практики социальной работы
Санкт-Петербургского государственного университета
goodman007ok@gmail.com
Кравцова Виктория Руслановна, магистр кафедры социальной антропологии
Санкт-Петербургского государственного университета
viktoriya.kravt2010@yandex.ru
Свечинская Кристина Владимировна, бакалавр кафедры прикладной информатики в социологии
Санкт-Петербургского государственного университета
krissvechka@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.05.2019
Статья принята к публикации 22.10.2019

Рассматривается отношение партнеров/супругов к изменам и способы получения помощи в такой ситуации. Дан обзор современных взглядов на семью и измену. Представлены результаты эмпирического исследования. Данные получены с помощью метода интернет-социологии, а именно – анализа запросов с помощью сервиса подбора слов «Яндекс wordstat». Проанализирована 221 уникальная формулировка запросов, сумма показов в месяц для всех формулировок запросов составляет 8615913. В исследовании обозначены особенности формулирования поисковых запросов пользователями. Определены гендерные различия при поиске информации на тему измен. Выявлена заинтересованность акторов в информации о помощи в ситуации адюльтера, о способах совершения измен, а также возможности выявления измены партнера. Приведена и проанализирована статистическая информация по всем поисковым запросам на тему измен.

Ключевые слова: семья; измена; адюльтер; брак; отношения.

В современном российском обществе старейший социальный институт – семья, с одной стороны, сохраняет свое значение, с другой – быстро трансформируется, что вызывает постоянные дискуссии о путях его развития. Неоднозначные в социальном смысле социальные изменения для каждого отдельного индивида могли быть связаны с накоплением позитивных результатов. Так, У. Бек отмечает: «…если в 50-е и 60-е гг. на вопрос: «Какую цель Вы преследуете в жизни?» – люди четко и ясно отвечали в категориях «счастливой семейной жизни»: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, то к началу 90-х гг. многие заговорили на другом языке — по необходимости неопределенном – о «самоосуществлении», «поисках идентичности», «развитии личных способностей» [1, с. 143].

На наш взгляд, говорить о кризисе современной российской семьи по крайней мере нет оснований, так как семья всегда была меняющимся социальным организмом, адаптирующимся к социальной реальности. Довольно подробно о несбывшихся прогнозах развития «социалистической семьи» в направлении одной, правильной формы писал известный социолог С.И. Голод. Он отмечал, что «можно утверждать, что, несмотря на негативно оцениваемое обыденным (и отчасти научным) сознанием умножение числа разводов, раздельных проживаний супругов, нелегитимных сексуальных контактов, снижение уровня рождаемости и т.п., незыблемость института семьи, в принципе, ни один аналитик не ставит под сомнение. Проблема вот в чем: какую модель (форму) он примет?» [2, с. 108].

Отметим, что процессы семейных изменений происходят во всех развитых странах мира, о чем подробно пишут З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов [3] и Н.Ю. Егорова [4]. Правда, некоторые авторы оценивают ситуацию панически [5], с чем мы не согласны, и в статье развиваем аргументацию, связанную с постоянными историческими изменениями семейных отношений. Даже если же говорить о таких манифестированных изменениях, как снижение рождаемости и быстрое старение населения, то они характерны и для среднеразвитых, и развивающихся

Таблица

Динамика браков и разводов в России в 2002–2017 гг. (данные за 2017 г. – последние) [6]

Годы	Браки	Разводы	На 1000 человек населения	
			Браков	Разводов
2002	1019762	853647	7.1	5.9
2007	1262500	685910	8.9	4.8
2010	1215066	639321	8.5	4.5
2015	1161068	611646	7.9	4.2
2017	1049735	611436	7.1	4.2

стран. И если негативные изменения связывать с либерализацией, начавшейся в 1990-х гг., или, как любят это называть моралисты, с кризисом семьи и падением нравов, то статистика не дает для этого достаточных оснований.

Например, динамика браков и разводов за последние 5–6 лет (табл.).

Как видно из данных Госкомитета по статистике, число разводов даже больше половины от заключенных браков. Одной из важных причин разводов сегодня, да и всегда, является супружеская неверность [7, 8], отношение к которой стало более терпимым после сексуальной революции 1960-х гг., хотя «двойные стандарты» все же сохраняются. В.Ф. Анурин установил, что современные мужчины по-прежнему считают адюльтер привилегией для собственного пола, измену в целом они оценивают положительно. Большую нетерпимость к нарушению брачной верности женщин проявили молодые люди (15–24 лет), не имеющие опыта семейной жизни. Женщины, в свою очередь, за измену строже судят мужчин, однако сравнялись с ними в выборе периодически сменяемого полового партнера и в появлении случайных интимных связей [9, с. 91].

Как отмечал социолог С.И. Голод, «революция, как хорошо известно, провозгласила полное раскрепощение эроса, представив сексуальность как автономную (от брака и прокреации) сферу неограниченного поиска. Революция, специально подчеркну, в значительной мере преобразила судьбу женщин. Экономически самостоятельная, социально независимая женщина свободнее определяет свою сексуальную идентичность, стиль жизни и эротические предпочтения. На этот счет на Западе имеется широкая гамма публикаций: от А. Кинзи до У. Мастерса, от П. Сорокина до Э. Гидденса. Автономизация сексуальности и ее последствия не обошли стороной и Россию» [10]. Отечественная литература по обсуждаемой проблеме до сих пор не столь богата, поэтому нас заинтересовала возможность собрать новый полевой материал, причем не опросный, а с использованием возможностей, которые дают интернет-исследования.

С.И. Голод в своих работах подтвердил, что в современной семье «сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, акцентируемый как важный элемент постмодернистской семьи» [11, с. 53]. Но эротизм и сексуальность, естественно, могут выплескиваться за границы семьи и результироваться в супружеских изменах: «…в научном плане становится все более очевидным, что явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах, вскрытые во второй половине XX столетия, уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонения от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых трансформационных сдвигов в самом институте семьи» [12, с. 73].

Вот в этом моменте можно отметить неточность столь авторитетного и толерантного исследователя, как С.И. Голод. Если углубиться в историю вопроса, то мы увидим, что вариативность семейных отношений существовала задолго до второй половины XX столетия. Так, Ю.Л. Бессмертный отмечает, что «в применении к западноевропейскому средневековью своеобразие восприятия брака и семьи ныне общепризнано, по крайней мере, для периода, предшествующего массовой христианизации». Дальше он подробно описывает существовавшие разнообразные формы брака и сожительств, параллельных браку, прав на наследство детей, рожденных в этих внебрачных формах и т.п. Но, начиная с XII в. церковь постепенно добивалась и добилась унификации форм брака и четкого отделения правильных форм от тех, которые не одобрялись [13, с. 98–99]. Роль ортодоксальной православной церкви в упорядочивании семейно-брачных отношений мало отличается от роли католической церкви.

Сегодня, с одной стороны, возобновился интерес к венчанию и церковному признанию брака. А с другой – множится число разнообразных вариаций и способов построения семейной жизни. Так, в условиях развития разнообразных систем слежения и геолокации получить информацию о неверности одного из супругов или партнеров стало достаточно легко. В то же время нет никаких ос-

нований думать, что люди не ценят уже сложившиеся отношения и хотят их разорвать из-за мимолетных измен.

Адюльтер, по определению, которое дают О.С. Васильева и И.Н. Хмарук, традиционно рассматривается общественным сознанием «как один из ведущих дезинтегрирующих факторов семьи, представляющий максимальную угрозу для целостности брачного союза и разрушающий её глубинную основу – супружеское взаимодействие» [14, с. 8]. Близкая точка зрения у А.Б. Синельникова и О.В. Дорохиной [15]. Много пишут о стрессе измены и развода психологи и психотерапевты. Х. Пезешкиан тоже отмечает, что для «обманутого» партнера измена супруга является сильнейшей психотравмой, провоцирующей наряду с психогенными депрессиями и аутодеструктивным поведением (от алкоголизации до суицидальных попыток) возникновение выраженных агрессивных тенденций по отношению к «неверному» партнеру. Для людей с эпилептическим типом личности ревность, оскорбленное чувство собственного достоинства и уязвленное самолюбие являются уже «необходимым и достаточным» основанием для применения любых средств «восстановления попранной справедливости», от физического воздействия вплоть до убийства – примеров из уголовной практики более чем достаточно [16]. А ревность, по данным А. Нохурова, приводит к «особо высокому риску совершения тяжелых противоправных действий» [17, с. 222].

И в то же время сегодня моногамная семья и отношения в ней перестают быть судьбой, перестают быть безусловным, хотя и социально одобряемым, сценарием. Сейчас, в современном обществе, интимные взаимоотношения между людьми становятся одним из жизненных проектов, который может реализоваться по-разному. Сами акторы этих отношений пересматривают границы и ставят под сомнение тот опыт, который им предписывается обществом.

А.Я. Перехов и В.Н. Думбай отмечают, что готовность к измене – это уже сформировавшаяся предрасположенность одного из супругов к измене, как бы её предвосхищение. Структурные компоненты готовности можно определить общими закономерностями формирования личности человека. Структура включает следующие элементы: когнитивный (когнитивно-мотивационный), эмоциональный и личностный [18, с. 142]. Эти авторы рассматривают содержательную основу указанных компонентов. Достаточно часто супруги сами понимают различные причины и последствия измены.

В то же время набор определенных личностных качеств, переживаний, чувств и эмоций у супругов может служить провокатором возможности возникновения измены. Таким образом, мы исходим из того, что наличие измены или измен не обязательно ведет к разрушению брака. Однако сам факт измены партнера является сильнейшей психотравмой, как отмечено выше, и зачастую делает ситуацию кризиса, связанного с супружеской или партнерской изменой, неразрешимой без профессиональной помощи психолога или психотерапевта.

И.С. Кон еще в своей работе 2004 г. отмечал: «…о многих вопросах, касающихся сексуальности и сексуального здоровья, можно узнать в интернете» [19, с. 380], а с тех пор Интернет превратился в намного более значимую часть жизни современного человека, где ищутся и находятся ответы на любые вопросы, от бытовых до экзистенциальных.

Исследовательский вопрос нашей статьи связан с выяснением того, какую помощь, где или у кого хотят получить пользователи Интернета, которые оставляют записи на данную тему. Гипотетически современные люди должны обращаться либо к психологу, либо к специалисту по работе с семьей. Либо, в духе времени, искать помощь и советы в Интернете.

Методы исследования

Для исследования мы воспользовались сервисом подбора слов «Яндекс wordstat». Подбор слов (wordstat) — это сервис, который помогает получить информацию о запросах пользователей «Яндекса». Например, он позволяет узнать, сколько людей в месяц ищут ту или иную фразу, отражающую ваш интерес, и посмотреть запросы, похожие по смыслу на вашу фразу. Наш выбор обусловлен тем, что в случае анкетирования социолог так или иначе привносит в изучаемый предмет свое понимание, а записи в пространстве Интернета никем не редактируются, носят спонтанный характер и отражают реальные, хотя слабо структурированные, представления о характере ситуации самой аудитории.

Термин «группа» мы используем только для систематизации материала, он не связан и не может отражать социально-демографические или статусные характеристики виртуальных «авторов» или, тем более, отражать характеристики каких-либо реально или номинально существующих социальных групп.

Очень удобно, что сервис показывает не только конкретно сформулированные запросы, но и похожие по смыслу. А значит, можно предположить, что, сформулировав все более или менее очевидные вариации запросов в разных смыслах, контекстах и коннотациях, мы

можем получить практически все, что искали люди на заданную тему.

И мы отправились формулировать запросы и переносить в таблицу полученные результаты. Все самые популярные запросы, с миллионами и сотнями тысяч показов в месяц – это поиск порнографии с тематикой измен. Есть одноименные фильмы и сериалы, которые часто ищут. Ни порнография, ни кинематограф нас в контексте данного исследования не интересовали, поэтому все запросы, которые очевидно указывали на принадлежность к этим темам, например «порно измена», «фильм измена», «измены смотреть», «скрытая съемка измены» и т.п., мы сразу отбросили и не вносили в таблицу результатов.

Все остальное собрали, отсортировали по частоте запросов, очистили от дублей. И получили 221 уникальный запрос, с количеством показов в месяц от 4 до 3419964. Сразу бросилось в глаза, что самое интересное для нас, а именно попытки людей узнать, что им делать в случае измены партнера, или найти советы и помощь специалиста, находится далеко от начала списка. Первый запрос с поиском помощи профильного специалиста – только на 54-м месте. Дальше было решено начать объединять схожие по смыслу и цели запросы, чтобы проанализировать полученные данные и сделать выводы.

Результаты и дискуссия

Первая группа, которую мы выделили, – «Поиск помощи при изменах». Сюда относились все запросы, в которых люди пытались выяснить, что им делать в случае измены партнера. Например: «как простить измену», «как пережить измену», «прощать ли измену мужа», «стоит ли прощать измену», «психолог, как пережить измену» и т.п. Забегая вперед – данная группа оказалась самой объемной по количеству разнообразных запросов (около 113). А значит, первоначальное предположение о том, что помощь при изменах люди ищут намного реже, чем все остальное, попало под сомнения.

Вторая выделенная группа – «Как изменить партнеру». И в ней собраны запросы, в которых отражено желание людей узнать, как лучше и безопаснее (в том смысле, чтобы партнер об этом не узнал) совершить акт адюльтера. А также запросы, в которых люди в будущем времени пытаются узнать, простит ли партнер измену. Например: «изменяем мужу», «изменяем жене», «простит ли парень измену», «простит ли любимый измену». И несмотря на то что формулировок запросов в этой категории немного, всего 11, значительное количество показов в месяц говорит о популярности темы.

А если самостоятельно ввести подобные запросы в поисковик, то по первым ссылкам можно найти подробные статьи-инструкции «как изменить жене» или «как изменить мужу» [20, 21]. Авторы этих статей, во-первых, всегда начинают с обоснования мотивации желания совершить измену, объяснения того, что ситуации и семейные проблемы бывают разные и подобное поведение может быть допустимо. А в некоторых случаях пишут о том, что это и вовсе единственный возможный и правильный вариант действий в проблемных отношениях. Далее, во всех исследуемых статьях следует подробное объяснение того, что искомое увлечение ни в коем случае не должно ставить под угрозу существующие отношения или брак, а к изменам стоит относиться исключительно как к удовлетворению сексуальных потребностей. Следовательно, по рекомендациям, указанным в интернет-публикациях, с будущим сексуальным партнером, с которым планируется совершение измены, нельзя создавать близких эмоциональных связей, а при первых признаках чувства любви и влюбленности у вас или партнера надо немедленно рвать возникшую связь. В противном случае это может привести к угрозе разрушения основных отношений. Авторы пишут, что очень плохим выбором сексуального партнера будут коллеги по работе, хорошо и близко знакомые люди, общие знакомые или родственники вашего постоянного партнера. Указанные выше пункты отражены во всех исследуемых материалах, что говорит об их универсальности. Далее обычно следуют различные советы и рекомендации в зависимости от пола человека, находящегося в поиске информации. Об одежде, времени, деньгах, запахах, способах безопасной переписки и звонков любовникам, особенностях вербальных и невербальных реакций, которые могут вас выдать.

Следующая выделенная группа – «Как уличить в измене». Здесь сгруппированы запросы, в которых люди пытаются узнать, изменяет ли им партнер, а также как доказать, что партнер изменяет. Например: «изменяет ли жена», «как понять, что муж изменяет», «как понять, что тебе изменяют», «уличить жену в измене, помощь». Формулировок запросов в этой группе – 48, а количество показов сигнализирует о популярности подобной информации.

Как и в предыдущем случае, если самостоятельно перейти по этим запросам, то можно найти множество инструкций вроде «Как по трусам определить, что жена изменяет?» или «10 признаков того, что мужчина вам изменяет» [22]. Однако тут, в отличие от инструкций по «правильному адюльтеру», универсальных ре-

комендаций нет. Авторы публикаций фокусируются на различных аспектах и в целом рекомендуют обращать внимание на изменения психоэмоционального состояния партнера, а также пытаться ловить его на лжи, несоответствии фактов, ошибках в поведении.

В дальнейшей группировке на этом этапе исследователи столкнулись с трудностями в классификации и обозначении значительного ряда запросов. Получилось следующее.

Такие запросы, как «изменяет», «измена жены», «изменить жене», «жена изменила», «жена изменяет с другом». Подобных формулировок получилось около 15, однако суммарно показов в месяц – более 7.5 млн. Изначально не получилось выделить конкретную цель, которую могли преследовать люди, формулирующие запросы. Проанализировав результаты, которые выдает поисковик по этим запросам, мы делаем предположение, что пользователи могли не знать, каким образом сформулировать запрос. А сами результаты либо были абсолютно разрозненны, либо относились к поиску тематической порнографии. Подобное может происходить по причине недостаточного опыта в использовании поисковиков, непонимания того, как лучше и точнее формулировать запросы, чтобы получать нужный результат. Мы также сделали предположение о том, что подобные запросы могут быть сформулированы взрослыми и пожилыми людьми, а не молодежью. Для подтверждения гипотезы мы использовали возможность «Яндекс Вордстат» разделять запросы, сделанные на десктопных и мобильных устройствах, поскольку есть исследования, подтверждающие, что пожилые люди чаще пользуются настольными (десктопными) компьютерами, а молодежь – мобильными устройствами. Однако количество запросов с мобильных и десктопных устройств оказалось примерно равным, с незначительным перевесом (менее 1%) в пользу десктопных. Таким образом, убедительно подтвердить или опровергнуть гипотезу не представляется возможным.

Следующая неклассифицированная группа запросов достаточно разрозненна и выглядит как констатация факта, например «после измены», «цена измены», «про измену жены», «супружеская измена», «никогда не прощайте измен» [23]. Сюда было отнесено и около 15 формулировок с суммой показов около 150 тысяч. Специфика формулировок запросов не позволяет определить конкретную цель поиска или отнести их к какой-либо конкретной группе.

Последняя выделенная на этом этапе группа была обозначена как «другое». В ней были подобные запросы: «мужчина простил измену», «простила измену парню», «не смогла простить измену», «не смог простить измену», а также «простит ли Скорпион измену», «измена Телец простит ли», «прощает ли Дева измену». Около 10 запросов, количество показов в месяц – незначительное. У части этих запросов можно понять и выделить искомую цель, однако и самих формулировок, и показов в месяц получилось слишком мало, чтобы создавать отдельные группы, а группировка ответов по знакам зодиака не представляет для нас интереса в контексте исследования.

Далее мы разбили полученные группы на меньшие. Получилось 4 основных кластера и 6 вторичных.

1. «Можно ли простить измену»

Данная группа запросов появилась в результате разделения надгруппы «Поиск помощи при измене». В нее вошли запросы с вопросительной коннотацией, в которых люди пытаются понять, возможно ли в принципе простить измену партнера, а также стоит ли это делать. В группу вошли 74 формулировки запросов. Суммарно 28820 просмотров в месяц; 6161 просмотр в месяц относится к вопросам про измену мужа или парня; 4358 просмотров в месяц относятся к вопросам про измену жены или девушки; 18301 не идентифицированы по полу; 2009 просмотров содержали запрос на помощь психолога; 8 просмотров – на помощь священника.

2. «Как справиться с изменой?»

Данная группа появилась в результате разделения надгруппы «Поиск помощи при измене», и в нее попали все запросы, в которых люди целенаправленно ищут помощь, советы, рекомендации при изменах. В группу вошли 34 формулировки запросов. Суммарно 35843 просмотра в месяц; 13347 просмотров в месяц относится к вопросам про измену мужа или парня; 1857 – про измену жены или девушки; 20639 не идентифицированы по полу; 5543 просмотра содержали запрос на помощь психолога.

3. «Как понять, что изменяют?»

Данная группа запросов не претерпела изменений на данном этапе, поскольку мы считаем результат конечным и самодостаточным; изменилось лишь название. В эту группу попали запросы, в которых люди ищут признаки измены партнера, а также способы уличить партнера в измене. В группу вошли 48 формулировок запросов. Суммарно 28678 просмотров в месяц; 10831 просмотр в месяц относится к вопросам про измену мужа или парня; 14415 – про измену жены или девушки; 3432 не идентифицированы по полу. 140 просмотров содержат в формулировке словосочетание «как уличить» по отно-

шению к женщинам. По отношению к мужчинам сформулированы только запросы «Как понять, что изменяет?», что говорит о сохраняющемся или проявляющемся гендерном неравенстве. 108 просмотров касаются установления факта измены на расстоянии.

4. «Как изменить партнеру?»

Данная группа запросов не претерпела изменений на этом этапе. В эту группу попали запросы, в которых люди ищут советы и инструкции по совершению будущей измены. В группу вошли 6 формулировок запросов. Суммарно 659872 просмотра в месяц; 382062 (57.9%) просмотра в месяц относятся к вопросам про измену мужу или парню; 277693 (42.08%) – про измену жене или девушке; 117 просмотров не идентифицированы по полу.

5. Вторичные кластеры

Следующие 6 кластеров нельзя классифицировать либо ввиду специфики формулировки запросов, либо из-за того, что они слишком малы для анализа или не представляют интереса в контексте данного исследования.

Статистические подсчеты

Сумма показов в месяц для всех формулировок запросов – 8615913, всего формулировок запросов – 221. Сумма показов в месяц для основных кластеров – 753213, формулировок запросов – 163. Сумма показов в месяц для вторичных кластеров – 7862700, формулировок запросов – 47. Получается, что вторичные, непроанализированные показы занимают 91.26% от всего объема собранной информации, а проанализировали мы 8.74% показов. Однако 7547722 показов – а это 95.99% от суммы показов вторичных кластеров – и 87.6% от вообще всех показов – это показы всего по 9 формулировкам запросов из вторичных кластеров. Эти формулировки являются слишком общими для анализа и выделения их в отдельные группы. Мы считаем, что подобный феномен появился за счет того, что большинство людей не знают, как формулировать поисковые запросы для получения конкретных результатов, либо не знают, как это сделать в конкретной ситуации. И введя общий, неконкретный запрос, далее используют формулировки, которые предлагает поисковая система, либо, не найдя искомого, самостоятельно уточняют цель поиска.

Чаще всего люди ищут «как изменить партнеру» (87.61%). Из них 57.9% женщины и 42.08% мужчины. Лишь 0.02% запросов не идентифицированы по полу.

Второе место занимают запросы из группы «как справиться с изменой?» (в целом 4.76%). Из них 5.18% запросов касаются измены мужчины и 37.24% измены женщины, а 57.58% запросов не идентифицированы по полу. При этом помощь психолога люди ищут в 15.46% случаев.

На третьем месте запросы «можно ли простить измену» (всего 3.83%). Из них 21.38% запросов касаются измены мужчины и 15.12% измены женщины, 63.5% запросов не идентифицированы по полу. При этом помощь психолога люди ищут в 0.3% случаев.

Четвертое место с незначительным отрывом занимает группа «как понять, что изменяют?» (3.81%). Из них 37.77% запросов касаются измены мужчины и 50.27% измены женщины. 11.97% запросов не идентифицированы по полу. «Как уличить» – 0.49% запросов, и ищут их только в отношении женщин, а узнать об изменах на расстоянии хотят в 0.38% случаев.

Выводы

1. В большинстве случаев люди испытывают трудности с формулировкой конкретных поисковых запросов по своей проблеме, используя лишь ключевые слова.

2. Значительно чаще люди ищут не помощи и поддержки, чтобы пережить измену партнера, а инструкции и рекомендации по совершению измен.

3. Женщины заметно чаще прибегают к помощи Интернета в вопросах, связанных с адюльтером, чем мужчины. Исключение составляют лишь вопросы «Как понять, что мой партнер изменяет?». Эта тема больше волнует мужчин.

4. В вопросах «как справиться с изменой» и «можно ли вообще простить измену партнера» пользователи поисковых систем не придают значения гендеру партнера, совершившего измену, подобные запросы не дифференцированы по половой принадлежности. Однако когда речь заходит про совершение измен или их выявление, люди ищут особенности для конкретной гендерной принадлежности.

5. Советы конкретных специалистов, например психологов, интересуют людей не чаще, чем в 15% случаев. В остальном ищут общие рекомендации.

6. В случаях поиска помощи при изменах люди используют множество различных формулировок. Чуть меньше различий в вопросах выявления измен. А в случае поиска инструкций по совершению прелюбодеяний пользователи всегда выбирают одни и те же формулировки. Возможно, это связано с тем, что люди испытывают значительно больший стресс в случае измены партнера, что приводит к трудностям в формулировании своей проблемы.

Обсуждение проблем личной жизни, которые раньше было принято скрывать, сегодня является достаточно обыденным делом. Измены перестали быть биографической катастрофой для многих.

По данным этого исследования, помощь психолога нужна совсем небольшому числу оставивших записи. При этом сама по себе ситуация не кажется такой, которую нельзя обсуждать с широким кругом участников. Первые итоги вызвали у исследователей смешанные чувства. С одной стороны, тема, безусловно, популярная. Но с другой – мы искали в первую очередь сообщения про то, как люди хотят справиться с изменой, пережить измену, сохранить отношения. А выяснили, что тема измен является крайне популярной сексуальной фантазией. Впрочем, согласимся с З.Х. Саралиевой и С.С. Балабановым, что «количество вопросов, на которые авторы хотели получить ответ, только выросло по мере погружения в эту актуальную для каждого человека тему» [3, с. 89].

Ясно, что единственный брак в жизни уходит в прошлое. Собственно, время, когда он был возможен, было коротким. Всегда прежде женщины вдовели, потому что мужчины погибали на военной службе, а мужчины – поскольку высока была женская смертность в родах. Поэтому мало кому удавалось прожить всю жизнь в одном браке. Отношение к неверности также менялось, периоды терпимости сменялись большей жесткостью и наоборот. Во всяком случае, ответ на вопрос «стоит ли прощать измену» обусловлен не только индивидуальными особенностями партнеров или супругов, но и культурно-историческим контекстом и, очевидно, изменчив [24, 25]. В современной ситуации мы не видим ничего экстраординарного, однако ее нужно продолжать изучать с помощью новых возможностей Интернета.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М., 2001. С. 141–143.

2. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.

3. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 84–89.

4. Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 17–32.

5. Антонов А.И. Современная семья: два взгляда на одну проблему // Семья в России. 1999. № 1–2. С. 30–40.

6. Демография. Браки и разводы. Динамика браков и разводов в России в 2002–2017 гг. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 22.04.2019).

7. Кочеткова Т.Н. Социальные представления о допустимости измены в контексте гендерных отношений // Интернет-журнал «Мир науки» 2017. Т. 5. № 1. URL: http://mir-nauki.com/PDF/05PSMN117.pdf (доступ свободный).

8. Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.

9. Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 88–95.

10. Голод С.И. Сексуальная эмансипация женщин и проблема другого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 2. С. 104–114.

11. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. 230 с.

12. Голод С.И. Сексуальное поведение и субкультурная дифференциация полов // XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996. С. 72–97.

13. Бессмертный Ю.Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв. // В сб.: Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и культуре. М.: Наука, 1999. С. 98–114.

14. Васильева О.С., Хмарук И.Н. Супружеская измена как предмет социально-психологического исследования // Прикладная психология. 1999. № 2. С. 7–11.

15. Синельников А.Б., Дорохина О.В. Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных социальных норм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. №3. С. 21–28.

16. Пезешкиан Х. Основы позитивной психотерапии. Изд-во Архангельского медицинского института, 1993. 116 с.

17. Нохуров А. Нарушения сексуального поведения. М.: Медицина, 1988. 240 с.

18. Перехов А.Я., Думбай В.Н. Семейно-сексуальные гармонии и дисгармонии. Ростов н/Д, 2007. 142 с.

19. Кон И.С. Сексуальность, возраст и брак / Сексология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Academia, 2004. 386 с.

20. Как правильно изменять жене. Советы начинающим. URL: https://shakkar.livejournal.com/41472.html (дата обращения: 20.04.2019).

21. Ходим налево с умом – как изменять мужу, чтобы он не догадался. URL: https://womsay.ru/otnoshenija/semya/hodim-nalevo-s-umom-kak-izmenyat-muzhu-chtoby-on-ne-dogadalsya (дата обращения: 20.04.2019).

22. Как узнать, изменяет ли жена, по трусам – Признаки измены? URL: https://obizmenah.ru/muzhu/kak-uznat-izmenyaet-li-zhena-po-trusam-priznaki-izmeny.html (дата обращения: 20.04.2019).

23. Стоит ли прощать измену? 6 решающих факторов. URL: https://www.b17.ru/article/109149/ (дата обращения: 20.04.2019).

24. Конина М.А., Холмогорова А.Б., Сорокова М.Г. Феномен неограниченного сексуального поведения в современном обществе: патологические тенденции культуры или патология личности? // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 2 (81). С. 88–118.

25. Меренков А.В., Мустаева Ф.А., Полякова В.В. Самоопределение семьи как социокультурное явление // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 35–43.

THE TOPIC OF ADULTERY IN INTERNET SEARCH QUERIES

I.A. Grigoryeva, M.V. Valeshnev, V.R. Kravtsova, K.V. Svechinskaya

St. Petersburg State University

The main focus of the study is both spouses' and partners' attitude toward the adultery and the means of getting help in these situations. The article provides an examination of the modern views on family and the phenomenon of adultery. We present the results of the empirical research, where the data was obtained via methods of internet sociology, specifically through analysis of web search queries using Wordstat Yandex service. We have analyzed 221 unique search queries, while the number of impressions per month for all queries was 8615913. The study identifies the features of creating search query terms by users, defines gender differences while searching for information about the topic of adultery. It also defines an actor's general interest in the information: in searching for help, for methods of committing adultery and a possibility of identifying a partner's adultery. The study contains the results of our analysis of statistical information for all the web search queries on the topic of adultery.

Keywords: family, adultery, marriage, relationships.

УДК 316

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© 2019 г.

Н.А. Птицына, Е.К. Маркова

Птицына Наталья Алексеевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры социальной работы
Ивановского государственного университета
napticyna@yandex.ru
Маркова Елена Константиновна, к.психол.н.; доцент кафедры психологии
Ивановского государственного университета
marcova2003@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.06.2019
Статья принята к публикации 10.10.2019

Рассматриваются особенности межличностного взаимодействия в контексте «руководитель – подчиненный» в конфликтных ситуациях, возникающих в деятельности учреждений региональной системы социального обслуживания населения. На основе анализа данных эмпирического исследования охарактеризованы основные причины конфликтов (реакция на изменения условий и оплаты труда, увеличение функциональной нагрузки; конфликты, обусловленные социально-психологическими и личностными особенностями сотрудников, а также спецификой восприятия руководителя подчиненными). Установлено, что, в целом, руководители отдают предпочтение рациональным способам урегулирования конфликтов. Выявлены гендерные особенности поведения в конфликтных ситуациях: руководителям-мужчинам свойственны варианты агрессивного вербального и невербального поведения, руководителям-женщинам – аутоагрессия. Мужчины чаще прибегают к санкционированию, реже – к компромиссу; женщины – уклоняются от конфликта или сотрудничают с оппонентами. Делаются выводы о том, что учет гендерных особенностей поведения руководителей в конфликтных ситуациях позволяет разработать более эффективные подходы к формированию мотивации у руководящего состава разного уровня к успешному освоению психологической грамотности. Особое внимание уделяется необходимости повышения уровня коммуникативной культуры руководителей, обеспечивающей снижение конфликтности в трудовых коллективах и оптимизирующей деятельность учреждений социального обслуживания населения.

Ключевые слова: причины и способы разрешения конфликтов, профессиональная деятельность, руководители, коммуникативная культура.

Введение

В ходе профессиональной деятельности руководителю социальной организации приходится неоднократно сталкиваться с конфликтными ситуациями. Несмотря на то что каждый руководитель располагает определенным (более или менее успешным) опытом, он далеко не всегда способен преодолеть возникшие противоречия и разрешить и/или предотвратить конфликт в трудовом коллективе.

Обзор научных материалов по теме показывает, что рассматриваемая проблема носит междисциплинарный характер, а в связи с многоплановостью и сложностью данного общественного феномена в специальной литературе до сих пор не сложилось однозначного представления о содержании понятия, типологии конфликтов. В последние десятилетия наблюдается рост интереса отечественных и зарубежных исследователей, работающих на стыке различных областей знания, к изучению специфики межличностного взаимодействия в конфликтных ситуациях [1–7]. Предметом научного анализа выступают и гендерные особенности поведения в области социально-трудовых отношений: построение теоретических моделей проявления гендерных аспектов [8], выявление специфики поведения мужчин и женщин – представителей отдельных профессиональных групп [9, 10].

В деятельность системы социальной защиты и социального обслуживания населения вносит существенные изменения внедрение профессиональных стандартов, что сопровождается определенными трудностями. Повышаются требования, предъявляемые к уровню квалификации руководителя организации социального обслуживания, наличию у него практического опыта работы на руководящих должностях в системе социальной защиты населения и др. Вместе с тем до сих пор не разработаны механизмы правового регулирования взаимодействия системы профессионального образования

и рынка труда, не созданы условия для повышения качества обслуживания населения посредством повышения уровня подготовки кадрового состава отрасли и др. [11, с. 19–20].

Решение задачи по расширению доступности социальных услуг для населения и повышению их качества возможно при условии эффективной деятельности организаций социального обслуживания, обеспечение которой во многом зависит как от уровня квалификации руководителей, так и от их профессионально-личностного развития [12, 13].

В связи с этим тема предупреждения и эффективного разрешения конфликтов носит актуальный характер. Большую практическую значимость приобретает обучение руководителей социальных учреждений стратегиям урегулирования конфликтов в ходе профессиональной деятельности. При этом следует учитывать особенности личностного поведения в конфликтных ситуациях, а также выбор способов их разрешения.

В целях изучения готовности руководителей социальных учреждений к расширению практического опыта разрешения и/или предупреждения конфликтов, а также разработки и апробации конфликтологического тренинга проведено эмпирическое исследование.

Методы исследования

Методологической основой исследования является типология поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килманна [14]. Основные положения статьи базируются на эмпирическом материале, полученном в ходе проведения интерактивного семинара, состоявшегося в рамках дополнительной профессиональной образовательной программы (программы повышения квалификации) «Управление в сфере социальной защиты населения» (г. Иваново, филиал РАНХиГС, декабрь 2015 г.), а также обучающего тренинга. В семинаре приняли участие 19 человек – руководящий состав учреждений региональной системы социального обслуживания населения. В обучающем тренинге – 15 руководителей, проявивших интерес к освоению нового опыта разрешения конфликтных ситуаций (из них 10 – руководители-женщины; 5 – руководители-мужчины). Превалирование женщин среди руководителей социальных учреждений отражает специфику кадрового состава, характерного как для региона, так и для отрасли в целом.

В качестве методов исследования использовались опрос, беседы с участниками семинара, анализ документов, а также полуформализованное интервью.

В ходе проведения исследования предполагалось выяснить основные причины конфликтов, возникающих в практической деятельности руководителей учреждений социального обслуживания населения; изучить гендерные аспекты поведения управленцев в конфликтных ситуациях; выявить основные способы урегулирования конфликтов, предпочитаемые руководителями.

Результаты и их обсуждение

Основную часть участников семинара составили женщины в возрасте от 45 до 59 лет, состоящие в браке, опыт работы которых на руководящих должностях варьирует от двух до девятнадцати лет.

Диапазон общения руководителей организаций социального обслуживания достаточно широк: с одной стороны – клиенты, с другой – представители структур власти, с третьей – коллеги, носители других профессий (работники здравоохранения, педагоги и др.). Соответственно, руководителю приходится разрешать конфликты, возникающие на разных уровнях.

Рассмотрим более подробно конфликты в трудовом коллективе в контексте «руководитель – сотрудники».

Причины возникновения конфликтов

Подавляющее большинство участников семинара считают, что в рамках профессиональной деятельности доминируют конфликты, в основе которых лежат разногласия между работодателем и работником (например, реакция на изменения условий и оплаты труда, увеличение функциональной нагрузки), а также конфликты, обусловленные социально-психологическими и личностными особенностями сотрудников. Приведем ряд примеров конфликтных ситуаций.

Из структурного подразделения центра социального обслуживания населения одновременно увольняются две сотрудницы: одна – по семейным обстоятельствам (у дочери, проживающей в другом городе, родился ребенок, потребовалась помощь бабушки), другая – по состоянию здоровья. В целях поддержания режима работы учреждения руководитель перераспределяет нагрузку среди сотрудников. У социальных работников объем работы существенно увеличился. Сотрудница С. не соглашается выполнять обязанности даже при наличии дополнительной оплаты.

В социальном учреждении проводятся ремонтные работы. В центр доставлены строительные материалы, которые необходимо разгрузить. Грузчик заболел, а водитель отказался участвовать в разгрузке стройматериалов. Д. –

директор центра (женщина пенсионного возраста) обратилась к сотрудникам с просьбой оказать помощь в разгрузке (в коллективе работают одни женщины). А. – женщина 30 лет категорично заявила, что в ее обязанности такая работа не входит и она «не намерена гробить свое здоровье». Другие сотрудники поддержали А., демонстративно отказавшись выполнять эту работу. Только П. (сотрудница пенсионного возраста) вместе с директором в течение нескольких часов разгружала стройматериалы.

Менее распространены конфликты, вызванные особенностями восприятия руководителя сотрудником и спровоцированные недостаточным уровнем профессиональной подготовки сторон, отсутствием у них коммуникативной грамотности.

В комплексный центр социального обслуживания населения назначен новый руководитель-мужчина. П. – заместитель прежнего руководителя негативно воспринял это событие. Являясь неформальным лидером, П. оказывает деструктивное влияние на мнение коллектива о новом руководителе (отрицательно отзывается о его деятельности, создает интриги, распространяет слухи), что ухудшает социально-психологическую атмосферу в коллективе и подрывает авторитет вновь назначенного директора, а также снижает работоспособность коллектива.

Р. – выпускница колледжа, поступила на работу в учреждение социального обслуживания. Появляется на работе в вычурной одежде с вечерним макияжем. Руководитель указал на несоответствие стиля одежды и занимаемой должности. В ответ Р. заявила: «Как хочу, так и хожу. Какое Ваше дело?».

Причем как руководители-женщины, так и руководители-мужчины отметили, что им чаще приходится участвовать в межличностных конфликтах, чем в групповых и межгрупповых. Вместе с тем руководители-мужчины чаще становятся участниками конфликтов, обусловленных уровнем их профессиональной подготовки («размытость» границ ответственности, несформированность навыков работы в команде, недостаток знаний в области психологии конфликта, отсутствие профильного образования). А руководители-женщины значительно чаще, чем мужчины, участвуют в конфликтах, вызванных социально-психологическими особенностями сторон (эмоциональная неустойчивость с элементами ранимости, обидчивости, гипертрофированное чувство вины, повышенная ответственность), спецификой восприятия руководителя сотрудниками (стереотипизация, предубеждение).

Участники конфликта, как правило, испытывают негативные эмоции (чаще всего это обида, гнев, ненависть, отчаяние, вина). Руководители-женщины отмечают наличие обиды, возникновение злости и проявление гнева, ухудшение самочувствия. Мужчины менее эмоционально реагируют на конфликты, однако у них повышается тревожность, когда ставится под сомнение статус или репутация.

Очевидно, что комплекс негативных эмоций, испытываемых руководителями, провоцирует развитие у них стрессовой реакции. Определенный уровень стрессовой нагрузки может побудить руководителя к оперативным действиям, а чрезмерный стресс демобилизует личность, создавая психологические проблемы и для самого индивида, и для профессионального коллектива в целом. Находясь под влиянием социальных запретов, не каждый руководитель может себе позволить эмоционально отреагировать на конфликтную ситуацию. В связи с этим последствия стресса могут проявиться в снижении работоспособности, демотивации профессиональной деятельности, ухудшении социально-психологического климата, а также затрудняют принятие управленческих решений.

Особенности поведения руководителей в конфликтных ситуациях

В ходе исследования выявлено, что варианты агрессивного вербального и невербального поведения в большей мере характерны для руководителей-мужчин (ненормативная лексика, выраженная жестикуляция с элементами угрозы, мимика, пантомимика).

Приведем фрагмент из интервью.

Во время конфликта с сотрудницей случайно увидел свое отражение в зеркале. Выражение лица было угрюмым и злым, внушающим ужас... Сам себя испугался…Потребовалось время, чтобы привести себя в порядок (М., 53 года).

Мужчины в большей мере ориентированы на достижение результата, важное значение придают мнению вышестоящего руководства, поэтому не уделяют должного внимания поведению конфликтующих сторон или своих оппонентов (если являются участниками конфликта), а сосредотачивают свои усилия на предмете спора. Соответственно, мужчинам быстрее, чем женщинам, удается справляться с эмоциональным напряжением (например, путем переключения с одного вида деятельности на другой или посредством употребления алкоголя).

Руководители-женщины эмоционально глубоко вовлекаются в конфликтную ситуацию, поэтому им сложнее сохранить объективность и адекватно разобраться в происшедшем, они чаще теряют контроль над ситуацией и принима-

ют спонтанные решения. Кроме того, женщинам свойственны проявление аутоагрессии (отчаяние в состоянии жертвы, булимия), а также повышенная тревожность (ощущение собственной профессиональной несостоятельности, психосоматические жалобы).

Приведем несколько примеров.

Как начинаю вспоминать об одном из конфликтов, произошедшем месяц назад, начинаю задыхаться. Не могу успокоиться без таблетки… (Ж., 55 лет);

После эпизода с разгрузкой строительных материалов долго не могла прийти в себя. Ощущалось не только физическое недомогание, но и душевный дискомфорт. Почувствовала разницу в ценностях, ответственности за порученное дело… Между поколениями образовалась существенная дистанция… (Ж., 58 лет).

Нередко встречаются случаи, когда руководители-женщины переносят конфликтность в сферу семейных отношений:

После ссоры с заместителем долго переживала. Не могла дать волю эмоциям на работе, а дома не сдержалась. Попало всем домочадцам подряд, даже кошке (Ж., 49 лет).

Наблюдения показывают, что на состояние эмоциональной сферы женщины также оказывают существенное влияние физиологические (изменение гормонального статуса в определенные периоды жизни) и возрастные особенности (возрастные кризисы).

Способы разрешения конфликтов

Две трети руководителей (половина из которых – мужчины) полагают, что во вверенных им трудовых коллективах царит благоприятная атмосфера, а конфликты происходят довольно редко. Менее трети управленцев (женщины) указали на наличие существующих разногласий в коллективах, что, по их мнению, не позволяет назвать социально-психологический климат положительным. Оптимизм руководителей-мужчин в оценке социально-психологического климата в трудовом коллективе можно объяснить тем, что они, по сравнению с женщинами, меньше внимания уделяют психологической обстановке в учреждении, не всегда ощущают нарастание напряжения во взаимоотношениях с сотрудниками, не замечают конфликтов до тех пор, пока сами не становятся их участниками. Руководители-женщины проявляют большее внимание к персоналу, интересуются проблемами и потребностями подчиненных, поэтому быстрее реагируют на изменения в отношениях с сотрудниками, активнее вовлекаются в конфликты.

В ходе исследования установлено, что руководители социальных учреждений в конфликтных ситуациях предпочитают использовать такие способы, как разрешение конфликта посредством принятия компромиссного решения, уклонение от конфликта, применение санкций (соперничество), сотрудничество. В целом же предпочтение отдается способам, отличающимся рациональностью.

В ходе обсуждения выявлено, что в практической деятельности руководители-мужчины чаще прибегают к санкционированию (опираясь на нормативно-правовую базу и апеллируя к вышестоящему руководству). Они готовы отстаивать собственную точку зрения и «сражаться с оппонентом до конца». Значительно реже руководители-мужчины проявляют готовность принять компромиссное решение. Наиболее приемлемыми способами разрешения конфликтов для руководителей-женщин являются уклонение от конфликта и сотрудничество. Женщины в большей мере склонны проявлять эмпатию к окружающим людям. Крайне редко ими движет агрессия.

Вместе с тем в ходе проведения обучающего тренинга небольшая часть руководителей-женщин продемонстрировали рациональный стиль поведения (целенаправленно следовали достижению поставленной цели, не учитывали мнения подчиненных), что объясняется рядом обстоятельств: наличием продолжительного стажа работы на руководящих должностях, низким уровнем коммуникативной толерантности, ориентацией на собственные интересы и др.

На основе анализа полученных данных была разработана программа обучающего тренинга, цель которого – освоение руководителями способов разрешения и предупреждения конфликтов, возникающих в профессиональной деятельности. В ходе тренинга рассматривались как теоретические, так и практические вопросы конфликтологии. Внимание было сфокусировано на изучении причин и последствий конфликтов, действий руководителя в конфликтных ситуациях, выявлении типичных ошибок и поведенческих стереотипов. Применялись различные технологии групповой работы (ролевые и деловые игры; мозговой штурм; дискуссия и др.). Практические задания основывались на материале опыта субъективного переживания конфликтных ситуаций участниками тренинга. Уделялось внимание саморефлексии участников с глубинным осознанием мотивов своего поведения, а также формированию коммуникативной культуры, предполагающей освоение конструктивного стиля поведения в конфликте (сотрудничество через применение переговорной тактики). Подчеркивалась необходимость сохранения деловых отношений со всеми участниками конфликта после его завершения;

изучались возможности использования конфликтной ситуации для выявления проблем в организации рабочего процесса с целью его оптимизации.

Руководители о полученном опыте

В процессе обучения важное значение имеет получение ответной реакции слушателей. Наличие «обратной связи» позволяет не только обменяться впечатлениями и/или выявить отношение к обучению, но и внести необходимые изменения в содержание курса, дополнить или расширить отдельные темы. По окончании спецкурса изучено мнение всех руководителей – участников тематического семинара и тренинга. Отрицательных отзывов не встретилось, а из положительных в качестве примеров приведем наиболее содержательные.

Самое главное, чтобы люди не замыкались в одиночестве, решая свои проблемы. Часто бывает так: прошла проверка у коллег, результаты не обсуждаются. А нам важно понять, что неправильно делаем, необходимо анализировать результаты. В ходе обучения у нас была возможность обсудить в группе наиболее острые проблемные ситуации, возникающие в нашей практической работе. Важно совместно обсудить проблему и найти пути ее решения (М., 46 лет, руководитель, стаж работы – 4 года);

Курс обучения считаю полезным. В ходе тренинга рассматривались различные ситуации. Коллеги рассказывали о проблемах, возникающих в профессиональной деятельности, делились личным опытом предупреждения и разрешения конфликтов. В некоторых ситуациях я бы поступила определенным образом, а послушав коллег задумалась…Обмен опытом – это необходимое условие для совершенствования навыков профессионального взаимодействия и…(думает) *формирования благоприятной социально-психологической атмосферы в коллективе. Постоянное эмоциональное напряжение, которое испытывает руководитель, приводит к стрессу. Ухудшается самочувствие, снижается работоспособность… Приходится прикладывать много усилий для восстановления, поэтому тема предупреждения эмоционального выгорания также заслуживает внимания…* (Ж., 36 лет, стаж работы на руководящей должности – 7 лет);

Занятия были полезны. Знания будем применять. Конфликт – составляющая нашей работы. Приходится сталкиваться на разных уровнях. Именно практика для нас важна (Ж., 44 года, стаж работы в должности руководителя – 8 лет);

У меня обучение вызвало большой интерес. Часто сталкиваешься в практической работе с конфликтами. Не всегда знаешь, как нужно поступить… Сомневаешься в правильности принятого решения… Занятия в группе очень полезны: одна голова – хорошо, а несколько – лучше…. Обсуждение конфликтов вызвало у меня большой интерес, поскольку я получила новый практический опыт. Для меня представляет ценность саморазвитие, поэтому я и получила второе высшее образование в университете по профилю своей работы. В профессиональной деятельности применяю знания, полученные в университете. Тематика данного курса имеет большое практическое значение, поскольку я приобрела навыки эффективного взаимодействия в конфликтных ситуациях. Хотела бы продолжить обучение в данном направлении… (Ж., 51 год, стаж работы – 11 лет);

Полезный семинар, особенно тренинг. Эта тема острая. Появилась возможность обсудить проблемы. Какие-то знания есть, но полученные навыки, конечно, пригодятся. Обсуждение в группе имеет особое значение. Мне кажется, что в группе руководителей мы даже откровеннее обсуждаем имеющиеся проблемы. Понимаем, что всем руководителям приходится сталкиваться с конфликтами, поэтому, работая в группе, у нас появляется смелость, большая открытость… Вскрываются самые острые проблемы…

Хотелось бы поговорить и об эмоциональном выгорании. Руководитель постоянно находится в состоянии стресса. Не хватает времени для себя самого… Нужно учиться «сбрасывать» эмоциональное напряжение… И еще нужно обсуждать проблему имиджа и статуса профессии. Я люблю свою профессию, тружусь в системе социальной защиты более четверти века. Конечно, со временем мнение в обществе о социальной работе меняется. Но нужно понимать, как научить сотрудников ценить свою работу, чтобы поднимать престиж профессии. Этому тоже надо учиться… (Ж., 55 лет, стаж работы – 19 лет).

Руководители – участники семинара и тренинга обозначили ряд тем для дальнейшего обучения: профилактика стрессов и профессиональной деформации, формирование благоприятного социально-психологического климата в трудовом коллективе, становление имиджа и статуса профессии.

По итогам семинара участникам был предложен комплект учебно-методических материалов, включающий практические рекомендации по разрешению и предупреждению конфликтов в коллективе.

Выводы

1. В целом руководители социальных организаций проявили готовность к расширению

практического опыта разрешения и/или предупреждения конфликтных ситуаций, наиболее активными оказались женщины, более критично оценившие социально-психологический климат в вверенных им трудовых коллективах.

2. В ходе исследования выявлены сходства и различия в поведении руководителей в конфликтных ситуациях.

Женщины, по сравнению с мужчинами, проявляют больший интерес к потребностям персонала, поэтому быстрее реагируют на изменения во взаимоотношениях с сотрудниками и чаще вовлекаются в конфликты. Мужчины, как правило, не замечают конфликтов до тех пор, пока сами не становятся их участниками.

Руководители, вне зависимости от пола, испытывают негативные эмоции, вызванные стрессом, связанным с конфликтной ситуацией. Палитра негативных эмоций у женщин значительно разнообразнее: от обиды до аутоагрессии. Мужчины менее эмоциональны в конфликте, но склонны к проявлению агрессии, если чувствуют угрозу своему положению или репутации.

Мужчинам оперативнее, чем женщинам, удается справляться с негативными эмоциями. Женщинам сложнее преодолеть эмоциональное напряжение и адекватно разобраться в происшедшем, они чаще теряют контроль над ситуацией, принимая спонтанные решения. Вместе с тем руководители-женщины стремятся преодолеть конфликт путем объединения с оппонентами, создания условий для сотрудничества, а также проявляют готовность обратиться к специалистам за психологической помощью.

Руководители, как правило, стремятся разрешать конфликты посредством компромисса, уклонения от конфликта, применения санкций (соперничество), сотрудничества. При этом мужчины часто прибегают к санкционированию, редко – к компромиссу (в случаях, когда становится неизбежным вмешательство вышестоящих органов). Женщины предпочитают уклоняться от конфликта или прибегать к сотрудничеству с оппонентами.

3. Демонстрация руководителями-женщинами рационального стиля поведения (целенаправленное следование достижению результата, игнорирование мнений подчиненных, неконтролируемое поведение, подкрепленное властными полномочиями и др.) обусловлена продолжительностью стажа работы на руководящих должностях, ориентацией на собственные интересы, низким уровнем коммуникативной толерантности и культуры и др.

На основе полученных выводов сформулирован ряд предложений.

1. В целях повышения эффективности деятельности учреждений социального обслуживания, обеспечивающей качество предоставления услуг населению, руководителям необходимо повышать уровень коммуникативной культуры путем освоения новых тактических способов разрешения и предупреждения конфликтов.

2. Учет гендерных особенностей поведения руководителей в конфликтных ситуациях позволит разработать более эффективные подходы к организации обучения, дифференцировать комплексы учебно-методического обеспечения, а также формировать мотивацию у руководящего состава разного уровня к более успешному освоению психологической и коммуникативной грамотности в рамках дополнительных образовательных программ.

3. Для предотвращения профессионального выгорания необходимо организовать социально-психологическое сопровождение профессиональной деятельности руководителей социальных организаций, включающее оказание индивидуальной психологической помощи, проведение тематических семинаров и обучающих тренингов.

Список литературы

1. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // СОЦИС. 1993. № 8. С. 12–21.

2. Белинская А.Б. Социальные технологии урегулирования конфликтов: Монография. М.: Прометей, 2000. 220 с.

3. Мельников О.Н., Ларионов В.Г. Управление трудовыми конфликтами // Российское предпринимательство. 2003. Т. 4. № 5. С. 50–54. URL: https:// creativeconomy.ru/lib/954 (дата обращения: 27.02.2019).

4. Обозов Н.Н. Психология конфликта. Издательство ЛНПП «Облик», 2009. 48 с.

5. Denis A., Kalekin-Fishman D. (eds) The ISA Handbook in Contemporary Sociology: Conflict, Competition, Cooperation. London, New Delhi, Singapore, Thousand Oaks, CA: Sage, 2009. 504 p.

6. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2010. 544 с.

7. Щербаков И.Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. Ч. 1. URL: http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610 (дата обращения: 27.02.2019).

8. Евенко С.Л. Теоретическая модель проявления гендерных особенностей межличностных конфликтов в организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 99–102. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/4910 (дата обращения: 25.02.2019).

9. Латипова А.Р., Шабанов Л.В. Гендерные особенности стилей поведения в условиях социально-трудовых конфликтов // Молодой ученый. 2015. № 6. С. 765–767. URL: https://moluch.ru/archive/86/16255/ (дата обращения: 27.02.2019).

10. Макарова С.Н. Гендерные особенности поведения мужчин и женщин-менеджеров в организационных конфликтах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2018. № 3 (26). С. 86–90. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-povedeniya-muzhchini-zhenschinmenedzherov-v-organizatsionnyh-konfliktah (дата обращения: 25.03.2019).

11. Забродин Ю.М., Рубцов В.В. Апробация, внедрение и применение профессиональных стандартов при решении задач образования и социальной сферы: этапы и перспективы // Межведомственные модели оказания социальных и образовательных услуг и практика апробации и применения профессиональных стандартов работников образования и социальной сферы. URL: http://psyjournals.ru/professional_standarts/issue/ (дата обращения: 27.02.2019).

12. Аллахвердова О.В. Паттерны коммуникации в конфликте и профессиональная компетентность социальных работников // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 3. С. 83–90.

13. Калмыкова О.Ю., Гагаринская Г.П. Управление конфликтами в организации и профилактика профессионального стресса работников // Вестник Самарского государственного технического университета. 2013. № 1 (7). С. 120–130.

14. Kilmann R.H., Thomas K.W. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict-Handling Behavior: The «MODE» Instrument // Educational and Psychological Measurement. 1977. Vol. 37. #2. P. 309–325. URL: http://kilmanndiagnostics.com/developing-forced-choice-measure-conflict-handling-behavior-mode-instrument (дата обращения: 05.05.2019).

WAYS OF SOLVING CONFLICT SITUATIONS IN PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SOCIAL SERVICE DEPARTMENT MANAGERS: THE GENDER ASPECT

N.A. Ptitsyna, E.K. Markova

Ivanovo State University

The article examines some peculiarities of interpersonal interaction in the context of «manager-employee» relations in conflict situations taking place in social service organizations at a regional level. The main reasons of such conflicts (changes in pay and working conditions, increase of workload, personal and socio-psychological characteristics of employees, specific features of the perception of their manager by employees) are characterized. The findings are based on an empirical study. According to the authors, managers in general tend to prefer the so-called rational ways of conflict settlement. Particular attention is given to the gender aspect of behavior in conflict situations: male managers are more likely to make use of aggressive verbal and nonverbal behavior whereas female managers tend to refer to self-aggression. Men are more likely to resort to sanctioning than to measures leading to some kind of compromise. The authors show that in case of women the situation is directly opposite. The majority of women managers are more likely to avoid getting into direct conflicts and seek to meet their opponents halfway. Taking the gender aspect into consideration makes it possible to develop more effective approaches to motivate the management at all levels to be psychologically more flexible and understanding. The authors emphasize the need to improve the communicative culture level of management which will contribute to decreasing the number of conflicts and enhancing the efficiency of social service.

Keywords: ways and means of conflict resolution, professional activities, managers, communicative culture.

УДК 316.624

ПРИМЕНЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ПРОФИЛАКТИКЕ АГРЕССИИ И ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

© 2019 г.

И.А. Мухаметзарипов, М.Р. Гибадуллина

Мухаметзарипов Ильшат Амирович, к.и.н.; заместитель начальника по науке
Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
muhametzaripov@mail.ru
Гибадуллина Миляуша Рустамовна, аспирант, научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан
g.milya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2019
Статья принята к публикации 29.10.2019

Обозначаются особенности визуальных материалов, направленных на профилактику терроризма, экстремизма и иных негативных явлений. Сегодня не только террористические группы, но и в целом радикально настроенные течения (например, крайние националисты или НРД), ведут разностороннюю пропаганду в молодежной среде. Актуализируется необходимость использования современных технологий для распространения альтернативной информации среди молодежи, которая бы не «рекламировала» радикализм, агрессию, негативные проявления, а содержала позитивные ценности и «правильные» стратегии поведения для детей и молодежи. Анализируется опыт зарубежных и отечественных проектов по профилактике. Особое место уделяется визуальным материалам как эффективному инструменту идеологической работы и способу подачи информации для современной молодежи, отличающейся «клиповым мышлением», воспитанной и живущей в рамках «экранной культуры». Необходимо вести целенаправленную работу по созданию и распространению позитивного контента. Молодежное информационное поле нуждается в насыщении грамотно поданными визуальными материалами. В современной российской интернет-культуре имеется потенциал для создания контента для контрпропаганды, направленной против терроризма, экстремизма и агрессии. Например, издательство комиксов «Bubble Comics» и комикс-проект «РЕСПЕКТ 2.0» ориентированы на визуальные каналы восприятия информации и учитывают современные интересы молодежи.

Ключевые слова: молодежь, пропаганда, контрпропаганда, ценности, позитивный контент, визуальные материалы, комикс, постер, инфографика.

Введение

В современном мире все актуальнее становятся вопросы профилактики радикализма и экстремизма. Общественная напряженность возрастает, особенно резонансными становятся ситуации с участием детей и молодых людей (групповые нападения подростков [1], расстрелы и взрывы в школах [2], детские суициды [3], убийства [4]). Подобные ситуации получают широкое распространение в информационном поле благодаря социальным сетям. Это способствует популяризации подобных стратегий поведения и повышает уровень тревожности населения. Перед государством и обществом стоят острые проблемы не только содержания программ профилактики, но и выработки эффективных методов и способов воздействия.

Профилактика нацелена на молодежь, чье мировоззрение не до конца сформировано и легко подвергается чужому влиянию. В сочетании с юношеским максимализмом это может привести к радикализации и применению насилия к окружающим. В работах психологов отмечается, что современная молодежь в процессе поиска идентификации попадает под влияние радикальных идеологий из-за социальных и психологических факторов, обусловленных недостатками молодежной политики, накапливаемой агрессивностью, потерей ориентиров, деформацией сознания [5].

Одной из серьезных проблем современного урбанизированного многомиллионного общества является его атомизированность и анонимность. Нуклеарные семьи, часто неполные в результате разводов, не всегда способны дать сбалансированное воспитание детям. Нередко такие семьи испытывают материальную нужду, им не хватает ресурсов для удовлетворения психоэмоциональных потребностей. Образовательные же учреждения переходят в режим «оказания образовательных услуг», на учителей и преподавателей все больше возлагаются административные, бюрократические функции,

показатели эффективной работы определяются цифрами, а не качеством воспитательной работы.

Современная цивилизация порождает множество различных негативных явлений в молодежной среде: антигуманность, снижение этических, нравственных критериев. Глобальное информационное поле широко освещает негативные тенденции: жестокость, нетерпимость к сверстникам, людям иных национальностей, вероисповеданий, убеждений, социального положения. Под влиянием социальных, политических, экономических факторов в молодежной среде у наиболее подверженных деструктивному влиянию лиц легче формируются радикальные взгляды и убеждения. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала.

Анализ статистических данных Генеральной прокуратуры РФ за 2017 г. показывает, что на территории РФ около 40% преступлений, совершаемых мужчинами, приходится на лиц в возрасте до 30 лет. У женщин число преступлений в указанной возрастной группе несколько ниже – около 31%, что тоже существенно [6]. В 2018 г. МВД РФ зафиксирован рост количества несовершеннолетних, вовлеченных в антиобщественные действия или преступления (+8.3%), в том числе связанные с преступной группой либо с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления, а также преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (+9.8%) [7]. Навязываемая радикальными группами система взглядов является привлекательной для молодых людей в силу простоты и однозначности своих постулатов, обещаний незамедлительного получения «результата» от своих, пусть и агрессивных, действий. Необходимость личного участия в сложном и кропотливом процессе экономического и социального развития подменяется примитивными призывами к полному разрушению существующих устоев и замене их утопическими проектами. Для решения этой задачи, в том числе в молодежной среде, необходимо создать самовоспроизводящуюся систему идей, субъектов-носителей и каналов их распространения, которая сможет автономно от государства способствовать формированию позитивного общественного сознания, исключающего саму возможность использования насилия для достижения каких-либо целей.

Современные радикальные течения ведут активную работу в социальных сетях и мессенджерах для распространения своих взглядов и привлечения новых последователей [8]. Простые, понятные, зачастую хорошо продуманные, с точки зрения психологии, послания быстро распространяются по сети, подобный контент становится основным, а альтернативные, позитивные послания не доходят до молодежной аудитории в силу недостаточно эффективного оформления и способа подачи в виртуальном пространстве.

Нами был проанализирован опыт зарубежных и отечественных проектов и программ по профилактике экстремизма. Предметом исследования выступили используемые в них визуальные материалы. Цель исследования заключалась в выявлении актуальных практик создания визуальных материалов для сети Интернет в рамках профилактики агрессии, радикализма, экстремизма среди пользователей.

Зарубежный опыт использования визуальных материалов в профилактике агрессии и экстремизма среди молодежи

В европейских странах программы профилактики экстремизма одной из основных задач рассматривают воспитание молодых людей в духе гражданственности, политической, религиозной и этнической толерантности, критического мышления, отрицательного отношения к экстремизму, формирования демократических ценностей, признания ценности культурного многообразия, понимания исторических последствий этнически или политически мотивированного насилия [9]. Государству совместно с негосударственными организациями предлагается распространять в школах знания по компьютерной грамотности и критическому восприятию информации из Интернета, а также широко использовать альтернативные послания (нарративы), содержащие позитивные рассказы о социальных ценностях, толерантности, открытости, свободе и демократии [10]. Используется не только прямая контраргументация против радикальных идей («так нельзя делать, потому что…»), но и «косвенное» информирование («сделай лучше так …»). Важную роль играют эмоции, для чего нужны яркие образы, так как сугубо текстовый материал хуже воспринимается, не запоминается и иногда рассматривается как «нравоучения».

Например, в Великобритании правительство занимается воспитанием молодежи в духе «британских ценностей» (fundamental British values, FBV). Воспитание осуществляется в рамках

различных предметов гуманитарного и естественного цикла (английский язык и литература, математика, естествознание, иностранные языки, история, география, информатика, обществознание, музыка). Основная цель – подготовка молодых людей к жизни в современном британском обществе в моральном, социальном, культурном и духовном плане. Британские ценности включают: демократию (уважение демократии и поддержка участия в демократическом процессе), верховенство закона (уважение к основам права и правоприменения в Англии), индивидуальную свободу (поддержка и уважение свобод, предоставляемых законом); взаимное уважение и толерантность (поддержка равенства возможностей для всех, уважение различных традиций, религий и мировоззрений) [11]. Например, детям на уроках рисования рекомендуется рисовать портрет королевы (образ демократии), Фемиду (верховенство закона), могильный крест и красные маки в честь погибших английских солдат (отстаивание прав и свобод), флаги регионов Великобритании, религиозные символы (взаимное уважение и толерантность) [12]. Однако критики отмечают недостаточную проработку правительственных инициатив. Будучи разработанными как ответ на радикализацию и экстремизм (в первую очередь исламистского толка), при прямолинейном подходе они могут привести к отчуждению мусульман, проживающих в Великобритании [13]. Следует отметить, что давние позитивные историко-культурные связи между народами, исповедующими христианство и ислам, существующие в Российской Федерации, в странах Запада отсутствуют, что приводит к проблемам в интеграции мигрантов-мусульман в окружающее сообщество и к недопониманию между властями и диаспорами.

В США правительственные органы в пропаганде против радикализма используют простые интерактивные материалы. Например, ФБР в 2016 г. разработало игру «Не будь марионеткой», в которой даются разъяснения по различным видам экстремизма и их опасности [14]. Основная цель – информировать молодежь, раскрыть основные приемы радикальной пропаганды и научить выявлять, от каких групп исходят те или иные идеи, почему люди становятся приверженцами радикальных идей и куда обращаться в случае выявления среди знакомых и соседей признаков их приверженности радикальным идеям. Пользователь, переходя по страницам сайта, освобождает марионетку и в итоге награждается «сертификатом» ФБР [15].

Говоря о визуальных материалах, направленных на формирование терпимости, выделим контент на сайте колледжа им. Ричарда Хьюиша (Великобритания). Материалы в виде постеров отличаются простотой изображения, лаконичным текстом, красочностью и привлекательностью [16]. Голландская художница Маргрит де Хеер с 2010 г. в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций и голландским правительством выпускает комиксы на разные темы: о философии («Filosofie in Beeld»), о религии («Religie in Beeld»), о науке («Wetenschappen in Beeld») [17]. Эти и другие работы автора переведены на английский язык и выпущены, в том числе, в США. Ее комиксы – это пример того, как можно подать сложные темы простым и интересным для подростков, молодежи и взрослых языком.

Есть примеры и однозначно манипулятивных приемов, используемых в пропагандистском противостоянии. Например, в Украине правительство начало использовать комиксы в антироссийской пропаганде, пытаясь сформировать единую идентичность молодых граждан Украины на основе русофобии [18, 19], хотя имеются и сугубо прикладные комиксы, например, обучающие детей избегать мин в зоне АТО на Донбассе [20].

Отечественный опыт использования визуальных материалов в профилактике агрессии и экстремизма

В России с 2015 г. Общественная палата РФ реализует проект «STOPTERROR», цель которого – мониторинг социальных сетей на наличие информации, пропагандирующей терроризм и межрелигиозную вражду, в том числе рассматриваются жалобы на группы, пропагандирующие суицид. В промежуточном отчете от 2017 г. содержится информация о тысяче заблокированных ресурсов. Ведется работа по созданию контрконтента. Так, в 2015 г. была выпущена брошюра «Страшная сказка ИГИЛ» [21], в 2016 г. – «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм» [22]. В рамках проекта созданы инфографики, содержащие информацию: цели организации ИГИЛ, кого вербуют в ИГИЛ, распространение пропаганды ИГИЛ в России [23]. Данные инфографики, к сожалению, отличаются перегруженностью информацией, фактами, которые, вероятнее всего, мало заинтересуют молодежь.

В рамках проекта «Остановим пропаганду экстремизма и терроризма» разработаны постеры, представляющие собой фотографии жертв, погибших от деятельности террористических организаций, с цитатами из Корана, указанием количества жертв и их биографиями [24]. Одна-

ко материал «переполнен» текстом и акцентирует внимание на насилии экстремистов, не предлагая позитивных альтернативных моделей поведения. В целом, многие официальные сайты органов государственной власти имеют закладки «Против терроризма», но информация часто представлена в виде сплошного текста, подана сухим, «бюрократическим» языком.

С 2005 г. выходит детский журнал «Спасайкин» [25] (официально поддержан Национальной антитеррористической комиссией), в котором в простой и игровой форме, рассчитанной на детей, показано правильное поведение в самых различных сложных ситуациях, начиная от пожара до захвата заложников. Подобные материалы подходят для детей младшего возраста. Родители и педагоги могут использовать их для обучения детей безопасному поведению. Журнал выходит в печатном виде и доступен по подписке. Следует отметить, что указанная форма распространения в современных реалиях непопулярна. В электронном же виде журнал не издается и не распространяется, что существенно уменьшает количество получателей информации.

Сегодня в России мы можем наблюдать в основном государственную активность в сфере пропаганды против терроризма и экстремизма. Общественные институты пока широко не распространяют собственный контент по профилактике деструктивных идей, а используют материалы государственных органов, что формирует достаточно однообразную информационную среду: сухие факты, «серьезная» подача информации, часто без привлекательных альтернативных образов и креатива. Такая продукция не будет популярна среди молодежи, она трудно самовоспроизводится и распространяется.

Анализируя западное информационное поле формирования позитивных ценностей, безопасных стратегий поведения, можно выделить огромный пласт – культуру комиксов, сформировавшуюся во многом в США. Уже с 1930-х гг. комиксы, кроме развлекательного характера, приобретают пропагандистскую функцию, формируя информационную повестку. Широко известные супергерои Супермен, Бэтмен, Капитан Америка и др. – это герои, которые не только боролись с преступниками и злодеями, но и персонажи, которые в годы Второй мировой войны выступали против германского и японского фашизма, а в дальнейшем стали использоваться в идеологической борьбе против СССР и коммунизма. Отмечается, что с развитием кинематографического искусства, компьютерных технологий роль и место комиксов в американской культуре смещается [26]. Тем не менее комиксы хороши тем, что способны создавать позитивные запоминающиеся образы и монетизировать создаваемый контент не только в виде продаж печатной продукции, но и посредством целой индустрии фильмов, мультипликации и компьютерных игр мирового масштаба. Полагаем, что использование данного вида искусства, адаптированного к современной российской действительности, может стать одним из эффективных инструментов воспитания молодежи.

В целом об актуальности именно комиксов, постеров, простой инфографики говорится в публикациях А.В. Карпинского [27], Д. Замалетдинова [26], Криса Симса [28]. Мы имеем два интересных опыта культуры комиксов в России: 1) «Bubble Comics» – крупнейшее издательство комиксов в России, 2) комикс-проект «РЕСПЕКТ 2.0». Издательство «Bubble Comics» отличается высоким профессионализмом в качестве исполнения, сюжетные линии схожи с американскими (супергерои, злодеи и т.д.). Данный проект ориентирован на коммерческое распространение, комиксы продаются через интернет-сайты и в книжных магазинах, по некоторым сюжетным линиям уже снимаются фильмы.

Комикс-проект «РЕСПЕКТ 2.0» – это международный проект, созданный совместно Немецким культурным центром им. Гете в Москве и московским международным фестивалем рисованных историй «КомМиссия». Все комиксы выложены на сайте проекта и доступны любому желающему в полной версии, с указанием авторов. Проект отличается тем, что он изначально ориентирован на социально важные вопросы: миграция, толерантность, профилактика агрессии и нетерпимости. Более того, «РЕСПЕКТ 2.0» включает не только комиксы, но и комплексы мероприятий для детей, молодежи и преподавателей.

Таким образом, в современной российской культуре имеется определенный потенциал для создания контента для пропаганды, направленной против терроризма, экстремизма и агрессии. Другим творческим подходом, ориентированным на визуальные каналы восприятия информации и учитывающим ориентиры молодежи в нашей действительности, является социальная реклама.

Опыт использования социальной рекламы как информации, направленной на достижение благотворительных, иных общественно полезных целей и обеспечение интересов государства, уже является частью российской системы противодействия экстремизму. Социальная реклама способствует созданию образов требующей решения социальной проблемы и государственного участия в данной области. Исследователи полагают, что повысить эффективность

отечественных антитеррористических посланий можно путем не только повышения их качества и разработки стратегии распространения, но и внесения в них большего эпатажа, неординарности и «шоковости» для заметности [29].

Чаще всего социальная реклама использует методы визуальной пропаганды: видео, картинки, слоганы, символы. Визуальные материалы, с нашей точки зрения, решают следующие задачи в рамках профилактики агрессии и радикализма: 1) создают позитивный образ окружающего мира и людей; 2) содействуют формированию гуманистической солидарности, общегражданской идентичности и нравственных ценностей; 3) развивают критическое мышление; 4) дают наставления в плане правильного поведения; 5) формируют позитивный образ будущего, общей семьи и заботы со стороны окружающего сообщества.

Однако при этом следует обращать внимание и на такие проблемы, как недостаточное взаимодействие между семьей, учебными заведениями, работодателями, правоохранительными органами. Эксперты отмечают, что в современной социальной действительности факторами вовлечения молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность являются: широкая пропаганда идей некоторыми СМИ и интернет-сайтами, неустроенность жизни и безвыходность положения, пробелы в воспитании в семье, юношеский максимализм, отсутствие идеалов, идеологии, слабость патриотического воспитания [8].

В качестве основных видов визуальной пропаганды, наиболее доступных в плане небольших финансовых затрат и распространения, можно отметить: комиксы, постеры, инфографики, плакаты. Материалы обязательно должны быть рассчитаны не только на молодежь, но и на родителей. Кроме того, формат материалов должен быть: 1) удобным для распространения в электронной форме; 2) подходящим для распечатки и использования в качестве средства наглядности без особой потери качества. Таким образом работники учебных заведений получают дополнительный инструмент для проведения воспитательной работы.

Привлекательный образ является немаловажным по одной причине – молодежь должна не только активно потреблять, но и самостоятельно, по своей инициативе распространять информационный контент. Сделать это без позитивных и красиво нарисованных героев невозможно. И в этом плане альтернатив тематическим комиксам пока не существует. Кроме того, комиксы в перспективе способны дать начало целой индустрии, когда на базе персонажей и сюжетов создаются графические новеллы, литературные произведения (фанфики), художественные и мультипликационные фильмы, компьютерные игры, продукция массового потребления в виде атрибутики, одежды, бытовых предметов. Распространение контента становится, с одной стороны, привлекательным для масс, а с другой – позволяет извлечь прибыль для самих производителей и распространителей. Сочетание интереса и материальной выгоды поддерживает существование идей лучше, чем только одностороннее финансирование идеологических проектов со стороны одного заказчика – государства. Если советский идеологический проект навязывался правительством и после экономического коллапса оказался нежизнеспособен, то американская идеология использует методы «косвенной» пропаганды, которая сочетает в себе государственный заказ с частной предпринимательской инициативой.

Отечественный исследователь Ю.В. Котляренко в своей работе рассматривает комиксы, графические новеллы, демотиваторы, графические гиды и интернет-мемы (т.н. элементы «экранной культуры»), прямо затрагивающие проблемы ксенофобии, расизма и шовинизма [30]. Полагаем, что наряду с данными материалами, безусловно, необходимыми в условиях противостояния общества проявлениям экстремизма и терроризма, востребованы также графические материалы (включая постеры, инфографику); 1) формирующие общегражданскую идентичность и позитивную социальную активность; 2) обучающие критическому мышлению и снижению агрессии; 3) знакомящие с правилами безопасности в Интернете и социальных сетях.

«Экранная культура» в настоящее время востребована и родителями, особенно молодыми. Число людей старшего поколения, воспитанных на «текстовой культуре» советского периода, все больше сокращается, и в родительский возраст вступили люди, чья социализация пришлась на 1990–2000-е гг. Этому поколению так же, как и современной молодежи, часто свойственно «клиповое» мышление.

Комиксы и постеры для удобства восприятия и распространения выполняются в виде одностраничных материалов различного формата, объединяющих в себе графические рисунки и текст, который по возможности сведен к минимуму; информация подается тезисно, кратко. Основной упор делается на привлекательные образы, не допускающие двоякого толкования, в которых подается не контрнарратив антиэкстремистского содержания, а альтернативные послания.

Выводы

По результатам анализа имеющихся в сети интернет-материалов, направленных на снижение агрессии и профилактику экстремизма, отметим, что зарубежный опыт представляется разнообразным и отличается оригинальностью подходов к созданию контента. Зарубежные материалы носят просветительский характер, в целом направлены на снижение социального напряжения в обществе, например ведется активная работа по борьбе с буллингом в школе и в сети. С другой стороны, контент, разработанный в конкретной стране, иногда малоприменим на другой территории (например, опыт Великобритании с популяризацией британских ценностей). Также зарубежные материалы отличаются высоким качеством выполнения, так как создаются профессиональными иллюстраторами. Благодаря такому подходу материалы интересны и привлекательны для детей младшего и среднего возраста. Кроме того, молодежная аудитория всех возрастов охватывается развитой индустрией комиксов, через героев которых внедряются определенные идеи и паттерны поведения.

В отечественном сегменте Интернета отмечается переизбыток «прямой» антирадикальной агитации в исполнении государственных органов. В России в рамках контртеррористической и антиэкстремистской пропаганды государственные институты не всегда создают достаточно актуальные и качественные материалы. Между тем превалирование подобной прямой антиэкстремистской пропаганды может повлечь негативный эффект, так как существует риск «рекламы» антиобщественных идеологий. С другой стороны, ряд позитивных и интересных материалов разрабатывается представителями гражданского общества, но они не всегда получают поддержку для своего развития.

Полагаем более эффективным воспитание общественно полезных моделей поведения среди молодежи на базе альтернативных нарративов. Учитывая современную ситуацию с распространением экстремистских идеологий, основное внимание стоит обратить на такие темы, как общечеловеческие ценности (добро, гуманизм, терпимость, дружба); позитивные стратегии поведения в сложных ситуациях (особенно актуальна тема буллинга); просвещение о безопасном поведении в интернет-пространстве, опасностях радикализма и агрессии.

В отечественном и зарубежном информационном поле есть запрос на привлекательные визуальные материалы для молодежи воспитательного и антиэкстремистского характера. Данные материалы призваны не только информировать об угрозах и снижать агрессию, но и предлагать альтернативные позитивные, общественно полезные модели поведения. Сочетание текстов, изображений и символов содействует формированию общественного мнения, образа мышления и ценностей подрастающего поколения, а сами визуальные материалы становятся важным подспорьем для преподавателей и воспитателей в учебных заведениях. Необходимо более чутко реагировать на тенденции в виртуальном мире и в молодежных субкультурах, отслеживать наиболее популярные и доступные образы для контрпропаганды и альтернативных посланий. Среди наиболее эффективных современных форматов можно выделить комикс, постер, инфографики, распространяемые посредством интернет-сайтов, социальных сетей и мессенджеров.

По содержанию визуальные материалы можно классифицировать следующим образом: 1) предупреждающие об опасности; 2) предоставляющие информацию о правилах поведения в сложных ситуациях («обучающие»), 3) предлагающие альтернативные позитивные модели поведения («воспитывающие»); 4) комплексные визуальные материалы (предупреждающие, обучающие, воспитывающие). К последней группе можно отнести комиксы, однако отечественный и зарубежный опыт показывает, что в информационном поле должны быть представлены все актуальные форматы, как от сложных и дорогостоящих графических произведений с проработанным сюжетом, так и до простых и доступных инфографик, постеров, демотиваторов. Немаловажную роль играет и возможность применения визуальных материалов преподавателями в образовательном процессе.

Один из принципов социальной работы гласит: «Профилактика – лучший способ решения проблемы». Силы государства и гражданского общества должны быть направлены на профилактику негативных явлений в обществе. И в первую очередь не только в виде демонстрации негативных проявлений со стороны радикальных групп, а через создание среды, в которой превалируют позитивные ценности. Если семья как социальный институт будет выполнять свои функции, школа и высшие учебные заведения – свои и, кроме того, будет создана досуговая система для детей и подростков (в виде кружков, секций, клубов и т.д.), идеология радикальных групп не будет находить массового отклика в молодежной среде. Необходимо развивать систему патриотического и духовно-нравственного воспитания, создать условия для усвоения молодежью общечеловеческих и

гражданских ценностей, позитивных норм поведения, отрицания идеологии насилия. Распространение терроризма и экстремизма в первую очередь является сигналом для общества о существующих социальных проблемах, «решение» которых некоторые его члены пытаются отыскать в деструктивном поведении.

Список литературы

1. Банда подростков избила отдыхающих в центре Петербурга, 28 августа 2018. URL: https://ria.ru/20180828/1527317284.html (дата обращения: 19.05.2019).

2. Керченский колумбайн? 17 октября 2018. URL: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/17/78234-kerchenskiy-kolumbayn (дата обращения: 19.05.2019).

3. Амелина Я.А. «Группы смерти» как угроза национальной безопасности России. Аналитический доклад (18+) / Кавказский геополитический клуб. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2017. 76 с.

4. Студент МГТУ убил свою бывшую девушку и написал об этом во «ВКонтакте». Что об этом известно, 23 января 2018. URL: https://meduza.io/feature/2018/01/23/student-mgtu-ubil-svoyu-podrugu-iz-za-nerazdelennoy-lyubvi-i-napisal-ob-etom-vo-vkontakte-glavnoe (дата обращения: 19.05.2019).

5. Горбунов К.Г. Противодействие террористической пропаганде в Интернете // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2016. № 2. С. 20–35.

6. Социальный портрет преступности за 2017 г. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 19.05.2019).

7. Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. С. 67–72.

8. Вихрян А.П. Интернет как фактор радикализации сознания молодежи // Материалы Междунар. научно-практической конф. «Создание воспитательной антиэкстремистской и антитеррористической среды в современном вузе» / Под ред. В.Е. Быданова. СПбГТИ (ТУ), 2016. С. 116–121.

9. Preventing Radicalisation to Terrorism and Violent Extremism. Radicalisation Awareness Network, 2016. P. 11. URL: https://www.ifv.nl/kennisplein/Documents/2016-RAN-Preventing-Radicalisation-to-Terrorism-and-Violent-Extremism.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

10. Briggs R., Feve S. Policy Briefing: Countering the Appeal of Extremism Online. Institute for Strategic Dialogue, 2014. P. 3, 13.

11. Mills P. Promoting Fundamental British Values Policy. September 2017 / Cambridge International School. URL: https://cambridgeinternationalschool.co.uk/wp-content/uploads/CIS-Promoting-Fundamental-British-Values-Policy-201718.pdf; http://www.nunthorpe.co.uk/content/uploads/2015/09/British-Values-subject-Dec2015.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

12. Bruce S. The Teaching of Fundamental British Values Through Art. 2015. URL: http://chaliceartsuk.co.uk/wp-content/files_mf/1457895262TheTeachingofFundamentalBritishVlauesthroughArtPowerPointbyStephenBruce.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

13. Fundamental British Values Origins, controversy, ways forward: a symposium. Compiled by Robin Richardson and Bill Bolloten for Race Equality Teaching, January 2015. URL: http://www.insted.co.uk/british-values.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

14. Rockwell G. FBI Game: What is Violent Extremism? October 12, 2016. URL: http://theoreti.ca/?p=6338 (дата обращения: 19.05.2019).

15. Don't Be a Puppet. URL: https://cve.fbi.gov/home.html (дата обращения: 19.05.2019).

16. Сайт колледжа им. Ричарда Хьюиша. URL: http://www.huish.ac.uk/for-parents/safeguarding-and-prevent/ (дата обращения: 19.05.2019).

17. Сайт Маргрит де Хеер. URL: http://margreetdeheer.com/home/index.html (дата обращения: 19.05.2019).

18. Юкрейн Продакшнз представляет: Трэш и угар. Галлюцинации «украинской революции 1917–1921 годов». 17 июль 2017. URL: https://universe-tss.su/main/politika/ukr/49566-yukreyn-prodakshnz-predstavlyaet-tresh-i-ugar-gallyucinacii-ukrainskoy-revolyucii-1917-1921-godov.html (дата обращения: 19.05.2019).

19. Превратили страну в комикс. 26 июля 2017. URL: https://chervonec-001.livejournal.com/1946398.html (дата обращения: 19.05.2019).

20. «Замінована прогулянка»: волонтеры создали комикс по минной безопасности для детей Донбасса. 31.10.2017. URL: https://vchasnoua.com/donbass/53710-foto-zaminovana-progulyanka-volontery-sozdali-komiks-po-minnoj-bezopasnosti-dlya-detej-donbassa (дата обращения: 19.05.2019).

21. Общественная палата РФ выпустила брошюру «Страшная сказка ИГИЛ», 16 декабря, 2015 г. URL: https://www.oprf.ru/press/news/2015/newsitem/32125 (дата обращения: 19.05.2019).

22. ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм. М.: Издательство «Буки Веди», 2016. 40 с. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

23. Общественной палатой РФ подготовлена инфографика с разъяснением, что такое ИГ, какие страны охватывает, какие методы вербовки применяет. URL: https://www.oprf.ru/1449/2134/2205/2208/ (дата обращения: 19.05.2019).

24. Материалы программы противодействия пропаганде терроризма. URL: https://www.oprf.ru/1449/2134/2412/2377/ (дата обращения: 19.05.2019).

25. Сайт детского журнала «Спасайкин». URL: http://spasaykin.ru/ (дата обращения: 19.05.2019).

26. Замалетдинов Д. Американский комикс как средство пропаганды // Вернадский. 14 апреля 2017. URL: http://vernsky.ru/pubs/6832/Amerikanskiy_komiks_kak_sredstvo_propagandy?view_mode=text (дата обращения: 19.05.2019).

27. Карпинский А.В. Комиксы в политической рекламе и пропаганде // Лаборатория информационно-психологических технологий Александра Потеряхина. 4 января 2017. URL: http://labipt.com/comics-in-political-advertising-and-propaganda/ (дата обращения: 19.05.2019).

28. Sims C. Red scare: Our favorite comic book communists // Comics Alliance. 9 November 2009. URL: http://comicsalliance.com/comic-book-communists// (дата обращения: 19.05.2019).

29. Панюкова С.А. Визуальные образы в российской антитеррористической социальной рекламе // Медиасреда. 2017. № 12. С. 220–228.

30. Котляренко Ю.В. Визуальные единицы культурной информации как средство педагогической превенции идеологии радикализма // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 3. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/191PVN315.pdf (дата обращения: 19.05.2019).

APPLICATION OF VISUAL MATERIALS IN PREVENTION OF AGGRESSION AND EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE: FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE

I.A. Mukhametzaripov, M.R. Gibadullina

Center of Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences

The features of visual materials aimed at preventing terrorism, extremism and other negative phenomena are outlined. Today, not only terrorist groups, but in general, radical-minded groups (for example, extreme nationalists or new religious movements) spread a variety of propaganda among young people. The need to use modern technologies for disseminating alternative information among young people, which would not «advertise» radicalism, aggression, negative manifestations, etc., is quite acute. The article analyzes the experience of foreign and domestic projects aimed at preventing negative phenomena. Special attention is given to visual materials as an effective tool for ideological work with young people and a way of presenting information for today's young people who are distinguished by «clip thinking», who are educated and live within the framework of «screen culture». It is necessary to conduct focused work on the creation and dissemination of positive content. Unfortunately, some existing materials today rather «advertise» negative phenomena, while it is necessary to spread an alternative narrative more, which would contain positive values and «correct» behavioral strategies for children and young people. The youth information field needs to be saturated with visual materials presented at an adequate level. Modern Russian Internet culture has the potential to create content for counter-propaganda against terrorism, extremism and aggression. For example, the comic book publisher «Bubble Comics» and the comic project «RESPECT 2.0» are focused on visual channels of information perception and take into account the interests of modern young people.

Keywords: youth, propaganda, counter-propaganda, values, positive content, visual materials, comic, poster, infographics.

УДК 316

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

© 2019 г.

У.К. Мутаев

Мутаев Улубей Курбанбаганович, к.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
ulmut@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2019
Статья принята к публикации 28.10.2019

Рассматриваются проблемы социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов в России. Обосновывается актуальность проблемы, предлагается общая объяснительная модель социальной адаптации детей-мигрантов. Многие мигранты пытаются наладить в России свою жизнь в долгосрочной перспективе, возможно, остаться здесь жить навсегда. И если взрослый человек осознает сложности и препятствия, возникающие на этом пути, то дети таким осознанием еще не обладают. Единственным эффективным инструментом социальной адаптации в принимающий социум в такой ситуации становятся российские институты образования. Раскрывается вопрос о доступности для детей-мигрантов дошкольного образования, сложностях, которые их там встречают, – как нехватка самих этих учреждений, так и преодоление ксенофобских настроений среди родителей и воспитателей, а также расширение возможностей влияния родителей на распорядок дня и питание своих детей. Раскрываются особенности социальной адаптации детей-мигрантов в российских школах, где они могут стать жертвами нарушения закона об образовании при зачислении в школу или оказаться в т.н. «мигрантской» школе, т.е. в заведомо сегрегированной среде. Предлагается общая характеристика проблемного поля, которое хотя и состоит из адаптационных барьеров для мигрантов, практически в равной степени актуально и для местного населения.

Ключевые слова: социальная адаптация детей-мигрантов, дошкольное образование, школа, интеграция детей-мигрантов в российское общество, барьеры адаптации.

Введение

Проблема социальной адаптации мигрантов и их детей в нашем обществе стоит достаточно остро. Многие мигранты пытаются наладить в России свою жизнь в долгосрочной перспективе, возможно, остаться здесь жить навсегда. И если взрослый человек осознает сложности и препятствия, возникающие на этом пути, то дети таким осознанием еще не обладают. Как адаптируются дети-мигранты, с какими сложностями они сталкиваются, что реально им помогает? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Благодаря миграционным процессам, протекающим сегодня в мире и в России, социум становится все более этнически неоднородным. Чтобы поддерживать культурное многообразие, основанное на толерантности к представителям других народов, общество и государство должно постоянно работать с ксенофобией и возникающими периодически конфликтами и напряжённостями в межэтнических отношениях. Эффективным социальным инструментом инкультурации, т.е. вовлечения этнических мигрантов в культуру принимающего общества, выступает институт образования, а именно школы и дошкольные учреждения.

Социальная адаптация детей-мигрантов к школе складывается из нескольких факторов.

1. Адаптационный потенциал детей-мигрантов и их семей. Он включает знание языка, культуры принимающего социума, уровень материального достатка, профессию и ценностные ориентации родителей.

Процесс социокультурной адаптации мигрантов довольно сложен, в его основе лежит опыт выживания этнической группы в инокультурной среде; понятно, что работавшие на родине инструменты взаимодействия в принимающем социуме могут вообще не работать или приводить к обратному эффекту. Проблема здесь зачастую связана с незнанием или плохим знанием языка, потерей языкового пространства и вытекающими отсюда проблемами дезадаптации. Первое, что делает мигрант, – воссоздаёт комфортное для себя языковое и культурное пространство, объединившись с земляками или в семье, где может спокойно перевести дух, посоветоваться с близкими и продолжать осваивать новое общество. В этой связи сохранение языка и традиций своего народа приобретает для него особую значимость. Это одинаково касается и взрослых, и детей. Образование и

воспитание мигрантов должно обязательно учитывать эти аспекты и опираться на них [1]. При условии хотя бы начального знания языка, культуры, профессиональной востребованности в принимающем социуме и материального достатка способность социальной адаптации мигрантов и их детей увеличивается. Понятно, что далеко не для всех мигрантов эти условия доступны изначально, но российская система образования во многом способна компенсировать их отсутствие. Попадая в пространство образовательных институтов принимающего российского общества, сначала в ясли, детский сад, потом в школу, дети-мигранты приобретают необходимые навыки адаптации, развивают свой адаптационный потенциал и получают возможность успешной интеграции в новый социум.

2. Условия принимающего социума. Это, в первую очередь, доступность дошкольного и школьного образования, окружение, воспитатели, учителя, одноклассники, отношение к детям-мигрантам в месте проживания, на улице. Кроме того, это наличие различного рода барьеров адаптации, например административного, когда по формальным причинам ребенка-мигранта могут не зачислить в школу, отказать в медицинском обслуживании. В отличие от взрослых, для детей-мигрантов основными условиями среды выступает образовательная среда дошкольных учреждений и школ, именно там дети сталкиваются с культурой принимающего общества. Доступ к системе образования принимающего общества дает возможность мигрантам, а в особенности их детям, гармоничнее включиться в социальные отношения с людьми другой культуры, в свою очередь представители принимающего социума также знакомятся и учатся понимать приезжих. Возможность выйти за рамки этнического сообщества, изучить новый язык, новую культуру, а также включиться в общество через институт образования – это лишь малая часть тех дивидендов, которые получает ребенок-мигрант, начавший посещать школу [2]. Российские детские сады и школы – это та среда, к условиям которой предстоит адаптироваться ребёнку-мигранту. Забегая вперёд, надо сказать, что это довольно дружелюбная по отношению к нему среда, но не без определенных проблем.

Таким образом, основными факторами успешной адаптации и интеграции детей-мигрантов в России выступают: во-первых, адаптационный потенциал, включающий знание русского языка, культуры, материальное положение семьи, сфера деятельности родителей; во-вторых, условия принимающего социума, т.е. доступность дошкольного и школьного образования, отношение окружения детей-мигрантов и их семей, воспитатели в яслях, учителя, одноклассники, мигрантофобские настроения в обществе. Для успешной адаптации необходимо преодоление этнических стереотипов и мигрантофобии в обществе, ослабление административных барьеров в виде отказа в зачислении в школу или детский сад по формальным причинам.

Доступность для детей-мигрантов дошкольного образования

Социальная адаптация детей-мигрантов, несомненно, будет протекать успешнее, если процесс начинается на этапе яслей и детского сада. Социализирующий эффект дошкольного образования действует на детей-мигрантов точно так же, как и на других детей. В яслях, а затем в детском саду наряду с физическим и культурным развитием человек приобретает первичное понимание своего места в обществе. Во многом здесь выравнивается социальный опыт мигрантов и местных детей, формируется общее прошлое и настоящее, намечаются будущие жизненные стратегии [3]. Направляя своих детей в дошкольные учреждения, родители увеличивают вероятность успешной интеграции ребенка-мигранта в принимающий социум. Ребенок, благодаря свойственной детскому возрасту восприимчивости, находит больше возможностей для знакомства с новой для себя культурой, в то же время местные дети, их родители и воспитатели тоже получают возможность познакомиться с представителями другой культуры и, возможно, избавиться от каких-то стереотипов. Значимым институтом первичной социализации человека, наряду с семьей, выступает детский сад. Общение с воспитателями, другими детьми и их родителями способствует освоению социальных навыков, поведенческих норм культурного пространства принимающего социума. Безусловно, это обоюдный процесс – тут же в детском саду родители и дети могут познакомиться с другой культурой, попытаться понять и оценить ее [4]. В дошкольных учреждениях усвоение языка, традиций принимающего общества происходит эффективнее, нежели дома, исключительно в мигрантской среде. Здесь они знакомятся с культурой страны, включаются в институализированную структуру взаимоотношений с воспитателями и администрацией учреждения. При условии содействия со стороны родителей, дети-мигранты интегрируются в принимающий социум, без проблем перенимают его язык и традиции, так же как и родной язык и традиции своей страны

[5]. Дети мигрантов, посещающие ясли и детские сады, безусловно, лучше адаптированы, получают большее удовольствие от общения со сверстниками и взрослыми, нежели дети, воспитание которых замкнуто в пределах семьи и родственников. К такому формату воспитания склонны семьи мигрантов с материальными проблемами, семьи с жёстким патриархальным укладом и, конечно, религиозные семьи, опасающиеся ограничения своего влияния на ребенка, особенно в области питания и поддержания религиозного распорядка. К сожалению, обычные российские сады организационно пока не способны учитывать особенности распорядка и правил приема пищи всех категорий граждан, пользующихся их услугами.

Социальная адаптация и интеграция в принимающее общество детей-мигрантов – это процесс, который протекает с затруднениями, связанными с ксенофобией. Носители различных этнических стереотипов – взрослые, и воспитатели, и родители. Иногда негативное отношение к детям-мигрантам со стороны других детей провоцируется некоторыми ксенофобски настроенными родителями и воспитателями [4]. Надо признать, что эта проблема носит обоюдный характер, как стороны местного населения, так и со стороны мигрантов, но назвать ее распространённой практикой нельзя.

Общей проблемой и мигрантов и местного населения является ограничение доступности дошкольного образования из-за муниципальных яслей и детских садов. Только 64.6% детей в наше время ходят в детские сады, остальные воспитываются дома или на платной основе, в частных дошкольных учреждениях [6]. Доступность детских садов и яслей тем более ограничена для детей-мигрантов. Этот факт значительно препятствует реализации адаптирующего потенциала образовательных институтов нашего общества.

Несмотря на значимость потенциала дошкольного образования для социальной адаптации и интеграции детей-мигрантов, для его реализации необходимо преодолеть дефицит мест в детских садах и некоторые проявления ксенофобии сотрудников и родителей воспитанников из числа местного населения и самих мигрантов. Первая трудность постепенно преодолевается при государственном участии, вторую же возможно преодолеть, только привлекая более квалифицированный персонал за счет повышения заработной платы в этой сфере. Может помочь этому и разъяснительная работа среди воспитателей и родителей.

Доступ детей мигрантов к получению школьного образования

В отличие от дошкольных учреждений проблема доступности школьного образования носит качественно иной характер, непреодолимых препятствий у мигрантов на этом пути нет. Школы принимают мигрантов и обучают их, даже испытывая серьезные проблемы с налаживанием контакта с детьми из-за незнания языка. В основном эти трудности носят педагогический характер. Так как дети-мигранты часто не знают русского языка, учителю без специальных навыков трудно организовать учебный процесс без ущерба для местных учащихся.

Некоторые исследователи фиксируют случаи затруднения в доступе к школьному образованию, возникающие у мигрантов при нехватке необходимых документов, в основном это отсутствие регистрации по месту жительства [6]. Такое положение вещей является нарушением ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где декларируется обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования [7][1]. Эту проблему стоит решить установлением соответствия между законодательством и правилами зачисления в школу.

Возвращаясь к проблеме языкового барьера между учителем и учеником, необходимо отметить, что трудности в этой сфере возникают у тех детей, родители которых стараются говорить с ними исключительно на родном языке. Для ребенка очень важно закреплять языковые знания общением дома, таким образом повышается важность владения языком принимающего социума, преодолевается языковой барьер между учеником и учителем в школе [8]. Немало педагогов и школ, которые уже накопили опыт в этой сфере и без проблем принимают мигрантов из любой страны, но в большинстве школ такой опыт еще не сформировался в достаточном объеме, в них чаще всего и возникают проблемы дезадаптации. Так естественным образом формируется разделение школ на имеющие и не имеющие опыта работы с мигрантами. Школы, которые не имеют такого опыта, стараются избежать приема детей без знания русского языка.

Особняком стоят так называемые «элитные» школы, которые тоже избегают зачисления детей без уверенного знания русского языка. Кроме того, дополнительные образовательные услуги, предлагаемые в таких школах, требуют определенных способностей детей и материальных средств родителей, которыми мигрантские семьи зачастую не обладают. В этом случае основным барьером адаптации мигрантов являет-

ся социальное неравенство, этнокультурное происхождение и языковые проблемы уходят на второй план.

Еще одним существенным барьером социальной адаптации детей-мигрантов является нехватка специалистов по языковой подготовке учащихся из числа мигрантов. Очевидна необходимость таких специалистов для обеспечения языковой и социокультурной адаптации детей-мигрантов, кроме этого существует потребность в дополнительных, внеурочных занятиях по русскому языку для таких школьников [7]. Недостаточное знание русского языка толкает мигрантов в те школы, где уже есть опыт работы с такими детьми. В то же время и некоторые школы используют данную ситуацию, чтобы восполнить необходимые для себя объемы обучающихся. Специалисты-исследователи выделяют ряд характеристик учебных заведений, где обучаются мигранты: 1) это худшая школа по своим учебным показателям в районе, городе (поселке, поселении); 2) самая «непрестижная» школа, именно так она охарактеризовалась среди местного населения; 3) школа в советские годы была «на хорошем счету», по рассказам директоров, «слом» произошел в 1990-е, к основным причинам можно отнести смену жителей районов и городов, уменьшение финансирования школ; также, как правило, во всех школах в 1990–2000-е годы были директора, не пытавшиеся «выровнять» ситуацию, или же была частая смена руководства; 4) основной контингент записывающихся в школы – дети из социально неблагополучных семей, многие дети из неполных семей, дети из семей мигрантов; 5) во всех школах был недобор учащихся в классах (10–11-е классы по 12–18 человек) [4]. Абсолютно очевидно, что образование «мигрантских школ» при этом не выход из ситуации, а лишь фактор, усиливающий сегрегацию в обществе, которую необходимо преодолевать.

Очевидно, что адаптация детей-мигрантов – это прежде всего проблема педагогическая и психологическая, а потом уже социальная [9]. Для ее решения в организационном плане требуется привлечение специалистов по работе с детьми-мигрантами в школы, создание барьерных обучающих русскому языку и культуре курсов, пройдя которые ребенок вольется в соответствующий его уровню класс обычной школы. Обучение русскому языку для таких детей следует начинать как можно раньше, поэтому логично привлекать сюда и дошкольные учреждения. Большое значение в овладении языком имеет опыт общения на нем в кругу семьи и ближайшего окружения, но так как среди мигрантов довольно высокий процент нелегалов, они часто избегают контактов с местным населением, ограничиваясь лишь самыми необходимыми – работой и школой. В этом смысле решение адаптационных проблем мигрантов и их детей лежит в русле решения проблемы с «нелегалами», т.е. носит комплексный характер.

Подводя итог, следует отметить, что даже в своем сегодняшнем состоянии школы открыты для мигрантов и делают все возможное для их социальной адаптации и интеграции в российское общество, этот процесс необходимо оптимизировать, чтобы он протекал максимально эффективно и для детей мигрантов, и для российского общества в целом.

Заключение

Процесс социальной адаптации детей-мигрантов в российское общество – это обширное поле для исследований, но уже сейчас можно выделить его основные взаимосвязанные проблемы, среди которых:

1) языковой барьер, преодолеть который должны помочь квалифицированные преподаватели и совместная работа систем дошкольного и школьного образования;

2) доступность дошкольных учреждений для детей-мигрантов; при этом важно как наличие самих этих учреждений, так и преодоление ксенофобских настроений среди родителей и воспитателей, а также расширение возможностей влияния родителей на распорядок дня и питание своих детей;

3) доступность школьного образования; здесь важно, во-первых, приведение в соответствие правил зачисления в школы с законом об образовании; во-вторых, привлечение специалистов по работе с детьми-мигрантами в школы, создание барьерных обучающих русскому языку и культуре курсов, пройдя которые ребенок вольется в соответствующий его уровню класс обычной школы; в-третьих, препятствование образованию т.н. «мигрантских» школ, функционирование которых лишь способствует сегрегации мигрантов, а не адаптирует их.

Как мы видим, основные барьеры успешной интеграции мигрантов и их детей в российское общество являются лишь отражением проблем самого принимающего общества. Нехватка мест в яслях и детских садах – это проблема и местного населения, и мигрантов. Плохие школы, т.е. школы, основной контингент которых составляют «трудные» дети или мигранты, или и те и другие, – это также проблема и местного населения, и мигрантов. Социальное неравенство, когда отсутствие денег препятствует доступу к качественному образованию, к репети-

торам и, как результат, к успешной сдаче ЕГЭ, – это также общая проблема. В этой связи преодоление этих барьеров в конечном итоге работает на общественное благо, в рамках которого местное население и мигранты смогут гармонично бесконфликтно сосуществовать.

Примечание

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года // Российская газета. Федеральный выпуск № 5976 (303). 31 декабря 2012 г. URL: https://rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html (дата обращения: 10.04.2018).

Список литературы

1. Силантьева Т.А. Социокультурная адаптация детей-мигрантов // Вестник АГТУ. 2007. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-detey-migrantov (дата обращения: 09.04.2018).

2. Мязина О.Ю., Дендебер И.А. Адаптация детей-мигрантов к образовательной среде школы // ИСОМ. 2013. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-detey-migrantov-k-obrazovatelnoy-srede-shkoly (дата обращения: 09.04.2018).

3. Прошкова З.В. Дошкольное образование как жизненный ресурс // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doshkolnoe-obrazovanie-kak-zhiznennyy-resurs (дата обращения: 10.04.2018).

4. Баярмагнай М. Особенности взаимоотношений педагогов и родителей в процессе адаптации ребенка из семьи мигрантов в дошкольном учреждении // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimootnosheniy-pedagogov-i-roditeley-v-protsesse-adaptatsii-rebenka-iz-semi-migrantov-v-doshkolnom-uchrezhdenii (дата обращения: 09.04.2018).

5. Базанов В.А. Институционально-демографические факторы формирования коммуникативного поведения мигрантов дошкольного и школьного возраста // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-demograficheskie-faktory-formirovaniya-kommunikativnogo-povedeniya-migrantov-doshkolnogo-i-shkolnogo-vozrasta (дата обращения: 10.04.2018).

6. Иващенко И. Учебная тревога. Почему детей мигрантов не пускают в российские школы / ИА «Фергана». URL: http://www.fergananews.com/articles/9846 12.03.2018 (дата обращения: 07.04.2018).

7. Касенова Н.Н., Кергилова Н.В., Егорычев А.М. Адаптация детей-инофонов, билингвов и мигрантов в образовательных организациях как условие эффективной интеграции в российское общество // Вестник НГПУ. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-detey-inofonov-bilingvov-i-migrantov-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-kak-uslovie-effektivnoy-integratsii-v-rossiyskoe (дата обращения: 07.04.2018).

8. Артемьева (Посадова) Н.В. К проблеме адаптации детей современных мигрантов к образовательной среде (на примере Удмуртской Республики) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-adaptatsii-detey-sovremennyh-migrantov-k-obrazovatelnoy-srede-na-primere-udmurtskoy-respubliki (дата обращения: 10.04.2018).

9. Игнатова О. Все в сад – с деньгами. Почему не для всех детей в России доступны дошкольные учреждения? // Российская газета – Столичный выпуск. № 7226. 2017. URL: https://rg.ru/2017/03/22/pochemu-ne-dlia-vseh-detej-v-rossii-dostupny-doshkolnye-uchrezhdeniia.html (дата обращения: 09.04.2018).

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANT CHILDREN IN RUSSIAN SOCIETY

U.K. Mutaev

Plekhanov Russian University of Economics, Ivanovo branch

The article examines some problems of social adaptation and integration of migrant children in Russia. The author substantiates the urgency of the problem and suggests a general explanatory model of social adaptation of migrant children. Many migrants try to establish their life in Russia for a long time, perhaps to stay there forever. While an adult person is aware of the difficulties and obstacles that arise on this path, children are not yet capable of such an awareness. The only effective tools for social adaptation to the host society in such a situation are Russian educational institutions. The author also discusses the issues of access to preschool education for migrant children, the difficulties they face there, the lack of such institutions, the ways to overcome xenophobic attitudes among parents and educators, as well as the expansion of opportunities for parents to influence the daily routine and nutrition of their children. The article reveals the peculiarities of social adaptation of migrant children in Russian schools, where they may become victims of violation of the law on education when enrolling in school or find themselves in the so-called "migrant" school, i.e. in a knowingly segregated environment. The proposed general description of the problem field, although it mostly concerns adaptation barriers for migrants, is almost equally relevant for the local population.

Keywords: social adaptation of migrant children, preschool education, school, integration of migrant children into Russian society, adaptation barriers.

УДК 316

ПОВЕДЕНИЕ И УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2019 г.

В.С. Тарченко

Тарченко Вера Сергеевна, аспирант, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
dthfn@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Представлены результаты исследования взглядов студентов в сексуальной сфере, проведенного в г. Ставрополе и Москве в 2019 г. В исследовании приняли участие студенты в возрасте 20–24 лет. Данный возрастной интервал является значимым для выстраивания отношений с противоположным полом и формирования образа будущей семьи. В фокусе внимания оказывается сексуальное поведение студенческой молодежи различных специальностей, в том числе возраст сексуального дебюта, отношение к добрачному сексу и незапланированной беременности, вопросы контрацепции. Данные исследования анализируются в зависимости от пола, городско-сельского происхождения, религиозной идентичности и получаемой специальности студентов. Полученные результаты исследования указывают на толерантное отношение к добрачному сексу, снижению возраста сексуального дебюта. В то же время студенческая молодежь проявляет ответственность в вопросах контрацепции и предупреждения незапланированной беременности. Выяснены каналы информации по проблемам интимной жизни.

Ключевые слова: сексуальные отношения, сексуальный дебют, студенты, отношение к аборту, контрацепция.

Введение

Трансформация институтов семьи, брака, родительства в России в конце XX – начале XXI в. в процессе модернизации привела к многообразию семейных форм. Причем гипотетически эти формы распространены в разной мере в регионах России, в городах и сельской местности и среди разных социальных слоев [1, с. 100]. В современном обществе происходит ослабление роли семьи, растет число разводов, получают распространение альтернативные формы брака, такие как сожительство, гостевой брак. С социологической точки зрения, изменения в семейных и личностных отношениях являются следствием постиндустриализации, которая привела к детрадиционализации и индивидуализации социальной жизни. Исследователи по-разному оценивают последствия этих изменений, некоторые придерживаются пессимистического взгляда: разрушение традиционных связей ведет к дезинтеграции моральных основ. Другие акцентируют внимание на позитивном потенциале таких изменений, предполагая, что большее разнообразие и множественность образа жизни ведет к демократизации личных отношений. Более негативный взгляд на социальные изменения апеллирует к традиционалистскому аргументу, который призывает к возрождению уважения к нормативным структурам и ценностям. Более оптимистичный взгляд согласуется с более либеральной верой в то, что равенство и справедливость в личных отношениях могут быть оторваны от более широких политических и экономических сфер [2, с. 2–3].

Общественная жизнь характеризуется обилием информации на тему секса. Социальный контроль со стороны семьи ослабляется, что приводит к неограниченной свободе молодежи, в том числе и в сексуальной сфере. А это способствует тому, что подростки еще до наступления гражданской зрелости и законодательно установленного возраста вступают в сексуальные отношения, и, как следствие, растет количество венерических заболеваний и СПИДа, незапланированных беременностей и абортов. Специалисты отмечают, что ранний возраст сексуального дебюта связан с неблагоприятными социально-экономическими условиями, плохим поведением подростков (алкоголизм, наркомания), зачастую приводит к разочарованию и неуверенности в себе [3, с. 290–299]. При этом «сворачивание» профилактических программ для подростков и молодежи в сексуальной сфере, недостаточность доступной и достоверной информации о сексуальной жизни ведет к тому, что многие молодые люди дезориентированы в интимных вопросах, а работа специалистов, к которым можно обратиться, обесценивается [4].

В современном обществе секс давно существует отдельно от воспроизводства. Об этом говорят и социологи Э. Гидденс, З. Бауман. Так, «чистые отношения», «пластичный секс» Э. Гидденса и «текучая любовь» З. Баумана – это понятия, связанные с сексом и получением удовольствия, самоутверждением и самовыражением личности вне удовлетворения репродуктивных потребностей. Постулат «жить здесь и сейчас» давно стал принципом для молодежи, а это, в свою очередь, порождает легкое отношение к интимной и сексуальной сфере.

В этом контексте важно изучение сексуального поведения современной молодежи, возраста сексуального дебюта и влияния на него различных социально-демографических факторов, а также выяснение, с кем и как готовы консультироваться студенты в вопросах интимной сферы и контрацепции, с целью выработки практических рекомендаций и предложений.

Цель исследования – изучение сексуального поведения студентов г. Москвы и г. Ставрополя.

Выборка и методы

Описание выборки исследования студентов в 2019 г., на анализе данных которого основана статья, представлено в предыдущей публикации «Поведение и установки студентов в частной сфере»[1].

Для настоящей статьи использована группа вопросов для выяснения возраста сексуального дебюта и возраста партнера, с которым он произошел, отношения к добрачному сексу, вопросы контрацепции и наступления внебрачной беременности, а также вопросы для выяснения каналов получения информации по проблемам интимной жизни.

Результаты исследования: сексуальное поведение студентов

На вопрос: «Были ли у Вас сексуальные отношения?» – утвердительно ответили 36.4% парней и 28.3% девушек; отметили, что никогда не имели сексуальных отношений, 10.7% парней и 22% девушек; не захотели отвечать на вопрос 2.6% респондентов. Полученные данные указывают, что для студентов-юношей характерна более активная позиция в сексуальных отношениях, а также более толерантное отношение к сексуальной жизни, чем у девушек.

На вопрос: «В каком возрасте Вы впервые вступили в сексуальные отношения?» – мы получили следующие данные. Средний возраст сексуального дебюта – 17.6 лет. Согласно нашему исследованию, у юношей средний возраст составил 17.4 лет, у девушек – 17.9 лет. Эти данные коррелируют с данными исследования И. Кона (средний возраст сексуального дебюта у российских юношей-студентов – 17.0 и девушек – 18.3). Мы можем предположить, что происходит снижение возраста начала сексуальной жизни у девушек. В возрасте до 16 лет сексуальную жизнь начали 13.2% опрошенных, в возрасте 17 лет этот процент повышается до 16% и в возрасте (одобряемом с точки зрения закона) 18 лет и старше – 35%. Примечательно, что из студентов (20–24 лет) 35.8% отметили, что вообще не имели сексуальных отношений. Это может быть связано как с имеющим место фактом, так и с деликатной и интимной темой исследования. Как и предполагалось, сексуальный дебют в возраст до 16 лет больше характерен для юношей (9.5%), чем для девушек (3.7%). Девушки составили большинство из тех, кто вообще не имеет сексуального опыта (23.1%), против парней (12.7%). Полученные данные отличаются от предыдущих международных исследований. Так, И. Кон в работе «Мальчик-отец мужчины» приводит данные о доле «ретардантов», вступающих в сексуальные отношения довольно поздно, старше 19 лет, и отмечает, что таких представителей среди мужчин больше. В странах Западной Европы такая группа составляет 25% [3, с. 290–291].

Ниже представлено распределение ответов на вопрос: «В каком возрасте Вы впервые вступили в сексуальные отношения?» – в зависимости от специальности (% среди тех, кто имел сексуальные отношения) (табл. 1).

Отметим, что для студентов, обучающихся по экономическим специальностям, характерно более раннее начало половой жизни, в то же время среди представителей гуманитарных специальностей большее количество тех, кто еще не начал сексуальную жизнь вообще (15.9% от общего числа опрошенных).

Что касается влияния религии на возраст вступления в сексуальные отношения, то студентов, для которых характерен сексуальный дебют в возрасте 16–17 лет, можно ранжировать следующим образом: на первом месте находятся агностики или не относящие себя ни к какой религии (35.9% среди всех опрошенных именно данного вида религиозной принадлежности), на втором месте – представители других конфессий (32.2%), дальше идут православные (27%) и самые последние – мусульмане (17.2%). Среди мусульман и большее количество ответивших, что не имели вообще сексуальных отношений, – 65.5%.

Таблица 1

Возраст вступления в сексуальные отношения (среди тех, кто имел сексуальные отношения), %

Возраст	Технические специальности	Гуманитарные специальности	Экономика и управление
До 16–17 лет	11.5	16.5	17.5
18 лет и старше	13.2	17.9	23.4

Зависимости между местом проживания во время учебы в школе и ранним возрастом сексуального дебюта (до 16–17 лет) выявлено не было. Что касается места проживания респондентов, то для жителей мегаполиса характерно более раннее начало сексуальной жизни (30.4%) против жителей Ставрополя (28%). Среди ставропольских студентов и большее количество вообще не имевших сексуальных отношений (42.8%), в то время как в Москве таких студентов практически в два раза меньше.

На вопрос: «Кто был Вашим первым сексуальным партнером?» – большинство студентов ответили, что это был их ровесник (51%), партнер был старше на 3 года (12.8%). Как и предполагалось, девушки выбирают партнера-ровесника (с интервалом 3 года) либо партнера старше себя, парни – девушек-ровесниц. Возможно, это связано с тем, что девушки ищут более опытного партнера, своего рода «учителя» и «покровителя», в то время как юноши ищут партнершу, которая не будет иметь достаточного сексуального опыта. Как говорит И. Кон, юноши зачастую боятся повести себя неправильно, а также испытывают трудности психологического и эмоционального характера [3, с. 290–299]. Как известно, более высокие требования предъявляются к сексуальному опыту мужчин, что и провоцирует выше названный дискомфорт.

Известный английский социолог Э. Гидденс ввел в оборот понятие «пластичный секс», то есть секс, отделенный от деторождения. В своем труде «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [5] Гидденс пишет, что для традиционных обществ был характерен секс не ради получения удовольствия, а для продолжения рода, а отказ от секса выступал своеобразной контрацепцией.

З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» [6] уделяет внимание эротизму, сексуальности, их соответствию современным реалиям. Сексуальность рассматривается им как элемент новой культуры, что порождает желание получить удовольствие «здесь и сейчас», а это, в свою очередь, порождает более поверхностное отношение к интимной жизни, когда смена сексуального партнера не составляет труда и не вызывает общественного порицания.

В 2006 г. «Левада-Центр» провел опрос молодежи в возрасте 16–29 лет (*N*=1775) и выявил различия в мотивации вступления в сексуальные отношения мужчин и женщин. Как показало исследование, сексуальное влечение является мотивацией для 44% юношей и 16% девушек, любопытство – 29% и 14%, желание быть как все – 16% и 5%, самоутверждение – 10% и 1%, потребность в повышении самооценки – 10% и 2% [3, с. 290–299]. В нашем исследовании мы хотели выяснить, с какой целью юноши и девушки сегодня вступают в сексуальные отношения. Среди причин были названы потребность организма, желание, удовлетворение потребностей, стремление быть модным или как все, закрепить статус взрослого или укрепить свой авторитет. Данные потребности связаны с личностью самого респондента. В то же время были указаны причины, направленные на удовлетворение совместных потребностей или потребностей другого человека: любовь, создание семьи и рождение детей, новый этап в отношениях и близость в них. Для названных причин характерна гендерная составляющая: для девушек более характерны близость к партнеру и любовь, для юношей – укрепление своего авторитета и получение удовольствие, ради развлечения. То есть мотивация перехода к сексуальным отношениям не претерпела изменений.

На вопрос: «Есть ли у Вас в настоящее время сексуальные отношения?» – были получены следующие ответы: отсутствует сексуальный партнер (50.5%), при этом 35.8% вообще не имели сексуального опыта, постоянный секс с одним партнером выбрали 28.3% опрошенных, эпизодический секс с одним партнером – 10.5%, остальные отметили, что есть регулярный и эпизодический секс с разными партнерами – 2.2% и 5.3% соответственно. Была выявлена зависимость между наличием сексуальных отношений и полом (коэффициент Крамера – 0.240): девушки, не имеющие сексуальных отношений, составили 30.6% (юноши – 19.9%). Юноши в большинстве своем оказались склонны к эпизодическим и регулярным отношениям с разными секс-партнерами. Распределение по ответу «регулярные сексуальные отношения с одним партнером» оказалось одинаковым между юношами и девушками. Согласно получен-

ным данным, среди православных больше всего оказалось тех, кто имеет сексуальные отношения только с одним партнером (36%), среди мусульман больше всего тех, кто имеет эпизодический и регулярный секс с разными партнерами (11.8%), среди представителей разных религиозных конфессий оказалось большинство по эпизодическому сексу с одним партнером (13%), агностики предпочитают постоянный и эпизодический секс с одним партнером (21.5% и 21.5%). Зависимости от города проживания, получаемой специальности и сексуальных отношений студентов обнаружено не было.

Были заданы вопросы: «Есть ли у Вас партнёр/партнёрша, с кем Вы встречаетесь более трёх месяцев?» и «Были ли у Вас с этим партнёром/партнёршей сексуальные контакты?» На первый вопрос положительный ответ дали 50% студентов; зависимости по полу не обнаружено. При этом у 39.1% есть сексуальные отношения с партнером (юноши – 20.2%, девушки – 18.9%). То есть для студенческой молодежи нормально состоять не просто в близких, но и сексуальных отношениях с партнером. Зависимости от религиозной принадлежности, города проживания и специальности обнаружено не было.

Сексуальные отношения приводят не только к лучшему пониманию партнера и проявлению любви к нему, но и могут привести к незапланированной беременности, различным заболеваниям. Нас интересовало, предохраняются ли студенты и по чьей инициативе, а также как они поступят в случае беременности. Вот какие результаты были получены: большинство студентов предохраняются и делают это по обоюдной инициативе, то есть ответственность берут на себя оба партнера. Среди православных и агностиков тех, кто предохраняется, оказалось больше всего (22.1% и 10.95), среди мусульман и представителей других религий таких очень мало. Была выявлена также зависимость между предохранением и местом проживания: большинство тех, кто проживал или проживает в городе, выбирают «безопасный секс». Однако доля тех, кто не имеет отношений, в том числе и сексуальных, среди жителей села больше. Кроме того, городско-сельское происхождение, город проживания и получаемая специальность также не показали разницу в использовании средств контрацепции (V Крамера = 0.069 и 0.048 соответственно).

В случае наступления беременности большинство ответили «рожу или предложу рожать» (20.8%), около 10% ответили, что сделают аборт или предложат сделать его. Интересно, что около 8% респондентов выбрали вариант «другое» и туда вошли такие ответы, как «зависит от обстоятельств: материальный аспект, здоровье, финансы и др.», «смотря в какое время это произойдет», «если смогу содержать ребенка». Это показывает, что студенческая молодежь готова нести ответственность за свои действия, в том числе и о своем партнере и будущем ребенке. Наше исследование показало, что есть зависимость между решением о возможной беременности и религиозной принадлежностью. Сохранить беременность предлагают большинство представителей православия (28.1% среди православных), на аборте настаивают большинство представителей различных конфессий (19.3% от других религий). Зависимости между городом проживания, происхождением (город/село) и получаемой специальностью в ответе на вопрос о незапланированной беременности обнаружено не было.

На вопрос: «Как Вы относитесь к сексуальным отношениям до официального брака?» – были получены следующие данные: оправдывают – 66.1%, осуждают – 11.3%, относятся нейтрально – 19.7%, другое – 2.6%. В «другое» вошли такие ответы, как «личное дело каждого», «рискованно». Как и предполагалось, различия между представителями различных религиозных конфессий существенные (V коэффициент Крамера = 0.326) (таблица 2).

Определенная взаимосвязь есть между отношением к внебрачным сексуальным отношениям и городско-сельским происхождением студентов. Так, среди студентов-горожан больше тех, кто одобряет внебрачный секс (67.1% от всех горожан), а среди жителей села и деревни больше не только тех, кто осуждает секс до брака, но относится к этому вопросу нейтрально (20.16% и 23.4% соответственно среди всех жителей села/деревни). Зависимости по полу и специальности студентов обнаружено не было.

На вопрос: «С кем Вы готовы консультироваться по вопросам сексуальных отношений и контрацепции?» – были получены следующие ответы. Юноши предпочитают консультироваться с друзьями, в то время как девушки – с врачами и родителями. Некоторые предпочитают искать информацию самостоятельно в специализированной литературе и/или Интернете. Необходимо отметить, что специальность влияет на способ получения консультации по вопросам о сексе и контрацепции: гуманитарии предпочитают консультироваться с врачами, экономисты – с друзьями, технари получают информацию из Интернета. Необходимо отметить, что информация в Интернете может быть опасной, а также неправильно интерпретированной. Зависимость между национальностью, вероисповеданием и возрастом установлена не была. Необ-

Таблица 2

Отношение к сексу до брака среди представителей различных религий, %

Отношение	Православие	Мусульманство	Буддизм, иудаизм и др.	Агностицизм, не отношусь ни к какому вероисповеданию
Оправдываю	36.7	1.2	1.6	25
Осуждаю	3.6	5.3	0.4	1.5
Отношусь нейтрально	12.7	2	0.6	3.3

ходимо пропагандировать среди студентов безопасные сексуальные отношения, грамотную контрацепцию и профилактику ЗППП и СПИДа.

Заключение

Результаты исследования показывают, что в современном обществе среди студенческой молодежи все большее распространение получает толерантное отношение к сексу до официального брака, а также смене нескольких сексуальных партнеров до момента заключения брака. Сексуальный дебют не всегда происходит в «одобряемом» возрасте (18 лет и старше), а происходит намного раньше и приходится на 16 лет и младше. Средний возраст сексуального дебюта – 17.6 лет. При этом юноши начинают сексуальную жизнь раньше, чем девушки. Студенты-экономисты также имеют сексуальный дебют раньше, а среди студентов-гуманитариев больше тех, кто вообще не имеет сексуальных отношений. В роли первого сексуального партнера девушки предпочитают более старших и опытных партнеров, в то время как парни – девушек-ровесниц. Юноши могут иметь отношения с несколькими партнерами, в то время как для девушек характерны регулярные интимные отношения с одним партнером. Среди представителей православия больше тех, кто предпочитает моногамные регулярные сексуальные отношения. Мотивы вступления в сексуальные отношения не претерпели изменений и коррелируют с другими исследованиями, часто студенты декларируют их как получение удовольствия, удовлетворение, любовь, близость. Для девушек более характерны близость к партнеру и любовь (эмоциональная составляющая), а для юношей – укрепление своего авторитета и получение удовольствия, ради развлечения (инструментальный подход). Вступая в сексуальные отношения, молодежь использует средства контрацепции, более ответственно подходит к собственному здоровью и здоровью своего партнера. В случае наступления незапланированной беременности большинство ответили, что родят или предложат родить. Возможно, это связано с тем, что были опрошены студенты старших курсов. В то же время беременность стараются отложить на тот момент, когда будут финансовые возможности. Ответы на вопросы о контрацепции и интимной сфере не являются закрытыми и недоступными для студентов, они готовы обсуждать их с родителями, врачами и со специалистами либо искать информацию самостоятельно. Полученные выводы могут быть использованы в программах просвещения студенческой молодёжи по вопросам контрацепции.

Статья подготовлена в рамках проекта «Динамика представлений студентов в сферах гендерных, этнокультурных и брачно-семейных отношений», грант РФФИ № 18-011-00580, руководитель Т.А. Гурко.

Примечание

1. См. в этом номере: Т.А. Гурко, С.А. Орлянский, В.С. Тарченко «Поведение и установки студентов в частной сфере».

Список литературы

1. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.
2. Val Gillies Family and Intimate Relationships: A Review of the Sociological Research. South Bank University, 2003. 23 p.
3. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2017. 704 с.
4. Рогачева Т.В., Маликова Н.Н., Захаров М.А. Сексуальная культура современной российской молодежи // Медицинская психология в России: Электронный научный журнал. 2013. № 1. URL: mprj.ru/archiv_global/2013_1_18/nomer/nomer12.php.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

STUDENTS' SEXUAL BEHAVIOR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

V.S. Tarchenko

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article presents the results of a study of students` views concerning sexual behavior. The study was conducted in Stavropol and Moscow in 2019 and involved students aged 20–24 years. This age interval is significant for building relationships with the opposite sex and the formation of the image of the future family. The focus is on the sexual behavior of students of various specialties, including the age of sexual debut, attitude to premarital sex and unplanned pregnancy, contraception. Survey results were analyzed according to gender, urban-rural origin, religious identity and students' area of studies. The results of the study indicate a tolerant attitude to premarital sex and to an earlier sexual debut. At the same time, students demonstrate their responsibility in matters of contraception and prevention of unplanned pregnancy. Channels of information on the problems of intimate life have been identified.

Keywords: sexual relations, sexual debut, students, attitude to abortion, contraception.

УДК 316.354.4

РОССИЙСКОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО: ТЕНДЕНЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2019 г.

К.Е. Косыгина

Косыгина Ксения Евгеньевна, аспирант Вологодского научного центра
Российской академии наук
sene4ka.87@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.07.2019
Статья принята к публикации 22.10.2019

В постоянно изменяющихся социально-экономических условиях возрастает внимание к добровольчеству. Руководством страны поставлены задачи создания эффективных инструментов для использования трудовых ресурсов добровольцев в целях повышения качества жизни населения и претворения в жизнь социальной политики государства на федеральном и региональном уровне. Цель настоящей статьи – изучение современного состояния добровольчества в России, выявление проблемных моментов, препятствующих его развитию, поскольку привлечение добровольцев к решению общественно значимых задач не представляется возможным без учета текущего положения этого движения в российских реалиях. Рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению данного сложного социального феномена. Сделан вывод о междисциплинарности и комплексности добровольчества. Основное содержание статьи разделено на две части. В первой части изучена российская нормативная база в области добровольчества и благотворительности. Выявлено, что в целом государством созданы правовые условия для развития волонтерства на федеральном уровне, однако в регионах этот процесс находится в начальной стадии. Во второй части проведен анализ данных выборочного обследования рабочей силы. Установлено, что уровень включенности граждан в добровольческую деятельность растет. Выявлены зависимости участия в добровольческой деятельности от гендерной принадлежности, возраста, типа населенного пункта. Обоснована необходимость создания организационной модели деятельности добровольческого движения, изучения причин выявленных тенденций и сравнения полученных данных с опытом зарубежных стран, сопоставления темпов развития волонтерства в российских регионах.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, гражданское участие, развитие добровольчества, правовое поле, тенденции, характеристики, динамика.

Введение

Значимость гражданских инициатив в российском обществе постепенно возрастает. В одних случаях через инициативу люди пытаются решить свои проблемы, в других – причиной инициативы становится гражданский протест. Добровольчество (волонтерство) – важнейшая форма гражданского социального участия, которая заключается в мобилизации общественной активности, направленной на решение значимых социальных задач [1]. Характеризуется неравнодушием людей к чужим проблемам, стремлением воплотить в жизнь идеалы, помочь незащищенным социальным группам.

На сплоченность сообщества оказывают отрицательное влияние разделения по признакам партийности, имущественного и социального положения. В этом отношении добровольческие движения вносят свой позитивный вклад в преодоление классового и социального разделения людей. При этом статусные атрибуты уходят на второй план, если человек в своих жизненных установках ставит общественные интересы выше личных.

Поведение человека как добровольца находится в прямой зависимости от окружающей действительности. В нашу жизнь вошла рыночная экономика, а с ней – конкурентная борьба, монополизация, нажива одних и обнищание других, теневой бизнес, нетрудовые доходы, проблема занятости, коррупция, игнорирование социальных и этических критериев. Общенародной солидарности противостоят частные интересы [2]. Общество раскалывается на противоборствующие части и разбегается по отдельным квартирам.

Что может нивелировать негативные последствия рыночной экономики?

Решение проблем можно искать в том числе и в добровольчестве. Власть это осознает. Государство создает условия и новую нормативную базу, позволяющую переосмыслить методы достижения ответственной жизненной позиции через массовое развитие благотворительности и добровольчества.

В Послании Федеральному собранию Российской Федерации в 2016 г. президент В.В. Путин призвал «снять все барьеры для развития волонтерства, оказать всестороннюю по-

мощь социально ориентированным некоммерческим организациям». Он убежден, что «воля и великодушие граждан, которые участвуют в таких проектах, формируют столь необходимую России атмосферу общих дел, создают колоссальный социальный потенциал, и он должен быть обязательно востребован» [3]. Прошлый 2018 г. был объявлен Годом добровольца, начавшись с принятия закона, который обязывает все уровни власти оказывать этой активной части населения всестороннее содействие [4].

Итоги Года добровольца и планы дальнейшего развития этого движения обсуждались на заседании Государственного совета 27 декабря 2018 г. Участники Совета определили основные векторы развития: совершенствование взаимодействия региональных, местных органов власти и добровольцев, более активное использование ресурсов волонтерского движения в социальной сфере (здравоохранении, образовании, культуре, социальной защите и др.) [5].

Вместе с тем в экономически развитых странах волонтерство стало важным экономическим ресурсом. По данным Канадского центра филантропии, канадцы посвящают в среднем 191 час в год работе в качестве добровольцев. Это время эквивалентно 578 тыс. рабочих мест с полной занятостью. В США число добровольцев достигло 56–62% у женщин, посвящающих в среднем 3–4 часа в неделю этому роду деятельности, и 49% у мужчин, занимающихся добровольчеством 3–6 часов в неделю [6]. Вклад волонтеров в ВВП некоторых стран составляет от 2.7% (Норвегия) до 0.1% (Кыргызстан). В среднем по группе 16 стран – 0.9% [7]. В России статистическая база волонтерства находится в стадии формирования, и оценить ресурсы этого труда можно лишь приблизительно в краткосрочной динамике.

Целью настоящего исследования является изучение современного состояния добровольчества в России, выявление проблемных моментов, препятствующих развитию, поскольку привлечение добровольцев к решению общественно значимых задач не представляется возможным без учета текущего положения этого движения в российских реалиях.

Теоретико-методологические подходы

Зарубежная и отечественная научная литература содержит ряд теоретических подходов к изучению волонтерства. М.В. Певная, систематизируя дисциплинарные и методологические основы исследования данного феномена, выделяет тринадцать подходов: философский, экономический, правовой, педагогический, психологический, исторический, социологический, системный, социокультурный, аксиологический, институциональный, деятельностный, общностный [8]. Многообразие представленных подходов позволяет говорить о том, что волонтерство – это явление комплексное и междисциплинарное. Использовать какую-либо одну концепцию для изучения тенденций развития добровольчества было бы ошибочным.

Так, на первом этапе настоящего исследования, рассматривая законодательную базу, регулирующую вопросы добровольчества, будем применять правовой подход, который используется Р.Н. Жаворонковым [9], Э.М. Хаджаровой [10], Е.А. Исаевой [11]. На втором этапе, при анализе данных статистики обратимся к системному [8], социологическому [12], институциональному [13], экономическому [14, 15] и деятельностному (трудовому) подходам.

Исследуя волонтерство, необходимо установить границы рассматриваемого феномена.

В работах американских ученых Л. Саламона и коллег волонтерство определяется «как комплекс мероприятий, реализованный в свободное время вид работы без всякой денежной компенсации» [16]. Российский социолог О.И. Холина трактует данное понятие следующим образом: «добровольчество – это способ выстраивать социальные отношения, развивать и находить применение своим моральным, духовным качествам, получать новые навыки, а также оказывать другим и находить самим себе поддержку, друзей, чувствовать свою необходимость и пользу» [17]. И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон характеризуют «добровольчество как разновидность филантропических практик, бескорыстную индивидуальную или коллективную деятельность на благо других людей или общества» [18].

Понятие «доброволец» зафиксировано в российских правовых источниках и в методологии официальной статистики. Согласно Федеральному закону «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», добровольцы – это «физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг» [4]. Предусматривается, что добровольцы могут осуществлять свою деятельность как индивидуально, так и в составе организаций.

В соответствии с методологией формирования системы показателей трудовой деятельности при определении волонтерства необходимо руководствоваться определенными характеристиками:

– время работы волонтера должно составлять не менее одного часа;

– отсутствие вознаграждения в денежной или натуральной форме (исключением может быть

незначительная денежная поддержка компенсационного характера либо в натуральной форме: питание, транспорт и символические подарки);

– волонтерство – работа, выполняемая без гражданских, юридических или административных обязательств и без принуждения;

– производство «в интересах других лиц» относится к работе, выполняемой: посредством или в интересах организаций, в том числе посредством или в интересах групп самопомощи, взаимопомощи или общинных групп, членом которых является волонтер; в интересах домашних хозяйств (кроме домашнего хозяйства самого волонтера или членов его семьи).

Необходимо отметить, что из числа добровольцев исключаются занятые общественными работами или работами в местах лишения свободы, на военной или гражданской службе, также занятые неоплачиваемой работой в рамках образовательных программ, профессионально-технической подготовкой и трудом в течение рабочего времени по найму [19].

Важнейшей предпосылкой развития добровольчества является наличие сильной и устойчивой мотивации субъектов к осуществлению данной деятельности. Д. Баркер выделяет три основных мотивационных фактора, которые объясняют, почему люди становятся добровольцами: альтруизм, инструментализм и обязательства. В частности, альтруистические мотивы включают в себя: солидарность малоимущих; сострадание нуждающимся; отождествление себя со страдающими людьми; возможность дарить надежду несчастным. Инструментальными мотивами являются: получение нового опыта и навыков; загрузка свободного времени; общение, установление контактов и личное удовлетворение. Мотивы обязательства: моральный, религиозный долг; помощь местному сообществу; ощущаемая обязанность добиться перемен [20].

Логика настоящего исследования основывается на комплексном подходе, который позволяет более широко подойти к рассмотрению основных тенденций формирования данного явления и показать его значимость для социально-экономического развития страны.

Результаты и обсуждение

Тенденции развития российского добровольчества предлагается рассмотреть в двух аспектах: правовые основы и измерение добровольчества с использованием данных выборочного обследования рабочей силы и официальной статистической методологии формирования системы показателей трудовой деятельности.

Российская нормативно-правовая база волонтерства

Формирование благоприятного правового поля для развития добровольчества является важной предпосылкой активизации его потенциала как «ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев» [21].

Смена экономической формации в России привела к необходимости законодательного закрепления добровольного участия граждан на принципах безвозмездного труда на общее благо. Вместо преобладания идеологической составляющей добровольчества в советское время, которая характеризовалась участием граждан главным образом в субботниках под руководством коммунистической партии, потребовалось иное организационное оформление этого процесса. Новые правовые основы в области добровольчества стали создаваться в 1995 г. с принятием закона «Об общественных объединениях». Закон предусматривает право граждан на добровольное объединение для защиты своих интересов и решения социально значимых задач. Спустя три месяца выходит новый закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», который развивает общие принципы создания специализированных организаций для осуществления ими благотворительной деятельности, создающей организационные основы объединения граждан для добровольческого труда.

Акцентирование внимания в законах на преобладающей роли добровольческих организаций не отражало необходимости участия граждан в иных формах безвозмездной деятельности в общих интересах. Поэтому в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., принятой в 2008 г., определено, что в качестве приоритетного направления следует рассматривать развитие практики благотворительной и добровольческой деятельности граждан, а не только организаций. Конкретные формы поддержки определены Концепцией содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества РФ, утвержденной Правительством РФ 30 июля 2009 г. Документом введены налоговые стимулы, корпоративная социальная отчетность, расширен перечень организационно-правовых форм благотворительных организаций, определена имущественная поддержка, установлены направления поддержки в формировании целе-

вых капиталов некоммерческих организаций, а также оговорены ключевые аспекты создания системы устойчивого взаимодействия власти, граждан, общественных организаций и бизнеса.

Практика организации крупных международных и всероссийских мероприятий, таких как XXII Олимпийские зимние игры в Сочи 2014 г., Чемпионат мира по футболу 2018 г., ежегодные шествия Бессмертного полка, показала высокую эффективность использования добровольного труда. Значима работа добровольцев и в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Например, волонтеры помогали при наводнениях в Краснодарском крае в 2012 г., Хабаровском крае в 2013 г., Кировской области в 2016 г., принимали активное участие в тушении лесных и торфяных пожаров в Иркутской области в 2015 г. С учетом этого положительного опыта была утверждена новая Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчеству в РФ до 2025 г. Необходимо отметить, что документ сопровождается планом мероприятий по реализации Концепции и планом популяризации добровольчества, деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и благотворительности. Еще одной особенностью современного этапа совершенствования правового поля волонтерства является концентрация внимания на региональном уровне, в частности, активно внедряется Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив (АСИ) (табл. 1). Согласно отчету АСИ, на июнь 2019 г. Стандарт ввели только на 68%. Полностью внедрили данный документ 8% регионов. Это Архангельская, Костромская, Тюменская, Ульяновская области, Красноярский и Хабаровский края и Ямало-Ненецкий автономный округ. В 21 регионе добровольчество является предметом регулирования законов о благотворительной деятельности, а в 16 субъектах действуют отдельные нормативно-правовые акты, основным предметом которых является развитие добровольчества [29].

На современном этапе в России созданы общие правовые основы добровольческой деятельности. Однако остаются неурегулированными некоторые аспекты. В частности, рассогласованность государственной поддержки добровольчества между различными уровнями власти. Отсутствуют стандарты услуг, оказываемых волонтерами, и особый порядок допуска добровольцев к сферам помощи, требующим специальной подготовки.

Анализ состояния добровольческого движения (на основе анализа выборочных исследований Росстата)

Рассматривая тренды развития добровольческой деятельности, важно обратиться к официальной статистике. Для измерения используются данные о трудовой деятельности, занятости и недоиспользованной рабочей силе. Наблюдение ведется с 2016 г. по рекомендации 19-й Международной конференции статистиков труда, проходившей в октябре 2013 г. [30]. Росстатом фиксируется распределение населения, работающего в качестве волонтеров: по половозрастным группам, месту проживания, статусу участия в рабочей силе, по видам работ, типам экономических единиц и продолжительности отработанного времени. Отметим, что исследование, в котором применялись перечисленные выше параметры, проводилось и Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ [31].

Оценку участия россиян в волонтерском труде предлагаем осуществлять в двух измерениях. Во-первых, в расчете на 1000 жителей с целью определения уровня добровольческой активности граждан в целом. Во-вторых, необходимо рассмотреть структуру населения, вовлеченного в данную деятельность.

Анализ показывает, что добровольцами в России являются 10 чел. на 1000 жителей. В динамике с 2016 г. по 2018 г. фиксируется незначительное увеличение числа добровольцев. Вместе с тем наблюдаются различия по возрастным группам. Самые неактивные возрастные группы – это лица 30–39, 60 и старше лет. По уровню участия в трудовой деятельности волонтеров выделяется молодежь в возрасте 15–19 лет: 18 чел. в 2016 г. и 22 чел. в 2018 г. (на 1000 жителей) (табл. 2). Из мотивов включенности молодежи в данную деятельность исследователи выделяют: благодарность окружающих, стремление быть полезным и интерес к общению с разными людьми [32]. Государственная финансовая, информационная, организационная поддержка направлена на развитие добровольческих студенческих объединений по линии Минобрнауки России (за 2016–2017 гг. выделено 236 млн руб.) и Федерального агентства по делам молодежи (в 2018 г. – 210 млн руб.) [33]. Однако среди волонтерского движения молодое поколение уступает лидирующие позиции когорте 50–59 лет (участие варьируется от 19% до 21%). Что касается участия женщин и мужчин, то удельный вес женщин, которые работали в качестве волонтеров, превышает долю волонтеров среди мужчин в 2 раза. В зависимости от типа населенного

Таблица 1

Основные документы и нормативно-правовые акты, направленные на поддержку и регулирование добровольчества в Российской Федерации

Документ	Содержание
Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»	Закрепляет право граждан на добровольное объединение для защиты своих интересов и решения социально значимых задач
Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (с изменениями на 28.12.2016 г.)	Устанавливает организационные основы государственной поддержки молодежных и детских объединений, закрепляет их права в подготовке докладов президенту и правительству РФ, на законодательную инициативу по изменению федеральных законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи, право на участие в подготовке и обсуждении проектов государственных программ
Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»	Определяет цели благотворительной деятельности, общие принципы создания специализированных организаций
Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»	Устанавливает, что одним из направлений деятельности некоммерческих организаций может являться организация добровольного труда
Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662	Определяет в числе приоритетных направлений долгосрочной политики социальной поддержки населения содействие развитию практики благотворительной и добровольческой деятельности граждан и организаций
Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества РФ, утверждена Распоряжением Правительства РФ от 30.07.2009 г. №1054-р	Определяет цели, приоритетные направления, задачи, формы поддержки благотворительной деятельности и добровольчества в РФ
Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»	Устанавливает возможность поддержки государством социально ориентированных некоммерческих организаций, содействующих добровольческой деятельности
Федеральный закон от 05.02.2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»	Вносит изменения в ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: наименование закона теперь следующее – «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Закрепляет основные понятия «добровольческая деятельность», «доброволец», «организаторы добровольческой деятельности», «добровольческая организация». Приравнивает «волонтерство» и «добровольчество»
Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года, одобрена Распоряжением Правительства РФ от 27.12. 2018 г. № 2950-р	Определяет основные направления развития волонтерства в целях обеспечения системного подхода к мерам поддержки добровольческих инициатив. Предполагает принятие планов ее реализации
Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив по поручению Президента РФ, 2018 год	Стандарт направлен на преодоление барьеров по 5 направлениям: организационно-правовое обеспечение, информационно-методологическая поддержка, инфраструктура, стимулирование, финансовая поддержка

Составлено автором по правовым источникам [4, 21–28].

пункта уровень участия населения в расчете на 1000 жителей различается незначительно. Прежде всего, это связано с тем, что большая часть населения сосредоточена в городах, а не в сельской местности. Вместе с тем распределение работников-волонтеров показывает, что городское население преобладает над сельским в соотношении 70% против 30% в 2018 г. (табл. 2). В то же время наблюдается тенденция перемещения волонтерской активности в сельские территории. Предположительно, причиной служит деятельность Фонда президентских грантов. В числе приоритетов Фонда – поддержка проектов из малых городов и сел России. В 2017 г. было поддержано 729 проектов, направленных на развитие добровольчества, на сумму 1 481 млн руб. В 2018 г. по итогам первого конкурса на предоставление грантов было поддержано 280 проектов на сумму 566 млн руб.

В целом, можно сказать, что на участие в волонтерской деятельности оказывают влияние: возраст, пол и тип населенного пункта. Обращает на себя внимание, что показатели активности добровольцев отличаются в расчете на 1000 жителей и в структуре тех групп, которые уже трудятся на добровольном поприще.

Распределение волонтеров по статусу участия в составе рабочей силы показывает, что

Таблица 2

Распределение населения, работающего в качестве волонтеров, по возрастным группам, полу и типу населенного пункта в 2016–2018 гг.

Группа/год	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров	на 1000 населения	в % от числа волонтеров
Всего: из них	9.8	100	10.0	100	10.7	100
Возраст						
15–19	17.5	8.2	18.2	8.3	22.3	10.0
20–29	13.1	19.3	12.0	16.1	12.2	14.8
30–39	11.4	18.6	11.6	18.8	12.0	19.0
40–49	14.1	17.2	12.5	16.7	13.1	17.1
50–59	14.3	21.4	13.6	19.5	14.3	19.1
60 и старше	7.3	15.3	10.0	20.6	9.8	20.0
Пол						
Женщины	11.6	64	12.3	66	14.5	65
Мужчины	7.7	36	7.4	34	6.8	35
Территория						
Город	9.9	75.2	9.9	73.4	9.8	70.1
Село	9.4	24.8	10.4	26.6	12.6	29.9

Составлено и рассчитано по данным [34].

Таблица 3

Структура волонтеров по статусу участия в составе рабочей силы 2016–2018 гг., в % от числа волонтеров

Группа/год	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Рабочая сила из них:	69.2	66.4	65.7
Занятые	65.1	62.8	61.7
Безработные	4.1	3.6	4.0
Лица, не входящие в состав рабочей силы	30.8	33.5	34.3

Составлено и рассчитано по данным [34].

преимущественно добровольцами выступают лица из числа экономически активного населения и занятые в экономике. Вместе с тем динамика рассматриваемого показателя свидетельствует, что постепенно доля тех, кто не входит в состав рабочей силы, но являются добровольцами, увеличивается: изменение 2018 г. к 2016 г. составило 4.5 п.п. (табл. 3).

Данный тренд следует расценивать как положительный в силу того, что учащиеся, студенты, пенсионеры, инвалиды, те люди, которые не способны в силу разных обстоятельств осуществлять трудовую деятельность, приобщаются к добровольному труду. Это помогает преодолевать аномию и неравенство в обществе, пройти социальную адаптацию этим уязвимым группам населения, обеспечить рост их социальной и гражданской компетентности.

Основным направлением деятельности добровольцев является выполнение социальных работ: предоставление помощи пожилым людям, детям, инвалидам или жертвам катастроф, приготовление и подача пищи, перевозка людей. В 2018 г. подобной деятельностью занималось 34% волонтеров, что меньше, чем в 2016 г., на 5 п.п. Значимое место в структуре по видам выполняемых работ занимает благоустройство и очистка территории (16–24%) и оказание помощи животным (7%). Отмечается низкий рейтинг участия в таких видах, как сельскохозяйственные работы, поиск пропавших детей, экологические проекты (по 1%) (табл. 4).

Следующим показателем, характеризующим уровень развития добровольчества, является количество рабочих часов в месяц, затраченных на волонтерскую деятельность. Так, в среднем один волонтер трудится от 8 до 9 часов в месяц. Наблюдается тенденция снижения отработанных часов при увеличении численности волонтеров в стране (рис.). На наш взгляд, это является негативным аспектом, так как рост числа волонтеров может сопровождаться увеличением их участия в разовых (краткосрочных) акциях, между тем страдает систематическая работа. Несмотря на принимаемые меры, пассивность отдельных групп населения растет, особенно выделяются когорты активного трудоспособного возраста. Люди стали меньше уделять внимания добровольческому труду, так как вынуждены в условиях экономических трудностей заниматься извлечением доходов от дополнительной занятости. Следует отметить, что сель-

Таблица 4

Структура волонтерства по видам выполняемых работ в 2016–2018 гг., %

Вид работ/год	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего в том числе по видам работ:	100	100	100
Социальные работы (предоставление любой неоплачиваемой помощи лицам за пределами собственного домохозяйства, пожилым людям, детям, инвалидам или жертвам катастроф, приготовление и подача пищи, перевозка людей и др.)	39.1	35.3	33.7
Благоустройство и очистка территории населенного пункта (уборка мусора, работа по улучшению водоснабжения, парков или дорог, озеленение территории)	16.4	23.1	24.2
Оказание помощи животным	7.4	6.3	6.4
Участие в работе общественных органов школ и других образовательных учреждений, общественных, религиозных и других некоммерческих организаций, клубов, союзов	5.4	4.5	6.4
Предоставление любой бесплатной медицинской помощи или юридической консультации, проведение неоплачиваемого занятия, тренировки, консультирование	5.2	6.1	6.3
Сбор средств на благотворительность или другой социальный проект	7.2	9.0	6.2
Организация спортивных, культурных и других мероприятий	5.6	5.2	5.3
Помощь местной школе	3.7	3.2	4.3
Строительные, ремонтные работы, реставрационные работы	3.6	2.5	2.4
Экологические проекты (расчистка лесов, полей и рек, посадка деревьев)	0.9	1.1	1.1
Поиск пропавших людей	0.8	0.6	0.8
Сельскохозяйственные работы (работа на фермах и в полях)	0.8	1.0	0.6
Другое	3.9	2.1	2.3

Составлено и рассчитано по данным [34].

Рис. Количество рабочих часов в месяц,
затраченных на волонтерскую деятельность в 2016–2018 гг. Составлено по данным [34]

ское население тратит больше времени на выполнение добровольной работы, чем городское. Этому способствует сохранение общинного уклада жизнедеятельности в малых населенных пунктах.

Добровольчество как вид гражданского участия может осуществляться в формальной и неформальной форме. Вертикально направленная формализованная деятельность осуществляется в рамках конкретных организаций и объединений, а горизонтально неформальная деятельность реализуется индивидуально или в составе групп [35, с. 161]. Данные показывают, что удельный вес индивидуального волонтерства составил в общей сложности 80%, включая 1% тех, кто действовал в группах самопомощи, взаимопомощи, других неформальных объединениях. Формальное добровольчество варьируется в пределах 19%. Из организаций наибольшая доля приходится на государственные и муниципальные структуры (13–14%). В составе общественных организаций участвуют в добровольчестве только 5%. Положительной или отрицательной динамики по значениям рассматриваемого показателя с 2016 г. по 2018 г. не наблюдается (табл. 5).

Дальнейшее развитие добровольческой деятельности должно учитывать преобладающую долю волонтерства вне организаций. Чтобы успешно использовать этот трудовой ресурс на

Таблица 5

Структура волонтерской деятельности по типам экономических единиц в 2016–2018 гг., %

Экономическая единица/год	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Посредством или в интересах организаций из них:	19.8	19.1	21.0
Общественные и религиозные организации, другие некоммерческие организации	5.2	5.0	5.4
Государственные, муниципальные структуры	13.3	13.0	14.5
Группы самопомощи, взаимопомощи, другие неформальные объединения	1.3	1.1	1.1
По собственной инициативе (в интересах домашних хозяйств)	78.9	79.8	77.9
Другие	1.3	1.1	1.1

Составлено и рассчитано по данным [34].

благо общества, необходимо внедрять организационные модели, которые бы позволили определить приоритетные направления работы, исходя из местных условий, объединять в команды для достижения синергетического эффекта, решать вопросы материально-технического обеспечения.

Удовлетворение вышеперечисленных потребностей возможно двумя способами.

Первый – с помощью некоммерческих организаций. Согласно российскому законодательству, такие организации могут выступать в качестве организатора добровольческой деятельности [4]. Они имеют право привлекать на постоянной или временной основе волонтеров и осуществлять руководство их работой. Однако при такой организационной модели некоммерческие организации сталкиваются с определенными барьерами гражданского участия. Подчеркнем, что в предыдущих наших исследованиях эти барьеры были определены на основе мониторинга социального самочувствия населения. Выявлено, что восприятие гражданами деятельности некоммерческих организаций находится на невысоком уровне. Причина в низкой информированности граждан о проектах, мероприятиях некоммерческих организаций и, как следствие, в сохраняющемся недоверии [36, с. 36].

Второй – без образования специализированных благотворительных и добровольческих организаций с правами юридического лица, а путем расширения полномочий действующих ресурсных центров для некоммерческих организаций в регионах и муниципалитетах. Ресурсные центры уже сегодня предоставляют широкий спектр услуг отдельным гражданам и инициативным группам: консультирование, информационное сопровождение, организационная и имущественная поддержка, предоставление помещений и оборудования по модели работы коворкинг-центров и другие. Привлечение ресурсных центров позволяет активизировать добровольческое движение с наименьшими затратами, при этом вовлекая участников в сотрудничество с действующими некоммерческими организациями, которые нуждаются в добровольческом труде.

Заключение

Результаты исследования текущего состояния российского добровольчества позволили сделать следующие основные выводы.

1. Волонтерство – это явление комплексное и междисциплинарное, поэтому для осмысления этого сложного социального феномена необходимо руководствоваться несколькими теоретико-методологическими подходами: правовым, институциональным, системным, социологическим, экономическим и деятельностным.

2. На федеральном уровне создана широкая нормативно-правовая база в области добровольчества, которая переносит вектор правового регулирования в регионы и муниципалитеты. С этой точки зрения, региональное звено государственного управления занимает центральное место в вопросе регулирования процессов развития добровольческого движения в стране.

3. Проведенный анализ данных выборочного обследования рабочей силы в рамках официальной статистической методологии формирования индикаторов трудовой деятельности показал положительную динамику в развитии добровольчества в России в части увеличения количества работников-волонтеров за период с 2016 г. по 2018 г. Выявлены зависимость участия в добровольческой деятельности от гендерной принадлежности, возраста, типа населенного пункта. Так, волонтерами являются преимущественно женщины. Наиболее активно трудится молодежь в возрасте 15–19 лет. Наименее – пенсионеры и люди активного трудоспособного возраста. Установлено, что постепенно волонтерская активность перемещается в сельскую местность. Вместе с тем негатив-

ным трендом является снижение количества отработанного одним волонтером времени. Более подробное изучение причин выявленных тенденций и сравнение полученных данных с опытом зарубежных стран, сопоставление развития волонтерства в российских регионах могут стать следующими этапами исследования.

4. Приоритетным направлением является содействие развитию системы добровольчества через создание организационной модели деятельности добровольческого движения, формирование единой информационной базы данных добровольческих организаций и добровольческих акций, так как только организованное добровольчество может обеспечить расширение масштабов добровольческой деятельности и повышение ее результативности.

Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке направлений, программ развития добровольчества, а также социальными учреждениями и некоммерческими организациями при реализации проектов и мероприятий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-011-00724 А «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Список литературы

1. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.

2. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы: Монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.

3. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения: 21.06.2019).

4. Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». URL: https://base.garant.ru/71871620/ (дата обращения: 20.06.2019).

5. Заседание Государственного совета. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59528 (дата обращения: 21.06.2019).

6. Воронова Е.А. Добровольчество как форма благотворительности в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2011. № 1. С. 330–342.

7. Salamon L., Sokolowski W., Haddock M., Tice H. The state of global civil society and volunteering: Latest findings from implementation of the UN. 2013. URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2013/04/JHU_Global-Civil-Society-Volunteering_FINAL_3.2013.pdf (дата обращения: 22.06.2019).

8. Певная М.В. Дисциплинарные и методологические подходы к исследованию волонтерства // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 174–180.

9. Жаворонков Р.Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.

10. Хаджарова Э.М. Правовые основы волонтерской (добровольческой) деятельности в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11. С. 140–151.

11. Исаева Е.А. Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» // Власть. 2013. №10. С. 148–150.

12. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: масштабы, потенциал и факторы развития // Петербургская социология сегодня. 2015. № 6. С. 300–332.

13. Кузьминчук А.А. Модели институционального регулирования социальной общности волонтеров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 55–63.

14. Зинатулин А.М., Карасева Л.А. Экономико-теоретический подход к организации добровольческого движения // Экономический журнал. 2011. Т. 23. № 3. С. 110–115.

15. Clary E.G., Snyder M. The motivations to volunteer: Theoretical and practical considerations // Current Directions in Psychological Science. 1999. Vol. 8. No. 5. P. 156–159.

16. Salamon L., Sokolowski S., Haddock M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, estimates, and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. 2011. Vol. 82. № 3. P. 217–360.

17. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 71–73.

18. Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2010. 419 с.

19. Официальная статистическая методология формирования системы показателей трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, рекомендованных 19-й Международной конференцией статистиков труда (утв. приказом Федеральной службы государственной статистики от 31 декабря 2015 г. № 680). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/712223 98/ (дата обращения: 22.06.2019).

20. Barker D.G. Values and volunteering // Volunteering in Europe, Voluntary Action Research, second series. 1993. № 2.

21. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2009 г. № 1054-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации». URL: http://base.garant.ru/6726429/ (дата обращения: 22.06.2019).

22. Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и дет-

ских общественных объединений» (с изменениями на 28.12.2016 г.). URL: base.garant.ru/103544/ (дата обращения: 23.06.2019).

23. Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-11081995-n-135-fz-o/ (дата обращения: 22.06.2019).

24. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824 (дата обращения: 23.06.2019).

25. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662 «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 21.06.2019).

26. Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». URL: base.garant.ru/12174777/ (дата обращения: 23.06.2019).

27. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 г. № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/

28. Стандарт поддержки волонтерства в регионах, разработанный Агентством стратегических инициатив по поручению Президента РФ, 2018 г. URL: http://libsakh.ru/fileadmin/user_upload/Standart_metodrekomendacii.pdf (дата обращения: 23.06.2019).

29. Информационная справка о внедрении Стандарта поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах (по состоянию на 24 июня 2019). URL: https://asi.ru/news/106724/ (дата обращения: 23.06.2019).

30. Резолюция о статистике трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/stat/documents/normativeinstrument/wcms_235603.pdf (дата обращения: 23.06.2019).

31. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / Под ред. И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 202 с.

32. Ермилова А.В., Исакова И.А., Игнатьева В.И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. 2 (50). С. 88–97.

33. Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации. URL: http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4436 (дата обращения: 30.06.2019)

34. Обследование рабочей силы // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 01.07.2019).

35. Скалабан И.А., Спенсер С.Б. Стратегии общественного участия лидеров формальных и неформальных объединений // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 158–170.

36. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 2. С. 29–38.

RUSSIAN VOLUNTEERING: TRENDS AND CHARACTERISTICS

K.E. Kosygina

Vologda Research Center
of the Russian Academy of Sciences

Currently, in constantly changing socio-economic conditions, attention to volunteering is increasing. The country's leaders set the task of creating effective tools for the use of volunteer labor resources in order to improve the quality of the population's life and implement the social policy of the state at the federal and regional levels. The purpose of this article is to study the current state of volunteering in Russia and to identify problematic issues that hinder its development, since the involvement of volunteers in solving socially important problems is not possible without taking into account the current position of this movement in Russian realities. Using formal-logical research methods, we consider theoretical and methodological approaches to the study of this complex social phenomenon and draw the conclusion about the interdisciplinarity and complexity of volunteerism. The main content of the article is divided into two blocks. In the first block, we studied the Russian regulatory framework in the field of volunteering and charity. It was revealed that, in general, the state created legal conditions for the development of volunteering at the federal level, but in Russia's regions this process is at its initial stage. In the second block, we analyzed the data from a sample survey of the labor force. It has been established that the level of inclusion of citizens in voluntary activities is growing. The dependence of participation in volunteering on gender, age, type of locality has been revealed. In conclusion, we justify the necessity of creating an organizational model for volunteer activities. The study also determined the vision of the future prospects of research on this topic, in particular, in terms of studying the causes of the identified trends and comparing the data obtained with the experience of foreign countries, comparing the pace of development of volunteering in the Russian regions.

Keywords: volunteering, civic participation, volunteering development, legal framework, trends, characteristics, dynamics.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.344.6+811(800:101.8)

ИНКЛЮЗИЯ И ЭКСКЛЮЗИЯ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ПОКАЗАТЕЛИ ЕГО КУЛЬТУРЫ

© 2019 г.

М.Р. Арпентьева, Т.Л. Худякова, О.В. Токарь, Е.Ю. Шпаковская, О.П. Степанова, Н.Г. Баженова

Арпентьева Мариям Равильевна, д.психол.н.; доц.; член-корреспондент
Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru
Худякова Татьяна Леонидовна, к.психол.н.; доц.; заведующий кафедрой практической психологии
Воронежского государственного педагогического университета
tanya.dom@list.ru
Токарь Оксана Владимировна, к.пед.н.; доцент кафедры психологии
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
tokar.mgtu@mail.ru
Шпаковская Елена Юрьевна, к.пед.н.; доцент кафедры психологии
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
sqvorez@mail.ru
Степанова Ольга Павловна, к.психол.н.; заведующая кафедрой психологии
Института гуманитарного образования
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
olga.psihea@mail.ru
Баженова Наталья Геннадьевна, к.пед.н.; доцент кафедры психологии
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
bajenova-magu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2019
Статья принята к публикации 03.10.2019

Отмечается, что в начале инклюзивного движения сторонники полной инклюзии всего лишь «перередактировали» специальное образование; пытались противостоять оппонентам, используя инклюзивную реформу в качестве инструмента идеологического запугивания, а не инструмента развития. Иллюзия значимости инклюзии как единственного пути уважительного обращения с инвалидами поддерживалась различными промоутерами, отрицавшими реальность ради усеченно понятой нравственной справедливости и собственной прибыли. Пропаганда полной инклюзии началась с внешне нравственных предпосылок, однако закончилась контрдвижением, опирающимся на подтвержденную исследованиями консервативного толка идею избирательной инклюзии, базирующейся на индивидуальных потребностях конкретных учащихся. Доказывается, что необходимы сущностные изменения социальных представлений об инвалидности, формирование новых и реформирование старых смыслов отношений в обществе; что только на основе личного продуктивного и эффективного опыта отношений и преобразования этих отношений (на внутриличностном, межличностном, межгрупповом и т.д. уровнях) можно изменить представления о больных и здоровых людях, их «полезности» и отношениях, а также исследовательские подходы к инвалидизации и ее профилактике и преодолению.

Ключевые слова: инклюзия, педагоги, студенты, психологи, понятие инвалидности, категории инвалидов, психологическая инклюзия.

Введение

Социальная аномия XX века, сопровождавшаяся ростом отчуждения людей и сообществ, завершилась в веке нынешнем формированием общества потребления. Консюмеризм, существующий как многоуровневая и многосторонняя изоляция одних социальных групп и людей от других, создает бесчисленные симулякры и псевдотехнологии, призванные удержать эти сообщества и целые страны от полного развала и уничтожения национальных и общечеловече-

ской культур. Однако некоторые из этих технологий и подходов несут потенциал серьезных перемен. К сожалению, такие перемены невозможны без значительных, качественных изменений в сфере отношения людей к себе и друг другу, к окружающему природному и культурному миру. Качественные изменения связаны с дистрессами и кризисами: сознание и бытие обывателя, так же как и сознание и бытие эксперта, обладают ригидностью, требующей специальной подготовки к совладанию со стрессами перемен, их принятию и оценке потерь и перспектив [1–3]. Одной из таких технологий или идей является идея инклюзии. Сложности и перспективы ее внедрения хорошо видны на примере инклюзивного образования, декларируемой целью которого является обеспечение полноценного, многоуровневого и многостороннего включения «нетипичного» человека с особыми нуждами или особыми образовательными возможностями в жизнь более «типичных» членов сообщества.

История инклюзивного, или интегрирующего, образования свидетельствует, как пишет М. Винзер [4, с. 81], что в начале инклюзивного движения сторонники полной инклюзии всего лишь «перередактировали» специальное образование, предложив новые системы, процедуры, породили бесконечные проекты, идеи и метафоры. При этом сторонники инклюзии пытались и до сих пор порой пытаются использовать инклюзивную реформу в качестве инструмента идеологического запугивания, а не инструмента развития образования и сообщества. Иллюзия значимости инклюзии как единственного пути уважительного обращения с инвалидами поддерживается и различными промоутерами, отрицающими реальность человеческих различий и вклада людей в жизнь социума ради усеченно понятой нравственной справедливости и ради собственной прибыли. Пропаганда полной инклюзии на Западе началась с внешне нравственных предпосылок – стремления покончить с дискриминацией и сегрегацией, однако закончилась контрдвижением, опирающимся на подтвержденную исследованиями консервативного толка идею избирательной инклюзии, опирающейся на индивидуальные потребности конкретных лиц. И даже сейчас эта асимметрия существует. Так, Дж. Стаббинс следующим образом характеризует отношение здорового общества к инвалидам в Америке, значительно более, чем Россия, продвинувшейся в реабилитации инвалидов: «Даже те инвалиды, которые живут обычной жизнью (их около трети), подавляют в себе чувство парии, ощущение покровительственного отношения здоровых» [5, с. 23]. Это неудивительно, поскольку речь обычно идет о правах, а не об обязанностях: даже говоря о достоинстве инвалидов, специалисты нередко игнорируют «ответный» полюс инклюзии, взаимность обязанностей и обязательств. При этом профессионалы определяют проблемы и социальные потребности инвалидов способами, которые скорее больше отвечают их собственным интересам и представлениям, чем интересам их клиентов [5]. Обычно внешне заметная инвалидность (ампутации, косметические дефекты, двигательные нарушения и т.п.), психические заболевания или сведения о наличии инвалидности приводят к тому, что у человека появляется клеймо, с которым он вынужден существовать и которое может даже использовать для получения «вторичных выгод». Однако выгоды этого типа – всего лишь относительно удачная попытка компенсировать потери, включая вторичные и третичные дефекты, возникающие как результат дисгармоничных отношений человека с ОВЗ с окружающей средой. А. Финзен осмысляя положение ребенка, или взрослого инвалида пишет: «Его избегают, он не может найти себе друзей, а если и находит их, то они не хотят появляться на людях в его обществе. Его отвергают, насмехаются над ним. Он не находит себе работы, даже такой, которую мог бы выполнять не хуже других. <…> Он делает вывод, что он отвержен. И это действительно так» [6, с. 25]. Поэтому «страдания под воздействием стигмы, предубеждений, диффамации и обвинений становятся второй болезнью» [6, с. 35].

Цель нашего исследования – теоретический анализ социально-психологических и медико-педагогических проблем инклюзии в образовании.

Основная часть исследования

Анализ традиционных и современных исследований инклюзии и эксклюзии в образовании показывает, что необходимы серьезные, сущностные изменения культуры образовательных организаций, в том числе в части трансформации социальных представлений об инвалидности, преодоление общественного невежества в плане восприятия инвалидности и иных и видов квирниса/квиринга («особости» людей на физическом/физиологическом, психологическом, социальном и нравственном уровнях) [7], формирование новых и реформирование старых смыслов отношений в обществе, в том числе формирование и развитие личных отношений и опыта, вместо распространенных социальных иллюзий и невежественных представлений, ве-

дущих к деформации и деструкции отношений человека и его личности, а также к разрушению социума в целом. Только тогда, когда у людей имеется личный продуктивный и эффективный опыт отношений и преобразования этих отношений (на внутриличностном, межличностном, межгрупповом и т.д. уровнях), можно на его основе изменить представления о больных и здоровых людях, их «полезности» и отношениях, изменять исследовательские подходы к инвалидизации и ее профилактике и преодолению, трансформировать исследовательские подходы к изучению жизни людей с особыми нуждами [8; 9].

За последние десятилетия представления о психических болезнях и иных типах нарушений соматического и социально-психологического плана претерпели существенные изменения в направлении большей интеграции. Обыденные представления о душевнобольных и людях с иными ОВЗ все больше «смещаются к норме», что, хотя и парадоксально, приводит к тому, что специалисты все более расширяют круг «отклонений», внося в международные классификации психических и соматических нарушений все большее количество повседневных состояний, или, наоборот, «тривиализируют нарушения» и формируют у сообщества положительные прогнозы о состояниях, ранее считавшихся не только болезненными, но и неизлечимыми. К сожалению, отсутствие развёрнутых исследований такого типа в России не позволяет провести сравнение представлений врачей, педагогов, социальных работников и иных специалистов и их пациентов/клиентов и семей пациентов/клиентов о болезни и больных в диахроническом и синхроническом (временном) контекстах. За рубежом такие исследования также не очень многочисленны.

Например, Н. Морантом изучались представления о психических болезнях среди британских и французских психиатров («mental healht professionals») – людей, «играющих важнейшую роль в снабжении общества инструментами для формирования социальной политики относительно душевнобольных, людей, являющихся источниками обыденных представлений о психических заболеваниях» [10]. В ходе исследования были проведены интервью с профессионалами, в чьи функции входило определение душевного заболевания и наблюдение за ним. Представления работников в сфере психического здоровья, согласно данному исследованию, характеризуются неоднородностью и многокомпонентностью в определении психической болезни.

Н. Морантом описано два типа представлений о психических заболеваниях:

1) медицинское социальное представление, базирующееся на языке психиатрии;

2) функциональное социальное представление, концептуализирующее психическую болезнь как неспособность к действию и функционированию.

Для понимания различий этих концептуализаций можно обратиться к различию между психозом (абсолютной «другостью») и неврозом (непохожестью). Для психиатров и иных врачей и многих «традиционных» педагогов инвалидность – это по большей части абсолютная «другость», для социальных работников, психологов – скорее «непохожесть».

Как уже отмечалось, медицинский и педагогический персонал нередко катастрофизирует нарушения в развитии ребенка: и в силу «принуждений» профессионального дискурса, и в силу того, что медицина и образование все более превращаются в бизнес, включающий множество маркетинговых и иных средств «поддержания спроса». Очевидно, что излеченный пациент, в отличие от пациента вечно больного и страдающего, не будет нуждаться в помощи, а значит, медицинские и иные корпорации и структуры потеряют значительную часть прибыли. Аналогичным образом, идея «непрерывного» образования, так же как и идея образования «инклюзивного», по сути созданы для того, чтобы обеспечить корпорации стабильным доходом, в том числе за счет замедления или блокады развития людей, не имеющих ОВЗ. Очевидно, например, что ряд нарушений без специальных технологий и мер не может быть эффективно и продуктивно преодолен; значит, учащиеся и обучающиеся с данными нарушениями могут существенно затормозить развитие иных учеников, если образовательный процесс будет строиться исходя из их состояния и возможностей. Кроме того, если посмотреть на ТОП-50 профессий, заявленных в России как приоритетные, становится очевидно, что корпорации целенаправленно создают заведомо ущербный план развития человека в образовательных учреждениях: некомпетентный, озабоченный собственными проблемами человек заведомо легче поддается контролю и эксплуатации, чем человек, понимающий себя и мир. Поэтому рост числа людей с ОВЗ и иных квиров иного типа не только «нормализован», но и выгоден. А это означает, что уровень образования, культуры в целом неотвратимо снижается. Само образование все более «растягивается», а культурные достижения нивелируются и маскируются псевдоновациями («толерантность и мультикультурализм», «творчество и андеграунд», «демократия и либерализм» и т.д.).

В целом понятие «инвалид» за рубежом и в России постепенно выходит из употребления, его применение к нетипичным людям с особыми физическими/физиологическими, психологическими, социальными, нравственными ориентациями и потребностями считается нарушением их прав. В нашей стране оно все еще употребляется для определения степени сложности заболевания и определения социальных льгот, предоставляемых человеку. Однако и у нас оно постепенно стало вытесняться такими понятиями, как «ограничение возможностей», «нетипичное состояние здоровья», «особые потребности». Вместе с тем важно отметить, что дети и взрослые, развитие которых отличается от принятой нормы и которые считаются нетипичными, могут быть и являются весьма разными: это и одаренные люди, люди с опережающим развитием в одной или ряде сфер, и люди с ограниченными возможностями и задержками развития. Последние имеют функциональные затруднения в результате заболевания, отклонения, вследствие неприспособленности внешней среды к их особым нуждам, в том числе из-за предрассудков общества по отношению к инвалидам. Они нуждаются в специальных услугах, включая медицинские, социальные, психологические и образовательные. Первые же – в стране, сосредоточившейся на «потребительской корзине», – часто никому не нужны, ими и их семьями никто не занимается, что приводит к тому, что часть таких детей погибает: социальные девиации и смертность среди таких детей и взрослых не оцениваются статистически регулярно, однако эмпирически давно отмечены [11]. Что касается работы с инвалидами и людьми с ОВЗ, то чаще всего обращаются к более или менее нейтральному понятию реабилитации. Реже – что понятно, хотя и непродуктивно – к абилитации: людям с особыми нуждами требуются особые программы развития, формирования навыков и знаний. При этом под реабилитацией понимается возможно более полное восстановление трудоспособности и жизнедеятельности людей с физическими или психическими недостатками, вовлечение их в общественную жизнь или привлечение к семейному или профессиональному труду [8]. Однако, если говорить о будущем инклюзии, то оно подразумевает в первую очередь процессы абилитации, направленные на стимулирование способностей всех учащихся и обучающихся, всемерное и всестороннее развитие их потенциала в целях достижения внутриличностных и межличностных (социальных) гармоничности и транспарентности (понимания себя и мира и соответствия себе и мира), продуктивности и эффективности (субъективно и объективно успешного и компетентного преобразования реальности). Для этого необходимо реформирование (трансформация) всей системы образования, включая ее методическую/технологическую часть и предметно-целевую часть.

Анализ и трансформация деятельности любой организации (образовательной и т.д.) подразумевает последовательное рассмотрение вопросов о предмете этой деятельности, ее цели и задач, а также условий осуществления. С позиций системного анализа процесс освоения образовательной программы представляется деятельностью, направленной на получение субъектом определенных знаний и умений, выражающихся в ряде сформированных компетенций и ценностных ориентаций; то есть результатом учебной деятельности является компетентный специалист, и, следовательно, предметом – процесс формирования профессиональной и личностной компетентности специалиста («становление личностью» и «становление профессионалом» по К. Роджерсу [12]). Успешность освоения конкретных знаний и умений зависит от ряда причин, к которым относятся, в первую очередь, индивидуальные особенности школьника или студента. Эти особенности хотя и позволяют говорить о вариативности внутренних условий освоения компетенций, формирования и развития ценностных ориентаций школьником или студентом, но все же недостаточны. Помимо толерантности и иных принципов «либерально-демократической» вседозволенности, для своего развития личность и общество нуждаются в определении базовых ценностей – принципов жизни, выступающих как стартовые, текущие и конечные планки человеческой жизни, культурные запреты и предписания, включая нормы развития и нормы отклонений [13; 14]. Стартовая планка развития личности определяется уже при поступлении в то или иное учебное заведение. Поэтому, например, образ студента вуза с особыми образовательными потребностями подразумевает какие-то иные характеристики его «особенностей», чем образ учащегося с ограниченными возможностями здоровья применительно к начальной и средней школе, колледжу или к среднему профессиональному учебному заведению. Существуют давние попытки регулировать этот образ законодательно. Так, неоднократно, в том числе законодательно, поднимался вопрос о содержании и этике употребления в лексиконе слова «инвалид» [15]. Однако принимаемые государством меры, не обращенные к работе с идеологическими и религиозными аспектами социальных отношений, не направленные на гармони-

зацию и прояснение этих отношений в целом, являются недостаточными и/или не позволяющими разрешить проблемы отчуждения, аномии, а также их последствий в виде эксклюзии и стигматизации. Кроме того, нарушения психической, физической и иных сторон (жизне)деятельности могут возникать как следствие имевшихся ранее нарушений развития и т.д.: иногда можно говорить о «сложном дефекте», иногда – о сложной жизненной ситуации, и в ряде случаев даже специалисты не могут четко определить суть нарушения и/или его наличие.

Достаточно часто в исследованиях специалистов представлены описания пресловутой «доступной среды». В последние годы в России этой проблеме уделяется большое, порой гипертрофированно большое и при этом демонстративно-фиктивное, внимание. Однако образовательное пространство не ограничивается лишь физико-техническими и природно-материальными средствами и условиями. Многие ученики школ и вузов, имеющие сложные и сочетанные нарушения физической (физиологической), психологической, социальной и духовно-нравственной сфер, нуждаются прежде всего в особом отношении, особом климате воспитания и обучения. Составляющие этого отношения касаются профилактики и коррекции имеющихся неадекватных и формирования и развития новых адекватных представлений у администраций школ и вузов, у профессорско-преподавательского состава, у других школьников и студентов, их семей, а также у всех иных лиц, обеспечивающих образовательный процесс, об инвалидности и «типичности», о нормах и культуре как системе предписаний и запретов, о человеческой жизни и предназначении человека и человечества. В принципе, требования современного психолого-педагогического подхода к образованию подразумевают необходимость индивидуального подхода к каждому ученику; в ситуации контакта с учеником, имеющим расстройства трудно определимой и/или сложной природы, задача несколько усложняется, однако не является совершенно новой. Однако индивидуальное представление о чем-либо – плод личного опыта. Образ студента, отличающегося своеобразием понимания окружающей действительности, иначе в процессе образования осуществляющего интеракции, и в том числе коммуникацию, проявляющего необычное с точки зрения социально принятых норм поведение, формируется и развивается в сознании участников упомянутого процесса только в ситуации непосредственного контакта с таким школьником или студентом. И только при условии позитивности и прозрачности такого контакта он формируется и развивается в достаточной мере реалистично. В случае отсутствия личного опыта или в случае если этот опыт был лишь негативным, реалистичного образа не формируется.

Вместе с тем ученик с ОВЗ нуждается в ряде условий, позволяющих ему осуществлять учебную коммуникацию относительно комфортно. Важным моментом является информирование учителей/преподавателей и школьников/студентов об особенностях психологической регуляции и состояния учеников с теми или иными конкретными и разными нарушениями, их особенностях в учебных и внеучебных ситуациях. Обычно сопровождение студентов с ОВЗ осуществляется в течение всего времени обучения, поскольку предвидеть возникающие внезапно трудности, с которыми он не может справиться самостоятельно в силу своих особенностей, невозможно.

Еще раз можно отметить, что гибкость подхода в каждом случае способствует повышению эффективности освоения студентом образовательной программы. Качественное образование в этом смысле всегда гибко и адаптивно. Однако гибкости программы недостаточно: образовательный процесс осуществляется в определенных социальных условиях, в которых человеку нужна возможность получить поддержку извне, от других и оказать эту поддержку изнутри, себе и другим людям. Для этого педагоги могут активно привлекать учеников к общению друг с другом, формируя и развивая учебные сообщества (отношения внутри школьного класса или студенческой группы): предполагается использование игр, предназначенных для создания сообщества; вовлечение студентов в решение важных для них проблем; культурный обмен и открытое рассмотрение индивидуальных различий путем обсуждения; обучение студентов поиску способов поддержки друг друга; поощрение учащихся, согласных брать на себя роль учителя и помогать обучению; сосредоточение внимания на ресурсах и способностях студента с особыми потребностями; создание системы правил, помощь в определении краткосрочных целей и разработка многогранной учебной программы; общение с родителями и/или опекунами; сотрудничество учителей, в том числе тех, которые работают в рамках специального образования [4; 5]. Однако инклюзия не является показателем культуры отношений отдельного образовательного учреждения, она – показатель культуры отношений в обществе в целом. Поэтому, очевидно, все эти меры должны быть подкреплены масштабными перемена-

ми в сообществе в целом, на всех его уровнях [16].

Успешная инклюзия есть эффективное и продуктивное внедрение в образование инноваций – и таких комплексных, как инклюзивное образование, и таких частных, как образование цифровое [17]. Необходима культура инноваций, в том числе разработка предписаний и запретов внедрения конкретных технологий и идей в образовании и социуме в целом. Успешная инклюзия также предполагает восстановление и широкое применение старых, доказавших действенность технологий и форм. В этом контексте особое внимание можно обратить не столько на непрерывное образование, навязывающее человеку необходимость постоянного переобучения ради сохранения «конкурентных преимуществ» перед другими специалистами и даже роботами («роботоустойчивости»), сколько на его альтернативы: глобальное и дополнительное образование, успешно и интенсивно реализующие инклюзивные функции на самых разных уровнях и обращенные к развитию человека как ценностно-целевого существа, живущего и развивающегося в процессе построения и развития отношений с другими существами [18; 19].

Заключение

Таким образом, существует огромное число психологически важных и трудных моментов обучения людей с ОВЗ, которые необходимо учитывать в процессе работы с ними. Кроме того, выражен запрос на развёрнутую, масштабную работу в направлении осмысления необходимых психолого-педагогических и организационно-методических мер, позволяющих учащимся и обучающимся разных типов продуктивно и эффективно учиться, в том числе в дистанционных условиях. Оптимизация и гармонизация отношений в учебных группах и обучении в целом – сложный процесс, в который не могут быть включены только педагоги или психологи, которым «в нагрузку» добавляют и необходимость обеспечения инклюзивных практик. Напротив, необходима развернутая и масштабная работа, направленная на исследования теоретического и «полевого» характера, позволяющие:

1) дифференцировать круг лиц, которые будут считаться «подлежащими инклюзии», а также основные типы изменений, связанные с инклюзивными практиками: существенное обогащение и трансформация психологической и методической составляющих взаимоотношений, в том числе в условиях дистанционного обучения, организация инклюзивной среды как зоны взаимных прав и обязанностей учеников и учителей с ОВЗ и без ОВЗ;

2) определить конкретный для каждой группы лиц и семей лиц с ОВЗ круг проблем (в отношениях самого ребенка или юноши с ОВЗ, его семьи, одноклассников, педагогов и иного персонала) и меры социально-организационного, психолого-педагогического и учебно-методического уровня, которые нужно предпринять, чтобы инклюзия была возможной в отношении разных групп детей и юношей с ОВЗ, осмыслить особенности проблем в условиях контактного и дистанционного обучения (необходимо устранять/минимизировать причины нарушений, а не симптомы и последствия, необходима переориентация с инклюзии «симптоматической» на содержательную, с коррекционной на профилактическую, то есть с компенсирующей и реабилитационной на целебно-абилитационную, развивающую [20, с. 5]);

3) определить требующиеся в первую, вторую и т.д. очередь трансформации в подготовке и деятельности педагогов, а также изменения в условиях труда педагогов, психологов, медиков и социальных работников, контактирующих с людьми с ОВЗ и сопровождающих инклюзивные процессы, включая условия контактного и дистанционного, заочного и очного образования;

4) осуществить анализ особенностей (возможностей и ограничений, механизмов и т.д.) инклюзии в условиях контактного и дистанционного, очного и заочного образования.

Список литературы

1. Kassymova G.K., Tyumaseva Z.I., Valeeva G.V., Lavrinenko S.V., Arpentieva M.R., Kenzhaliyev B.K., Kosherbayeva A.N., Kosov A.V., Duvalina O.N. Integrative model of student and teacher stress coping: the correction of relations in educational, professional and personal interaction // Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. Vol. 3 (379). P. 2–11.

2. Kassymova G.K., Stepanova G.A., Stepanova O.P., Menshikov P.V., Arpentieva M.R., Merezhnikov A.P., Kunakovskaya L.A. Self-development management in educational globalization // International Journal of Education and Information (NAUN). 2018. № 12. P. 171–176.

3. Kassymova G.K., Tokar O.V., Tashcheva A.I., Slepukhina G.V., Gridneva S.V., Bazhenova N.G., Shpakovskaya E.Yu., Arpentieva M.R. Impact of stress on creative human resources and psychological counseling in crises // International Journal of Education and Information. 2019. Vol. 13. P. 26–32.

4. Winzer M.A. From Integration to Inclusion. Washington: Gallaudet University, 2009. 305 p.

5. Stubbins J. The politics of disability // Attitudes toward persons with disabilities / Ed. H. Yuker. New York: Springer, 1988. 480 p.

6. Финзен А. Психоз и стигма. М.: Алетейя, 2001. 216 с.

7. Арпентьева М.Р. Дискурсы и практики квиринга в современных медиа // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3 (20). Специальный выпуск журнала. Т. 1. С. 151–158.

8. Арпентьева М.Р., Богомолова Е.А. Психосоциальное сопровождение лиц с ОВЗ и их семей: монография в форме эссе // Профессиональная библиотека работника социальной службы. 2016. № 12.

9. Афонькина Ю.А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11 (55). С. 149–162.

10. Morant N. What is mental illness? What is mental illness? Social representations of mental illness among British and French mental health professionals // Papers on social representations. 1995.Vol. 4 (1). P. 41–52.

11. Боровикова И.В. Нормоцентризм, социальная интеграция и социальная инклюзия инвалидов // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 27–29.

12. Роджерс К. Становление человека. М.: Универс, 1994. 480 с.

13. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Markova T.A., Shpakovskaya E.U., Arpentieva M.R., Bazhenova N.G., Tokar O.V., Kirichkova M.E. Value-notional relations of people with persons with disabilities in additional and alternative education and in other inclusive social practices // International Journal of Education and Information. 2019. Vol. 13. P. 41–48.

14. Stepanova O.P., Gridneva S.V., Menshikov P.V., Kassymova G.K., Tokar O.V., Merezhnikov A.P., Arpentieva M.R. Value-motivational sphere and prospects of the deviant behavior // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 142–148.

15. Федеральный Закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 21.12.2012). М.: ГД РФ, 2012. 404 с.

16. Минигалиева М.Р. Философские аспекты социальной работы: парадигмы и практики. Калуга: КГПУ, 2002. 106 с.

17. Kassymova G.K., Arpentieva M.R., Kosherbayeva A.N., Triyono B.M., Sangilbayev O.S., Kenzhaliyev B.K. Science, education & cognitive competence based on e-learning // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. № 1. P. 266–275.

18. Arpentieva M.R., Kassymova K.G., Lavrinenko S.V., Tyumaseva Z.I., Valeeva G.V., Kenzhaliyev O.B., Triyono M.B., Duvalina O.N., Kosov A.V. Environmental education in the system of global and additional education // Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2019. Vol. 3 (379). P. 11–18.

19. Stepanova G.A., Tashcheva A.I., Stepanova O.P., Kassymova G.K., Tokar O.V., Menshikov P.V., Arpentieva M.R. The problem of management and implementation of innovative models of network interaction in inclusive education of persons with disabilities // International Journal of Education and Information. 2018. № 12. P. 156–162.

20. Питерс Т. Аутизм: от теоретического понимания к педагогическому воздействию. СПб.: Институт специальной педагогики и психологии, 1999. 192 с.

INCLUSION AND EXCLUSION IN EDUCATION AS INDICATORS OF ITS CULTURE

M.R. Arpentieva,[1] T.L. Khudyakova,[2] O.V. Tokar,[3]
E.Yu. Shpakovskaya,[3] O.P. Stepanova,[3] N.G. Bazhenova[3]

[1]Kaluga State University
[2]Voronezh State Pedagogical University
[3]Nosov Magnitogorsk State Technical University

The history of inclusive or integrating education shows that at the beginning of the inclusive movement, supporters of full inclusion just «re-edited» special education, proposing new systems, procedures, spawned endless projects, ideas and metaphors. However, they tried to thwart opposing discussions and disputes, using inclusive reform as a tool of ideological intimidation, rather than a tool of development. Various promoters who denied reality for the sake of truncated moral justice and their own profits supported the illusion of the importance of inclusion as the only way to respectfully treat people with disabilities. Propaganda of full inclusion that began with outwardly moral prerequisites – the desire to end discrimination and segregation, however, ended in a counter-movement based on the idea of electoral inclusion, confirmed by conservative studies, based on the individual needs of individual students. Serious, essential changes in social ideas about disability, the formation of new ones and the reform of the old meanings of relations in society are needed. Only then, when people have personal productive and effective experience of relationships and transformation of these relationships (on the intrapersonal, interpersonal, intergroup and other levels), will it be possible, based on this experience, to change the ideas about the sick and healthy people, their «usefulness» and relationships, to change research approaches to disabilities, their prevention and coping with them.

Keywords: inclusion, teachers, students, concept of disability, category of disabled people, psychological inclusion.

УДК 378

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ СТУДЕНТОВ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ПУТИ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

© 2019 г.

О.В. Белова, О.В. Лебедева

Белова Ольга Васильевна, ассистент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
olyb@mail.ru
Лебедева Ольга Васильевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lebedeva@phys.unn.ru

Статья поступила в редакцию 26.09.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Проведен анализ эффективности обучения физике студентов первого курса физического факультета, причин низкой успеваемости по физике части студентов-первокурсников. Анализ проведен по результатам промежуточной аттестации по физике и физическому практикуму, ЕГЭ по физике и профильной математике, а также входного контроля по физике и опроса студентов первого курса физического факультета. Показаны причины затруднений студентов в организации учебной деятельности, в том числе недостаточный исходный уровень готовности большинства студентов к изучению курса общей физики классического университета. Предлагаются пути повышения эффективности обучения физике в создавшихся условиях. Основной акцент поставлен на организацию самостоятельной работы студентов по физике на основе дифференцированного подхода, который предусматривает усвоение теоретических знаний, их применение при выполнении заданий различного уровня сложности, контроль этой работы со стороны преподавателя и самоконтроль обучающихся. Критерием дифференциации является готовность студентов к восприятию учебного материала по физике, в том числе знание школьных курсов физики и математики, уровень сформированности общеучебных умений и навыков.

Ключевые слова: эффективность обучения физике в вузе, ЕГЭ по физике, самостоятельная работа студентов.

Введение

Одной из стратегических задач развития Российской Федерации является ускорение научно-технологического развития, развитие высокотехнологических производств [1]. Достижение поставленной цели невыполнимо без подготовки квалифицированных кадров, способных решать профессиональные задачи на высоком уровне. На физическом факультете ННГУ осуществляется подготовка кадров по приоритетным направлениям развития науки и технологий, таким как «Физика», «Электроника и наноэлектроника», «Нанотехнологии и микросистемная техника», «Информационные системы и технологии». Физика для бакалавров всех направлений подготовки составляет основу для освоения содержания специальных дисциплин. Однако практика показывает, что усвоение содержания физики как учебной дисциплины вызывает значительные трудности у студентов, и, как следствие, происходит неизбежный отсев.

Проблема обучения физике студентов классического университета поднималась ранее в исследованиях [2; 3], при этом во многом эти проблемы связаны с введением единого государственного экзамена по физике и математике как основного инструмента отбора абитуриентов при поступлении в вуз. Представители вузов разных профилей (технических, педагогических) из различных регионов страны указывают одинаковые причины затруднений студентов при изучении курса общей физики: основная масса первокурсников обладает недостаточными знаниями по физике, не умеет их применять при решении задач, не владеет навыками самостоятельной работы [4–6].

В данной статье мы ставим задачу выявить эффективность обучения физике студентов первого курса физического факультета ННГУ, определить причины низкой успеваемости части первокурсников и определить пути решения проблемы.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют деятельностный, компетентностный и дифференцированный подходы в обучении. Методы исследования на данном этапе – анализ

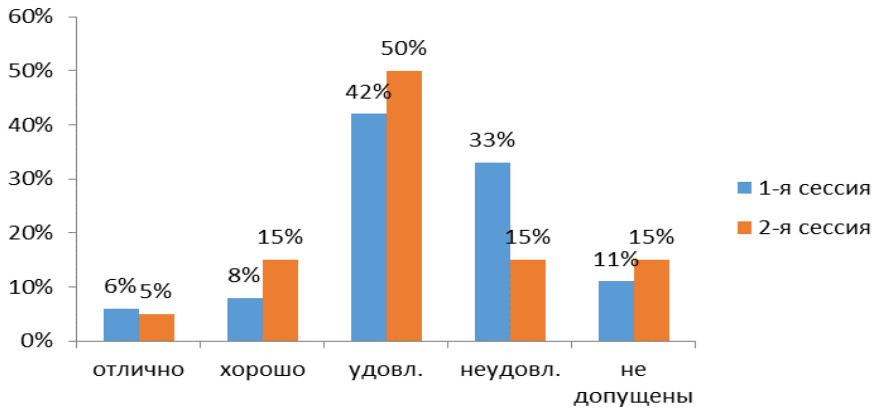


Рис. 1. Успеваемость по физике студентов первого курса физического факультета, обучающихся по направлению «Информационные системы и технологии»

результатов ЕГЭ по физике и математике первокурсников физического факультета, входное тестирование по физике, наблюдение за учебной деятельностью студентов в образовательном процессе, изучение мотивации учебной деятельности студентов, анализ результатов промежуточного контроля по физике и математике.

Исследование эффективности обучения физике студентов первого курса физического факультета

Определение понятия «эффективность обучения» было дано П.В. Зуевым: «мера достижения учеником и учителем позитивного результата учебного познания в ходе их совместной деятельности при рациональном использовании ресурсов субъектов этой деятельности и среды, в которой происходит процесс обучения» [7, с. 38]. Автор рассматривает эффективность обучения физике в школе, но предложенное им определение можно использовать и по отношению к обучению физике на уровне высшего образования. Как видно из определения, при оценке эффективности важен не только результат (качество полученного результата), но и процесс обучения (экономичность, оптимальность, интенсивность). Результат обучения на уровне высшего образования определяется формированием требуемых ФГОС ВО компетенций: «совокупность запланированных результатов обучения по дисциплинам (модулям) и практикам должна обеспечивать формирование у выпускника всех компетенций, установленных программой бакалавриата» [8, с. 11].

Важно выделить критерии эффективности обучения, по которым ее можно оценивать. В работе [9] в качестве критериев эффективности обучения физике в вузе с использованием информационно-образовательной среды представлены компоненты деятельности обучающихся: потребность – мотив – цель – действие. П.В. Зуев предлагает для оценки эффективности обучения, помимо обученности, выделить три аспекта [7, с. 39]:

– значимость полученных знаний и умений для применения их в последующей деятельности;

– значимость полученных знаний и умений при изучении других наук, при самостоятельном обучении;

– степень сформированности умений для организации рациональной деятельности.

Качество обучения отражается в формализованном и едином для всех учебных заведений критерии – таком, как академическая успеваемость (или просто успеваемость). «Успеваемость представляет собой показатель, отражающий степень совпадения фактического и запланированного результата. Этот показатель определяется с помощью педагогической оценки, выраженной в числовой форме – в отметке» [10, с. 61]. При разработке фонда оценочных средств по дисциплине создается шкала для интегрированной оценки уровня сформированности компетенций.

Изучение физики на физическом факультете происходит в течение пяти семестров и разбито на отдельные разделы, по каждому из которых предусмотрена промежуточная аттестация в форме зачета и экзамена. Кроме того, физический практикум по каждому разделу выделен в виде отдельной дисциплины учебного плана, по которой предусмотрен зачет. Приведем успеваемость по физике студентов первого курса, обучающихся по направлению «Информационные системы и технологии» (рис. 1). Результаты показаны без учета пересдач экзамена.

По результатам первой сессии только 14% студентов получили оценки «хорошо» и «отлично», сдали экзамен на положительную оцен-

ку 56% обучающихся. По дисциплине «Физический практикум» академическая задолженность образовалась у 55% студентов. В результате по итогам первого семестра из группы было отчислено 19% студентов и ещё 14% обучающихся взяли академический отпуск, т.е. учебную программу первого семестра не смогли освоить 33% обучающихся. По результатам второй сессии академическую задолженность имели 30% обучающихся.

Анализ мотивации к обучению в данной экспериментальной группе показал, что физический факультет и данное направление подготовки студенты выбрали самостоятельно, это было их взвешенное решение. Большинство студентов экспериментальной группы хотят учиться и видят свое будущее связанным с данным направлением подготовки.

Таким образом, по результатам промежуточной аттестации можно говорить о низкой эффективности обучения физике студентов первого курса.

Анализ причин низкой успеваемости по физике студентов первого курса и пути ее повышения

В первую очередь проведем анализ исходного уровня подготовки студентов по результатам Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по физике. Средний балл ЕГЭ по физике студентов физического факультета, поступивших на направление «Информационные системы и технологии», составляет 62 балла. Данные Федерального института педагогических измерений, полученные на основании результатов сдачи Единого государственного экзамена по физике в 2018 году, показывают, что 70.7% выпускников набрали от 36 до 60 баллов, – это соответствует выполнению заданий только базового уровня сложности [11]. Таких студентов на физическом факультете оказалось больше половины (52.6%). В рассматриваемой группе процент студентов, получивших балл ЕГЭ по физике выше среднего, составляет 31%. Согласно классификации М.Ю. Демидовой, эти студенты относятся к третьей и четвертой группам выпускников. Студенты из третьей группы показывают устойчивое выполнение заданий повышенного уровня сложности. Для четвертой группы (высокобалльников – от 81 до 100 баллов) характерно наличие системных знаний и овладение комплексными умениями.

Для изучения курса общей физики классического университета требуется высокий уровень обобщенных умений решения физических задач, которые должны быть сформированы ещё в школе: анализировать ситуацию, строить математическую модель изучаемого явления и т.д. Большинство студентов первого курса, как показывают результаты ЕГЭ по физике, этими умениями не обладают, что является одной из причин низкой успеваемости.

При изучении курса физики затруднения могут быть связаны с недостаточной подготовкой по математике, поэтому рассмотрим результаты ЕГЭ по математике. Средний балл ЕГЭ по профильной математике первокурсников физического факультета равен 62 баллам. По данным Федерального института педагогических измерений, с первой частью ЕГЭ по профильной математике в 2018 году справились более 85% участников, при этом более 60% участников профильного экзамена набрали баллы в диапазоне от 27 до 61 [12]. Это означает, что эти абитуриенты так и не смогли показать результат при выполнении даже одного из заданий повышенного уровня сложности с полным решением. Среди первокурсников физического факультета таких студентов оказалось 45.6%. Задолженность по дисциплине «Математический анализ» в первую сессию образовалась у 39% студентов экспериментальной группы. Именно такая часть студентов данной группы имеет средний балл ЕГЭ по профильной математике ниже 62.

Результаты входного контроля, проведенного у первокурсников по теме «Кинематика», повторяют результаты ЕГЭ по физике и математике. Исходя из общепринятых норм, содержательный элемент считается усвоенным, если средний процент выполнения соответствующей группы заданий превышает 50%. В нашем случае таких студентов оказалось 50%, и именно эти студенты смогли сдать сессию на положительную оценку. Студентов, выполнивших 80% заданий и более, не оказалось. Не было и студентов, которые совсем не смогли справиться с заданиями. На рисунке 2 показан процент студентов, выполнивших каждое из 10 заданий входного тестирования.

Качественный анализ результатов выполнения заданий входного контроля показал, что студенты не знают базовых понятий физики (таких, как «путь», «перемещение», «полное ускорение») и не умеют их применять (задания 3, 5 и 7). Трудности возникали у студентов при решении задач на криволинейное движение тел (задания 4, 6, 9). Сложным оказалось задание на относительное движение (задание 10). Проблемы возникали при решении задач на нахождение проекции векторов (задания 3 и 10). Наиболее успешными были результаты по решению прямой задачи кинематики (1, 2 и 8), что говорит о том, что студенты умеют брать

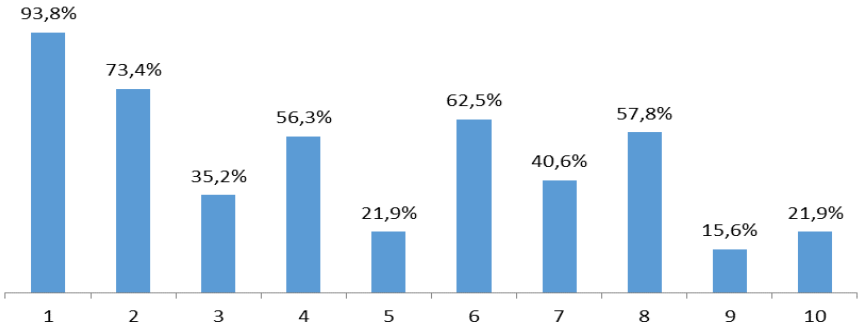


Рис. 2. Анализ результатов выполнения заданий входного контроля по теме «Кинематика» студентами-первокурсниками: по горизонтальной оси – номер задания, по вертикальной оси – процент его выполнения

производную функции; а вот решение обратной задачи (задание 7), которое требовало знаний геометрического смысла интегрирования, вызвало трудности более чем у половины студентов. Таким образом, входной контроль показал пробелы в усвоении школьных курсов как физики (базовые понятия, их применение), так и математики (векторы, интегрирование).

В начале учебного года был проведен опрос студентов контрольной группы, целью которого было выявление затруднений первокурсников при освоении курса физики. Результаты опроса подтвердили выводы, сделанные выше на основе анализа баллов ЕГЭ: почти половина студентов (47%) указала, что им не хватает математических знаний и умений, чтобы применять их при изучении физики. 18% студентов признали, что им не хватает базовых знаний и умений именно по физике, которые должны быть сформированы в школе. Возникают сложности в связи с изменением формы занятий по сравнению со школьным курсом: многим сложно воспринимать и записывать лекции, воспринимать большой объем нового материала. Согласно учебному плану, самостоятельная работа студента из опрошенной группы составляет 25 часов в семестре (без учета времени на подготовку к экзамену), следовательно, на каждое домашнее задание студентом должно быть затрачено не менее 1 академического часа. При опросе выяснилось, что 60.6% опрошенных тратят на выполнение домашнего задания от 1 до 2 часов, что укладывается в нормы плана, но 36.4% тратят более 2 часов. Однако количество потраченного времени далеко не всегда переходит в качество. Наблюдение за учебной деятельностью студентов показало их неумение работать с литературой, находить и структурировать информацию и т.п. Таким образом, причиной низкой эффективности обучения и, как следствие, успеваемости могут быть личные особенности студента, его неумение перестроиться на обучение в вузе, отсутствие самоконтроля.

Из приведенного анализа видно, что существующая разница между уровнем знаний выпускников школ и требованиями университета к абитуриентам не уменьшается. Такая же ситуация наблюдалась и 10 лет назад [2; 3]. Преподавателям приходится сначала восполнять пробелы в физическом и даже математическом образовании студента, что приводит к повышению интенсивности учебного процесса. В таких условиях увеличивается нагрузка и на самостоятельную работу студентов.

На наш взгляд, выход заключается в разработке дифференцированного подхода к организации самостоятельной работы студентов, учитывающего исходный уровень готовности студентов к восприятию учебного материала по физике, в том числе знания физики и математики, общеучебные умения и навыки. При разработке основы для самостоятельной работы студентов необходимо предусмотреть усвоение теоретических знаний, их применение при выполнении заданий различного уровня сложности, возможности контроля этой работы со стороны преподавателя и самоконтроля обучающимися.

Все это требует другого подхода в образовании, когда преподаватель выступает не только в качестве носителя новых знаний, но и в качестве организатора и координатора учебной деятельности студентов.

Заключение

Проведенный анализ успеваемости студентов первого курса физического факультета по физике показал низкую эффективность обучения физике, в результате происходит отсев значительной части студентов, несмотря на то, что большинство из них сознательно выбрали направление подготовки и связали с ним свою будущую профессию. Основной причиной является разрыв между уровнем подготовки выпускников школ по физике и математике, уровнем сформированности общеучебных умений и требованиями, предъявляемыми к студентам

для освоения курса физики классического университета. Создавшаяся ситуация требует совершенствования методики проведения лекционных и практических занятий по дисциплине «Физика» и занятий физического практикума на основе дифференцированного и деятельностного подходов к обучению. Основной акцент необходимо поставить на организацию самостоятельной работы студентов, предусматривающей усвоение теоретических знаний, их применение при выполнении заданий различного уровня сложности, контроль этой работы со стороны преподавателя и самоконтроль обучающихся.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 05.09.2019).

2. Лебедева О.В., Ким Е.Л. Единый государственный экзамен и проблемы обучения студентов физических специальностей в классическом университете // Наука и школа. 2010. № 6. С. 4–5.

3. Зайцева Е.В., Лебедева О.В., Круглова С.С., Соколов В.М. Результаты ЕГЭ и успехи обучения физико-математическим дисциплинам студентов первых курсов университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 3 (3). С. 47–54.

4. Ефремова Н.А., Рудковская В.Ф., Витюк Е.С. О некоторых проблемах обучения физике в вузе // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 8(1). С. 116–120.

5. Лимарь В.В. Проблема качества обучения физике и математике в школе с точки зрения преподавателя вуза // Материалы XII Всероссийской научно-методической конференции «Актуальные проблемы преподавания информационных и естественно-научных дисциплин». Кострома: КГУ, 2018. С. 18–21.

6. Ланкин С.В. Проблемы обучения физике в вузе // Физика: фундаментальные и прикладные исследования, образование: Материалы XV региональной научной конференции. Благовещенск: БГПУ, 2017. С. 152–154.

7. Зуев П.В. Теоретические основы повышения эффективности деятельности учащихся при обучении физике: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. 343 с.

8. ФГОС ВО – бакалавриат по направлению подготовки 09.03.02 Информационные системы и технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/9 (дата обращения: 05.09.2019).

9. Назаров А.И., Ханин С.Д. Информационно-образовательная среда как средство повышения эффективности обучения в вузе // Физическое образование в вузах. 2004. Т. 10. № 3. С. 45–60.

10. Теоретико-методические основы педагогического исследования: учебно-методический комплекс для студентов, магистрантов и аспирантов педагогических специальностей / Авт.-сост. В.И. Турковский. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. 242 с.

11. Демидова М.Ю. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года по физике // Сайт Федерального института педагогических идей fipi.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535372389/fizika_2018.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

12. Ященко И.В., Рослова Л.О., Высоцкий И.Р., Семенов А.В. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года по математике // Сайт Федерального института педагогических идей fipi.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535625213/matematika_2018.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

EFFECTIVENESS OF TEACHING PHYSICS TO FACULTY OF PHYSICS STUDENTS AND WAYS TO IMPROVE IT

O.V. Belova, O.V. Lebedeva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the effectiveness of teaching physics to first-year students at the Faculty of Physics, and explains the reasons for the first-year students' poor academic success in physics. The analysis is based on the results of the mid-terms in physics and the physics laboratory course, the results of the unified state exam in physics and mathematics as well as the entry tests in physics and the questionnaire addressed to the first-year students from the Faculty of Physics. The article also shows the reasons for the challenges that students face in the educational process, including most students' insufficient knowledge for taking the general physics course at a classical University. The article suggests some ways of increasing the efficiency of teaching physics in the current circumstances. The main focus is on the organization of students' independent work using a differentiated approach, which provides for the acquisition of the theoretical knowledge, allows one to apply this knowledge to the tasks of various levels, and to control this work both by a teacher and through students' self-control. The criterion for the differentiation is how ready the students are to master the course material, which among other factors depends on the knowledge of the school physics and mathematics courses, and the level of general learning skills.

Keywords: effectiveness of teaching physics at the University, unified state exam in physics, students' independent work.

УДК 377

ФУНКЦИИ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ АБИТУРИЕНТОВ ТВОРЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МОЛОДЫХ ТАЛАНТОВ

© 2019 г.

М.В. Лагунова

Лагунова Марина Викторовна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры инженерной геометрии, компьютерной графики и автоматизированного проектирования
Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
mvlnn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Рассматриваются проблемы и особенности довузовской геометро-графической подготовки как этапа целостного многоуровневого процесса, обеспечивающего эффективное и рациональное профессиональное становление будущего архитектора и дизайнера. Выделены взаимосвязанные аспекты довузовской подготовки абитуриентов творческих специальностей как элемента системы выявления и развития молодых талантов: общекультурный, общеобразовательный, развивающий, профессионально-направленный. Охарактеризованы функции, компонентный состав, критерии результативности довузовской геометро-графической подготовки. Раскрыта роль Центра профориентации и маркетинга образовательной деятельности, подготовительных курсов при ФГБОУ ВО ННГАСУ как учебной структуры, способствующей реализации предложенной концепции довузовской подготовки. Охарактеризованы результаты педагогического мониторинга. Представлены рекомендации, обеспечивающие эффективность образовательной системы интегративного типа «графическая подготовка школьников – графическая подготовка специалиста».

Ключевые слова: довузовская подготовка, функции геометро-графической подготовки, графическая культура абитуриента, система выявления молодых талантов.

Введение

Система образования всех ступеней призвана обеспечивать условия для развития личности и творческих способностей обучаемых, способствовать индивидуализации обучения, развивать навыки самообразования. В последнее время актуальность проблемы выявления и поддержания молодых талантов, создания благоприятных условий для воспитания личности с высоким уровнем творческих способностей признана на государственном уровне, поддерживается рядом актов и программных документов [1–3]. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов призывает к формированию как совокупности институтов, так и программ и мероприятий, «обеспечивающих развитие и реализацию способностей всех детей и молодёжи в целях достижения ими выдающихся результатов в избранной сфере профессиональной деятельности и высокого качества жизни» [4].

Заметен возросший приоритет творческих аспектов профессиональной деятельности и интеллектуального потенциала во всех областях жизнедеятельности, но особенно актуален он для специалистов творческих профессий: архитекторов, дизайнеров. Основным видом деятельности бакалавров направлений подготовки 07.03.01 «Архитектура», 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды» является деятельность в сфере материальной и духовной культуры, синтезирующая результаты и средства науки, техники, искусства, ориентированная на создание целостной искусственной материально-пространственной среды. Готовность выпускника к этой деятельности предполагает сформированность на высоком уровне графической культуры, актуализацию графических компетенций, что требует выстраивания многоступенчатой непрерывной интегральной программы геометро-графической подготовки, выявления склонностей и способностей к этой деятельности, всемерное стимулирование и развитие творческого потенциала абитуриентов.

Освоение компетенций выпускниками творческих направлений подготовки в силу их личностно-зависимой природы требует разработки механизмов управления индивидуальными траекториями обучения, учитывающих возможности и потребности обучаемых. Организация учебного процесса в вузе затрудняет реализацию заявленных целей, поскольку абитуриенты имеют разный, как правило – недостаточный, исходный уровень геометро-графической под-

готовки, вызванный изменениями в содержании общего среднего образования.

В этих условиях на первый план выходит подготовительный период работы – до поступления в вуз. Публикации последних лет поднимают вопросы о необходимости обеспечения преемственности в геометро-графической подготовке школьников и студентов архитектурно-строительных и технических вузов, о перспективных направлениях совершенствования довузовской графической подготовки [5–11] и др. Обсуждение носит полемический характер, поскольку устоявшиеся традиции не соответствуют требованиям времени, а теоретически обоснованных решений проблемы, основанных на результатах фундаментальных исследований, предложено недостаточно.

Цель данной работы – уточнить функции довузовской подготовки абитуриентов творческих специальностей как элемента системы выявления и развития молодых талантов и этапа целостного многоуровневого процесса, обеспечивающего эффективное и рациональное профессиональное становление будущего архитектора и дизайнера.

Потенциал довузовской геометро-графической подготовки

Аналитический обзор российского образования отмечает разрыв между уровнями знаний выпускников школ и требованиями вузов [10–12] и др. Разрыв же между требованиями образовательных программ геометро-графического цикла и реальной готовностью абитуриентов достиг катастрофической глубины: как отмечают исследователи, фактически геометрия уже исчезла из школьной программы. То же самое случилось и с умением школьников работать с чертежными инструментами. В этой ситуации «геометрического и графического вакуума» [13] на первый курс приходят студенты, не подготовленные к освоению специальных профессиональных курсов.

Существующая система довузовской подготовки абитуриентов, включающая подготовительные курсы, профильные классы, предметные школы, олимпиады школьников, Малые школьные академии, НОУ и другое, относится к категории дополнительного образования и представляет собой элемент непрерывного образования – промежуточный этап между общим полным средним и высшим образованием. Несмотря на то что законодательная база и единые методологические подходы к довузовской подготовке не декларированы, наиболее опытные и квалифицированные преподаватели «идут» в школы, лицеи для непосредственного личного участия в обучении черчению учащихся в старших классах по специально разработанным для этого программам, проводят переподготовку учителей, организуют технические, дизайнерские классы и факультативы с углубленным изучением графических вопросов, расширяющие кругозор и углубляющие научно-техническую и творческую подготовку школьников, другие специализированные формы дополнительного образования [14]. Наиболее педагогически (методически, содержательно) и законодательно разработанной частью довузовской подготовки являются профильные классы [15]. Прерогативой вузов является реализация второй формы – подготовительных курсов. Существенной формой является индивидуальная подготовка.

В ходе исследования выявлен многоаспектный потенциал геометро-графической довузовской подготовки для будущего специалиста творческих профессий [16]. Необходимо выделить следующие взаимосвязанные аспекты: общекультурный, общеобразовательный, развивающий, профессионально-направленный.

Общекультурная и развивающая функция состоит в овладении одним из средств познания окружающего мира, в развитии качеств личности абитуриента. Культурологическая направленность подготовки основана на ее роли в трансляции духовно-культурных ценностей, в частности – представлений о графическом языке как синтетическом, имеющем различные системы (изобразительную, знаковую) отображения информации о трехмерных объектах, его зарождении, развитии и месте среди других языков, созданных мировой культурой. Приобщение к ценностям графической культуры в образовательном процессе является средством присвоения школьником данных ценностей, а значит, средством его развития и саморазвития.

Пространственные представления являются необходимым условием успешного познания и активного преобразования действительности. В развитии мышления и познавательных способностей обучаемых огромную роль играет графическая деятельность [8]. В процессе обучения развивается наглядно-образное мышление. При определенной направленности заданий на трансформацию и комбинирование исходных графических данных оперирование пространственными образами стимулирует логическое мышление. Наглядно-образное мышление, в свою очередь, способствует развитию технического мышления, т.к. является одним из его компонентов.

В процессе графической деятельности совершенствуется репродуктивное и продуктив-

ное воображение, проявляющееся в создании объемных образов реального мира и построении новых (конструирование, переконструирование, совершенствование, преобразование и т.д.). Интеллектуальные операции, задействованные в названных процессах, носят универсальный характер и могут быть применены в других формах и видах творческой деятельности.

Описанные положения подтверждают универсальность графической компетентности для развития познавательных способностей абитуриента, расширения круга используемых мыслительных средств и умственных операций, что в свою очередь повышает адаптивные возможности студента.

Пространственное мышление связано с продуктивными формами деятельности: конструированием, изобразительным (графическим) творчеством. Графическая деятельность способствует развитию творческого мышления, т.е. достижению высоких уровней процесса интеллектуализации.

Перечисленные выше аспекты опосредуют процесс развития и саморазвития личности школьника, подготавливают базу для наиболее полного самоопределения, профессиональной и социальной самореализации. Уникальность графической подготовки как необходимой общеобразовательной составляющей предпрофессиональной подготовки, отвечающей принципам гуманизации, культуросообразности, очевидна.

Профессионально-направленная функция может быть представлена на разных уровнях обобщения. На общетехническом уровне функции геометро-графической подготовки заключаются в овладении умением ориентироваться в графической документации, пространственных отношениях рассматриваемых объектов. Специальная функция обеспечивает основу для профессиональной подготовки будущего архитектора. Языки графического представления информации являются областью геометро-графических дисциплин, наиболее полно использующей функции профессионального коммуниката. Таким образом, активный потенциал графической подготовки продуктивно влияет на формирование профессиональных интересов. Мотивация не просто повышает уровень ориентировки в деятельности. Комплексная реализация перечисленных аспектов геометро-графической довузовской подготовки является запускающим механизмом становления личностной зрелости школьника, профессионального самоопределения и социализации, состоящей в осознанном выборе молодым человеком своей индивидуальной, независимой позиции в системе социальных отношений, поскольку при достижении высоких уровней графической подготовки и успешной графической деятельности у обучаемого возрастает общая мотивация, актуализируются потенциальные способности, возрастает уровень притязаний. Профессионально-ориентированная графическая деятельность оказывает влияние на становление социально-профессионального типа личности абитуриента.

Реализация функций довузовской геометро-графической подготовки

Расширение целевой функции дополнительного геометро-графического образования влечет за собой необходимость совершенствования управления процессом подготовки и процедуры оценивания ее эффективности. Отсутствие информации о направленности и эффективности различных форм подготовки как предпосылки успешности обучения в вузе побуждает профессорско-преподавательский состав вуза, самих обучаемых и их родителей, наряду с уточнением целей геометро-графической подготовки, к проработке отдельных ее аспектов, в первую очередь – вопросов контроля ее качества и результативности. Выдвинутые теоретические положения прошли апробацию в системе взаимного дополнения образовательных подсистем школ, учреждений дополнительного образования г. Н. Новгорода и ФГБОУ ВО ННГАСУ.

В настоящее время система довузовской подготовки, организованная Центром профориентации и маркетинга образовательной деятельности, подготовительными курсами при ФГБОУ ВО ННГАСУ и ориентированная на поиск, поддержку и развитие талантливой молодежи, на ее специфическое обучение и воспитание, на подготовку из числа ее представителей будущей профессиональной элиты в области архитектуры и дизайна, модифицирована в многоэлементную систему, позволяющую обеспечить работу с абитуриентами от разовых консультаций до двухлетней профильной подготовки, их включения в научно-исследовательскую деятельность. Целью довузовской геометро-графической подготовки является выявление и развитие способностей к графической деятельности, формирование ценностно-мотивационных оснований высшего образования, обеспечение продуктивной адаптации к геометро-графической деятельности в системе вузовского обучения, психолого-педагогическое сопровождение абитуриента.

На основе проведенного функционального анализа довузовской геометро-графической подготовки представим инвариантный состав ее компонентов (рис. 1).

Рис. 1. Инвариантный состав компонентов довузовской геометро-графической подготовки

Основным содержанием геометро-графической довузовской подготовки является углубленное изучение основ теории и практики геометрического моделирования, проекционного черчения, требований системы ЕСКД, усвоение приемов графической деятельности, выполнение творческих проектов, презентация научных достижений.

Мерилом результативности довузовской геометро-графической подготовки должна выступать успешность прохождения профессионального вступительного испытания при поступлении на творческие направления подготовки и успешность обучения в вузе, творческая успешность развивающейся личности. Прямая зависимость результата от различных параметров подготовки обусловливает необходимость оценки составляющих процесса, влияющих на достижение цели. Выделение основных компонентов позволяет сформировать показатели эффективности.

Показателями эффективности информационно-знаниевого компонента являются успешность выполнения итоговых заданий, высокий балл на вступительном испытании, наличие остаточных знаний при входном контроле у первокурсников, проявляющийся во владении геометро-графической терминологией, наличии самостоятельно приобретенных знаний.

Операционно-деятельностный компонент включает в качестве показателей процессуальные характеристики владения средствами и способами графической деятельности, устойчиво развитый уровень «ручного» графического мастерства; выявляется умением составлять ориентировочную основу решения типовых графических задач различного уровня сложности, оригинальностью подхода к решению задач, проявляемой на итоговых контрольных работах и вступительных испытаниях.

Показателем эффективности аксиологического компонента является высокий уровень мотивации к обучению в вузе: мотивы достижения образованности за счет наличия графической составляющей, интерес к процессу и результату обучения геометро-графическим дисциплинам, убежденность в действенности усвоенных графических знаний, графических навыков в освоении научного потенциала общепрофессиональных и специальных дисциплин, участие в конкурсах, олимпиадах, конференциях.

Развивающий компонент подлежит контролю на основе выделения параметров метакогнитивных учебных стратегий, включающих наличие эффективного планирования и организацию графической деятельности в заданных временных рамках, самоконтроль и самооценку результатов деятельности, достаточный уровень развития пространственных представлений и пространственного воображения, успешность в разработке индивидуальных проектов.

Совокупность данных показателей позволяет осуществить успешный прогноз успеваемости

студента при изучении геометро-графического цикла, разработать индивидуальную траекторию обучения, возможность раннего привлечения к научной работе и пр.

Показатели качества геометро-графической подготовки потребовали соответствующего методического обеспечения, включающего учебные пособия, педагогические тесты, уровневые задания, динамическую систему оценок, выраженную интегральными показателями операций, в сочетании с экспертной оценкой при научном консультировании исследовательских проектов школьников учеными вузов Международной ассоциации строительных вузов (АСВ) в рамках секций «Геометрическое моделирование архитектурных форм», «Конструктивные задачи на основе параметрического подхода» научного общества учащихся ННГАСУ «ОДАРМОЛ» (http://www.nngasu.ru/dovuz_podgot/prof_centr/nou/index.php). Важным мероприятием оценки результативности довузовской геометро-графической подготовки является участие в ставшей уже традиционной Региональной конференции-конкурсе индивидуальных исследовательских проектов «Молодежные новации строительному комплексу Нижегородской области», которая с 2019 г. включена в перечень олимпиад и конкурсов, направленных на выявление детей, проявивших выдающиеся способности, сопровождение и мониторинг их дальнейшего развития (Приказ Министерства просвещения РФ № 390 от 24 июля 2019 г.).

Исследования показали, что средняя школа без специализированной подготовки обеспечивает достаточный уровень подготовки для успешного вступительного испытания и последующего успешного усвоения геометро-графических дисциплин не более чем в 20% случаев. Низкие результаты объясняются, в частности, тем, что более 80% абитуриентов черчение в средней школе не изучали. Для сравнения: по данным исследования в 2000 г., доля таких абитуриентов составляла 17% [15].

Степень реализации целевых компонентов довузовской геометро-графической подготовки изучалась у первокурсников. Систематическая обработка различных контролей (аттестационных оценок, текущей успеваемости студентов, контрольных работ, зачетов и экзаменов), проводимая в течение 10 лет, подтверждает корреляционную связь между средними показателями аттестационных оценок довузовской геометро-графической подготовки и результатами обучения первокурсников направлений подготовки 07.03.01 «Архитектура» и 07.03.03 «Дизайн архитектурной среды».

Студенты экспериментальной группы, прошедшие обучение на долгосрочных курсах, статистически значимо демонстрируют лучшую успеваемость. У них значительно выше адаптация к условиям обучения в вузе. Студенты краткосрочных курсов имеют меньшую степень адаптации. При этом студенты, не имевшие специальной подготовки и готовившиеся индивидуально, видят причины трудностей во внешних факторах, таких как большой объем учебных заданий и обилие информации, большой объем самостоятельной работы, что свидетельствует о недостаточной сформированности самообразовательной компетентности.

Заключение

Используя вышесказанное в качестве направления научного поиска, приведем положения концепции геометро-графической довузовской подготовки, суть которой заключается в совершенствовании обучения как этапа целостного многоуровневого процесса, обеспечивающего эффективное и рациональное профессиональное становление будущего архитектора, дизайнера. Системообразующим фактором этого процесса выступает цель развития графической культуры абитуриентов в условиях методологической, мировоззренческой, профессиональной направленности обучения, акцентирования развития пространственного мышления и творческого потенциала.

Реализация концепции возможна благодаря:

– смещению акцента графического образования на формирование культуры пространственного мышления и креативной графической деятельности, лежащих в основе творчества как одной из универсальных ценностей для развития и саморазвития личности;

– обеспечению приоритетности и преемственности геометро-графического знания и профессионально-значимых графических умений как фундамента в развитии общекультурных и профессионально ориентированных компонент подготовки абитуриента, значимости самообразовательной компетентности по мере расширения познавательных возможностей и роста графической культуры обучаемых как самостоятельного и важнейшего конструкта будущей профессиональной компетентности;

– созданию ситуаций творческого успеха и условий для непрерывной самоорганизации, самоанализа, самокоррекции, самомотивирования абитуриента для эффективной графической деятельности.

В заключение следует отметить, что кафедры графической подготовки ведущих вузов должны составить организационно-методические центры, обеспечивающие эффективность образовательной системы интегративного типа «графи-

ческая подготовка школьников – графическая подготовка специалиста», которая предлагает целенаправленную подготовку молодежи к предстоящей профессиональной деятельности и обеспечит достижение ожидаемых результатов Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов. К числу необходимых элементов этой системы необходимо отнести:

– выработку единства взглядов преподавателей вузов и работников народного просвещения по различным аспектам графической подготовки учащихся довузовских учебных заведений;

– создание условий для изучения и обобщения передового опыта, организацию переподготовки и повышения квалификации преподавательского состава с ориентацией на внедрение в процесс обучения новых технологий в управлении учебно-познавательной деятельностью обучаемых;

– усиление организационно-методической работы всех образовательных ступеней по выявлению одаренной молодежи, проявляющей интерес и способности к графической подготовке, посредством конкурсов, олимпиад различного уровня и др.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».

2. Комплекс мер по реализации Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов на 2015–2020 годы: Распоряжение Правительства РФ от 27 мая 2015 г. № 3274п-П8 // СПС «Гарант».

3. О мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности: указ Президента Российской Федерации от 28.09.2017 г. № 449 // СПС «Гарант».

4. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов: утв. Президентом Российской Федерации № Пр-827 03.04.2012 // СПС «Гарант».

5. Зонина О.Ф. Развитие графических способностей школьников с признаками одарённости в процессе обучения черчению: Автореф. дис. ... канд. пед. н. М.: МПГУ, 2010. 20 с.

6. Павлова А.А., Корзинова Е.И. Проблемы формирования и развития начальной графической грамотности школьника и студента-первокурсника // Преподаватель XXI век. 2012. № 2. С. 131–135.

7. Анисимова Г.А., Мелкумян О.Г., Москаленко В.О. К вопросу повышения уровня геометро-графической подготовки абитуриентов высших технических учебных заведений // Наука и образование: электронный научно-технический журнал. 2013. № 7. С. 1–6.

8. Кайгородцева Н.В. Геометрия, геометрическое мышление и геометро-графическое образование // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 2. С. 43–43.

9. Мишина Н.В. Методы развития графических умений подростков в процессе художественно-проектной деятельности // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 2. С. 166–167

10. Пантелеева О.О. Результативные способы профессионально ориентированных форм и методов подготовки будущего специалиста на основе анализа довузовского образования строительного университета // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С.13–18.

11. Столбова И.Д., Ширинкина М.А. «Доступная» графика в довузовском образовании // GraphiCon 2018: Труды 28-й Междунар. конф. по компьютерной графике и машинному зрению, Томск, 24–27 сент. 2018 г. Томск: Нац. исслед. Том. политехн. ун-т, 2018. С. 380–384.

12. Корчагин Е.А., Сафин Р.С. Оценка качества образовательных услуг в вузе: педагогические аспекты // Нижегородское образование. 2012. № 4. С. 14–18.

13. Семагина Ю.В., Павлов С.И., Кострюков А.В. О довузовской подготовке и профессиональной ориентации студентов первых курсов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2071–2075. URL: http://e-koncept.ru/2016/96334.htm (дата обращения: 10.09.2019).

14. Францева Ю.Е. Оценка эффективности довузовской подготовки абитуриентов в системе «школа – университет»: Автореф. дис. ... канд. пед. н. Н. Новгород: ННГУ, 2011. 24 с.

15. Предпрофильная подготовка и профильное обучение как факторы обеспечения качественного доступного образования (методические материалы) / Под науч. ред. Н.Н. Сабельниковой-Бегашвили. Ставрополь: ГБОУ ДПО СКИРО ПК и ПРО, 2012. 176 с.

16. Лагунова М.В. Современные подходы к формированию графической культуры студентов в технических учебных заведениях (Практический аспект): Монография. Н. Новгород: ВГИПА, 2001. 260 с.

FUNCTIONS OF PRE-UNIVERSITY TRAINING OF APPLICANTS FOR CREATIVE SPECIALTIES AS AN ELEMENT OF THE SYSTEM FOR IDENTIFYING AND DEVELOPING YOUNG TALENTS

M.V. Lagunova

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

This article examines some problems and features of pre-university training in geometry and graphics as a stage of an integral multi-level process providing effective and rational professional development of future architects and designers. We identify the interrelated aspects (general cultural, educational, developing, professionally oriented) of pre-university training of applicants for creative specialties as an element of the system for identifying and developing young talents. The

functions, components and performance criteria of pre-university geometry and graphics training are described. The role is revealed of the Centre for career guidance and marketing of educational activities, as well as of the preparatory courses as an educational structure contributing to the implementation of the proposed concept of pre-university training. The results of pedagogical monitoring are described. Some recommendations are presented that ensure the effectiveness of the educational system of the integrative type «graphic training of school students – graphic training of specialists».

Keywords: pre-university training, functions of preparation in geometry and graphics, graphic culture of university applicants, system for identifying young talents.

УДК 377.5

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2019 г.

А.С. Ли

Ли Антон Сулбонович, аспирант Волгоградского государственного аграрного университета
anton.li.1978@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2019
Статья принята к публикации 24.10.2019

Рассматривается значение образовательной организации в развитии культуры безопасности обучающихся. Проанализированы подходы к понятию культуры безопасности, выделены условия ее формирования в рамках профессиональной образовательной организации. Отмечается, что развитие безопасной образовательной среды в организациях системы профессионального образования возможно только при создании комплекса условий и участия всех субъектов образовательного процесса; необходимо применять не только организационные, но и педагогические меры, направленные на формирование личных качеств студентов, способствующих развитию культуры безопасности. В качестве направлений предложены учебные занятия с использованием современных компьютерных и мультимедийных средств и активная внеаудиторная работа по развитию позитивного отношения, стимулирование интереса к процессу обеспечения безопасности участников образовательного процесса.

Ключевые слова: безопасность, образовательная среда, безопасная среда, культура безопасности, культура безопасного поведения, культура безопасности жизнедеятельности.

Введение

В современный период развития общества, связанный с эскалацией производства, ухудшением международной ситуации, проблема обеспечения безопасности жизнедеятельности человека и всего общества становится все более значимой. Научно-технический прогресс, усовершенствование технологических процессов, рассматривавшиеся сто лет назад как способ обеспечения растущих материальных потребностей, создания благоприятных условий жизни, сопровождаются нарастанием силы и масштаба чрезвычайных ситуаций, принимающих глобальный характер. При этом усиление воздействия вредных факторов антропогенного происхождения на биосферу приводит к нарастанию силы и масштабов ответных процессов, происходящих в окружающей среде и влияющих на качество здоровья населения.

Как показывает опыт, деятельность общества по недопущению грядущего глобального кризиса не может ограничиваться только нормативными правовыми, организационно-техническими и образовательными мероприятиями [1]. Необходимо, чтобы обеспечение безопасности окружающей среды являлось первоочередной целью и необходимой потребностью человека и общества в целом. Для этого необходимо развивать новое мировоззрение, систему идеалов и ценностей через формирование мирового сообщества безопасного типа [2]. Одним из самых эффективных путей достижения этого является формирование личности безопасного типа поведения и соответствующей культуры через систему образования.

Именно образовательная организация может выступать как пространство формирования культуры безопасности молодого поколения в связи с тем, что образовательная среда представляет собой систему влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении.

В большинстве исследований пространство образовательной организации рассматривается как теоретическая форма отражения среды существования различных образовательных систем: школьное образовательное пространство (Г.И. Воронина), социокультурное пространство (А.А. Сафонова) и др. Можно отметить, что понятие пространства в педагогической науке основано на психологических исследованиях личностного пространства и появилось относительно недавно, однако очень быстро нашло свое развитие в трудах отечественных ученых (Е.В. Бондаревская, Л.И. Новикова, В.В. Сериков). Это связано с тем, что проблемы образования все чаще изучаются с точки зрения целого процесса, взаимосвязи с окружающим миром. Поэтому чаще используют термин «среда» как «характеристику временной координаты

образовательного пространства, как его часть» [3, с. 22].

В свою очередь, культура может рассматриваться и как состояние (уровень), и как процесс [4, с. 110]. Очевидно, что проведение анализа динамичного, непрерывно протекающего процесса значительно сложней, чем проведение анализа отдельного состояния, являющегося его «срезом», статичной «картинкой» в какой-то момент времени. Поэтому в системотехнике, теории исследования операций [5] для упрощения принято рассматривать процесс как переход из одного состояния в другое в различные моменты времени. В связи с этим будет целесообразным определить культуру как состояние, а процесс ее формирования, развития – как достижение последующего состояния, характеризующегося комплексом параметров. Это позволит обосновать критерии и проводить оценку уровня развития отдельных людей, трудовых коллективов, социальных групп, общества в области безопасности жизнедеятельности [4].

Общеизвестны несколько точек зрения по данному вопросу, каждая из которых базируется на собственном специфическом понимании культуры. Можно выделить аксиологическую (Г.П. Выжленцов, Н.З. Чавчавадзе), нормативную (Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович), деятельностную (Э.С. Маркарян), гносеологическую (А. Моль), семиотическую (И. Кант, Ю.М. Лотман) и другие, менее известные теории культуры, системообразующими компонентами в которых являются, соответственно, ценности, нормы, поведение людей, знания, знаки и т.д. Все эти теории выглядят достаточно обоснованными и весьма удобны для понимания культуры как системы созвучных их названиям элементов. Необходим поиск таких ее составляющих, существование которых (после момента создания) не требовало бы непосредственного участия человека и которые были бы такими же статичными, как и культура. Такому видению наиболее полно соответствуют гносеологическая, нормативная и, немного менее, семиотическая теории культуры. Так, знания и нормы более всего отвечают критериям объективности и независимости от конкретного человека.

Культуру безопасности жизнедеятельности целесообразно рассматривать как уровень развития человека и общества, характеризуемого значимостью задачи обеспечения безопасности жизнедеятельности в системе личных и социальных ценностей, распространенностью стереотипов безопасного поведения в повседневной жизни и в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций, степенью защищенности от угроз и опасностей во всех сферах жизнедеятельности [6, с. 5].

А.И. Садретдинова в диссертационной работе проводит анализ культуры безопасности жизнедеятельности и определяет ее как совокупность знаний о безопасности жизнедеятельности человека, нормах и правилах безопасного поведения, осознанном отношении к жизни и здоровью человека; умений и навыков оберегать, поддерживать свою жизнь и здоровье, адекватно вести себя в различных жизненных ситуациях [7]. Данное определение является интегрированным, отражающим исследования культуры безопасности, представленные в ряде диссертационных работ. Можно отметить общие основания к пониманию термина рядом исследователей: рассмотрение культуры безопасности жизнедеятельности как части общей культуры, совокупности знаний в сфере обеспечения безопасности, готовности к саморазвитию, основанное на глубоком осознании приоритета безопасности. В.В. Гафнер отмечает, что официально термин закрепился в 2010 году в тексте Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования [8]. Однако часто для обозначения культуры безопасности жизнедеятельности используются словосочетания «культура безопасной жизнедеятельности», «культура безопасности»; «культура безопасного поведения» [9]. Уверенно можно говорить об отсутствии единого подхода к терминологическому аппарату исследуемых явлений.

Следовательно, под формированием культуры безопасности жизнедеятельности (личности безопасного типа поведения) надо понимать процесс, составляющими которого являются установление и корректировка цели и задач, развитие основных методов и направлений формирования культуры безопасности жизнедеятельности, создание и совершенствование способов эффективного культурно-информационного воздействия и др. Из вышеизложенного следует, что хотя культура безопасности жизнедеятельности и является частью общей культуры, но одновременно обладает и существенным своеобразием. Если общая культура формируется, как правило, естественным путем, под влиянием какой-либо случайной деятельности отдельных людей или их коллективов, то для формирования культуры безопасности жизнедеятельности эта деятельность должна носить целенаправленный, регулируемый характер.

К.В. Планкин в качестве основных элементов культуры безопасности в теоретической форме рассматривает знаниевый, нормативный и семиотический компоненты, представленные в форме вербальных и графических знаков, что обеспечивает краткое и емкое выражение информации о потенциальных угрозах, местах

свободных от них, а также о возможности получения той или иной помощи [10]. И в этом смысле семиотический компонент является интеграцией когнитивного и нормативного компонентов культуры безопасности, одновременно обладая знанием и предлагая человеку те или иные способы поведения. Поэтому в целом между всеми компонентами культуры безопасности невозможно провести четкое разделение, т.к. все они могут взаимопереходить друг в друга.

Структурными компонентами культуры безопасности не могут явиться элементы деятельности и ценности, поскольку культура статична и, будучи созданной, может существовать без обязательного участия человека. В целом решение вопроса о структуре культуры безопасности с опорой на ту или иную теорию культуры является неверным, поскольку каждая из них, во-первых, не исключает применение другой теории, а во-вторых, они не сводимы к элементам, созвучным их названиям.

Несмотря на отсутствие единства относительно культуры безопасности, исследователи сходятся во мнении о необходимости ее формирования, начиная с раннего возраста и на протяжении всей жизни. Рассматривается даже вопрос выделения особого направления педагогической науки – педагогики безопасности (В.В. Гафнер).

Общеизвестно, что среди педагогических условий, способствующих формированию культуры безопасности и качеств личности безопасного типа, выделяется изучение курса основ безопасности жизнедеятельности в системе среднего образования и безопасности жизнедеятельности – профессионального.

Вопросами формирования культуры безопасности жизнедеятельности как важного компонента содержания образования, включающего систему знаний и навыков, способов деятельности, ценностей, норм, правил безопасности, основная функция которых – формирование и развитие готовности к профилактике и сведению к минимуму угроз, использованию социальных факторов безопасности, в том или ином аспекте занимаются многие исследователи [11; 12].

О.Г. Грохольская, Ю.Л. Науменко, изучая методологический аспект современного образовательного процесса, предлагают развивать культуру безопасности обучающихся через разработку нового целевого и содержательного поля: по цели – через соединение концепции самореализации и безопасности личности подрастающего поколения; по содержанию – через концептуальное соединение формализации знания и поэлементного структурирования учебного материала [13].

Анализ

Изучение безопасности жизнедеятельности в профессиональных образовательных организациях (в отличие от общеобразовательных учреждений) должно ориентироваться на будущую профессию выпускника. Представляется, что формирование знаний о безопасной деятельности у студентов должно базироваться на следующих принципах: во-первых, обеспечение тесной взаимосвязи базовых и специальных дисциплин с элементами дисциплин по безопасности деятельности; во-вторых, преподавание специальных курсов по безопасности деятельности. В действительности в основном задача формирования культуры безопасности и соответствующих компетенций возлагается на дисциплину «Безопасность жизнедеятельности», которая в настоящее время включена в учебные планы практически всех направлений и профилей подготовки СПО и ВПО.

Современный процесс обучения специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих, служащих должен основываться на акцентировании учебного процесса в сторону формирования культуры безопасности с активным использованием различных фрагментов о сложных чрезвычайных ситуациях и применением адаптированных к учебному процессу передовых отечественных геоинформационных систем, мультимедийных образовательных и интерактивных игровых обучающих программ, вызывающих интерес учащихся к более эффективному усвоению учебного материала и получению знаний в области защиты населения и окружающей среды и грамотных действий при возникновении какой-либо чрезвычайной ситуации.

П.А. Цандеков выделяет условия формирования культуры безопасности будущих специалистов в процессе обучения: постоянное развитие теоретических знаний о безопасности, способах ее обеспечения; использование информационных технологий обучения на занятиях по ОБЖ и БЖ; практико-ориентированные занятия по развитию культуры безопасности; создание особого эмоционального фона учебного занятия; раскрытие значимости культуры безопасности для жизнедеятельности и последующей профессиональной деятельности [14]. Например, в условиях аудиторных занятий для этих целей, кроме наглядных пособий, должны широко использоваться мультимедийные презентации, фотоматериалы, учебные видеофильмы, электронные учебники и пособия, которые способствуют повышению внимания и запоминанию предмета.

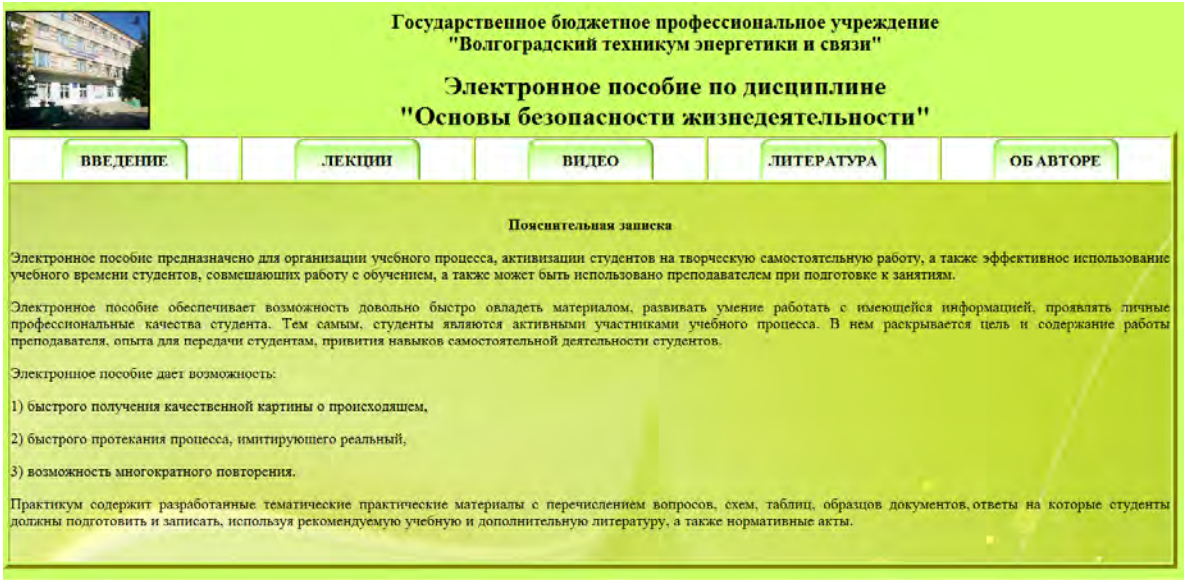


Рис. 1. Электронное учебное пособие по ОБЖ

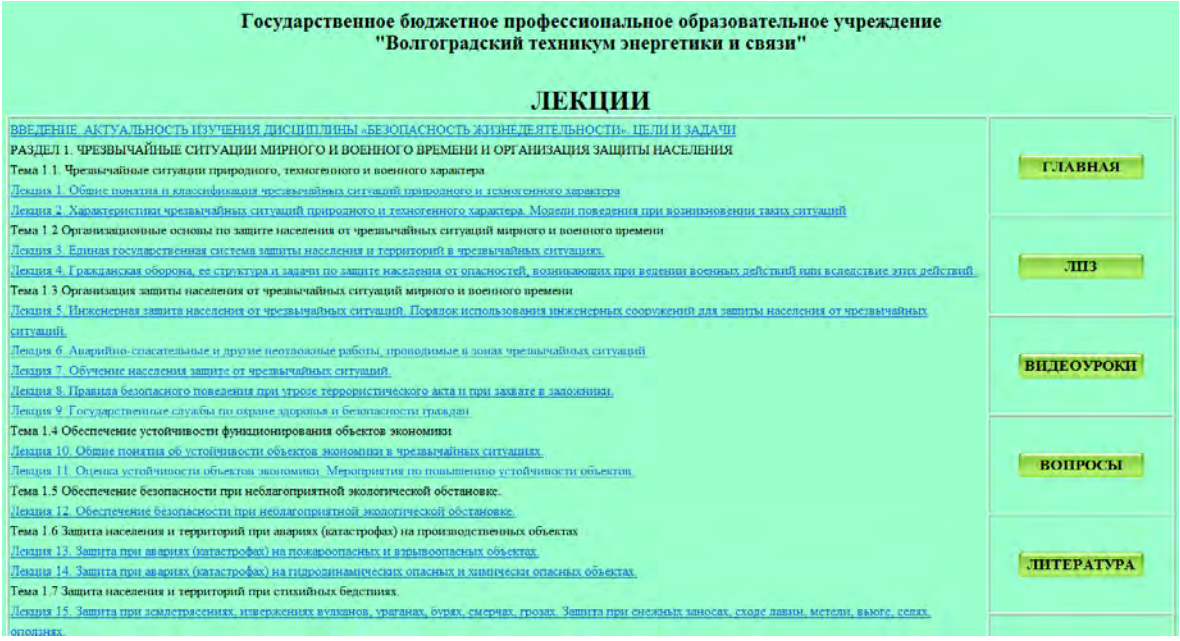


Рис. 2. Электронное учебное пособие по «Безопасности жизнедеятельности»

Для повышения мотивационной составляющей нами были разработаны электронные учебные пособия по дисциплинам «ОБЖ» и «Безопасность жизнедеятельности», которые могут использоваться как на лекционном занятии, так и в ходе самостоятельной работы. Учебные пособия прошли грифование в региональном учебно-методическом объединении и рекомендованы к использованию в системе среднего профессионального образования. Каждое из пособий предлагает пять способов изучения предмета: чтение лекций, отработка практических занятий, просмотр видеофильма, проверка знаний и подготовка к зачету (рис. 1–2).

Целью разработанных учебных пособий является формирование знаний, умений и навыков студентов по различным разделам безопасности жизнедеятельности применительно к профессиональной подготовке; подготовка специалиста, способного реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной творческой (продуктивной) деятельности в профессиональной и социальной сфере, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности, необходимость ее постоянного совершенствования.

Анкета для студентов

Инструкция: Вам предстоит оценить уровень безопасности образовательной среды в нашем техникуме по 3–балльной шкале, где 3 – самое высокое значение, а 1- самое низкое.

Расскажите немного о себе:
пол: мужской ☐ женский ☐
возраст ☐ лет

курс обучения: ☐

специальность/профессия _____
место проживания: г. Волгоград ☐, Волгоградская область ☐, иной регион РФ ☐

№ п/п	Вопрос	Ваша оценка (от 1 до 3)
1.	Как Вы оцениваете вероятность пожара в техникуме?	
2.	Как Вы оцениваете вероятность террористического акта?	
3.	Как Вы оцениваете состояние рабочих мест в учебных кабинетах?	
4.	Оцените уровень комфорта для людей с ограниченными возможностями, созданный в техникуме?	
5.	Оцените состояние медицинского обеспечения в техникуме?	
6.	Как Вы оцениваете вероятность получения травмы на занятиях в учебных мастерских?	
7.	Как Вы оцениваете качество питания в столовой?	
8.	Оцените вероятность проявления неуважения, нетерпимости, неприязни или ненависть по причине иной национальной или религиозной принадлежности среди студентов?	
9.	Оцените вероятность физического насилия в ситуации конфликта среди студентов?	
10.	Оцените вероятность физического насилия в ситуации конфликта студента и сотрудника техникума?	
11.	Как Вы оцениваете вероятность суицида среди своих одногрупповиков?	
12.	Как Вы оцениваете вероятность дисциплинарных нарушений студентов?	
13.	Оцените свое состояние психологического комфорта в техникуме?	
14.	Насколько тревожно Вам находиться в техникуме?	
15.	Оцените свое отношение к одногруппникам?	
16.	Оцените свое отношение к сотрудникам техникума?	
17.	Как Вы оцениваете фильтрацию информации, получаемой из интернета, организованную в техникуме?	
18.	Оцените уровень контроля за организацией доступа в интернет?	

Спасибо за участие!

Опытно-экспериментальная работа по оценке эффективности электронных учебных пособий была проведена на базе ГБПОУ «Волгоградский техникум энергетики и связи». В исследовании приняли участие студенты 1–2 курсов, обучающиеся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Общее число респондентов составило 56 человек. Для оценки сформированности культуры безопасности была разработана анкета для студентов, включающая несколько шкал (предметно-пространственную, валеологическую, социально-психологическую, личностную, информационную), отражающих компонентный состав культуры безопасности личности (рис. 3).

Необходимо отметить, что в практике имеются попытки разработки методик оценки культуры безопасности личности, однако они в большей степени ориентированы на анализ психологической безопасности участников образовательного процесса.

Результаты

Результаты первичной диагностики в экспериментальных и контрольных группах, проведенной в начале учебного года, показали невысокий уровень культуры безопасности студентов (табл. 1).

Подводя итоги первичной диагностики, можно отметить низкий уровень отдельных показателей культуры безопасности студентов. Из таблицы видно, что у студентов отмечается низкий уровень социально-психологического и информационного компонентов. Следовательно, можно говорить о необходимости формирования личных качеств студентов, способствующих развитию культуры безопасности.

Для проверки гипотезы об эффективности использования электронных учебных пособий по ОБЖ и БЖ на соответствующих учебных дисциплинах был проведен педагогический эксперимент по их внедрению в учебный процесс. Пособия использовались при проведении 8 практических занятий (аудиторно) и для самостоятельной работы (внеаудиторно). После окончания курса ОБЖ (72 часа) и «Безопасность жизнедеятельности» (32 часа) было проведено повторное анкетирование студентов. В результате анализа были получены следующие данные: выросли показатели социально-психологического и личностного компонентов культуры безопасности студентов (высокий уровень отмечен у 28% и 32% соответственно). Среди остальных компонентов отмечается незначительная положительная динамика (табл. 2).

Выводы

Таким образом, активное использование электронных учебных пособий при изучении дисциплин ОБЖ и БЖ является достаточно эффективным средством повышения культуры безопасности студентов. Кроме того, использование мультимедийного учебника позволяет

Таблица 1

Результаты диагностики культуры безопасности студентов техникума, в %

Шкала	Уровни				
	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Пространственно-предметная	4	12	36	32	16
Валеологическая	18	12	48	20	2
Социально-психологическая	16	16	29	15	24
Личностная	20	12	49	10	9
Информационная	5	12	24	44	15

Таблица 2

Динамика формирования культуры безопасности студентов после проведения эксперимента

Шкалы	Уровни									
	Высокий		Выше среднего		Средний		Ниже среднего		Низкий	
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Пространственно-предметная	4	6	12	16	36	30	32	30	16	18
Валеологическая	18	18	12	16	48	50	20	16	2	0
Социально-психологическая	16	28	16	18	29	33	15	14	24	7
Личностная	20	32	12	14	49	50	10	3	9	1
Информационная	5	5	12	13	24	30	44	40	15	12

(*ЭГ и КГ – экспериментальная и контрольная группы*)

повысить положительный эффект от информационной и эмоциональной наполненности занятий, что способствует повышению эффективности восприятия и запоминания [15]. Однако нельзя говорить о том, что использование электронных учебных пособий является ведущим фактором, формирующим у обучающихся культуру безопасности. Большое значение имеет организация образовательного процесса (методики и средства обучения) и внеурочной деятельности, работа с социумом.

Некоторые авторы не выделяют использование активных методов обучения в качестве условий формирования культуры безопасности обучающихся, отмечая такие направления, как:

– уменьшение числа происшествий в образовательном процессе;

– стимулирование интереса к вопросам соблюдения ТБ;

– участие обучающихся в мероприятиях, ориентированных на формирование культуры безопасности;

– формирование позитивного отношения к обеспечению безопасности;

– использование новейших средств и механизмов обеспечения безопасности образовательного процесса [12, с. 45].

Нельзя не согласиться с С.В. Петровым в том, что не только учебный процесс формирует необходимые личностные качества. Формирование позитивного отношения, стимулирование интереса к процессу обеспечения безопасности являются необходимыми условиями формирования культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся. Реализация данных направлений возможна через комплекс мер: организацию внеурочной деятельности, внедрение основных элементов культуры безопасности в различные учебные дисциплины, просветительскую работу с родителями и обществом в целом. Именно образование как триединый процесс воспитания, обучения и развития личности должно максимально способствовать развитию культуры безопасности участников образовательного процесса. Подводя итоги, можно отметить, что образовательная организация может выступать как пространство активного формирования культуры безопасности обучающихся.

Список литературы

1. Воробьев Ю.Л. Основы формирования и реализации государственной политики в области снижения рисков чрезвычайных ситуаций. М.: Деловой экспресс, 2010. 248 с.

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. 603 с.

3. Исламшина Г.Р. Проектирование личностно развивающего образовательного пространства учителя иностранного языка в системе повышения квалификации педагогических кадров: Дис. ... к.п.н. М.: Академия повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2004. 181 с.

4. Дурнев Р.А. Культура безопасности жизнедеятельности (дефиниция и уровни формирования) // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 72–77.

5. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989. 367 с.

6. Гражданская защита: энциклопедия / Под общ. ред. В.А. Пучкова. 3-е изд., перераб., доп. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015. 624 с.

7. Садретдинова А.И. Педагогическое проектирование образовательной среды формирования культуры безопасности жизнедеятельности у дошкольников: Автореф. дис. ... к.п.н. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. 22 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897). URL: https://минобрнауки.рф/документы/938 (дата обращения: 25.01.2019).

9. Гафнер В.В. Культура безопасности: аналитический обзор диссертационных исследований (педагогические науки, 2002–2012 гг.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 200 с.

10. Планкин К.В. Основные структурные компоненты культуры безопасности личности // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54–7. С. 103–110.

11. Белов С.В., Девисилов В.А. Российская концепция непрерывного многоуровневого образования в области безопасности жизнедеятельности // БЖД. 2015. № 4. С. 4–9.

12. Петров С.В., Кисляков П.А. Обеспечение безопасности образовательного учреждения. М.: Русский журнал, 2010. 260 с.

13. Грохольская О.Г., Науменко Ю.Л. Становление культуры безопасности личности в условиях изменяющейся России // Культура безопасности личности. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=589&Itemid (дата обращения: 20.01.2019).

14. Цандеков П.А. О формировании личности безопасного типа поведения в вузах // Человек–Природа–Общество: Теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. 2017. № 3 (10). С. 36–40.

15. Титов В.Н. Роль преподавателя в формировании культуры безопасности у студентов // Наука и общество. 2018. № 1 (30). С. 109–112.

PROFESSIONAL EDUCATIONAL ORGANIZATION AS A SPACE FOR THE DEVELOPMENT OF SAFETY CULTURE

A.S. Li

State Agricultural University of Volgograd

The article analyzes the approaches to the concept of safety culture and highlights the conditions for its development in the framework of a professional educational organization. The development of a safe educational environment in the organizations of the professional education system is possible only by providing a set of necessary conditions and ensuring the participation of all subjects of the educational process. It is necessary to apply not only organizational measures, but also pedagogical measures aimed at developing students' personal qualities that contribute to the development of a culture of safe behavior. Among such measures, training sessions with the use of modern computer and multimedia tools and active extracurricular work on the development of a positive attitude, stimulating interest in the process of ensuring the safety of participants in the educational process are proposed. The author has developed electronic textbooks on the subjects «Basics of Life Safety» and «Life Safety», aimed to raise the level of students' safety culture.

Keywords: safety, educational environment, safe environment, safety culture, culture of safe behavior, culture of life safety.

УДК 37.01(092) +37.034

УЧИТЕЛЬСКАЯ, КРАЕВЕДЧЕСКАЯ И АРХИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА В.О. ЭЙНГОРНА

© 2019 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС
viktor-n1962@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.06.2019
Статья принята к публикации 25.10.2019

Среди педагогов конца XIX в., начинавших свою деятельность в Нижнем Новгороде, несправедливо забытым остается В.О. Эйнгорн, который широко известен как исследователь истории Малороссии и труды которого высоко ценились современниками. Он много работал в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, но при этом его основным профессиональным занятием, что является неожиданным, была преподавательская и административная деятельность в средних учебных заведениях (Нижегородский дворянский институт, ряд московских гимназий и 2-я нижегородская гимназия, а после событий 1917 г. – средние школы Нижнего Новгорода). На ниве просвещения В.О. Эйнгорн трудился более 40 лет. Эти годы мало изучены, и многое здесь остается неизвестным, как и его историко-педагогические публикации, которые позволяют причислить его к знатокам истории педагогики и известных учебных заведений России. С привлечением выявленных (хотя и в ограниченном количестве) опубликованных и особенно архивных источников (трех писем, адресованных С.Ф. Платонову, и его отзыва о «педагогической опытности» В.О. Эйнгорна) восстанавливаются основные направления педагогической и административной деятельности. Затрагивается работа В.О. Эйнгорна в Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, участие в архивном строительстве в Нижегородской губернии и в создании архива в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, В.О. Эйнгорн, преподавательская и учительская деятельность, историко-педагогические труды, историк Малороссии, краевед, архивист.

Введение

Среди известных историков конца XIX – начала XX в., исследования которых часто появлялись в таких авторитетных дореволюционных журналах, как «ЖМНП», «Исторический вестник», «Библиограф», «Киевская старина» и других, был Виталий Осипович Эйнгорн (1862–1947). Его имя по праву занимает достойное место в самых авторитетных энциклопедических словарях, в том числе и современных [1, с. 205; 2, с. 569; 3, с. 537; 4, с. 78–100].

К сожалению, специальных исследований о многогранной деятельности историка, преподавателя, учителя, краеведа и архивиста нет, за исключением, пожалуй, одного [5], а архивные материалы мало востребованы [6].

Целями настоящей статьи являются введение в научный оборот архивных материалов, касающихся коммуникативных связей В.О. Эйнгорна с С.Ф. Платоновым; восполнение малоизученных и неизвестных страниц основных направлений деятельности В.О. Эйнгорна во время его работы в Нижнем Новгороде и Москве.

Изученность проблемы

Будущий известный историк родился в Минске, в 1884 г. окончил Петербургский историко-филологический институт по отделению история и география (14 выпуск). Здесь же он обнаружил и склонность к историческим исследованиям. Так, уже на 4 курсе он из предложенных выдающимся ученым Е.Е. Замысловским тем выбрал вопрос «О подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху». С этого времени проблемы Малороссии стали основными в его творчестве.

После окончания института В.О. Эйнгорн начал педагогическую деятельность учителем древних языков, потом преподавал историю и географию (в энциклопедических статьях об Эйнгорне этот факт не упоминается относительно Нижегородского дворянского института – среднего учебного заведения для потомственных и личных дворян[1]). Пробыв 5 лет в Нижнем Новгороде, в 1889 г. он переехал в Москву, где продолжал преподавать те же дисциплины в ряде гимназий (Первой Московской, Одиннадцатой, частной Креймана[2] – одной из первых в Москве и Российской империи). Зарекомендовав себя способным педагогом, он стал директором Карачевской гимназии, где пробыл всего год, а с 20 мая 1911 г. снова был назначен в Нижний Новгород на аналогичную должность во 2-ю гимназию, где и работал до 1 ноября 1918 г.

Многие годы В.О. Эйнгорн активно занимался изысканиями в московских, петербургских и киевских архивах, результаты которых публиковал в статьях. Главным результатом исследовательской деятельности стала книга «Очерки из истории Малороссии в XVII веке. Сношения Малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича», опубликованная под одной обложкой в 1899 г. [8].

Исследование сразу получило положительную оценку. Так, А. Лазаревский – известный специалист по истории Малороссии – в рецензии писал, что автор книги «нашел значительную» часть переписных книг, которые «оставались в неизвестности» [9, с. 33]. Указанные же В.О. Эйнгорном книги «заключают в себе чрезвычайной важности материал для изучения экономической жизни левобережной Малороссии в год очень близкий к 1654 г.» [9, с. 34].

Признанием В.О. Эйнгорна как историка стали две авторитетные премии: имени Г.Ф. Карпова[3] (1894 г.), присужденная Императорским обществом истории и древностей при Московском университете [10], и Уваровская АН. Заметим, что оба отзыва для представления в комитеты по премиям были составлены профессором С.Т. Голубевым – знатоком церковной истории. В.О. Эйнгорн характеризуется «энергичным тружеником науки» [11, с. 89], названа и «главная и бесспорная» [11, с. 88] его заслуга – «тщательное изучение первоисточников» [11, с. 88].

Являясь членом Ученого комитета МНП, С.Ф. Платонов, открывавший дорогу исторической литературе в библиотеки, на его заседании 29 января 1901 г. характеризовал недавно опубликованную книгу о Малороссии как «громадный труд» и нашел возможным «рекомендовать» ее «для фундаментальных библиотек всех вообще средних учебных заведений МНП и одобрить ее для учащихся старшего возраста, библиотек средних учебных заведений» [12].

Публикация многочисленных исследований, а затем и капитального труда о Малороссии, способствовала избранию В.О. Эйнгорна членом ряда авторитетных научных обществ: Общества истории и древностей российских при Московском университете (1894 г.), где он не раз выступал с докладами и сообщениями [13; 14, с. 8–15], Археологической комиссии при Московском Археологическом обществе (1896 г.), Исторического общества Нестора Летописца (1900 г.), Русского военно-исторического общества (1909 г.).

Дореволюционная библиография ученого опубликована; она состоит из трех разделов: 1) «Отдельно изданные труды» (11 названий); 2) «Статьи в повременных изданиях» (25); 3) «Статьи в сборниках» (7) [15, с. 248–250]. Библиографии советского периода, к сожалению, пока нет.

Современные исследователи, хотя и нечасто, но обращаются к интересным выводам, ссылаются на фактологический материал, собранный В.О. Эйнгорном. Так, например, выдающийся отечественный историк Б.Н. Флоря не раз цитировал его книги о Малороссии [16, с. 126, 128, 137–138, 140–143]. В другом капитальном труде о незаурядном российском реформаторе XVII в. А.Л. Ордине-Нащокине Б.Н. Флоря называет В.О. Эйнгорна «известным исследователем судеб православного духовенства Левобережной Украины второй половины XVII в.» [17, с. 333].

Украинские исследователи также иногда обращаются к исследованиям В.О. Эйнгорна [18, с. 240, 246–248, 252–253, 260].

И.П. Кулакова коснулась малоизвестного факта описания В.О. Эйнгорном истории спасения архива Московского университета в 1812 г., до пожара Москвы [19, с. 21].

Е.Л. Кудрина называет В.О. Эйнгорна среди многочисленных авторов, которые занимались изучением личности С. Радонежского [20, с. 65], имея в виду небольшую работу [21], которая вошла в перечень изданий к юбилею Святого [22, с. 16].

К.С. Диянов, касаясь библиографии работ, опубликованных в конце XIX в., пишет: «В числе наиболее крупных исследований, вышедших в это время, можно указать работы В.О. Эйнгорна, связанные, в частности, с изучением особенностей русско-украинских литературных связей второй половины XVII в.» [23, с. 5].

Таким образом, исторические труды В.О. Эйнгорна продолжают привлекать внимание заинтересованных исследователей, оставаясь ценным приобретением российской историографии.

Результаты исследования

Другие же направления деятельности В.О. Эйнгорна малоизвестны.

Б.И. Предигер упоминает его преподавательскую и административную работу. В одной из статей он пишет: «В качестве наблюдателей на испытаниях в средние учебные заведения попечителем направлялись учителя из других школ. Так, попечитель МУО уведомляет, что статский советник В.О. Эйнгорн, преподаватель истории и географии, направлен для наблюдения за письменными работами на экзамене в Московскую частную мужскую гимназию Л.И. Поливанова» [24, с. 120].

Стоит сказать о том, что историко-педагогические труды В.О. Эйнгорна практически забыты, на них не ссылаются исследователи – вероятно, по незнанию. А ведь один из них был опубликован в широко известном сборнике, посвященном великому русскому историку В.О. Ключевскому. Среди авторов сборника прежде всего называют учеников академика: Я.Л. Барскова, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушина, Р.Ю. Виппера, М.М. Богословского, других видных историков: С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, А.С. Лаппо-Данилевского. Имя В.О. Энгорна, без ученой степени, в этом перечне профессоров, приват-доцентов, многие из которых стали в будущем академиками и членами-корреспондентами АН, не стоит обособленно, так как он пользовался заслуженным авторитетом в ученой корпорации. Примечательно, что В.О. Эйгорн предложил в сборник «отрывок» на историко-педагогическую тему из исследования о Московском главном народном училище, который готовился к печати отдельным изданием. Очерк привлек внимание С.В. Рождественского, пожалуй, самого крупного специалиста по истории образования в России, написавшего на него отзыв [25]. Заметим, что его автор был отмечен премией им. А.П. Бахрушина.

Многие мысли опубликованной работы, высказанные более 100 лет назад, современны и актуальны. Например, автор, анализируя учебный план училища, пишет: «Преподаванию истории составители учебного плана главного народного училища придавали большое образовательное и воспитательное значение и поэтому предоставили преподавателю истории довольно значительное число уроков» [26, с. 765]. Говоря о роли учителя, В.О. Эйнгорн соглашался с мнением, изложенным в пояснительной записке, что он «должен был заботиться» не только о том, чтобы «преподавание истории будило мысль учащихся, но также содействовало их нравственному совершенствованию» [26, с. 775]. Автор дает замечательный экскурс в историю учебников по истории и анализирует их содержание. Преподавание русской истории, по его мнению, должно стремиться «к достижению нравоучительных целей» [26, с. 777]. Бессмысленное зубрение В.О. Эйнгорн называл «глупым, несносным и уродливым» приемом [26, с. 789].

Представляет интерес характеристика учебно-методических приемов тогдашнего учителя истории Московского училища Петра Михайловича Дружинина (1764–1827) – известной в свое время личности.

Остаются малоизвестными и другие педагогические труды В.О. Эйнгорна, например, «К вопросу о балловой системе». А как актуально и современно звучит тема «О необходимости усовершенствования современной системы выпускных экзаменов в гимназиях»! Следовательно, названные и прочие историко-педагогические работы В.О. Эйнгорна требуют современного прочтения, прежде всего педагогами-практиками, историками педагогики и специалистами в области методики преподавания истории. Проблематика же его педагогических работ довольно обширна: история ряда учебных заведений, методика преподавания истории, проблемы воспитания, роль учителя в учебном процессе и др.

В исследованиях редко, но имеются упоминания о В.О. Эйнгорне как архивисте и краеведе. Но эти сведения, несмотря на свою лапидарность, являются очень ценными, так как характеризуют его как профессионала в этих направлениях его деятельности.

Стоит кратко, насколько позволяют выявленные источники, остановиться на членстве В.О. Эйнгорна в авторитетной Нижегородской ГУАК. 30 мая 1888 г. он среди большой группы лиц был предложен к избранию в ее члены (заметим, что в опубликованном протоколе заседания в инициалах допущена опечатка «Н.О.»), а 22 октября того же года состоялась баллотировка и все стали членами [27, с. 65]. Следовательно, В.О. Эйнгорн является ее старейшим членом (комиссия открыта 22 октября 1887 г.).

А.С. Гациский – первый председатель НГУАК – был тем любителем старины, который способствовал развитию исследовательского интереса к местной истории В.О. Эйнгорна. А первой печатной работой молодого краеведа было исследование о мордовском этносе [28]. Один из ярких представителей советской нижегородской историографии В.П. Макарихин называл В.О. Эйнгорна среди краеведов, которые «активно публиковали свои научные изыскания» [29, с. 34–35] в изданиях комиссии, и указывал на исследование о «русификации и христианизации мордвы» [29, с. 87]. В «Действиях» комиссии будут опубликованы и другие работы [30].

После перемещения в Москву (первый раз) он оставался в рядах НГУАК и числился как иногородний член. В списке личного состава комиссии на 1 июня 1903 г. он таковым и значился с указанием места работы (1-я гимназия) и адреса (Москва, Арбат, д. Пржевальского) [31, с. 84]. Источники позволяют установить и еще один его московский адрес: среди известных москвичей, которые проживали после 1917 г. на Малой Никитской № 10 (бывший Доходный дом А.И. Тороповой), называется и историк В.О. Эйнгорн.

Когда В.О. Эйнгорн переехал в Москву (второй раз), остается пока неизвестно, но в 1932 г.

В.И. Невский – директор главной библиотеки страны – пригласил его организовать научный архив. По этому поводу Л.М. Коваль пишет: «Его (*В.И. Невского. – В.М.*) инициативе, приглашению к сотрудничеству известного архивиста В.О. Эйнгорна главная библиотека страны обязана созданием хорошо организованного, богатого ценнейшими документами Архива Российской государственной библиотеки» [цит. по: 32, с. 454]. В этом же издании говорится о вхождении архивиста в секцию научных работников библиотеки [33].

Многолетняя работа с неразобранными материалами В.О. Эйнгорна в период подготовки своего основного исследования способствовала накоплению бесценного опыта, который блестяще реализован и применен при создании архива Государственной библиотеки им. Ленина (ныне РГБ) в 1930-е – 1944 гг. Своему делу в крупнейшей библиотеке Европы В.О. Эйнгорн отдавал все свое время, силы, если учитывать, что находился уже в зрелом возрасте, а исследовательская и педагогическая деятельность была практически прекращена. В результате «из неразобранной груды бумаг» был создан архив. А в годы войны архивист отобрал наиболее ценную часть документов для отправки в другие города, за Урал. Признательностью за этот титанический труд (надо полагать, не без согласия официальных партийных, советских органов) ему была присуждена высшая ученая степень – доктора исторических наук (без защиты). Примечальный факт, в некотором роде исключительный: это произошло, когда ученому было уже 80 лет! В качестве времени присвоения, без ссылки на источник, указывают две даты: 1942 г. [34] и 1943 г. [33].

В фонде С.Ф. Платонова хранятся два небольших дела, не привлекавших внимания исследователей. Одно – представление декану историко-филологического факультета Нижегородского университета о научной деятельности В.О. Эйнгорна. Второе содержит 3 письма, адресованных С.Ф. Платонову. Все документы датируются 1920 г. Они связаны с попыткой В.О. Эйнгорна избраться на должность преподавателя. Источники представляют большой интерес. Впервые устанавливается факт переписки В.О. Эйнгорна с С.Ф. Платоновым в период его проживания в Нижнем Новгороде. В архиве обнаружены и три письма, адресованных С.Ф. Платонову, где сообщается о процедуре конкурса на должность преподавателя университета, в одном имеется упоминание об участии В.О. Эйнгорна в архивном строительстве в Нижегородской губернии. Ценным является письмо с информацией о времени работы В.О. Эйнгорна (до 1920 г.) в учебных заведениях и с перечнем изданий, где упомянуто его имя. Выявленные архивные материалы существенно дополняют наши представления о В.О. Эйнгорне в период его службы в Нижнем Новгороде.

Выявлен краткий, неизвестный ранее, отзыв, составленный С.Ф. Платоновым – выдающимся организатором высшего образования в России, только что избранным тогда академиком (3 апреля 1920 г.), о научной деятельности известного историка и преподавателя, который был направлен в деканат историко-филологического факультета Нижегородского университета. Следует напомнить, что в последние годы опубликован ряд подобных отзывов [35, с. 406–407; 36; 37, с. 23], которые лишний раз характеризуют С.Ф. Платонова как поборника просвещения российской провинции, готового прийти на помощь своим участием в судьбе ярких представителей науки и культуры.

В обращении к С.Ф. Платонову с просьбой об отзыве В.О. Эйнгорн привел информацию о своей научной работе и полученных премиях, указал печатные источники, где помещена информация о нем, перечислены с датами места службы и должности (в основном это преподавательская и учительская деятельность, которая остается во многом малоизвестной). Часть информации перекликается с вышеназванным источником (Пятидесятилетие…). А вот о педагогической деятельности в Нижнем Новгороде в первые годы советского периода нигде ранее не упоминалось. После 1917 г. В.О. Эйнгорн остался в Нижнем, работал учителем в ряде школ (номера указаны), избирался председателем школьного совета. Документ позволяет констатировать реформирование школы в первые годы после революции (например, создание новых органов управления учебными заведениями, выборность их председателей). При этом упоминается дефицит учительских кадров (нагрузка по 40 часов).

В Нижнем Новгороде 25 июня 1918 г. был создан первый советский университет (на базе Варшавского политехнического института, эвакуированного в 1916 г.), а в ноябре этого же года образован в его составе историко-филологический факультет. В 1920 г. В.О. Эйнгорн решился выйти на конкурс и подал заявление в университет. Процедура избрания предусматривала наличие «рекомендации специалиста», которую и составил С.Ф. Платонов. Как показывают факты, на все просьбы подобного рода С.Ф. Платонов откликался очень быстро, – вот и в этот раз В.О. Эйнгорн обратился за помощью 2 августа, а отзыв был написан уже 14 числа. Документ, вероятно, является черно-

вым наброском. На это указывают зачеркнутые слова, отсутствие вставки, обозначенной литером F (см. Приложения). В.О. Эйнгорн характеризуется в отзыве как специалист, который «пользуется давно известностью», «знатоком истории Малороссии», указывается на его «пригодность» к «учено-учебной деятельности». Готовый и отредактированный отзыв пока не обнаружен.

Дело несколько затянулось, сроки были сдвинуты, но в результате соискатель был избран на кафедру русской истории. Как добросовестно выполнявший свои обязательства, В.О. Эйнгорн не мог оставить свои уроки, и переход в текущем году не был осуществлен. Постановлением СНК РСФСР от 4 мая 1921 г. историко-филологические факультеты были ликвидированы и на их базе были организованы факультеты общественных наук. Как сложилась судьба ученого и преподавателя в Нижнем, которому шел уже 60 год, пока не известно.

Еще одно направление деятельности В.О. Эйнгорна в Нижнем Новгороде – его участие в архивном строительстве. В письме от 9 октября 1920 г. он пишет, что по распоряжению «губернатора» участвует в спасении архивов в уездных городах. Ставший руководителем губернских архивов, А.Я. Садовский привлек своего коллегу по НГУАК в только что созданную архивную службу в должности сотрудника Нижегородского губернского управления архивным делом. Немногочисленные опубликованные материалы позволяют судить о его полномочиях, времени командировки и о том, какие дела («архив бывшей Арзамасской уездной земской управы» [38, с. 48]), в каком примерно объеме («приблизительно из ста пятидесяти (150) связок книг и дел по 6 вершков каждая» [38, с. 48]) при его непосредственном участии были переданы на хранение заведующему Арзамасским уфинотделом М.И. Морковину [38, с. 48]. Как и в публикуемом письме, в сборнике читаем: «в августе сотрудником В.О. Эйнгорном были осмотрены архивы в гг. Лукоянове, Арзамасе и Васильсурске» [38, с. 52].

Заключение

В.О. Эйнгорн около 40 лет проработал в гимназиях, в средних учебных заведениях, школах (из них почти половина в Нижнем Новгороде), но известен больше своими научными трудами. Он стал авторитетным историком Малороссии, а на завершающем этапе своей жизни прославился как архивист. Его деятельность как преподавателя и директора гимназий, а также учительская деятельность остается малоизученной, как краеведческая и архивная.

Публикуемые важные исторические источники позволяют уточнить и существенно дополнить страницы учительской работы В.О. Эйнгорна, посвятившего более 20 лет нижегородской школе. Тем самым ликвидируются пробелы в истории образования Нижнего Новгорода в конце XIX – начале XX вв. Кроме того, конкретизируются связи С.Ф. Платонова с деятелями образования Нижегородского края.

Примечания

1. Подробнее о постановке учебного процесса в институте см. [7, с. 163–192].
2. В основу педагогической системы Креймана (1828–1902) была положена выработанная в Западной Европе классическая образовательно-воспитательная программа, главной задачей которой считалась подготовка учащихся в университет. Преподавательский состав состоял из ведущих учёных, профессоров и известных священнослужителей.
3. Г.Ф. Карпов был руководителем молодого ученого и стал первым читателем подготовленного исследования. После смерти Г.Ф. Карпова 24 апреля 1890 г. его вдова, А.Т. Карпова, урождённая Морозова, внесла в Общество истории и древностей 11 500 рублей, с тем чтобы ежегодно проценты с этих денег выдавались в виде премии за учёные исследования в области русской истории, причём преимущество отдавалось трудам, посвящённым истории Малороссии.

Список литературы

1. Эйнгорн (Виталий Осипович, род. в 1862 г.) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (4 доп.). Т. XL (79). СПб., 1904. С. 205.
2. Митрофанов Н.Н. Эйнгорн Виталий Осипович // Чернобаев А.А. Историки России XX века: биобиблиографический словарь. В 2-х т. Т. 2. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. С. 568–569.
3. Эйнгорн Виталий Осипович // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Кн. 5. У–Я / Гл. ред. С.О. Шмидт. М.: Фонд «Московские энциклопедии», Т. I. 2008. С. 537.
4. Левченко-Комисаренко Т.Л., Лопухина Е.В., Пидгайко В.Г., Синкевич Н. А.В.Г. Иоанникий // Православная энциклопедия. Т. XXV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 78–100.
5. Митрофанов М.В. Й. Ейнгорн – історик і архівіст // Науково-інформаційний бюллетень Архівного управління УРСР. 1965. № 2 (70). С. 49–53.
6. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. В 3 т.: Указатель / Сост. И.Е. Березовская [и др.]. М.: Книга, 1980. Т. 3. 544 с.
7. Митрофанов В.В. А.Я. Садовский о своей учебе в Александровском институте, вступ. ст. публик., коммент. // Нижегородский краевед: Сборник научных статей / Сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Вып. 2. Н. Новгород: Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ, 2016. С. 163–192.

8. Эйнгорн В.О. Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения Малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: В Ун. тип., 1899. 1104 с.

9. Л[азаревский] А. О Малороссийских переписных книгах 1666 г. // Киевская старина. 1897. № 4. С. 32–34.

10. Отчет Общества истории и древностей российских о присуждении премии Г.Ф. Карпова Обществом истории и древностей российских при Московском университете. М., 1894–1913. 37 с.

11. Голубев С. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна «Очерки из истории Малороссии в XVII в. 1. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича» // Записки императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. 1899. Т. 6. № 2. С. 87–137.

12. Российский Государственный Исторический архив. Ф. 734. Оп. 3. Д. 94. Л. 71 об.

13. Эйнгорн В.О. О малороссийских переписных книгах 1666 г. Читан в заседании Общества истории и древностей российских при Московском Университете 7 ноября 1894 г. М.: Унив. тип., 1895. 12 с.

14. Эйнгорн В.О. О состоянии Благородного пансиона при Московском Университете в 1800 г. и проект преобразования его в Кадетский корпус // ЧОИДР. 1901. Т. 1. Отд. 4. С. 8–15.

15. Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института. Биографический словарь лиц, окончивших курс института: Часть первая: Выпуски I–XXIII (1871–1893) / Под ред. В.В. Латышева. Петг.: Типография «Научное дело», 1917. С. 248–250.

16. Флоря Б.Н. Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы православия в Восточной Европе в XVII веке // Вестник церковной истории. 2009. № 1(13/14). С. 123–147.

17. Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. 448 с.

18. Горобець В. «... нам згідно звичаю давнього нашого, того гетьмана обрати, кого все військо любить». Елекційнізмагання на левобережжі Украіні початку 60-х рр. XVII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. № 4. С. 237–264.

19. Кулакова И.П. Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: история создания и использования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.

20. Кудрина Е.Л. Роль вузов культуры и искусств в пропаганде исторического культурного наследия России // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 61–73

21. Эйнгорн В.О. О значении преподобного Сергия Радонежского и основанной им обители в русской истории. 2-е изд. печ. без перемен с 1-го изд. М.: Печатня Д.И. Снегиревой, 1899. 23 с.

22. Игумен земли Русской. К 700-летию со дня рождения Сергия Радонежского (1314–1392): Каталог книжно-иллюстративной выставки ГПИБ (25 апреля – 30 мая 2014). М.: ГПИБ, 2014. 24 с.

23. Диянов К.С. Полемика грекофилов и латинствующих в последней четверти XVII в.: Автореф. … к.и.н. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2014. 27 с.

24. Предигер Б.И. Становление системы оценивания в учебных заведениях МНП (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7–1. С. 118–128.

25. Рождественский С.В. Отзыв о сочинении В.О. Эйнгорна: Московское главное народное училище 1786–1804 гг. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1910. 14 с.

26. Эйнгорн В.О. Преподавание истории в Московском главном народном училище (1786–1802 г.) // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете: (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. С. 765–790.

27. Действия НГУАК. Н. Новгород, 1888. Т. 1. Вып. 3.

28. Эйнгорн В.О. К истории обрусения Мордвы в нынешней Нижегородской губернии // Действия НГУАК. Н. Новгород, 1889. Вып. 5. С. 102–108.

29. Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Н. Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991. 120 с.

30. Эйнгорн В.О. Дело о выкупе из турецкого плена нижегородца торгового человека Лариона Молчанова в 1645 году // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Журналы заседаний. Вып. 11-й. 1891. С. 532–536.

31. Действия НГУАК. Журналы и доклады. Заседания LVIII–LXVIII с 25-го мая 1901 г. по 2-е марта 1903 г. Н. Новгород: Типо-Литография Т-ва И.М. Машистова, 1903. 322 с.

32. Булавкина Т.М. Книга Л.М. Коваль «В.И. Невский – директор главной библиотеки страны» // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 453–455.

33. Коваль Л.М. Отделы Библиотеки и их работа [Электронный ресурс] // 60 лет Победы. Российская государственная библиотека: Военные годы. Режим доступа: http://pobeda.rsl.ru/1-4.html (дата обращения: 27.07.2019).

34. Отдел хранения и использования документов РГБ (ОХИД) [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека. Режим доступа: http://www.rsl.ru/ru/s1/s11/s102/s145/d83/ (дата обращения: 27.07.2019).

35. Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск: Издательский центр ЮУрГу, 2011. 501 с.

36. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов о научной работе А.А. Савича (вступит. статья, публ.) // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 134–139.

37. Митрофанов В.В. «…прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни»: Письма Е.В. Го-

гель С.Ф. Платонову (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. 2016. Вып. 29. С. 13–40.

38. Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба в 1919–1938 гг.: Сборник документов / Сост. М.Ю. Гусев, Б.М. Пудалов, Н.Н. Толстова. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2009. 340 с.

Приложения

№ 1

Представление декану
историко-филологического факультета
Нижегородского университета
о научной деятельности В.О. Эйнгорна.

Декану
историко-филологического
факультета нижегородского
государственного университета.

По просьбе В.О. Эйнгорна считаю приятным долгом рекомендовать его Вашему факультету в качестве преподавателя русской истории. Имя В.О. Эйнгорна пользуется давно известностью в кругу специалистов как знатока истории (малороссийского духовенства[1]) Малороссии XVII века и истории южнорусского книжного дела. Ряд его (популярных[2]) специальных статей в журналах и сборниках по разнообразным вопросам русской и средневековой истории свидетельствует о его широком историческом образовании. Как способность к специальному исследованию, также широта ученого интереса обеспечивают пригодность В.О. Эйнгорна // к учено-учебной факультетской деятельности. Краткие заметки… (F[3]) Бахрушина.

Педагогическая опытность В.О. Эйгорна удовлетворяется его долголетнею практикою школьного преподавателя и лекторства. Не сомневаюсь, что факультет в его лице приобретет весьма полезного сочлена. С истинным почтением, С. Платонов. 14. 08. [1920].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 224. Л. 1-1 об.

№ 2

// л.1 Канавино. Нижегородская губерния.
1920. 2 августа.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Снисходительное и всегда доброжелательное отношение Ваше ко мне дает мне решимость обратиться к Вам со следующею усердной просьбою: не найдете ли возможность прислать мне официальное рекомендательное письмо на имя декана историко-филологического факультета Нижегородского Государственного Университета с отзывом о моих научных заслугах и педагогических способностях; такое письмо здесь называется «рекомендация специалиста». Дело // л.1 об. в том, что мне прислано сообщение о двух вакантных должностях преподавателей русской истории при кафедре русской истории в Нижегородском Университете и я предполагаю сделать заявление о своей кандидатуре, а при таком заявлении должна быть представлена, между прочим, и «рекомендация специалиста».

Краткие заметки о (моей[4]) научной деятельности Эйнгорна[5] напечатаны в 79 полутоме (40-й том) Энциклопедии Словаря изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона на стр. 205 и в 20 т. «Большой Энциклопедии» изд. под ред. С.Н. Южакова на стр. 481; более подробная заметка с перечнем всех печатных работ его[6] на стр. 248-250 книги: «Пятидесятилетие Петроградского Историко-Филологического Института, Биографический словарь лиц, окончивших курс Института, ч. 1 под ред. В.В. Латышева // л. 2. Петроград, 1917 г. Имеется также заметка обо мне (Эйнгорна[7]) в книжке В. Г. Чешихина (Ветринского) «Люди Нижегородского Поволжья, стр. 48.

За одну из своих работ «Очерки по истории Малороссии» он[8] получил в 1900 г. от Академии Наук Уваровскую премию, а от Общества Истории и Древностей Российских – Карповскую премию (в 1893 г. еще в рукописи), за другую свою работу: «Московское главное народное училище» он[9] получил в 1909 г. от Общества Истории и Древностей премию имени Бахрушина (за рецензии сочинений, представленных на соискание премий, я получил медали от Общества Истории и Древностей в 1907, 1909, 1911 годах). (Моя[10]) Педагогическая работа Эйнорна[11] определяется следующими датами: с 1 августа 1884 по 1 августа 1889 г. – учитель Нижегородск[ого] Двор[янского] Инст[итута] Императора Александра II, с 1 августа 1889 г. по 4 октября 1910 г. – учитель Московской 1-ой гимназии, с 4 октября 1910 г. по 12 декабря 1911 г. – директор Карачевской гимназии, с 12 декабря 1911 г. до 20 мая 1918 г. директор Нижегородской // 2 об. 2-ой гимназии, с 20 мая по 1 ноября 1918 г. председатель Педагогического Совета Нижегородской 2-ой гимназии по избранию с 1 ноября 1918 г. по 1 января 1919 г. согласно избранию, председатель школьного совета Нижегородских Советских школ 16-ой 2-ой ступени и 41-ой 1 ступени; с 1 января по 1 апреля 1919 г. – председатель школы советской 16 Ниж[егородской] сов[етской] школы 2-ой ступени.

Согласно переизбранию, при расчленении школы; с 1 апреля 1919 г. освобожден после двукратной своей о том просьбы от председательства и состою школьным работником (преподавателем истории в 16 и 34 школах 2-ой ступени, 41 и 59 школах 1 ступени) и лектором русской истории в школьном клубе для рабочих. Срок председательства рекомендован 27 августа с. г.

Надеюсь на снисходительное отношение к моей просьбе, остаюсь уважающий Вас В. Эйнгорн.

Адрес мой: Канавино, Нижегородская губерния. Выставка, 32-я линия, д. № 7, кв. 2.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4713. Л. 1-2 об.

№ 3

// л. 3 Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Приношу Вам искреннюю благодарность за сердечность, доброту и предупредительность, с которыми Вы откликнулись на мою просьбу. Благодаря

быстроте, с которою Вы послали свое рекомендательное письмо, я имел возможность представить его в здешний «Факультет» в назначенный срок, т. е. 27 августа. Настоящее письмо несколько запоздало, потому что я хотел извещение о получении вашей рекомендации соединить сообщением о результатах конкурса, который как мне передавали, д. б. состояться // л. 3 об. 1 октября, но в Нижегородском «Университете», очевидно, «зело последуют раку». Возвратившись к 8 октября из командировки в Арзамас, Лукоянов и Васильсурск, куда я послан был здешним губернатором для спасения расхищаемых архивов ликвидированных учреждений, я узнал, что рассмотрения представленных на конкурс заявлений еще не было. Когда конкурс состоится, не замедлю Вас уведомить о его результатах.

Желаю Вам всего лучшего. Преданный Вам В. Эйнгорн.

Канавино, Нижегородская губерния. Выставка, 32-я линия, д. № 17, кв. 12. 9. 10. 1920 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4713. Л. 3- 3 об.

№ 4

//л. 4. Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, что замедлил с сообщением Вам сведений о результатах конкурса, к которому Вы благоволили прислать для мня рекомендацию. Как и следовало ожидать, Ваше письмо оказало сильное впечатление и 4 ноября Историко-Филолог[ический] Ф[акультет] здешнего «У[ниверсите]та» избрал меня «преподавателем при кафедре русской истории». К сожалению, избрание это произошло так поздно, что я не имею возможности при массе порученных // л 4 об. мне в других учебных заведениях уроков принять на себя предложенный мне минимум – 12 лекций в неделю. Чтобы взять на себя чтение 12 лекций (собственно 8 лекций и 4 часа семинария), я должен был бы отказаться самое меньшее от 25 из порученных мне 40 (!!) уроков (таков здесь учительский голод), которые давались уже мною с начала учебного года, а это признано было невозможным. Т. о. в текущем академическом году мне не придется читать лекций в здешнем «У[ниверсите]те», надеюсь это осуществиться в следующем году.

Еще раз прошу Вас принять выражение искреннейшей //л. 5 моей благодарности за оказанную мне Вами любезность. Желаю Вам доброго здоровья и всего лучшего, остаюсь преданный Вам В. Эйнгорн. 13. 12. 1920 г.

Канавино, Нижегородская губерния. Выставка, 32-я линия, д. № 17, кв. 12.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4713. Л. 4-4 об.

Примечания к приложениям

1. Слова в круглых скобках – зачеркнуты.
2. Слово зачеркнуто.
3. Латинская буква написана синим карандашом.
4. Слово зачеркнуто.
5. Слово вписано сверху строки.
6. Слово вписано сверху строки.
7. Слово вписано сверху строки.
8. Слово вписано сверху строки.
9. Слово вписано сверху строки.
10. Слово зачеркнуто.
11. Слово вписано сверху строки.

TEACHING, LOCAL HISTORY AND ARCHIVAL ACTIVITIES OF THE HISTORIAN V.O. EINGORN

V.V. Mitrofanov

University associated with the Interparliamentary Assembly of the EAEC

Among the teachers of the late 19th century, who began their activities in Nizhny Novgorod, the name of V.O. Eingorn, widely known as a researcher of history of Little Russia, whose works were highly appreciated by contemporaries, is unjustly forgotten. He worked extensively in the archives of Moscow, St. Petersburg, and Kiev, but his main professional activity, quite unexpectedly, was teaching and administrative work in secondary schools: the Nizhny Novgorod Noble Institute, a number of Moscow gymnasiums and the 2nd Nizhny Novgorod gymnasium. After the events of 1917, he worked in secondary schools of Nizhny Novgorod. V.O. Eingorn worked in the field of education for over 40 years. This period is poorly studied, and his historical and pedagogical publications, which allow us to rank him among the connoisseurs of the history of pedagogy and of famous educational institutions in Russia, remain unknown.

The main areas of his pedagogical and administrative activities are revealed using a limited number of published and archival sources (3 letters addressed to S.F. Platonov and the latter's feedback on the «pedagogical experience» of V.O. Eingorn). His work in the Nizhny Novgorod provincial academic archival commission, his participation in the archival construction in the Nizhny Novgorod province and in the creation of an archive in the V.I. Lenin State Library are described.

Keywords: S.F. Platonov, V.O. Eingorn, teaching activities, historical and pedagogical works, historian of Little Russia, local historian, archivist.

УДК 371

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2019 г.

И.В. Шефер, М.В. Садретдинова

Шефер Инна Валерьевна, директор Центра образования взрослых, проректор по приоритетным направлениям развития образования Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, Кемерово
sheferiv@yandex.ru
Садретдинова Мария Вячеславовна, к.филол.н.; заведующая лабораторией Центра мониторинга состояния региональной системы образования и экспертизы профессиональной деятельности Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, Кемерово
ipk-cm@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 31.10.2019
Статья принята к публикации 29.10.2019

Совершенствование качества образования предполагает развитие кадрового потенциала, достижение высокого профессионального уровня работников образования. Мотивация педагогов на непрерывное профессиональное развитие, результативность их деятельности во многом зависят от удовлетворенности трудом. Изучение удовлетворенности позволит выявить области основных проблем профессиональной деятельности педагога. На основании данных мониторингового исследования «Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью», проводимого на территории Кемеровской области в 2019 году, авторы анализируют восприятие педагогами своей профессии, их отношение к собственной профессиональной деятельности, удовлетворенность различными составляющими труда. В статье определена удовлетворенность профессиональной деятельностью как соотношение ожиданий, потребностей, запросов педагогов и их исполненности относительно условий и процесса профессиональной деятельности, рассмотрены ценностные ориентиры и представления о результатах профессиональной деятельности, престиже профессии. На основании данных, полученных в результате анкетирования педагогических работников региона, выявлены некоторые закономерности при сравнительной характеристике мнений респондентов о профессиональной деятельности по территориальной принадлежности, типу образовательной организации, возрастной группе, уровню образования, педагогической нагрузке. Рассмотрена удовлетворенность как эмоциональное оценочное представление о профессиональной деятельности. Объективная информация об удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью дает возможность принимать обоснованные управленческие решения и получать своевременную обратную связь в отношении уже реализуемых мер.

Ключевые слова: удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью, качество образования, ценностные ориентиры профессиональной деятельности, престиж профессии, профессиональное развитие, кадровый потенциал, результаты педагогической деятельности.

Введение

Одним из направлений современной образовательной политики является достижение качества образования, его соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Важным условием обновления образования является повышение уровня профессионального мастерства работников образования, непрерывное и планомерное повышение квалификации, в том числе на основе использования современных цифровых технологий, формирования и участия в профессиональных ассоциациях, программах обмена опытом и лучшими практиками, стажировках, вовлеченности в различные формы сопровождения и поддержки (федеральный проект «Учитель будущего» национального проекта «Образование», утвержденного Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 03.09.2018 [1]).

Стандарты профессиональной деятельности педагогов (профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», утвержденный Приказом Минтруда России от 18.10.2013 № 544н [2]; профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых», утвержден-

ный Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 05.05.2018 № 298н [3]) призваны установить единые требования к содержанию и результатам профессиональной педагогической деятельности, повысить мотивацию педагогических работников к труду и достижению качества образования.

Обновление системы образования предполагает изменение требований к профессиональной роли педагога, который должен выступать организатором учебной, проектной и исследовательской деятельности, модератором образовательных практик, консультантом, руководителем проектов, помощником ребенка при ориентации в образовательной среде. Обновление компетенций работников образования, практическая направленность подготовки молодых педагогов, повышение мотивации организаторов образовательной деятельности является неотъемлемой составляющей результативности реформирования сферы образования. Данные изменения будут способствовать успешному внедрению предлагаемых на уровне государства инноваций в системе образования, популяризации профессии педагога, улучшению социального самочувствия и повышению социального статуса педагогов за счет более творческого характера работы, расширения круга профессионального общения. От педагогических работников, владеющих новыми цифровыми технологиями, новым содержанием образования, новыми методиками его преподавания и оценки, зависит успешная трансформация системы образования [4].

Эффективность деятельности работников образования, наличие стремления обновлять педагогические стратегии во многом зависит от их удовлетворенности трудом. Мониторинг удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью является одним из инструментов отслеживания и коррекции образовательного процесса и направлен на повышение результативности работы образовательной организации в условиях модернизации образования. Данные об удовлетворенности педагогов своей деятельностью – это не только информация о кадровых рисках, но и ресурс повышения качества образования [5–7].

Методология

В современной психолого-педагогической литературе удовлетворенность профессиональной деятельностью рассматривается как состояние, как мотив, как оценка деятельности и ее результатов (А.Г. Здравомыслов, Ф.Н. Ильясов, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан, В.А. Ядов). Содержание данного феномена раскрывается через описание таких структур, как система ценностных ориентаций и социальных установок, связанных с организацией и содержанием труда (Б.Ю. Берзин, А.В. Мальцев), адаптация работника к производственной ситуации (А.А. Киссель, В.А. Ядов), характеристика трудовой активности (А.Э. Леван), исполнение, осуществление ожиданий человека от материальных, социальных и духовно-нравственных результатов своей работы, включая совокупное воздействие на работника компонентов трудовой мотивации, подразумевающих содержание и условия труда, величину заработка, общественное признание достигнутого, возможности для самовыражения и самоутверждения личности (Д.Я. Шульц).

В данной статье под удовлетворенностью профессиональной деятельностью понимается соотношение ожиданий, потребностей, запросов педагогов и их исполненности относительно условий и процесса профессиональной деятельности.

Изучение удовлетворенности подразумевает определение факторов, влияющих на оценку и отношение педагогических работников к собственной профессиональной деятельности, и позволяет установить степень расхождения между ожиданиями и потребностями педагогов относительно составляющих профессиональной деятельности и их реализацией, что в свою очередь предоставляет возможность для выявления области основных проблем профессиональной деятельности педагога, определения перспективных направлений работы по сопровождению и поддержке педагогических работников. Основными факторами удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью являются условия труда (заработная плата, характер взаимоотношений с администрацией и коллегами, возможность профессионального развития, престижность профессии и др.), содержание труда (творческий характер работы, взаимодействие со всеми участниками образовательных отношений и др.), результаты труда (положительная динамика обучающихся, наличие педагогического опыта и др.).

Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью в свою очередь выступает фактором профессионального развития личности [8–11], детерминирующего эффективность образования.

Следует отметить, что проблемы определения причинно-следственных связей между оптимизацией условий и процесса педагогического труда, эффективностью образования, профессионализацией личности педагога рассматриваются в ряде исследований [9; 12–14]. Ученые определяют

основные причины неудовлетворенности как причины внешнего характера, не связанные с содержанием учительской деятельности [12; 15]. Так, например, отмечено, что заработная плата стимулирует производственную активность и отражается на результатах труда, однако повышение заработной платы за счет увеличения нагрузки может вызвать снижение внутренней мотивации и интереса к творчеству в процессе профессиональной деятельности [14].

В ряде исследований отмечается, что работники образования – особая категория, для которой удовлетворенность профессиональной деятельностью, включающей условия, содержание, результат, сопряжена с удовлетворенностью статусом профессии, жизнью и собственным социальным самочувствием [13; 15–17]. А в связи с тем, что человеческий капитал – интенсивный фактор экономического развития и его увеличение в современном мире активных трансформаций становится особенно актуальным, нужно обратить внимание на неотделимость человеческого капитала от его владельца, на двойственную природу социального и материального [18; 19]; следовательно, в аспекте изучения представленного вопроса необходимо акцентировать внимание на эмоциональной и рациональной сторонах удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью. Актуальность рассматриваемого вопроса определяется также возможностью повлиять по результатам исследования на изменение отношения педагогов к собственному профессиональному развитию, поскольку педагогические кадры должны быть подготовлены и мотивированы на непрерывное совершенствование своего мастерства, в результате – повысится эффективность реализации нацпроектов стратегического развития, улучшения качества жизни граждан РФ [4].

Представим некоторые результаты мониторингового исследования «Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью», которое проходило на территории Кемеровской области в 2019 г. и позволило определить удовлетворенность профессиональной деятельностью педагогов региона, выявить ценностные ориентиры и представления о результатах профессиональной деятельности, престиже профессии, а также осуществить оценку социального самочувствия работников образования [20]. В опросе принимали участие педагоги общего и дополнительного образования, всего более 15 тысяч человек.

Результаты исследования

Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью сопряжена с системой ценностных ориентаций и социальных установок, связанных с профессией. Изучение представлений работников образования об аксиологических установках, которые в ходе исследования раскрываются через составляющие профессиональной деятельности, отражающие потребности и запросы педагогических работников, дает возможность определить профессиональную позицию (миссию) педагога.

Профессионально-ценностные ориентиры лежат в основе целеполагания работников образования и проектирования деятельности, определения приоритетов, направлений и критериев педагогического процесса, взаимодействия участников образовательных отношений [21]. Их градация влияет на расширение жизненных интересов и результат. Поэтому аксиологические устремления педагогов, соответствующие их высшим социальным потребностям в саморазвитии и самовыражении, влияют на самооценку и кадровую активность педагога [7].

Для выявления ценностных ориентиров педагогической деятельности респондентам было предложено выбрать одно или несколько утверждений, связанных с воспитанием, социализацией, развитием обучающихся, оказанием помощи ребенку при ориентации в потоке информации, собственным личностным и профессиональным совершенствованием, престижем профессии, возможностью передать опыт новому поколению. Большинство респондентов выделило первые три ценностных ориентира, представленных в таблице 1.

Следует отметить, что 45.30% опрашиваемых указали на ценностный ориентир «Возможность собственного личностного и профессионального развития, творческого самовыражения и самореализации в профессии, свобода выбора в педагогической деятельности», что свидетельствует о готовности к непрерывному развитию и повышению квалификации.

Значительно меньше педагогов ориентировано на социальную значимость педагогического труда, получение признания со стороны общества – 26.85%, на трансляцию своего педагогического опыта, возможность внести вклад в развитие педагогической практики – 25.87%.

Профессионально-ценностные ориентиры опрашиваемых, выражающие их субъективную позицию, обеспечивают системные изменения образовательного процесса в аспекте совершенствования взаимоотношений с участниками образовательного процесса, технологий и методов популяризации знаний, моделирования социокультурных образов, профессионального развития, общения, восприятия педагогической деятельности обществом и субъективного

Таблица 1

Представления педагогов о ценностных ориентирах профессиональной деятельности

Ценностные ориентиры	Педагоги, %
Возможность внести личный вклад в воспитание и социализацию детей, принять участие в формировании будущего поколения	64.96
Участие в процессе развития личности ребенка как субъекта образования, раскрытия его потенциала, индивидуальных особенностей, причастность к его профессиональному и личностному самоопределению	64.94
Распространение накопленных человечеством знаний и умений, помощь ребенку в осуществлении поиска и содержательной обработки информации	61.02
Возможность собственного личностного и профессионального развития, творческого самовыражения и самореализации в профессии, свобода выбора в педагогической деятельности	45.30
Социальная значимость педагогического труда, получение признания со стороны общества	26.85
Трансляция своего педагогического опыта, возможность внести вклад в развитие педагогической практики	25.87

переживания причастности к развитию педагогической науки. Эффективное решение профессиональных задач находится в зависимости от личности педагога, самостоятельно определяющего ценностную градацию, находящуюся в соответствии с потребностями человека. Изменение запросов приводит и к переосмыслению целевых установок и их градации.

На сегодняшний день все ценностные ориентиры, по мнению респондентов, достаточно важны для качественного осуществления профессиональной деятельности; их градация в представлениях кузбасских педагогов соответствует современным тенденциям образования. Однако аксиологическим приоритетом в профессиональной деятельности респондентов является ребенок с его потребностями и особенностями развития. Ценности, связанные непосредственно с носителем педагогической профессии, выступают в качестве прикладных.

Это сопоставимо с актуальной стратегией образования, в основе которой гуманизация – признание абсолютной ценности человека, приоритета его прав на свободное развитие и полноценную реализацию способностей и интересов. Поэтому современное образование есть не столько передача знаний, сколько раскрытие и развитие индивидуальных особенностей личности обучающегося [22].

Определение ценностных ориентиров профессиональной деятельности позволяет не только раскрыть профессиональную позицию кузбасских педагогов, но и при дальнейшем рассмотрении в рамках удовлетворенности профессиональной деятельностью выявить затруднения при реализации аксиологических установок, связанные с условиями, процессом и получением результатов труда.

Изучение удовлетворенности педагогов условиями и процессом профессиональной деятельности предполагает соотношение ожиданий педагогов от условий и процесса труда и их исполненности. Сопоставление полученных данных с исполненностью ожиданий на основе расчета весовых коэффициентов (важности и исполненности), выраженных в баллах, позволяет определить удовлетворенность педагогов условиями и процессом профессиональной деятельности.

Удовлетворенность педагогов условиями профессиональной деятельности раскрывается через составляющие, каждая из которых, согласно полученным данным, для подавляющего числа респондентов является важной (рис. 1).

Как показывают результаты исследования, ожидания респондентов от условий профессиональной деятельности исполнены только по трем из восьми рассматриваемых характеристик: «Возможность использования современных технологий, в том числе цифровых, в процессе обучения детей», «Возможность проявлять творчество в педагогической деятельности, находить нестандартные решения, реализовывать свои способности», «Возможность найти поддержку, получить методическую помощь и экспертную оценку в профессиональной среде».

В период цифровизации, гуманизации и глобализации образования в полной мере реализованные возможности профессиональной деятельности, связанные с цифровыми образовательными технологиями, являются шагом на пути к оптимизации качества образования.

Около 85% респондентов указали на использование в процессе обучения современных технологий, в том числе цифровых, при этом удельный вес педагогических работников, выбравших уверенное «Да», составил 61.87%.

Для более глубокого анализа результатов оценки педагогами использования в процессе обучения цифровых технологий респондентам задавался вопрос «Как Вы относитесь к внедрению цифровых образовательных технологий?».

Рис. 1. Ожидания педагогов от условий профессиональной деятельности, %

Согласно полученным данным, 95.43% работников образования поддерживают внедрение цифровых образовательных технологий, поскольку, по мнению 75.83% педагогов Кузбасса, это позволяет разнообразить процесс обучения, повысить мотивацию обучающихся. В связи с тем что респонденты имели возможность выбора как нескольких положительных, так и нескольких отрицательных утверждений, доля выбора вариантов превышает 100%.

На то, что благодаря внедрению цифровых образовательных технологий профессиональная деятельность становится более насыщенной и интересной, указали 58.51% опрошенных. Удельный вес респондентов, выбравших вариант «Обеспечивает быстрый доступ к нужной информации и способствует формированию необходимых компетенций», составил 48.38%. Чаще это утверждение отмечали педагоги дошкольных образовательных организаций, педагоги в возрасте до 30, 30–40 лет, педагоги, имеющие нагрузку до одной ставки включительно. Около 45% опрашиваемых выбрали вариант «Позволяет автоматизировать и облегчить выполнение некоторых трудоемких действий». Утверждение «Дает больше возможностей для экспериментирования в педагогической деятельности» отметили 39.69% педагогов. Удельный вес респондентов, выразивших отрицательное мнение, составляет 4.57%.

В целом положительное отношение педагогов к внедрению цифровых образовательных технологий позволяет говорить о понимании работниками образования необходимости изменений, происходящих в образовании и необходимых на пути к улучшению не только качества образования, но и качества жизни.

Среди важных неисполненных условий – «Справедливая заработная плата, наличие социальных гарантий и компенсаций». Удельный вес респондентов, считающих, что заработная плата, социальные гарантии и компенсации в той или иной мере соответствуют вложенным ими усилиям, составляет 52.34%. При этом педагогическая нагрузка тоже не в полной мере соответствует ожиданиям педагогов. И несмотря на то что удельный вес педагогов, выразивших мнение о результативном осуществлении профессиональной деятельности при наличии имеющейся педагогической нагрузки, составляет 86.49%, данная характеристика оказывается неисполненной.

Около 64% респондентов подчеркнули значимость высокого социального статуса, поскольку во многом общественное признание влияет на педагогическую активность [23]. Однако по результатам исследования суммарная доля респондентов, оценивших престиж профессии как «Высокий» и «Довольно высокий», составила 40.69%.

Не в полной мере соответствует ожиданиям педагогов и «Возможность самостоятельно выбирать учебные пособия, материалы, учебники, а также формы, средства, методы педагогической деятельности», хотя 80.32% респондентов и считают, что в той или иной степени они имеют такую возможность.

Несмотря на то что продвижение по карьерной лестнице дает возможность проявить свои таланты и добиться успеха, а профессиональный рост, реализация потенциальных способностей является важной составляющей профессии, в ряду прочих условий осуществления педагогической деятельности карьера оказывается на

Рис. 2. Карьерные устремления педагогов Кемеровской области, %

последнем месте по важности. В комментариях многие респонденты отмечали, что ценность данной профессии заключается в аспекте воспитания и социализации обучающихся, личностного развития ребенка, что может быть реализовано непосредственно в процессе взаимодействия с детьми. Это представляется респондентам возможным в статусе/должности педагога, поэтому только в 58.50% случаев респонденты отмечают использование ими возможностей карьерного роста, что подтверждает неисполненность данного условия.

Вопрос «Каковы Ваши карьерные устремления?» позволяет расширить представления педагогов о профессиональном росте и выявить основные направления желаемого или предполагаемого должностного продвижения. Респонденты имели возможность выбора нескольких утверждений, в связи с чем доля выборов превышает 100% (рис. 2).

Представление педагогов в рамках своей профессии о карьере как о повышении собственного статуса за счет участия в грантах, конкурсах и других мероприятиях указывает на потребность в разработке и внедрении для работников образования модели уровней владения профессиональными компетенциями, каждый из которых соответствует определенному должностному продвижению, поскольку карьерный рост не только подразумевает повышение зарплаты, но и является стимулом профессионального развития, непосредственно влияющего на качество образования.

По результатам исследования удовлетворенность педагогов условиями профессиональной деятельности в среднем по региону составила 79.66 %.

Следует отметить, что удовлетворенность педагогов условиями профессиональной деятельности находится в зависимости от типа образовательной организации, возраста, уровня образования, педагогической нагрузки. В большей степени удовлетворены условиями профессиональной деятельности педагоги дошкольных образовательных организаций и организаций дополнительного образования, из представленных возрастных групп – в возрасте до 30 лет и 30–40 лет, по уровню образования – со средним общим и средним профессиональным образованием, по педагогической нагрузке – с нагрузкой до одной ставки включительно.

Удовлетворенность педагогов процессом профессиональной деятельности раскрывается через составляющие, каждая из которых, согласно полученным данным, для большинства педагогов региона является в той или иной степени важной в процессе осуществления педагогической деятельности (рис. 3).

Как показывают результаты исследования, ожидания педагогов от составляющих процесса профессиональной деятельности в полной мере исполнены. Удовлетворенность работников образования процессом профессиональной деятельности по региону составила 89.85%.

Удовлетворенность педагогов процессом профессиональной деятельности в значительной степени зависит от типа образовательной организации и педагогической нагрузки. Согласно полученным данным, удовлетворенность ниже среднеобластного значения имеется у следующих участников опроса: по типу образовательной организации – у работающих в общеобразовательных организациях и общеобразовательных организациях, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы; по возрастной группе – в возрасте до

Рис. 3. Ожидания педагогов от содержания профессиональной деятельности, %

30 и более 50 лет, по педагогической нагрузке – с нагрузкой одна–две и более двух ставок.

В рамках исследования изучались представления педагогов о результатах профессиональной деятельности. Респонденты имели возможность выбора нескольких вариантов ответа. Было выявлено, что результаты труда в основном соответствуют выделенным респондентами из предложенных ценностным ориентирам и связаны с воспитанием, социализацией и развитием личности, оказанием помощи обучающимся в приобретении знаний (табл. 2).

Это свидетельствует о понимании педагогами значимости осуществления ими заказа со стороны государства на обеспечение воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности. Незначительные расхождения в показателях в зависимости от типа образовательной организации, возраста, уровня образования, педагогической нагрузки респондентов объясняются сложившимися стереотипами образовательной деятельности, условиями и спецификой содержания труда, свойственными той или иной категории педагогических работников.

Так, на вариант «Высокая мотивация детей к познанию, творчеству, наличие необходимых знаний, способность использовать их для решения широкого диапазона жизненных задач» в большей степени указывали педагоги в возрасте 41–50 лет, предположительно имеющие определенные профессиональные достижения, желание и ресурсы для применения и совершенствования методов, форм, технологий в аспекте повышения мотивации обучающихся, понимание, что без мотивации детей невозможно получить качественные результаты. Работники образования с нагрузкой до одной ставки включительно также часто указывали на этот результат, предположительно располагая возможностями для организации высокой мотивации обучающихся. Напротив, педагоги с нагрузкой в одну–две ставки реже выбирали данный вариант.

Наличие профессионального опыта в качестве результата педагогической деятельности чаще отмечали опрашиваемые в возрасте до 30 лет и респонденты, имеющие нагрузку до одной ставки включительно. Это свидетельствует о достаточной мотивированности молодых педагогов и педагогов, имеющих нормированную нагрузку, на профессиональное развитие, о ценности для них того опыта, который они приобретают в процессе профессиональной деятельности, в то время как работники образования с большой педагогической нагрузкой в меньшей степени ориентированы на совершенствование педагогического мастерства.

По итогам проведения исследования удовлетворенность педагогов Кемеровской области профессиональной деятельностью, выявленная на основе математических расчетов, достаточно высока – 84.75%. Например, результаты исследования удовлетворенности трудом педагогов Беларуси, в рамках которого также рассматривалась удовлетворенность условиями и процессом профессиональной деятельности, следующие: высокий уровень удовлетворенности – 40%, средний (частично удовлетворены трудом) – 27%, не удовлетворены – 33% [14].

Таблица 2

Соотношение представлений педагогов о ценностных ориентирах и результатах профессиональной деятельности

Определите, пожалуйста, ценностные ориентиры Вашей профессиональной деятельности		Что Вы считаете основными результатами Вашей профессиональной деятельности?	
Ценностные ориентиры профессиональной деятельности	Педагоги, %	Результаты профессиональной деятельности	Педагоги, %
Возможность внести личный вклад в воспитание и социализацию детей, принять участие в формировании будущего поколения	64.96	Положительная динамика образовательных результатов обучающихся	71.07
		Сформированность необходимого социального опыта, гражданской позиции, инициативности и самостоятельности обучающихся, их готовность к жизни в современном обществе	53.05
Участие в процессе развития личности ребенка как субъекта образования, раскрытия его потенциала, индивидуальных особенностей, причастность к его профессиональному и личностному самоопределению	64.94	Высокая мотивация детей к познанию, творчеству, наличие необходимых знаний, способность использовать их для решения широкого диапазона жизненных задач	68.69
		Личностное и профессиональное самоопределение обучающихся, способность ставить цели, строить жизненные планы	43.14
Распространение накопленных человечеством знаний и умений, помощь ребенку в осуществлении поиска и содержательной обработки информации	61.02	Положительная динамика образовательных результатов обучающихся	71.07
Возможность собственного личностного и профессионального развития, творческого самовыражения и самореализации в профессии, свобода выбора в педагогической деятельности	45.30	Наличие уникального опыта в решении профессиональных задач, значимого в профессиональном сообществе, личные и профессиональные достижения	24.51
Трансляция своего педагогического опыта, возможность внести вклад в развитие педагогической практики	25.88		
Социальная значимость педагогического труда, получение признания со стороны общества	26.85	Высокий авторитет и признание со стороны общества, уважение обучающихся и родителей, их удовлетворенность качеством получаемого образования	33.48

В разрезе представленных категорий респондентов отметим, что в большей степени удовлетворены профессиональной деятельностью опрашиваемые из городских округов, педагоги дошкольных образовательных организаций и организаций дополнительного образования, педагоги возрастных групп до 30, 30–40, 41–50 лет, респонденты с педагогической нагрузкой до одной ставки включительно.

Эмоциональная оценочная удовлетворенность профессиональной деятельностью была определена посредством вопроса «Удовлетворены ли Вы профессиональной деятельностью? Если нет, то укажите, что не удовлетворяет Вас в профессиональной деятельности» и составила 67.63%.

Среди причин неудовлетворенности профессиональной деятельностью опрошенные выделили «Несоответствие зарплаты и вкладываемого труда» (17.91%), «Невозможность заработать на достойную жизнь» (16.39%), «Низкую престижность профессии» (9.96%). Данные характеристики труда, как было отмечено, при определе-

нии ожиданий педагогов от условий профессиональной деятельности, по мнению респондентов, являются наиболее важными, но, согласно полученным данным, неисполненными.

Важным в исследовании удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью представляется изучение лояльности, или приверженности, педагогов к выбранной профессии, готовности рекомендовать ее родственникам и друзьям.

Респондентам задавался вопрос: «Скажите, выбрали бы Вы сегодня профессию педагога снова, если бы у Вас появилась такая возможность?». Согласно результатам исследования, педагоги региона в 75.60% случаев выбирали варианты «Да» и «Скорее да, чем нет», из них большинство (46.56%) отмечали уверенное «Да».

Возможность рекомендации профессии педагога своим детям, родственникам, друзьям рассматривают 55.31% респондентов.

Исходя из этого следует, что, несмотря на проблемы, возникающие в процессе работы и влияющие на общее состояние эмоциональной оценочной удовлетворенности, большинство респондентов готово повторно выбрать профессию педагога, но при этом только около половины опрошенных рекомендовали бы данную профессию субъектам профессионального выбора.

Выводы

Обобщая вышесказанное, отметим, что большинство респондентов выражают положительное мнение о своей профессиональной деятельности, а сравнительная характеристика представлений респондентов о профессиональной деятельности по территориальной принадлежности, типу образовательной организации, возрастной группе, уровню образования, педагогической нагрузке позволила выявить некоторые закономерности. Так, на протяжении всего исследования прослеживается низкая удовлетворенность профессиональной деятельностью педагогов общеобразовательных организаций и общеобразовательных организаций, реализующих адаптированные основные общеобразовательные программы по сравнению с удовлетворенностью профессиональной деятельностью педагогов дошкольных образовательных организаций и организаций дополнительного образования.

Требования к профессии и представления о педагогической деятельности значительно расходятся у педагогов в возрасте до 30 лет и педагогов в возрасте более 50 лет. Если молодые работники образования более позитивны в отношении своих утверждений по поводу составляющих труда, то педагоги-стажисты чаще пессимистичны. При этом педагоги в возрасте до 30 лет чаще нуждаются в оказании методической помощи, поддержки.

Педагоги с высшим образованием менее, чем педагоги со средним общим и средним профессиональным образованием, удовлетворены профессиональной деятельностью. Удовлетворенность педагогов с нагрузкой более двух ставок значительно ниже, чем у педагогов с нагрузкой до одной ставки включительно.

В связи с низкой удовлетворенностью профессиональной деятельностью представленных категорий респондентов по сравнению с другими группами наблюдается более пессимистичная оценка престижа профессии.

Подобные закономерности прослеживаются и в других российских исследованиях [12; 13; 24; 25].

Таким образом, изучение удовлетворенности педагогов профессиональной деятельностью требует комплексного рассмотрения в аспекте выявления взаимосвязей между исполненностью ожиданий респондентов от условий и процесса труда, эмоциональной оценкой профессиональной деятельности, представлениями о результатах труда, ценностных ориентирах профессиональной деятельности, отражающих профессиональную миссию педагогических работников. Данные исследования могут быть использованы для принятия управленческих решений по развитию кадрового потенциала образовательных организаций региона.

Список литературы

1. Протокол «Национальный проект «Образование»: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 3 сентября 2018 г. № 10 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 12.09.2019).

2. Приказ «Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/ (дата обращения: 12.09.2019).

3. Приказ «Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»: утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 5 мая 2018 г. № 298н // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305809/ (дата обращения: 12.09.2019).

4. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей

школы экономики. М.: Высшая школа экономики, 2018. 106 с. URL: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

5. Ильясов Ф.Н. Методологические и методические проблемы изучения удовлетворенности трудом: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1985. 28 с.

6. Кузьмина Н.В., Реан А.А. Профессионализм педагогической деятельности. СПб.: МААН, 1993. 172 с.

7. Ядов В.А. Мотивация труда: проблемы и пути развития исследований // Советская социология. Т. 2. М.: Наука, 1982. С. 118–129.

8. Берзин Б.Ю., Мальцев А.В. Учитель: удовлетворенность профессией и социально-психологическое самочувствие // Социальная философия и социология. 2016. № 7. URL: https://docplayer.ru/29605599-Uchitel-udovletvorennost-professiey-i-socialno-psihologicheskoe-samochuvstvie.html (дата обращения: 12.09.2019).

9. Гордиенко В.Н. Удовлетворенность профессиональной деятельностью как психологический критерий личностно-профессионального развития учителя: Автореф. дис. … канд. психол. наук. Иркутск: Иркутский государственный педагогический университет, 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/udovletvorennost-professionalnoi-deyatelnostyu-kak-psikhologicheskii-kriterii-lichnostno-pro (дата обращения: 27.08.2018).

10. Данзанов П.Г. Трансформация социального самочувствия учительства как критерий эффективности реформы школы // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2010. № 14. С. 155–160.

11. Лысенко Ю.Н. Вопросы влияния организационно-психологического климата на эффективность трудовой деятельности // Вестник СГТУ. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-vliyaniya-organizatsionno-psihologicheskogo-klimata-na-effektivnost-trudovoy-deyatelnosti (дата обращения: 12.09.2019).

12. Ефимова Г.З. Динамика престижа педагогической профессии в России и мире: экономический аспект // Интернет-журнал Науковедение. 2015. № 6 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-prestizha-pedagogicheskoy-professii-v-rossii-i-mire-ekonomicheskiy-aspekt (дата обращения: 12.09.2019).

13. Сиврикова Н.В., Черникова Е.Г., Соколова Н.А. Удовлетворенность жизнью и образовательным процессом как предикторы социально-психологической адаптации учителей // Вестник НГПУ. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-zhiznyu-i-obrazovatelnym-protsessom-kak-prediktory-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-uchiteley (дата обращения: 12.09.2019).

14. Финькевич Л.В. Удовлетворенность трудом как показатель психологического здоровья педагога // Дошкольное образование: история и современность: сб. науч. ст. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. А.Н. Касперович, Т.В. Поздеева, О.В. Леганькова и др.; под общ. ред. А.Н. Касперовича. URL: http://elib.bspu.by/handle/doc/4236 (дата обращения: 12.09.2019).

15. Русских Л.В. Социальное самочувствие учителей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 2. С. 107–109.

16. Анкудинов А.Б., Беляева М.Н., Лебедев О.В. Удовлетворенность работой и ее детерминанты: результаты статистического моделирования на панельных данных // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 75–83.

17. Дубровина С.В., Дрейзин И.В. Взаимосвязь внутренних ресурсов личности и удовлетворенности качеством жизни у педагогов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 335–337.

18. Какушкина М.А. Повышение качества человеческого капитала как ведущий фактор устойчивого развития общества // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3–4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kachestva-chelovecheskogo-kapitala-kak-veduschiy-faktor-ustoychivogo-razvitiya-obschestva (дата обращения: 12.09.2019).

19. Хвостикова В.А. Удовлетворенность работой и субъективное благополучие сотрудника как фактор эффективности деятельности организации (на примере зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 26–39.

20. Чепкасов А.В., Красношлыкова О.Г., Шефер И.В., Садретдинова М.В. Удовлетворенность педагогов профессиональной деятельностью: результаты исследования. 2018/19 учебный год. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2019. Вып. 3 (21). 137 с.

21. Травников Г.Н. Ценностные ориентиры педагогической деятельности: методологический аспект // Гуманизация образования. 2009. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-pedagogicheskoy-deyatelnosti-metodologicheskiy-aspekt (дата обращения: 12.09.2019).

22. Скибина Я.В. Проблема индивидуализации обучения в современных условиях // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 123. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualizatsii-obucheniya-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 12.09.2019).

23. Красношлыкова О.Г., Шефер И.В., Садретдинова М.В., Бородкина Е.В. Престиж профессии педагога как ресурс повышения удовлетворенности профессиональной деятельностью // Вестник Самарского государственного технического университета. 2018. № 4 (40). С. 98–110.

24. Водинчар Е.А., Завьялова Е.Х. Взаимосвязь личностного потенциала и субъективной успешности профессиональной деятельности учителя // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (26). С. 39–48.

25. Ершова Н.В., Прямикова Е.В., Шапко И.В. Мониторинг социального и профессионального самочувствия педагогов: определение основных показателей // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2015. № 3. С. 16–26.

TEACHERS' SATISFACTION WITH THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES: RESULTS OF A REGIONAL STUDY

I.V. Shefer, M.V. Sadretdinova

Kuzbass Regional Institute for Professional Development and Retraining of Education Workers

Improving the quality of education involves the development of human resources and the achievement of a high professional level of educators. The motivation of teachers for continuous professional development and the effectiveness of their activities depend largely on their job satisfaction. The study of satisfaction will identify the key problem areas in teachers' professional activities. Based on the data of the monitoring study «Teachers' Satisfaction with their Professional Activities» conducted in the Kemerovo Region in 2019, the authors analyze the teachers' perceptions of their profession, their attitude to their own professional activities, and satisfaction with various components of labour. The article defines satisfaction with professional activities as a ratio of expectations, needs, requests of teachers and their fulfillment regarding the conditions and process of professional activities, considers values and ideas about the results of professional activity and the status of one's profession. Based on the data obtained as a result of survey among pedagogical workers in the region, some regularities were found in the comparative characterization of respondents' opinions on their professional activities by territorial affiliation, type of educational organization, age group, level of education, and teachers' working load. Satisfaction is regarded as an emotional evaluative idea of professional activities. Objective information about the satisfaction of teachers with their professional activities enables making informed management decisions and receiving timely feedback with regard to measures already being implemented.

Keywords: satisfaction of teachers with their professional activities, quality of education, values in professional activities, prestige of the profession, professional development, human resources, results of pedagogical activities.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

ПРИЗНАНИЕ ПЕРИОДОВ ОБУЧЕНИЯ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРАКТИКА И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

© 2019 г.

А.В. Акульшина, Л.Р. Алиева, Н.Н. Ушкова

Акульшина Алла Владимировна, к.и.н.; начальник Отдела международных проектов и программ Воронежского государственного университета
akulshina@vsu.ru
Алиева Людмила Руслановна, к.т.н.; доц.; начальник Управления международного сотрудничества Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
LAlieva@ncfu.ru
Ушкова Наталья Николаевна, ведущий специалист Отдела международных проектов и программ Воронежского государственного университета
ushkova@vsu.ru

Статья поступила в редакцию 15.07.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Рассматриваются проблемы признания периодов обучения в рамках академической мобильности обучающихся. Дан обзор европейских нормативных документов и конвенций, ратифицированных Российской Федерацией. Уделено внимание организации процесса признания периодов обучения в европейских университетах; представлены инструменты переноса и признания результатов обучения, разработанные в рамках европейских проектов и рекомендованные к адаптации в вузах европейского образовательного пространства.

Ключевые слова: академическая мобильность, результаты обучения, признание периодов обучения, нормативная база в сфере академического признания, ECTS, Erasmus+.

Справедливое признание квалификаций и периодов обучения важно в условиях мобильности рынка труда и наличия вынужденных мигрантов. Более согласованная и прозрачная практика признания важна для качества мобильности студентов в Европе и играет ключевую роль в Европейском пространстве высшего образования: признание квалификаций и периодов обучения является ключевой областью сотрудничества в рамках Болонского процесса.

Количество образовательных программ, предлагаемых современными образовательными учреждениями, стремится к бесконечности, но при этом одни программы существенно отличаются друг от друга, другие похожи. Существенные различия между образовательными программами препятствуют признанию квалификаций и периодов обучения. Но что следует считать существенными различиями: разные предметы, разную нагрузку (часы), разные результаты обучения? В некоторых странах существует нормативная база, определяющая, что считать существенной разницей и при каких условиях признание возможно; однако в большинстве стран таких письменных документов нет. При компетентностном подходе существенная разница в количестве зачетных единиц или длительности обучения не могут быть причиной непризнания, но в разных странах разное отношение к данному вопросу. Так, например, Россия долгое время не признавала 3-летний бакалавриат. Иногда не признаются онлайн-курсы, которые были включены в учебный план. Бывают проблемы с признанием заочного образования. С появлением новых форм и развитием междисциплинарных направлений обучения процесс признания становится еще сложнее и приходит понимание, что нельзя по одному параметру отвергать диплом или квалификацию.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть вопрос признания периодов обучения в рамках программ мобильности. Для российских университетов данный вопрос стоит особенно остро последние четыре года, с момента открытия для России возможности участия в акции 1 программы Эразмус+, когда академический обмен с европейскими вузами приобрел массовый характер, расширилась его география, а также

обозначились конкретные требования к признанию периодов обучения и академических результатов, подкрепленные письменными соглашениями. В самом термине ICM (international credit mobility) заложено понятие этого признания.

На сегодняшний день существует целый ряд документов – договоров и конвенций, ратифицированных в разных странах и регионах, которые так или иначе прописывают принципы и процедуры признания полученных ранее квалификаций, степеней и периодов обучения.

В поле деятельности ЮНЕСКО университеты опираются на региональные конвенции о признании: Азиатско-Тихоокеанскую региональную конвенцию о признании квалификаций в области высшего образования (Токио, Япония, ноябрь 2011 г.); Конвенцию о признании учебных курсов, свидетельств, дипломов, степеней и других квалификационных документов о высшем образовании в государствах Африки (Аддис-Абеба, Эфиопия, декабрь 2014 г.); Конвенцию о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских государствах (Париж, декабрь 1978 г.); Региональную конвенцию о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна (Мехико, 19 июля 1974 г.); Международную конвенцию о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских и европейских государствах бассейна Средиземного моря (Ницца, 17 декабря 1976 г.).

Европейский союз разрабатывает свою нормативную базу в данной сфере уже почти 70 лет: процесс признания в Европе пытаются урегулировать с 1953 г.

Будучи одним из основных игроков на рынке образовательных услуг, Российская Федерация ратифицировала большинство европейских документов, облегчающих доступ к российскому образованию. На сегодняшний день, являясь полноправной участницей Болонского процесса, Россия приняла целый ряд документов, направленных не только на признание дипломов, степеней и квалификаций, но также и на признание периодов обучения. Это такие документы, как **Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы** № 3084 от 21 декабря 1979 г., **Европейская конвенция об общей эквивалентности периодов университетского обучения (ETS № 138)** от 6 ноября 1990 г., **Европейская конвенция об эквивалентности периодов университетского образования** (ETS № 21) от 15 декабря 1956 г. (была принята Российской Федерацией в 1999 г.). В поле академического признания европейские вузы, включая российские, опираются также на **Рекомендацию Комитета министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности** (Страсбург, 2 марта 1995 г.), где в разделе о признании квалификаций, полученных за рубежом, говорится следующее: «Направляющий и принимающий институты должны поощряться к установлению соглашения между ними по признанию в начале организации академических обменов, а также к использованию приложения к диплому и системы перезачета кредитов как средства обеспечения стандартной и легко понимаемой информацией об академических достижениях учащихся. При использовании так называемых свободных схем перемещения перед отъездом из родных институтов также должны приниматься меры для соответствующей оценки с целью признания квалификаций, которые выезжающие планируют получить за границей» [1].

Особое место в сфере академического признания отводится **Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (ETS № 165)** от 11 апреля 1997 г. **(Лиссабонская конвенция)**. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 1 июля 2000 г.

Конвенция посвящена глобальному вопросу признания квалификаций, но не обходит стороной и интересующий нас вопрос признания периодов обучения. Этому вопросу посвящен целый раздел, где говорится о «содействии признанию периодов обучения в рамках заключенных соглашений между высшими учебными заведениями или полномочным органом, отвечающим за соответствующий период обучения, а также о содействии признанию результатов обучения в соответствии со свидетельством или выпиской из зачетно-экзаменационной ведомости, удостоверяющими, что обучающийся успешно выполнил установленные требования применительно к данному периоду обучения» [2].

В преамбулах большинства из принятых конвенций констатируется необходимость в принятии документа всемирного масштаба, направленного на регулирование признания иностранных квалификаций. Работа над таким документом началась в 2011 г.; в 2017 г. был представлен предварительный текст **Глобальной конвенции ЮНЕСКО о признании квалификаций высшего образования** [3], которая не отменяет предыдущие региональные концепции, но задает общие принципы мобильности и признания.

Для решения практических вопросов признания квалификаций, дипломов, степеней и периодов обучения в ЕС разработаны практические инструменты, справочники и руководства, которые рекомендованы к широкому использованию не только странами-членами ЕС, но и странами-партнерами. Среди них – система Europass, европейское приложение к диплому, система ECTS. Необходимость признания периодов обучения и алгоритм действий прописаны в Хартии Эразмус [4], членами которой являются практически все ведущие европейские университеты.

Основным инструментом признания периодов обучения для вузов Европейского пространства высшего образования является Европейская система перевода и накопления зачетных единиц – **ECTS**[1].

Для лучшего понимания и использования системы было разработано Руководство пользователя ECTS (**ECTS Users' Guide**)[1], которое содержит рекомендации по внедрению ECTS, администрированию, а также ссылки на полезные сопроводительные документы.

Золотое правило признания результатов мобильности в рамках межуниверситетских соглашений, прописанное в Руководстве пользователя ECTS, гласит: «Все кредиты, полученные в период обучения за рубежом или во время виртуальной мобильности – в соответствии с Соглашением об обучении (Leaning agreement. – *Авт.*) и выпиской из зачетной ведомости – должны быть переведены без задержки и зачтены в рамках основной образовательной программы студента без какой-либо дополнительной работы или оценки студента» [5].

Нам хотелось бы обратить внимание на то, что инициатива по разработке инструментов, облегчающих процесс признания результатов обучения, имеет двойной вектор. Так, Руководство пользователя ECTS разработано в соответствии с рекомендациями министров высшего образования стран Европейского пространства высшего образования. Учебные заведения, реализующие программы мобильности и испытывающие практические трудности, предлагают свои решения, участвуя в региональных и международных проектах, субсидируемых Европейским союзом.

Представляются полезными в практическом плане результаты проекта European Area of Recognition Project (EAR), в рамках которого было создано руководство [6], которое содержит стандарты и методические рекомендации по всем аспектам признания иностранных квалификаций. Руководство представляет собой сборник практических инструментов для оказания помощи в процессе признания. В нем можно найти материалы по таким темам, как прозрачность и информационное обеспечение процесса признания, идентификация статуса учебного учреждения, выдавшего документ об образовании и обратившегося за признанием заявителя, цели признания, оценка и признание приложения к диплому, применение рамок квалификаций в процессе признания, накопление и перевод кредитов и оценок, признание через оценку результатов обучения. Рассматривается вопрос относительно того, как оценивать квалификации в тех случаях, когда часть документации отсутствует в случае признания квалификации, которой обладают беженцы или приравненные к ним лица. В руководстве можно найти информацию и рекомендации относительно того, как оценивать квалификации, полученные за пределами классной комнаты, в том числе в случае дистанционного обучения. Составители не обошли вниманием и вопросы признания квалификаций, присуждаемых совместными программами, а также квалификаций, присуждаемых учреждениями, которые официально не признаны в их национальной системе высшего образования, но предлагают программы обучения хорошего качества, которые могут быть приняты во внимание компетентными органами по признанию. Уделено внимание и тому, как распознавать документы, выданные «фабриками дипломов», которые продают фиктивные степени.

Хотя руководство, в первую очередь, предназначено для экспертов сети европейских и национальных информационных центров по академическому признанию, оно делает процедуры признания прозрачными для всех заинтересованных сторон, прямо или косвенно участвующих в признании: экспертов, высших учебных заведений, студентов и политиков.

Особого внимания заслуживает инструмент, созданный в рамках проекта **Egracons** [7]. Проект получил финансирование Европейской комиссии по направлению Lifelong Learning (Обучение в течение всей жизни) в 2012–2015 гг. На основе рекомендаций ECTS проектная группа, в которую вошли вузы из Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Нидерландов, Польши, Франции, Швеции и Швейцарии, разработала инструмент перевода оценок из одной системы в другую. Данный инструмент обеспечивает точную интерпретацию оценок, выставленных за рубежом, что ведет к справедливому и управляемому преобразованию этих оценок в соответствующие им оценки в системе направляющего вуза. Прямое и автоматическое преобразование оценок студентов по обмену выполняется на основе годовых статистических таб-

Italy *(Example of passing grades between 18 and 30 lode)*

18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	30 lode
6.9%*	1.9%	5.7%	2.3%	6.0%	2.7%	11.3%	8.2%	9.0%	11.8%	12.3%	0.5%	15.7%	5.7%
100*	93,1	91,2	85,5	83,2	77,2	74,5	63,2	55	46	34,2	21,9	21,4	5,7

France *(Example of passing grades between 10 and 20)*

10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
34.79%	18.59%	18.45%	12.05%	9.46%	3.65%	2.30%	0.43%	0.22%	0.06%	0%
100*	65,21	46,62	28,17	16,12	6,66	3,01	0,71	0,28	0,06	0

Рис. 1. Пример преобразования оценок из одной системы другую

лиц оценок, предоставляемых отдельными образовательными учреждениями, как части общей базы данных.

Статистические таблицы оценок – это данные, показывающие фактическое использование национальной шкалы оценок в отдельных образовательных учреждениях. Оценочные шкалы и подход к их использованию отличаются от страны к стране и могут отличаться от университета к университету или даже от факультета к факультету.

Например, учителя во французских учреждениях более последовательно используют нижнюю половину своей шкалы, в то время как их итальянские коллеги чаще используют оценки в верхней половине шкалы. Это отражено в статистическом распределении, показанном в таблице оценок. Из примера, представленного на рис. 1, мы видим, что 30 баллов в Италии (получено 5.7% студентов) могут быть преобразованы в 15 баллов во Франции (получено 6.66%, что ближе к 5.7%). Оценка ниже 25 становится 10-й во Франции. Подводя итог, можно сказать, что таблица оценок ECTS обеспечивает простую, прозрачную интерпретацию и преобразование оценок из одной системы в другую и, следовательно, соответствует уровню успеваемости всех учащихся.

Статистическое распределение основано на проходных баллах, присвоенных за каждую единицу курса (соответствующую уровню, на котором назначаются кредиты ECTS, и внесенную в ведомость результатов обучения), агрегированных за предыдущие два или три года для конкретной референтной группы студентов, обычно всех студентов группы однородных программ в области исследования.

Таблица распределения оценок, разработанная для конкретной референтной группы, позволяет размещать одну оценку за единицу курса за рубежом (и, следовательно, указанную в ведомости результатов) в контексте таблицы оценок направляющего университета, что позволяет понять уровень успеваемости студента за границей и сравнить его с уровнем учеников с аналогичной позицией в домашнем контексте. Это, в свою очередь, приводит к более объективной конверсии оценок.

Инструмент позволяет выполнять как однократное преобразование (оценка одного студента в рамках одного курса), так и многократное преобразование (все оценки всех студентов в общей ведомости).

Преобразования возможны только между вузами, которые предоставили данные своей системы распределения оценок в **Egracons**. Данные представляются в виде таблиц, которые ежегодно обновляются. Вся информация защищена и верифицирована. Только лица, отвечающие за преобразование оценок в вузах (такие, как координаторы программы Эразмус, руководители образовательных программ, сотрудники международных офисов), могут иметь доступ ко всем функциям инструмента. Студенты не могут использовать инструмент напрямую.

Egracons был представлен в качестве справочного инструмента в специализированных материалах Европейской комиссии, таких как новое Руководство пользователя ECTS, в котором признается его полезность при разработке новых средств развития международного академического опыта.

Преимущества инструмента можно резюмировать следующим образом:

– практическое решение проблемы преобразования оценок в Европе;

– достоверность инструмента, подтвержденная четкой методологией конвертации;

– уникальность и гибкость для институциональных потребностей;

– удобный интерфейс и четко продемонстрированные результаты конверсии;

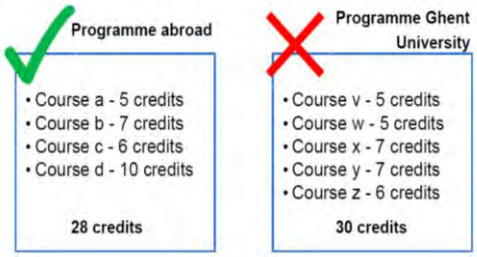


Рис. 2. Кредиты, полученные студентом в вузе-партнере, признаются Гентским университетом в полном объеме

– качественный подход к процессу конвертации, гарантируемый качеством данных и методологией конвертации;

– прозрачность, повышающая авторитет партнерских учреждений;

– улучшенное качество мобильности.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает проект «Эразмус без бумаг – **Erasmus without Paper (EWP)**» [8]. В рамках проекта разрабатывается целый набор инструментов, который предназначен для облегчения процесса признания периодов обучения. Основная цель проекта – предоставить инструменты для связи вузов с точки зрения мобильности студентов и разработать стандарт для преемника нынешней программы Erasmus + с 2021 года. EWP является технической инфраструктурой. По сути, это информационная платформа, которая нацелена на оптимизацию существующих технических решений в сфере признания, объединяя существующие инструменты и соединяя их через сеть. Все эти взаимосвязанные инструменты вместе являются центром EWP (EWP Hub), что также включает инициативу Open Source University Alliance (UOSA) и сотрудничество с другими (чисто) ИТ-проектами, которые в совокупности известны как CEF Digital[2]. Кроме того, в рамках проекта предусмотрено подключение к инструменту, предназначенному для помощи в процессе администрирования мобильности Erasmus + Dashboard[3], упомянутому выше инструменту преобразования оценок Egracons, институциональному менеджеру Университета Порту, проекту European Student Card (ESC) [9] и Mobility Tool + [10] программы Erasmus.

EWP также связан с глобальными инициативами сети Гронингенской декларации[4] и нацелен на сотрудничество с EMREX – независимой международной сетью, объединяющей различных участников, заинтересованных в повышении трансфера данных студентов.

Замена бумажного рабочего процесса цифровым поможет снизить административную нагрузку на студентов и сотрудников; Erasmus Without Paper создаст общественную инфраструктуру, которая будет в свободном доступе для конечных пользователей и, являясь инклюзивной сетью, не оставит в стороне ни одного университета, облегчая обмен цифровыми данными вместо документов.

Как работают вышеназванные инструменты на практике, можно увидеть на опыте Гентского университета (Ghent University) – Бельгия, г. Гент. В Гентском университете обучается 44000 человек, из которых 12% – международные студенты. Около 1000 студентов ежегодно уезжает за рубеж по программам мобильности. С 2018 г. в университете существует внутренний регламент (Ghent University Education and Examination Code), который определяет процедуры признания периодов обучения за рубежом. Эти процедуры прописаны на основе методологии ECTS, включают в себя использование стандарта классификации образования ISCED-Standard Classification of Education, разработанного ЮНЕСКО. Так как трансфер результатов обучения, кредитов и оценок лежит в основе признания периодов обучения, этой процедуре уделяется максимум внимания. До начала академического обмена специальный комитет, отвечающий за реализацию той или иной образовательной программы, проводит оценку программы университета-партнера с целью выбора курсов, которые могут заменить курсы или отдельные темы в рамках курсов образовательной программы в Гентском университете.

Для обеспечения точной регистрации и признания результатов каждой мобильности (в рамках Эразмус или других программ) в студенческую информационную систему университета включен модуль, посвященный мобильности. Курсы, успешно пройденные за границей, учитываются для получения степени бакалавра или магистра, и кредиты автоматически признаются. Для перевода оценок используется система Egracons (см. выше).

На каждом факультете существует Комитет по интернационализации, который помогает по всем вопросам, связанным с образовательным процессом в Гентском университете, что облегчает признание периодов обучения для студентов, которых университет принимает в рамках обменных программ.

До последнего времени в России больше внимания уделялось вопросу признания дипломов и квалификаций в целом, чем признанию отдельных периодов обучения. Это связано с тем, что программы академического обмена не были столь массовыми в отличие от набора студентов на полный курс обучения.

Рассмотрим ситуацию в данной сфере на примере двух университетов: Воронежского

государственного университета и Северо-Кавказского федерального университета.

Воронежский государственный университет реализует программы академического обмена с 60-х годов прошлого века. На данный момент в университете около 40 активных программ с университетами Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Греции, Испании, Италии, Китая, Польши, Румынии, Словении, Португалии, США, Франции, Хорватии, Японии и др. Каждый год около 200 студентов выезжает учиться за рубеж. Продолжительность такого обучения, как правило, не превышает одного семестра, несмотря на то что многие договоры предусматривают пребывание в вузе-партнере в течение академического года. Одна из причин того, что студенты предпочитают оставаться в зарубежном вузе не более семестра, – отсутствие перезачета академических результатов, полученных в вузе-партнере. Долгое время студенты, выезжавшие на обучение в зарубежные вузы, были вынуждены сдавать две сессии за один период обучения – одну в принимающем университете, другую в ВГУ. Засчитывались только результаты ВГУ. Результаты обменного семестра, полученные в вузе-партнере, оставались студентам «для себя и общего развития».

За последние четыре года ситуация изменилась, в том числе благодаря участию ВГУ в целом ряде европейских проектов. На сегодняшний день студент не может покинуть родной вуз, не согласовав индивидуальный учебный план с факультетом и учебно-методическим управлением. Общим требованием администрации вуза к факультетам является перезачет не менее 50% процентов от общего объема нагрузки и результатов обучения, полученных в вузе-партнере. Но все же обменный семестр все еще не воспринимается как полноценный период обучения: остаются 50% объема, которые могут быть не перезачтены, так как курсы выбираются студентами хаотично, только по количеству кредитов, а не по содержанию, а иногда и вовсе это бывает не связанный с основной образовательной программой набор предметов. В основе процесса организации отдельно взятой мобильности лежит интерес студента, а не факультета: студент проявляет желание поучиться за рубежом и подбирает предметы, которые впоследствии согласует факультет. И здесь стихийность выбора курсов часто обусловлена отсутствием выбора в вузах-партнерах: программы кардинально различаются или интересующие курсы не преподаются на доступном языке. В этом коренное отличие ВГУ от университета Гента, где специальный комитет предварительно оценивает образовательную программу вуза-партнера и заранее определяет академический объем, который университет готов признать и перезачесть.

Тем не менее на пути к формированию системного подхода на факультетах ВГУ вводится практика перезачета результатов «на будущее», т.е. студенты могут выбирать предметы, которые будут читаться не в обменном семестре, а в последующих. Это допускается законодательно, т.к. соответствует системе накопления зачетных единиц ECTS, а студент обучается по индивидуальному плану.

Еще один вызов, над которым работает университет, связан с пониманием того, что перезачет возможен не только по совпадающим дисциплинам. Можно признавать и ту часть программы, которая не читается в направляющем университете, но соответствует тем компетенциям, которые предполагается развивать в рамках основной образовательной программы. Это требует глубоко индивидуального подхода, и не всегда университет располагает ресурсами для решения этой задачи в полном масштабе, но положительная динамика существует и в этом направлении. Одним из инструментов решения этой задачи университет видит мобильность преподавателей.

На повестке дня в ВГУ стоит формирование системы электронной фиксации информации об участии студентов в программах мобильности с целью снижения административной нагрузки и дальнейшего отражения периодов обучения в документах об образовании – направление, созвучное общим потребностями Европейского пространства высшего образования.

Северо-Кавказский федеральный университет также имеет многолетнюю практику организации академических обменов преподавателями и студентами с высшими учебными заведениями Греции, Австрии, Болгарии, Македонии, Армении, Грузии, Германии, Швейцарии, Венгрии, Великобритании, Франции, Нидерландов, Белоруссии, Италии, Турции, Финляндии, Чехии, Словении, Сербии, Казахстана, Португалии, Польши, Испании, Словакии, Латвии.

Впервые механизмы реализации академической мобильности студентов с возможностью признания результатов обучения стали системно прорабатываться в университете в 2006 г. В рамках проекта TEMPUS «Введение инструментов Болонского процесса в технических вузах Северного Кавказа» европейские партнёры консорциума из Франции, Германии, Италии, Чехии провели в регионе 12 обучающих семинаров, включающих следующие вопросы: порядок организации учебного процесса в разных странах ЕС, система зачетных единиц ECTS, ор-

ганизация международной студенческой мобильности, составление учебного соглашения (Learning Agreement): порядок согласования и перезачета по результатам обучения, европейское приложение к диплому. В результате реализации проекта в СКФУ были успешно внедрены все вышеперечисленные инструменты. Международная академическая мобильность в тот период была немногочисленной. Для каждого студента разрабатывалась индивидуальная образовательная траектория, период обучения за рубежом встраивался в учебный план и отражался в европейском приложении к диплому (Diploma Supplement). Настоящая настройка системы организации академической мобильности произошла в результате участия университета в проекте Erasmus Mundus MULTIC[5]. С 2009 по 2017 г. выделялись стипендии для организации академических обменов преподавателями, сотрудниками вузов, аспирантами и студентами.

Координатор, Технический университет Дрездена, на регулярной основе проводил семинары для вузов-участников для согласования механизмов обмена студентами бакалавриата и магистратуры с выстраиванием системы признания периодов обучения в вузе-партнере.

Участие в проекте открыло для СКФУ возможности системной организации процессов. Масштабирование системы обменов, а также наличие входящей мобильности студентов европейских вузов выявили недостатки и сложности, потребовали изменений на институциональном уровне, в том числе модернизацию учебного процесса с внедрением новых учебных планов/программ/дисциплин, преподаваемых на английском языке по широкому спектру направлений подготовки, совершенствование локальной нормативной базы. Для решения задачи повышения уровня владения иностранным (английским) языком были реализованы программы дополнительного образования для преподавателей, по результатам которых были разработаны и внедрены билингвальные образовательные программы. Наличие в учебном плане модулей (дисциплин), преподаваемых на английском языке, позволяет подготавливать российских студентов к успешному освоению программы в принимающем университете, а также дает возможность собрать набор дисциплин, преподаваемых на английском, для европейских студентов, прибывающих на семестр. В настоящее время в университете разработана и внедрена 41 образовательная программа, частично реализуемая на иностранном языке по 16 направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры. Обучение по этим программам проходят 493 студента, из них 88 представителей иностранных государств.

В настоящее время в СКФУ академические обмены осуществляются:

– в рамках международных, европейских стипендиальных программ и грантов;

– в рамках программ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации;

– в рамках двусторонних и многосторонних соглашений СКФУ с зарубежными академическими партнерами;

– в рамках мероприятий Программы развития СКФУ, направленных на интеграцию университета в международное образовательное пространство.

Признание периодов обучения в зарубежном вузе регламентируется в СКФУ Положением об организации академической мобильности в действующей редакции от 2015 г. В соответствии с этим положением признание периодов осуществляется на основе анализа академической выписки (Transcript of records). Сравнение дисциплин осуществляется не по их названиям, а по содержанию, объему и компетенциям.

Тем не менее ряд экзаменов по предметам (в соответствии со стандартом) студентам необходимо сдать дополнительно; возникают вопросы с перезачетом практики, если она предусмотрена в данном семестре. Поскольку существующая редакция документа недостаточно четко прописывает именно процедуры перезачета и переаттестации, для систематизации данного направления и координации деятельности подразделений в настоящее время разрабатывается новая редакция Положения. В нем фиксируется, что решение вопроса о возможности участия обучающегося СКФУ в исходящей международной академической мобильности принимается директором института (филиала) СКФУ.

Решение о перезачете/переаттестации при международной/национальной академической мобильности принимает аттестационная комиссия структурного подразделения, за которым закреплен обучающийся. Перезачет или переаттестация изученных дисциплин при международной академической мобильности осуществляется на основании предоставленного обучающимся СКФУ учебного соглашения и академической справки/транскрипта с указанием трудоемкости (или объема) полученных зачетных единиц и оценок. Правильно составленный индивидуальный учебный план и учебное соглашение дают возможность признать большинство предметов, которые студент проходит в зарубежном университете-партнере. Поскольку сам студент в большинстве случаев недостаточно компетентен, для правильного составления данных документов распоряжением директора института (филиала) СКФУ ему назначает-

ся тьютор (консультант) из числа работников, замещающих должности профессорско-преподавательского состава, в обязанности которого входят:

– регулярные консультации обучающегося в период подготовки выезда и его пребывания в иностранной образовательной организации высшего образования;

– содействие в оформлении документов при убытии в принимающую образовательную организацию высшего образования и по возвращении в СКФУ, в том числе составление и согласование с принимающим университетом учебного соглашения, составление индивидуальной образовательной траектории для выезжающего или приезжающего студента и содействие в организации процедуры признания по возвращении студента после завершения периода академической мобильности.

Для тьюторов предусмотрены выплаты в рамках эффективного контракта с работниками СКФУ.

Признание периодов осуществляется и при обучении студентов по программам двойных дипломов. Однако поскольку учебные планы изначально составляются университетами-партнерами совместно, встраивание периода обучения в иностранном вузе происходит автоматически.

Подводя итоги, следует отметить, что работа по выстраиванию устойчивой системы академического признания периодов обучения является задачей не только отдельных вузов, но и системы образования в РФ в целом. На институциональном уровне система постоянно обновляется и совершенствуется в связи с изменениями нормативной базы, увеличением числа вузов-партнеров, расширением географии обменов. Наиболее эффективным практическим инструментом является проведение мероприятий для обмена опытом между российскими и иностранными вузами, которые открывают возможность знакомства с наработками ведущих в данном вопросе универсумов, открытого обмена лучшими практиками. В РФ на системном уровне данную работу осуществляют Национальный офис программы Эразмус в РФ [11] и группа экспертов по реформе высшего образования в рамках программы Эразмус+ (Higher education Reform Experts) [11].

Примечания

1. ECTS была учреждена в 1989 г. в рамках программы Эразмус как способ перевода кредитов, заработанных студентами во время их обучения в принимающем зарубежном вузе, исходя из рабочей нагрузки и достигнутых результатов обучения, в кредиты, которые учитываются в рамках образовательной программы в направляющем университете после их возвращения. В последующие годы система стала использоваться не только для перевода зачетных единиц, но и для их накопления. ECTS помогает в разработке, описании и реализации образовательных программ, позволяет интегрировать различные виды обучения в процессе обучения на протяжении всей жизни и способствует мобильности студентов, облегчая процесс признания квалификаций и периодов обучения.

2. The Connecting Europe Facility (CEF) – это фонд Европейского союза, поддерживающий транспортные, энергетические и цифровые проекты, направленные на расширение связей между государствами – членами Европейского союза (2014–2020 гг.). Фонд управляется Исполнительным агентством по инновациям и сетям. CEF Digital поддерживает создание единого цифрового рынка, соединяя Европу через «цифровые мосты» (Digital Service Infrastructure). URL: https://ec.europa.eu/cefdigital/wiki/display/CEFDIGITAL/CEF+Digital+Home

3. Erasmus + Dashboard позволяет управлять входящими и исходящими студентами, подписывать и просматривать их соглашения об обучении, а также общаться со студентами и партнерскими учреждениями. Вузы без какого-либо дополнительного инструмента могут использовать Erasmus + Dashboard для обмена данными со своими партнерскими учреждениями. URL: https://www.erasmus-dashboard.eu/intro.

4. Гронингенская декларация – общественное движение, родившееся в Университете Гронингена (Нидерланды) с целью максимального использования в образовании электронного взаимодействия, постепенного вытеснения бумажных документов и их замены более мобильными, достоверными электронными базами данных. Национальный информационный центр по признанию Российской Федерации (Главэкспертцентр) подписал декларацию в 2015 г.

5. www.mundus-multic.org

Список литературы

1. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности (Страсбург, 2 марта 1995 г.) // Сайт Национального информационного центра по признанию Российской Федерации (Главэкспертцентр). URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/recomendations/Council_Europe_1995 (дата обращения: 21.07.2019).

2. Лиссабонская конвенция, раздел V, статья V.3 // Сайт Национального информационного центра по признанию Российской Федерации (Главэкспертцентр). URL: https://nic.gov.ru (дата обращения: 21.07.2019).

3. Предварительный проект текста: 7 июля 2017 г. // Сайт Национального информационного центра по признанию Российской Федерации (Главэкспертцентр). URL: https://nic.gov.ru/Media/Default/international-convention/261727rus.pdf (дата обращения: 23.07.2019).

4. Хартия Эразмус // Erasmus Charter for Higher Education (ECHE). URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/resources/documents/applicants/higher-education-charter_en (дата обращения: 26.07.2019).

5. Руководство пользователя ECTS // ECTS Users' Guide. URL: https://ec.europa.eu/education/ects/users-

guide/docs/ects-users-guide_en.pdf (дата обращения: 29.07.2019).

6. EAR Manual // Сайт проекта «Европейское пространство академического признания – European Area of Recognition Project (EAR). URL: http://www.eurorecognition.eu (дата обращения: 29.07.2019).

7. Сайт проекта «Европейская система преобразования оценок» (European Grade Conversion System). URL: http://egracons.eu (дата обращения: 01.08.2019).

8. Сайт проекта «Эразмус без бумаг» / Erasmus without Paper. URL: https://www.erasmuswithoutpaper.eu (дата обращения: 05.08.2019).

9. Сайт проекта European Student Card (ESC). URL: https://europeanstudentcard.eu (дата обращения: 05.08.2019).

10. Сайт проекта Mobility Tool+. URL: http://ec.europa.eu/education/resources/mobility-tool_en (дата обращения: 05.08.2019).

11. Сайт Национального офиса программы Эразмус+ в РФ. URL: http://erasmusplusinrussia.ru (дата обращения: 19.08.2019).

12. Сайт Европейской сети информационных центров в европейском регионе и сети национальных центров по признанию в ЕС. URL: www.enic-naric.net (дата обращения: 20.08.2019).

13. Сайт Гентского университета (Ghent University) Бельгия, г. Гент. URL: https://www.ugent.be/en (дата обращения: 20.08.2019).

14. Материалы тематического семинара экспертов в сфере реформирования высшего образования «Признание: условия для трансграничного доступа к высшему образованию и мобильности // Recognition: Implications for cross-border access to higher education and mobility», 10–11 июня 2019 г., Кишинев, Молдова. URL: https://supporthere.org/moldova2019/page/documents-presentations-5 (дата обращения: 05.08.2019).

15. Алиева Л.Р., Симен-Северская О.В. Билингвальное обучение как фактор академической мобильности и интернационализации образования: опыт СКФУ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». 2018. № 3. Р. 117–121.

RECOGNITION OF STUDY PERIODS: EUROPEAN PRACTICE AND RUSSIAN ENVIRONMENT

***A.V. Akulshina,*[1] *L.R. Alieva,*[2] *N.N. Ushkova*[1]**

[1]Voronezh State University
[2]North Caucasus Federal University

The article focuses on the issues concerning the process of study periods recognition in the framework of academic mobility. It reviews European regulatory documents and conventions ratified by the Russian Federation in the field. Particular attention is given to the approach to the process of studies recognition in European universities. The authors also examine the instruments of transfer and recognition of learning outcomes developed within the scope of European projects and recommended for adaptation by universities of the European HE area.

Keywords: academic mobility, learning outcomes, recognition of study periods, regulatory documents in the sphere of academic recognition, ECTS, Erasmus+.

УДК 330

ВЛИЯНИЕ ПРОЕКТА JEAN MONNET В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СКФУ

© 2019 г.

Л.Р. Алиева, С.В. Зенченко, И.В. Пенькова

Алиева Людмила Руслановна, к.т.н.; доц.; начальник управления международного сотрудничества Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
ali-ludmila@yandex.ru
Зенченко Светлана Вячеславовна, д.э.н.; проф.; профессор кафедры финансов и кредита Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
zen_sveta@mail.ru
Пенькова Инесса Вячеславовна, д.э.н.; проф.; профессор кафедры цифровых бизнес-технологий Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
panacea_inessa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Освещается опыт Северо-Кавказского федерального университета по реализации мероприятий в рамках проекта Jean Monnet в сфере цифровой экономики. Представляются различные аспекты продвижения европейского опыта в области цифровизации экономики и образования. Проводится анализ влияния проекта на образовательную и социально-экономическую среду Северо-Кавказского федерального округа. Основное значение проекта для региональной и национальной экономики состоит в эффективном использовании цифровых технологий, которые признаны ЕС в качестве ключевого фактора повышения конкурентоспособности и социально-экономического роста. Проект сосредоточен на пяти факторах роста цифровой экономики и электронного образования, обозначенных Европейской комиссией: цифровые навыки и рынок ИКТ, среда электронного бизнеса, доступ к финансам для развития электронного бизнеса, цифровые компетенции и навыки на рынке труда, лидерство, поддержка предпринимательской культуры. Студенты обучаются современным электронным и инновационным методам ведения бизнеса, основанным на информационно-коммуникационных технологиях. Для университетов проект обеспечивает методологическую базу, содействующую процессу цифровой трансформации образовательной среды.

Ключевые слова: цифровизация экономики, электронные курсы, дистанционное образование, европейский опыт, социально-экономическая и образовательная среда, проект Jean Monnet.

Введение

Современный этап ознаменовался началом и активным развитием эры цифровой экономики. Информационный мир наполняется новыми терминами: криптовалюта, «умные города», блок-чейн, биткойны, цифровые технологии, искусственный интеллект, робототехника и т.п. В свою очередь, повышение реализуемости потенциала человеческих интеллектуальных способностей и технологических преимуществ страны в области цифровой экономики предопределяет необходимость действовать в сферах и отраслях системного значения. Более того, В.В. Путин провел аналогию «задачи развития в этой сфере с электрификацией страны в XX веке» [1]. Значительные темпы роста основаны на цифровой экономике и технологическом лидерстве, что требует интенсивного контроля и повышенного внимания со стороны государства. Именно этим фактом обусловлено то, что Президент России в феврале 2019 года утвердил Перечень поручений [2] по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной в 2017 году [3].

Отметим, что цифровизация предполагает горизонтальное изменение [4] традиционных экономических моделей, а цифровая экономика направлена в том числе и на финансовый сегмент рынка, на основе которого можно создать устойчивые отношения между странами без формирования новых цифровых барьеров. В свою очередь новые технологии (такие, как блок-чейн, большие данные, искусственный интеллект) предоставляют инновационные возможности и выводят на новый уровень развития во всех сферах жизнедеятельности глобального общества.

В связи с этим в Российской Федерации разворачивается масштабная программа цифровой трансформации университетов, что обусловило повышение интереса отечественных вузов к проектам в сфере цифровизации различных

сфер социально-экономической жизни социума. Один из таких проектов, поддержанных в рамках Jean Monnet, с 2018 года реализуется Северо-Кавказским федеральным университетом. Именно освещение опыта реализации этого проекта и его влияния на образовательную среду как университета, так и региона ставится ***целью*** предлагаемой статьи.

Теоретико-методологические подходы

Достижение поставленной цели потребовало применения методов и инструментария сравнительного и ретроспективного анализа для более полного освещения и анализа как процесса реализации непосредственно проекта JM, так и его влияния на образовательную среду

Результаты и обсуждение результатов

Импульсом для прорыва в области цифровизации образовательной среды России стало проведение на базе Сколтеха в августе 2019 года образовательного интенсива «Остров 10-22». Более 4500 участников из 100 ведущих вузов и десятков других организаций осваивали принципы управления образовательными организациями на основе анализа больших данных, знакомились с основами цифровой экономики, осваивали метакогнитивные нейротехнологии, учились семантическому и имитационному моделированию на примере лучших мировых практик. Одним из участников проекта выступает Северо-Кавказский федеральный университет, являющийся признанным лидером в регионе по подготовке кадров для цифровой экономики. Высокий уровень образовательных продуктов в данной сфере обусловлен устойчивым сотрудничеством СКФУ с иностранными партнерами ведущих европейских университетов (Лиссабонским университетом, Римским университетом Ла Сапиенца, Университетом Тренто и другими).

Для масштабного трансфера знаний в области цифровой экономики и повышения уровня грамотности различных целевых групп в 2018 году СКФУ инициировал проект «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт». Заявка поддержана в рамках направления Erasmus plus, Jean Monnet. Проект призван способствовать продвижению европейских подходов к подготовке профессиональных кадров и обучению широких слоев населения в области цифровизации путем разработки и внедрения новых учебных модулей и курсов, проведения в России семинаров, конференций с участием ведущих европейских экспертов. Повышению уровня осведомлённости в вопросах цифровой экономики способствуют открытые публикации и созданный электронный образовательный портал.

Реализующийся в СКФУ проект JM «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт» полностью соответствует европейской политике цифровизации и Национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (Паспорт национальной программы утверждён решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года).

Эффективное использование цифровых технологий было признано ЕС ключевым фактором повышения конкурентоспособности и экономического роста, а также наращивания числа рабочих мест. Как следствие, этот вопрос наряду с Планом действий «Предпринимательство-2020» в числе других инициатив (ведущие инициативы ЕС 2020 – Промышленная политика в эпоху глобализации, Цифровая повестка дня для Европы, Инновационный союз; Закон о малом бизнесе для Европы, 2008 г.; Доклад Европейской комиссии «Адаптация политики электронного бизнеса в изменяющейся среде: уроки инициативы Go Digital и задачи на будущее», 2003 г. [5–7]) занимает одну из лидирующих позиций.

В настоящее время большое значение имеет расширение цифровой экономики и электронного образования. Экономика, которая активно поглощает и использует информационно-коммуникационные и электронные технологии, называется «цифровой». Она стала основным двигателем инноваций, конкурентоспособности и экономического роста, поэтому Европейский союз рассматривает всестороннее развитие цифровой экономики как ключевую область для бизнес-среды в будущем.

Европейская комиссия определила пять параметров программы роста цифрового бизнеса: цифровые навыки и рынок ИКТ, цифровая бизнес-среда, доступ к финансам для развития бизнеса, навыки и компетенции рабочей силы в использовании ИКТ и электронного лидерства при создании благоприятной предпринимательской культуры и среды.

Европейский союз уделяет повышенное внимание развитию цифровой экономики, полагая, что экономический рост континента будет зависеть от того, насколько эффективно компании используют современные ИКТ. Европейская комиссия отмечает, что те предприятия, которые не смогут подключиться к цифровым каналам, будут исключены из мирового рынка. О необходимости использования потенциала циф-

ровых технологий для повышения уровня конкурентоспособности, предпринимательства и инноваций упоминается и в документе «Предпринимательство 2020: План действий» [8].

Европейская комиссия поощряет использование возможностей, предоставляемых цифровой революцией, стимулируя инновационное преобразование существующего бизнеса и поддерживая цифровое предпринимательство в Европе [9].

Таким образом, проект «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт» имеет особую актуальность. В разработке и реализации всех заявленных мероприятий принимают участие ведущие российские и европейские эксперты и политики в области дигитализации экономики и образования.

В рамках реализации заявленных мероприятий команда проекта тесно сотрудничает с национальными и местными органами власти, включая администрацию города Ставрополя, правительство Ставропольского края, координационные и консультативные органы Северо-Кавказского федерального округа. Власти заинтересованы во внедрении технологий цифровизации экономики и образования, а также в распространении европейского опыта по данным направлениям в СКФО. Предложенные мероприятия проходят с участием крупных организаций региона: ПАО «Сбербанк», ПАО «Россельхозбанк», ОАО «Монокристалл», ОАО «Энергомера», ГК, ООО «Бизнес ИТ», ООО «Партнер Плюс».

Масштабность проекта JM обусловлена еще и тем, что Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) является крупнейшим образовательным и исследовательским центром СКФО, созданным Указом Президента РФ в 2012 году объединением трех ведущих вузов региона. СКФУ насчитывает более 24000 студентов, 530 аспирантов, более 2000 высококвалифицированных преподавателей. В состав СКФУ входят 11 институтов. Он гордится тем, что является мультикультурным учреждением, готовящим студентов 86 национальностей России и 56 зарубежных стран. Это способствует повышению качества высшего образования и использованию болонских инструментов. Наряду с этим СКФУ принимает активное участие в разработке и продвижении курсов электронного обучения.

СКФУ тесно сотрудничает с академическими партнерами из 39 стран и является активным участником региональных, национальных и глобальных тематических сетей. В сети федеральных университетов было запущено 9 совместных магистерских программ, 3 магистерские программы с двойным дипломом и несколько совместных учебных программ с партнерами из ЕС.

Интеллектуальным ядром проекта JM выступает Институт экономики и управления (ИЭиУ) СКФУ, в котором обучается более чем 3300 студентов и преподают 162 профессора. ИЭиУ удерживает позиции крупнейшего образовательного кластера в области экономики и управления в Северо-Кавказском федеральном округе. Интернационализация является одним из важных векторов развития СКФУ. ИЭиУ имеет широкую сеть иностранных партнеров, реализует программы двойных дипломов, осуществляет академические обмены преподавателями и студентами. Методологическую и консультативную помощь в реализации проекта оказывают приглашенные европейские эксперты, профессора и партнеры, с которыми СКФУ поддерживает связи и многолетнее устойчивое сотрудничество в области образования и научных исследований, в том числе из Рурского университета Бохума (Германия), Пражского института повышения квалификации (Чешская Республика), Кембриджского университета (Великобритания), Sapienza Università di Roma и Университета Тренто (Италия), Университета IUL (Баальбек Кампус). Представители этих образовательных учреждений Европы охотно делятся обширным опытом в области цифровой экономики и электронного обучения, что позволяет актуализировать потребности населения в сфере цифровизации (преподавателей учебных заведений, политиков, государственных служащих и т.п.).

Новый проект JM, направленный на передачу знаний о лучших европейских практиках цифровизации, стал новым шагом вперед как для университета, так и для региональной и национальной экономики. Основное значение проекта для региональной и национальной экономики состоит в эффективном использовании цифровых технологий. Для осуществления профессиональной деятельности будущих выпускников знакомят с современными электронными и инновационными методами обучения, основанными на информационно-коммуникационных технологиях.

Уже сегодня очевидны результаты внедрения в СКФУ инновационных методов обучения, основанных на информационно-коммуникационных технологиях. Ежегодно Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ) набирает на 10% больше студентов по специальностям, связанным с электронными и информационными технологиями. С каждым годом растущий спрос на рынке труда на специалистов, имеющих цифровые компетенции, применимые в разных секторах экономики, позволяет увеличить количество бюджетных мест на этих направлениях. По официальным данным СКФУ, спектр специаль-

ностей, охватывающих электронные компетенции в университете, составляет около 40%. Университет развивает сеть инновационных малых предприятий «NCFU-INCOM», в которую входят 14 фирм, использующих инновационные научные результаты СКФУ, в том числе внедренные в области цифровой экономики и электронного образования. За последние шесть лет более 70 выпускников прошли через систему университетских предприятий, 45 из которых открыли собственный бизнес.

Участие в проекте JM обеспечит развитие методологической базы образовательной среды университета, исследовательских навыков преподавательского состава и цифровых навыков представителей политической сферы и бизнес-сообщества. Основными инструментами, предложенными в проекте, являются массовый открытый онлайн-курс, виртуальный класс, интерактивные лекции, тематические игры, семинары, зимняя школа, круглые столы, дебаты, исследовательские проекты.

Проект JM «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт» с участием европейских и российских экспертов, специалистов, исследователей, студентов/школьников, представителей власти, профессиональных групп, представителей гражданского общества и широкой общественности реализуется в несколько этапов. Каждый член команды несет ответственность за запланированное мероприятие. Первый этап – учебный визит сотрудников СКФУ в Университет Тренто (Италия) в декабре 2018 года – предоставил команде проекта возможность ознакомиться с тем, как работают цифровая экономика и электронное образование с использованием инструментов электронного маркетинга в Европе. Затем полученные цифровые навыки обрели дальнейшее развитие через другие мероприятия проекта – такие, как обучение/тренинги и исследования, в том числе и в период проведения Зимней бизнес-школы в феврале–марте 2019 года по направлению «Электронное правительство, цифровой бизнес, онлайн образование: навыки и компетенции». Занятия в зимней школе бизнеса для участников, проводившиеся европейскими и российскими экспертами, продемонстрировали возможности применения успешных европейских практик цифровой экономики и электронного образования. Студенты изучили европейский опыт и узнали, как использовать различные финансовые стратегии и применять финансовое программное обеспечение для достижения целей, поставленных компанией. Работа Зимней школы объединила более 80 участников из 7 стран Европы и Азии [10].

Участие и оценка европейских экспертов позволяют увидеть сильные и слабые стороны уровня применяемых электронных технологий, что дает возможность совершенствовать и усилить методику преподавания онлайн и дистанционных курсов. Тесное сотрудничество с местными органами власти: администрацией города Ставрополя, правительством Ставропольского края, координационными и консультативными органами Северо-Кавказского федерального округа – и широкой общественностью в целом, включая студентов университетов, учеников начальных и средних школ, позволяет улучшить программу проекта и успешно внедрить результаты в российское образование и экономику.

Проект JM «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт» направлен на следующие целевые группы: конкретные группы, связанные с ЕС, в исследованиях, которые имеют ограниченное воздействие, но все больше подвержены влиянию европейских аспектов; студенты, не имеющие непосредственного контакта с европейцами; политики, государственные служащие, организованное гражданское общество и широкая общественность в целом.

Особо значимым цифровым образовательным продуктом проекта является онлайн-курс МООС, направленный на совершенствование цифровых навыков в сфере персонализации в электронном обучении. В рамках курса применяются европейские современные подходы дифференцированного обучения, расширения автономии студента вплоть до самоадаптивного обучения. Полученные технологии будут использоваться при дальнейшей разработке других курсов электронного обучения на основе анализа данных и управления обучением. Другим интересным инструментом, разработанным в рамках проекта, стал виртуальный класс, сконцентрированный на развитии цифровых компетенций в торговле на онлайн-биржах.

В проекте реализуется широкая гамма мероприятий по распространению (диссеминации) результатов и наработок. Опыт европейской цифровой экономики и электронного образования, полученный участниками проекта, находит свое отражение в ряде публикаций, в том числе в европейских изданиях. Учебные и методические материалы по тематике проекта будут опубликованы на русском и английском языках. Виртуальный класс, МООС и веб-сайт на английском языке обеспечивают широкое распространение результатов проекта как в РФ, так и в других странах мира. Созданный в рамках проекта интернет-сайт (digjmer.ru) представляет детальную информацию об основных результа-

тах и планируемых мероприятиях. Здесь посетители могут:

– получить теоретическое представление о европейском опыте в области цифровизации экономики и образования;

– рассмотреть понятие и классификацию цифровых образовательных технологий;

– изучить основные понятия и классификацию цифровых технологий на финансовых рынках;

– познакомиться с основными принципами бизнес-аналитики;

– изучить методы использования цифровых технологий в профессиональной деятельности экономиста.

Заключение

В целом реализация JM «Цифровая экономика и электронное образование: европейский опыт» открывает новые возможности для бизнеса и образования. Изучение опыта ЕС в вопросах дигитализации бизнеса и общества предоставляет России возможность использовать самые разнообразные возможности европейских цифровых технологий, инновационных бизнес-моделей и новых процессов, а также расширяет потенциал создания интеллектуальных продуктов и услуг, что обусловливает потребность в использовании современных электронных технологий и инновационных бизнес-моделей, предлагаемых экономиками разных стран. Одновременно Российская стратегия цифровой экономики (2017) расширяет возможности применения ИКТ, что вызывает необходимость обмена опытом в области образовательной и экономической цифровизации.

Реализация проекта JM способствует расширению внедрения европейского опыта цифровизации, преобразуя российский бизнес-ландшафт, стимулирует использование новейших европейских цифровых технологий для совершенствования моделей обучения, повлечет создание новых моделей электронной бизнес-аналитики, онлайн-коммерции, тем самым увеличивая эффективность инновационных и электронных методов обучения и повышая темпы роста экономики.

Для университетов проект обеспечивает методологическую базу, содействующую процессу цифровой трансформации образовательной среды.

Использование наработок, предполагаемых в проекте JM, реализуемом на базе СКФУ, комбинированных исследований, методологических результатов, материалов зимней бизнес-школы и дистанционная поддержка проекта на основе виртуального класса и веб-сайта будут способствовать более широкому распространению результатов проекта и его популяризации и, следовательно, позволят внедрить европейский опыт цифровой экономики и электронной коммерции в образование на территории не только Северо-Кавказского региона, но и в Российской Федерации в целом.

Работа выполнена при финансовой поддержке и в рамках Проекта 600446-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-PROJECT «Digital Economy and eEducation: The European Experience».

Список литературы

1. Путин: формирование цифровой экономики – вопрос нацбезопасности РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Агентства ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/4389411 (дата обращения: 23.08.2019).

2. Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/59911 (дата обращения: 25.08.2019).

3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Распоряжение правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 25.08.2019).

4. Chepurenko A. Entrepreneurship and SME Policies in the 21st Century – The example of Russia // Smallbone D., Welter F. (eds.) Handbook of Research on Entrepreneurship Policies in Central and Eastern Europe. Cheltenham: Edward Elgar, 2011. P. 190–209.

5. ЕС 2020 – Промышленная политика в эпоху глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf (дата обращения: 23.08.2019).

6. Smallbone D., Xheneti M. Public Policy and Cross Border Entrepreneurship. In EU Border Regions: An Enabling or Constraining Infl uence? // Smallbone D., Welter F., Xheneti M. (eds.) Cross-border Entrepreneurship and Economic Development in Europe's Border Regions. Cheltenham: Edward Elgar, 2012. P. 235–256.

7. Deloitte. Industry 4.0: Challenges and Solutions for the Digital Transformation and Use of Exponential Technologies. Zurich: Deloitte, 2015.

8. Entrepreneurship 2020 Action Plan [Online source] // Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions. EUROPEAN COMMISSION. Brussels, 9.1.2013. COM(2012) 795 final. 33 p. URL: https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri= COM:2012:0795:FIN:EN:PDF (дата обращения: 15.08.2019).

9. Social Media Marketing Industry Report – 2016. [Online resource]. URL: http://www.socialmediaexaminer.com/wp-cotent/uplo-ads/2016/05/SocialMediaMaretingIndustryReport2016.pdf (дата обращения: 23.08.2019).

10. Отчетность в графиках. География зимней бизнес-школы «Цифровизация госуправления, биз-

неса, образования: навыки и компетенции» [Электронный ресурс] // Сайт Проекта 600446-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-PROJECT «Digital Economy and eEducation: The European Experience». URL: http://digjmer.ru/collections/ (дата обращения: 03.09.2019).

THE IMPACT OF THE JEAN MONNET PROJECT IN THE FIELD OF DIGITAL ECONOMY ON THE DEVELOPMENT OF THE NCFU EDUCATIONAL ENVIRONMENT

L.R. Alieva, S.V. Zenchenko, I.V. Pen'kova

North-Caucasus Federal University, Stavropol

The article provides an overview of the experience of the North-Caucasus Federal University in the implementation of activities under the Jean Monnet project in the field of digital economy. Various aspects related to the promotion of European experience in the field of digitalization of the economy and education are highlighted. The authors analyze the impact of the project implementation process on the educational and socio-economic environment of the North Caucasus Federal Region. The project's paramount importance for the regional and national economy is the effective use of digital technologies, which are recognized by the EU as a key factor in increasing competitiveness and socio-economic growth. The project focuses on five growth factors of the digital economy and e-education identified by the European Commission: digital skills and the ICT market, e-business environment, access to finance for e-business development, digital competencies and skills in the labor market, leadership, and the entrepreneurial culture support. To carry out professional activities in the future, students are taught modern electronic and innovative business methods based on information and communication technologies. The project provides a methodological framework for universities that facilitates the digital transformation process of the educational environment.

Keywords: digitalization of the economy, e-courses, distance education, European experience, socio-economic and educational environment, Jean Monnet project.

УДК 330

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА?

© 2019 г.

Е.В. Ануфриева, Г.В. Бойко, Н.В. Дулина

Ануфриева Евгения Владимировна, к.филос.н.; доц.; доцент кафедры истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета
ev_anufrieva@mail.ru
Бойко Григорий Владимирович, к.т.н.; доц.; доцент кафедры технической эксплуатации и ремонта автомобилей Волгоградского государственного технического университета
boyko@vstu.ru
Дулина Надежда Васильевна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета
nv-duluna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Рассматриваются социальные процессы, осуществляемые и организуемые техническими вузами Германии в свете реализации гендерного подхода, а также возможность применения их опыта в практике российских технических вузов. Исследован опыт технических университетов – партнеров по международному сотрудничеству Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ) в вопросах интеграции в социальную практику вуза принципов гендерного равноправия между мужчинами и женщинами на различных ступенях образовательного процесса.

Ключевые слова: гендерный подход, технический вуз, гендер, гендерная культура, социальная практика.

Введение

В нашей стране сложилась асимметрия в применении и привлечении гендерного подхода, как и результатов гендерных исследований, в социальную и образовательную деятельность вузов, обусловленная профильной принадлежностью вуза. Например, в 2008 г. в ИСЭПН РАН опубликован сборник материалов «Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования», в котором представлены материалы, «посвященные проблемам реформирования высшей школы и присоединения России к Болонскому процессу» [1, с. 3]. В данном сборнике приведен перечень спецкурсов и учебных программ по гендерному образованию в России, реализация которых осуществилась в 2000–2008 гг. [1, с. 226] пятьюдесятью двумя высшими учебными заведениями (университетами, академиями и институтами), из которых только четыре вуза – технические, а именно Балаковский институт техники, технологии и управления (при Саратовском государственном техническом университете), Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Саратовский государственный технический университет, Уральский государственный университет путей сообщения. Характерной особенностью представленных отечественных спецкурсов по гендерным исследованиям является их явная гуманитарная и социальная направленность, поскольку реализуются они в основном учеными философами, социологами, педагогами, психологами, экономистами в профильных (гуманитарных) вузах. Технические вузы оказываются в несколько отстраненном от гендерных исследований положении. При этом попытки обосновать и предложить реализацию гендерного подхода именно в техническом вузе предпринимаются отечественными исследователями и сегодня (см., например, работы Н.А. Сухоруковой [2; 3]). Это можно объяснить тем, что организация высших образовательных учреждений отражает гендерную стратификацию общества и культуры в целом, демонстрируя неравный статус женщин и мужчин, гендерную асимметрию педагогических кадров и обучающихся студентов [4; 5].

Следует отметить, что исследование «гендерной составляющей в системе характеристик научного сообщества советской и современной России доказывает наличие гендерной асимметрии как основы гендерной дискриминации в современном российском обществе» [6, с. 89]. Вопросы гендерного равенства в российском образовании и российской науке довольно часто оказываются в центре внимания российских исследователей [7–11]. Так, если речь идет о

науке, то, согласно изданию «Индикаторы науки: 2018» [12, с. 52], численность женщин-исследовательниц с 2014 по 2016 гг. сократилась: в 2014–2015 гг. 151492 и 152929 чел. соответственно, в 2016 г. – 148336 чел. Согласно исследованию ВШЭ, 14% мужчин, работающих в вузах, имеют степень доктора наук, 51% – кандидата наук. Женщин со степенями докторов и кандидатов – 6% и 45% соответственно [13]. В то же время обращение к вопросу об уровне образования и количестве образованных женщин в России показывает, что, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., высшее образование имели 58% женщин (15975 тыс. чел.) и 42% мужчин (11556 тыс. чел.); неполное высшее – 54% женщин (2928 тыс. чел.) и 46% мужчин (2460 тыс. чел.); среднее – 56% женщин (20672 тыс. чел.) и 44% мужчин (16063 тыс. чел.) [14]. По словам Ольги Голодец, «в России уникально высокий уровень образования у женщин» [13].

Остроту и актуальность вопросу об отношении к образованию самих женщин, по нашему мнению, придает их специфическое отношение к важности образования для себя, образования как значимой ценности [15].

Гендерная проблематика исследуется российскими учеными не столь интенсивно по сравнению с их западными коллегами; тем не менее можно выделить несколько базовых подходов к пониманию гендерных вопросов, сложившихся в отечественном научном сообществе. Так, например, проблема гендерного неравенства исследуется с точки зрения взаимосвязи языка и гендера [16], и в частности манифестации маскулинности и феминности в языке [17], гендерных особенностей проявления любовных чувств [18]. С лингвистическими аспектами проявления гендера также связаны и некоторые сравнительные исследования отечественных ученых [19]. Другим направлением является оценка интерпретаций понятия «гендер» в современной отечественной социологии [20; 21] и психологии [22; 23]. Влиянию гендерного подхода на современную культуру также посвящено достаточно большое количество исследований [24; 25]. Еще одной важной темой для исследований является роль женщины в конструировании гендерного равенства [26–28]. Можно также говорить об исследовании роли гендера в современной политике [29], экономике [30], праве [31], армии [32], семье [33; 34]. Сегодня в таком важном социальном институте, как образование, вопросы гендерных отношений также стоят очень остро [35–37]. Одной из важных проблем является устранение гендерного неравенства в системе российского высшего образования. Отечественные исследователи признают существование гендерной асимметрии в российских вузах [38], сообщают о процессах гендерной сегрегации в научной сфере [39], о дискриминационных практиках [40].

Заместитель председателя Комитета Госдумы по вопросам женщин, семьи и детей Оксана Пушкина в своем интервью обращает внимание на следующее: «Во-первых, надо перестать закрывать глаза на проблему, оправдываясь равенством прав граждан по Конституции или опросами в стиле «женщины сами не хотят». Во-вторых, нужен комплекс мер по решению проблемы, над которой мы как раз и работаем. Это и краткосрочные меры – ведение гендерно-дифференцированной статистики, и среднесрочные – например, способы поощрения работодателей, принимающих меры по устранению гендерного неравенства. И конечно, долгосрочные меры, направленные на изменение структуры занятости, в том числе за счёт поощрения образовательных инициатив для женщин и девочек в традиционно мужских областях занятости (так называемый STEM – наука, технологии, инженерия, математика)» [41].

По нашему мнению, именно в планировании и реализации последнего направления могут существенную роль сыграть технические вузы, которые традиционно успешно сочетают образовательную и социальную деятельность, а примером организации данного процесса могут служить разработанные и успешно применяемые программы вузов Германии. В данном случае речь идет о вузах – партнерах Волгоградского государственного технического университета.

Методология

Для обозначения социокультурной природы мужчин и женщин применяется понятие «гендер» – сформированная обществом и поддерживаемая социальными институтами система ценностей, норм и характеристик мужского и женского поведения, стилей жизни, способов мышления, ролей и отношений мужчин и женщин, приобретенных ими в процессе социализации. Гендерный подход позволяет осмыслить социальные отношения как детерминированные обществом и культурой, а не природой.

В социологии под гендерным подходом «понимается анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического определения пола. Культурно-символическое определение пола (гендер) – это комплексная характеристика статуса, которая возникает на пересечении множества признаков индивида и / или группы. Таким образом, ген-

дерный подход представляет собой вариант стратификационного подхода, в нем всегда присутствует тезис о неравном распределении ресурсов по признаку приписанного пола, об отношениях господства-подчинения, исключения-признания людей, которых общество относит к разным категориям пола» [42, с. 17]. Можно утверждать, что значительный вклад в развитие гендерной социологии в последние годы привнесли работы российских исследователей Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, Г.Г. Силласте [43; 44].

Понятие «гендерный подход» позволяет разрабатывать теории, концепции, образовательные модели, учитывающие гендерные интересы, гендерные проблемы в социальном развитии общества и системе образования, создающие условия для эффективного поиска способов их решения.

Например, гендерный подход в социальной практике учреждений образования призван восстановить справедливый гендерный порядок, открывающий все большие возможности для самореализации представителями обоих полов на протяжении всей жизни в процессе обучения и воспитания.

Социальная практика понимается нами как основа формирования и субъекта, и социального объекта. Все социальные практики, формирующие затем и социальные структуры, не могут происходить «все равно где»: они упорядочены в пространстве и во времени, привязаны к определенному контексту, фону [45, с. 277].

Образование человека, независимо от его половой принадлежности, представляет процесс и результат овладения теоретическими знаниями, смыслами, умениями, навыками, личностным опытом, обретаемым им в ходе саморазвития, самостановления, педагогического взаимодействия с воспитателями, учителями, преподавателями, сверстниками, коллегами, значимыми людьми как субъектами образовательного пространства. Гендерный подход предполагает «гендерное измерение» в образовании, нацеленное на определение степени взаимодействия педагогики и гендера как самостоятельных научных категорий. «Гендерное измерение» позволяет адекватно оценивать уровень развития мальчиков и девочек, девушек и юношей, мужчин и женщин на основе осознания, самоприятия и преодоления кризисов гендерной идентичности, выбора идеалов и жизненных целей, гендерных статусов вне зависимости от биологического пола.

Суть гендерного подхода состоит в том, что нужны специальные меры, чтобы достичь гендерного равенства. Осознание того, что явления, происходящие в обществе, по-разному влияют на мужское и женское население, вызывая неодинаковые их реакции, и есть гендерный подход. От военной политики до развития космической и косметической промышленности – все касается и мужчин, и женщин: речь идет о разном возможном воздействии на две социально-половые группы общества тех или иных решений в стране. Пекинская платформа действий четко зафиксировала интеграцию гендерного измерения (ИГИ) как цель практической политики, как необходимость разработки специальных стратегий. Четвертая Всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995 г.) конституировала и кодифицировала ИГИ как гендерный подход, политику и процесс, которые должны проникнуть во все сферы общества, а не свестись к так называемому «женскому сектору». Гендерное равенство – основная цель интеграции гендерного измерения. Таким образом, в мире предприняты серьезные попытки теоретического обобщения мирового опыта по применению ИГИ [46].

Исследователи называют следующие критерии реализации стратегии гендерного равенства:

1) достижение гендерного равенства в общественно-политической жизни;

2) достижение гендерного равенства в экономике;

3) гендерное образование; правовое и гендерное просвещение;

4) укрепление репродуктивного здоровья мужчин и женщин;

5) предотвращение насилия в обществе по признаку пола;

6) достижение гендерного равенства в семье; укрепление семьи и повышение роли воспитания в семье;

7) развитие гендерночувствительного общественного сознания.

Достижение каждого из перечисленных показателей – процесс многовекторный. Одна из наиболее активно исследуемых тем – проблема политического лидерства женщин. Этот аспект гендерного равенства в настоящее время привлекает к себе внимание как с практической, так и с научной точки зрения.

Гендерный подход в социально-гуманитарном знании предполагает анализ отношений человека и общества, организованных на основании культурно-символического определения пола с использованием гендера как комплексной характеристики, возникающей на пересечении множества социальных признаков.

Результаты и обсуждение

Гендерный подход призывает учитывать существующие в образовании механизмы социа-

лизации личности в соответствии с существующими в обществе моделями маскулинности и феминности. Обращение к данному подходу обусловлено процессом деконструкции традиционных культурных ограничений развития личности в зависимости от пола, осмыслением и осознанием условий для самореализации всех участников образовательного процесса, а также педагогического взаимодействия. Социальные практики, реализуемые высшими учебными заведениями, определяются воздействием ряда факторов. Во-первых, отметим Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, которые требуют формирования общекультурных компетенций будущих специалистов, в частности, «способности работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия» [47]. Во-вторых, реалии жизни таковы, что общество активно включилось в процесс становления и развития цифровой экономики; при этом имеет место заметное участие в данном процессе женщин, увеличение их включения в те сферы занятости, которые традиционно маркируются как мужские, что уже является предметом исследований [48]. В-третьих, государством принимаются документы, обращающие внимание общества на существование ряда гендерных проблем и необходимость их решения, например, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. от 8 марта 2017 г. [49] и отчеты о ее реализации в 2018 г. [50]. Все названные социальные явления и процессы в той или иной степени касаются гендерных отношений, существующих гендерных стереотипов и могут быть изучены с позиции гендерного подхода.

Большую помощь в организации такой работы может оказать опыт европейских вузов (в том числе и технических), которые на протяжении последних лет успешно реализуют политику гендерного равенства.

Мы обратились к информации, размещенной на сайтах вузов – партнеров ВолгГТУ. На официальном сайте университета в разделе международного сотрудничества перечислены вузы-партнеры, как правило, технического профиля. Из сорока вузов разных стран, мы обратили внимание на вузы-партнеры Германии, а именно Hochschule Kaiserslautern – University of Applied Sciences (Университет прикладных наук, г. Кайзерслаутерн); Technische Universitat Hamburg Hamburg (Технический университет Гамбург Гарбурга); Technische Universitat Bergakademie Freiberg (Технический университет (Горная академия Фрайберга)); University of Stuttgart (Университет Штутгарта); Universitat Duissburg-Essen (Университет Эссена) [51]. Рассмотрим причины такого обращения.

Во-первых, все названные вузы традиционно специализируются на технических и естественнонаучных дисциплинах.

Во-вторых, на официальном сайте каждого из них в описании структуры вуза есть «вкладка», обозначающая наличие структурного подразделения, службы или рабочей группы, занимающихся гендерными вопросами. Например, «Gender-Portal. Die Gleichstellungsbeauftragte» в Университете Эссена [52] или «Die Arbeitsgruppe Arbeit–Gender–Technik» в Техническом университете Гамбург Гамбурга [53].

В-третьих, описаны цели и задачи работы данной структуры. Гендерный портал Университета Эссена является инструментом управления знаниями, ориентированным на гендерное качество; он предоставляет информацию и материалы по темам учета гендерной проблематики, гендерного равенства и улучшения положения женщин, а также по результатам исследований женщин и гендерных исследований [52].

В-четвертых, на сайтах размещены документы, регламентирующие реализацию политики гендерного равенства в вузе.

Так, в «Концепции равенства Технического Университета Фрайбергской горной академии» определены первоочередные задачи, четко структурированы действия; предполагаемые результаты получили отражение в отчете ТУ Фрайбергская горная академия для «Научно-ориентированных стандартов по вопросу равноправия Немецкого научно-исследовательского общества», пролонгируемые на период до 2020 г. [54]. «Концепция…» позволяет увидеть следующее: гендерное равноправие не ограничивается только тем, что оно транслируется в учебной аудитории как спецкурс студентам специалистами-гендерологами, – это глубоко продуманная совокупность последовательных действий всего университета, предусматривающая достижение поставленных целей осознанно и сообща.

В университете Штутгарта работает Бюро по вопросам гендерного равенства [55]. Эта структура занимается управлением в соответствующей сфере, поддерживает и консультирует сотрудников и руководство университета в отношении выполнения установленного законом мандата по обеспечению гендерного равенства. Штутгартский университет берет на себя ответственность за участие женщин в разработке новых технологий. Будучи инкубатором талантов для будущих инженеров, а также других ученых обоих полов, он имеет особые обязательства по продвижению собственных научных талантов. Это означает особенно продвижение женщин и

увеличение числа женщин-профессоров. Недостаточно просто нанять высококвалифицированных женщин-ученых для университета Штутгарта. Цель должна заключаться в том, чтобы побудить их остаться в университете на длительный срок. Для этого организована работа по следующим направлениям: активная поддержка во время процедуры назначения со стороны сотрудника по вопросам гендерного равенства; гарантирование равноправия мужчин и женщин в процедуре назначения с помощью правил, предусмотренных в руководстве по назначениям Штутгартского университета, повышение осведомленности о гендерной предвзятости в процедурах назначения; прозрачность процесса подбора персонала для обеспечения равных возможностей; мотивация для активного найма [женщин] ученых на должности профессоров и другие научные должности; интеграция гендера в концепции развития персонала, в том числе через Программу наставничества для женщин в исследованиях [55].

В-пятых, отражена работа данной структуры, организация обратной связи; показано, как изменялось наполнение информационного поля страницы в соответствии с проводимыми мониторингами мнения пользователей.

Гендерный портал университета Дуйсбург-Эссен фокусируется на четырех основных областях: гендер и преподавание в университете; учет гендерной проблематики в контексте развития университета; гендер как фактор естественных и технических наук. Гендерный портал обеспечивает доступность гендерных знаний для факультетов, администрации и руководящих органов университета. Разработка, развитие и использование гендерных знаний, жизненно важного компонента гендерной компетентности, являются необходимыми условиями для внедрения гендерной проблематики в университете. Кроме того, гендерное знание является ключом к прогрессу в продвижении женщин и создании равных возможностей.

Из информации, размещенной на портале, видно, что он работает с 2005 года, неоднократно изменялся, расширял тематику освещаемых вопросов благодаря организации обратной связи с пользователями.

Штутгартский университет уделяет особое внимание поддержке своих студентов и сотрудников в аспекте сбалансированности учебы/работы и семейной жизни. С 2003 г. там внедрены меры поддержки семьи, и с 2012 г. он является сертифицированным университетом, доброжелательным к семье. Служба Uni & Family Service готова помочь всем, кто принадлежит к университету. Кроме того, они предоставляют информацию, дают советы и предлагают консультации.

Женщины – сотрудники Управления по вопросам гендерного равенства на конфиденциальной основе консультируют сотрудников Штутгартского университета по следующим темам: формирование собственной научной карьеры; интеграция гендерной справедливости в свою сферу ответственности (учет гендерной проблематики); возможности для грантов в университетских исследованиях; конфликты в университетской среде; сексуальная дискриминация, домогательства и насилие.

В-шестых, имеет место некая аналогия с профориентационной работой, осуществляемой в отечественных вузах, а именно проведение научно-познавательных и просветительских мероприятий для девочек-старшеклассниц.

Например, Университет Кайзерслаутерна проводит с 2010 г. Женский технологический конгресс в Рейнланд-Пфальц и Саар. В его рамках для девочек 9–13 классов научный центр Dynamikum организует занятия под лозунгом «MINT (математика, инженерное дело, естественные науки, техника) – Откройте для себя! Получите опыт! Прикоснитесь!»; осуществляется работа школьной лаборатории, агентства по трудоустройству [56].

Бюро по гендерному равенству Штутгартского университета инициировало следующие проекты: повышение уровня студенток по предметам STEM с помощью таких проектов, как День девочек; сетевое обучение и повышение квалификации учениц STEM с помощью весенней школы; содействие студенткам с лидерскими навыками по предметам STEM с помощью программы «Femtec. Careerbuilding»; повышение доли женщин среди докторантов в Университете Штутгарта в рамках проекта «Таланты для докторантов».

В-седьмых, проводятся исследования, результаты которых публикуются, применяются в социальной практике. Die Arbeitsgruppe Arbeit–Gender–Technik работала с марта 2003 г. по март 2019 г. в Техническом университете Гамбурга (TUHH). Под руководством профессора Габриэле Винкера междисциплинарная группа ученых-социологов занималась исследованиями в области труда, технологиями и интернет-исследованиями.

Обратившись к информации, размещенной на официальных сайтах технических университетов-партнеров, можно заключить, что вопросы гендерного равноправия являются важными и предусматривают для их решения возможность создания специальной организационной структуры, привлечения квалифицированных

сотрудников, проведения исследований, работы со студентами и преподавателями и даже являются важными в определении рейтинга вуза в целом.

На сайтах российских технических вузов, например ВолгГТУ, подобного рода информацию не встретишь. Возможен ряд объяснений этого. Вопрос равноправия мужчин и женщин в нашей стране считается решенным с советских времен. Некоторые из тех направлений, которыми занимаются сотрудники гендерных служб немецких вузов, оказываются в ведении структур, решающих социальные вопросы (например, профсоюзов сотрудников или студентов). Если говорить о научно-исследовательской составляющей, то, справедливости ради, надо отметить, что гендерными исследованиями занимаются ученые, как правило, преподающие такие дисциплины, как философия, психология, социология. В Волгоградском государственном техническом университете пионером в гендерных исследованиях по праву можно назвать профессора В.В. Макарова, который начал заниматься ими еще в 1993 г. [57], участвовал в работе межвузовской научно-исследовательской программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях». Возглавляемая им кафедра философии не только занималась изучением гендерной проблематики, проводила научные конференции, но и подготовила ряд ученых, работающих в данной области и сегодня. Подобная работа проводится и в других вузах. Однако научная деятельность исследователей-гендерологов не рассматривается как значимая и имеющая возможность практического применения в работе вуза. Это, как мы отмечали выше, в многом является отражением гендерной стратификации общества и культуры в целом, а также обусловливается сохраняющимися гендерными стереотипами. И в настоящее время при выборе молодежью сферы профессиональной деятельности еще сохраняются гендерные различия, связанные с патриархальными представлениями о предназначении мужчин и женщин. Особенно четко это прослеживается в профильном вузе – техническом или гуманитарном (например, в ВолгГТУ 2/3 студентов – юноши и только 1/3 девушки). Но изменения в обществе, связанные с изменением роли и значения женщин в общественной жизни, и, как следствие, изменения, происходящие с мужчинами, заметны. Это показывает выбор специальностей молодежью. Если раньше девушки в основном поступали учиться на специальности социальной направленности, то в последнее время они предпочитают технические, информационные и аналогичные им специальности, потому что эти специальности более востребованы, и девушки «демонстрируют отклик» на запрос как более чувствительные к его изменениям. Не обращать внимание на происходящие в современном обществе изменения, не учитывать их в организации работы вуза не очень дальновидно. Технические университеты осуществляют подготовку квалифицированных специалистов для решения многих задач и в своей социальной практике упускают ряд возможностей, которые могли быть решены благодаря применению гендерного подхода в их работе.

Заключение

Отвечая на вопрос, сформулированный в названии статьи и подводя некоторые итоги нашей работы, следует сказать следующее. Опыт западных стран показывает, что вопросы равноправия мужчин и женщин имеют свою историю. Так, в Германии государство, провозгласив в Основном законе Германии мужчину и женщину равноправными субъектами, обеспечило, таким образом, формальное гендерное равенство. Чтобы де-факто воплотить в жизнь провозглашенное де-юре равенство между мужчинами и женщинами, в Германии с 1970-х гг. проводится так называемая политика равноправия (Gleichstellungspolitik), основу которой составляют законы об обеспечении равноправия женщин (Frauenfördergesetze), гарантирующие с помощью квот увеличение представительства женщин на руководящих постах. Такие же инструменты обеспечения равноправия используются в партиях и объединениях [58].

Важно понимать, что ликвидация гендерного неравенства в европейских университетах осуществляется в рамках концепции «Gender Mainstreaming (GM)», то есть комплексного гендерного подхода, принимающего во внимание социальные, культурные, экономические и политические различия между мужчинами и женщинами во всех сферах деятельности [59; 60]. Данная концепция последовательно реализуется в странах ЕС с начала 2000-х гг. (включая и сферу дошкольного, школьного, профессионально-технического и высшего образования). России следует присоединиться к данной концепции или разработать и принять свою государственную программу по устранению гендерных перекосов в различных сферах жизни общества. В противном случае все действия и усилия российских университетов в этой сфере будут носить хаотичный, бессистемный, а порой и откровенно волюнтаристский характер.

В России, как отмечают исследователи [61], стремительно развивающаяся цифровая эра

остро ставит вопросы гендерного равенства почти во всех сферах жизни общества. Реальная практика, принимаемые нормативные документы, мониторинг их реализации делают необходимым, чтобы технические вузы включились в процесс применения гендерного подхода в своей социальной практике.

Список литературы

1. Равные права и равные возможности женщин и мужчин в сфере высшего образования. Гендерное образование в России: Сборник материалов / Сост.: Е.А. Баллаева, О.А. Воронина, Л.Г. Лунякова. М.: Макс-Пресс, 2008. 250 с.

2. Сухорукова Н.А. Реализация гендерного подхода в образовательной практике технического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33). С. 155–158.

3. Сухорукова Н.А. Результаты гендерного анализа образовательного процесса технического вуза // Социально-экономические и общественные науки. Вестник ДГТУ. 2012. № 8 (69). С. 140–146.

4. Ярская-Смирнова Е. Истоки и методы гендерных исследований // Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН РАН; Саратов: Гос. тех. ун-т, Центр соц. политики и гендерных исслед., 2001. Ч. 1. С. 7–92.

5. Мартынова Т.Н. Гендерные проблемы высшего образования // Фундаментальные исследования. 2005. № 1. С. 27–30.

6. Пушкарева Н.Л. «Ума не надо»: социальные представления о женщине – научной работнице в постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 89–98.

7. Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24–35.

8. Пушкарева Н.Л. «Выдумки обиженных женщин» или «дополнительная помощь не вредна»: нужна ли женщинам-ученым социальная защита? // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 39–60

9. Талина И.В., Карнаухов В.А. Гендерная асимметрия в образовательном и научном социуме // Симбирский научный вестник. 2017. № 2 (28). С. 55–61.

10. Шматко Н., Волкова Г. Наука и гендер. URL: https://nplus1.ru/blog/2018/03/07/gender-roles-in-sciences-humanities (дата обращения: 07.06.2019).

11. Женская доля в науке. URL: https://issek.hse.ru/news/242170089.html (дата обращения: 01.09.2019).

12. Городникова Н.В., Гохберг Л.М., Дитковский К.А. и др. Индикаторы науки: 2018: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 320 с.

13. Слободян Е. Почему женщины в России образованнее мужчин? URL: https://aif.ru/society/education/pochemu_zhenshchiny_v_rossii_obrazovannee_muzhchin (дата обращения: 27.06.2019).

14. Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2018. 241 с.

15. Ануфриева Е.В. Влияние города на изменение ценностных ориентаций горожан: гендерный аспект // Социология города. 2017. № 4. С. 13–20.

16. Кремер Л.А. О проблеме взаимосвязи языка и гендера // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27. № 2. С. 280–286.

17. Смирнов И.М. Корреляция языка и гендера в призме лингвокультурологических исследований // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 7-8 (76-77). С. 3–6.

18. Кузнецова Л.Э. Психолингвистические особенности отражения чувства любви в языке с учётом гендера // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2017. № 8. С. 110–121.

19. Суркова Е.В. Гендер и эмоции в массовой литературе России и Германии: гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей: Монография. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 192 с.

20. Гурко Т.А. Понятие «гендер» в российской социологии // Актуальные проблемы современной гендерологии: Материалы 52 ежегодной науч.-метод. конф. преподавателей и студентов. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2007. С. 6–8.

21. Гоян И.Н., Сторожук С.В. Гендер как социальный конструкт // Социальное воспитание. 2017. № 2 (10). С. 16–23.

22. Воронцов Д.В. Что такое гендер // Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 27–45.

23. Кузьмин Н.А., Крапивкина О.А. Социальный, психологический, культурный и лингвистический аспекты гендера // Молодежный вестник ИрГТУ. 2017. № 1. URL: http://mvestnik.istu.irk.ru/journals/2017/01 (дата обращения: 07.06.2019).

24. Клюкина Ю.В. Гендер как социально-культурный конструкт // Современное общество и власть. 2016. № 3 (9). С. 417–436.

25. Федюнина Т.В. Гендер в условиях информационной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2 (58). С. 302–306.

26. Бутовская М.Л. Гендер в современном мире: реалии и перспективы женщин в сфере гендерного равенства // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 2 (41). С. 220–232.

27. Савицкая Т.Е. Страдания по гендеру, или что означает быть женщиной // Обсерватория культуры. 2008. № 5. С. 115–120.

28. Лиджеева Г.П. Феминизм и теория гендера // Вестник Калмыцкого университета. 2009. № 7. С. 70–74.

29. Ушакова В.Г. Гендер в политике и гендерная политика (программа спецкурса) // Женщина в российском обществе. 2007. № 2 (43). С. 55–74.

30. Соколянский В.В., Збрицкий А.А. Категория «гендер» и экономика – социальный дуализм // Интеграл. 2008. № 5. С. 83–85.

31. Зайцев Н.И. Гендер как проблема философии и права // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 113–114.

32. Адибекян Н.О. Военное измерение гендера // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 13. С. 4–11.

33. Голод С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация // Человек. 2004. № 4. С. 113–123.

34. Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. 2005. № 6 (254). С. 109–119.

35. Тукачева Ю.С. Роль гендера в реализации коммуникативно-диалогового подхода к образованию // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогические и психологические науки. 2011. № 10 (29). С. 159–162.

36. Селиверстова Г.П. Проблема гендера в современном профессиональном образовании // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: Материалы 22-й Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2017. С. 419–422.

37. Фофанова К.В., Михайлова Н.Н. Гендер в контексте профессионального поведения и повседневных практик преподавателей высшей школы // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2009. № 2 (50). С. 114–124.

38. Багирова А.П., Сурина С.Э. Гендерная асимметрия в российском высшем образовании: опыт количественного анализа // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х томах. Т. 1 / Науч. ред. А.П. Багирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 204–207.

39. Максимов А.А. Гендерная сегрегация в сфере образования и науки // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 11–15.

40. Лукманова Р.Х. Гендерные аспекты рациональности: женщины в науке // Работающая женщина: возможности профессиональной реализации VS дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства): Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. И.В. Фроловой. Уфа: Мир печати, 2018. С. 171–175.

41. Завреняева С. Равные права женщин и мужчин хотят прописать в законе. URL: https://www.pnp.ru/social/ravnye-prava-zhenshhin-i-muzhchin-khotyat-propisat-v-zakone.html (дата обращения: 07.06.2019).

42. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–24.

43. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

44. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 640 с.

45. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

46. Шведова Н.А. Гендерный подход. URL: http://www.owl.ru/gender/048.htm (дата обращения: 14.10.2018).

47. ФГОС ВО 090301 «Информатика и вычислительная техника». URL: http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/9 (дата обращения: 05.01.2019).

48. Смирнова И.Н. Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018–2030) // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 116–120.

49. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. URL: http://government.ru/docs/26698/ (дата обращения: 17.03.2017).

50. О ходе реализации в 2018 году Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/8/5 (дата обращения: 01.06.2019).

51. Партнеры университета. URL: http://www.vstu.ru/sotrudnichestvo/partnery-universiteta/ (дата обращения: 07.06.2018).

52. Gender-Portal. Die Gleichstellungsbeauftragte. URL: https://www.uni-due.de/genderportal/ (дата обращения: 07.06.2018).

53. Die Arbeitsgruppe Arbeit–Gender–Technik. URL: https://www.tuhh.de/agentec/agentec.html (дата обращения: 07.06.2018).

54. Gleichstellungskonzept der TU Bergakademie Freiberg. URL: http://tu-freiberg.de/gleichstellung (дата обращения: 07.06.2018).

55. Gender Equality Office. URL: https://www.uni-stuttgart.de/en/university/organization/management/staff-positions/gender-equality-office/ (дата обращения: 07.06.2018).

56. Женский технологический конгресс в Рейнланд-Пфальц и Саар. URL: https://www.hs-kl.de/hochschule/aktuelles/pressemitteilungen/detailanzeige-pressemitteilungen/mitteilung/hochschule-kaiserslautern-organisiert-8-rheinland-pfaelzischsaarlaendischen-maedchen-technik-kongress/ (дата обращения: 07.06.2019).

57. Гендерные исследования в России и СНГ. Кто есть Кто. Макаров Вадим Витальевич. URL: http://www.owl.ru/win/books/dbras_who_is_who/m01.htm (дата обращения: 01.08.2015).

58. Иудин А.А., Шпилёв Д.А. Германия: гендерная политика как основа гендерной культуры // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 80–86.

59. Егорова Н.Ю., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная немецкая социология: (обзор). Исследования проблем семьи. Н. Новгород: НИСОЦ, 2011. 84 с.

60. Мосакова Е.А. Социально-демографическая политика в России: необходимость учета гендерного фактора // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2014. № 3-4. С. 84–88.

61. Хоткина З.А. На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 5–13.

IS IT POSSIBLE TO REALIZE A GENDER-BASED APPROACH IN THE SOCIAL PRACTICE OF A TECHNICAL UNIVERSITY?

E.V. Anufrieva, [1] ***G.V. Boyko,*** [1] ***N.V. Dulina***[2]

[1]Volgograd State Technical University
[2]Volgograd State University

This article deals with social processes, which are realized and organized by technical universities in Germany within the framework of a gender-based approach, and considers the possibility to apply the accumulated experience in the practice of Russian technical universities. The authors study the experience of German technical universities, which are partners of the Volgograd State Technical University (VSTU) in international cooperation. The study is focused on the implementation of gender equality between men and women at different stages of the educational process in the university's social practice.

Keywords: gender-based approach, technical university, gender, gender-based culture, social practice.

УДК 378.4

РАЗРАБОТКА МОДУЛЯ «SMART MATERIALS» НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ МАГИСТРАТУРЫ

© 2019 г.

А.Н. Безруков

Безруков Артем Николаевич, к.х.н.; доцент кафедры физической и коллоидной химии Казанского национального исследовательского технологического университета
artem_bezrukov@kstu.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Проанализированы возможности интернационализации программ магистратуры в области инженерного образования путем разработки дополнительного модуля на английском языке. На примере университетов Германии рассмотрен опыт стран, разрабатывающих международные магистерские программы для привлечения иностранных студентов и обучения собственных студентов на английском языке. На основе опыта университетов Дармштадта, Регенсбурга и Мерзебурга в разработке и реализации программ магистратуры в области химии, химической технологии и материаловедения создан англоязычный модуль «Smart Materials» («Умные» материалы») для существующей магистерской программы на базе Казанского национального исследовательского технологического университета. Модуль представлен двумя лекционными курсами (которые посвящены введению в технологию «умных» материалов и аналитическим методам исследования «умных» материалов), а также лабораторным практикумом по синтезу и характеризации супрамолекулярных систем. В рамках модуля разработано дополнительное учебное пособие для изучения специализированной англоязычной терминологии по тематике «Smart materials» на основе лексики лекционных курсов и лабораторного практикума. Обсуждается вклад данного модуля в интернационализацию образовательной деятельности университета, и в частности в реализацию проектов краткосрочной международной академической мобильности, таких как международные научные школы.

Ключевые слова: интернационализация, инженерное образование, магистратура, образовательный модуль.

Введение

Интернационализация образовательной и научной деятельности является неотъемлемым элементом стратегии ведущих российских и мировых вузов [1]. Подготовка современных конкурентоспособных специалистов, востребованных на мировом рынке труда, невозможна без интеграции вуза в международное научное и образовательное пространство и получения студентами опыта международной академической мобильности или общения с приглашенными зарубежными специалистами [2–4].

Интернационализация российских вузов имеет ряд специфических проблем [5–7], среди них одна из самых актуальных – необходимость иноязычной подготовки студентов и, в идеальном случае, создания иноязычной среды в вузе для массового привлечения иностранных студентов и преподавателей [8]. Соответственно, программы интенсивной иноязычной подготовки (в частности, обучение будущих инженеров профессионально-ориентированному иностранному языку) являются важным компонентом процесса интернационализации вуза [9; 10].

Одна из важнейших форм интернационализации – академическая мобильность студентов и преподавателей в рамках международных грантов, совместных образовательных программ, международных исследовательских проектов и т.д. [11]. Особенно актуальными являются программы на английском языке, так как они позволяют создать совместные образовательные программы с ведущими вузами (например, в странах Евросоюза [12]) и не только привлечь иностранных студентов, но и значительно повысить конкурентоспособность российских молодых специалистов на международном рынке труда. Соответственно, ряд инициатив интернационализации российских вузов представлен либо международными магистерскими программами, либо программами с элементами иноязычной подготовки. Особенно актуально это для программ инженерного образования, дисциплины которых характеризуются собственной специфической терминологией.

В рамках деятельности Правительства Российской Федерации, Агентства стратегических инициатив, Национальной технологической инициативы ставится задача опережающего развития Российской Федерации и перехода к новому технологического укладу, который основан, в том числе, и на концепции «умных»

материалов. В аналогичных стратегических исследованиях за рубежом отмечается ведущая роль новых технологий в области разработки и получения передовых материалов для ключевых отраслей промышленности уже в ближайшем будущем (2020 г.). В аналитическом отчете Американского стратегического исследовательского центра RAND «Глобальная технологическая революция 2020» [13] выделяются перспективы применения новых материалов, «умных материалов» («smart materials») – таких, как наноматериалы, композиционные материалы, биоматериалы и т.д.

В ближайшие 15–20 лет следует ожидать устойчивый рост спроса на специалистов инженерного профиля, обладающих компетенциями в области нанотехнологий, материаловедения, «умных» материалов и их практического применения в перспективных технологических отраслях.

Разработка и предложение образовательных продуктов, ориентированных на подготовку подобных специалистов, соответствует долгосрочной стратегии технологического развития РФ и является актуальной задачей для российских инженерных вузов. С другой стороны, программа экспорта российского образования подразумевает трехкратный рост числа иностранных студентов к 2025 г., которые будут демонстрировать растущий спрос на программы на английском языке.

В настоящей работе проанализированы предпосылки к разработке англоязычного модуля «Умные материалы» для существующей магистерской программы на базе Казанского национального исследовательского технологического университета, структура и процесс разработки данного образовательного продукта и его практическая значимость в контексте решения задач интернационализации вуза.

Методология

Анализ предпосылок к разработке англоязычного модуля для магистерской программы осуществлялся путем сравнительного анализа практик по интернационализации инженерного образования в России и Германии в формате посещения немецких вузов в различных регионах страны (Гессен, Саксония-Анхальт и Бавария) и встреч с разработчиками, администраторами, преподавателями. Германия была выбрана потому, что ее вузы предлагают программы инженерного образования мирового уровня на английском языке, при этом Германия изначально не является англоязычной страной. Немецкие университеты предлагают конкурентоспособные программы инженерного образования для иностранных магистрантов и привлекают большое число иностранных студентов из разных стран. Магистерские программы на английском языке также высоко востребованы немецкими студентами, которые хотят добавить навыки профессионально-ориентированного английского языка в свое портфолио, чтобы быть более конкурентоспособными на международном рынке труда.

Российская система высшего образования ставит перед собой аналогичные цели, при этом для российских студентов английский язык также является иностранным. Германия, вузы которой обладают значительным опытом в области интернационализации высшего образования, может предложить для российских вузов интересные практики для решения задач по разработке и реализации международных образовательных программ.

Сравнительный анализ был проведен в университетах Дармштадта (технический университет Дармштадта), Регенсбурга (университет Регенсбурга) и Мерзебурга (университет прикладных наук Мерзебурга). Было опрошено более 25 чел. В задачи анализа входило выявление мнений, обсуждение опыта и получение практических рекомендаций немецких преподавателей и администраторов по следующим вопросам:

1) мотивация преподавателей и студентов к участию в международных магистерских программах;

2) основная цель разработки международных магистерских программ;

3) процент иностранных студентов, обучающихся в рамках международных магистерских программ;

4) вопросы администрирования и финансирования магистерских программ;

5) лучшие практики привлечения иностранных преподавателей.

Сравнение (бенчмаркинг) позиций немецких партнеров с мнениями российских коллег осуществлялось на основе анализа работы образовательных и международных служб Казанского национального исследовательского технологического университета как одного из ведущих российских вузов, предлагающих магистерские программы в сфере инженерного образования.

Разработка образовательных компонентов модуля осуществлялась на основе лучших практик технического университета Дармштадта (программа «Materials Science») и университета Регенсбурга (программа «Advanced Synthesis & Catalysis»). В рамках модуля была запланирована разработка трех курсов: вводного лекционного курса по «умным» материалам, курса по исследовательским методам для характеризации

«умных» материалов, а также лабораторного практикума, посвященного исследованию супрамолекулярных систем.

Результаты и их обсуждение

В результате анализа встреч с преподавателями и администраторами вузов Германии, задействованных в разработке, администрировании и реализации международных магистерских программ, была выявилена сходная мотивация (практически стопроцентное совпадение мнений) в российских и немецких вузах в интернационализации образовательных программ: привлечение иностранных студентов, получение дополнительного финансирования от региональных, национальных или международных фондов на реализацию проектов по интернационализации высшего образования, рост карьерных возможностей у немецких и российских студентов, обучающихся по подобным программам.

Меньшее сходство было выявлено в целях разработки международных магистерских программ, которые преследуются в университетах России и Германии. Для российских вузов в последние годы характерна ориентация на разработку программ, ориентированных на экспорт российского образования и получение прибыли от образовательных услуг, оказываемых иностранным студентам (большое внимание, в частности, уделяется маркетингу международных образовательных программ). Вузы Германии, напротив, придерживаются долгосрочной политики в реализации международных программ магистратуры (образование предоставляется бесплатно), так как многие иностранные выпускники немецких вузов в сфере инженерного образования продолжают работу с немецким бизнесом в своей стране после завершения обучения.

Доля иностранных студентов в разных немецких вузах, по результатам опроса, неодинакова. На некоторых программах (как в университете Регенсбурга) число слушателей из числа немецких студентов доходило до 95%. В университете прикладных наук Мерзебурга более трети студентов, обучавшихся по некоторым программам, являлись иностранными гражданами.

В вузах Германии преобладает децентрализованный подход в плане администрирования, финансирования и разработки международных программ: основное структурное подразделение – это кафедра (в российских вузах существует, как правило, центральное структурное подразделение, которое занимается вопросами магистратуры, для немецких вузов это не характерно). При этом во всех посещенных вузах было отмечено наличие региональных источников финансирования разработки подобных программ магистратуры, которое выделяется на конкурсной основе и также реализуется на уровне кафедры.

Привлечение иностранных преподавателей как в российских, так и в немецких вузах осуществляется в основном за счет международных грантовых программ. Следует отметить программы DAAD и Erasmus+, которые доступны для ученых и преподавателей обеих стран и могут быть полезны в плане реализации инициатив по разработке совместных международных образовательных продуктов.

Среди выявленных различий также следует отметить тот факт, что международные магистерские программы в вузах Германии часто имеют четкую междисциплинарную направленность и могут реализовываться на площадках нескольких вузов как на уровне Германии, так и с привлечением партнеров в Евросоюзе. Магистранты в немецких вузах более активно, чем в России, участвуют в краткосрочных образовательных проектах, таких как летние школы, где могут пройти дополнительное обучение на английском языке.

Немецкие студенты демонстрируют более высокий уровень владения английским языком при поступлении в англоязычную магистратуру, по сравнению с российскими студентами. Большой объем учебной литературы на английском языке доступен для немецких студентов уже на уровне бакалавриата.

По результатам опроса, проведенного при посещении вузов Германии, было принято решение разработать, в качестве нового образовательного продукта, отдельный англоязычный модуль для существующей магистерской программы «Физико-химические основы инновационных технологий надмолекулярно-организованных систем» на базе Казанского национального исследовательского технологического университета. Ввиду выявленных значительных различий в подходах к администрированию образовательных программ в вузах России и Германии, данный формат представляет собой достаточно быстрое решение для выполнения задач интернационализации вуза. Новая магистерская программа рассматривается в качестве долгосрочного проекта, который может быть реализован в случае успешности данного модуля.

Мотивация в принятии данного решения состояла, во-первых, в привлекательности добавления междисциплинарного компонента к существующей программе подготовки магистров, чтобы студенты могли применять свой опыт,

полученный при изучении различных дисциплин, при посещении курсов в рамках модуля «Smart Materials»: физики, химии, химической технологии, материаловедения, биотехнологии и т.д. Во-вторых, данный модуль был разработан на английском языке, чтобы усилить возможности интернационализации соответствующей магистерской программы. С одной стороны, российские студенты могут получить дополнительные языковые навыки, посещая курсы в рамках данного модуля. С другой стороны, предполагается, что модуль будет интересен иностранным студентам, которые заинтересованы в обучении по краткосрочным (до одного семестра) программам международного обмена [14]. Новый модуль рассчитан также на привлечение иностранных студентов, которые не могут быть зачислены на срок более семестра. Такие студенты могут посещать дисциплины модуля в рамках краткосрочных мероприятий (летних школ или семестровых программ обучения), поскольку в Европейском союзе, Китае и других странах предусмотрена серия грантов, которые обеспечивают финансирование подобных проектов академической мобильности [15; 16].

На втором этапе был использован опыт технического университета Дармштадта в разработке программы «Materials Science» и университета Регенсбурга в разработке программы «Advanced Synthesis and Catalysis» для создания модуля «Smart Materials».

В модуль «Smart Materials», разработанный с учетом анализа лучших практик немецких университетов, вошли четыре компонента. Модуль структурно состоит из двух лекционных курсов: «Introduction to Smart Materials» (введение в «умные» материалы) и «Research Methods for Smart Materials» (исследовательские методы для «умных» материалов), лабораторного практикума «Микрожидкостные методы для получения наночастиц, умных полимеров и смарт-систем». По каждому из лекционных курсов также опубликовано соответствующее учебное пособие.

В рамках курса «Introduction to Smart Materials» рассматриваются различные классы «умных» материалов, обсуждаются технологии их получения. Курс «Research Methods for Smart Materials» посвящен различным аналитическим методам, которые активно применяются для изучения и характеризации «умных» материалов (электронная микроскопия, атомно-силовая микроскопия, рентгеноструктурный анализ и т.д.).

Практический курс «Микрожидкостные методы для получения наночастиц, умных полимеров и смарт-систем» был разработан по итогам встреч с представителями Института микро- и нанофлюидики Технического университета Дармштадта. Микрофлюидика является передовым междисциплинарным направлением исследований; соответствующие экспериментальные методики представляют интерес для специалистов в области химии, материаловедения, химической технологии, биотехнологии и т.д.

В результате анализа было также принято решение разработать дополнительные методические материалы на основе курсов модуля для подготовки будущих магистров. Материалы были опубликованы в форме учебного пособия с упражнениями по освоению специфической терминологии «Smart Materials: Handbook for English Learners» («Умные» материалы: пособие для изучающих английский язык). Учебное пособие «Smart Materials: Handbook for English Learners» содержит ряд упражнений, основанных на материалах первых двух пособий и предназначенных для освоения студентами соответствующей англоязычной терминологии.

Другой практический итог анализа лучших практик немецких вузов заключается в том, что международные летние школы стали рассматриваться как перспективный формат для апробации компонентов разработанного образовательного модуля. Одной из таких школ станет проходящая на базе КНИТУ летняя школа Программы Фулбрайта, в рамках которой будет апробирован экспериментальный компонент настоящего модуля.

Заключение

Реализованный проект по разработке модуля «Smart Materials» для магистерской программы «Физико-химические основы инновационных технологий надмолекулярно-организованных систем» предоставляет дополнительные возможности для повышения конкурентоспособности российских молодых специалистов на международном рынке труда, а также, в перспективе, станет новым инструментом по привлечению иностранных абитуриентов в вуз.

По итогам разработки модуля данный образовательный продукт будет использоваться для обучения студентов факультета в рамках основных образовательных программ, а также в качестве компонента краткосрочных академических инициатив, таких как международные летние школы.

Основной вклад в разработку данного модуля внесло сотрудничество с вузами Германии на основе комплекса международных связей университета. Интернационализация образовательных и научных связей вуза позволила привлечь к разработке модуля, в качестве консультантов, преподавателей и администраторов ряда вузов Германии,

имеющих опыт в разработке аналогичных образовательных программ. В свою очередь, участие немецких партнеров позволило внедрить интересные решения в образовательный модуль, такие как экспериментальный практикум с применением микрофлюидных методов анализа.

С другой стороны, ориентация данного продукта на решение задач интернационализации вуза, начиная со стадии проектирования модуля (подготовка образовательный материалов на английском языке), предоставила возможность использования компонентов модуля для реализации краткосрочных международных образовательных программ, таких как запланированные вузом международные школы для молодых ученых.

Особый интерес заслуживает ориентация немецких вузов на долгосрочные итоги реализации своих образовательных программ с позиции «мягкой силы» и мотивирования выпускников на сотрудничество с немецким бизнесом и промышленностью в горизонте 10–15 лет после выпуска. Данный подход может быть полезен российским университетам для интернационализации программ инженерного образования с привлечением ресурсов зарубежных предприятий и других организаций, в которых работают иностранные выпускники вуза. Для реализации данного подхода целесообразно обратиться к опыту вузов США по организации сети выпускников (alumni) и их дальнейших встреч в вузе. Один из интересных подобных проектов, реализованных в Республике Татарстан, – программа по организации встреч соотечественников, работающих за рубежом.

Автор выражает признательность проф. Штеффену Хардту (Технический университет Дармштадта) и проф. Буркхарду Кёнигу (Университет Регенсбурга, Германия) за обсуждение аспектов создания и реализации программ магистратуры в области инженерного образования.

Работа выполнена при финансовой поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина (автор – победитель конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2017/2018), проект № ГСГК-25/18).

Список литературы

1. Altbach P.G. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities // Journal of Studies in International Education. 2007. V. 11. № 3/4. P. 290–305.

2. Зиятдинова Ю.Н., Безруков А.Н. Интернационализация инженерного образования // Профессиональное образование. Столица. 2016. № 5. С. 21–23.

3. Ziyatdinova J., Ivanov V.G., Bezrukov A., Osipov P., Sanger P.A. Going Globally as a Russian Engineering University // ASEE Annual Conference and Exposition, Conference Proceedings 122, Making Value for Society. Сер. «ASEE's 122nd Annual Conference and Exposition: Making Value for Society». 2015. P. 26.823.1–26.823.12.

4. Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V., Gazizulina L.R., Tarasova N.M., Galiullina E.I. Nature and principles of the phenomenon of higher education integration: mechanisms of implementation, pros and cons, the effectiveness and the management // IEJME: Mathematics Education. 2016. № 6. P. 1697–1712.

5. Ziyatdinova J.N., Osipov P.N., Bezrukov A.N. Global Challenges and Problems of Russian Engineering Education Modernization // Proceedings of 2015 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2015. P. 397–400.

6. Зиятдинова Ю.Н., Осипов П.Н., Безруков А.Н., Валеева Э.Э., Султанова Д.Ш. Интернационализация инженерного образования. Российский вариант: Монография. Казань: КНИТУ, 2015. 256 с.

7. Акульшина А.В., Галушко Д.В. Интернационализация высшего образования и национальные интересы: пути гармонизации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 165–171.

8. Валеева Э.Э., Безруков А.Н. Новые методики обучения профессионально-ориентированному иностранному языку в рамках интернационализации инженерного образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 430–436.

9. Bezrukov A., Ziyatdinova J. Internationalizing Engineering Education: a Language Learning Approach // Proceedings of 2014 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2014. P. 299–302.

10. Газизулина Л.Р. Роль иноязычной подготовки в профессиональном развитии аспирантов // Глобальный научный потенциал. 2019. № 2(95). С. 75–78.

11. Ватолкина Н.Ш., Федоткина О.П. Академическая мобильность студентов в условиях интернационализации высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 2(96). С. 17–26.

12. Горылев А.И., Камынина Н.Р. Совместные образовательные программы как инструмент построения единого европейского пространства высшего образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 3 (39). С. 183–189.

13. The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analysis // Сайт rand.org. Режим доступа: URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2006/RAND_TR303.pdf.

14. Ziyatdinova J., Bezrukov A., Sanger P.A., Osipov P. Best Practices of Engineering Education Internationalization in a Russian Top-20 University // ASEE 2016 International Forum. Paper ID #17590.

15. Bezrukov A., Ziyatdinova J., Sanger P., Ivanov V.G., Zoltareva N. Inbound International Faculty Mobility Programs in Russia: Best Practices // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. V. 715. P. 260–265.

16. Олейникова О.Н. Интернационализация высшего образования в Российской Федерации и программа Темпус // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 26. С. 8–14.

DEVELOPMENT OF THE «SMART MATERIALS» MODULE IN ENGLISH FOR INTERNATIONALIZATION OF MASTER'S TRAINING PROGRAMS

A.N. Bezrukov

Kazan National Research Technological University

In this paper, we examine an approach to internationalization of a Master's degree program by developing an additional module in English. German universities were selected for benchmarking to analyze the best practices of countries developing similar academic products to attract foreign students and to provide international dimension for their domestic students by offering them training programs in English. The experience of TU Darmstadt, Regensburg University and Merseburg University of Applied Sciences in developing and implementing Master's degree programs in chemistry, chemical engineering and materials science contributed to developing the «Smart Materials» module for an existing Master's degree program at the Kazan National Research Technological University. The contribution of this module to internationalization of academic activities at the university is discussed and short-term academic mobility projects are represented as a relevant best practice.

Keywords: internationalization, engineering education, Master's training, education module.

УДК 335.237

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСПЕХА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ОСНОВНЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

© 2019 г.

Е.В. Борисова

Борисова Елена Владимировна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры высшей математики
Тверского государственного технического университета
elenborisov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Рассмотрены проблемные организационно-методические аспекты обучения иностранных студентов на основных факультетах российских вузов. Особое внимание уделено личностным и педагогическим проблемам успешной включенности в процесс обучения. Выявлены противоречия и факторы, затрудняющие обучение в новых образовательных условиях и культурном пространстве. Показано, что развитие коммуникативной компетенции в учебном общении обеспечит не только повышение уровня образовательных достижений по выбранному направлению, но и сформирует позитивное отношение к стране пребывания. Подтверждено наличие двух укрупненных групп факторов, влияющих на включенность в образовательный процесс и социализацию в новом коллективе. К группе внутренних отнесены субъективные, психологические факторы, к группе внешних – объективные, организационно-педагогические факторы. Обоснован наиболее целесообразный вариант взаимодействий между преподавателем и студентом – субъект-субъектные отношения. Показано, что педагогическая парадигма сегодняшнего времени, выражающая идеи социума в формуле «научить учиться», сообразуется с идеями тьюторства. Приведены результаты опросов студентов для обобщения положительного опыта и негативных моментов в педагогических формах, культурных проявлениях взаимоотношений – как внутри студенческих групп, так и с преподавательским составом. Сформулированы практико-ориентированные рекомендации участникам образовательного процесса с целью повышения его эффективности и результативности.

Ключевые слова: иностранные студенты, преемственность в обучении, тьюторские компетенции, условия успешности.

Введение

Эффективность и качественная подготовка специалистов для иностранных государств работает на международный имидж нашей страны. Иностранные выпускники российских вузов – значимый элемент продвижения на международный рынок образовательных услуг и технологий. Это понимается руководством и гражданских, и силовых, и ведомственных вузов. Интеграция отечественной высшей школы в мировое образовательное пространство актуализирует вопросы качества обучения иностранных студентов на основных факультетах. Развитие процессов интернационализации не в последнюю очередь определяет важность постановки и решения проблем достижения успешности в реализации образовательной траектории для студентов дальнего и ближнего зарубежья. Многообразие и «нетипичность» иностранных студентов определяют частные особенности целей, содержания, форм и методов повседневной работы с ними. Проблемы студентов на основных факультетах отличаются от проблем студентов, прибывающих для стажировок, по обмену или по краткосрочным программам, в части большего набора факторов, определяющих качество образования. Основу контингента поступающих на полный срок обучения составляют представители стран Африки, Ближнего Востока, Индии, Китая, Южной Америки. Одновременно с ними для получения высшего образования прибывают студенты из бывших республик Советского Союза (преимущественно, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана). Такие студенты сначала поступают на подготовительные отделения (факультеты) вузов России без вступительных испытаний. В целом их отличают не слишком высокий общеобразовательный уровень, слабая подготовка по профильным дисциплинам и специальным предметам [1, с. 10]. Усугубляется эта ситуация плохим владением русским языком. Первоочередная задача довузовского этапа образования состоит в социальной адаптации и активном включении иностранных студентов в учебный процесс. Подготовительные факультеты и отделения для иностранных граждан накопили достаточный методический и практический опыт решения первоочередных задач адаптации и

языковой коммуникации. Однако при переходе на основные факультеты возникают новые сложности и проблемы, обусловленные рядом объективных и субъективных факторов. Так, например, сложившаяся практика формирования учебных групп по мононациональному принципу оправдывает себя на этапе довузовской подготовки; а на основных факультетах это создает дополнительные трудности, поскольку группы становятся более многочисленными, интернациональными, мультикультурными. Проблемой является и отличие форм обучения в российских вузах от общих традиций образования в зарубежных странах и частных национальных традиций. Так, например, студенты компьютерных направлений инженерных вузов получают на родине общее представление и базовые навыки работы на компьютере, но совершенно не владеют принципами разработки алгоритмов, написания по ним компьютерных программ [2, с. 39]. У китайских студентов, в силу национальных традиций, превалируют рамки строгого подчинения преподавателю, выполнение инструкций, отсутствие инициативы и собственного мнения [3]. При массовом обучении иностранных студентов на основных факультетах успешность их включения в образовательную среду вуза осложняется устоявшимися методическими и организационными условиями. Научиться распределять время, записывать и прорабатывать лекции, выполнять аудиторные задания, не прибегая к списыванию с доски, готовиться к лабораторным работам по методической литературе – все это, в совокупности с низким уровнем знания русского языка, для большинства первокурсников-иностранцев создает плохо преодолимые трудности. Вместо развития и приобретения новых компетенций у студентов формируется «снежный ком» учебных и коммуникативных проблем. «Не понимаю, не успеваю, не умею, не получается, не могу» – все эти «не» собираются в глобальное «не хочу, не интересно», следствием чего являются формальное посещение университета, потеря мотивации, академическая неуспеваемость.

Теоретико-методические подходы

Проведенный анализ работ различных авторов показал, что в настоящее время не сформулирован системно-целостный подход к проблемам успешности построения адекватной образовательной траектории, а рассматриваются лишь отдельные компоненты. Это не позволяет обеспечить всесторонний учёт аспектов и факторов формирования компетентного выпускника и, в дальнейшем, успешного специалиста. В работах ряда учёных (Т.М. Ковалева, Е.О. Линник и др.) отмечается, что наиболее целесообразным вариантом педагогических отношений между преподавателем и студентом в современных условиях является их активное взаимодействие. В первую очередь, имеются в виду субъект-субъектные отношения. Такой тип отношений состоит в создании равного участия обучающих и обучающихся в организации и осуществлении совместной образовательной деятельности. Тем не менее обучение преимущественно продолжает оставаться монологичным, и, как правило, сохраняется авторитарная позиция обучающего. Проявляется противоречие между часто встречающейся традиционной направленностью педагогического состава на одностороннюю передачу системы знаний, умений при решении учебно-познавательных задач и имеющимися устойчивыми представлениями иностранных обучающихся о формах, методах, технологиях и смыслах образовательной деятельности. Важной особенностью учебного общения является то, что развернутое объяснение не ограничивается повествованием, оно включает и проблемные вопросы, и аргументированные тексты. Учебное общение – это синтез устной и письменной коммуникации. В процессе такого общения складывается система, включающая интенции:

– ментальные (объяснить, передать информацию, обеспечить осмысление материала, проблемы);

– речевые (подготовить/написать/составить конспект лекции);

– коммуникативные (провести занятие, опрос, контроль, подвести итоги).

Иностранные студенты, поступающие на основные факультеты, с необходимостью должны налаживать учебные и социальные контакты с сокурсниками, с преподавательским и учебно-вспомогательным составом. Объективной реальностью для преподавательского состава является то, что в интернациональных группах наиболее важно учитывать личностные (групповые) свойства российских и иностранных обучающихся, но в то же время образовательный процесс по своим целям должен быть стандартизированным, типовым с точки зрения решаемых с его помощью задач. Индивидуально-психологическим фактором является когнитивный стиль деятельности, то есть система особенностей познавательной, аналитико-синтетической деятельности, организации семантической памяти, стратегии выбора средств и способов действий и принятия решений. Многочисленными исследованиями установлено наличие

связей между академической успеваемостью и когнитивным стилем [4]. Сопоставление конспектов студентов с высокой и низкой академической успеваемостью показало, что последние используют меньшее количество слов для записи, употребляют больше простых предложений, сокращают слова, перефразируют мысль, то есть подвергают лекцию переработке. Иностранным студентам, в силу недостаточного владения русским языком, приходится строго записывать текст, без переработки. Это замедляет процессы конспектирования, записи получаются неполными, часть информации теряется. Раздаточный материал лекций, конечно, снижает остроту проблемы, но не снимает ее полностью, поскольку здесь отсутствует личностная переработка информации. Вместе с тем качественные конспекты, составленные собственноручно, являются фактором успешности в образовательной деятельности.

Обратная связь в системе взаимодействия «педагог – интернациональная аудитория» реализуется через диагностические процедуры: контроль, проверка, оценивание, анализ учебных достижений, выявление динамики и тенденций по каждому обучающемуся. При этом важно отсутствие коммуникативных барьеров как фактора, нарушающего «общность» между адресантом и адресатом и возникающего при несоответствии кодированной и раскодированной информации. Разнотипное восприятие информации имеет место, когда взаимодействующие стороны имеют различный опыт, используемую лексику, знания, интересы. Фактор коммуникативных барьеров достаточно значим в учебных отношениях с иностранными студентами. Методы его снижения, а тем более устранения в большой степени находятся в поле деятельности педагога. Российский социолог В. Шепель выделяет следующие виды коммуникационных барьеров:

– дискомфорт физической среды, в условиях которой происходит общение;

– выключенность адресата из коммуникации ввиду его озабоченности другими проблемами;

– пониженная восприимчивость адресата под действием устойчивых стереотипов;

– естественное различие словарного запаса и лексиконов и др. [5].

Для устойчивой коммуникации следует стимулировать обратную связь с обучающимися, соизмеряя свои действия с ответной реакцией.

Результаты и рекомендации

Обобщая, можно указать два вида факторов, определяющих процесс «включения» иностранных студентов в образовательное пространство основных факультетов. Определим их как внутренние (личностные, субъективные) и внешние (социально-педагогические, объективные). Внутренние факторы раскрывают комплекс потребностей, ценностей и мотивов, психологическую готовность к взаимодействию в новой социально-культурной среде, а именно:

– общие ценностные основания в соприкасающихся культурах;

– языковую базу и уровень учебной коммуникативности иностранного студента;

– мотивацию к преодолению барьеров с представителями иного социума;

– готовность получения качественного образования в российском вузе;

– удовлетворенность отношениями в группе сверстников и с преподавательским составом;

– мотивацию к самоорганизации;

– потребность в самореализации в условиях нового социума.

Внешние факторы (как совокупность объективных причин) включают сформированность микросреды вуза, особенности реализации образовательного процесса, организационно-педагогические условия формирования компетенций. К ним можно отнести:

– образовательную и культурно-социальную среду вуза;

– степень сходства между культурами и ценностными установками;

– наличие русских друзей и вовлеченность в общественную жизнь вуза;

– наличие субъект-субъектного взаимодействия с преподавателями;

– возможность решения бытовых, консультационно-правовых вопросов.

Студенты, поступившие на первый курс, испытывают сходный набор трудностей по «включению» в образовательный процесс. При этом российские студенты имеют несомненные языковые преимущества, а иностранные – минимальный опыт нешкольной системы обучения, приобретенный на этапе «до вуза». Возникает вопрос, как совместить имеющиеся у иностранных студентов «плюсы и минусы» в положительный тренд получения высшего образования.

Основываясь на результатах опросов и бесед с иностранными студентами, отметим положительные черты обучения на подготовительном факультете:

– психолого-административное сопровождение студентов кураторами;

– малочисленные и, чаще, монокультурные учебные группы;

– ограниченный перечень учебных дисциплин и, следовательно, преподавателей;

– раздаточный материал по темам аудиторных занятий;

– адаптированные тексты по специальным дисциплинам;

– наличие предтестовых заданий и словарей новых терминов.

Поступив на первый курс, иностранные студенты рассчитывают на аналогичные организационно-педагогические подходы. Но в этой образовательной фазе все организовано иначе. Возникает противоречие между достигнутым (не всегда высоким) уровнем коммуникативной компетенции иностранного студента и интернациональным характером формирования учебных групп с универсальным построением образовательного процесса.

Личностные качества, присущие обеим сторонам субъект-субъектных отношений, являются самым значимым фактором выстраивания успешной образовательной траектории. Студенты из-за рубежа отмечают, что многие преподаватели и российские студенты, даже по окончании первого семестра, не запоминают их имена, а называют «эти иностранцы». Преподаватели зачастую не знают, из какой страны студенты прибыли, не говоря о национальных особенностях, культурных установках и ценностях. С другой стороны, обучающиеся, сталкиваясь с неизбежными трудностями, начинают апеллировать к плохому пониманию и языковым проблемам.

Потенциал субъект-субъектных отношений реализуется через следующие идеи: «идея межличностного взаимовлияния (духовное саморазвитие, усвоение ценностей, присоединение к внутреннему миру другого); идея межличностного взаимодействия, предполагающая такой уровень педагогического отношения (установок, ценностей, мотивов) и общения (речевого поведения, невербальных проявлений), который обеспечивает участникам социально-психологических ситуаций переживания своей тождественности с другими и, следовательно, усвоение групповых норм, ролей, схем действий; идея сотрудничества, которая подразумевает такой уровень развития обучения и учения, на котором они, становясь взаимозависимыми и взаимоопределяющими, превращаются в единую функциональную систему» [6, с. 50].

Повысить успешность обучения иностранных студентов предлагается за счёт эффективного управления их учебно-познавательной деятельностью. В качестве педагогического приема реализации субъект-субъектных отношений предлагается использовать элементы тьюторства. В 2012 году принят профессиональный стандарт на профессию «тьютор», введены квалификационные характеристики. Создана Межрегиональная тьюторская ассоциация, с 2011 года издаётся журнал «Тьюторское сопровождение». Педагогическая парадигма сегодняшнего времени выражает идеи социума в формуле «научить учиться» и сообразуется с идеями тьюторства. Стремление современного образования к индивидуализации процесса обучения, к развитию самостоятельной работы обучающихся, к их саморазвитию и самосовершенствованию, к формированию у них мотивационных и личностных способностей обосновывает необходимость развития у преподавательского состава компетенций тьютора. Тьютор является ключевой фигурой учебного процесса во многих странах Европы и США. «Тьюторская поддержка может носить характер практических занятий, консультаций или семинаров по определенным темам» [7].

Педагогическое мастерство традиционно определяется качеством чтения лекций и проведения семинарских занятий, где ведущей фигурой был и остаётся педагог. Но сегодня всё изменилось. Репродуктивная педагогика становится мало актуальной, так как не побуждает к творчеству. На первый план выходят методы, когда перед обучающимися ставится проблема и обозначается её значимость для будущей профессии, а студент сам решает эту проблему, причём самостоятельно подобранными способами. В интернациональной аудитории все студенты разные – со своей мотивацией к обучению, своими личными интересами, своим темпом обучения, памятью, индивидуальными психологическими характеристиками. Для того чтобы учитывать их особенности, надо обладать соответствующими компетенциями. Но среднестатистический педагог-предметник не имеет ни временных возможностей, ни навыка решать индивидуальные образовательные задачи каждого обучающегося, или, говоря современным языком, выстраивать индивидуальные образовательные траектории.

«Представляется, что в новых условиях должны преобладать дисциплины по выбору, а также индивидуальные формы внеаудиторной и аудиторной работы, акцент должен быть сделан на составлении индивидуальных траекторий обучения. Кто же поможет обучаемому развить свою «самость», увидеть свои особенности, свои недостатки, свои сильные стороны?» [7, с. 170]. Интернационализация образования создает почву для тьюторства как известной за рубежом формы субъект-субъектных отношений, для внедрения которой должны быть реализованы специфические педагогические условия. «Тьютор создаёт избыточную образовательную среду, насыщенную множеством пред-

ложений, которые потенциально могут быть интересны обучающемуся, затем он сопровождает «навигацию» его движения в этом пространстве предложений, обсуждая при этом различные стратегии» [7, с. 8]. Обратим внимание на особенность деятельности преподавателя, обладающего компетенциями тьютора: он должен уметь раскрывать ресурсы обучающегося с целью реализации его образовательной траектории, анализировать текущее состояние и уметь преодолевать сопротивление студента. Под сопротивлением в данном контексте понимается «совокупность препятствий внешнего или внутреннего характера, мешающих достижению обучающимся образовательных целей» [8].

Выделяется несколько принципиальных схем работы с иностранными студентами педагога-тьютора:

– наставник (помощь в организации учебной деятельности);

– воспитатель (помощь как в содержательных, так и в психологических аспектах работы обучающегося);

– консультант (помощь в выяснении неясных вопросов, уточнение возможных путей, чтобы сам обучающийся мог решить обозначенную им проблему) [9].

Не всякий хороший педагог может стать тьютором. Для овладения соответствующей компетенцией также нужны определённые психологические характеристики: открытость, отсутствие авторитарности, способность к диалогу, эмпатия, рефлексивность, оптимизм. Международный опыт показывает, что достижение студентами высокого уровня компетенций достигается в рамках модульного обучения с привлечением тьюторов в различных формах. Так, например, во Франции для повышения успеваемости студентов университеты предлагают «специальные механизмы сопровождения, включающие:

– двухнедельную «стажировку интеграции» в начале учебного года для подготовки учащихся к «профессии студента»;

– тьюторат (для методологической помощи);

– модули поддержки (со стороны назначенных прикрепленных преподавателей);

– модуль «открытия профессии», на котором определяются области будущей профессии в зависимости от направления подготовки» [9, с. 13].

Принципиальный вывод заключается в том, что в странах, входящих в Болонскую конвенцию, тьюторство уже органично вписано в модель обучения студентов, дополняя модульный принцип обучения. Это дает студентам возможность индивидуально планировать свой учебный график, что позволяет добиться удовлетворения их всевозможных и многообразных потребностей. Приведем несколько отзывов иностранных студентов, обучающихся у автора статьи по программам магистратуры по направлению «Информационные и компьютерные технологии» (дисциплина «Специальные главы высшей математики», объем курса 1 кредитная единица). Эти отзывы во многом подтверждают высказанные в статье теоретические и практические положения, реализуемые автором на практике. Авторская стилистика в отзывах сохранена.

Аль Мандили М.Р.А. *Мне понравился курс. Можно отметить следующие положительные моменты. Определение задач каждому студенту в ясной формулировке в начале учебного семестра. Задачи хорошо поставлены, средней сложности описаны в многих литературных источниках. Проведение защиты результатов решения задач и изучения теоретических материалов в виде презентации способствует более ясному понятию материала и осознанию собственных ошибок в ходе просмотра других презентаций и обсуждения полученных результатов в группе со всеми студентами и русскими, и иностранными. Преподаватель предмета доступен по электронной почте или скайпу и готов ответить на любые вопросы. Проведение курса в такой форме является хорошей идеей.*

Сома Г.М. *Хочу отметить, что все занятия проходят в увлекательной дружеской обстановке, что, несомненно, делает их не только познавательными, но и интересными. Изучение теоретических материалов, в виде подготовки самостоятельной презентации, помогает более ясному понятию содержания, в ходе доклада по презентации и обсуждения полученных результатов. С моей точки зрения — это отличный метод, он очень помогает студентам в подготовке диссертационной работы дальше.*

Соуза Н.А. *Помимо неоспоримых профессиональных качеств, хотелось бы отметить особый подход к каждому студенту, с доступным способом общения отвечать на проблемы и сомнения в данный момент. В течение семестра, мне показалось интересным этот метод, потому что помимо того, что у студента больше свободного времени, он сам должен был найти методы для решения задач каждого модуля, а преподаватель всегда был очень внимателен и готов ответить на любые вопросы, даже неправильно заданные по-русски.*

Кошта Франсишку. *Хочу оставить свой отзыв о том, что мне очень понравилась методика преподавателя. Нам давали темы по двум модулям, чтобы самостоятельно разобраться, выполнить расчеты и подготовить презента-*

цию для доклада. Такая методика для меня подходит, потому что в университете мы не можем ждать всех разъяснений от профессоров или преподавателей, мы должны сами уметь подготовить результат по любой работе. Ещё мне понравилось, что профессор объяснила всё понятно и подробно, а если были какие-то ошибки, преподаватель показывает, почему они возникли и как их исправить правильно. Курс очень сложный, но легко откладывается в голове, были рассмотрены все нюансы, возникающие в ходе решения задач у разных студентов (российских и иностранных) и оформлении презентации. Хорошо учиться, когда видишь ошибки других студентов, а не только свои. Преподаватель очень аккуратный, высококлассный специалист, талантливый и обязательный. Всегда с собой много разнообразного материала для занятий, находит возможность проверять, исправлять и комментировать наши работы, отправленные по почте. Я очень довольный!

Последние 4 года в программу подготовки магистрантов строительных направлений включена дисциплина «Методы математической статистики и планирование эксперимента». Приобретенный автором статьи опыт работы в интернациональных группах был также успешно реализован и получил одобрение иностранных обучающихся.

Хади Мустафа Шарф А.Х. *Программа курса и его содержательная часть актуальны в связи с параллельным выполнением магистерской научно-технической работы, в которой полученные знания (особенно в области планирования эксперимента) возможно применить. Курс опирается на подготовку студентов к правильному и аккуратному выполнению исследовательской работы, учит корректно и грамотно выражать свои мысли. Сдача студентами заданий в виде презентаций является интересной, наглядной и информативной. Если в ходе выполнения индивидуальной работы возникают вопросы, то всегда можно встретиться с преподавателем в стенах университета, либо задать свои вопросы по почте, что является немаловажным, так как работает персональный подход к каждому студенту.*

Аббас Зайнал. *В моей жизни мама подарила мне теорему «все твои учители и преподаватели хорошие». В школе у меня математика как предмет был хорошо. Причина была из-за учителя (Али М.). Наше отношение с ним было, я бы сказал, как друзья. По общим баллам школы занял 2-ое место по району и получил возможность учиться в России. Здесь в Твери проходил математику у трех преподавателей. На подготовительном отделении – была почти школьная математика, потому что сначала важен язык. После окончания подготовительного отделения решил в ТвГТУ на строительном факультете учиться. Я получил хорошие знания по высшей математике. Недавно мы встретились с преподавателем, и она сказала «учите хорошо, будете представлять мое лицо». Наш контакт с Вами был в принципе немного. Но я скажу, что видел глазами и интуицией. Самое главное, что привлекло мое внимание – это обсуждение идей, а не так как у многих преподавателей – просто учить без смысла. Например, у нас на родине в некоторых школах и университетах – преподается сильная математика, решают сложные задачи без понятия смысла и значения, к сожалению. Думаю не странно, что у Вас сложное стало понятным и нужным. Что касается в целом обучения иностранцев в России. Нет сомнений, что Россия великая по своей науке. И приближение к источнику обычно хорошо. Но с моей точки зрения, а также практики, результаты многих студентов по общим знаниям в своих специальностях не как надо, нехорошие к сожалению! Существует ряд причин, из них: сложность языка; отсутствие контроля родителей; мало или плохие друзья и др. Это не запрещает наличие умных студентов, которые получили отличные знания, и нашли хорошую работу.*

Выводы

Для преподавательского состава, работающего в группах с иностранными студентами, можно сформулировать ряд педагогических условий и приемов.

1. Учет национальных и культурных особенностей (помогает реализовать регулятивную функцию культуры, определяющую поведенческие паттерны).

2. Расширение дружеских и учебных контактов среди студентов (именно неформальное общение, а не навязанный обучающий текст, совместное выполнение лабораторных и практических работ приносит плодотворные результаты и в освоении языка, и в приобретении профессиональных компетенций).

3. Понимание, что большинство иностранных студентов болезненно переживают неудовлетворительные оценки, что обусловлено чувством ответственности перед семьей, правительством (для обучающихся по межгосударственным соглашениям), иммиграционными кураторами, следует особое внимание уделять промежуточному контролю их образовательных достижений и своевременно осуществлять принятие корректирующих педагогических мер.

4. Мотивация иностранных студентов к формированию познавательных потребностей, повышению уровня самостоятельности в индивидуальных видах учебных поручений.

Положительно ориентированное поступательное движение иностранных студентов в образовательной среде российского вуза, широкое развитие коммуникативной компетенции обеспечит высокий уровень образовательных достижений по выбранному направлению. Осознанные организационно-методические мероприятия, ориентированные на преемственность образовательных практик и траекторий в обучении иностранных студентов, несомненно, принесут востребованные результаты и обеспечат качественную подготовку специалистов, которые вернутся на родину с положительными впечатлениями о людях и стране, где они обучались.

Список литературы

1. Ременцов А.Н., Казанцева А.А. Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов // Альма матер. 2011. № 7. С. 10–14.

2. Блинова Т.А., Новиков А.В., Руднова Н.Н. Особенности преподавания информатики на русском языке как иностранном в информационном обществе для стран со слабым информационным уровнем в области алгоритмизации и программирования // Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан: Сб. материалов Международной научно-практической конференции. М., 2010. Т. 1. С. 38–46.

3. Кузнецова Т.Е., Перфилова И.Л., Соколова Т.В., Перфилова С.В., Юмашева Л.В. Особенности обучения китайских студентов в вузах РФ // Подготовка иностранных абитуриентов в вузы Российской Федерации. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 236–238.

4. Когнитивная психология: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЭРСЭ, 2002. 480 с.

5. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М.: Перспектива, 2002

6. Линник Е.О. Сущностная характеристика понятия «субъект-субъектное взаимодействие»: психолого-педагогический аспект // Инновационные образовательные технологии. 2013. № 4 (36). С. 48–54.

7. Ковалёва Т.М., Кобыща Е.И., Попова С. и др. Профессия «Тьютор». Тверь: СФК – офис, 2012. 246 с.

8. Эрштейн Л.Б. Тьюторинг как метод обучения // Организация продаж страховых продуктов. 2006. № 6.

9. Покладок Е.Б. Практика разработки и реализации образовательных программ вузов Франции в условиях Болонского процесса: Учебное пособие. М.: Исслед. центр проблем качества и подготовки специалистов, 2010. 56 с.

ENSURING SUCCESSFUL EDUCATIONAL ACTIVITIES OF FOREIGN STUDENTS TRAINING AT MAIN FACULTIES

E.V. Borisova

Tver State Technical University

The problematic organizational and methodological aspects of teaching foreign students at the main faculties of Russian universities are considered. Particular attention is paid to the personal and pedagogical problems of successful inclusion in the learning process. Some contradictions and factors that impede learning in the new educational conditions and cultural space are revealed. It is shown that the development of communicative competency in educational communication will provide not only an increase in the level of educational achievements in the chosen area of study, but will also form a positive attitude towards the host country.

The presence of two integrated groups of factors confirming the inclusion in the educational process and socialization in the new team is confirmed. The internal factors group includes subjective, psychological factors, and the external factors group includes objective, organizational and pedagogical factors. We substantiate the most appropriate option for the interaction between the teacher and the student – the subject-subject relationship. It is shown that the pedagogical paradigm of today, expressing the ideas of society in the formula «to teach to learn», is consistent with the ideas of tutoring. The results are presented of student surveys to summarize positive experiences and negative aspects in pedagogical forms, cultural manifestations of relationships both within student groups and with the teaching staff. Practice-oriented recommendations to the participants of the teaching and learning process are formulated with the aim to increase its efficiency and effectiveness.

Keywords: foreign students, continuity of study, tutor competencies, conditions for success.

УДК 33

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТУРИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ ОТРАСЛЕВОЙ РАМКИ КВАЛИФИКАЦИЙ

© 2019 г.

Е.В. Васильева, Е.А. Горбашко, Е.В. Останина

Васильева Елена Васильевна, д.э.н.; доц.; доцент кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета
vasselena@mail.ru
Горбашко Елена Анатольевна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета
egorbashko@mail.ru
Останина Екатерина Владимировна, соискатель кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета
oostanina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2019
Статья принята к публикации 20.11.2019

Рассматриваются вопросы подготовки специалистов в области туризма на основе общих тенденций интернационализации высшего образования. Анализируется опыт проекта ЕС Erasmus+ 561832-EPP-1-2015-1-LV-EPPKA2-CBHE-SP «European Dimension in Qualifications for the Tourist Sector/EurDiQ» в разработке актуальной для России модели подготовки специалистов для туристской индустрии на основе отраслевой рамки квалификаций, которая позволит обеспечить реализацию требований глобального рынка труда к качеству образования и признания квалификаций со стороны международных партнеров.

Ключевые слова: интернационализация образования, развитие рынка труда, туризм, отраслевая рамка квалификаций, признание профессиональных квалификаций.

Введение

Формирование новой модели подготовки специалистов для туристского сектора экономики России становится актуальным по ряду обстоятельств.

Во-первых, туризм относится к числу международных сетевых секторов современного экономического пространства и его глобальный индекс проявляется не только в развитии международного бизнеса в туристской дестинации (гостиницы, рестораны и т.д.), но и в гармонизации правил международного туристского обслуживания и профессиональной квалификации, включая человеческие ресурсы.

Во-вторых, туриндустрия России в полном объеме не использует богатые туристические ресурсы страны. По оценкам Всемирной туристской организации, потенциал РФ позволяет принимать до 40 миллионов иностранных туристов в год, что в 5 раз больше, чем дает реальная статистика въездного туризма в России на 2018 год [1].

В-третьих, низкое качество туристских услуг подтверждается со стороны отрасли недостатком квалифицированных кадров и мешает туристскому бизнесу РФ успешно интегрироваться в международное туристическое пространство.

В-четвертых, модернизация существующего туристского образования в России и формирование модели подготовки специалистов для туристического сектора экономики на основе отраслевой или секторальной рамки квалификаций позволит обеспечить качество подготовки кадров и признание профессиональных квалификаций российских специалистов на международном рынке туристических услуг.

Опыт и результаты проекта ЕС Erasmus+ EurDiQ

Необходимо отметить, что международные проекты в сфере профессионального, высшего и общего образования программы ЕС «Erasmus+» создают возможности для развития диалога социальных партнеров и вузов с целью модернизации и гармонизации системы подготовки специалистов, востребованных на глобальном рынке труда. Проект ERASMUS+ CapacityBuilding (Project Nr. 561832-EPP-1-2015-1-LV-EPPKA2-CBHE-SP «European Dimensionin Qualificationsforthe Tourist Sector/EurDiQ» «Европейское измерение в квалификациях для туристического

сектора экономики России и Киргизстана» [2]), реализуемый в рамках программы Европейской комиссии, позволил разработать нормативную базу (профессиональные стандарты и отраслевую рамку квалификаций) для проектирования международной модели подготовки специалистов туристического сектора России и Киргизстана, основанной на концепции обучения в течение всей жизни.

Проект отраслевой рамки квалификаций для туристического сектора экономики представляет собой средство описания и структурной классификации квалификаций в туристической отрасли. Отраслевая туристская рамка квалификаций (ОТРК) описывает компетенции, которыми должны обладать соответствующие категории специалистов, занятые в ключевых областях туристической деятельности, и иллюстрирует возможности последовательного приращения знаний, умений и социальных компетенций от уровня к уровню по мере усложнения решаемых задач. Эти описания названы дескрипторами и отражают совокупность знаний, умений, социальных компетенций соответствующего квалификационного уровня.

В контексте проекта ЕС Erasmus+ EurDiQ отраслевая рамка квалификаций в туристическом секторе экономики является инструментом гармонизации Европейской рамки квалификации и Национальной российской рамки квалификации, а также перевода базовых принципов рамки квалификаций на язык туристической отрасли с учетом специфики развития туристического сектора экономики России и Киргизстана.

В соответствии с основными направлениями удовлетворения базовых потребностей туристская отрасль включает в себя:

1) гостиничное дело (или гостиничную индустрию);

2) сектор общественного питания и обслуживания (в частности, гостинично-ресторанный бизнес);

3) организацию и продажу туристических мероприятий, а также реализацию розничных туристических услуг;

4) сопровождение туров, организацию экскурсий, отдыха и развлечений;

5) MICE-туризм, организацию деловой программы, организацию конгрессных мероприятий, выставок, деловых встреч;

6) развитие, управление и продвижение туристической дестинации.

Каждое направление деятельности в туризме предлагает различный перечень услуг, тем самым отражая различные компетенции и требования к ним со стороны индустрии, так же как и их разное содержание [3].

Содержание и формулирование дескрипторов для каждого уровня квалификаций отраслевой рамки описывает совокупность умений, знаний и компетенций, которыми должен обладать специалист, обеспечивающий реализацию конкретной услуги туристского сектора экономики в целом.

Разработанная в ходе проекта EurDiQ отраслевая рамка квалификаций для туристического сектора экономики может служить базой для гармонизации квалификационных требований Киргизии, России и стран ЕС, обеспечивая тем самым отраслевую сопоставимость квалификаций в туризме.

ОТРК разработана согласно принципам соответствия рамочным структурам России, ЕС и других стран. Такими принципами являются преемственность и непрерывность развития квалификационных уровней от низшего к высшему; соответствие национальной системы образования и иерархии квалификационных уровней структуре разделения труда. В отраслевую туристскую рамку квалификаций так же, как и в Европейскую рамку квалификаций и Национальную рамку квалификаций РФ, включены дескрипторы общих компетенций, умений и знаний, которые раскрываются через показатели профессиональной деятельности (широта полномочий и ответственность; сложность деятельности) [4]. Гармонизация российских и зарубежных нормативных документов, в частности отраслевой рамки квалификаций, будет способствовать интернационализации туристского образования и позволит сформировать общую стратегию развития рынка труда и системы образования, в том числе планировать различные траектории образования, ведущие к получению конкретной квалификации, повышению квалификационного уровня, карьерному росту; описывать с единых позиций требования к квалификации работников и выпускников при разработке профессиональных и образовательных стандартов; разрабатывать процедуры оценки результатов образования и сертификации квалификаций, формировать систему признания квалификаций на международном рынке специалистов для туристического сектора экономики; позволит решить вопрос признания квалификации и оформления на работу специалистов, мигрирующих по туристическим дестинациям в поисках работы из-за сезонности. Кроме того, созданная нормативная база может быть использована при проектировании актуальной модели непрерывного образования в туризме.

Непрерывное образование понимается как процесс непрерывного развития общего и профессионального потенциала личности в течение

жизни на основе использования системы государственных и общественных институтов [5]. Активное продвижение концепции обучения в течение всей жизни в последние десять лет обусловлено высокими темпами научно-технического развития и четвертой промышленной революцией.

«Образование в течение всей жизни», согласно Лиссабонской стратегии 2000 года, понимается как формальное, спонтанное и неформальное обучение. Формальное обучение обеспечивается образовательными организациями и подтверждается документальными свидетельствами. Спонтанное образование человек получает в ходе повседневной жизни и деятельности, связанной с его работой, семьей или досугом. Неформальное обучение связано с участием в профессиональных встречах, семинарах, конференциях вне рамок учебного процесса [6].

Проектирование модели обучения в туризме на основе принципов концепции обучения в течение всей жизни поможет учесть требования отрасли при подготовке специалистов, связанные с вопросами признания профессиональных квалификаций сотрудников предприятий туристской отрасли, полученных на рабочем месте, и подтверждением переквалификации специалистов из смежных отраслей в процессе неформального обучения.

Реализация концепции «Обучение в течение всей жизни» предполагает профессиональное подтверждение качества полученных компетенций, а квалификационные отраслевые рамки и профессиональные стандарты позволят создать механизм признания квалификаций, полученных в ходе формального и неформального обучения (приобретенных на рабочем месте, в ходе профессиональных встреч, обменов, тренингов и т.д.).

Образовательные кластеры являются успешной формой реализации непрерывности в образовании за рубежом. Идея организации кластеров с участием вузов принадлежит Майклу Портеру, который проанализировал возможности кластерного объединения для обеспечения конкурентоспособности предприятий. Согласно М. Портеру, полноценный кластер понимается как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу» [7]. Кластер может объединять ряд образовательных и научных организаций, которые способны не только проводить исследования потребностей рынка и обеспечивать подготовку специалистов, но и прогнозировать перспективные направления развития предприятий на основе технологий будущего. В частности, это могут быть ресурсные туристические центры, туристско-информационные центры, конгрессные бюро. Важной деятельностью образовательных учреждений в рамках кластера является пополнение высококвалифицированными кадрами отраслевого рынка труда; в этой связи кластерная форма организации сотрудничества вузов и предприятий важна для прохождения студенческих практик и стажировок.

Концепции региональных инновационных систем обучения в рамках кластера активно разрабатываются в США, Великобритании и европейских странах, особенно в Скандинавии и Финляндии. Необходимо отметить, что роль вузов и научного сообщества в кластере возрастает, если он формируется в инновационных видах деятельности. В подобных случаях вуз может стать лидером или ядром кластера. Достаточно подробно феномен образовательного кластера представлен в работе А.В. Смирнова [8]. Согласно его последнему определению, образовательный кластер является совокупностью взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли как в России, так и за рубежом [9].

Опираясь на практику российских и международных проектов, можно сделать вывод, что построить национальные инновационные системы нельзя без развития сотрудничества – и одной из форм успешного сотрудничества является кластер. Как показывает опыт развития кластерного сотрудничества вузов, исследовательских центров, органов госвласти, местного самоуправления, инвесторов, с целью построения многоуровневой модели непрерывного образования в туризме важно учитывать не только системный, но и синергетичный подход [10]. Синергетический подход позволяет всем участникам кластера развиваться самостоятельно, учитывая при этом интересы партнера в рамках целостной системы кластера. Кроме того, благодаря синергетичному подходу роли участников кластера могут меняться в ходе реализации цели и задач кластерного объединения. Прямые и обратные связи кластерной цепочки наука – технологии – бизнес обеспечивают процессы обучения, взаимообучения и инструменты самообучения. В этой связи модель многоуровневого непрерывного обучения для туристического

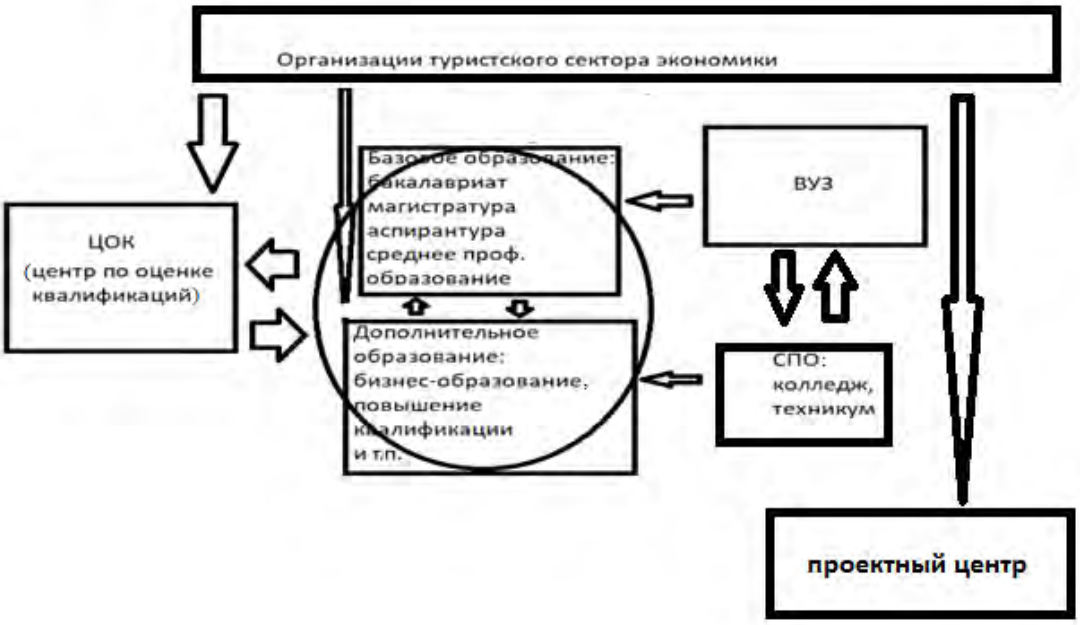


Рис. 1. Модель многоуровневого непрерывного образования в рамках кластера

сектора экономики должна строиться на взаимодействии органов региональной госвласти, профессиональных общественных организаций, бизнес-сообщества и академического сообщества, деятельность которых направлена на разработку региональной программы развития туризма. Необходимость объединить в рамках одной территориальной функциональной зоны коммерческие проекты и фундаментальные разработки, обеспечение качества деятельности предприятий и новые туристские продукты определяют необходимость включения в кластер образовательных и научных учреждений, а также создания коммуникационных структур в рамках кластера (например, ресурсных и проектных центров, а также центров по оценке квалификаций). Образовательный кластер можно сравнить с фабрикой комплексного практико-ориентированного знания, которая позволяет определить направления приоритетных инвестиционных вложений в производство туристских продуктов и услуг на основе интенсивного развития и использования человеческих ресурсов. Совместная проектная деятельность предприятий и университетов в области стратегического развития туристских дестинаций будет стимулировать разработку новых туристских продуктов и услуг, а также привлечение новых креативных кадров на рынок труда. Взаимодействие центров по оценке квалификаций, организаций туристского сектора экономики и университетов позволит обеспечить качество трудовых ресурсов отрасли. При этом важно понимать, что деятельность ЦОКа прежде всего должна быть направлена на оценку квалификации уже действующих туристских ресурсов, с целью определения уровня их компетенций на основе требований отрасли, представленных в профессиональных стандартах и секторальной рамке квалификаций. В таком случае университет может быть вовлечен в процесс повышения квалификации и переподготовку действующих туристских кадров согласно актуальным отраслевым запросам [11].

Горизонтальные и вертикальные связи партнеров дают возможность сформировать организационную структуру процесса образования в рамках туристического кластера. В предлагаемой кластерной модели блок образования представлен группой учебных заведений и предприятий; модель многоуровневого непрерывного образования в рамках туристского кластера приведена на рис. 1.

В последнее время особую актуальность приобретает многоуровневая модель непрерывного образования специалистов, интегрирующих деятельность в рамках международного сетевого объединения (альянса знаний) целого ряда организаций: образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, профессионально-общественных объединений и ассоциаций, бизнес-экспертов, центров (агентств) по аккредитации и сертификации образовательных программ и специалистов, а также органов государственного управления туристского сектора. Многоуровневая

система непрерывного образования в рамках сетевого международного объединения в туризме даст возможность построить образовательную траекторию на основе индивидуальных потребностей, сочетания разноуровневых дисциплин среднего, высшего и дополнительного профессионального образования для моделирования образовательных программ при сокращении затрат на подготовку и профадаптацию. Кроме того, такая интеграция позволит на основе квалификационной рамки осуществить апробацию механизма взаимозачетов и признания квалификаций и в реальности приблизить учебный процесс к требованиям Болонского соглашения. Опыт создания сетевых альянсов компетенций для туристического сектора, объединяющих только европейские страны, уже существует на практике. В частности, для разработки будущих востребованных компетенций на туристском рынке труда в Европе в 2017 году был инициирован проект «NGT – The Next Tourism Generation Alliance» [12]. В свою очередь, опираясь на принципы интернационализации высшего образования в рамках реализации Болонских реформ, проект ЕС Erasmus+ EurDiQ может направить свой вектор на разработку актуальной модели непрерывного образования на основе международного сетевого сотрудничества в рамках Евразийского пространства.

Заключение

Туризм относится к числу глобальных направлений экономической деятельности, и в этой связи формирование модели подготовки специалистов для туристского сектора экономики России на основе секторальной рамки квалификаций, гармонизированной с европейской в процессе реализации ЕС Erasmus+ EurDiQ, будет способствовать интернационализации образования в туризме, позволит оценить потенциал трудовых ресурсов отрасли, обеспечить качество подготовки кадров и признание профессиональных квалификаций российских специалистов на международном рынке туристских услуг.

Учитывая, что интеллектуальные человеческие ресурсы являются основой для развития туристской отрасли, структуру модели подготовки специалистов можно сформировать, используя кластерный подход с доминирующей ролью университета, и создать сетевое объединение для развития системы образования в течение всей жизни в рамках туристического сектора Евразийского пространства.

Список литературы

1. В 2018 году мировой туризм вырос на 6%. URL: https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/45762.html (дата обращения: 20.08.2019).

2. ERASMUS+ Capacity Building (Project Nr. 561832-EPP-1-2015-1-LV-EPPKA2-CBHE-SP «European Dimension in Qualifications for the Tourist Sector/EurDiQ». URL: http://eurdiq.eu/ru (дата обращения: 20.08.2019).

3. Материалы проекта EurDiQ. URL: http://eurdiq.eu/wp-content/uploads/2017/05/1_Ru-experince-in-SQF-and-QS-development-eng.pdf (дата обращения: 20.08.2019).

4. Олейникова О.Н. Предпосылки формирования и назначение национальной системы квалификаций // Образование и наука. 2014. № 5(114). С. 4–14.

5. Горбашко Е.А., Васильева Е.В. Стандартизация для индустрии деловых встреч // Стандарты и качество. 2017. № 1 (955). С. 15–19.

6. Олейникова О.Н., Муравьева А.С., Аксенова Н.М. Обучение в течение всей жизни и профессиональное образование. М.: ИО ТК им. Коняева, 2009. 131 с.

7. Porter M. Chinese Competitiveness: Where Does The Nation Stand? [Электронный ресурс] // Harvard: официальный сайт университета. URL: http://www.isc.hbs.edu/pdf/CAON_China_2004.06.18.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

8. Смирнов А.В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе: Монография. Казань: Школа, 2010. 102 с.

9. Феномен образовательного кластера [Электронный ресурс] // LAVEJOURNAL: информационный ресурс. URL: http://evg-ko.livejournal.com/5992.html (дата обращения: 10.09.2019).

10. Национальный фонд подготовки кадров [Электронный ресурс] // Национальный фонд подготовки кадров: официальный сайт организации. URL: http://clusters.ntf.ru/p14aa1.html (дата обращения: 10.09.2019).

11. Васильева Е.В. Формирование системы обеспечения качества в индустрии деловых встреч. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/vasileva_diss.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

12. The Blue print and ESCO. URL: https://ec.europa.eu/esco/resources/escopedia/20190529_162251/389e9f5c-b65e-456d-817b-4edf53a55474The_Blueprint_and_ESCO.pdf (дата обращения: 10.09.2019).

INTERNATIONALIZATION OF TOURISM EDUCATION IN RUSSIA: EXPERIENCE IN DESIGNING A MODEL FOR TRAINING SPECIALISTS BASED ON THE QUALIFICATIONS FRAMEWORK

E.V. Vasilyeva, E.A. Gorbashko, E.V. Ostanina

Saint-Petersburg State University of Economics

The article considers the general trends of training specialists in the field of tourism. An analysis is presented of the experience gained in the course of the EC project Erasmus+ 561832-EPP-1-2015-1-LV-EPPKA2-CBHE-SP «European Dimension in Qualifications for the Tourist Sector/EurDiQ». The project served to develop the relevant Russian model of training specialists for tourism industry based on the sectoral qualifications framework, which will allow for the implementation of the requirements of the global labor market to education quality and recognition of qualifications by international partners.

Keywords: internationalization of education, labor market development, tourism, sectoral qualifications framework, recognition of qualification.

УДК 378.016

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

© 2019 г.

И.В. Воеводина, К.Ю. Королев, Т.А. Разуваева

Воеводина Ирина Валерьевна, к.пед.н.; доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета
iravoevod@yandex.ru
Королев Константин Юрьевич, к.э.н.; доц.; начальник отдела сопровождения международных проектов Пензенского государственного университета
stabil2005@mail.ru
Разуваева Татьяна Александровна, к.пед.н.; доц.; начальник отдела языковой подготовки и международного тестирования Пензенского государственного университета
rastan12@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации между Россией и Европой в контексте развития академической мобильности. Описываются тенденции в сфере академической мобильности, приводятся актуальные статистические данные, дается характеристика понятия «академическая мобильность». Проблемы межкультурной коммуникации рассматриваются как фактор, препятствующий развитию академической мобильности студентов. Анализируется понятие культурного шока, дается характеристика стадий состояния культурного шока. Приводятся результаты исследования стереотипизации сознания российских и немецких студентов, проведенного на базе Пензенского государственного университета (Россия) и Европейского университета Фленсбург (Германия). Выявляются проблемы, с которыми сталкиваются участники программ академической мобильности в процессе коммуникации в иной лингвокультурной среде. Предлагается методическое решение проблемы подготовки участников программ академической мобильности к успешной межкультурной коммуникации посредством введения межкультурного модуля в дисциплину «Иностранный язык» для всех учебных планов вузов разных направлений подготовки. Дается описание тематического плана межкультурного модуля с перечислением целей и результатов обучения. Раскрываются специфические методы и приемы работы на занятиях в рамках данного модуля.

Ключевые слова: академическая мобильность, межкультурная коммуникация, культурный шок, межкультурный учебный модуль.

Введение

Болонский процесс, адаптированный системой высшего образования в России еще в 2003 году, по настоящее время поддерживает развитие академической мобильности и расширяет возможности международного сотрудничества и обмена среди всех участников учебного процесса.

Существуют различные трактовки понятия «академическая мобильность». В данной работе мы опираемся на определение, предложенное в рекомендациях Комитета Министров Совета Европы (1995 г.), согласно которому под академической мобильностью понимается «перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный (обычно до года) период в другое образовательное учреждение (национальное или в другой стране) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в родное учебное учреждение. При этом это понятие не связано с иммиграцией или длительным периодом обучения (работы) за рубежом» [1]. В глоссарии по Болонскому процессу уточняется, что «мобильность студентов предполагает возможность частичного обучения в европейских вузах-партнерах с последующим признанием как времени обучения в зарубежном вузе, так и полученных там переводных зачетных единиц ECTS» [2].

Как отмечают В.Н. Чистохвалов и В.М. Филиппов, академическая мобильность является важным элементом в личном и профессиональном развитии, так как каждый участник попадает в ситуации необходимости решения различных коммуникативных задач и их анализа с позиции не только своей, но и «иной» культуры. Это способствует развитию целого комплекса важных в современном глобализированном

Таблица 1

Результаты опроса российский студентов, отражающего их основные ассоциации с Германией

Ассоциация	Количество человек, назвавших данную ассоциацию (в %)
Пиво	22
Автомобили	12
Колбаски	9
Качество	9
Порядок	9
Берлин	7
Традиции	7
Политика	6
Искусство	6
Прогресс	4
«Раммштайн»	4
Спорт	3
Законопослушность	2

мировом сообществе качеств и умений: умения мыслить в сравнительно-сопоставительном аспекте, рассматривать свою страну в кросскультурном контексте, выбирать способы и стратегии межкультурного взаимодействия, способность изменять мировосприятие и др. [3].

Тенденции в академической мобильности в разных странах представлены неравномерно, согласно данным исследований Научной ассоциации World Education Services (WES). Например, в период с 1999 г. по 2016 г. в Литве, Чешской Республике и Польше количество участников «входящей» мобильности увеличилось более чем на 1000%, в Швеции – сократилось на 25% за тот же период [4]. Кроме того, наблюдается дисбаланс входящей и исходящей мобильности в таких странах, как Великобритания, Дания, Нидерланды.

Перед российскими образовательными учреждениями, стремящимися к интернационализации, также встает задача увеличения количества участников и гармонизации потоков академической мобильности. По данным ЮНЕСКО, в период с 2008 г. по 2015 г. число исходящих российских студентов увеличилось на 22% (с 44 913 до 54 923 человек). Однако при соотнесении общего количества студентов, выезжающих за рубеж, с численностью всех обучающихся показатель по-прежнему остаётся невелик и составляет примерно 1% от 5.2 миллионов студентов российских вузов [5]. Показатели «входящей» мобильности также находятся примерно на одном и том же уровне на протяжении нескольких лет: 40 000 в 2010 г., 50 000 – в 2016 г.

Согласно результатам исследований, проведенных в рамках проекта EUROSTUDENT, одной из ключевых причин дисбаланса в потоках мобильности являются проблемы межкультурной коммуникации [6].

Методы

С целью конкретизации проблем межкультурного взаимодействия представителей образовательных систем разных стран и определения методических путей их решения мы провели исследование на базе Пензенского государственного университета (ПГУ, Россия) и Европейского университета Фленсбург (ЕУФ, Германия), реализующих программы академической мобильности в обе стороны с 2012 г.

120 студентам было предложено ответить на ряд вопросов, направленных на выявление стереотипов и предрассудков об иной лингвокультуре, которые, как выяснилось, до сих пор существуют даже в академической среде. Студентам различных факультетов и курсов ПГУ были заданы вопросы об их ассоциациях с Германией, чтобы определить, насколько они стереотипны, ложны или соответствуют реальной действительности.

Результаты и их обсуждение

Студентам, участвовавшим в опросе, было предложено назвать три ассоциации, которые возникают у них при слове «Германия» (табл. 1).

В табл. 2 перечислены известные персоналии, с которыми ассоциируется Германия у опрошенных студентов.

Типичные качества, присущие гражданам Германии, которые были перечислены российскими студентам, представлены в табл. 3.

Результаты данных опросов были представлены делегации немецких студентов из Европейского университета Фленсбург, которые подтвердили, что многое из названного российскими студентами является стереотипным и, более того, не соответствует реальности.

Не менее интересными оказались результаты опроса, проведенного среди немецких студен-

Таблица 2

Знаменитые люди, ассоциируемые с Германией у российских студентов

Ассоциация	Количество человек, назвавших данную ассоциацию (в %)
Ангела Меркель	34
Адольф Гитлер	22
Альберт Эйнштейн	9
Тиль Линдеманн	9
Отто фон Бисмарк	5
Эрих Мария Ремарк	5
Генрих Гейне	5
Иоганн Вольфганг Гете	2
Иоганн Себастьян Бах	2
Людвиг Бетховен	2
Артур Шопенгауэр	2
Томас Мюллер	2
Марлен Дитрих	1

Таблица 3

Типичные качества немца

Ассоциация	Количество человек, назвавших данную ассоциацию (в %)
Серьезность	23
Педантичность и пунктуальность	20
Вежливость	15
Искренность	14
Прилежность	10
Надежность	7
Последовательность	5
Ум	4
Радость	2

тов Европейского университета Фленсбург, в котором приняли участие 75 обучающихся на различных специальностях и курсах.

Среди преобладающих представлений о России и о россиянах были названы следующие:

– климат: в России много снега, очень холодные зимы;

– еда: все россияне постоянно пьют чай или водку, при этом русские люди не пьянеют, традиционные блюда – борщ, пироги, икра;

– внешность: русские женщины уделяют большое внимание своему внешнему виду и всегда сильно накрашены, носят меха и драгоценности;

– традиции: семья очень важна для русских, все русские – верующие, православные, у них в домах иконы, русские свадьбы всегда очень богато проводятся, приглашается очень много гостей;

– социальное положение: жители в Москве – очень богатые, а люди в сельской местности – очень бедные, средний класс отсутствует; каждый москвич имеет дачу, где он проводит каникулы и выходные; у русских очень сильно развито чувство национальной гордости; у каждого русского на полке стоит матрешка, а каждый богатый имеет яйцо Фаберже;

– знаменитые люди: Лев Толстой, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Владимир Путин.

Таким образом, мы видим, что стереотипичность сознания, действительно, может выступать ключевым фактором в процессе коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия и может приводить к определенным сбоям, являться причиной «обманутых ожиданий» для тех студентов, которые проходят обучение в другой стране.

В ходе общения с участниками академической мобильности из ПГУ и ЕУФ мы также выяснили, что в качестве одного из барьеров для участия в программах академической мобильности участники выделяют проблемы адаптации в ином лингвокультурном пространстве; иными словами, студенты испытывают страх переживания состояния «культурного шока». Однако данное состояние рассматривается в современных исследованиях с позиции неотъемлемого этапа длительного пребывания в ином лингвокультурном окружении, который может иметь как негативные, так и положительные последствия для развития личности.

Понятие культурного шока было введено американским антропологом К. Обергом в 1960-е гг. на основе изучения сложностей, с

которыми сталкивались студенты, получившие стипендии на обучение за рубежом, и представляет их состояние как совокупность следующих психических реакций:

– стресс по причине необходимости адаптироваться в новых условиях;

– чувство потери друзей, работы, социального статуса;

– чувство отверженности членами новой лингвокультуры;

– растерянность в отношении ролевых ожиданий, собственной личностной идентичности;

– страх и растерянность после осознания различий между родной и новой культурами;

– чувство бессилия, связанное с осознанием невозможности эффективно взаимодействовать со своим новым окружением [7].

Однако несмотря на то, что все эти состояния представляются отрицательно окрашенными, личность, пережив их и пройдя определенные стадии культурного шока, выходит на необходимый уровень адаптации в новой среде. Всего выделяют 5 фаз, или стадий, культурного шока:

– фаза эйфории, когда человек выступает в качестве наблюдателя новой культуры, при этом у него преобладают положительные эмоции от эффекта новизны, достижения долгожданной цели и т.п.;

– фаза отчуждения, связанная с первыми сложностями в повседневном общении, вину за которые человек возлагает на себя;

– фаза эскалации, когда чувство вины меняет свой вектор, вина возлагается на иную культуру и ее представителей;

– фаза недопонимания, заключающаяся в том, что конфликты осознаются личностью как неверное понимание другой реальности, как результат культурно обусловленных различий в двух лингвокультурах, поэтому данная фаза характеризуется адекватностью восприятия и оценки событий;

– фаза понимания, когда межкультурные различия понимаются, принимаются и уважаются человеком, оказавшимся в новом окружении.

Проблема заключается в том, что не все студенты, находясь за рубежом на обучении, проходят все выше названные стадии. Некоторые «застревают» на фазе отчуждения или эскалации с нежеланием завершить обучение или общаться в межкультурном контексте в дальнейшем.

В качестве следующего проблемного фактора, с которым столкнулись участники программ академической мобильности, было названо незнание норм и традиций общения в другой стране. К сожалению, простое знание иностранного языка оказывается недостаточным для осуществления успешного межкультурного взаимодействия и минимизации времени переживания культурного шока. Здесь речь идет о культурной составляющей языка, проявляющейся в общении – о коммуникативном поведении. Теория коммуникативного поведения была предложена И.А. Стерниным, который понимал практическую значимость описания коммуникативного поведения конкретных лингвокультурных общностей в кросс культурных исследованиях. Коммуникативным поведением автор называет «совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также социальной личности» [8, с. 4].

Незнание специфики коммуникативного поведения народа, в чью страну отправляется студент, может быть сопряжено с серьезными трудностями для обоих коммуникантов. Поэтому, несмотря на то что на современном этапе развития межкультурных связей мы имеем огромные возможности для общения, быстрого доступа к источникам информации и т.п., необходимо целенаправленно готовить участников академической мобильности к полноценному общению в реалиях иноязычной культуры, создавая механизм самостоятельного и осознанного снятия угрозы культурного шока.

Данный механизм, основой которого будут осознанные коммуникативные решения, на наш взгляд, может быть сформирован средствами образовательной дисциплины или модуля, включающего разделы, направленные, во-первых, на формирование знаниевого компонента об основах академической мобильности (теоретическая информация о сущности и эволюции Болонского процесса, системы признания результатов и периодов обучения, переносе зачетных единиц и т.д.); во-вторых, на формирование определенных умений формального структурирования собственной деятельности в рамках академической мобильности (заполнение анкет, написание мотивационного письма, выбор релевантных дисциплин для обучения в вузе-партнере); в-третьих, на языковой тренинг для обучения на языке страны; в-четвертых, на формирование знаний и умений межкультурного взаимодействия и с принимающим культурным социумом, и с возможными участниками обучения из других стран. При этом межкультурный компонент данного учебного модуля должен быть практикоориентирован и сфокусирован на формировании конкретного умения для решения конкретного коммуникативного сбоя, который может привести к культурному шоку и его негативным последствиям для продолжения обучения в контексте иной культуры.

Следуя логике образовательного процесса вуза, учебных планов и необходимости совершенствовать лингвистические умения потенциальных участников академической мобильности, данный модуль будет целесообразно интегрировать в программу дисциплины «Иностранный язык», которая является базовой для российских вузов любых направлений подготовки [9]. Целью данного межкультурного модуля является знакомство с коммуникативным поведением представителей иной культуры (во всех его аспектах), с использованием контрастивного подхода, а также метода «критических инцидентов», который активно применяется зарубежными исследователями, а также при проведении межкультурных тренингов. На изучение данного модуля запланировано 16 часов, 50% из которых отводится на самостоятельную работу с материалами, размещенными на учебной платформе.

Первая тема межкультурного модуля – «Стереотипы и проблемы межкультурного диалога: Россия и Европа» (4 часа). При изучении данной темы участники знакомятся с концепцией и структурой понятия «культура», рассматривают и анализируют конкретные ситуации (диалоги) с участием представителей разных лингвокультур, которые отличаются недопониманием, неудачей общения, конфликтностью происходящего. Можно привести массу различных примеров ситуаций межкультурного взаимодействия, в которых возникает недопонимание вследствие национально-культурных различий: когда европейцы не снимают обувь при входе в дом русского человека; когда иностранцы нарушают дистанцию с собеседником-англичанином, вторгаясь в личное пространство; когда иностранные дипломаты принимают молчание финских коллег за отсутствие интереса вместо возможности высказаться, которую предоставляют финны своим коллегам, и т.п.

Вторая тема модуля – «Европа и Россия в контексте культурных различий. Правила коммуникации в европейской лингвокультуре» (2 часа). Данная тема нацелена на ознакомление обучающихся с правилами коммуникативного поведения в европейской лингвокультуре. Для этого на занятиях на примере аутентичных текстов, видеоматериалов участники будут анализировать и выявлять различия в коммуникативном поведении в российской и европейской лингвокультурах. Кроме того, будут моделироваться ситуации, проводиться ролевые игры, в которых участники тренинга встречаются с «иностранцем», что поможет развить им стратегии поведения для адекватной реакции в подобной ситуации межкультурного общения.

Следующая тема, которая рассматривается в рамках модуля, посвящена невербальным средствам коммуникации в европейской лингвокультуре (2 часа). Мы считаем, что этот аспект также важен при изучении особенностей коммуникации в той или иной культуре. Цель обучения в данной части модуля – научить обучающихся понимать и правильно интерпретировать мимику, жесты, позы и дистанции европейцев. Для этого участники будут анализировать аутентичные примеры использования невербальных средств общения европейцами, будут выявлять жесты и позы, совпадающие и не совпадающие по содержанию и смыслу со средствами невербальной коммуникации в русской лингвокультуре. Также в этом блоке будет проводиться моделирование ситуаций и ролевых игр.

Четвертая тема в рамках модуля – «Правила извинения, комплимента и критики в европейской лингвокультуре: коммуникативные императивы и табу» (4 часа). При изучении данной темы обучающиеся знакомятся с правилами и особенностями выражения извинений, комплиментов и критики в европейской лингвокультуре в различных коммуникативных ситуациях.

Заключительная тема – «Культура аргументации: правила аргументирования, ведения дискуссии и дебатов. Методы и стратегии конструктивного диалога» (4 часа) – направлена на овладение обучающимися коммуникативными стратегиями ведения дискуссии, дебатов с учетом особенностей европейской лингвокультуры. Для этого участники будут анализировать ролевые сценарии и аутентичные ситуации (аудио- и видеотексты), выявлять культурные и коммуникативные особенности комплиментов, извинений, критики, ведения дебатов и дискуссий в европейской лингвокультуре, а также моделировать реальные ситуации межкультурной коммуникации.

По итогам прохождения модуля обучающиеся смогут получить более объективный национально-культурный портрет людей, с которыми они вступят в межкультурное взаимодействие в период участия в программах академической мобильности за рубежом. Самый главный результат обучения заключается в том, что приходит осознание того, что:

1) стереотипы – это обобщенные суждения об ином народе в целом, не распространяющиеся на всю территории проживания этого народа, не являющиеся справедливыми в отношении каждого из его представителей;

2) стереотипы – это не совсем искаженные или надуманные другими народами представления, а явление, имеющее исторические, политические, географические основания [10].

В результате освоения модуля у слушателей сформируются представления о «своей» и «иной» культурах, они научатся адекватно оценивать положительную и отрицательную роль имеющихся стереотипов и предрассудков в русской и европейской лингвокультурах, смогут преодолевать негативные стереотипы в межкультурной коммуникации с представителями иных культур, понимать и использовать средства невербальной коммуникации в европейской лингвокультуре. Студенты также научатся применять стратегии поведения для адекватной реакции в различных ситуациях межкультурного общения на принципах взаимопонимания и взаимоуважения, приобретут умения вести дискуссии и дебаты, осуществлять конструктивную критику, что необходимо в процессе обучения в европейском университете.

Заключение

В ходе проведенного исследования мы выявили, что одной из проблем, препятствующих развитию сбалансированной академической мобильности, является проблема межкультурной коммуникации, которая включает:

– наличие стереотипов и предрассудков в академической среде;

– незнание участниками программ академической мобильности особенностей вербальной и невербальной коммуникативной культуры других стран;

– неумение применять стратегии коммуникативного поведения в соответствии с правилами и нормами иной лингвокультуры;

– неумение преодолевать языковые и лингвокультурные барьеры.

Эффективным методическим решением данной проблемы, не требующим структурных изменений учебных планов вузов любых направлений подготовки, является, на наш взгляд, изменение содержания дисциплины «Иностранный язык» путем интеграции межкультурного модуля и внесения соответствующих изменений в рабочие программы данной дисциплины. Данный модуль позволит студентам получить представления о стереотипах и проблемах межкультурного диалога «Россия – Европа» в контексте культурных различий, познакомиться с правилами коммуникации в европейской лингвокультуре, применять методы и стратегии конструктивного диалога, включая невербальные средства коммуникации, правила извинения, комплимента, критики, аргументирования, ведения дискуссии и дебатов в европейской лингвокультуре.

Список литературы

1. Рекомендации Комитета Министров Совета Европы государствам-членам по академической мобильности (Страсбург, 2 марта 1995 года). Режим доступа: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/reco mendations/Council _Europe_1995 (дата обращения: 25.07.2019).

2. Глоссарий терминов Болонского процесса. Режим доступа: http://www.tempus-russia.ru/bologna-rus/Bologna_glos.pdf (дата обращения: 25.07.2019).

3. Чистохвалов В.Н., Филиппов В.М. Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в Европейском пространстве высшего образования: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 162 с.

4. Skinner M. Student Mobility in the European Higher Education Area (EHEA). Режим доступа: https://wenr.wes.org/2018/12/student-mobility-in-the-eu ropean-higher-education-area-ehea (дата обращения: 20.07.2019).

5. Potapova E., Trines S. (Ed.) Education in the Russian Federation // WENR. New York, 2017. Режим доступа: https://wenr.wes.org/2017/06/education-in-the-russian-federation (дата обращения: 20.07.2019).

6. Eurostudent VI. Overview and selected findings. Режим доступа: https://www.eurostudent.eu/download _files/documents/EUROSTUDENT_VI_short_report.pdf (дата обращения: 20.07.2019).

7. Wagner W. Kulturschock Deutschland. Hamburg: Rotbuch, 1996. 160 s.

8. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2015. 52 с.

9. Ольховик Н.Г., Липатова Е.Г. Интегрированная методика формирования коммуникативных навыков будущего преподавателя-исследователя // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 3-2. С. 289–293.

10. Gaidosch U. Interkulturelles Kompetenzund Konflikttraining für den Beruf. (IKK): Handout zum Grundlagenseminar. München: Berufliche Fortbildungszentren der Bayerischen Beruflichen Fortbildungszentren der Bayerischen Beruflichen Fortbildungszentren der Bayerischen Wirtschaft, 2002. 65 s.

PROBLEMS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION BETWEEN RUSSIA AND EUROPE IN THE CONTEXT OF ACADEMIC MOBILITY

I.V. Voevodina, K.Yu. Korolev, T.A. Razuvaeva

Penza State University

The aim of the paper is to investigate the problems of cross-cultural communication between Russia and Europe in the context of international mobility. The article describes the trends in academic mobility, provides relevant statistics, and characterizes the concept of ‘academic mobility’. It studies the problems that occur in cross-cultural communication as a factor hindering the development of students’ academic mobility. The concept of cultural shock is examined and the stages

of cultural shock are described. The results of the study on stereotyped vision and perception of Russian and German students, which was conducted on the basis of the Penza State University (Russia) and the European University of Flensburg (Germany), are presented. The most acute problems that academic mobility programs' participants face while communicating in a different linguistic and cultural environment are identified. The authors propose to introduce a cross-cultural module into the Foreign Language discipline as a methodological solution helping to train efficiently academic mobility participants for successful communication. The module is presented through the outline if its content, goals and expected learning outcomes. Specific classroom practices to implement the module in university curricula of various study programmes are described.

Keywords: academic mobility, cross-cultural communication, cultural shock, cross-cultural module.

УДК 378

РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019 г.

А.В. Воздвиженская, Н.Г. Ольховик

Воздвиженская Анна Вячеславовна, к.филол.н.; специалист по международным образовательным проектам, доцент кафедры иностранных языков
Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова
annanorova@yandex.ru
Ольховик Наталия Геннадьевна, к.пед.н.; менеджер международных образовательных проектов, заведующая кафедрой иностранных языков
Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова
olkhovik.nataliya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 06.11.2019

Интернационализация медицинского образования заявлена как приоритетное направление реформирования подготовки аспирантов к академической деятельности. В современных условиях ведение научно-педагогической деятельности в мировом научном сообществе не может происходить без адекватной коммуникативной компетенции и стоящей за ней иноязычной подготовки исследователя. Для реализации закрепленного в нормативных документах плана интернационализации медицинского образования в СЗГМУ имени И.И. Мечникова был разработан и внедрен специальный курс, охватывающий четыре аспекта участия в академическом дискурсе в условиях межкультурной коммуникации. Отличительными чертами данного курса являются интеграция зарекомендовавших себя европейских педагогических практик, ориентированность его результата на требования потенциальных работодателей внутреннего и внешнего рынков, стимулирование будущих выпускников аспирантуры к интернациональной академической деятельности, учет ожиданий всех участников курса при его проектировании. Апробация курса в рамках дисциплины «Иностранный язык» показала позитивные изменения у обучающихся в уровне владения иностранным (английским) языком, уровне владения устной и письменной коммуникативной компетенцией в рамках академического дискурса, уровне подготовленности аспирантов к ведению педагогической деятельности на иностранном языке. Все обозначенные аспекты соответствуют общеевропейскому тренду непрерывного обучения и способствуют интернационализации и модернизации российского медицинского образования.

Ключевые слова: интернационализация, медицинский академический дискурс, третий цикл образования, коммуникативная компетенция.

Введение

Необходимость реформирования системы подготовки учащихся третьего цикла образования обозначена, во-первых, рядом государственных установок, ориентирующих все уровни высшего образования на интеграцию в международное академическое пространство в аспекте импорта-экспорта образования, во-вторых, новыми образовательными стандартами, вступившими в действие в 2014 году [1–4].

Центральным пунктом преобразования обучения в медицинской области является представление будущей деятельности аспиранта не как работника области здравоохранения, а как научного исследователя и преподавателя высшей школы. Подобное реформирование результатов обучения в аспирантуре произошло вслед за успешным опытом реализации программ третьего цикла высшего образования в зарубежных странах, где уже три десятилетия назад аспирантура была ориентирована на подготовку специалистов для академической сферы.

Данные ориентиры обусловливают новые принципы подготовки специалистов на разных этапах: введение в учебный план новых и качественное реформирование старых дисциплин (биоэтика, работа над научным исследованием, педагогика), введение новых методик обучения, общее представление о третьем цикле обучения как о первой ступени карьеры молодого ученого, ключевым моментом которой является получение знаний через проведение собственного оригинального исследования и представление его научному сообществу в форме устных до-

кладов и письменных работ, в том числе на международном уровне [5].

Очевидно, что успешное функционирование аспиранта в мировом научном сообществе возможно только при условии сформированности у него достаточной коммуникативной компетенции на родном и иностранном языках. При этом учебный план подготовки обучающихся третьего цикла СЗГМУ им. И.И. Мечникова не предусматривает наличие специального курса или дисциплины, в рамках которых данный аспект мог бы быть реализован. Более того, опрос, проведенный в мае 2018 года среди обучающихся, показал, что лишь 23% аспирантов принимают активное участие в международной академической деятельности и только 38% публикуют результаты своих исследований на иностранном языке в зарубежных журналах. Опрос также показал, что ненадлежащим образом сформированная коммуникативная компетенция аспирантов на родном языке является причиной их низкой мотивированности в ведении преподавательской деятельности во время и после окончания обучения [6].

Вышеобозначенные проблемы описывают отставание системы коммуникативной подготовки аспирантов в медицинской среде от требований, предъявляемых к работнику научной сферы в наши дни. С другой стороны, наполнение и реализация курса «Иностранный язык» на третьем цикле обучения также требует реформирования. Использование заданий, готовящих обучающихся к сдаче экзамена кандидатского минимума, но не готовящих к реальной деятельности в академической среде, не отвечает современным установкам, предложенным во ФГОС, и стремлению самого вуза к интеграции в мировое академическое пространство. Комплексное реформирование курса с акцентом на развитие коммуникативной компетенции будущего преподавателя-исследователя становится выходом из положения, так как именно процесс иноязычной подготовки должен стать ключевым для ориентации высшего образования на мировой рынок, где основным языком коммуникации является английский.

Методы и материалы

Предложенная в СЗГМУ им. И.И. Мечникова в 2018–2019 учебном году методика коммуникативной подготовки аспирантов к успешному участию в международном научном дискурсе является инновационной по положенной в ее основу усовершенствованной модели коммуникативной компетенции будущего преподавателя-исследователя, а также по интегрированной методике подачи материала.

Необходимость внедрения новой модели коммуникативной компетенции обучающихся третьего цикла обусловлена, с одной стороны, требованиями современного рынка труда, с другой – особенностями ведения академической деятельности будущих преподавателей-исследователей. Педагогические подходы, спроектированные в ней, призваны воздействовать на когнитивную, мотивационную, поведенческую, ценностную сферы личности с целью оптимизации освоения обучающимися коммуникативной компетенции. Одним из новшеств, представленных в модели, является разграничение сферы действия коммуникативных навыков на традиционный и дистанционный форматы. Онлайн-коммуникация является важнейшим компонентом общения научно-педагогических кадров в наши дни, из чего следует необходимость переориентации курса подготовки аспирантов и его модернизации (подробнее о модели см. в [7]).

Интегрированная методика подачи материала предлагаемого аспирантам пилотного курса основана на адаптации к российской культурной специфике модели коммуникативной компетенции и лучших педагогических практик европейских университетов (University of Leeds, St. Georges University of London, Aristotle University of Thessaloniki, Jagiellonian University), с которыми мы сотрудничали в ходе подготовки образовательных проектов по программам Erasmus+. Обмен опытом с ведущими учебными организациями в области коммуникации в медицине позволил нам составить курс с учетом европейских ценностей, что, несомненно, уже в процессе обучения позволит создать готовность к участию в мировом академическом пространстве в ходе профессиональной деятельности.

Первые программы, обучающие общению в медицинской среде и медицинском научном дискурсе, появились в Европе около пятидесяти лет назад. За этот период был апробирован и успешно внедрен в обучение ряд педагогических практик, доказавших свою эффективность (например, подход «перевернутый класс», обучение на основе сценариев, задействование обучающих платформ и видеолекций и др. [8]). Применение данных методов обучения, адаптация контента курса, реформирование модели, лежащей в основе курса, являются существенными факторами для интернационализации и модернизации подготовки студентов-медиков третьего цикла обучения в области развития коммуникативных навыков.

Результаты

Описываемый курс развития коммуникативной подготовки будущих преподавателей-

исследователей основывается на необходимых в будущем навыках ведения академической деятельности и реализован в четырех блоках: 1) курс повышения уровня владения иностранным языком; 2) совершенствование навыков устной презентации (для участия в конференциях, академических дискуссиях, выступлений на публике); 3) совершенствование навыков письменной презентации (написание научных статей, заполнение грантовых заявок, написание диссертации, ведение онлайн-переписки); 4) педагогический курс (проектирование лекций и семинаров, симуляция аудиторных видов деятельности).

Данные блоки соответствуют четырем основным коммуникативным ситуациям, которые, в свою очередь, требуют определенных коммуникативных навыков. Данные навыки составляют модель коммуникативной компетенции, которая успешно интегрирована в процесс обучения во многих медицинских европейских университетах [9] и которую мы адаптировали к реалиям российской академической сферы (например, ввели специфические навыки проектирования учебного занятия, что необходимо для аспирантов медицинских направлений подготовки, так как по результатам обучения на уровне специалитета и ординатуры их педагогические навыки не формируются в принципе).

Курс повышения уровня владения иностранным языком остается базовым для языковой и коммуникативной подготовки аспирантов. Ежегодные вводные тестирования (входной контроль), проводимые в начале курса кафедрой иностранных языков, к сожалению, показывают низкую языковую компетенцию обучающихся: уровень B1 имели 28% обучающихся в 2018 учебном году, 31% – в 2017, 24% – в 2016. Таким образом, в среднем лишь четверть учащихся может переходить от освоения языковой компетенции к освоению компетенции коммуникативной. Этим объясняется выбор методики курса. Так как его основная цель – в сжатые сроки поднять языковую компетенцию студента, на курс отводится большое количество аудиторной нагрузки (48 аудиторных академических часов из 180 часов в год), банк заданий в MOODLE поддерживает и помогает закрепить материал, усвоенный во время контактной работы с преподавателем, современные методические пособия способствуют скорейшему освоению аспирантами языкового материала. В конце данного этапа обучающиеся проходят тестирование, включающее в себя 4 основных языковых аспекта: чтение, говорение, аудирование и написание письма. По окончании пилотного курса повышения уровня владения иностранным языком в 2018–2019 учебном году на уровень B1 перешли 69% учащихся.

Базисом второго цикла описываемого курса является актуализация коммуникативной компетенции в устном академическом дискурсе. Данный этап направлен на формирование у обучающихся модели успешной коммуникативной ситуации и создание паттернов и стратегий поведения в случае неудачной устной коммуникативной ситуации. В рамках данной части курса аспиранты знакомятся с типичными формами устной презентации научных достижений (устное выступление, постерный доклад, участие в круглом столе и мастер-классе), особенностях участия в академических дискуссиях и выступлений на публике. Для достижения поставленных целей обучающимся предлагается ряд коротких видеолекций, которые затем обсуждаются в группах на «перевернутом классе», при этом роль преподавателя сводится к регулированию хода занятия, в то время как объяснение материала, поиск ответов на поставленные вопросы студенты совершают самостоятельно. По освоении курса аспирантам предлагается разыграть сценарии, содержащие неудачные коммуникативные акты, и постараться довести их до коммуникативной удачи. В конце блока обучающиеся заполняют чек-лист для мониторинга контроля успеваемости. По результатам пилотного курса, проведенного в 2018–2019 учебном году, 83% аспирантов отметили, что они стали более уверенны в своей устной коммуникативной компетенции.

В основе третьего этапа описываемого курса лежит необходимая для профессорско-преподавательского состава письменная составляющая коммуникативной компетенции. Сами обучающиеся признаются, что писать «научным языком» их специально не учат, однако передача научных достижений именно в письменной форме является первостепенным компонентом академической деятельности. На данном этапе в формате коротких видеолекций аспирантам преподаются особенности стиля и структуры научной статьи и диссертации. Вместо чек-листа по окончании этапа обучающиеся должны представить написанную научную статью для публикации своих достижений в международных сборниках на иностранном языке. Более традиционный подход, при котором для сдачи кандидатского экзамена требуется перевод статей (в реальности зачастую оказывающийся техническим и нечитабельным), таким образом, транспонируется в написание собственного материала с надлежащим научным стилем. Кроме того, на данном этапе аспирантам предлагается ознакомиться с ходом подачи грантовых заявок в русские и международные организации (в том

числе Erasmus+), в группах подготовить несколько частей из них. В ходе выполнения данного задания обучающимся приходится учиться командно излагать свои мысли в письменной форме таким образом, чтобы они соответствовали требованиям и ценностям предлагаемого гранта.

Четвертый, заключительный, этап описываемого курса является наиболее прикладным и освещает аспекты деятельности аспиранта как будущего преподавателя – во время аудиторной работы. Следует подчеркнуть, что исторически медицинское образование в России было нацелено исключительно на домашний рынок, от врачей не ждали владения иностранным языком, не предполагалось, что они будут работать или выступать в других странах. Однако с внедрением новых образовательных стандартов и новых паспортов специальностей в 2014 и 2016 годах был взят курс на интернационализацию медицинского образования всех трех циклов, что в целом соответствует мировому тренду, направленному на удержание локальных и привлечение иностранных студентов [10]. К 2025 году большинство медицинских вузов страны должно иметь иностранных студентов, вести лекции и семинары для них. С учетом этих новшеств был разработан четвертый этап курса. В рамках него будущие преподаватели знакомятся с инновационными подходами к ведению лекционных и практических занятий, учатся добиваться коммуникативной удачи в общении с фокус-аудиторией на английском языке. Для получения аттестации за данный этап обучающиеся должны представить план проведения мини-лекции по их специальной теме.

Успешное прохождение 4 блоков является допуском к сдаче экзамена кандидатского минимума по дисциплине «Иностранный язык».

Пилотный курс развития коммуникативной подготовки будущих преподавателей-исследователей был завершен анкетированием участников о степени их удовлетворенности предложенной программой. 94% аспирантов указали на то, что их коммуникативная компетенция на родном и иностранном языках повысилась, был полностью или частично преодолен страх межкультурной коммуникации. В целом курс оказался трудозатратным в силу необходимости снимать видеолекции и обучать преподавателей работать по новым методикам, но в то же время плодотворным, так как удовлетворенность от него аспирантов и преподавателей была высока. В итоге благодаря европеизированной модели реализации дисциплины «Иностранный язык» в коммуникативном аспекте мы приблизились к европейской трехступенчатой системе высшего образования.

Заключение

Таким образом, на современном этапе функционирование и развитие системы высшего образования Российской Федерации определяется высокими требованиями государственных установок, которые ориентируют результаты обучения в вузе по всем трем циклам не только на внутренний, но и на внешний рынок [3]. Естественно, процесс иноязычной подготовки, в частности выпускника аспирантуры, становится ключевым в учебной деятельности, а его результаты станут основополагающими для успешности будущей профессиональной деятельности.

Данные опросов работодателей и выпускников аспирантуры подтвердили, что сегодня недостаточно только повышать уровень владения иностранным (английским) языком, но необходимо формировать коммуникативное умение решать задачи профессиональной деятельности на языке мирового академического сообщества. Соответственно, вузы должны кардинально реформировать процесс иноязычной подготовки с точки зрения целей, содержания и методологии.

Опыт модернизации дисциплины «Иностранный язык» на третьей ступени высшего образования в СЗГМУ им. И.И. Мечникова определил следующие позитивные моменты интернационализации образования и наметил ряд перспектив для дальнейших поисков в области адекватной современности методологии подготовки к полноценному участию в мировом академическом сообществе:

1) создание единой образовательной среды на основе универсальной для разных культур модели коммуникативной компетенции будущего исследователя-преподавателя;

2) адаптация лучших европейских практик к специфике образовательного процесса в отечественном вузе;

3) ориентация результатов процесса иноязычной подготовки на требования потенциальных работодателей;

4) учет ожиданий обучающихся в процессе проектирования курса иностранного языка;

5) стимулирование в процессе обучения будущего выпускника аспирантуры к сотрудничеству и обмену опытом с зарубежными партнерами с целью совершенствования своей профессиональной деятельности и внесения вклада в развитие академической сферы и на отечественном, и на мировом рынках.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 30.06.01 Фундамен-

тальная медицина (уровень подготовки кадров высшей квалификации): Приказ Минобрнауки России № 1198 от 03.09.2014. Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 25.08.2019).

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 31.06.01 Клиническая медицина (уровень подготовки кадров высшей квалификации): Приказ Минобрнауки России № 1200 от 03.09.2014. Режим доступа: http://www.consultant.ru (дата обращения: 20.08.2019).

3. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30 мая 2017 г. № 6). Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2019).

4. Постановление Правительства РФ от 23.05.2015 № 497 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 гг.». Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2019).

5. Мироненко Е.С. Преподавание иностранного языка в аспирантуре в новых образовательных условиях: проблемы и перспективы // Вопросы территориального развития. 2016. № 2 (32). Режим доступа: http://vtr.isert-ran.ru/article/1824 (дата обращения: 25.08.2019).

6. Воздвиженская А.В., Ольховик Н.Г. Способы формирования коммуникативной компетенции специалиста в области медицины на современном этапе // Евразийское научное объединение. 2018. № 11-4 (45). С. 278–279.

7. Ольховик Н.Г., Липатова Е.Г., Воздвиженская А.В. Методологические основы формирования коммуникативных навыков аспирантов медицинских вузов // Современные наукоёмкие технологии. 2019. № 7. С. 200–204.

8. Poulton T., Conradi E., Kavia S., Round J., Hilton S. The replacement of ‘paper’ cases by interactive online virtual patients in problem-based learning // Medical Teacher. 2009. № 31. P. 752–758.

9. Frankel R.M., Stein T. Getting the most out of the clinical encounter: The Four Habit Model // The Permanente Journal. 1999. Vol. 3. № 3. P. 79–88.

10. Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. Макротренды развития системы высшего образования в мире // Вестник ВГУ. 2018. № 3. С. 13–29.

REFORMING PEDAGOGICAL APPROACHES TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALIZATION OF HIGHER MEDICAL EDUCATION

A.V. Vozdvizhenskaya, N.G. Olkhovik

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

Internationalization of higher education is declared to be a priority in the reforming of postgraduates’ preparation to academic profession. Today, educational and research activities in the global scientific community cannot be performed without adequate communication competence and a good foreign language command. The plan of reforming and internationalization of higher education in medical area is regulated by governing documents. To implement this plan, the North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov has developed and introduced a special course that encompasses four basic aspects of academic discourse participation at the international level. This course is characterized by: integration of best European teaching practices; its orientation towards the needs of potential employers in both domestic and foreign markets; stimulation of future academics to participation in international scientific activities; taking into account the expectations of all the teaching process participants. The course was tested as a part of “Foreign language” discipline. It has shown positive changes in learners’ language command, in the level of oral and written communication competence, and postgraduates’ readiness to deliver lectures to international students. All the described aspects comply with the European trend of lifelong learning and contribute to internationalization and modernization of Russian medical education.

Keywords: internationalization, medical academic discourse, third cycle of education, communication competence.

УДК 378.048.2

РАЗВИТИЕ МЯГКИХ НАВЫКОВ В ХОДЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ

© 2019 г.

Л.Р. Газизулина

Газизулина Лилия Рустемовна, к.филол.н.; доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета
gazizulina78@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2019
Статья принята к публикации 18.11.2019

Мягкие навыки (softskills) считаются необходимыми для научного и профессионального успеха, особенно в условиях тесного взаимодействия науки и бизнеса. Чтобы создать репутацию в академических кругах, современному ученому помимо качественно выполненного исследования необходимы умения руководить проектными командами, вести обсуждения и четко и убедительно передавать свои знания. Приводится перечень актуальных мягких навыков и обозначается их роль в профессиональном становлении аспирантов. Демонстрируется опыт Университета Брунеля (Лондон), полученный в ходе стажировки при софинансировании программы Евросоюза Эразмус+. Уточняются возможности отечественной системы образования по внедрению новых форм работы для развития мягких навыков и, как следствие, повышения общей подготовленности аспирантов к успешной научной и профессиональной карьере. Описываются возможности и перспективы новых форм работы в рамках иноязычной подготовки аспирантов с учетом иностранного опыта и принципов интернационализации образования.

Ключевые слова: soft skills, мягкие навыки, аспирантура, иноязычная подготовка.

Введение

Современная подготовка аспирантов в России и за рубежом имеет общие проблемы. Одной из таких проблем является малое количество защит диссертаций. Существует множество причин, по которым аспиранты бросают учебу, в том числе личные проблемы, финансовые трудности, жизненные обстоятельства. Однако если отбросить внешние причины, остается множество внутренних. В их числе недостаток наставничества и руководства и возможностей для развития мягких навыков. В некоторых случаях аспирант имеет аналитические способности, чтобы проводить исследование, но не имеет навыков, чтобы написать диссертацию и защитить ее. Аспиранту технического направления, возможно, потребуется помощь в ведении исследования и написании хорошей статьи для конференции. Таким образом, определив необходимость в мягких навыках, многие университеты во всем мире взялись за разработку и реализацию курсов, направленных на их развитие.

Востребованность мягких навыков на сегодняшний день можно объяснить увеличением интеграции экономики и рынков труда и, как следствие, повышением спроса на компетентных работников со знанием иностранных языков, социальных и межкультурных навыков. По мере того как мировые экономики становятся все более взаимосвязанными, важность многоязычия и межкультурных навыков приобретает все большее значение в глобальном масштабе [1]. Растет интерес к интеграции и интернационализации высшего образования. Вместе с тем по-прежнему остаются актуальными вопросы толерантности, которая в большой степени поддерживается развитием межкультурной коммуникации. Изучение культурных концептов, национального менталитета происходит параллельно с изучением иностранного языка [2]. Национальные исследовательские университеты обладают огромным потенциалом для прикладных исследований, позволяющих решать очень точно поставленные задачи промышленных предприятий. К сожалению, из-за различных обстоятельств очень мало этого потенциала используется. У университетов есть проблемы в тесном контакте с промышленностью; и исследования, которые они проводят, не всегда востребованы промышленностью [3]. Отвечая современным мировым трендам глобализации и массовой коммуникации, иностранный язык становится необходимым условием для получения доступа к информационным и научно-техническим ресурсам. Для успешной реализации своих профессиональных задач выпускникам вузов и аспирантам требуются особые навыки, которые можно освоить в процессе обучения иностранному языку. По этой причине кафедрам иностранных языков российских вузов необходимо сконцентрироваться на ре-

шении организационных, научно- и учебно-методических задач профессионально-ориентированной иноязычной подготовки [4].

Методы

В качестве метода исследования выбран обзор литературы и иностранного опыта, полученного в ходе стажировки в Университете Брунеля (Лондон).

Развитие мягких навыков – тренд в современном образовании, требующий проработки. «Мягкие навыки» – относительно новый термин (данные навыки называют также гибкими или сквозными). В отличие от «твердых навыков», имеющих непосредственное отношение к квалификации и профессиональным компетенциям выпускника, мягкие навыки более универсальны, не специализированы и в большей степени связаны с личностными качествами и социальными навыками. Мягкие навыки отвечают за успешную профессиональную и научную адаптацию выпускников вузов и молодых ученых. К мягким навыкам в системе высшего образования традиционно относят:

– управление проектом;
– командную работу;
– решение проблем;
– организацию встреч и мероприятий;
– предпринимательство;
– продуманное лидерство;
– новаторство;
– торги на финансовых рынках;
– межкультурную коммуникацию;
– навыки общения;
– академическое письмо;
– деловое письмо;
– публичное выступление;
– владение иностранными языками;
– пользование интернетом, электронной почтой, социальными сетями, создание контента;
– знания и информационные навыки;
– исследование;
– преподавание и обучение;
– управление данными и информацией;
– умение пользоваться IT-приложениями и владение языками программирования;
– написание отчетов.

Исследователи из разных областей определяют и классифицируют мягкие навыки по-разному. В связи с этим для развития мягких навыков в учебном процессе необходимо конкретизировать, какие из них будут прорабатываться. На основании результатов опубликованных исследований и практического опыта можно выбрать соответствующие формы, методы и средства их развития.

Результаты и их обсуждение

На сегодняшний день проблема определения soft skills не решена, как отмечают E.J. Cobb и другие [5]. Отдельно взятые практические навыки или качества личности включают в понятие soft skills E.J. Cobb и D. Goleman [6]. Навыки межличностной коммуникации описывают P. Blackmore [7] и M.M. Robles [8]; поведенческие и когнитивные навыки – Peterson, Van Fleet [9]. Несмотря на различия в классификациях, все они включают в себя навыки коммуникации или называемые по-другому социальные навыки.

С.Н. Бацунов и др. [10] разделили мягкие навыки на четыре группы: базовые коммуникативные навыки, или коммуникативная грамотность (умение слушать, убеждать и аргументировать, вести переговоры, проводить презентации, публичные выступления, самопрезентация, командная работа, нацеленность на результат, деловое письмо и т.д.), которые способствуют развитию отношений с людьми, помогают поддерживать разговор, эффективно вести себя в критических ситуациях при общении с окружающими; навыки self-менеджмента (управление эмоциями, стрессом, собственным развитием, планирование и целеполагание, тайм-менеджмент, энергия, энтузиазм, инициативность, настойчивость, рефлексия, использование обратной связи), которые помогают эффективно контролировать свое состояние, время, процессы [10]; навыки эффективного мышления, или интеллектуального мышления (системное, креативное, структурное мышление, поиск и анализ информации, выработка и принятие решений), которые отвечают за управление процессами в голове, помогают сделать собственную жизнь и работу более системными [10]; управленческие навыки, или форсайт-управление (управление исполнением, планирование, постановка задач, мотивирование, контроль реализации задач, управление проектами, изменениями), которые отвечают за планирование, мотивирование, управление собственными изменениями и т.д. [10]. Очевидно, что мягкие навыки из всех четырех групп (и особенно из первой группы, по С.Н. Бацунову) возможно успешно развивать в ходе подготовки аспирантов по дисциплине «Иностранный язык».

В подтверждение высказанной мысли, приведем данные из статьи Л.К. Раицкой и Е.В. Тихоновой «Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта», в которой авторы описывают исследование, нацеленное на выявление представлений о «soft skills» в академическом сообществе (студенческой и преподава-

тельской среде) [11]. Сопоставление ответов преподавателей и студентов продемонстрировало, что обе группы участников исследования считают наиболее эффективными для развития «soft skills» иностранные языки, менеджмент и социально-гуманитарные дисциплины в целом [11]. Кроме того, авторы пришли к выводу, что традиционные методы преподавания (лекции, семинары) менее эффективны в развитии навыков, тогда как активные и инновационные методы обучения (кейсы, имитации и проекты) отмечены в исследовании как оптимальные формы, в рамках которых эффективно развиваются «soft skills» [11]. Этот результат опроса подтверждает идею о необходимости модернизации программ иноязычной подготовки.

Е.Г. Коротких, Н.В. Носенко в статье «Принципы формирования «soft skills» при обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей вузов» выводят принципы формирования «мягких навыков», а также предлагают способы реализации заявленных принципов в практике преподавания иностранного языка [12]. В их числе – включение диалоговых форм заданий; использование видеоматериалов, в которых есть модели поведения профессионалов и просто успешных людей; включение лексики, связанной с карьерой, текстов, содержащих интересную информацию о тайм-менеджменте, личностном росте; на уровне магистратуры – моделирование навыков профессиональной коммуникации: выступление с докладом, защита выпускной квалификационной работы на иностранном языке, написание статей [12]. На основе предложенных способов возможна разработка конкретных упражнений, курсов.

Для аспиранта публичное выступление – одна из форм, позволяющих представить результаты своего исследования научному сообществу и продемонстрировать готовность к сотрудничеству. На занятиях по иностранному языку развиваются не только навыки говорения на иностранном языке; здесь можно развивать искусство ораторства, язык тела, умение продемонстрировать энтузиазм, владение вниманием аудитории, развивать навыки составления текста выступления таким образом, чтобы оно было интересно и понятно не только специалистам, но всем заинтересованным лицам. Ранее площадками для тренировки всех этих навыков были настоящие конференции. Сейчас у студентов и аспирантов есть возможности конкурировать: конкурсы для презентации своих научных изысканий становятся все более популярными. От конкурсов, проводимых на уровне университета, аспирант может перейти на международный уровень, совершенствовать ораторское мастерство, умение функционировать в двух лингвокультурах, развивать кругозор и толерантность [13].

Так, Университет Брунеля (Лондон) проводит конкурс для аспирантов 3-Minute Thesis© Competition Practice («Диссертация в трех минутах»). Участие в конкурсе дает шанс выиграть приз до £ 500 и представлять Университет Брунеля на национальном финале. «Диссертация в трех минутах» (3MT ©) – конкурс коммуникационных исследований, созданный Университетом Квинсленда. Он позволяет исследователям представить свою работу неспециалистам всего за три минуты, используя один слайд, без всякой опоры или профессионального жаргона. Участие поощряет развитие академических, презентационных и исследовательских навыков общения. Конкурс Brunel 3MT © открыт для всех исследователей (PhD, MPhil, PhD, DPH, EdD и LLM), зарегистрированных в Университете Брунеля в Лондоне. Соревнование открыто для студентов на всех этапах их исследования, и участие рекомендуется для всех. Подготовиться к конкурсу студенты и аспиранты могут во время специальных семинаров. На этих практических семинарах озвучиваются правила и требования к конкурсу 3MT ©, а также предоставляются полезные советы и подсказки для презентации исследования. Те, кто проходит эту подготовку, обычно лучше выступают на конкурсе (согласно информации, размещенной на сайте университета), и все победители конкурса в полной мере использовали эту возможность [14]. К основным результатам обучения на семинаре относят практику в представлении короткой презентации перед небольшой аудиторией сверстников, конструктивную обратную связь об индивидуальном стиле презентации, индивидуальной технике и статическом слайде (в контексте участия в конкурсе 3MT®). Кроме того, аспиранты могут улучшить, где это необходимо, аспекты презентации исследования, иметь лучшее понимание того, как эффективно и полноценно общаться с неспециалистами.

Заключение

Иноязычной подготовке отводится все более важная роль в новой системе образования России, ориентированной на интернационализацию и интеграцию в мировое образовательное пространство. Глобализация в сфере экономики влечет за собой усиление мобильности и конкуренции квалифицированных работников, что приводит к повышению роли общих/трансверсальных компетенций, формирование которых невозможно в национально замкнутой среде [15].

В связи с этим иностранный язык становится средством или инструментом для решения профессиональных и научных задач. Составление качественной программы подготовки к презентациям и конкурсам в рамках иноязычной подготовки аспирантов – серьезная задача, стоящая перед преподавателями и научными руководителями. Конкурсы презентаций в современном формате могут быть организованы в любом российском университете, а также проводиться на межуниверситетском, национальном или международном уровнях. Внедрение курса и его совместимость с существующими программами обучения – еще один вызов, стоящий перед университетами. Тем не менее подготовка аспирантов к участию в конкурсе даст возможность развить несколько мягких навыков и подготовит молодых ученых к эффективной конкуренции в мире современной науки и технологии. Аспиранты, прошедшие подготовку и участие в конкурсе, получат преимущество в получении работы или дальнейшей карьере в науке.

With the support of the Erasmus+ Programme of the European Union

Благодарности

The research was co-funded by the Erasmus+ Programme of the European Union under the grant «Modernization of Doctoral Education in Science and Improvement of Teaching Methodologies» (MODEST) No. 598549-EPP-1-2018- 1-LV-EPPKA2-CBHE-JP (2018 – 2939/001 – 001). The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Список литературы

1. Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V., Gazizulina L.R., Tarasova N.M., Galiullina E.I. Nature and principles of the phenomenon of higher education integration: mechanisms of implementation, pros and cons, the effectiveness and the management // IEJME-mathematics education. 2016. 11(6). P. 1697–1712.

2. Хусаинова Г.Р. The Study of National Idea through the Key Cultural Concepts // Мир науки, культуры, образования. 2017. Т. 67. № 6. С. 443–444.

3. Ziyatdinova J.N., Osipov P.N., Bezrukov A.N. Global Challenges and Problems of Russian Engineering Education Modernization // Proceedings of 2015 International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL. Florence: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2015. P. 397–400.

4. Газизулина Л.Р. Роль иноязычной подготовки в профессиональном развитии аспирантов // Глобальный научный потенциал. 2019. № 2(95). С. 75–78.

5. Cobb E.J., Meixelsperger J., Seitz K.K. Beyond the Classroom: Fostering Soft Skills in Professional LIS Organization // Journal of Library Administration. 2015. Vol. 55. Issue 2. P. 114–129.

6. Goleman D. Leadership that gets results // Harvard Business Review. 2000. Vol. 78. Issue 2. P. 78–90.

7. Blackmore P. A categorization of approaches to occupational analysis // Journal of Vocational Education and Training. 1999. Vol. 51. Issue 1. P. 61–78.

8. Robles M.M. Executive Perceptions of the Top 10 Soft Skills Needed in Today's Workplace // Business and Professional Communication Quarterly. 2012. Vol. 75. Issue 4. P. 453–465.

9. Peterson T.O., Van Fleet D.D. The Ongoing Legacy of R.L. Katz: An Updated Typology of Management Skills // Management Decision. 2004. Vol. 42. Issue 10. P. 1298.

10. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 4. С. 12–21.

11. Раицкая Л.К., Тихонова Е.В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–363.

12. Коротких Е.Г., Носенко Н.В. Принципы формирования «soft skills» при обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей вузов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 43–47.

13. Газизулина Л.Р., Хусаинова Г.Р. Concept of Violence in Russian and Tatar Lingua-Cultures // Мир науки, культуры, образования. 2017. Т. 63. № 2. С. 347–348.

14. Three-Minute-Thesis-Guidelines-2019-GS.pdf. URL: https://www.brunel.ac.uk/study/postgraduate-study/graduate-school/Documents/Three-Minute-Thesis-Guidelines-2019-GS.pdf (дата обращения: 28.08.2019).

15. Горылев А.И., Кузнецова С.Н. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации (на примере юридического факультета Университета Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 150–155.

SOFT SKILLS DEVELOPMENT DURING FOREIGN LANGUAGE TRAINING

L.R. Gazizulina

Kazan National Research Technological University, Kazan

Soft skills are considered essential for scientific and professional success, especially in close interaction between science and business. Excellent research alone is no longer enough. To establish a reputation in academia, today's researchers must also be able to lead project teams, moderate discussions, and communicate their knowledge clearly and persuasively. That is why soft skills such as communication, leadership, and moderation are more important than ever before in scientific professions. The article provides a list of relevant soft skills, describes their role in the professional development of postgraduate students and demonstrates the experience of Brunel University London that was gained during an internship with the co-funding of the EU Erasmus+ program. The capacity of the Russian education system to introduce new forms of work for the development of soft skills and, as a result, to increase the general preparedness of postgraduate students for a successful scientific and professional career is clarified. The role of foreign language training in the development of soft skills during postgraduate studies is substantiated. The possibilities and prospects of using new forms of work within the framework of foreign-language training of postgraduate students are described, taking into account foreign experience and the principles of internationalization of education.

Keywords: soft skills, postgraduate school, foreign language training.

УДК 378.4

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019 г.

Н.И. Добрынина, Е.В. Бабушкина

Добрынина Наталья Игоревна, начальник отдела сетевых программ и образовательных проектов учебно-методического управления
Пермского государственного национального исследовательского университета
dobrynina.nata@gmail.com
Бабушкина Елена Вадимовна, к.ф.-м.н.; доцент кафедры высшей математики, начальник учебно-методического управления
Пермского государственного национального исследовательского университета
helvad@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Приводятся причины, обусловившие процесс интернационализации на национальном и институциональном уровнях. Рассматривается опыт Финляндии, которая, пережив череду реформ высшего образования, в том числе в сфере интернационализации, сумела за короткий промежуток времени превратиться в страну, занимающую сегодня первые строчки мировых рейтингов по привлекательности и качеству образовательных услуг. В результате сравнения исходной ситуации в сфере высшего образования России и Финляндии на момент ратификации Болонского соглашения, выявляется много общих внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие систем высшего образования. Представляется опыт ведущих российских университетов, их лучшие инструменты и практики в сфере интернационализации. Образовательным организациям высшего образования предлагаются рекомендации для успешной реализации стратегии интернационализации.

Ключевые слова: интернационализация, высшее образование, стратегия интернационализации, Финляндия, университеты Финляндии, университеты России, конкурентоспособность, международная деятельность.

Введение

Интернационализация как процесс, который затрагивает различные стороны общества, обусловливается политическими, экономическими и социальными причинами и внедряется как стратегическая цель государства.

Исследователи этого процесса выделяют среди инициирующих его причин такие, как обеспечение международной безопасности, поддержание конкурентоспособности и улучшение межкультурного взаимодействия [1]. Подобный подход, безусловно, может быть применен и при внедрении интернационализации в систему образования, однако при этом не учитываются индивидуальные факторы и особенности, связанные с образовательными организациями.

В отличие от авторов указанной выше монографии, Джейн Найт рассматривает интернационализацию как на национальном, так и на институциональном уровне. Исследователь полагает, что интернационализация на национальном уровне дает стимул для развития многих сфер, связанных с образованием. На национальном уровне интернационализация выражена в оценке человеческих ресурсов, социокультурного развития и межкультурного взаимодействия. В зависимости от политико-экономического статуса, страна может быть заинтересована в распространении зоны своего влияния. Так, например, для развитых стран актуальным является «рекрутинг талантов», получение дохода от обучения, а для развивающихся стран интересны поддержка и развитие самой системы образования. На институциональном уровне отмечается трансформация базовых функций, среди которых отмечается необходимость поиска бренда и профилирование. При этом указанные задачи представляются как определенный вызов для университетов [2].

Несмотря на то что интернационализация является государственной задачей, подходы к настраиванию процессов и моделей интернационализации, применяемые на институциональном уровне, представляют сегодня наибольший интерес для исследования. Изучение опыта стран, прошедших через интернационализацию образования, позволяет увидеть перспективы и новые возможности при выработке стратегий интернационализации университетов.

Рассмотрим опыт Финляндии, которая за достаточно короткий промежуток времени сумела из страны совершенно непривлекательной для иностранных студентов в начале 1990-х годов XX века, пережив череду реформ высшего образования, в том числе в сфере интернационализации, превратиться в страну, которая сегодня занимает первые строчки мировых рейтингов по привлекательности и качеству образовательных услуг.

Многие исследователи отмечают, что первоначально интернационализация высшего образования в Финляндии рассматривалась прежде всего как инструмент, который обеспечивал бы конкурентоспособность страны через создание привлекательных университетов (конкурентоспособность вуза) и способность подготовки выпускников, успешных на международном рынке (конкурентоспособность студента) [3].

Образовательная реформа, проводившаяся в Финляндии в начале 1990-х годов, началась с так называемой «интернационализации дома» (internationalization at home). Не имея собственных программ, привлекательных для иностранных студентов, университеты Финляндии сфокусировались на академической мобильности для своих студентов, направляя их для обучения на образовательные программы, реализуемые зарубежными вузами [3].

Одновременно с этим университеты Финляндии стали разрабатывать собственные образовательные программы. На рубеже веков произошел сдвиг в сторону открытия образовательных границ и формирования большого потока иностранных обучающихся. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2000–2010 годах произошло увеличение количества иностранных обучающихся на международных программах, реализуемых университетами Финляндии, в среднем в 2–3 раза [4, S. 698].

Сегодня Финляндия рассматривает иностранных студентов как надёжный экономический ресурс, подготовленный источник высококвалифицированных специалистов, готовых встроиться в национальный рынок труда [5]. Международные образовательные программы постоянно адаптируются к меняющемуся рынку труда для успешной интеграции в него новых профессионалов.

Сегодня Финляндия является привлекательной не только для студентов и исследователей, но и для ведения бизнеса, работы и жизни в целом. Интернационализация высшего образования, научных исследований и инноваций находится в основе обновления общества. Более того, интернационализация университетов способствует диверсификации бизнеса и общества, международному сетевому взаимодействию, конкурентоспособности и инновационности, а также влияет на уровень благосостояния, компетентности и образованности граждан.

Анализ опыта Финляндии в вопросе развития интернационализации позволяет выделить следующие причины успешности.

Первым толчком для развития интернационализации в сфере высшего образования Финляндии выступил Болонский процесс [6]. Проведенная оценка и сравнение индикаторов развития интернационализации в разных странах способствовали выработке рекомендаций, которые сначала широко обсуждались, а затем предлагались к внедрению университетам.

Вторым важным моментом в развитии процесса интернационализации стало принятие Стратегии интернационализации Финляндии, в которой интернационализация образования рассматривалась как основополагающий компонент развития экономики страны [3]. Согласно стратегии, целью интернационализации является создание в Финляндии сильной и привлекательной исследовательской среды высшего образования, которая «улучшит способность общества функционировать в открытой международной среде, будет поддерживать сбалансированное развитие мультикультурного сообщества и участвовать в решении глобальных проблем» [7, p. 9].

Последняя редакция Стратегии интернационализации охватывает 2017–2025 годы. В ней акцент сделан на совместном решении задач, которые стоят перед обществом, а ее девиз – «Вместе к лучшему миру» (Together for a better world) [8].

Поставленные в стратегии цели не могут быть достигнуты, если университеты не сделают международную деятельность частью своих стратегических задач. В соответствии с национальной стратегией интернационализации, университеты Финляндии разработали собственные стратегии. Финские университеты обладают высокой степенью институциональной автономии, получая 65% финансирования из государственного бюджета. Эта автономия обеспечивается конституцией и гарантирована актами университетов. В связи с этим отношения между университетами и Министерством образования и культуры Финляндии основаны скорее на обсуждении, чем на механическом следовании, и в этом контексте университеты берут на себя полную ответственность за качество образования.

Одним из инструментов повышения качества образования является международное сотрудничество, так как необходимым условием для взаимодействия с мировыми лидерами в сфере

образования является высокий уровень собственной компетенции. Университеты привлекают высококвалифицированных профессионалов, создают благоприятную образовательную среду для привлечения иностранных инвестиций, что способствует интернационализации экономики и общества. Международное сетевое взаимодействие университетов способствует консолидации потенциала региона, всех доступных ресурсов конкурентоспособности, инновационности.

Имея значительную финансовую поддержку на национальном уровне и прилагая собственные усилия к поддержанию своего имиджа и высокой репутации, университеты Финляндии становятся университетами мирового уровня. Это способствует получению доступа к мировой научной базе университетов (Global Academic System of Science), экономическому росту и развитию партнерств, а также использованию передовых технологий в обучении.

Сравнивая исходную ситуацию в сфере высшего образования России на момент ратификации Болонского соглашения, мы находим много общих с Финляндией внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие систем высшего образования.

Введение показателя интернационализации в систему вузовского образования стало новой практикой для университетов как Финляндии, так и России. И в Финляндии, и в России процесс был инициирован сверху и направлен вниз. В результате предпринятых усилий университеты должны были стать экономически независимыми, поддерживать социальный прогресс и инновации и готовить выпускников к мировому рынку труда. Количественные цели были поставлены, в то время как содержание, ценности и качество следовало детализировать самим университетам.

Будучи централизованными, в той или иной степени, университеты России, как и университеты Финляндии, не были готовы к конкуренции, их собственное поведение демонстрировало слабую предпринимательскую активность, в том числе при разработке стратегии и плана дальнейших действий. Экономические условия заставили университеты выделить ключевые области трансформации и свои точки роста.

Необходимость учета изменения структуры финансирования университетов (уменьшение государственного финансирования), а также появившаяся возможность привлечения дополнительного финансирования, в том числе через европейские и другие образовательные агентства и фонды, способствовали созданию конкурентоспособных программ и условий университетской среды.

Зависимость финансирования ведущих университетов России от выполнения показателей эффективности и при этом определенная автономия внутренних процессов, таких как возможность реализации собственных стандартов, позволяют учесть опыт Финляндии при разработке стратегии интернационализации российских образовательных организаций высшего образования.

Нами было проведено исследование стратегий интернационализации ведущих российских университетов. Мы обратились к опыту трех российских вузов, успех которых в этой области подтвержден высоким положением в международных рейтингах. Из «столичных вузов» мы изучили опыт Московского физико-технического института, из «региональных вузов» наиболее интересным представляется опыт Томского политехнического университета и Воронежского государственного университета.

Воронежский государственный университет (ВГУ) имеет тщательно разработанную (на основе многоаспектного анализа внешней среды и факторов, влияющих на развитие высшего образования в целом и ВГУ в частности) стратегию развития [9]. Этот университет имеет значительный опыт участия в международных программах и рассматривает возможность своего дальнейшего развития за счет участия в международных программах. В 1960-х годах XX века ВГУ одним из первых в стране начал академическое и научное сотрудничество с ведущими университетами Западной Европы, в 1990-х годах он включился в программы международного обмена, в том числе программы ЕС. Сегодня ВГУ занимает высокие позиции в международных рейтингах, учитывающих процессы интернационализации (рейтинги QS, QS BRICS и Times Higher Education). Примечательно то, что одним из индикаторов развития университета является участие в мероприятиях, на которых представляются результаты проектов и иной научно-исследовательской деятельности университета. Сайт университета имеет версии на семи языках.

Томский политехнический университет (ТПУ) в стратегии интернационализации четко определяет собственные конкурентные преимущества и приоритеты. Имея самый высокий рейтинг по интернационализации среди российских «региональных вузов», ТПУ определяет себя как самый интернациональный нестоличный вуз, имеет детально разработанную стратегию развития и создает благоприятный имидж на рынке образовательных услуг. Стратегическими задачами университета к 2020 году являются «соответствие образовательных про-

грамм лучшим мировым стандартам», а также «усиление системы контроля качества исследований с позиции их глобальной конкурентоспособности» [10].

Инфраструктура университета и его кампус ориентированы на международный уровень, сайт университета имеет понятный и удобный вид, понятный интерфейс на двух языках.

Программа повышения конкурентоспособности Московского физико-технического института (МФТИ) [11] ставит приоритетной задачей наращивание исследовательского и образовательного потенциала, привлечение ведущих учёных, создание инфраструктуры и открытие более 50 научно-исследовательских лабораторий мирового уровня. Поскольку расположение вуза не позволяет сравнивать его с региональными университетами, отметим лишь наличие в его стратегии детального маркетингового анализа с выделением сильных сторон. Приоритетами для развития интернационализации университет считает создание комфортной среды для учебы, работы и проживания, системы дистанционного обучения, в том числе лекционных курсов, доступных on-line, проведение школ для иностранных студентов, преподавание на английском языке сначала в магистратуре, а затем в бакалавриате. К 2020 году все образовательные программы МФТИ должны иметь опцию преподавания на английском языке. МФТИ сегодня имеет функциональный и информационно насыщенный веб-портал и занимает 8-е место в рейтинге сайтов среди российских вузов [12]. Сайт университета представлен на двух языках.

Таким образом, детально изучив опыт страны, успешно развивающейся в области интернационализации высшего образования, а также опыт ведущих российских вузов, перенявших лучшие европейские практики в этой области, мы выделили ряд мер, способствующих успешной интернационализации университета:

1) предварительный анализ академической среды и конкурентных преимуществ университета;

2) создание привлекательного имиджа вуза за счет четкого обозначения своих преимуществ;

3) выделение точек роста для вуза и создание образовательных программ, исследовательских лабораторий в этих областях;

4) поиск партнеров для совместных исследований и программ в областях, соответствующих точкам роста;

5) создание у потенциальных студентов и исследователей образа привлекательного университета, вписанного в среду города, страны, общества за счет самопрезентации в медийной среде, например с помощью сайта университета;

6) качественный подход к разработке стратегии интернационализации университета, который требует ее регулярного пересмотра в связи с меняющимися условиями на рынке образования и труда, с учетом экономических условий, социальных связей региона, культурной и академической среды вуза.

В заключение отметим, что в целях дальнейшей выработки рекомендаций для успешной интернационализации российских вузов необходимо обратиться к содержанию образовательных программ, реализуемых университетами. Планируется проанализировать опыт ведущих российских и зарубежных университетов, разобраться в том, какие образовательные программы вызывают наибольший интерес у иностранных студентов, каково их качество и чем они привлекательны. Кроме того, планируется рассмотреть опыт Финляндии по интеграции обучающихся и выпускников в финское общество.

Список литературы

1. Aigner J., Nelson P., Stimpfl J. Internationalizing the University: making it work. Springfield: CBIS Federal, 1992. 24 p.

2. Knight J. Higher Education in Turmoil. The Changing World of Internationalization. Rotterdam: Sense Publishers, 2008. 37 p.

3. Nokkala T. Constructing Ideal Universities – The Internationalization of Higher Education in the Competitive Knowledge Society. Tampere: Tampere University Press, 2007. 309 p.

4. Välimaa J., Weimer L. The Trends of Internationalization in Finnish Higher Education // Zeitschrift für Pädagogik 60. 2014. № 5. S. 696–709.

5. Haapakoski J., Pashby K. Implications for equity and diversity of increasing international student numbers in European universities: Policies and practice in four national contexts // Policy Futures in Education. 2017. 15(3). P. 360–379.

6. Saarinen T. Internationalization of Finnish higher education is language an issue? // International Journal of the Sociology of Language. 2012. № 216. P. 157–173.

7. Strategy for the Internationalization of Higher Education Institutions in Finland 2009–2015. Publication of the Ministry of Education, Finland. 2009:23. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/planipolis/files/ressources/finland_higher_education_strategy.pdf (дата обращения: 20.08.2019).

8. International strategy for higher education and research 2017–2025. Publication of the Ministry of Education and Culture, Finland. URL: https://minedu.fi/en/article/-/asset_publisher/suomalaiselle-korkeakoulutukselle-ja-tutkimukselle-kansainvalisyyslinjaukset (дата обращения: 02.09.2019).

9. Стратегия Воронежского государственного университета. Принята Ученым Советом ВГУ 29.09.2017, протокол № 7. URL: https://www.vsu.ru/ru/university/general/strategy/ (дата обращения: 09.07.2019).

10. План мероприятий по реализации Программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет» на 2013–2020 годы (4-й этап – 2018–2020 годы). М., 2018. URL: https://tpu.ru/university/strategy (дата обращения:15.07.2019).

11. Программа повышения конкурентоспособности Московского физико-технического института. Утверждена Министерством образования и науки РФ, 10 июня 2013 г. URL: https://mipt.ru/upload/medialibrary/cb7/document.pdf (дата обращения: 30.07.2019).

12. Webometrics Ranking of World Universities. URL: http://www.webometrics.info (дата обращения: 31.07.2019).

INTERNATIONALIZATION OF UNIVERSITIES. DEVELOPING A STRATEGY FOR INTERNATIONALIZATION OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS USING FINLAND'S EXPERIENCE

N.I. Dobrynina, E.V. Babushkina

Perm State University

The paper presents the reasons for the internationalization process at the national and institutional levels and compares the situation in higher education in Russia and Finland at the time of ratification of the Bologna agreement, external and internal factors affecting the development of higher education systems. The experience of leading Russian universities, their best tools and practices in the field of internationalization are analyzed. The authors propose some recommendations to higher education institutions for the successful development and implementation of their internationalization strategy.

Keywords: internationalization, higher education, internationalization strategy, Finland, Finnish universities, Russian universities, competitiveness, international cooperation.

УДК 378.2

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЕВРОСОЮЗА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2019 г.

Ю.Н. Зиятдинова, Э.Э. Валеева

Зиятдинова Юлия Надировна, д.пед.н.; доц.; заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
uliziat@yandex.ru
Валеева Эльвира Энверовна, к.т.н.; доц.; доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации
Казанского национального исследовательского технологического университета
elviravaleeva75@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2019
Статья принята к публикации 14.11.2019

Проведен анализ вопросов развития высшего образования, особенно инженерного, в условиях глобализации с акцентом на внутреннюю интернационализацию, подразумевающую включение международного измерения в содержание преподаваемых дисциплин. Международное измерение рассматривается сквозь призму отношений России со странами Европейского союза. Обоснована актуальность сотрудничества между странами в сфере промышленного производства и современных технологий, а следовательно, подготовки студентов уровня магистратуры технического вуза к коммуникации с европейскими партнерами в сфере будущей профессиональной деятельности. Выявлены особенности культуры Евросоюза, которые являются движущей силой создания инноваций и развития творческой деятельности и знакомство с которыми способствует развитию межкультурных компетенций студентов. На основе проанализированной литературы о культурной политике Евросоюза разработаны и апробированы методические материалы для занятий со студентами. Выявлено, что изучение культур Евросоюза в рамках дисциплин гуманитарного цикла способствует развитию у магистрантов технического вуза межкультурных компетенций для осуществления профессиональной коммуникации с зарубежными партнерами. Поставлены задачи дальнейшего изучения вопросов культурного многообразия и единства в странах Евросоюза для совершенствования преподаваемых дисциплин в рамках учебных планов магистратуры российского технического вуза.

Ключевые слова: интернационализация образования, инженерное образование, магистратура, межкультурная коммуникация, культурная политика, Евросоюз.

Введение

Развитие высшего образования в условиях глобализации требует усиления международного сотрудничества и активного обмена опытом между университетами разных стран. Ответом высшего образования на вызовы глобализации выступают процессы интернационализации, значительный рост которых в последнее десятилетие приводит к пересмотру стратегий развития не только отдельных университетов, но и систем образования в регионах и странах мира [1, с. 21]. Студенты и преподаватели становятся непосредственными участниками интернационализации, так как именно от степени их включенности в данные процессы, участия в академической, а в дальнейшем – профессиональной мобильности зависит успешность и узнаваемость университетов в международной научно-образовательной среде [2; 3]. Выбор стратегий и областей интернационализации происходит в соответствии с потребностями экономики, и инженерные направления подготовки студентов выходят на первый план, так как именно в данной сфере наблюдается рост международного сотрудничества при развитии современных технологий промышленного производства [4; 5].

Интернационализация университетов получает различные формы. Наряду с академической мобильностью популярность приобретает институциональное партнерство, когда университеты разрабатывают совместные образовательные программы, по завершении которых студенты могут получить два диплома [6]. Такие программы повышают конкурентоспособность и международный престиж университета, однако наряду с преимуществами имеют целый ряд недостатков, среди которых – различия нормативно-правового регулирования разных стран, систем обеспечения качества и оценки ре-

зультатов обучения [7; 8]. В связи с этим более доступной и легко осуществимой формой на базе российского университета выступает внутренняя интернационализация, когда международное измерение интегрируется в реализуемые программы подготовки [9]. Для этого используются средства как формального обучения, так и неформальной, внеаудиторной работы, взаимодействия с различными участниками внешней среды [10].

Преимуществом внутренней интернационализации является охват большего числа студентов, у которых развиваются необходимые для профессиональной деятельности межкультурные компетенции [11]. Самой простой и доступной возможностью внутренней интернационализации образовательных программ выступает усиление или совершенствование иноязычной подготовки студентов в рамках имеющегося учебного плана с постановкой новых задач обучения [12], использованием новых технологий [13], нового взгляда на иностранный язык [14; 15]. Кроме того, некоторые университеты разрабатывают новые учебные модули для студентов, связанные с межкультурной коммуникацией [16] или культурной политикой [17].

Наиболее близкими партнерами России как в сфере образования, так и в сфере производства по территориальным и культурным признакам являются страны Евросоюза [18], поэтому актуальность приобретает подготовка студентов к профессиональной коммуникации с ними. Целесообразным представляется изучение различных аспектов опыта Евросоюза на уровне магистратуры, так как на данном этапе большинство студентов уже имеет либо опыт профессиональной деятельности, либо достаточно определенные планы относительно своего профессионального будущего и способно адекватно оценить свои перспективы участия в международном сотрудничестве [19; 20].

Рассмотрим возможности разработки и внедрения в образовательные программы вопросов культурной политики Евросоюза для развития межкультурных компетенций магистрантов технического вуза.

Методология

Методологическую основу исследования составили концепции сравнительно-сопоставительных исследований в педагогике и высшем образовании, теоретические аспекты процессов интернационализации высшего образования, теория межкультурной коммуникации. Исследование выполнено с использованием методов изучения научной литературы, материалов интернет-источников, публикаций Европейской комиссии по вопросам культурной политики, анализа, сравнения и обобщения европейского и российского опыта, а также разработки на основе данной литературы методических материалов для занятий и их практического использования.

Необходимость изучения культурной политики Евросоюза для осуществления эффективной профессиональной коммуникации с компаниями стран этого региона обусловлена тем, что она является ключевым элементом в стратегии развития международных отношений Евросоюза. Несмотря на то что первоначально Евросоюз создавался как экономическая структура, культурная сфера имеет там чрезвычайно важное значение и направлена на сохранение европейской самобытности. Каждая нация и страна характеризуется набором ключевых культурных установок, среди которых есть как индивидуальные, присущие только этой культуре, так и универсальные концепты [21]. Именно через них в первую очередь строится межкультурный диалог, поэтому при изучении культурной политики Евросоюза стоит обращать особое внимание на те элементы, которые являются для нас общими: универсальные общечеловеческие ценности, неприятие насилия и несправедливости [22].

Изучение материалов Европейской комиссии показывает, что в своем обращении к Европарламенту 2018 года она подчеркивает важнейшую роль культуры в условиях, когда новые технологии и цифровая коммуникация трансформируют общество, изменяя образ жизни, модели потребления, а также стили отношений между людьми [23]. Так, 2018 год был объявлен Европейской комиссией Годом культурного наследия. Все мероприятия, проводившиеся в течение этого года, были основаны на четырех принципах: включенности, устойчивого развития, защиты и инноваций. Культурное наследие имеет отчетливое европейское измерение, и оно должно изучаться и поддерживаться не только с позиций культурной политики, но и с позиций его междисциплинарных связей с образованием, региональным развитием, научными исследованиями и инновациями.

Исследователи заявляют о наличии различных культурных кластеров внутри Евросоюза, принадлежность к которым может оказывать влияние на подходы к профессиональной коммуникации [24]. В соответствии с моделью Г. Хофстеде [25], данные кластеры формируются в зависимости от отношения в национальной культуре к таким категориям, как степень избегания неопределенности, степень иерархической дистанцированности, индивидуализм и коллективизм, ориентация на долгосрочные или кратко-

срочные отношения, мужской или женский стиль деловых отношений. Стили принятия решений и ведения переговоров во многом зависят от принадлежности к тому или иному кластеру.

Европейская комиссия считает, что культура оказывает решающее воздействие на социальное благополучие людей, и существует прямая зависимость между уровнем образования и уровнем развития культуры человека. Изучение культурного наследия способствует развитию креативности и критического мышления, которые рассматриваются в настоящее время как ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни. Так, акцент на креативность и критическое мышление прослеживается в переходе от традиционного взгляда на единство дисциплин инженерного и естественнонаучного цикла, отражающегося в аббревиатуре STEM (science, technology, engineering, mathematics), обозначающей такие направления, как наука, технология, инженерия, математика, к аббревиатуре STEAM (science, technology, engineering, arts, mathematics), в которую добавился элемент, представляющий гуманитарные науки [26].

Будучи движущей силой для развития творчества и инноваций, культура имеет решающее влияние на формирование корпоративной социальной ответственности в европейских компаниях. Данные вопросы были изучены на основании документов Европейской комиссии по корпоративной социальной ответственности [27], согласно которым бизнес отвечает за то влияние, которое он оказывает на окружающую среду и общество, то есть должен выполнять свои обязательства перед государством, такие как создание новых рабочих мест, обустройство комфортного пространства для жизни, защита окружающей среды и т.д. Выполнение таких обязательств способствует конкурентоспособности, инновационному и устойчивому развитию как европейских компаний, так и Евросоюза в целом.

Так, в документах Европейской комиссии прослеживается методологически подход к культуре Евросоюза как многообразному феномену, который одновременно отражает культурное многообразие региона и способствует сохранению культурной самобытности каждой отдельно взятой нации.

Результаты и их обсуждение

На основании изученных материалов по культурному многообразию Евросоюза были разработаны методические материалы для занятий с магистрантами инженерных направлений. Общая тематика материалов определена как «Европейские ценности: культурное многообразие и единство».

Содержание методических материалов представлено в виде нескольких блоков, учитывающих основные документы Европейской комиссии. Каждый блок включает в себя тексты на английском и русском языках из оригинальных источников, упражнения на проверку усвоения лексики и содержания материала текстов, а также вопросы для обсуждения. Кроме того, предусмотрена самостоятельная работа студентов по поиску материалов о конкретных примерах влияния европейских ценностей на политику ведения бизнеса компанией.

Первый блок материалов включает информацию о культурной идентичности и культурном многообразии Евросоюза. Здесь анализируются документы, важные для реализации культурной политики Евросоюза, такие как Лиссабонский договор, обращения Европейской комиссии к Европарламенту по вопросам культуры, регулярно обновляемая повестка о культуре Евросоюза, а также результаты различных культурных мероприятий в Европе (таких, как, например, Год культурного наследия 2018). При этом культура рассматривается как движущая сила для развития инноваций и креативности, и со студентами обсуждаются вопросы поиска центральной концепции европейской культурной идентичности.

Во втором блоке рассматривается единство Евросоюза в его многообразии, то есть культурные кластеры, выделенные на основании типологии организационных культур Г. Хофстеде. Так, в странах Евросоюза выделяется пять культурных кластеров: «сеть» (network), «соперничество» (contest), «машина» (machine), «пирамида» (pyramid) и «солнечная система» (solar system).

Скандинавские и прибалтийские государства принадлежат к кластеру «сеть». Ключевой характеристикой их культуры является необходимость достижения консенсуса при принятии решений, когда делается все возможное для учета мнения каждого. Англоязычные страны, Великобритания и Ирландия, принадлежат к кластеру «соперничество», где наблюдаются постоянная конкуренция и честная игра, после детальных обсуждений решение остается за руководством и принимается быстро. К кластеру «машина» относятся Германия, Австрия, Чехия, Венгрия. Эти страны характеризуются наличием четкого порядка и структуры, но в то же время отсутствием гибкости; итоговое решение принимают эксперты на основании целого ряда правил. «Пирамидный» тип культуры характерен для юга Италии, а также Португалии, Словении, Словакии, Румынии и балканских государств. Общество характеризуется строгой

иерархичностью, решения принимаются «сверху вниз». Аналогичен данному типу культуры и кластер «солнечная система», к которому относятся север Италии, Испания, Франция и Польша. Иерархичность принятия решений здесь в некоторой степени регулируется юридическими документами, которые также необходимы для проверки законности этих решений.

Знание данных особенностей и принадлежности стран к разным культурным кластерам помогает при выстраивании деловых отношений с партнерами.

Третий блок материалов посвящен месту культуры как основного элемента международных связей Евросоюза для налаживания контактов с другими государствами мира. Здесь представлены вопросы культурной дипломатии, то, как она рассматривается Европейской комиссией и лидерами в различных областях деятельности Евросоюза. Цели развития культурной дипломатии ставятся в нескольких областях, таких как развитие политического диалога и культурных обменов с другими странами, доступ к объектам культуры для развивающихся стран, поддержка культурного многообразия через обеспечение финансовой и технической поддержки, продвижение программ сотрудничества, способствующих как развитию локальной культуры, так и расширению доступа к общеизвестным объектам культуры, а также активное участие Евросоюза в международных организациях, связанных с сотрудничеством в области культуры. Общая цель культурной политики Евросоюза – объединить страны региона так, чтобы возник синергетический эффект и многообразная культура Евросоюза представляла собой нечто большее, чем простую сумму ее частей, что должно способствовать более эффективному международному сотрудничеству.

Четвертый блок включает в себя информацию о культуре и политике Евросоюза в области корпоративной социальной ответственности. Данная тема дает много возможностей для различных дискуссий и ролевых игр со студентами. Интересны материалы по разработанным в разных странах национальным планам действий (National Action Plan) в области корпоративной социальной ответственности. Студенты могут самостоятельно выбрать национальный план интересующей их страны, провести его анализ, а далее сравнить, какие документы регламентируют деятельность и социальную ответственность бизнеса в разных странах Евросоюза. Кроме того, как отдельная тема изучается стандарт в области социальной ответственности ISO 26000 – Social Responsibility, разработанный и запущенный в действие в 2010 году после пяти лет переговоров и обсуждений с участием представителей правительств разных стран, негосударственных организаций, предприятий, потребителей, профсоюзных организаций.

В пятом блоке рассматривается информация о новых инициативах Европейской комиссии по формированию новых умений для новых профессий будущего, при этом межкультурные компетенции занимают среди них ключевое место. Кроме того, важная роль принадлежит таким компетенциям, как креативность, инновационность, предпринимательство, цифровая грамотность, сохранение окружающей среды. При этом культурная политика Евросоюза направлена на то, чтобы развивать все эти компетенции, используя такие инициативы, как консультативная и мотивационная поддержка для людей всех возрастов, всевозможные налоговые льготы для работодателей, поддержка профессиональных ассоциаций, интенсификация сотрудничества между образовательными организациями и предприятиями, постоянное профессиональное развитие педагогов. Особое место в формировании новых умений занимают инициативы по обеспечению качества образования, подразумевающие качественную и количественную оценку результатов обучения на основе профессиональных требований работодателей.

Заключительный, шестой блок методических материалов посвящен здоровьесберегающим технологиям Евросоюза, фокусирующимся на предотвращении заболеваний, которые зависят от общей культуры человека. Так, многие заболевания можно предотвратить, если владеть адекватной информацией о вакцинации, вести здоровый образ жизни, включающий в себя правильное питание и занятия спортом. Системы здравоохранения в странах Евросоюза в большей степени становятся ориентированными на человека; повышается его доступность для малообеспеченных слоев населения.

Данные материалы могут быть интегрированы в дисциплины гуманитарного цикла (например, «Иностранный язык») и направлены на развитие универсальных компетенций делового и профессионального общения.

Заключение

В условиях глобализации экономики, политики и социальной сферы высшее образование неизбежно интернационализируется, при этом университеты выбирают разные стратегии, среди которых для российских университетов внутренняя интернационализация представляется наиболее доступной. Учитывая то, что страны Евросоюза являются наиболее близкими

партнерами России в сфере развития инженерных технологий, очевидной становится необходимость готовить студентов технического вуза к осуществлению профессиональной коммуникации с зарубежными партнерами из данного региона. Ключевую роль при выборе стратегий сотрудничества играет культурное взаимодействие, поэтому изучение культуры Евросоюза представляется актуальным в рамках гуманитарных дисциплин программ магистратуры. Анализ документов и публикаций Европейской комиссии позволил отобрать наиболее интересные темы для изучения и разработать на их основе методические материалы, изучение которых будет способствовать развитию у магистрантов технического вуза межкультурных компетенций для осуществления профессиональной коммуникации с зарубежными партнерами. Очевидно, что информация о Евросоюзе не ограничивается выбранными темами, и если университет взял курс на внутреннюю интернационализацию образовательных программ, то существует множество возможностей развивать сотрудничество со странами Евросоюза через изучение информации о нем в рамках различных дисциплин.

With the support of the Erasmus+ Programme of the European Union

Благодарности

The research was co-funded by the Erasmus+ Programme of the European Union under the grant for Jean Monnet Module «The European Union Entrepreneurial Environment at HEIs: Changing the World by Technology Ventures» 610758-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-MODULE.

The European Commission support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents which reflects the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Список литературы

1. Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. Макротренды развития системы высшего образования в мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 3. С. 13–28.

2. Осипов П.Н., Зиятдинова Ю.Н. Преподаватели и студенты как субъекты интернационализации образования // Социологические исследования. 2017. № 3 (395). С. 64–69.

3. Муртазина Л.Г., Зиятдинова Ю.Н. Академическая мобильность как фактор развития международного сотрудничества исследовательского университета // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 19. С. 269–272.

4. Зиятдинова Ю.Н., Осипов П.Н., Безруков А.Н. и др. Интернационализация инженерного образования. Российский вариант: Монография. Казань: КНИТУ, 2015. 256 с.

5. Зиятдинова Ю.Н., Безруков А.Н. Интернационализация инженерного образования // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 5. С. 21–23.

6. Олейникова О.Н., Горылев А.И. Некоторые теоретические особенности систематизации международных совместных образовательных программ // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3 (128). С. 7–13.

7. Муравьева А.А., Горылев А.И. Международные совместные образовательные программы как инструмент интернационализации высшего образования // Интеграция образования. 2016. Т. 20. № 3 (84). С. 310–319.

8. Безруков А.Н., Осипов П.Н. Особенности стандартизации профессионального образования в России, США и странах Европы // Управление устойчивым развитием. 2017. № 1 (08). С. 104–113.

9. Горылев А.И., Кузнецова С.Н. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации (на примере юридического факультета Университета Лобачевского) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 150–155.

10. Leask B. Using formal and informal curricula to improve interactions between home and international students // Journal of Studies in International Education. 2009. 13 (2). P. 205–221.

11. Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Викторова А.О. Интернационализация образовательных программ как ядро внутренней интернационализации образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2017. № 3. С. 126–135.

12. Валеева Э.Э. Профессионально-ориентированная иноязычная подготовка магистрантов инженерного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 196.

13. Bezrukov A. Flexible learning model for computer-aided technical translation // 16th International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2013 (Kazan, 25–27 September 2013). Kazan: IEEE Computer Society, 2013. P. 673–675.

14. Синагатуллин И.М. Английский язык как глобальный феномен и его влияние на вопросы образования // Педагогика. 2013. № 7. С. 90–96.

15. Grindheim J.E., Lohndal T. Lost in Translation? European Integration and Language Diversity // Perspectives on European Politics and Society. 2008. Vol. 9. № 4. P. 451–465.

16. Makeeva E., Lopukhova Yu. Cross-cultural communication course as a form of internationalisation at home within Russian higher education institutions // Society. Integration. Education (Rēzekne, 25–26 may 2018, Rezekne Academy of Technologies). 2018. С. 361–372.

17. Табаринцева-Романова К.М. Культурная политика ЕС: основные направления и этапы становления // Европейский Союз: факты и комментарии. 2017. № 88-89. С. 54–61.

18. Олейникова О.Н. Интеграционные процессы в сфере высшего образования в Европе // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Серия: Педагогические и психологические науки. 2011. № 11 (30). С. 41–46.

19. Зиятдинова Ю.Н., Валеева Э.Э. Изучение опыта Евросоюза на занятиях по иностранному языку в магистратуре технического вуза // Вестник ВЭГУ. 2017. № 6 (92). С. 38–45.

20. Зиятдинова Ю.Н., Валеева Э.Э. Развитие навыков межкультурной бизнес-коммуникации между Россией и странами Евросоюза в инженерном образовании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78). С. 206–209.

21. Khusainova G.R., Gazizulina L.R. The study of national idea through the key cultural concepts // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 443–444.

22. Gazizulina L.R., Khusainova G.R. Concept of violence in Russian and tatar lingua-cultures // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 2 (63). С. 347–348.

23. A New European Agenda for Culture. URL: https://ec.europa.eu/culture/sites/culture/files/commission_communication_-_a_new_european_agenda_for_culture_2018.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

24. Löfström N. A model explaining European cultural differences. URL: https://futurelabeurope.eu/2013/06/06/a-model-explaining-european-cultural-differences/ (дата обращения: 08.09.2019).

25. Hofstede G. Cultural differences in teaching and learning // International Journal of Intercultural Relations. 1986. № 10 (3). P. 301–320.

26. Eua's response to the renewed eu agenda for higher education. URL: https://eua.eu/downloads/publications/euas%20response%20to%20the%20renewed%20eu%20agenda%20for%20higher%20education.pdf (дата обращения: 08.09.2019).

27. Corporate Social Responsibility. URL: https://ec.europa.eu/growth/industry/corporate-social-responsibility_en (дата обращения: 08.09.2019).

TRAINING ENGINEERING MASTER'S DEGREE STUDENTS FOR INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATION THROUGH STUDYING EU COUNTRIES' CULTURE

Yu.N. Ziyatdinova, E.E. Valeeva

Kazan National Research Technological University

The paper examines higher education development in a global environment with an emphasis on internationalization at home universities which implies integration of the international dimension into the curriculum for all students within domestic learning environments. The international dimension is considered in terms of Russia – European Union relationships where collaboration is mutually beneficial in engineering and development of modern technologies. Therefore, it is important to train master's degree students from engineering programs to develop intercultural skills for professional communication with potential partners from EU companies. EU culture is characterized as the driving force for innovations and creativity; while studying the EU culture, Russian students develop their intercultural competencies. Based on documents and agenda of the European Union and the European Commission, the authors have developed teaching and learning materials about EU culture for Russian engineering students. The practical experience of teaching students shows that integration of these materials into curriculum contributes to developing intercultural competencies of engineering students. Further studies on EU culture and its integration into engineering curriculum are to follow.

Keywords: internationalization of education, engineering education, master's degree curriculum, intercultural communication, cultural policy, European Union.

УДК 378

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАКАТ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

© 2019 г.

Е.Л. Кабахидзе

Кабахидзе Екатерина Львовна, к.филос.н.; доцент кафедры лингвистики, переводоведения и межкультурной коммуникации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
kabakhidze@gmail.com

Статья поступила в редакцию 08.10.2019
Статья принята к публикации 07.11.2019

Анализируются процессы и инструменты интернационализации высшего образования с учетом макротрендов развития систем высшего образования в мире. Приводятся основные сложности и недостатки стратегии интернационализации образования, различные аспекты критики данного явления со стороны международной академической общественности. Отмечены ключевые достижения национальных образовательных систем за счет внедрения международных программ и философии интернационализации образования. Представлены вызовы, связанные с управлением международными проектами как инструментом интернационализации образования.

Ключевые слова: интернационализация образования, международные проекты, зарубежные филиалы, языковая экспансия, иностранные студенты, управление международными проектами, глобализация.

Интернационализация образования в эпоху глобализации стала основным инструментом реформирования национальных систем высшего образования, способом сближения философий образования, обмена новыми методами обучения и научного исследования, образовательными технологиями, создания уникальных программ и настройки образовательных систем. Интеграция происходила на все уровнях функционирования университета – от учебного процесса до управления образовательными организациями; были затронуты все заинтересованные группы (стейкхолдеры): родители, студенты, профессорско-преподавательский и административный состав университетов, работодатели и государственные органы управления системой образования.

Болонский процесс, который лег в основу формирования единого европейского пространства, программные документы Erasmus+ Европейского союза, научно-образовательные проекты, реализованные международными консорциумами университетов Erasmus+, не ставили своей целью гармонизацию образовательных программ или унификацию, навязывание определенных компонентов учебного плана университетам-участникам, – напротив, стремились к конвергенции, пониманию и сближению национальных сфер образования при сохранении богатства и опыта, накопленных национальными системами образования [1, p. 5].

Современный мир, который характеризуется нарастанием взаимозависимости через общие экономические отношения стран, миграционные потоки, информационно-телекоммуникационные технологии, международное сотрудничество в научной и производственной сферах, образование – все это формирует единое пространство, «которому необходимо постоянное международное сотрудничество и разработка единой стратегии управления. Тенденции этой всеобщей взаимосвязи объединены в нашем сознании в процессе глобализации» [2, с. 196].

В литературе представлено большое количество определений понятия «интернационализация», среди которых одним из наиболее емких является определение Дж. Кнайта: «Интернационализация – процесс внедрения международной составляющей в исследовательскую, образовательную и административную функции высшего образования» [3, p. 33].

Для решения задач по интернационализации образования университетами реализуется комплекс мер:

1) учебные планы университетов изменены с учетом международных образовательных стандартов;

2) осуществляется международная мобильность студентов и научно-педагогических работников;

3) формируются единые стандарты качества образования;

4) происходит межинститутское сотрудничество в рамках программ двойных дипломов и проведения совместных научных исследований;

5) формируются совместные научно-исследовательские единицы в университетах в виде лабораторий и центров;

6) повсеместно открываются филиалы университетов на территориях иностранных государств.

Если на уровне университета интернационализация образования имеет утилитарные цели (диверсификация и увеличение прибыли из иностранных источников за счет привлечения студентов на платные образовательные программы или зарубежных грантов на реализацию проектов; обеспечение сопоставимости дипломов и степеней; повышение узнаваемости бренда университета в международной среде; повышение качества образования), то на трансграничном уровне «процесс интернационализации проявляется в разработке общих стратегий и принципов в развитии высшего образования в единой или близкой ориентации в образовательной политике, направленной на обеспечение соответствия содержания и результатов образовательных программ экономике, политике, социокультурной сфере общества» [4].

Интернационализация как глобальная доктрина доминировала над реформами высшего образования в мире последние 30 лет. В России результатами этих реформ стали введение двухуровневой системы образования (бакалавриат, магистратура), изменение образовательных стандартов высшего образования с применением компетентностного подхода, кредитно-модульной системы образования, реализация программ академической мобильности, создание совместных образовательных программ, ведущих к получению совместных степеней образования, исполнение научно-исследовательских проектов международными коллективами ученых и многое другое.

Как и любое глобальное комплексное явление, которое динамично развивается на протяжении четверти века, интернационализация образования ставит сегодня перед академическим сообществом ряд нетривиальных вопросов, выступая проводником как положительных, так и отрицательных явлений в высшем образовании.

Пожалуй, основным и самым мощным достижением интернационализации образования стала трансграничность знаний и опыта, которые открыты сегодня любому желающему. Так, студенты, ученые, преподаватели получили доступ к университетам, научным центрам всего мира: подготовив необходимые документы, они могут принимать участие в программах мобильности, вести научные исследования и проектную деятельность в международных командах.

Интернационализация выступает катализатором понимания, формируемым на межкультурном и процессуальном уровнях (модели и системы совместных работ, проектов), что, в свою очередь, является основой доверия, которое формирует базис для совместной работы исследователей, профессорского состава, студентов в международной среде. Можно смело утверждать, что сегодня представители международного академического сообщества стали лучше понимать друг друга, сформировался единый понятийный аппарат, инструментарий для совместной работы. Кроме того, понимание стало возможным за счет взаимопроникновения культур и языков; исследователи получили доступ к научным публикациям, издаваемым в различных странах мира, студенты – возможность совершенствовать языковые навыки, познакомиться не только с теорией, но, главное, с практикой межкультурной коммуникации.

Так, количество студентов, участвующих в программах мобильности, продолжает расти и по некоторым данным составляет до 5 млн чел. в год.

Ниже приведем данные по количеству иностранных студентов, обучающихся в университетах различных стран мира.

Согласно статистическим данным (рис. 1) Организации экономического сотрудничества и развития, в 2019 году наибольшее количество иностранных студентов в соотношении к местным студентам – около 50% – обучается в университетах Люксембурга; на втором месте по популярности среди иностранных студентов – Новая Зеландия; далее в порядке убывания следуют Великобритания, Швейцария, Австралия. В абсолютных числах иностранных студентов, обучающихся в этих странах, – 46 995 (Люксембург), 19 839 (Новая Зеландия), 18 096 (Великобритания), 17 588 (Швейцария), 17 487 (Австралия) соответственно. Россия из представленного рейтинга в 43 страны занимает 29-е место – 4042 иностранных студента, уступая Литве, Латвии, Эстонии, ЮАР, но опережая КНР, Испанию, Японию. Замыкает рейтинг Индия, как самая непопулярная страна среди иностранных студентов [5].

С точки зрения прогнозирования тенденций интернационализации образования, необходимо отметить исследование О.Н. Олейниковой и Ю.Н. Рединой, в котором описываются основные траектории развития системы образования исходя из статистических параметров роста глобального населения, миграционных потоков, качественного демографического изменения населения в различных регионах мира, макроэкономических трендов. Исследователи выделяют пять макротрендов, которые будут управлять процессами интернационализации.

1. Качественные демографические изменения и диверсифицированный спрос на программы образования – увеличение среднего возраста населения в развитых странах и снижение

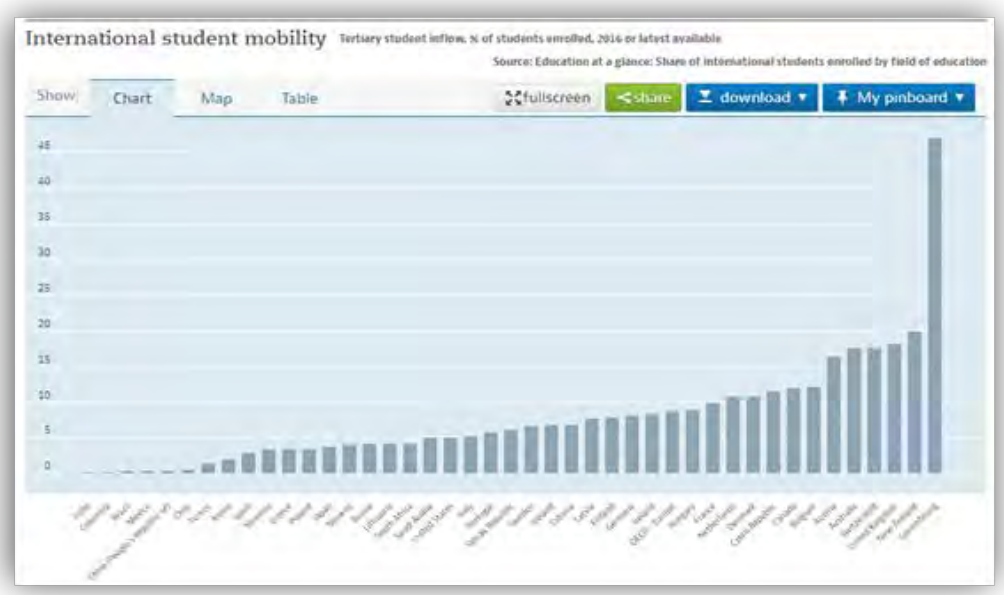


Рис. 1. Иностранные студенты, зачисленные на программы высшего обучения по странам (OECD)

возраста потребителей образовательных услуг в развивающихся странах, что приведет к необходимости создавать образовательные программы, удовлетворяющие запросам обучающихся разного возраста, уровня предшествующего образования. Иными словами, концепция обучения в течение всей жизни особенно актуализируется к 2030 году.

2. Рост среднего класса приведет к тому, что в Индии, КНР и Африке к 2030 году будет сосредоточено наиболее платежеспособное население, готовое нести расходы на образование.

3. В результате усиления процесса урбанизации к 2030 году в городах будет проживать более 60% населения Земли. Таким образом, аграрные районы могут остаться на периферии карты интернационализации образования.

4. Перераспределение мирового ВВП в сторону развивающихся стран (Бангладеш, Иран, Египет, Мексика, Пакистан, Бразилия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия) позволит выделять большее государственное финансирование на образование и программы академической мобильности, а процессы экономической интеграции на почве общих геополитических задач сформируют такие новые мощные центры, как МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия и Турция), МИКТ, которые могут стать частью глобального экономического союза НЕКСТ-11 [6].

5. Программы устойчивого развития ООН наметили еще одну глобальную тенденцию в высшем образовании – утверждение глобального общества знаний и экономики знаний. Расширение доступа к образованию и качество образования станут ключевыми задачами стран, стремящихся к опережающему развитию. К 2030 году 91% мирового населения будет иметь базовое образование и 50% – высшее [7].

В ЕС основным локомотивом программ студенческой мобильности является Erasmus+. При этом Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, следуя примеру Еврокомиссии, разрабатывает концепции и модели создания единого образовательного пространства в странах – участницах АСЕАН, делая акцент на улучшении качества образования, повышении региональной мобильности и сотрудничества между образовательными и научными организациями.

При всех достижениях и успехах складывается ощущение, что, набрав обороты за последние 30 лет, концепция интернационализации образования теряет свою привлекательность для мирового сообщества. Во-первых, это связано с миграционным кризисом. Несмотря на то что существует мнение, что интернационализация образования способствует трудовой миграции молодежи, объективности ради надо сказать, что она не является застрельщиком миграционных процессов. То, что некоторые страны, наиболее подверженные незаконной иммиграции, ужесточают паспортно-визовый режим, отрицательно сказывается на академической мобильности студентов. В таких государствах формируется негативный социальный климат, особенно в странах, которые являются лидерами международного образования, например в США и Великобритании. Если в Великобритании общую атмосферу недружелюбия к иностранцам и социальной напряженности связывают с Брексит, то США, по мнению некоторых

исследователей, стали нетерпимыми к другим нациям и этносам в связи с политикой и риторикой президента Д. Трампа.

Если общая социальная напряженность в различных странах мира, спровоцированная миграционным кризисом, является предпосылкой кризисных явлений интернационализации образования, то критика стратегии интернационализации в академических сообществах стала, видимо, последствием перегибов некоторых аспектов глобальной образовательной повестки, вступившей в конфликт с национальными интересами основных участников образовательных систем. Рассмотрим предметнее критику в адрес интернационализации образования.

Английский язык вытесняет национальные языки

В связи с тем что сегодня в некоторых университетах преобладает количество программ на английском языке (иногда их количество в разы превышает количество программ бакалавриата или магистратуры на национальных языках), в академическом сообществе все чаще звучат вопросы, насколько это правильно, нужно ли уменьшить количество программ на английском языке, вернуться к преподаванию на родных языках, установить границы экспансии английского языка через интернационализацию образования.

С предложением установить границы интернационализации высшего образования выступила 8 января 2018 года на праздновании 386-летия Университета Амстердама ректор, почетный профессор Карен Маекс. При этом Нидерланды считаются флагманом международного образования, страной, которая находится в лидерах по приему иностранных студентов (порядка 90 000 человек в 2018 году) [8]. По мнению ректора, учебное заведение стало заложником интернационализации из-за большого потока студентов из стран ЕС (25% студентов-первокурсников, которые поступают на англоязычные программы). Поясняя данный тезис, Карен Маекс неоднократно обращалась к понятию баланса, который необходимо соблюдать в количестве нидерландских и иностранных студентов, пропорции программ на английском и голландском языках.

Интернационализация образования стала рассматриваться как угроза для национальных языков, так как провоцирует неравенство в реализации программ на национальных и английском языках, с преобладанием последнего: «Несмотря на все преимущества, получаемые вследствие увеличения языковой грамотности, объема национальных программ на иностранном языке или совместных форм, это создает и дополнительные вызовы национальным системам образования в контексте их влияния на социальную сферу, экономику, миграцию и развитие национального языка» [7].

В этой связи возникает логичный вопрос: может ли так случиться, что вскоре все образовательные программы будут преподаваться на английском языке? Университеты рассматривают интернационализацию как способ коммерциализации образования. Смогут ли они отказаться от разработки новых программ или перевода существующих на английский язык? Иностранные студенты, выбирая образовательную программу, прежде всего ориентируются на язык преподавания – английский. Ректор отметила, что университет должен изменить подход: «В первую очередь программы на голландском языке с элементами английского языка... Во-вторых, англоязычные программы должны включать навыки овладения голландским языком» [8]. Говоря о диспропорции иностранных и голландских студентов, Карен Маекс привела пример некоторых программ, на которых полностью или с очень значительным перевесом обучаются немецкие студенты. Таким образом, некоторые программы Университета Амстердама стали монокультурными, т.е. группы сформированы исключительно из немецких студентов, что само по себе противоречит основному постулату интернационализации – поликультурное и многоязычное сообщество обучающихся.

Качество программ оставляет желать лучшего

Споры относительно английского языка ведутся и в других странах мира. Так, например, в Германии и Дании не первый год обсуждается вопрос качества программ, преподаваемых на английском языке. В Миланском политехническом институте (МПИ) диспуты относительно правомерности перевода всех программ обучения на английский язык привели к тому, что 28 февраля 2018 года было вынесено постановление судом высшей инстанции Италии административной юстиции – Государственный совет – о неправомерности действий администрации университета в связи с нарушением конституционных прав граждан Италии, ущемлении итальянского языка.

Таким образом, коллективное обращение профессорско-преподавательского состава МПИ в количестве 98 человек в Государственный совет Италии было удовлетворено. Из судебного постановления следует, что принципы и задачи интернационализации не должны угрожать

примату итальянского языка, попирать академические права и свободы студентов и преподавателей. Итальянский язык содержит в себе код нации, культурной идентичности, поэтому обучение на итальянском языке важно с точки зрения сохранения и передачи культурного наследия, глубинных национальных ценностей, или культурного кода нации молодому поколению. При переводе всех образовательных программ на английский язык итальянский язык будет полностью вытеснен из определенных областей знаний, а студенты, которые не владеют английским языком на высоком уровне, лишатся свободы выбора при поступлении, подготовки в выбранной профессиональной области или станут отстающими по причине недостаточного знания английского языка.

Некоторые испанские университеты, например, Университет Бургос (автономное сообщество Кастилия и Леон), решают проблему обучения на английском/испанском языках для иностранных студентов, предлагая English friendly programs [9], где образовательный процесс проходит на испанском языке с применением преподавателем раздаточного материала на английском языке, использованием англоязычных учебников и научной литературы. Иностранные студенты вправе сдавать экзамены на английском языке. Данный билингвальный подход в обучении позволяет сохранять первенство испанского языка, развивать передовые научно-технические области на испанском языке (необходимо заметить, что билингвальные программы реализуются чаще всего именно на естественнонаучных направлениях: химия, инжиниринг, биология, медицина и др.), при этом изучать терминологический аппарат, научные труды и учебные материалы на английском языке. Такие программы представляют собой опыт интернационализации образования через билингвальное обучение, при котором не теряется качество образовательных программ.

Билингвальные программы были открыты в Миланском политехническом университете: 15 программ магистратуры из 45, только 3 программы магистратуры преподаются на итальянском языке, оставшиеся 27 – на английском языке. В связи с открытием программ аспирантуры на английском языке число поступивших резко увеличилось с 3200 студентов до 8400 (период с 2015 года по настоящее время). Из 17000 студентов магистратуры 6000 – иностранные студенты. Парадоксально, но этот комплекс мер позволил Миланскому политехническому университету занять первые места в национальных и международных рейтингах.

Ученые выражают озабоченность тем, что требования администраций университетов публиковаться в международных академических изданиях лишает их возможности вести активный научный дискурс на национальных языках. Английский язык остается ведущим языком общения в международном академическом и научном сообществах, но гегемония английского языка, возможно, достигла своего предела.

Открытие филиалов университетов: мода или рациональность?

Еще одним популярным инструментом интернационализации образования, который используют сегодня крупные национальные университеты, является открытие филиалов в иностранных государствах: «Филиал – юридическое лицо, которым, по меньшей мере, на какую-то часть владеет иностранное юридическое лицо, управляется от имени иностранной юридической организации, предоставляет услуги по основным образовательным программам очной формы обучения, которые завершаются присвоением академической степени иностранным юридическим лицом» [10, p. 45].

Первый иностранный филиал был открыт после Второй мировой войны в Италии Джоном Хопкинсом с целью обучения студентов из разных стран мира дипломатии и международным отношениям. Несмотря на то что учредителем университета было юридическое лицо США, своей целью университет провозглашал подготовку кадров для государственного сектора стран ЕС [11, p. 3]. Наибольшее количество зарубежных филиалов насчитывается в КНР, на втором месте – ОАЭ. Бурные темпы роста зарубежных филиалов в данных странах связаны с правительственной поддержкой вхождения лучших мировых образовательных организаций на китайский и арабский национальные образовательные рынки. Так, правительство ОАЭ предложило Нью-Йоркскому университету 50 млн долларов для покрытия расходов на строительство кампуса; кроме того, оно субсидирует обучение местных студентов. По данным ряда исследований, пятерку лидеров по количеству зарубежных филиалов замыкают Малайзия, Сингапур, Катар.

Как отмечалось выше, открытие университетских кампусов является одним из инструментов интернационализации образования, привлечения на свои программы иностранных студентов, получения денежных средств из иностранных источников (как правило, складывающихся из стоимости обучения), однако немногим университетам удается сохранить открытые филиалы. Причиной этого является более низкое качество образования в филиале по отношению к головному университету или даже

общему образовательному уровню в стране расположения филиала: «Вопросы качества обучения в филиалах остаются в центре внимания академической общественности. Британский совет выступил с призывом ввести общие стандарты, мониторинг и ранжирование образовательных организаций, осуществляющих обучение в филиалах за рубежом» [5]. Вторая причина – негибкость правовой системы принимающей страны в части образовательного права, как результат – конфликт образовательных стандартов, систем аккредитации и лицензирования образовательных программ. В итоге филиалы получают ограниченные права и автономию, что является главным препятствием при рассмотрении вопроса об открытии филиала за рубежом.

Угроза академической свободе, бесплатному образованию

Итак, филиалы, став одним из популярных механизмов интернационализации образования, сталкиваются с двумя основными проблемами: качество предоставляемых образовательных услуг и соответствие всем нормам и требованиям действующей законодательной системы, особенно в части академических свобод. Интересно отметить, что в Австралии были подвержены критике Институты Конфуция (культурно-языковые центры, финансируемые правительством КНР; открыты более чем в 100 университетах разных стран мира) как пример ущемления академических свобод. Аналогичные случаи наблюдаются в США, где студенты и преподаватели в апреле 2019 года направили жалобу в Сенат США о том, что сотрудники Института Конфуция вмешиваются в открытое обсуждение политических процессов в КНР, оказывая давление на академическое сообщество и вводя цензуру на неугодные материалы для чтения или вынесения на всеобщее обсуждение неудобных тем, связанных с политической жизнью страны.

Этика поведения иностранных студентов в принимающей стране также становится предметом для дискуссий международного академического сообщества. Так, правительство Дании уличило ряд иностранных студентов из семей иммигрантов в том, что они указывали ложные адреса проживания, чтобы получить стипендию. Другие университеты из разных точек мира указывают на то, что иностранные студенты недобросовестны на экзаменах (имеются множественные примеры плагиата), что не может не сказываться отрицательно на имидже иностранных студентов в стране пребывания.

В качестве меры отсеивания ненадежных иностранных студентов некоторые страны, образование в которых традиционно было бесплатным для иностранцев, вводят плату за обучение или альтернативные финансовые ограничения для поступления любого желающего иностранца. Например, Норвегия увеличила стоимость визы для иностранных студентов, – действие, которое эксперты расценивают как первый шаг на пути к введению платы за обучение. Две федеральные земли Германии уже ввели плату за обучение для иностранных студентов.

Все чаще в различных странах мира обсуждается вопрос повышения стоимости обучения для иностранных студентов как дополнительная финансовая мера по субсидированию, поддержке местных студентов. Например, такое финансовое распределение средств давно применяется в Австралии, где часть средств, полученных от иностранных студентов, перераспределяется на обучение австралийских граждан.

Большая политика и интернационализация

В ближайшее десятилетие процессы интернационализации будут определяться политическими программами партий и лидеров государств. Проект транснациональных корпораций, в котором глобализация была заявлена как промежуточный этап на пути к трансгуманизму, по всей вероятности, встретит сопротивление в лице правоцентристских политических партий и лидеров, которые активно завоевывают поддержку электората в странах ЕС (Германия, Австрия, Венгрия, Польша, Чехия) и выходят на политическую арену, предлагая новую образовательную повестку. В Венгрии развернулся конфликт между правительством страны и Центральным европейским университетом, который известен своими ультралиберальными взглядами, что не соответствует политической линии государства. В свою очередь, правая националистская партия Германии предлагает ввести ряд серьезных ограничений на получение высшего образования в целом.

Даже в тех странах, где правые партии не имеют большого веса (например, во Франции, Италии, Нидерландах), а социально-экономическая программа данных партий рассматривалась как маргинальное явление, сегодня их программные лозунги получили место в общественном дискурсе и оказывают воздействие на формирование общественных взглядов.

Правительство Великобритании все еще борется с влиянием Брексита на систему образования, отстаивает стратегию глубинной интеграции британских университетов с европейскими, пытаясь дать ответ на вопрос, как выход из ЕС скажется на количестве иностранных студентов и экономике знаний в целом.

Интернационализация образования по-восточному

Если в странах ЕС наблюдается снижение темпа интернационализации образования, то в странах АТР все наоборот. Индия и Китай являются наиболее динамично развивающимися государствами, где открываются кампусы иностранных университетов, растет мобильность как студентов, так и преподавателей, ведется большое количество научных исследований международными группами ученых. Тем не менее в данных странах наблюдаются серьезные ограничения, мешающие интернационализации. Например, в КНР все более ограничивают доступ к Интернету, увеличивается доля идеологических дисциплин в университетах. Несмотря на постоянно растущее число студентов, стремящихся в Китай по программам академической мобильности, часто эта страна не становится первой в списке студентов. Студенты из ЕС не рассматривают Китай как страну получения высшего образования – и если и выбирают ее, то только для кратковременного обучения языку и культуре.

Индия впервые объявила интернационализацию ключевым условием развития образования в стране. Однако основная проблема Индии, стоящая на пути международного образования, – неразвитость инфраструктуры учебных заведений, отсутствие достаточных финансовых, научных ресурсов для поддержания высокого качества обучения. Сегодня Индия принимает 45000 студентов, преимущественно из стран Южной Азии и Африки.

ЮАР и Бразилия, стремясь к интернационализации образования, не могут ее обеспечить из-за серьезных экономических и политических проблем, отсутствия стабильности в правительствах стран.

Международные проекты как устойчивый механизм интернационализации

Международные проекты в научно-образовательной области, с нашей точки зрения, являются самым устойчивым механизмом интернационализации образования, т.к они в наименьшей степени подвержены влиянию национального законодательства или регулируются решениями местных органов управления образованием, расширяют, а не ограничивают академические свободы преподавателей и студентов, открывая доступ к новым научным знаниям, являются ключевой составляющей концепции «интернационализация дома», т.к. основные результаты проекта внедряются в научно-образовательные структуры домашнего университета.

Международные проекты в сфере высшего образования – это целенаправленная научно-образовательная деятельность, включающая в себя уникальный замысел (проблему), средства его реализации (инфраструктурные, организационно-правовые, человеческие, финансовые и другие) и специфические оригинальные результаты деятельности, которая разворачивается в международной и мультикультурной среде в целях удовлетворения текущих и прогнозируемых (будущих) потребностей основных стейкхолдеров на национальном и международном уровнях (образовательная организация, включая студентов, научно-преподавательский состав, родители; государственные институты, регулирующие сферу науки и образования; рынок труда; международное и национальное сообщество).

Международные проекты представляют собой один их самых сложных и затратных видов проектной деятельности, который должен включать в себя максимально точные расчеты страновых рисков, а при инициировании проекта проектная команда должна провести качественное исследование реальных потребностей стейкхолдеров, чтобы корректно сформулировать уникальный замысел проекта, определить необходимую ресурсную базу и достичь результатов, которые решат задачи, стоящие перед стейкхолдерами.

Несмотря на то что теория управления международными проектами успешно применяется в бизнес-среде, по мнению Брайд и Ляйтон, у высших образовательных организаций наблюдается незрелость в управлении международными проектами [12]. С целью определения основных сложностей в управлении международными проектами нами было проведено исследование с применением качественных методик – опрос. Участниками исследования стали университеты, расположенные в США, ЕС, странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Анкета состоит из 10 вопросов, которые предполагают выбор одного или несколько ответов, соответствующих опыту эксперта, принимающего участие в опросе. Анкеты предлагались для заполнения экспертам-преподавателям или экспертам-администраторам, которые реализовали не менее 5 международных проектов.

Ниже предлагаем результаты, полученные в результате проведенного исследования.

1. Укажите страну, в которой располагается высшая образовательная организация, в которой вы работаете.

В опросе приняли участие эксперты (сотрудники международных служб университетов, исследователи и преподаватели, которые ведут научные исследования) из Германии, Хорватии, Бельгии, Испании.

Рис. 2. Результаты количественного исследования: сколько международных проектов было реализовано?

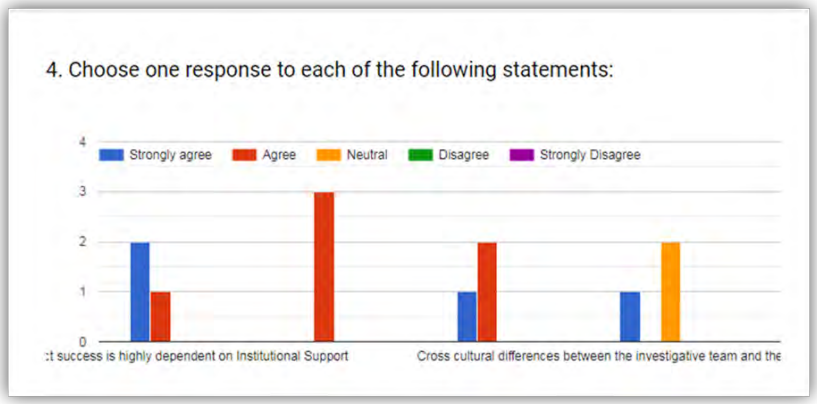


Рис. 3. Результаты количественного исследования: от чего зависит успех международного проекта?

Таблица 1

Успех международного проекта напрямую зависит от институциональной поддержки	75% 25%	Абсолютно согласны Согласны
Успех международного проекта напрямую зависит от национального законодательства и правовых норм	100%	Согласны
Успех международного проекта напрямую зависит от поддержки местных органов власти	75% 25%	Нейтральны Согласны
Профессионализм исследователей играет ключевую роль в успешности проекта	75% 25%	Согласны Абсолютно согласны
Межкультурные особенности международной проектной команды и принимающей страны сказываются на успехе проекта	75% 25%	Нейтральны Абсолютно согласны

2. Укажите, какое количество международных проектов вы реализовали (рис. 2).

Большая часть опрошенных реализовала в среднем не менее 10 международных проектов.

3. Укажите ведущие три страны, с которыми реализовано наибольшее количество проектов.

Наибольшее количество проектов реализовано со странами ЕС (Бельгия, Испания, Франция, Финляндия), Центральной Азии (Казахстан), Африки (Кения), а также с Россией и Австралией. По частотности упоминаний преобладает Казахстан.

4. Выберите один из ответов по шкале, где на двух крайних полюсах находятся ответы «полностью согласен», «полностью не согласен», на следующие вопросы (рис. 3).

Для удобства представляем ответы в табличной форме (табл. 1).

5. Если вы наблюдали случаи неудачной реализации международных проектов, как бы вы это объяснили? (рис. 4, табл. 2).

6. Ранжируйте следующие этапы реализации международного проекта от самого сложного к самому легкому (рис. 5, табл. 3).

7. Оказывает ли ваш университет поддержку для реализации проекта? (рис. 6).

Респонденты практически в 70% случаев отметили, что домашние университеты не оказывают поддержки международным проектам.

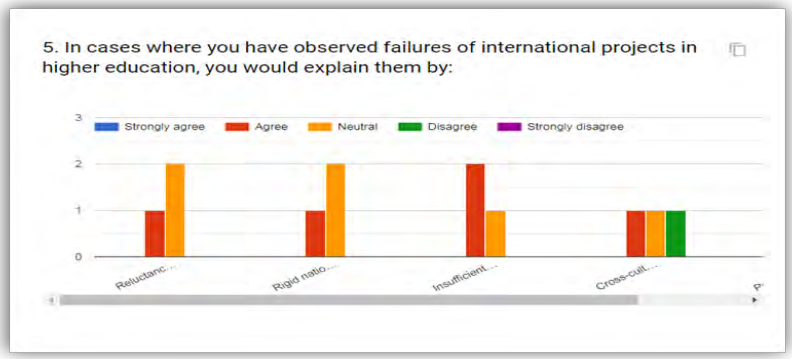


Рис. 4. Результаты количественного исследования:
как бы вы объяснили провалы в реализации международных программ?

Таблица 2

Нежелание и недостаточная поддержка проекта со стороны администрации университета	75% 25%	Нейтральны Согласны
Негибкое национальное законодательство и недостаточная поддержка со стороны органов государственной власти	75% 25%	Нейтральны Согласны
Недостаточный уровень профессионализма исследователей международной команды	75% 25%	Согласны Нейтральны
Межкультурные различия	30% 30% 30%	Не согласны Согласны Нейтральны
Разные личные и корпоративные культуры	75% 25%	Нейтральны Абсолютно не согласны

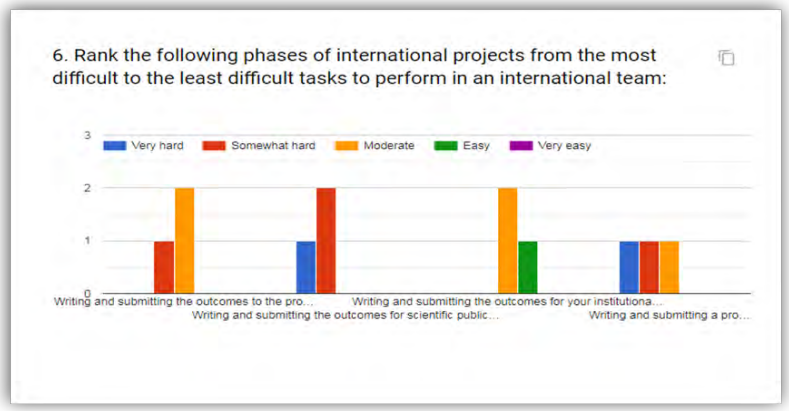


Рис. 5. Результаты количественного исследования: рейтинг фаз проекта

Таблица 3

Написание и подача заявки международной группой исследователей	30% 30% 30%	Нейтрально Сложно Очень сложно
Реализация проекта в принимающей стране	75% 25%	Нейтрально Сложно
Подготовка отчетных документов для органи-зации-донора	75% 25%	Нейтрально Сложно
Описание результатов проекта для последую-щих публикаций	75% 25%	Сложно Очень сложно
Подготовка отчетных документов для оценки результатов университетом	75% 25%	Нейтрально Легко

8. Размышляя о межкультурных различиях работы в международной команде, что вы находите самым сложным (выберите все пункты, с которыми вы согласны) (рис. 7).

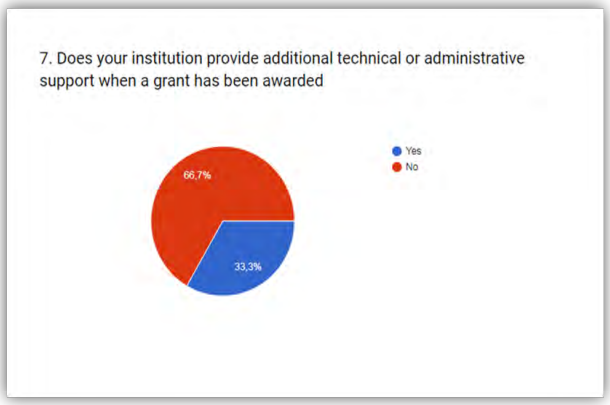


Рис. 6. Результаты количественного исследования: предоставляет ли ваш университет техническую или административную поддержку?

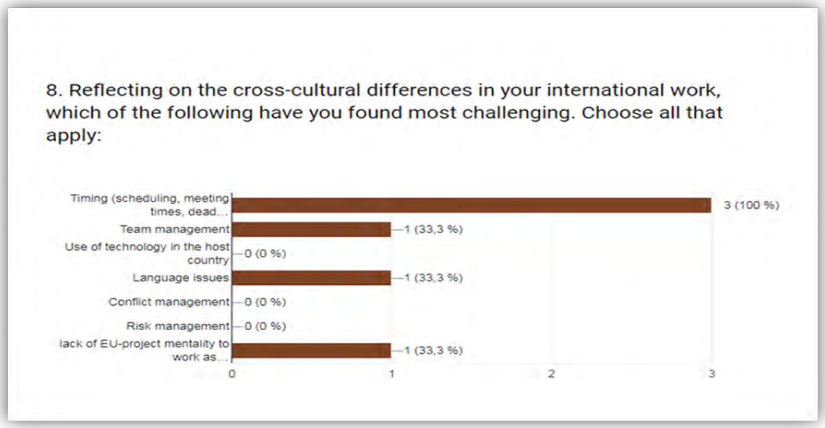


Рис. 7. Результаты количественного исследования: межкультурные различия сложнее всего преодолеть?

Таблица 4

Управление временем (графики, время встреч, сроки исполнения)	100%
Управление командой	30%
Использование техники в принимающей стране	–
Языковые аспекты	30%
Управление конфликтами	–
Управление рисками	–
Другое	Недостаток европейского подхода (ментальности) в реализации проектов

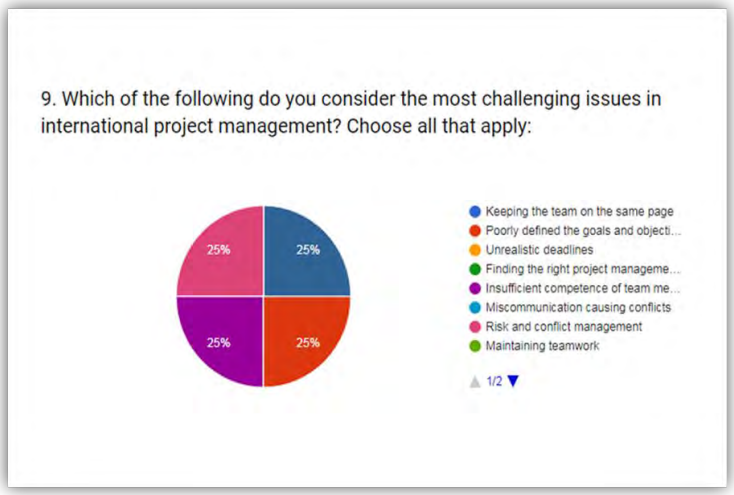


Рис. 8. Результаты количественного исследования:
что представляется самым сложным в международных проектах?

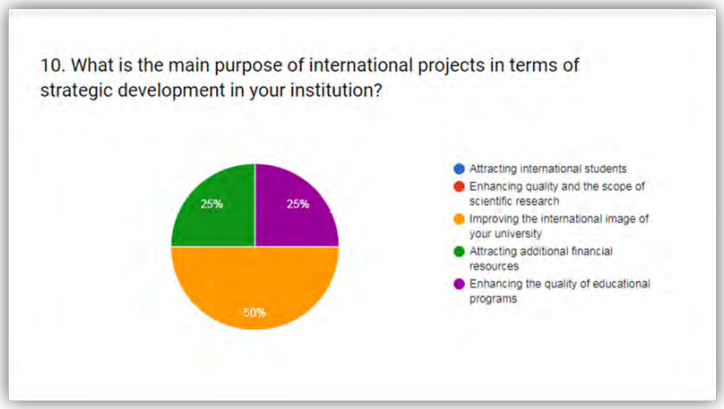


Рис. 9. Результаты количественного исследования: основная цель международных проектов, их роль в стратегии развития института

9. Что вы считаете самым сложным в реализации международных проектов? (рис. 8).

Для оценки был предложен следующий перечень из аспектов международных проектов:

– поддержание единства понимания в команде;

– плохо обозначенные цели и задачи;

– нереалистичные сроки;

– подбор необходимого технического оборудования для реализации проекта;

– недостаточный профессионализм отдельных членов команды;

– конфликты в результате непонимания в коммуникации;

– управление рисками и конфликтами;

– сложности работы в команде;

– недостаточная отчетность.

Респондентами были выбраны проблемы конфликтов на почве непонимания в процессе коммуникации, недостаточный профессионализм отдельных членов команды, плохо обозначенные цели и задачи, а также управление рисками и конфликтами.

10. Назовите основную цель международных проектов применительно к стратегии развития университета (рис. 9).

Для оценки были предложены следующие типовые параметры стратегии развития университета:

– привлечение иностранных студентов;

– увеличение качества и количества научных исследований;

– улучшение имиджа университета в международной среде;

– привлечение дополнительных финансовых ресурсов;

– повышение качества образовательных программ.

Улучшение международного имиджа университета – ключевая причина участия в международных проектах, что следует из стратегии развития университетов; на втором месте – привлечение дополнительных финансовых ресурсов, улучшение качества образовательных программ.

Поводя итоги проведенного исследования, отметим ключевые, на наш взгляд, характеристики международных образовательных проектов.

Во-первых, абсолютное большинство респондентов считает, что успех международного проекта зависит от состояния национального законодательства и регуляторов в области задач, которые решает тот или иной международный проект, от институциональной поддержки (университета), а также от профессионализма международной проектной команды, национальной культуры принимающего университета и межкультурной коммуникации в целом.

Во-вторых, неудачи международных проектов чаще всего объясняются отсутствием должного профессионализма среди членов проектной команды.

В-третьих, анализируя этапы подготовки проектов, респонденты отметили, что самым сложным является процесс подготовки заявки в международной команде, а также последующих научных публикаций, в которых описываются результаты проекта.

В-четвертых, при ответе на вопрос о том, что вызывает наибольшую сложность в реализации проекта в мультикультурной команде, фактор управления временем стал решающим (совмещение графиков, встреч, соответствие срокам исполнения и проч.). Не вызывает никаких сложностей управление конфликтами и рисками. В качестве дополнительной сложности респонденты указали «недостаток европейского подхода (ментальности) в реализации проектов».

При ответе на похожий вопрос о сложностях в реализации международных проектов без привязок к межкультурным различиям респонденты отметили, что конфликты на почве непонимания в процессе коммуникации, недостаточный профессионализм отдельных членов команды, плохо обозначенные цели и задачи, а также управление рисками и конфликтами представляют собой определенный вызов, стоящий перед лидером проекта.

Наконец, основной целью реализации международных проектов исполнители видят улучшение имиджа университета в международной среде.

Философия интернационализации образования в значительной мере повлияла на национальные реформы образования разных стран мира. Однако что мы наблюдаем сегодня: закат интернационализации образования или, наоборот, возрождение?

Скорее, концепция интернационализации образования, если можно так выразиться, стоит на распутье: «интернационализация не просто становится процессом, который сопровождает развитие системы высшего образования, а получает нормативное оформление на национальном и университетском уровнях в качестве основополагающей концепции развития страны» [7]. Таким образом, сегодня стоит задача обновления инструментария интернационализации образования в соответствии с макротрендами развития системы высшего образования в мире и создания новой философии интернационализации образования.

Основная критика, которая сегодня раздается в адрес интернационализации образования, заключается в росте программ на английском языке, процессе рекрутинга иностранных студентов и развития филиалов за рубежом. С одной стороны, такое отношение формируется из дискурса правоцентристских партий, часто основанного на антимиграционной политике, и принимать или нет во внимание данные аргументы – свободный выбор каждого. Однако с чем невозможно не согласиться – с аргументами, направленными против интернационализации, которые имеют удельный академический вес – падающее качество образовательных программ (отчасти из-за стремления вводить обучение на английском языке), ограничение прав и академических свобод студентов и преподавателей, нарушение этики при обучении иностранных студентов.

Список литературы

1. Reference Points for the Design and Delivery of Degree Programmes in Interpreting and Translation. University of Deusto, 2013. 49 p.

2. Проблемы языка в глобальном мире: Монография / Под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016. 280 с.

3. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education. 2003.

4. Олейникова О.Н. Болонский процесс как инструмент интернационализации высшего образования // Педагогика и психология образования. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-kak-instrument (дата обращения: 03.09.2019).

5. Организация экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://data.oecd.org/students/international-student-mobility.htm (дата обращения: 28.08.2019).

6. Краснова Г.А., Пыхтина Н.А. Состояние и перспективы развития зарубежных филиалов // Аккредитация образования. 2017. № 99 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://akvobr.ru/sostoyanie_i_perspektivy_razvitiya_zarubezhnyh_filialov.html (дата обращения: 03.09.2019).

7. Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. Макротренды развития системы высшего образования в мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 33. С. 14–20.

8. University World News [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180220091648602 (дата обращения: 27.08.2019).

9. Университет Бургос [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ubu.es/english-version/international-students/academic-offer-courses-available-english-english-friendly-courses/courses-available-english-language-and-english-friendly (дата обращения: 28.08.2019).

10. Garrett K., Kinser J., Lane E., Merola R. International Branch Campuses. Trends and Developments. The OBHE. SUNY, Albany & Pennsylvania State University. 2016.

11. Jason E. Lane, Kinser K. A Snapshot of a Global Phenomenon: the Results of the First Global Survey of IBCs. State University of New York, Albany, 2011.

12. Bryde D., Leighton D. Improving HEI Productivity and Performance through ProjectManagement // Educational Management Administration & Leadership. 2009. 37(5). P. 705–721.

13. Beyond the BRICs: The Look at the Next 11. P. 161–164. https://www.goldmansachs.com/insights/archive/archive-pdfs/brics-book/brics-chap-13.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION: DECLINE OR REVIVAL?

E.L. Kabakhidze

Moscow State University

The article provides in-depth analysis of internationalization of higher education from the procedural and instrumental perspectives in reference to the macrotrends in higher education around the globe. An overview is given of the main challenges and drawbacks of internationalization of education, various aspects of criticism on behalf of the international academic community are discussed. Along with that, the key breakthroughs of national education systems due to implemented international programs and the philosophy of internationalization of education are noted. The results of the research on the role, tasks and challenges of international projects management in higher education are presented.

Keywords: internationalization of education, international projects, university foreign branches, language expansion, international students, international projects management, globalization.

УДК 378

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

© 2019 г.

К.Ю. Королев, Н.Г. Ольховик

Королев Константин Юрьевич, к.э.н.; доц.; начальник отдела сопровождения международных проектов
Пензенского государственного университета
stabil2005@mail.ru
Ольховик Наталия Геннадьевна, к.пед.н.; менеджер международных образовательных проектов,
заведующая кафедрой иностранных языков
Северо-западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова
olkhovik.nataliya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 11.10.2019
Статья принята к публикации 31.10.2019

Интернационализация, объединяющая все уровни образования и пути экспорта/импорта образования, в медицинских вузах на начало 2019–2020 учебного года не достигла масштабного и повсеместного характера, причиной чего является ряд структурных и методологических противоречий между требованиями государства к образовательной деятельности вуза и ожиданиями всех сторон, заинтересованных в успешных результатах обучения. В настоящем исследовании определяются специфика данных противоречий, способы их решения и рассматривается положительный и негативный опыт вузов РФ, полученный в ходе реализации образовательных программ на английском языке для иностранных учащихся. Создание единой интегрированной образовательной среды представляется как один из путей решения противоречий, который подразумевает адаптацию программы обучения на структурном уровне к специфике мирового рынка труда и системе зарубежного образования, внесение необходимых методологических корректив в содержание, целеполагание и стиль преподавания дисциплин образовательных программ. Отмечается, что особое внимание в процессе интернационализации медицинского вуза необходимо уделить иноязычной подготовке и развитию кросскультурного сознания отечественных и иностранных студентов.

Ключевые слова: интернационализация медицинского образования, импорт/экспорт образования, интегрированная образовательная среда, паспорт специальности, требования ФГОС, компетенции, развивающий и формирующий потенциал процесса иноязычной подготовки, результаты обучения.

Введение

Государственные документы, регламентирующие миссию, цели, задачи российских вузов, ориентируют образовательный процесс на «создание благоприятных условий для интеграции системы образования Российской Федерации с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе» [1]. Основным способом реализации данной установки ведущие реформаторы системы образования определяют интернационализацию вуза путем импорта-экспорта образовательных услуг [2].

«Импорт-экспорт», «равноправная и взаимовыгодная основа» сотрудничества образовательных систем являются двусторонним процессом и должны определять понятие интернационализации современного высшего образования как интеграцию выпускника вуза в глобальное профессиональное сообщество, что подразумевает не только односторонний процесс участия выпускников российского вуза в рабочем процессе за рубежом, но и привлечение иностранных специалистов на российский рынок труда, а также реализацию взаимных, двусторонних образовательных программ в полном объеме.

В данном аспекте медицинские вузы России и иных государств, в особенности стран – членов Евросоюза, США, Австралии, Латинской Америки и т.п., оказываются в положении изоляции от полноценного участия в процессе интернационализации образования в отличие от вузов, реализующих другие направления подготовки, включая лингвистические, экономические, психологические, технические и т.д. Причиной подобной «отчужденности» медицинской образовательной системы от процесса интернационализации является специфика функций трудовой деятельности специалиста в области медицины, которая определяется паспортом специальности или профессиональным стандартом. Например, в профессиональном стандарте «Врач-лечебник (врач-терапевт участковый)» в отличие от австралийского стандарта [3] не зафиксирована возможность выполнения ни од-

ной трудовой функции на иностранном языке [4], так же как и не прописаны условия переводческих услуг в практике врача. Соответственно, российский медицинский вуз ориентирует своего выпускника (отечественного или иностранного) только на внутренний рынок. Вместе с тем сегодня многие медицинские вузы уже реализуют образовательные программы по специальности «Лечебное дело 31.05.01» на иностранном (английском) языке (или только приступают к реализации), что соответствует одной из задач приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», в рамках реализации которого вузам предстоит развивать новые формы совместных образовательных программ и программ на английском языке с целью увеличения к 2025 году контингента иностранных студентов, обучающихся по очной форме, до 710 тыс. человек [2].

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что в контексте интернационализации медицинского образования РФ существуют следующие противоречия между:

1) установками государственных документов, регулирующих деятельность вузов, и самим процессом реализации основной профессиональной образовательной программы;

2) определением профессиональным стандартом языка трудовой деятельности выпускника медицинского вуза РФ и целями процесса интернационализации как такового (интеграция в мировое профессиональное сообщество, языком-посредником которого является английский);

3) привлечением иностранных учащихся к освоению программы по специальности «Лечебное дело 31.05.01» на английском языке и требованиями к языку трудовой деятельности вышеотмеченного профессионального стандарта.

Целью данного исследования является поиск и определение путей гармонизации существующих противоречий с учетом требований и ожиданий сторон, заинтересованных в результатах образовательного процесса современного медицинского вуза (государства, работодателей, студентов, преподавателей, администрации вуза, научно-академических ассоциаций, спонсоров и т.д.).

Методология

Решением первого противоречия могут выступить педагогические принципы проектирования Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). На современном этапе целями ОПОП по всем направлениям подготовки и специальностям являются общекультурные либо универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. ФГОС 3+ по специальности «Лечебное дело» содержит общепрофессиональную компетенцию «решение профессиональных задач на родном и иностранном языках» (ОПК-2), которая оказывается единственной, позволяющей реализовывать ОПОП на английском языке, хотя, как говорилось выше, она не отражена в профессиональном стандарте.

Ряд разработчиков эффективных способов интернационализации высшего образования во главе с О.Н. Олейниковой предлагает усилить ФГОСы дополнительной компетенцией – «интернационализационной метакомпетенцией» [5], которая будет ориентирована на формирование кросс-культурного сознания выпускника вуза и будет способствовать проектированию процесса обучения на основе межкультурного взаимодействия и создания межкультурной среды, что имеет особую важность для интеграции медицинского образования РФ в международное академическое сообщество.

Вслед за введением «интернационализационной компетенции» исследователи предлагают структурные методы, которые будут также способствовать решению первого противоречия, отмеченного нами (принять участие российским вузам в международной аккредитации ОПОП), и методические (ориентировать результаты обучения на решение задач международного (кросс-культурного) профессионального сообщества) [5].

Несомненно, для медицинского вуза инструментарием формирования «интернализационной метакомпетенции» в первую очередь может выступить дисциплина «Иностранный язык», которая должна не только повышать уровень владения языком, но и развивать профессиональные коммуникативные навыки для полноценной профессиональной деятельности в межкультурной среде.

А.Н. Кузнецов отмечает развивающий и формирующий потенциал дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе, доказывая ее социальную значимость в становлении будущего специалиста и предлагая ввести во ФГОСы всех направлений подготовки «социальную компетенцию» [6], которая напрямую ассоциируется с рассмотренной нами «интернационализационной компетенцией».

Учет ФГОСом и разработчиками учебных планов социальной и интернационализационной функции дисциплины «Иностранный язык» для медицинских специальностей, увеличение академических часов, отводимых на ее реализацию, расширение ее содержательного наполнения, целей и задач, в том числе на уровне введе-

ния ассоциируемых иностранным языком дисциплин (например, «Межкультурная коммуникация» и т.п.) будет способствовать решению второго противоречия. Более того, сам процесс обучения стимулирует такие заинтересованные стороны, как государство и работодатели, расширить трудовые функции, устанавливаемые профессиональным стандартом, и предоставить возможность выпускнику полноценно участвовать в трудоустройстве на международном рынке.

Методом интенсификации интернационализации медицинского образования и решением второго и третьего противоречия выступает также предметно-языковой интегративный подход (Content Language and Integrated Learning – CLIL) [7]. Метод CLIL подразумевает ведение учебной дисциплины на иностранном (английском) языке с целью повышения предметного знания, уровня владения иностранным языком и профессиональной компетенции, которой соответствует данная дисциплина.

В ходе обучения российских студентов в формате CLIL могут быть презентованы дисциплины, учебные модули дисциплин, целью которых является формирование умений вести профессиональную коммуникацию, научную деятельность, выступать на международных конференциях и принимать участие в академической мобильности (в рамках прохождения практики в зарубежной больнице). Отметим, что для процесса интернационализации российского медицинского образования участие студентов в научной деятельности на международном уровне и в зарубежных практиках является достаточно распространенным, но вместе с тем и требует последовательной иноязычной подготовки с преемственностью дисциплин, преподаваемых на английском языке на протяжении всего обучения.

Процесс преподавания дисциплин медицинского вуза для иностранных учащихся на английском в принципе реализуется в рамках предметно-языкового интегративного подхода (CLIL), так как английский язык для них в большинстве случаев не является родным: статистика медицинских университетов свидетельствует о том, что среди иностранных учащихся в России преобладают граждане Индии, Китая, арабских и африканских стран, в которых английский язык выполняет роль Lingua franca.

В связи с успешностью организации обучения для отечественных и иностранных учащихся в рамках CLIL необходимо еще раз подчеркнуть ключевую роль в современном медицинском образовании дисциплины «Иностранный язык» и ассоциируемых на содержательном и методическом уровнях дисциплин, так как очевидно, что без достаточного уровня иноязычной компетенции невозможно достичь планируемых в аспекте интернационализации результатов обучения.

Тем не менее ФГОС для специальности «Лечебное дело» отводит базовой дисциплине «Иностранный язык», обладающей ключевым учебным потенциалом для достижения результатов обучения, которые позволили бы реализовать ОПОП в аспекте интернационализации, только 180 академических часов (96 – аудиторная работа, 48 – самостоятельная работа, 36 – экзамен). При этом далеко не все медицинские вузы включают в учебный план и реализуют в учебном процессе дисциплины, модули и курсы, ассоциируемые с методическим и содержательным наполнением предмета «Иностранный язык», и ограничиваются только 180 академическими часами. Такие возможные трансформации дисциплины, как курсы межкультурной коммуникации, культуры профессионального общения на иностранном языке и т.п., многими медицинскими вузами не учитываются в процессе реализации ОПОП для отечественных и иностранных студентов.

Еще одним эффективным методом решения всех трех определенных нами противоречий является адаптирование отечественной системой медицинского образования успешных мировых педагогических практик формирования профессиональных компетенций. Термин «адаптирование» является ключевым для подготовки будущего специалиста в медицинской сфере, поскольку межкультурные различия стран, профессионального общения требуют не прямого заимствования, а, скорее, интеграции в систему образования с учетом данных различий. Позитивным примером адаптирования европейской практики оценки практических навыков является введение в первичную аккредитацию будущего врача коммуникативной станции в 2017 году на основе европейского экзамена OSCE. Но даже в этом успешном опыте есть существенный дисбаланс, нарушающий логику и преемственность в процессе подготовки к прохождению коммуникативной станции: в некоторых медицинских вузах профессиональный коммуникативный навык не развивается последовательно, поскольку коммуникативные дисциплины или модули представлены фрагментарно, а не на каждом году обучения.

Таким образом, с целью решения обсуждаемых противоречий и повышения процесса интернационализации медицинского образования в России необходимо создать интегрированную среду, которая будет гармонизировать требования заинтересованных сторон в реализации ОПОП (включая государственные документы,

регламентирующие деятельность вуза, профессиональные стандарты, ФГОСы), планирование образовательного процесса (учебный план университета, учитывающий требования интернационализации к результатам обучения в ходе преподавания и для отечественных, и для иностранных учащихся), методы реализации учебных дисциплин, а также формирующую и развивающую функцию иноязычной подготовки обучающихся по медицинским специальностям.

Несмотря на то что подобная интегрированная образовательная среда объективно еще не реализована в российских медицинских вузах, существуют успешные попытки оптимизации и интенсификации процесса интернационализации, которые будут рассмотрены далее на примере Медицинского института в составе Пензенского государственного университета (ПГУ) и Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова (СЗГМУ).

Результаты

С 2013 года ПГУ начал обучение иностранных учащихся по специальности «Лечебное дело» на иностранном языке. Языком-посредником в процессе обучения выступает английский, что потребовало введения курсов в рамках дополнительного профессионального образования для профессорско-преподавательского состава и, соответственно, спланированной и своевременной подготовки.

Повышение уровня владения английским языком также было введено в учебный процесс для студентов, поскольку граждане Индии, будучи билингвами, не являются носителями языка обучения. Сохранение дисциплины «Иностранный язык» в учебном плане на первом курсе позволило адаптировать учащихся к стилю и языку обучения в российском вузе. После окончания первого курса уровень владения английским языком постепенно совершенствуется благодаря методам CLIL в процессе овладения предметным знанием и практическими навыками. Одновременно с англоязычной подготовкой студенты начинают изучать русский язык, что продолжается на протяжении всего периода обучения в рамках вариативной части учебного плана.

Таким образом, языковые дисциплины выполняют развивающую, адаптирующую функции, формируют кросс-культурное мышление учащихся и их личностные качества (такие, как критическое мышление, толерантность, принятие чужой культуры и т.д.), которые будут способствовать успешному общению в ситуации «врач – пациент» в межкультурном профессиональном пространстве.

Отметим, что, несмотря на обучение русскому языку, в среде иностранных учащихся превалирует английский, поскольку именно он является языком-посредником в образовательном процессе. Данный факт противоречит профессиональному стандарту «Врач-лечебник (врач-терапевт участковый)», который, как упоминалось выше, не отражает трудовые функции на иностранном языке, что влечет за собой невозможность ведения полноценной профессиональной коммуникации в российской больнице и в момент прохождения практики и при трудоустройстве.

Данный недостаток был нивелирован разработчиками ОПОП по специальности «Лечебное дело» в 2016 году, которые изыскали законодательно подтвержденную возможность прохождения производственной практики в родной стране на основе заключения договора о прохождении практики с разработанной системой перезачета видов деятельности. Данное структурное решение позволило преодолеть объективные сложности несоответствия профессиональному стандарту РФ.

Другим структурным решением, оказавшим положительное влияние на привлекательность данной образовательной программы для иностранных учащихся, является адаптация государственной итоговой аттестации, оценивающей результаты обучения, к скрининг-тесту, дающему право врачебной практики в Индии.

Данное структурное решение имеет высокую степень важности в контексте успешной реализации ОПОП по медицинским специальностям на иностранном языке, поскольку в полном объеме соответствует идеологии приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»: оно, во-первых, является ярким позитивным примером адаптации российской системы образования к требованиям зарубежного рынка, повышая ее привлекательность для иностранных граждан; во-вторых, полностью снимает противоречие между привлечением иностранных учащихся к освоению программы по специальности 31.05.01 «Лечебное дело» на английском языке и требованиями к языку трудовой деятельности вышеотмеченного профессионального стандарта.

Разработчикам рассматриваемой ОПОП удалось выполнить и задачи импорта образовательных услуг посредством привлечения профессорско-преподавательского состава университета-партнера из Индии к процессу обучения иностранных учащихся. Цель данного вида академической мобильности заключается в адаптации образовательного процесса российского вуза к требованиям потенциальных работодате-

лей страны гражданства. Приглашенные преподаватели адаптируют дисциплины учебного плана (в основном, дисциплины профессионального блока) к целям и содержанию скрининг-теста, дающего право ведения врачебной практики в Индии. Таким образом, обучающиеся получают возможность овладеть знаниями и практическими навыками, актуальными для российской и родной медицинской среды.

На сегодняшний день в ПГУ по специальности «Лечебное дело» обучается около 600 человек на английском языке, что составляет 35% от общего количества иностранных учащихся в университете (около 1700 человек, обучающихся по различным ОПОП), что свидетельствует об успешном опыте интернационализации медицинского образования.

Несмотря на пример успешного решения противоречия между языком обучения, прохождения практики в больнице, с одной стороны, и требованием профессионального стандарта к выполнению трудовых функций на государственном языке РФ, с другой, посредством привлечения к участию в образовательной программе иностранных работодателей (в данном случае больниц), у многих медицинских вузов существует опыт отрицания интернационализации предлагаемых образовательных услуг и неприятия возможности прохождения практики на английском языке. Подобная позиция приводит к отказу от обучения на английском языке и ориентации иностранных учащихся на обучение на русском. Подобная ситуация произошла в СЗГМУ им. И.И. Мечникова в 2014 году, когда был закрыт набор иностранных учащихся по специальности «Лечебное дело» на английском как языке-посреднике.

В 2019 году был проведён опрос профессорско-преподавательского и административного штата СЗГМУ, целью которого было выявление объективных причин закрытия программы на английском языке. В 97% ответом было то, что студенты не могли полноценно проходить врачебную практику после третьего курса в российских больницах из-за неумения общаться на языке коллеги и пациента, что дисквалифицировало качество образования. В принципе, данную причину можно считать достаточно весомой для закрытия программы, но необходимо признать с сожалением то, что администрацией университета не было разработано конструктивного решения данной проблемы, как это было сделано в ПГУ.

Вместе с тем сегодняшняя действительность образования требует от вуза срочного наращивания темпов интернационализации к 2020 году, что заставило СЗГМУ вновь вернуться к вопросу реализации ОПОП по специальности «Лечебное дело». Рассмотрим те решения и попытки осуществить экспорт образовательных услуг, которые предпринимаются в настоящий момент в СЗГМУ.

В СЗГМУ им. И.И. Мечникова в настоящее время ведется масштабная подготовка к открытию приема иностранных учащихся на специальность «Лечебное дело» на английском языке, которая заключается в разработке ОПОП, подготовке профессорско-преподавательского состава в рамках проведения курсов дополнительного профессионального образования по совершенствованию уровня владения английским языком и адаптации успешных зарубежных практик обучения.

Адаптация зарубежной методологии к российской образовательной среде является одновременно и подготовительным этапом к экспорту образовательных услуг, и совершенствованием отечественных подходов и методов обучения, что соответствует идеологии импорта образования.

ОПОП по специальности «Лечебное дело» на русском языке функционирует как для отечественных, так и для зарубежных студентов. Целью интегрирования лучших зарубежных практик преподавания в процесс обучения в СЗГМУ выступает адаптация российских студентов к мировым системам образования, их принципам и стилям, что способствует повышению академической мобильности в рамках прохождения учебной и производственной практик в зарубежных больницах.

В период с 2017–2018 годов кафедра иностранных языков СЗГМУ реализовала проект модернизации иноязычной подготовки и ориентации дисциплины «Иностранный язык» на решение задач профессиональной коммуникации (ОПК-2, ФГОС).

С целью определения результатов обучения по модернизированной дисциплине была сформирована современная модель коммуникативной компетенции будущего врача на основе анализа требований современных работодателей и ФГОС. Данная модель включила коммуникативные умения и навыки, специфические для общения в области медицинского знания, и цифровые умения и навыки, являющиеся требованием современного рыка труда к выпускникам любого уровня образования, а также интегрировала европейский образовательный опыт в формировании коммуникативных навыков (The Calgary Cambridge Framework и The Four Habits) и была адаптирована к культуре и специфике российской профессиональной ситуации общения.

Цели дисциплины «Иностранный язык» были перефокусированы с повышения уровня владения изучаемым языком на формирование коммуникативных навыков.

В сентябре 2018 года нами была разработана система оценки коммуникативных навыков, основанная на успешном опыте европейских медицинских университетов (St. George's University of London, Jagiellonian University of Krakow, University of Leeds, Aristotle University of Thessaloniki).

Таким образом, дисциплина «Иностранный язык» в медицинском вузе создает условия для последующей масштабной интернационализации системы образования. Подчеркнем, что методологическое переосмысление принципов и результатов обучения одной дисциплины – это всего лишь начальный этап интеграции в международное образовательное пространство, но он характеризуется высокой эффективностью, поскольку знакомит российского студента с системой зарубежной образовательной деятельности. В целом опыт кафедры иностранных языков СЗГМУ им. И.И. Мечникова доказывает, что импорт образовательных систем является основой для включения вуза в процесс интернационализации и интеграции обучающегося в мировое образовательное пространство посредством единой учебной методики.

Выводы

Анализ проблемы показал, что на современном этапе существует положительный опыт интернационализации российского медицинского образования, но он не является масштабным, повсеместным и гармоничным, а также не объединяет все заинтересованные стороны образовательного процесса на уровне результатов обучения. Например, требования ФГОС, трудовые функции профессионального стандарта не всегда соответствуют установкам государственных законов и ожиданиям обучающихся и потенциальных работодателей. Существующие модели интернационализации системы образования как таковой должны послужить основой для создания единой интегрированной образовательной среды, объединяющей успешные структурные и методические решения импорта и экспорта оказания образовательных услуг, что требует тесного сотрудничества университетов не только с зарубежными партнерами, но и на отечественном пространстве с целью разработки пошаговой методики интеграции выпускника медицинского вуза любой страны мира в единый рынок труда.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.08.2019).

2. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 30.05.2017 № 6). Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.12.2019).

3. Standards for general practices. Режим доступа: https://www.racgp.org.au/download/documents/Standards/standards4thedition.pdf (дата обращения: 29.08.2019).

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 марта 2017 г. № 293н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач-лечебник (врач-терапевт участковый)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.12.2019).

5. Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Викторова А.О. Интернационализация образовательных программ как ядро внутренней интернационализации образования // Вестник ВГУ. 2017. № 4. С. 154–157.

6. Кузнецов А.Н. Как подготовка по иностранному языку в вузе способствует развитию профессиональной, социальной и учебной компетентностей студентов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 14. С. 34–44.

7. Хахалова С.А. Интернационализация медицинского образования в России // Мир науки. 2018. № 6. Т. 6. Режим доступа: https://mir-nauki.com/PDF/02PDMN618.pdf (дата обращения: 29.08.2019).

INTERNATIONALIZATION OF MEDICAL EDUCATION IN RUSSIA: CHALLENGES AND SOLUTIONS

K.Yu. Korolev, [1] ***N.G. Olkhovik***[2]

[1]Penza State University
[2]North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov

Today, internationalization of the Russian higher education is no longer an innovation, since its implementation stage should be soon completed in accordance with state documents defining the terms and formats of its realization. Comprehensive internationalization, which should include all levels of education and ways of education export/import, has not been achieved on a large scale in medical HEIs at the beginning of the academic year 2019/2020. This is due to a number of structural and methodological contradictions between the state requirements to the universities' educational activities and the expectations of all parties interested in the successful results of education. This paper investigates the specific features of these contradictions and the ways to solve them. It also considers the positive and negative experience of Russian medical HEIs in the delivery of study programs in English for foreign students. One of efficient ready solutions is to design and realize integrated educational environment for medical HEIs that will adapt educational programmes structurally to the world labour market expectations and will enrich local teaching and learning practices methodologically to improve learn-

ing outcomes. Also, once second language acquisition is widened, domestic and foreign medical students will be equipped with cross-cultural skills to develop the internationalization process in medicine.

Keywords: internationalization of medical education, import/export of education, integrated educational environment, profile of specialty, requirements of the Federal State Educational Standards, competencies, developing function of second language acquisition, learning outcomes.

УДК 378

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

© 2019 г.

А.А. Муравьева, О.Н. Олейникова, А.О. Викторова

Муравьева Анна Александровна, к.филол.н; заместитель руководителя
Национального офиса Erasmus+ в России, Москва
info@erasmusplusinrussia.ru
Олейникова Ольга Николаевна, д.пед.н.; проф.; руководитель
Национального офиса Erasmus+ в России, Москва
info@erasmusplusinrussia.ru
Викторова Анна Олеговна, администратор Национального офиса Erasmus+ в России, Москва
info@erasmusplusinrussia.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2019
Статья принята к публикации 07.11.2019

Проанализированы системные тренды развития высшего образования в мире в контексте современных вызовов. Осуществлено отнесение этих трендов к фреймам двух уровней (фреймы первого уровня соотносятся с факторами глобального развития; фреймы второго уровня – внутренние области развития высшего образования, обусловленные фреймами первого уровня). Выявлены общий консенсус относительно содержания фреймов первого уровня и диверсифицированные ответы на вызовы первого уровня в содержании фреймов второго уровня. В качестве системообразующих фреймов второго уровня выделены роль и место университетов в обществе, которые обусловлены фактором необходимости повышения привлекательности вузов в ситуации определенного обесценивания формальных дипломов, диверсификации и повышения эффективности методов обучения. Одним из ответов на этот вызов названо наращивание университетами своего предпринимательского потенциала и повышение их социокультурной роли в местном сообществе и в обществе в целом. Показано, что в ситуации серьезных и многообразных вызовов приобретает особое значение экспертный дискурс и обмен практиками, который нарастает в том числе и благодаря использованию информационных технологий. Цель исследования – проанализировать динамику развития и перспективы высшего образования, а также изменение его роли в современном обществе для подтверждения общности векторов развития систем высшего образования в мире, уточнения форм их актуализации. При проведении исследования использованы метод контент-анализа, сравнительно-аналитический метод, изучение международных докладов и публикаций, методы экспертной оценки, референтометрии, непосредственного наблюдения. Новизна исследования заключается в выявлении ряда новых вызовов для сферы высшего образования, связанных с его ролью в обеспечении устойчивого развития, с угрозами, которые несет в себе цифровизация, и в обобщении предложений экспертного сообщества по минимизации рисков. Материал статьи может быть включен в курсы и программы подготовки и повышения квалификации вузовских преподавателей и управленцев; использоваться при формировании стратегий и проектов в сфере образования, а также как стимул для проведения углубленных исследований выявленных фреймов.

Ключевые слова: высшее образование, угрозы и вызовы, цифровизация, устойчивое развитие, предпринимательские умения, привлекательность высшего образования.

Введение

Вопросы развития высшего образования стоят на повестке дня практически во всех странах мира. Они решаются в условиях постоянно усложняющихся задач мирового развития, порожденных глобализацией, технологическим развитием, урбанизацией, растущим неравенством между странами и внутри стран, угрозами для окружающей среды и в целом высокой степенью непредсказуемости событий и трендов. Совершенно естественно, что решения в каждой стране будут отвечать национальному контексту и традициям, но при этом обнаруживать системные характеристики, общие для всех и обусловленные общими особенностями мирового развития, диктуемыми глобальными трендами. В этом контексте расширяется экспертный дискурс, который поддерживается международными конференциями, ростом количества профессиональных журналов и публикаций в них, включая электронные ресурсы. Примером могут быть регулярные международные конференции «The Future of Education», посвященные продвижению лучших практик в сфере образовательных инноваций и обмену опытом использования инновационных методик. Эти конференции организуются Институтом международного образования и обучения Pixel[1].

В Европе развитие экспертного дискурса убедительно демонстрирует Болонский процесс и консолидация Европейского пространства высшего образования. Можно обоснованно предположить, что такой бум в дискурсе экспертов вызван сложностью и даже драматичностью новых вызовов, осознанием необходимости выработки проактивных решений в ответ на них.

В этом контексте приобрели популярность всевозможные форсайты и прогнозы, особенно в части востребованности профессий и специальностей в контексте различных интерпретаций видения будущего. Параллельно с этим на уровне исследователей и практиков сверху формируются более конкретные «картинки» или фреймы[2] будущего.

В общем виде эти фреймы можно условно классифицировать определенным образом, а именно для целей настоящего исследования можно выделить фреймы двух уровней. Фреймы первого уровня (или метауровня) будут относиться к внешним условиям функционирования и развития систем высшего образования в целом, а фреймы второго уровня (или мезоуровня) будут определяться отдельными областями развития высшего образования.

Таким образом, к фреймам первого уровня можно отнести рассмотрение высшего образования в контексте глобализации, угроз устойчивого развития, а также цифровизации и развития информационных и коммуникационных технологий.

Тематика, связанная с развитием высшего образования в рамках задач устойчивого развития и современных вызовов, предполагает изучение вопросов о роли образования как субъекта устойчивого развития. И на первый план выходит необходимость усиления ценностной базы и формирования новых типов поведения всех субъектов высшего образования, их проактивной адаптации к условиям цифрового общества, которое несет в себе не только блага, но и угрозы университетам.

К фреймам второго уровня можно отнести:

– взаимодействие университетов с внешней средой – роль университетов в изменяющихся условиях (под влиянием факторов фреймов первого уровня);

– обеспечение университетов кадрами;

– методическое и научное обеспечение процесса обучения.

Фреймы второго уровня могут относиться, в том числе, к формированию предпринимательских университетов, повышению социальной ответственности вузов, взаимодействию вузов с внешним окружением (местным сообществом и обществом в целом), а также к пересмотру систем подготовки педагогических кадров и совершенствованию методик обучения.

Естественно, перечисленные выше фреймы не носят исчерпывающего характера, однако, по нашему мнению, они отражают ключевые характеристики, актуальные для выполнения высшим образованием и его субъектами их роли.

Методология

Настоящее исследование опирается на зарубежные публикации по вопросам развития и будущего видения высшего образования, материалы ведущих исследователей, апробированные на международных конференциях, статьи и монографии, доклады ведущих аналитических агентств и международных организаций, участвующих в выработке глобальной политики в области образования. Дискуссии в рамках ежегодных международных конференций (например, «The Future of Education»[3], «Advances in Intelligent Systems and Computing 2012–2020»[4], «E-Education, E-Business, E-Management and E-Learning»[5]) и работы международных организаций (ООН, ОЭСР, ЮНЕСКО) демонстрируют смещение фокуса развития высшего образования под воздействием текущих вызовов (демографических, технологических, интеграционных, экологических), в том числе формирование новых требований рынка труда и изменение системы взаимодействия с потребителями услуг. Возрастающая роль электронного обучения предопределяет трансформацию образовательного пространства в целом, изменение педагогических подходов, пересмотр управленческих механизмов, формирование нового контекста предоставления образовательных услуг, тем самым формулируя необходимость в выработке новых треков развития высшего образования.

Изменение внешнего контекста и выведение на первый план проблем устойчивости и индивидуализации обучения усиливают роль студенто-центрированного подхода и гибких методов обучения, увеличение практических компонентов и развитие новых умений в условиях перехода к новому технологическому укладу, что отражено в исследованиях С. Бэкера, Т. Баррета и Д. Кэшман, У. Адама, Р. Лозано, Д. Андерсона. Инновационным методам обучения и преподавания, формированию новой образовательной среды и интегративного обучения в условиях современных вызовов посвящены работы таких исследователей, как Дж. Анис, Н. Марти, К. Барнес, Р. Маратео, Б. Булл, Н. Даббаг, Р.Копай, И. Норот, П. Пинтрич. Вопросы проблемного обучения рассмотрены в работах Э. Бат, Дж. Хоумс, Р. Дувивера и др. В

исследованиях Т. Голда, М. Рапосо, А.М. Финистерра до Пако, Дж. Вагера широко раскрывается переосмысление «предпринимательской парадигмы» развития университета и приобретения новых умений в контексте будущего социально-экономического развития.

Отбор материалов осуществлялся в соответствии с исследовательской рамкой, определенной целями настоящего исследования. Критерии отбора источников – диверсификация тематики и географии, статус авторов, актуальность с точки зрения целей настоящей статьи. В частности, осуществлялась опора на исследования, опубликованные в ведущих зарубежных изданиях в области образования (например, Journal of Management and Sustainability, European Environment, Policy Sciences, The International Journal of Management Education, Journal of Sustainability Education, International Journal of Technology and Design Education и др.).

При проведении исследования были использованы такие методы, как метод контент-анализа, сравнительно-аналитический метод, изучение международных докладов и публикаций, методы экспертной оценки, референтометрии, непосредственного наблюдения за изменениями в поведении субъектов высшего образования в ходе мониторинга проектов Эразмус+, реализуемых в России.

Результаты и обсуждение результатов

В рамках фрейма первого уровня в центре внимания продолжает оставаться парадигма устойчивого развития. Окружающая среда и развитие, как правило, интерпретируются как развитие, отвечающее потребностям сегодняшнего дня, не подставляя под удар способность будущих поколений удовлетворять свои потребности [1–3]. Устойчивость создает и поддерживает условия, при которых люди и природа могут существовать в продуктивной гармонии, позволяющей реализацию социальных, экономических и иных требований настоящего и будущего. Адекватная реакция на эти требования предполагает наличие соответствующих условий, в том числе обеспечение равного доступа к использованию природных, социальных, экономических, политических и культурных ресурсов, умеренность в потреблении этих ресурсов. Люди, ориентированные на устойчивость, более склонны к сотрудничеству и взаимопомощи, которые иногда называют «альтруистической мотивацией» [4].

В Повестке дня ООН и ЮНЕСКО в области устойчивого развития на период до 2030 г. в Цели 4 указывается «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [2].

В этой связи образование во всех его формах и форматах становится частью глобальной концепции «окружающая среда – экономика – общество» как важнейший инструмент обеспечения устойчивого развития [5].

Важность задач обеспечения устойчивого развития возрастает в последние десятилетия, что обусловлено растущей непредсказуемостью развития. Для успешного и эффективного встраивания в современный неустойчивый мир на первый план выходят ценностные факторы и понимание того, что успех определяется людьми, созданием и распространением знаний в рамках гуманистической парадигмы. И в этой связи происходит переход от классической парадигмы, основанной на понятии *homo economicus*, к парадигме на базе человеческих ценностей. Это серьезный вызов для системы высшего образования, поскольку предполагает приоритетное формирование системы ценностей в рамках гуманистической парадигмы во всех программах высшего образования.

Само понятие устойчивости предполагает его междисциплинарный и комплексный характер, что требует критического переосмысления системы образования для обеспечения ее способности создавать когнитивные инструменты и приложения, которые нужны новым поколениям для ответа на новые экологические и социально-экономические вызовы [5; 6]. В целом это представляет собой один из вызовов второго уровня для системы высшего образования, ответом на который являются междисциплинарные программы в сфере устойчивости.

Одновременно на фоне глобального дискурса относительно роли образования для обеспечения устойчивого развития все чаще звучат вопросы о том, когда нужно начинать освоение модулей по экоустойчивости в процессе обучения, как организовывать модели поведения. Интересным примером является модель экопарков, которые часто называются «парками эмоций» (Emotions Park). В Италии, например, такой экопарк был создан в рамках проекта по формированию у обучающихся эмоциональной связи с природными объектами. Разработанные модули направлены на развитие компетенций для устойчивого развития, начиная с начальной школы, с использованием таких форм, как экоигры, экокампус и экоспорт. Причем спорт используется как междисциплинарная «связка» между различными предметами (например, граждановедением, природоведением, коммуникацией).

В рамках фрейма первого уровня одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на

развитие высшего образования, является цифровизация/развитие ИКТ. Жизнь в цифровом пространстве уже принимается как данность; прочно вошел в обиход термин «Digital Natives» для обозначения людей, родившихся после цифровой революции и привыкших получать информацию через цифровые каналы[6].

Погружение в цифровой мир чревато целым рядом угроз и вызовов. К наиболее известным из них принято относить цифровое неравенство, которое уже хорошо исследовано. Менее исследованными являются угрозы превращения образовательных технологий, прежде всего информационных, из средств обучения или управления процессом обучения в самоцель. Другими словами, существует угроза того, что не мы формируем образовательную технологию, а она формирует нас.

Еще один системный вызов первого уровня связан с формированием цифрового мышления, которое требует отдельного изучения и осмысления. Здесь прежде всего видится серьезная угроза замещения критического мышления, напрямую связанного с традиционной гуманистической ценностной парадигмой, цифровым мышлением, которое в чем-то обезличено, лишено ценностных параметров и трафаретизировано. В этой связи повышается значимость ценностных основ высшего образования и возникает необходимость формирования компетенций нового качества, включая метакогнитивные компетенции, которые уравновешивали бы все негативы цифровой коммуникации и развивали нестандартное мышление [7].

Можно также предположить, что люди цифрового поколения будут принимать решения не так, как предшественники, поскольку их нейронные сети будут отличаться от нейронных сетей предыдущих поколений. И в этой связи возникает вопрос о том, какие решения они будут принимать относительно обучения в университете, а именно примут ли они традиционную модель получения квалификаций высшего образования, рассчитанную на годы (4+2, например). Она формировалась в течение 800 лет развития университетов и в известном нам формате реализуется уже 300 лет. В современных условиях молодые люди имеют возможность мгновенного доступа к информации, результатам исследований, онлайновым группам и даже различным игровым форматам представления предметной области, что для них может оказаться более привлекательным. И возникает вопрос, захотят ли они воспринять традиционную парадигму – или же нужны новые форматы и формы высшего образования [8].

В ответ на эти вызовы традиционная парадигма уже модифицируется. Наблюдается рост визуального содержания, влияния социальных сетей и цифрового знания, а также новых продуктов для преподавателей и обучающихся. Программное обеспечение типа Google Classroom, iPad-classes или же высокодифференцированные платформы обучения (например, «itslearning») дают возможность всем заинтересованным сторонам интегрироваться в совместной целенаправленной деятельности. Приобретают распространение и системы управления обучением (Learning Management Systems – LMS), то есть инструменты виртуальной обучающей среды, такие как Moodle [9]. Эта платформа часто используется как хранилище материалов программ, как среда для реализации учебной деятельности и обеспечения обратной связи от преподавателя, а также как форум взаимодействия преподавателей со студентами, что облегчает обучение и содействует накоплению информации [6; 10].

Различные формы и форматы онлайнового обучения изменяют сам характер и способы обучения и трудовой деятельности людей. При этом они могут быть эффективно использованы, только если пользователи/обучающиеся владеют стратегиями саморегулируемого обучения (которое включает в себя когнитивные, поведенческие, мотивационные и аффективные аспекты). Как показывают исследования, далеко не все обучающиеся способны эффективно осуществлять саморегулируемое обучение, поскольку не обладают необходимыми для этого умениями [11].

То есть, с одной стороны, технические инновации – это благо. А с другой – не подрывают ли они инклюзивность (в широком значении этого термина), формирование ценностной базы и трансверсальных компетенций, не будут ли они разобщать обучающихся? Не приведут ли они к вымыванию из профессии преподавателей, которые станут не нужны? Другими словами, требует разрешения противоречие между инновациями и обезличиванием – как процесса обучения, так и самих обучающихся.

На уровне фреймов второго уровня интенсифицируется дискурс относительно роли и места университетов в обществе, повышения их привлекательности и значимости присуждаемых ими дипломов и степеней.

Статус дипломов о высшем образовании уже и сейчас претерпевает изменения, формируя абрис еще одного вызова. Так, например, в США уже более 2000 самых успешных и инновационных организаций в мире готовы принять молодежь на работу без университетского диплома. Одновременно в вопросах приема на

работу возрастает роль социальных сетей – таких, как LinkedIn, Indeed, Monster, CareerBuilder. В США, например, официальный вкладыш к диплому (академическую справку), как правило, требуют только государственные структуры, органы управления образованием и юридические фирмы [12].

По данным организации The Learning House[7], в США 9 из 10 работодателей готовы нанимать работников даже без диплома колледжей. Другие ставят под сомнение диплом бакалавра, считая, что диплома колледжа вполне достаточно. Более того, компании уже готовы нанимать работников, завершивших курс онлайн-обучения, вместо традиционных программ бакалавриата. На это указывают опросы 600 руководителей служб персонала, проведенного The Learning House. По мнению Марка Шнейдера, вице-президента Американских исследовательских институтов (American Institutes for Research), необходимо вообще отказаться от степени бакалавра и переориентироваться на дипломы/сертификаты послесреднего (третичного невузовского) образования. Такая глобальная компания, как Ernst & Young, с 2015 г. заменила требования к дипломам на тесты и оценку при приеме. IBM изучает возможности поиска «нетрадиционных» талантов, то есть людей без ранее обязательной степени бакалавра [13]. Компания больше доверяет не степени/диплому, а формированию умений в рамках, например, летних и иных школ, в профессиональных колледжах либо в рамках инновационных программ самой компании, таких как программа современного образования для карьеры. По данным CBI – Конфедерации британской промышленности, 89% работодателей более ценят в работниках установки и способности, а не диплом в определенной области, а также опыт работы в иностранных компаниях [14].

Отдельным вызовом является актуальность тех компетенций, с которыми выпускники завершают обучение. Как правило, студенты заканчивают университет с расширенным набором общеобразовательных и технических знаний, в то время как умения для трудоустройства явно недостаточны [15].

Соответственно, для поддержания своей роли в обществе университеты должны предоставлять выпускников с востребованными компетенциями. В этой связи признаны наиболее эффективными методами формирования актуальных компетенций различные формы обучения на опыте, позволяющие студентам выйти из зоны комфорта [16]. И следовательно, ставится задача расширения возможностей такого обучения, включая обучение за рубежом, проектную работу, значимую для местного сообщества и/или предприятий и объединяющую субъектов из учреждений среднего, высшего и продолженного (непрерывного) образования и компании.

В рамках экспертного дискурса особо подчеркивается важность проектного метода, поскольку он способствует повышению мотивации и формированию позитивного отношения обучающихся к процессу обучения, а также проактивных гражданских качеств [14; 17]. Ожидается, что в будущем он будет обогащаться посредством использования мультимедийных технологий, инструментов искусственного интеллекта [18].

Обучение на опыте обеспечивает развитие как профессиональных, так и трансверсальных умений (универсальных/общекультурных – в нашей терминологии). Как правило, к ним относят управление временем, творчество, умение убеждать, ориентацию на инновации, активное обучение, операционный анализ, принятие решений, вынесение суждений, управление ресурсами, аналитические умения, критическое мышление, лидерство, коммуникативные умения и др.

Трансверсальные умения пересекаются с так называемыми интернациональными компетенциями, которые признаны архиважными для поддержания конкурентоспособности вузов. К ним относят личностные компетенции, социальные компетенции, межкультурные компетенции, международные академические и профессиональные компетенции [9].

Часть указанных выше умений/компетенций (умение решать проблемы и принимать решения в сложной и проблемной трудовой среде) стали объединять в категорию умений для инклюзивности в связи с расширением толкования термина «инклюзивность».

В последнее время к перечню достаточно традиционных универсальных умений начали добавлять такие качества, как упорство, смелость, сознательность, целостность, личностное отношение, умение сотрудничать, способность планировать и расставлять приоритеты и др. Иногда сюда относят любопытство, любовь к учению, а также чувство собственной значимости, активность, самоопределение, понимание долгосрочного влияния собственного выбора на последующую жизнь. При этом для успешности человека особо подчеркивается значимость целей, отсутствие которых лишает жизнь смысла и ее ценности для себя и окружающих; таким образом, увеличивается важность контекста обучения [19].

В академическом сообществе накоплены интересные решения в области формирования трансверсальных компетенций, основанные на взаимном обучении и обмене опытом [20]. Так,

например, в программу в сфере машиностроения в университете Rovira i Virgili (Италия) введен предмет «Дизайн и экспериментальный проект», который направлен на развитие «мягких умений» посредством проектного обучения на основе междисциплинарного подхода и с использованием открытых курсов Массачусетского технического университета (Massachusetts Institute of Technology) [21].

Особое значение в рамках расширения возможностей использования средств электронного обучения / онлайнового обучения, в том числе для неформального обучения и самообразования, приобретает формирование умений самоуправляемого/саморегулированного обучения [22; 23].

Умения самоуправляемого обучения включают в себя целеполагание, личностную эффективность и оценку результатов онлайн-обучения, управление временем, регулирование затрачиваемых усилий, обучение равными, поиск поддержки и помощи, социальное моделирование. Таким образом, они основаны на взаимодействии трех элементов обучения: личности, поведения и среды [15].

Развитие этих умений предполагает использование так называемого открытого подхода, который отражает природу современного мира и позволяет студентам личностно относиться к социальным контекстам, в которых используются изучаемые технологии; интегрирует проектное обучение, технические, гуманитарные, маркетинговые подходы в рамках междисциплинарных контекстов, а также возможности сетевого взаимодействия [16; 20; 24]. В этой связи на повестке дня стоят задачи создания опыта обучения, включающего в себя исследовательский компонент, создание интегративной культуры принадлежности современному миру и вовлеченности в глобальную институциональную среду, а также усиление студентоцентрированной парадигмы [25; 26].

Поскольку центральная роль в успешности ответов на вызовы принадлежит преподавателям, происходит переосмысление всей парадигмы их подготовки и профессионального развития. Эта парадигма расширяется приращением новых форматов и возможностей, предоставляемых новыми технологиями, и усилением акцента на ценностные основания [27]. В этом контексте демонстрируют свою эффективность такие сетевые форматы, как eTwinning и EU divvy.live[8].

Отдельная область, цель и вектор развития – это формирование предпринимательских умений и создание предпринимательских университетов. ЕС сформулировал «чувство инициативы и предпринимательства» как одну из ключевых компетенций для экономики знаний, разработав рамку предпринимательских компетенций. Предпринимательские умения охватывают – в единстве – такие трансверсальные и интернациональные компетенции, как автономия, творчество, способность к рефлексии и проактивность [15; 28]. Понятие предпринимательских умений включает в себя предпринимательское сознание, которое должно формироваться независимо от выбранной области профессиональной деятельности.

Потребность в таких умениях отнюдь не надуманная. В настоящее время во всем мире ощущается нехватка предпринимательских умений, даже в США. Первый раз за 30 последних лет в США количество компаний, уходящих с рынка, превышает количество новых. Опросы [19; 29] указывают на следующие причины:

– нехватка талантов (52% работодателей отмечают проблемы с поиском нужных талантливых кадров при избытке предложения рабочей силы);

– изменение характера рабочих мест.

В целом каждый третий работодатель заинтересован в работниках с предпринимательским опытом [12].

В контексте обучения предпринимательству сформировано огромное количество моделей, форматов и целевых групп. В этом задействованы учебные заведения и центры, реализуются целевые курсы, программы с компонентом обучения на опыте, обучения в процессе деятельности; элементы предпринимательства включены в программы средней школы, используются форматы электронного обучения и внеучебная деятельность. В США сформирована Сеть обучения предпринимательству (Network for Teaching Entrepreneurship – NFTE), которая работает в школах, – следовательно, учителя должны сами владеть соответствующими компетенциями. Реализуются всевозможные проекты в этой области, смысл которых заключается в создании нового продукта при наличии ограниченного объема ресурсов с использованием таких предпринимательских умений, как критическое мышление, творчество и сотрудничество [30].

В Нидерландах изучение программы молодежного предпринимательства обнаружило рост эффективности и мотивации к достижениям, склонность к риску и совершенствование умений по решению проблем у школьников уже в возрасте 11 и 12 лет [28].

В Европейском союзе поставлены задачи расширения исследований о влиянии программ обучения предпринимательству, разработки системы данных об образовании – школа и колледж – рынок труда.

Ожидает решения вопрос о том, как оценивать такие умения и само предпринимательское

сознание, как его развивать в процессе обучения. Для этих целей Сетью обучения предпринимательству[9] предложен так называемый индекс сформированности предпринимательского сознания (Entrepreneurial Mindset Index – EMI) [15; 26]. Этот индекс измеряет 8 ключевых областей, имеющих принципиальное значение для успешных предпринимателей, включая ориентацию на будущее, рациональное отношение к риску, распознавание возможностей, гибкость и адаптивность, инициативность и ориентацию на собственные силы (self-reliance), творчество и инновационность, критическое мышление и умение в области решения проблем, коммуникацию и сотрудничество. Как показывает проведенный авторами модели анализ, увеличение знаний о предпринимательстве напрямую коррелирует с развитием предпринимательского сознания [31].

Одновременно важнейшей областью развития является превращение университетов в предпринимательские университеты, ориентированные на инновации, коммерциализацию, предпринимательство и создание экономической ценности для сообщества, в котором они функционируют [30]. Классический пример – Massachusetts Institute of Technology (MIT) и его взаимодействие с предпринимательской экосистемой Большого Бостона (Greater Boston).

Приобретают популярность так называемые «ускорители» в кампусах (on-campus accelerators), конкурсы, клубы предпринимательства, предпринимательские общежития, студенческие венчурные фонды, стажировки студентов в стартапах, которые, по сути, помогают начинающим компаниям быстрее стать успешными, предоставляя наставников, консалтинг, обучение и часто – рабочие места для отобранных кандидатов.

Проводятся также конкурсы бизнес-планов, которые способствуют тому, что студенты приучаются думать за рамками аудитории и развивают междисциплинарные умения, практические умения по разработке бизнес-планов, получению доступа к венчурному финансированию и т.д.

Еще одна модель – так называемые предпринимательские и инновационные «жизненные пространства» для развития предпринимательских инициатив в рамках кампуса и местного сообщества для расширения связи студентов с местным бизнесом и предпринимателями. На этом пространстве открываются клубы предпринимательства, которые являются ресурсом взаимодействия и формирования сообщества для студентов, желающих стать предпринимателями. Эти клубы направлены на развитие финансовой грамотности и лидерских умений, коммерциализацию инновационных идей и технологий [27; 31].

Так, например, в университете Флориды создан так называемый «Зал вдохновения – «INSPIREation» Hall – первое национальное академическое предпринимательское сообщество на территории кампуса, где студенты взаимодействуют с ведущими учеными, выдающимися профессорами, представителями бизнеса. Также там создан инновационный хаб (Florida Innovation Hub). В университете Purdue сформировано Образовательное сообщество предпринимательства и инноваций (Entrepreneurship and Innovation Learning Community – ELC), объединяющее студентов, обучающихся по программе в области предпринимательства и желающих создать новые бизнесы.

Одновременно большое значение придается поощрению преподавателей, вовлеченных в предпринимательские образовательные инициативы. Так, например, в США предпринимательская деятельность включается в стаж и учитывается при приеме на работу, преподавателям предоставляются стажировки в компаниях и ресурсы для стартапов. Поскольку вузовские преподаватели ведут исследования в интересах решения задач мирового уровня, вузы поддерживают их предпринимательскую деятельность различными мерами (включая признание разработок, помощь в переносе и коммерциализации достижений, защиту авторских прав, содействие сотрудничеству и др.).

Заключение

Как показывает исследование, фреймы обоих уровней переплетены и взаимозависимы, требуют холистического (комплексного) подхода к решению актуальных задач развития университетов. Вызовы на уровне обоих фреймов требуют совместных, консолидированных усилий в рамках экспертного дискурса, обмена знаниями, опытом, удачами и неудачами.

Существование университетов как социального института в постиндустриальную эпоху в контексте углубляющегося культурного и экономического разрыва, угроз демократии, глобального потепления, радикальных изменений в природе труда и развития информационного общества во многом зависит от их привлекательности, а также от того, насколько успешно и проактивно они смогут адаптироваться к изменяющимся условиям в целом и к цифровому сознанию в частности.

Роль университетов в обществе в условиях современных угроз предполагает усиление их

системы ценностей как неотъемлемого фактора формирования умений для устойчивого развития. Университеты должны включать в свои ценностные системы стратегии развития социальной ответственности, которая создает добавленную стоимость для местного сообщества и превращает университет в источник умений и знаний, которыми он делится с окружающими, мотивируя и вдохновляя их. В этой связи стоит задача формирования у студентов эффективных стратегий в сфере социальной ответственности и способов их реализации.

Социальная ответственность непосредственно связана с гуманистической ценностной системой, которая должна усиливаться в контексте развития цифрового общества и неизбежного возникновения цифрового сознания, часто лишенного ценностных ориентиров.

Одновременно в контексте вызовов, связанных с возможным неприятием молодежью цифрового поколения традиционных форм и сроков обучения в университете, с изменениями в поведении работодателей при найме молодых работников (необязательность формальных дипломов) и с расширением потенциала неформального и спонтанного обучения, высшая школа начинает ориентировать собственное развитие на разработку новых форматов обучения, включая использование средств онлайнового и проектного обучения и иных форм обучения в процессе деятельности, направленных на обеспечение триединства личности, среды и поведения.

Такая среда формируется в рамках так называемого открытого подхода, который отражает природу современного мира и позволяет студентам личностно относиться к социальным контекстам, в которых используются изучаемые технологии.

В целом поведение лиц с цифровым мышлением – это тема серьезных исследований, которые позволят иметь основания прогнозировать сценарии развития и изменений в системе университетского образования и заблаговременно адаптироваться к ним.

В эпоху роста глобальной конкуренции университеты, создавая инновации, должны совершенствовать способность разрабатывать продукты и услуги, актуальные для рынка и экономики. В этой связи они должны усилить формирование у студентов предпринимательских умений, которые носят универсальный характер. В настоящее время доказали свою эффективность в части повышения мотивации студентов и привлекательности вузов в целом различные модели предпринимательских университетов.

Очевидна также необходимость повышения качества формирования различных категорий мягких/трансверсальных умений, которые необходимы как студентам, так и преподавателям, в том числе с точки зрения перспектив. И в центре этих умений – умения саморегулируемого обучения, необходимые для формального и неформального обучения, включая обучение в среде Moodle.

Таким образом, проблема места и роли университетов в современном мире намного шире и серьезнее, чем просто внедрение ИКТ в учебный процесс или модернизация образовательных программ. Для обучающихся важно, чтобы то, что они осваивают в университете, было им полезно для будущего развития и самореализации – как профессиональной, так и личностной.

Примечания

1. Информация об организации доступна по адресу: www.pixel-online.net.

2. Фрейм (англ. frame — кадр, рамка, каркас) — смысловая рамка, используемая для понимания чего-либо и действий в рамках этого понимания; целостность, в рамках которой люди осмысливают себя в мире. Другими словами, фрейм — устойчивая структура, когнитивное образование (знания и ожидания), а также схема репрезентации; метакоммуникативное определение ситуации, основанное на управляющих событиями принципах организации и вовлечённости в события.

3. Информация о конференции доступна по адресу https://conference.pixel-online.net/FOE/prevedition.php?id_edition=28.

4. Информация о конференции доступна по адресу https://link.springer.com/bookseries/11156.

5. Информация о конференции доступна по адресу http://www.ic4e.net/.

6. На русский язык термин «Digital Natives» переводится либо как «постмиллилениалы», что не совсем удачно, либо как «цифровые аборигены» или «цифровое поколение».

7. Основана в 2001 г. в Луисвилле для оказания помощи различным целевым группам в получении образования (https://www.learninghouse.com/).

8. Европейская платформа eTwinning была создана в 2005 г. для развития виртуальных партнерств и обменов лучшей практикой между европейскими образовательными организациями всех уровней (школа – колледж – вуз) в интересах совершенствования подготовки школьных учителей для поколения постмиллениум на основе междисциплинарных подходов, включая изучение иностранных языков с использованием цифровых технологий и формирование базовых компетенций.

Платформа EU divvy.live предназначена для развития образования, умений и компетенций различных целевых и возрастных групп для обеспечения их эффективного перехода от обучения к трудовой деятельности путем обмена опытом, знаниями и взаимного обучения.

9. Сайт организации доступен по адресу https://www.nfte.com/entrepreneurial-mindset/; http://reports.weforum.org/disrupting-unemployment/entrepreneurship-mindset-index/

Список литературы

1. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Трансформация образовательной парадигмы в условиях фор-

мирования «зеленой» экономики // Образование и наука. 2016. № 1(8). С. 23–37.

2. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года № 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/70/1https://undocs.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения: 17.06.2019).

3. Baker S. Sustainable development. 2nd ed. London: Routledge, 2016. 450 p.

4. Schultz W.P. The Structure of Environmental Concern: Concern for Self, Other People, and the Biosphere // Journal of Environmental Psychology. 2001. Vol. 21: Issue 4. P. 327–339. URL: https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0227 (дата обращения: 08.07.2019).

5. Weybrecht G. From challenge to opportunity – Management education's crucial role in sustainability and the Sustainable Development Goals – An overview and framework // The International Journal of Management Education. 2017. № 15(2). P. 84–92. URL: https:// www.researchgate.net/publication/317636360 (дата обращения: 17.05.2019).

6. Annan-Diab F., Molinari C. Interdisciplinarity: Practical approach to advancing education for sustainability and for the Sustainable Development Goals // The International Journal of Management Education. 2017. № 15(2). Part B. 73–83 (дата обращения: 12.05.2019).

7. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Недооцененная компетенция или педагогические аспекты формирования резильентности // Казанский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 16–20.

8. Jukes I. et al. Understanding the Digital Generation: Teaching and Learning in the New Digital Generation. Thousand Oaks, CA: Corwin Press, 2010. 174 p.

9. Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. Макротренды развития системы высшего образования в мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2018. № 3. С. 13–28.

10. Olmos-Migueláñez et al. Understanding mobile learning: Devices, pedagogical implications and research lines // TESI. 2013. Vol. 15(1). P. 20–42. URL: https://www.researchgate.net/publication/283047826_Understanding_mobile_learning_Devices_pedagogical_implications_and_research_lines (дата обращения: 22.06.2019).

11. Kop R., Fournier H. New dimensions to self-directed learning in an open networked learning environment // International Journal of Self-Directed Learning. 2010. № 7(2). P. 1–18.

12. Talent Shortage Survey Results. Solving the Talent Shortage. Build, Buy, Borrow and Bridge // Сайт The Manpower Group, 2018. 12 p. URL: https://go.manpowergroup.com/hubfs/TalentShortage%202018%20(Global)%20Assets/PDFs/MG_TalentShortage2018_lo%206_25_18_FINAL.pdf (дата обращения: 07.07.2019).

13. Wager J.J. The Future of the Academic Transcript – Do Employers Ask for Your Transcript? // Сайт credentialssolutions.net, 2018. URL: http://www.credentialssolutions.net/newsroom/articles/2018/06/11/the-future-of-the-academic-transcript-do-employers-ask-for-your-transcript (дата обращения: 10.07.2019).

14. Inspiring Growth. CBI/PEARSON Education and Skills Survey. Pearson UK, London, 2015. 68 p. URL: https://www.pearson.com/content/dam/corporate/global/pearson-dot-com/files/press-releases/2015/CBI-Pearson-Skills-survey-FINAL.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

15. Lowden K. Employers' perceptions of the employability skills of new graduates. University of Glasgow SCRE Centre and Edge Foundation, 2011. 42 p. URL: https://www.educationandemployers.org/wp-content/uploads/2014/06/employability_skills_as_pdf_-_final_online_version.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

16. Dabbagh N., Kitsantas A. Personal Learning Environments, social media, and self-regulated learning: A natural formula for connecting formal and informal learning // The Internet and Higher Education. 2012. № 15(1). P. 3–8.

17. Barret T., Cashman D. A Practitioner's Guide to Enquiry and Problem-Based Learning. Dublin: UCD Teaching and Learning, 2010. 55 p.

18. Bate E., Hommes J., Duvivier R., Taylor D. Problem-based learning (PBL): Getting the most out of your students – Their roles and responsibilities // In AMEE Guide. № 84. Medical Teacher. 2013. 36. P. 1–12.

19. Entrepreneurial Mindset Index. URL: https://www.ey.com/gl/en/about-us/corporate-responsibility/ey-empowering-our-people-strenghtening-our-communities-nfte (дата обращения: 11.05.2019).

20. Lee J.S., Blackwell S., Drake J., Moran K.A. Taking a Leap of Faith: Redefining Teaching and Learning in Higher Education Through Project-Based Learning // Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning. 2014. Vol. 8: Iss. 2. P. 19–34. URL: https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1426&context=ijpbl (дата обращения: 10.06.2019).

21. De la Flor S., Belmonte A., Fabregat-Sanjuan A. Improving students' engagement and performance through new e-learning tools in laboratory subjects in mechanical engineering // International Journal of Engineering Education. 2018. № 34 (4). P. 1273–1284.

22. Pintrich P.R. The role of goal orientation in self-regulated learning // Handbook of Self-Regulation / Ed. by M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner. San Diego: Academic, 2000. P. 451–502.

23. Puzziferro M. Online technologies self-efficacy and self-regulated learning as predictors of final grade and satisfaction in college-level online courses // American Journal of Distance Education. 2008. Vol. 22(2). P. 72–89.

24. Raposo M., Do Paço A. Entrepreneurship education: Relationship between education and entrepreneurial activity // Psicothema 2011. Vol. 23. № 3. P. 453–457. URL: https://www.researchgate.net/publication/51507462_Entrepreneurship_education_Relationship_between_education_and_entrepreneurial_activity (дата обращения: 10.07.2019).

25. Муравьева А.А., Олейникова О.Н., Аксенова Н.М. Многомерное пространство студентоцентрированного обучения // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 21. С. 92–99.

26. Kitsantas A., Dabbagh N. Learning to Learn with Integrative Learning Technologies: A Practical Guide for Academic Success. Charlotte, N.C.: Information Age Publishing, 2010. 178 p.

27. Dettori A., Caboni F., Giudicet E. Education and Sustainability: The Case of Emotions Park // Journal of Management and Sustainability. 2017. V. 7. № 4. P. 65–75.

28. Huber L.R., Sloof R., Van Praag M. The Effect of Early Entrepreneurship Education: Evidence from a Randomized Field Experiment: Institute for the Study of Labor, 2012. IZA DP. № 6512. 32 p. URL: http://ftp.iza.org/dp6512.pdf (дата обращения: 18.06.2019).

29. Gold T., Rodriguez S. Measuring Entrepreneurial Mindset in Youth: Learnings from NFTE's Entrepreneurial Mindset Index. 2018. 47 p. URL: http://www.nfte.com/wp-content/uploads/2017/12/NFTE-Whitepaper-Measuring-Entrepreneurial-Mindset-in-Youth-November-2018.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

30. The Innovative and Entrepreneurial University: Higher Education, Innovation & Entrepreneurship in Focus. Office of Innovation & Entrepreneurship Economic Development Administration. U.S. Department of Commerce. Washington: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. 102 p.

31. Ribeiro J., Dias A., Marques J. An Artificial Intelligence Case Based Approach to Motivational Students Assessment in (e)-learning environments // IC4E '19 Proceedings of the 10th International Conference on E-Education, E-Business, E-Management and E-Learning. ACM New York, NY, USA, 2019. P. 1–6.

KEY VECTORS OF HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT: INTERNATIONAL OUTLOOK

A.A. Muravyeva, O.N. Oleynikova, A.O. Viktorova

National Erasmus+ Office in Russia, Moscow

The article analyzes systemic trends in the development of higher education world-wide against the background of contemporary challenges. The trends are categorized by the authors as frames of two levels. The first-level frames relate to factors of global development. The 2nd level frames relate to internal areas of higher education development stemming from level 1 frames. Level 1 frames include globalization, digitalization and sustainable development goals. The authors have identified a general consensus on the content of the first level frames and diversified responses to the first level challenges in the content of the second level frames. The systemic level 2 frames comprise, among others, the role and place of universities in society, arising from the need to enhance attractiveness of universities in a situation of a certain devaluation of formal university diplomas, diversification and enhanced effectiveness of the teaching and learning methods. One of the possible responses to this challenge is for universities to increase their entrepreneurial potential and their social and cultural role in the local community and in society at large. It is shown that in a situation of serious and diverse challenges, the discourse of experts and exchange of practices are of particular importance. This exchange is greatly facilitated through the use of information technologies.

The aim is to analyze the current and future-oriented trends in the development of higher education and its changing role in contemporary society to reconfirm common development vectors and to specify forms and formats of their actualization. Methods used to perform the research comprise content analysis, the comparative-analytical method, analysis of international reports and publications, the method of expert estimates, the method of references evaluation, and the method of direct observation. The novelty lies in identifying a number of most recent challenges for higher education that are related to its role in ensuring sustainable development and to the threats brought about by digitalization, as well as in making some proposals to minimize the risks.

The material of the article can be used for formulating strategies and projects in the field of higher education, and it can also serve to perform in-depth research of the identified frames. It can also be used to inform the content of in-service and pre-service courses for university teachers.

Keywords: higher education, threats and challenges, digitalization, sustainable development, entrepreneurial skills, attractiveness of higher education.

УДК 378.2

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019 г.

Д.Е. Щипанова, В.А. Копнов

Щипанова Дина Евгеньевна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии образования и профессионального развития
Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
dina_evg@mail.ru
Копнов Виталий Анатольевич, д.т.н.; проф.; советник ректора
Российского государственного профессионально-педагогического университета, Екатеринбург
vitalij.kopnov@rsvpu.ru

Статья поступила в редакцию 30.09.2019
Статья принята к публикации 30.10.2019

Представлен анализ проблем подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре в масштабе современной системы высшего образования Российской Федерации. Обсуждаются аспекты развития системы квалификаций в области науки. Определены подходы к проектированию содержания образования, сформирована модель разработки программ повышения квалификации всех участников образовательного процесса подготовки кадров высшей квалификации. Модель содержит три компонента: анализ квалификации, разработка и апробация программ. Представлен пример подхода к анализу квалификации и формулированию результатов обучения для разработки программ повышения квалификации руководителей аспирантов. Рассмотрены перспективы масштабирования разработанных подходов на национальном и международном уровнях в контексте интернационализации образования.

Ключевые слова: высшее образование, кадры высшей квалификации, интернационализация образования, система квалификаций в сфере науки, результаты обучения, квалификация.

Введение и постановка научной проблемы

Смена технологических укладов определяет высокие темпы трансформации современного рынка образования и профессий. Участие российской науки в глобальных мировых процессах и готовность работать в тематике больших вызовов требует достаточного числа высококвалифицированных научных кадров, имеющих подготовку по актуальным направлениям развития науки и технологий. Стратегические направления государственной политики в сфере развития науки и технологий отражены в содержании Национальной технологической инициативы (НТИ) [1] и Национальном проекте «Наука» [2], одним из направлений которого является развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок. Подготовка современного исследователя высокого уровня возможна только в условиях повышения интернационализации образования. Однако в настоящее время существуют терминологические сложности в сопоставлении программ подготовки научных кадров в РФ и за рубежом (так, например, недостаточно проработано соотношение понятий «аспирант», «кандидат наук», «PhD», «доктор наук» и их соотнесение с уровнями квалификаций в РФ и за рубежом). Отметим также структурные сложности в соотношении отечественных и зарубежных программ подготовки: в РФ программы аспирантуры относятся к третьему уровню высшего образования и реализуются в соответствии с ФГОС, в некоторых странах СНГ представляют собой отдельный уровень образования, в зарубежных странах отсутствуют образовательные стандарты в данной области и разработаны практики отдельных университетов в подготовке и сопровождении аспирантов. Это затрудняет процесс интернационализации программ и мобильности аспирантов на национальном и международном уровнях, а также определяет актуальность разработки подходов, критериев и инструментов соотнесения программ подготовки кадров высшей квалификации в РФ, странах СНГ, Европы и мира.

Таблица 1

Основные показатели деятельности аспирантуры в РФ [3]

Годы	Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	Численность аспирантов (на конец года), человек	Прием в аспирантуру, человек	Выпуск из аспирантуры, человек	В том числе с защитой диссертации, человек
Всего					
2016	1359	98352	26421	25992	3730
2017	1284	93523	26081	18069	2320
Научно-исследовательские организации					
2016	733	10581	2949	2954	331
2017	670	10231	3133	2209	247
Образовательные организации высшего образования					
2016	611	87180	23281	22917	3379
2017	599	82633	22749	15753	2063

Анализ основных показателей деятельности аспирантуры в масштабе РФ, представленных в отчете Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2018 год [3], свидетельствует о снижении общей численности аспирантов, снижении числа приема и выпуска аспирантов, в том числе оканчивающих аспирантуру с защитой диссертации (табл. 1).

Проблема подготовки кадров высшей квалификации обусловлена множеством факторов: социальных, экономических, правовых, инфраструктурных, технологических и др. В настоящее время вопросу подготовки научных кадров в системе высшего образования РФ с учетом современных вызовов уделяется недостаточно внимания. Одним из основных факторов, определяющих проблемы подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре, по нашему мнению, выступает недостаточное согласование образовательных программ подготовки аспирантов с актуальными требованиями рынка труда и профессий.

Рассмотрим актуальное состояние системы подготовки научных кадров в аспирантуре. В настоящее время направления подготовки в аспирантуре соответствуют научным специальностям, требования к которым определяют паспорта научных специальностей ВАК [4]. Программы аспирантуры могут быть реализованы образовательной организацией, имеющей лицензию на право осуществления образовательной деятельности по программам аспирантуры и государственную аккредитацию программ аспирантуры. Реализация программ аспирантуры может иметь следующие нормативные основания: соответствие ФГОС аспирантуры [5]; соответствие самостоятельно установленным в образовательной организации образовательным стандартам. В этой связи также существует проблема согласования научных специальностей (в соответствии с паспортами ВАК) с направлениями подготовки, обозначенными в образовательных стандартах. Подготовка и защита кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата наук возможна также без обучения в аспирантуре в соответствии действующим законодательством [6].

Еще одним аспектом проблемы является то, что к соисканию ученой степени кандидата наук в настоящее время допускаются лица, подготовившие диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук в организации, давшей положительное заключение по данной диссертации, к которой они были прикреплены для подготовки диссертации и сдачи кандидатских экзаменов без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре [7]. Соискатель занимается только подготовкой диссертационного исследования. Он не проходит курс обучения, не получает диплом с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь», не участвует в научной и педагогической работе кафедры вуза. Прикрепление в качестве соискателя возможно только при наличии в учреждении аспирантуры по выбранной соискателем степени специальности. Это определяет также ряд трудностей для подготовки диссертации на соискание ученой степени.

Кроме того, в настоящее время внедряется новая модель научной аттестации, когда научные организации и образовательные организации высшего образования приобретают полномочия по самостоятельному присуждению ученых степеней [8; 9].

Существует также неоднозначность в преемственности, горизонтальной мобильности и траекториях развития исследователя. Подготовка исследователей на уровне бакалавриата и магистратуры может осуществляться по различным траекториям: 1) «линейная» подготовка осуществляется по единому направлению бакалавриата и магистратуры; 2) «перекрестная» подготовка осуществляется по разным направ-

лениям в бакалавриате и магистратуре. В данном случае направления бакалавриата и магистратуры могут быть не только из разных укрупненных групп специальностей и направлений (УГСН), но и из различных областей образования. Кроме того, на одно направление подготовки аспирантуры поступают выпускники магистратуры любого направления данной УГСН, других УГСН и областей образования.

Формирование компетенций исследователя происходит на всех уровнях высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура и аспирантура. Квалификация «Преподаватель. Преподаватель-исследователь» может быть получена по результатам успешного освоения образовательной программы аспирантуры. Фундаментальный характер содержания базового образования формируется в бакалавриате в рамках лекций в различных областях наук, а также освоения элементов профессиональной деятельности и основ научного исследования в процессе практических занятий и прохождения практик в организациях. Оценить исследовательские компетенции бакалавра возможно через анализ отчетов по практикам и научно-исследовательской работе (НИР), курсовых работ и выпускной квалификационной работы с элементами анализа научной информации. Дальнейшее развитие исследовательских компетенций возможно в процессе освоения программ магистратуры. На этом уровне образования студенту предоставлены более широкие возможности работать в научных коллективах, участвовать в исследовательских проектах кафедр вуза и в других организациях. Кроме того, обязательным требованием при обучении в магистратуре является публикация научных статей и участие с докладами на научных конференциях. Оценить уровень развития исследовательских компетенций возможно через анализ отчетов по практикам и НИР, научных публикаций, курсовых работ и выпускной квалификационной работы магистра, имеющей исследовательский характер. Формирование исследователя на уровне высшего образования осуществляется по программам подготовки кадров высшей квалификации (программам аспирантуры). Исследовательские компетенции развиваются в процессе подготовки аспирантом выпускной научно-квалификационной работы с возможностью последующего представления ее к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Индикаторами сформированности исследовательских компетенций аспиранта выступают подготовка и публичная защита аспирантом научного доклада по основным результатам квалификационной работы (диссертации); участие в грантовых программах; результаты сдачи кандидатских экзаменов; количество и уровень научных публикаций по материалам исследования; апробация результатов исследования на научных конференциях; результаты прохождения практик. Выпускник аспирантуры при условии успешного освоения программы и прохождения итоговой государственной аттестации получает диплом государственного образца с присвоением квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь». Таким образом, исследовательские компетенции получают формальное выражение в виде документа о квалификации.

Актуальное состояние рынка квалификаций в РФ определяет трудности дальнейшего развития ученого и исследователя как субъекта труда. Обозначим основные аспекты существующих противоречий. Во-первых, в настоящее время в РФ окончательно не принята Национальная рамка квалификаций, существует ее проект, что затрудняет широкое использование понятия квалификации и ее уровней [10]. Кроме того, Национальная рамка квалификаций РФ отличается по количеству уровней от Европейской рамки квалификаций (9 уровней в РФ, 8 – в ЕС), что снижает прозрачность и мобильность квалификаций именно в области научной деятельности, поскольку 8-й и 9-й уровни содержат указание на ученую степень и исследовательские компетенции.

Другой стороной проблемы является то, что в настоящее время в РФ процесс развития системы профессиональных квалификаций в области науки находится в начальной стадии. Область профессиональной деятельности «Наука» добавлена в Реестр Минтруда только в 2017 году и относится к области профессиональной деятельности «Образование и наука». Инициаторами процесса разработки системы профессиональных квалификаций в науке явились Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Ассоциация классических университетов. В настоящее время разработан проект профессионального стандарта научного работника [11]. Однако информированность научного и образовательного сообщества РФ в области проблем и направлений развития профессиональных квалификаций в сфере науки сегодня недостаточна; проект профстандарта научного работника практически не учитывается при разработке программ подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре.

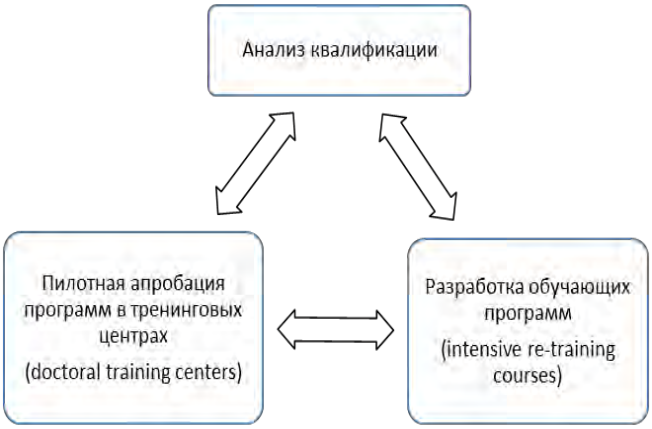


Рис. 1. Модель разработки программы

Методология и методика

Анализ проблемы в образовательном аспекте позволил нам определить следующие направления разработки образовательных программ подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре.

1. Согласование программ с основными принципами и тенденциями развития образования на мировом и европейском уровнях, решающих 4 базовые задачи в соответствии с рамкой развития европейского образования 2020 (ET 2020 framework) [12].

2. Использование актуальных педагогических подходов [13] в соответствии с представлениями о педагогике XXI века [13].

3. Согласование программ с тенденциями развития системы профессиональных квалификаций в сфере науки. В настоящее время в рамках проекта MODEST, поддержанного ERASMUS+, разрабатываются и апробируются методологические подходы, процедура и инструменты модернизации программ аспирантуры и повышения квалификации всех участников образовательного процесса подготовки кадров высшей квалификации.

4. Использование методологии и теоретических подходов к разработке результатов обучения как основного компонента образовательной программы [14–17].

Таким образом, предлагается следующая модель разработки программ повышения квалификации всех участников образовательного процесса подготовки кадров высшей квалификации (рис. 1) в контексте интернационализации образования.

Анализ квалификации проводится в два этапа.

1. Анализ документов, содержащих информацию о содержании квалификации: стандарты (образовательные, профессиональные, отраслевые и др.); результаты опроса стейкхолдеров; анализ эффективности и результативности программ подготовки кадров высшей квалификации в конкретной организации. Результатом данного этапа является определение набора актуальных знаний и навыков (Hard and Soft Skills).

2. Определение и формулирование результатов обучения (Learning outcomes) по программе.

Применение данной методологии и подходов позволяет обеспечить прозрачность программ подготовки, позволяет соотносить отечественные и зарубежные программы обучения и развивать академическую и профессиональную мобильность.

Результаты и обсуждение результатов

На основе разработанных подходов и модели рассмотрим пример анализа квалификации для разработки курсов повышения квалификации руководителей аспирантов.

Первый этап – анализ профессионального стандарта научного работника.

Проект профессионального стандарта «Научный работник (научная (научно-исследовательская) деятельность)» (Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ подготовлен Минтрудом России 05.09.2017) [11]. Наименование вида профессиональной деятельности – проведение научных исследований и разработок.

Основная цель вида профессиональной деятельности – выполнение фундаментальных научных исследований, поисковых научных исследований и прикладных научных исследований. Описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт, представлено в табл. 2.

Одна из трудовых функций научного руководителя аспирантов – трудовая функция «Развитие научных кадров высшей квалификации» (D/03.8.28.2).

Таблица 2

Функциональная карта вида трудовой деятельности [11]

Обобщенные трудовые функции		Трудовые функции	Уровень квалификации
A	Решение исследовательских задач в рамках реализации научного (научно-технического, инновационного) проекта под руководством более квалифицированного работника	Выполнение отдельных заданий в рамках решения исследовательских задач под руководством более квалифицированного работника	A/01.7.1 7.1
		Представление научных (научно-технических) результатов профессиональному сообществу	A/02.7.1 7.1
B	Самостоятельное решение исследовательских задач в рамках реализации научного (научно-технического, инновационного) проекта	Проведение исследований, направленных на решение отдельных исследовательских задач	B/01.7.27.2
		Наставничество в процессе проведения исследований	B/02.7.27.2
		Определение способов практического использования научных (научно-технических) результатов	B/03.7.27.2
C	Организация проведения исследований и (или) разработок в рамках реализации научных (научно-технических, инновационных) проектов	Решение комплекса взаимосвязанных исследовательских задач	C/01.8.18.1
		Формирование научного коллектива для решения исследовательских задач	C/02.8.18.1
		Развитие компетенций научного коллектива	C/03.8.18.1
		Экспертиза научных (научно-технических) результатов	C/04.8.18.1
		Представление научных (научно-технических) результатов потенциальным потребителям	C/05.8.18.1
D	Организация проведения исследований и (или) разработок в рамках реализации научных (научно-технических) программ с профессиональным и межпрофессиональным взаимодействием коллективов исполнителей	Обобщение научных (научно-технических) результатов, полученных коллективами исполнителей в ходе выполнения научных (научно-технических) программ	D/01.8.28.2
		Формирование коллективов исполнителей для проведения совместных исследований и разработок	D/02.8.28.2
		Развитие научных кадров высшей квалификации	**D/03.8.28.2**
		Экспертиза научных (научно-технических, инновационных) проектов	D/04.8.28.2
		Популяризация вклада научных (научно-технических) программ в развитие отраслей науки и (или) научно-технологическое развитие Российской Федерации	D/05.8.28.2
E	Организация проведения исследований и (или) разработок, выходящих за рамки основной научной (научно-технической) специализации, по новым и (или) перспективным научным направлениям с широким профессиональным и общественным взаимодействием	Обобщение научных (научно-технических) результатов, полученных ведущими научными коллективами по новым и (или) перспективным научным направлениям	E/01.99
		Формирование долгосрочных партнерских отношений и (или) консорциумов в целях развития новых и (или) перспективных научных направлений	E/02.99
		Формирование образов будущих профессий и требований к компетенциям специалистов, необходимым для развития новых направлений науки и технологии	E/03.99
		Экспертиза научных (научно-технических, инновационных) программ	E/04.99
		Популяризация возможных изменений в науке, социально-экономической системе и обществе в результате развития новых и (или) перспективных научных направлений	E/05.99

Далее определяем набор знаний и навыков руководителя аспирантов согласно профессиональному стандарту с учетом потребностей конкретной организации.

Необходимые умения:

– передавать информацию на высоком научно-методическом уровне;

– организовывать коллективную научно-исследовательскую работу;

– оценивать профессиональное развитие научных кадров высшей квалификации.

Необходимые знания:

– основы организации коллективной работы;

– научные проблемы и передовые, уникальные разработки в области научной специализации и в смежных областях;

– новейшие методы, средства и практика планирования, организации, проведения и внедрения научных исследований и (или) разработок;

– формы и способы подготовки и переподготовки работников в области научной специализации и в смежных областях.

Второй этап – формулирование результатов обучения

Результаты обучения: 1) передавать опыт планирования, организации, проведения и внедрения научных исследований и (или) разработок; 2) осуществлять научно-методическое консультирование аспирантов.

Анализ квалификации позволяет проектировать программы повышения квалификации исходя из требований профстандарта. Необходимо учитывать также потребности каждой конкретной организации и других стейкхолдеров в развитии определенных знаний и навыков всех участников процесса подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре. Формулирование результатов обучения является основой формирования содержания курсов, выбора педагогических подходов и технологий, разработки критериев оценки результатов обучения.

Апробация разработанных в соответствии с данной моделью курсов в создаваемых Doctoral training centers в рамках проекта MODEST по программе ERASMUS+ позволит впоследствии масштабировать программы и практики на национальном и международном уровнях, обеспечивать условия для развития международной мобильности аспирантов, преподавателей, руководителей.

Заключение

Таким образом, разработка программ подготовки аспирантов и повышения квалификации всех участников образовательного процесса подготовки кадров высшей квалификации с учетом выделенных нами основных направлений (согласование программ с основными принципами и тенденциями развития образования на мировом и европейском уровнях, согласование программ с тенденциями развития системы профессиональных квалификаций в сфере науки, использование методологии и теоретических подходов к разработке результатов обучения как основного компонента образовательной программы) позволит обеспечить прозрачность процесса и результата образования. Построение образовательных программ по единым критериям и алгоритмам, соответствие образовательных результатов требованию прозрачности является одним из основных факторов повышения академической и профессиональной мобильности аспирантов и всех участников процесса подготовки кадров высшей квалификации на национальном и международном уровнях в контексте повышения интернационализации образования.

Благодарности

Данная публикация поддержана Исполнительным агентством по образованию, аудиовизуальным средствам и культуре, проекты по программе Erasmus +: 574097-EPP-1-2016-1-CY-EPPKA2-CBHE-JP; 598549-EPP-1-2018-1-LV-EPPKA2-CBHE-JP.

Авторы признательны всем партнерам проектов RUECVET и MODEST за их вклад в дискуссии и апробацию предложенных процедур анализа квалификаций. Поддержка Европейской комиссией подготовки этой публикации не означает одобрения ее содержания, которая отражает точку зрения только авторов, и Комиссия не может нести ответственность за любое использование информации, содержащейся в ней.

Список литературы

1. Национальная технологическая инициатива: программа мер по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 году. URL: https://asi.ru/nti/ (дата обращения: 14.10.2019).

2. Наука: национальный проект. URL: http://static.government.ru/media/files/UraNEEbOnbjocoMLPOnnJZx4OT20Siei.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

3. Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 522 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf (дата обращения: 12.10.2019).

4. Перечень паспортов научных специальностей ВАК. URL: http://arhvak.minobrnauki.gov.ru/316 (дата обращения: 18.10.2019).

5. ФГОС ВО по направлениям аспирантуры. URL: http://fgosvo.ru/fgosvo/95/91/7 (дата обращения: 14.10.2019).

6. Положение о присуждении ученых степеней. Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.10.2019).

7. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 28 марта 2014 г. № 248 г. «О Порядке и сроке прикрепления лиц для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)». URL: http://www.base.garant.ru/70652360 (дата обращения: 21.10.2019).

8. Федеральный закон от 23.05.2016 № 148-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.10.2019).

9. Распоряжение Правительства РФ от 23.08.2017 № 1792-р (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении перечня научных организаций и образовательных организаций высшего образования, которым предоставляются права, предусмотренные абзацами вторым – четвертым пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 11.10.2019).

10. Олейникова О.Н., Муравьева А.А., Аксенова Н.М. Национальная система квалификаций: концептуальные и методические основы в контексте нерешенных проблем // Образование и наука. 2018. № 20(6). С. 70–89.

11. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Научный работник (научная (научно-исследовательская) деятельность)» (подготовлен Минтрудом России 05.09.2017). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56626475/ (дата обращения: 12.10.2019).

12. European Policy Cooperation (ET 2020 framework). URL: https://ec.europa.eu/education/policies/european-policy-cooperation/et2020-framework_en (дата обращения: 24.10.2019).

13. A Diagram Of 21st Century Pedagogy by Teach Thought Staff. URL: https://www.teachthought.com/the-future-of-learning/a-diagram-of-21st-century-pedagogy/ (дата обращения: 14.10.2019).

14. Defining, writing and applying learning outcomes: a European handbook. Cedefop. Luxembourg: Publications office of the European Union, 2017. 99 p.

15. Kennedy D. Writing and using learning outcomes: a practical guide. Cork, University College Cork. 2007. 104 p.

16. Gibbs A., Kennedy D., Vickers A. Learning outcomes, degree profiles, Tuning project and competences // Journal of the European Higher Education Area. 2012. № 15 (5). P. 71–87

17. Kennedy D., McCarthy M. Learning Outcomes in the ECTS Users' Guide 2015: Some Areas of Concern // Journal of the European Higher Education Area. 2016. № 3. URL: https://www.ehea-journal.eu/en/handbuch/gliederung/#/Beitragsdetailansicht/206/547/Learning-Outcomes-in-the-ECTS-Users-Guide-2015-Some-Areas-of-Concern (дата обращения: 14.10.2019).

MODERN APPROACHES TO THE DESIGN OF DOCTORAL STUDENTS TRAINING PROGRAMS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL EDUCATION

D.E. Shchipanova, V.A. Kopnov

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg

The paper presents an analysis of doctoral students training programmes on the scale of the modern higher education system in the Russian Federation from the point of view of qualifications. Various aspects of developing a qualification system in the field of science are discussed. Some approaches to the design of educational content are determined and a model for designing professional development programmes for all participants of the educational process is proposed. The model contains three components: qualification analysis consisting of two stages; development and testing of programmes. An example of qualification analysis application and formulation of learning outcomes required to design professional development programmes for postgraduate students' supervisors is presented. The prospects for scaling up the developed approaches at the national and international levels in the context of the internationalization of education are considered.

Keywords: higher education, doctoral students, internationalization of education, qualifications system in the field of science, learning outcomes, qualification.

Информация о журналах-партнерах

Журнал издается с 1992 года.
Периодичность – 11 номеров в год.
Распространяется в регионах России, в СНГ и за рубежом.

Главный редактор:
Сапунов Михаил Борисович

Редакция:
Тел.: (499) 976 07 46
E-mail: vovrus@inbox.ru, vovr@bk.ru
http://vovr.elpub.ru
127550, г. Москва,
ул. Прянишникова, д. 2а

Подписные индексы:
«Роспечать» – 73060, 82521
«Пресса России» – 16392, 83142

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

научно-педагогический журнал

«Высшее образование в России» – ежемесячный межрегиональный научно-педагогический журнал, публикующий результаты фундаментальных, поисковых и прикладных трансдисциплинарных исследований наличного состояния высшей школы и тенденций её развития с позиций педагогики, социологии и философии образования.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий (2018), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по следующим научным специальностям:

09.00.08 – Философия науки и техники (философские науки),
09.00.11 – Социальная философия (философские науки),
13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки),
22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки),
22.00.06 – Социология культуры (социологические науки)

Пятилетний импакт-фактор журнала (без самоцитирования) в РИНЦ составляет 1,124; показатель Science Index – 1,252.

Дорогие читатели и авторы! Призываем оформить подписку на журнал "Высшее образование в России". Светлое будущее нашего издания зависит от вас!

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (56)

2019

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 43,7. Усл. печ. л. 37.9. Тираж 100 экз. Заказ № 51.
Дата выхода в свет: 31.12.2019
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет